Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА I—XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1973

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Рукописные редакции

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1973

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили
Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ, Г. Ф. КОГАН, А. Л. ГРИГОРЬЕВ,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Редактор VII тома В. В. ВИНОГРАДОВ

Д $\frac{0731-1171}{042(02)-73}$ Подписное

ПЕРВАЯ (КРАТКАЯ) РЕДАКЦИЯ («ПОВЕСТЬ»)[1]

Черновой автограф конца 1-й — 6-й глав ($ЧА_1$)

⟨...⟩ по улицам. Как это у меня на это силы хватило![2] Силы до того быстро оставляли меня, что [3] я впадал в забытье. Вспоминая теперь в подробности всё, что происходило *там*, я вижу, что я почти забыл, не только как проходил по улицам, но даже по каким улицам. Помню только, что я воротился домой совсем с противуположной стороны.[4] Я еще помню ту минуту, когда добрался до В⟨ознесенского⟩ проспекта, а дальше уж плохо помню. Как сквозь сон, помню чей-то оклик подле меня: «Ишь нарезался». Должно быть, я был очень бледен или шатался.[5] Я опомнился, когда стал входить в ворота нашего дома. Никого не было.[6] Но я уже почти не в состоянии был бояться и брать предосторожности... Я уже и прошел было на лестницу, но вдруг вспомнил про топор. Его ведь надобно было положить назад, и это было самое важное дело, а я даже и об этом забыл, так был разбит. О боже, какие это

---

[1] Фрагменту этой первой редакции романа в записной книжке Достоевского хронологически предшествует лишь одна заметка — заготовка диалога, сделанная на той стадии обдумывания замысла, когда роман в сознании автора еще носил название «Пьяненькие» (см. об этом стр. 309). Вот текст этой заметки:

ПЬЯНЕНЬКИЕ

— Оттого мы пьем, что дела нет.
— Врешь ты, — оттого, что нравственности нет.
— Да и нравственности нет оттого — дела долго (150 лет) не было.

Общую характеристику рукописного фонда романа и принципов его публикации в настоящем издании см. на стр. 399—401, а также в разделе «Источники текста» (стр. 302—304).

[2] Как ∾ хватило! *вписано.*

[3] *Было:* что клянусь

[4] *Далее было:* Силы и память чрезвычайно быстро оставляли меня.

[5] Я еще помню ∾ шатался. *вписано между строками и на полях.*

[6] *Вместо:* Я опомнился ∾ не было. — *было:* В нашем доме в воротах я никого не встретил.

были трудности,[1] только чудом так всё сошлось, что я прошел тогда через все эти ужасы неприметно.[2] Сойдя опять [3] под ворота, я увидал, что дверь в дворницкую притворена, но не на замке. Стало быть, дворник там или где-нибудь очень недалеко на дворе. Но до того я уже потерял тогда способность рассуждать и владеть собой, что [4] прямо подошел к двери, спустился обычные три ступеньки в дворницкую и растворил дверь.[5] Что бы я сказал дворнику, если б он спросил: «Чего надо?» Я бы ничего не сказал, я бы не смог ничего ответить и тем бы и выдал себя [6] странным видом. Но дворника не было. Я вынул топор и положил его на прежнее место под скамейку, прикрыв поленом так, как лежал он прежде. Помню, как сквозь сон, что я был даже рад и доволен, когда кончил с топором.[7] Затем вышел, притворил дверь и пошел домой. Никого — ни единой души я не встретил до самой квартиры. Хозяйкина дверь была заперта. Войдя к себе, я тотчас же бросился на постель. Я не заснул, а впал в забытье или в полузабытье,[8] потому что если б в это время кто вошел в мою комнату, я бы тотчас вскочил и закричал. Клочки и отрывки мыслей так и кишели в моей голове целым вихрем. Но я ни одной не помню...[9]

Продолжаю. Наконец я сознал, что у меня лихорадка, и поворотился. Озноб. ⟨с. 43⟩

Глава 2

16 июня. Третьего дня ночью я начал [10] описывать [11] и [12] четыре часа просидел. Это будет документ...[13]

Этих [14] листов у меня никогда не отыщут.[15] Подоконная доска у меня приподымается, и этого никто не знает. Она уже давно приподымалась, и я давно уже знал. В случае нужды ее можно

---

[1] *Вместо:* трудности — *было:* мучения

[2] *Вместо:* Его ведь ∾ неприметно. — *было:* Не понимаю, как я мог хоть на одну минуту забыть об нем. [Его ведь надобно было] Он-то меня и мучил теперь. Это была последняя *теперешняя* трудность, которую надо было преодолеть.

[3] *Вместо:* Сойдя опять — *было:* Я сошел

[4] *Далее было:* я

[5] *Было:* ее

[6] *Далее было:* сво⟨им⟩

[7] Помню ∾ топором. *вписано.*

[8] *Вместо:* Я не заснул ∾ полузабытье — *было:* *а.* Я не спал, я был в забытье, и что-то *б.* Я не спал, я был в забытье, в глубоком забытье

[9] *Далее было:* Након⟨ец⟩

[10] *Вместо:* я начал — *было:* потянуло меня начать

[11] *Было:* всё это записывать

[12] *Далее было:* я

[13] *Вместо:* Это будет документ... — *было:* Пусть это будет отчет... Какой? Кому?..

[14] *Было:* Впрочем, этих

[15] *Далее было:* На этот счет я могу быть вполне безопасен.

приподнять и опять так положить, что если другой пошевелит, то и не подымет.[1] Да и в голову не придет.[2] Туда под подоконник я всё и спрятал. Я там два кирпича вынул...[3]

Сейчас входила Настасья и мне щей принесла. Днем не успела. Тихонько от хозяйки. Я поужинал и сам снес ей тарелку.[4] Настасья ничего не говорит со мной.[5] Она тоже чем-то как будто недовольна.[6]

Я остановился тогда на том, что, положив топор в дворницкую и дотащившись домой,[7] повалился на постель и лежал в забытьи. Должно быть, я так пролежал очень долго.[8] ⟨с. 45⟩

Случалось,[9] что я как будто и просыпался и в эти минуты замечал,[10] что уже давно ночь, а встать мне не приходило в голову.[11] Наконец,[12] почти очнувшись совсем, я заметил, что стало уже светло.[13] Я лежал на моем диване навзничь, еще остолбенелый от сна и от забытья. До меня смутно доносились страшные, отчаянные вопли с улицы, которые я каждую ⟨ночь⟩ слышу под моим окном в третьем часу.[14] «А вот уже из распивочных и пьяные выходят, — подумал я, — третий час», — подумал и вдруг вскочил, точно меня сорвал кто с дивана. «Как? третий час!» [15] Я сел на диване [16] — и тут всё, всё припомнил! Вдруг, в один миг,[17] всё припомнил.

Минуту спустя я бросился с дивана [18] в ужасном испуге. Холод обхватил меня.[19] Но холод был от лихорадки, которая уже давно

---

[1] *Далее было:* Ту⟨да⟩

[2] *Далее было:* Я там два

[3] *Далее было:* Если б я стал записывать десятого числа, на другой день после девятого, то ничего бы не записал, потому что в порядке ничего еще не мог припомнить. Точно кругом меня всё кружилось, и так было три дня. А теперь всё так ясно, так ясно представилось, что...

[4] *Было:* чашку

[5] *Далее было:* и, видимо, жалеет. [А о том] [Я ей всё рассказал про] [А об том никто не подозревает] [О том никто не подозревает] А в том меня никто не подозревает... Но по порядку. Потому что я хочу всё это записывать по порядку. [А впрочем, продолжаю] А впрочем, стану продолжать.

[6] Она тоже ∾ недовольна. *вписано.*

[7] *Вместо:* положив ∾ домой — *было:* придя домой

[8] *Вверху страницы помета:* N3. Надо поминутно, чтоб выскакивали среди рассказа совершенно ненужные и неожиданные мелочи. *Рядом записи: 1.* Я живу наверху; *2.* Старый был ювелир.

[9] *Было:* Часто случалось со мной

[10] *Было:* я замечал

[11] а встать ∾ в голову. *вписано.*

[12] *Было:* Вдруг слышу

[13] *Вместо:* стало уже светло — *было: а.* уже начало рассветать, хотя [впрочем] солнце и совсем почти не заходило *б.* уже опять совсем светло

[14] которые ∾ часу. *вписано.*

[15] *Вместо:* «А вот уже ∾ третий час!» — *было:* «Это из распивочных пьяные выходят, — подумал я. — Здесь это каждую ночь бывает в третьем часу. Как? стало быть, уж третий час!»

[16] *Вместо:* сел на диване — *было:* вскочил на [кро⟨вать⟩] диван

[17] Вдруг, в один миг *вписано.*

[18] *Вместо:* Минуту ∾ с дивана — *было:* Мгновение спустя я вскочил

[19] *На полях запись:* Казалось, что на огне палят.

началась со мной во сне и что я уже чувствовал...[1] Как только я встал, такой начался вдруг озноб,[2] что чуть зубы не выпрыгнули и всё-всё во мне так и заходило. Я отворил дверь и начал слушать.[3] Но всё совершенно спало у нас в доме.[4] Я с изумлением [5] оглядывал себя и всё кругом в комнате и не понимал: как это я мог не затворить дверь, когда вошел вчера,[6] на крючок и броситься на диван,[7] не только не раздевшись, но ⟨с. 46⟩ даже в шляпе, потому что она скатилась и тут же лежала на полу подле самого того места, где подушка. Если б кто зашел, что бы он подумал? Что я [8] пьян? — Но... И вдруг я бросился к окошку. Свету [9] было довольно, и я [10] стал себя оглядывать всего, всё мое платье: нет ли следов? Но так нельзя было! [11] Дрожа от озноба, я стал снимать с себя всё и опять осматривать кругом.[12] Я переворотил всё, до последней нитки, до последнего лоскутка, и, не доверяя себе, — потому что чувствовал, что никак не могу собрать всего внимания, — осматривал и перевертел в руках всё раза по три.[13] Но [14] не было ничего, никаких следов, кроме как на том месте, где панталоны внизу осеклись и висели, как бахрома. «Слава богу, слава богу!» — шептал я про себя.[15] Помню, что я очень уж обрадовался.[16] На бахроме [17] было как будто несколько [18] пятен крови. Непременно было смочено и запеклось.[19] Я схватил мой складной нож [20] и обрезал всю бахрому.[21] Больше нигде ничего не было. Тут [22] я вдруг вспомнил, что, слава богу, кошелек и все вещи, которые я вытащил из сундука, — все до сих пор у меня в кармане! Я и не подумал их вынуть и спрятать.[23] Тотчас же я стал

---

[1] и что я уже чувствовал *вписано.*

[2] *Вместо:* Как только ∾ озноб — *было: а.* Со мной такой был озноб *б.* Вдруг, как только я встал, такой начался озноб

[3] *Вместо:* Я отворил ∾ слушать. — *было: а.* Я бросился к двери и отворил ее. *б. Как в тексте. Далее:* «Точно дикий зверь», — подумалось мне.

[4] *Вместо:* спало у нас в доме. — *было:* спало. Был час третий утра.

[5] *Было:* Я с удивлением и с ужасом

[6] *Вместо:* когда вошел вчера — *было:* входя

[7] *Далее было:* даже в

[8] Что я *вписано.*

[9] *Было:* Окошко у меня маленькое, но свету

[10] *Далее было:* как сумасшедший

[11] *Вместо:* Но так нельзя было! — *было:* Нет, так нельзя.

[12] *Вместо:* снимать ∾ кругом. — *было:* сдергивать с себя платье, чтоб осмотреть его кругом.

[13] *Вместо:* Я переворотил ∾ по три. — *было: а.* [Но на] На платье не было ничего. *б.* Дрожащими руками я [рассмотрел всё] перевертел каждое место.

[14] *Далее было:* слава богу

[15] *Вместо:* шептал я про себя — *было:* говорил я сам про себя

[16] «Слава богу ∾ обрадовался. *вписано.*

[17] *Далее было:* то и

[18] *Вместо:* как будто несколько — *было:* несколько

[19] Непременно ∾ запеклось. *вписано.*

[20] *Вместо:* мой складной нож — *было: а.* ножницы *б.* нож *в.* нож перочинный

[21] *Далее было:* Но

[22] *Было:* Но осматривая паль⟨то⟩

[23] *Далее было:* Ну что, если б меня так с ними и нашли!

это всё вынимать и выбрасывать на стол.[1] Впрочем, я был тогда сам не свой от лихорадки, от головокружения.[2] Выбрав всё, даже выворотив карман, чтоб удостовериться, нет ли еще чего, я всю эту кучку снес [3] в угол, где у меня было одно такое место.[4] Тут были разодраны обои, и я стал ⟨с. 47⟩ всё пихать в эту дыру под бумагу.[5] Странно мне было самому на эту всю кучу смотреть, поскорей уж бы с глаз долой, и я рад был, что запихал это всё. «Но боже мой, — подумал я, — разве это спрятано, разве так прячут?» [6] Заметно не было, потому что угол был очень темен. Но место выбрано было дурное. У меня хоть и кружилась голова, а я это понимал.[7] Я и не рассчитывал, что вещи принесу, и потому не приготовил места. Я думал, что будут только одни деньги.[8] А деньги-то я бы как-нибудь и нашел спрятать.[9] Ясно было, что делать. «Завтра надо было всему найти место», — думал я. Точно в каком-то недоумении я сел на диван.[10] Только что я сел,[11] озноб нестерпимо затряс меня.[12] Машинально потащил [13] я подле со стула мою [14] шинель,[15] теплую, но всю в лохмотьях, накрылся ею, и сон или бред [16] меня обхватывал.

Но вдруг точно кто меня опять сдернул, я опять вскочил, сбросил с себя всё [17] и опять стал [18] перебирать мое платье. Как это я мог опять заснуть и даже не прибрать платье на место. О боже мой, и вот — так и есть! так и есть! Петлю под мышкой не снял, и забыл, и не догадался.[19] «Что ж у меня разум, что ли, ушел», — думал я.[20] Ну если б да розыск, и стали осматривать? Я сдернул петлю и, развернув, стал ее разрывать в куски [21] и

---

[1] *Далее было: а.* и странно как-то мне было [смотреть] взглянуть опять на эти вещи. *б.* Помню только, что очень было как-то странно

[2] Впрочем ∾ от головокружения. *вписано на полях.*

[3] *Вместо:* всю эту кучку снес — *было:* забрал всё и снес

[4] *Вместо:* у меня ∾ место. — *было: а.* у меня уже давно на всякий случай приготовлено было место. *б.* я приметил одно место.

[5] *Далее было начато:* Само⟨му⟩

[6] Странно мне ∾ прячут?» *вписано.*

[7] У меня хоть ∾ понимал. *вписано.*

[8] *Вместо:* Я и не рассчитывал ∾ деньги. — *было:* Я и не рассчитывал на вещи, я рассчитывал сначала только на деньги.

[9] *Вместо:* и нашел спрятать. — *было:* и иначе спрятал.

[10] «Завтра надо ∾ думал я. *вписано. Далее было:* В изнеможении я сел на диван.

[11] *Далее было:* тотчас же

[12] *Вместо:* Только что ∾ меня. — *было начато:* Скоро холод охватил

[13] *Было:* достал

[14] *Далее было:* осеннюю

[15] *Далее было начато:* которая тут

[16] или бред *вписано.*

[17] *Вместо:* Но вдруг ∾ с себя всё — *было: а.* Но вдруг я опять всё сбросил *б.* Но [волнение] забота взяла свое, и я опять всё сбросил

[18] *Вместо:* и опять стал — *было: а.* чуть *б.* опять бросился *в.* опять вскочил

[19] *Вместо:* Петлю под мышкой ∾ не догадался. — *было: а.* Петлю под мышкой я еще не снял. *б.* Я не догадался снять даже петлю под мышкой.

[20] и забыл ∾ думал я. *вписано.*

[21] *Вместо:* и, развернув, ∾ в куски — *было:* уничтожил всё до последней нитки

потом все куски бросил под кровать. Кусочки холстины [1] не могли ни в каком случае [2] подать подозрения. Я стоял среди комнаты и с напряженным вниманием, — потому что всё еще никак не мог собрать полной памяти, — стал высматривать [3] кругом на полу и везде, не забыл ли я еще чего? Тяжеле всего мне было впечатление, что меня кто-то как будто оставил,[4] что память тоже меня оставляет,[5] что хочу я собраться с мыслями и разом всё осмотреть, все предосторожности взять и всё рассчитать для своего спасения, и не могу, не умею. Как это я петлю мог пропустить, когда одежду осматривал? Нет ли еще чего? Тупо глядел я около себя, напрягая внимание. Мне пришло в голову, что, может быть, платье в крови и во многих местах, а[6] только так кажется, что нет ничего, что я так слаб, растерян и плохо соображаю, что не могу догадаться, что разум мой мешается и оставил меня. Тут я вспомнил, что на кошельке была кровь.[7] «Ба! в кармане», и радость. «Нет, значит, есть соображение».[8] Вдруг я заметил опять: нитки [9] той бахромы, которую я отрезал от панталон, так [10] и валялись на полу отрезанные и неприбранные. «Господи, как это я мог так бросить? [11] Куда это деть? Под кровать нельзя, в ⟨с. 48⟩ печку? Но там они непременно, первее всего начнут рыться и тотчас найдут».[12] В это время луч солнца осветил мой левый сапог; смотрю, на носке, который из сапога выглядывал, точно как будто знаки. Я бросился разуваться — действительно знаки крови.[13] Должно быть, я запачкал, когда сапог в ту лужу поставил.[14] Я оглядел и сапоги — на сапогах было незаметно. «Но что же, что же с этим делать, куда деваться от всех этих пятен? [15] Замыть? Нет, лучше выйти куда-нибудь и всё выбросить, выбросить... Да, лучше выбросить!» — сказал я, в изнеможении опять садясь на диван.[16] Странное уныние о том, что я не в состоя-

---

[1] *Вместо:* Кусочки холстины — *было:* В кусках она

[2] ни в каком случае *вписано.*

[3] *Было:* всматриваться

[4] *Далее было вписано:* что бог меня оставил и отнимает разум

[5] *Далее было:* и разум

[6] *Было:* но

[7] *На полях:* В кармане кровь.

[8] Тяжеле всего ∾ соображение». *вписано на полях с. 48 и 49. Внизу с. 49 вариант:* что я их не вижу, потому что мое соображение слабо, растеряно, что мой ум затемнен и повержен. Но, думая о кровяных пятнах, я вспомнил, что и на кошельке была кровь. «Ба! стало быть, и в кармане должна быть кровь, потому я сам мокрый сунул его в карман».

[9] *Было:* Вдруг я увидел нитки

[10] *Было:* Они так

[11] *Вместо:* как это я мог так бросить? — *было:* «что это со мной»,— подумал я. *На с. 53 на полях заметка:* О бахроме и о том, как я мог быть такой дурак.

[12] *Вместо:* Но там ∾ найдут». — *было:* Начнут рыться и тотчас увидят. *Далее было начато:* Куда

[13] крови *вписано.*

[14] Должно быть ∾ поставил. *вписано.*

[15] *Вместо:* от всех этих пятен — *было:* от всей этой крови

[16] *Вместо:* в изнеможении опять садясь на диван. — *было: а.* и вижу, что я уже опять на диване *б.* почув⟨ствовав⟩ ⟨*не закончено*⟩

нии даже вещи припрятать, придавило меня. И опять начался озноб.[1] Но тут уже я не мог встать, страшно мучаясь мыслию, что надо бы встать и опять начать делать, и осматривать, и прибирать, и прятать.[2] И долго, несколько часов, может быть, мне всё это, как в бреду,[3] мерещилось, что надобно выбросить, сходить бы куда-нибудь и всё выбросить.[4] Но я не встал. Когда я успел опять натянуть на себя шинель — не помню.[5] Проснулся ж я очень поздно от чрезвычайного стука в мою дверь. С первого раза мне показалось, что ее даже ломают. Ко мне стучатся; тут же я почувствовал, что я весь в жару, а может быть, в бреду. Я это и во сне чувствовал.[6] Стук продолжался, и я вскочил и сел.[7]

— Да отвори! Жив аль нет? [8] Чего он всё дрыхнет! — закричала Настасья. — Целый день-деньской дрыхнет, как пес. Знать, нечего делать.[9]

— А может, и дома нет, — проговорил еще голос.

«Ба! дворник. Что такое?» Я вскочил.[10]

— А крюком-то кто ж заперся? Ишь, запираться стал! Самого украдут, что ли? [11] Отвори, голова,[12] проснись! ⟨с. 49⟩

«Господи, и когда ж бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?» [13]

---

[1] Странное уныние ∾ озноб. *вписано.*

[2] *Вместо:* Но тут уже ∾ прятать. — *было: а.* Но я не встал выбросить. *б.* Но я не встал, а потянул опять на себя шинель.

[3] это, как в бреду *вписано.*

[4] *Далее было: а.* Много, много прошло времени. *б.* Потом я как будто забылся. *в.* Наконец я совершенно забылся. *г.* Сколько прошло ⟨*не закончено*⟩

[5] Но я ∾ не помню. *вписано. Вместо:* Когда я ∾ не помню. — *было: а.* Когда я натянул на себя опять шинель — не помню; но проснулся я уже закутанный шинелью. *б.* Когда я успел этот раз натянуть на себя шинель — не помню. *в.* Я натянул опять шинель — но когда, я уж и не помню.

[6] *Вместо:* Проснулся ж я ∾ чувствовал. — *было: а.* Вдруг слышу, что ко мне стучатся, но я лежал весь в жару и, может быть, в бреду, и давно уже знал, что я в жару. *б.* Проснулся ж я на [другой день] очень поздно от чрезвычайного стука в мою дверь. С первого раза мне показалось, что ее даже ломают. Ко мне стучатся. [Когда я стал приходить] Тут же я почувствовал, что я весь в жару и, может быть, в бреду, и давно уже знал почему-то и сознавал, что я в жару, хотя и был в забытье.

[7] *Вместо:* и я вскочил и сел. — *было:* и вдруг я опять всё припомнил, и страшный испуг овладел мною.

[8] *Вместо:* аль нет? — *было:* ты, что ли?

[9] Целый день ∾ делать. *вписано.*

[10] *Вместо:* проговорил ∾ Я вскочил. — *было:* сказал дворник.

[11] *Вместо:* Ишь, запираться ∾ что ли? — *было:* Эх, ты...

[12] *Было:* говорят

[13] *Вместо:* «Господи ∾ дворник?» — *было: а.* Я приподнялся и старался хоть что-нибудь понять. «Эти два голоса. Зачем два? И когда бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?» *б.* Я приподнялся и старался хоть что-нибудь сообразить, хоть за что-нибудь ухватиться, помощь найти. «Чего им надо?» Вдруг меня точно пронзило: «Господи, зачем они, и когда бывало, чтоб Настасья будила меня, и зачем дворник?» [Зачем меня им надо? Господи!] «Когда ж ко мне ходил дворник?» — думал я в ужасе. «Это они! Они! О господи! что такое! Знать...»

Я привстал, нагнулся вперед и[1] снял сам крюк.[2] Вся моя комната была в три шага, и можно было[3] с постели же снять крюк.[4] Так и есть: стоят дворник и Настасья. Настасья как-то странно меня оглядывает. Я с вызывающим и отчаянным видом, хотя бессмысленно от сна и бреда, взглянул на дворника.[5] Он молча протянул мне серую сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом.[6]

— Из полиции повестка, из квартала, — проговорил дворник. — Зовут к квартальному.[7]

— В полицию? — проговорил я. — Зачем?[8]

— А я почем знаю. Требуют, и иди.[9] — Он странно посмотрел на меня, потом посмотрелся кругом[10] и повернулся уходить.

— Да никак ты болен? — сказала вдруг Настасья, не спускавшая с меня глаза. Дворник на минутку тоже обернул голову.[11] — Ишь ведь, весь в жару.

Я не отвечал и держал в руках бумагу, не распечатывая.

— Ишь ведь... — повторила[12] Настасья. — Да уж не вставай, — прибавила она, увидя, что я спускал с дивана ноги.[13] Коли ⟨с. 50⟩ болен, так и не ходи... Что у те в руках-то?

Смотрю, у меня в руках отрезанные куски бахромы, и вчерашний носок, и лоскуты петли так и остались в руке.[14] Я так и спал с ними. Потом уже, размышляя об этом, я вспомнил, что, и полупросыпаясь в жару, крепко-накрепко стискивал это в руке[15] и опять засыпал.

— Ишь, лохмотьев каких набрал, спит как с кладом. — И Настасья закатилась смехом, она была очень смешлива.[16]

Я тотчас же сунул всё это под шинель и пристально-пристально смотрел на Настасью.[17] Хоть я и ровно ничего не мог по-

---

[1] *Вместо:* нагнулся вперед и — *было:* и

[2] *Было:* крючок

[3] *Далее было:* только

[4] *Далее начато:* Вошли

[5] *Вместо:* Я с вызывающим ∾ на дворника. — *было:* Я [ни жив ни мертв] с каким-то вызывающим видом смотрел на дворника.

[6] *Далее было:* Зловещий знак.

[7] *Вместо:* — Из полиции ∾ к квартальному. — *было:* — Повестка вам. В контору, из квартала.

[8] *Вместо:* — В полицию? ∾ Зачем? — *было:* — Мне? Зачем? — спросил я, затрепетав.

[9] *Вместо:* — А я почем знаю. Требуют, и иди. — *было:* — Там [узнаете] скажут.

[10] потом посмотрелся кругом *вписано.*

[11] Дворник ∾ голову. *вписано.*

[12] *Было:* проговорила

[13] *Вместо:* Да уж не ∾ ноги. — *было: а.* Я начал спускать ноги с дивана. *б.* Да ты не вставай. *Далее как в тексте.*

[14] и лоскуты петли так и остались в руке *вписано.*

[15] *Вместо:* это в руке — *было:* их в руках

[16] Ишь, лохмотьев ∾ смешлива *вписано.*

[17] *Вместо:* Я тотчас же ∾ на Настасью — *было:* — Это... — И я тотчас же сунул всю эту дрянь под шинель *а.* Носок, — проговорил я, со страхом смотря на нее. Но она ничего *б.* и глядел, ничего не понимая на Настасью.

рядочно сообразить, но как-то почувствовал, что с человеком не так будут говорить, когда приходят брать. Но полиция! [1]

— Чаю бы выпил, хошь, што ли? Принесу. Остыл.

— Нет, я сейчас сам пойду, я пойду, — сказал я.

— Поди,[2] и с лестницы не сойдешь?

— Нет,[3] пойду...[4]

— Как [5] хошь. — Она повернулась и пошла вниз.

Я схватился за носок и стал осматривать.[6] Пятно есть, — но неприметно, всё загрязнилось и еще вчера же затерлось. Настасья не приметила бы, если б даже и рассматривать стала. Машинально я распечатал принесенную бумагу и прочел.[7] Читал я долго и [8] наконец-то понял.[9] Это была обыкновенная повестка из квартала, явиться на сегодняшнее число [10] в половину десятого в контору квартального надзирателя.

У меня руки опустились. Так прошло минут пять. «Это может быть хитрость; они, может быть, хитростью хотят заманить.[11] Какое до сего времени могло быть у меня дело? — мелькнуло у меня.[12] — Однако, зачем же повестку? [13] Нет, пойду, пойду. Я сам пойду.[14] Господи!» Я было бросился на колени молиться, но вскочил и стал одеваться.[15] «Носок надеть, — подумал я, — он еще больше затрется и загрязнится, и [16] следы пропадут». Но только что я надел, я тотчас же и сдернул его.[17] ⟨с. 51⟩ Сообразив же,[18] что другого нет, взял и надел его опять.[19] Впрочем, страх пред предстоящим посещением квартала всё поглощал. Голова тоже очень кружилась и болела от жару. «Это они хитростью. Но, однако, зачем же повестка?» [20]

Тяжело мне было очень, когда я взял шляпу и вышел шатаясь на лестницу. На лестнице я вспомнил, что оставляю так вещи в обойной дыре, и остановился, но тут же такое отчаяние овла-

---

1 Хоть я и ∾ Но полиция! *вписано.*

2 *Было:* Да ты, чай

3 *Далее было вписано:* я

4 *Далее было:* повторил

5 *Было:* Ну как

6 *Было:* и осмотрел

7 *Вместо:* Настасья не приметила ∾ прочел. — *было начато:* А это... Господи! [Я распечатал] |Я бросился] И тут мне странно показалось, почему

8 *Далее было:* всё

9 Читал ∾ понял. *вписано.*

10 *Вместо:* сегодняшнее число — *было:* сегодняшний день

11 *Далее было:* и разом

12 «Это может быть ∾ у меня. *вписано. Далее было:* Но может

13 *Далее было:* Зачем они сами не пришли? — подумалось мне. — Странно, — продолжал я, — если у них есть подозрение, то ...

14 Я сам пойду. *вписано.*

15 *Вместо:* Я было ∾ одеваться. — *было:* Я стал обувать⟨ся⟩.

16 *Далее было:* тогда

17 *Далее было начато:* Стр⟨ах⟩

18 *Вместо:* Сообразив же — *было:* Но подумав

19 *Вместо:* надел его опять — *было:* надел опять тот же самый

20 «Это они ∾ повестка?» *вписано.*

дело мною, что,[1] махнув рукой, пошел далее: будь что будет. Так много всей этой тоски навалилось, а я почувствовал, что так мало способен сохранить и защитить.

«Поскорей бы всё разузнать!» — говорил я про себя.[2]

«Это [3] они видели, когда я вчера проходил мимо квартала после того. Это — хитрость!» — подумал я и вышел на улицу.[4]

Жара была страшная, духота, толкотня, известка, леса, песок, пыль, вонь из лавочек, и особенно из распивочных.[5] Кричащие разносчики и пьяные, которые поминутно попадались на улице, несмотря на утро и будний день. Солнце ярко осветило меня и всё кругом, так что глазам выносить стало [6] трудно и всё закружилось: обыкновенное ощущение лихорадочного, вышедшего на воздух на улицу.[7] Мне казалось, что голову [8] мою взорвет, как бомбу.[9] Шел я шатаясь и торопясь,[10] верно, наталкиваясь на прохожих.[11] Глубокий внутренний страх продолжал поглощать все мои ощущения. «Мне бы только поскорее узнать. Будь что будет. Если спросят — я скажу: [12] да, — думал я, — нет, я скажу: [13] нет! Нет, нет! нет!» — ходило [14] в моей голове, когда я подошел к конторе [15] и весь дрожал и замирал от ожидания.[16] ⟨с. 52⟩ [17]

Контора была от нас шагов четыреста. Я знал, где она находится,[18] но в ней никогда не бывал. Войдя под ворота, я увидел мужика, сходившего откуда-то сверху по лестнице [19] с книжкой [20] в руках. «Значит,[21] по этой лестнице и есть контора». И я стал тоже подыматься наверх. «Что придется, то и скажу.[22] Войду,

---

[1] *Было:* что я

[2] Так много ∾ про себя. *вписано.*

[3] *Было:* Или может быть

[4] *Вместо:* того. ∾ на улицу. — *было:* того, — подумал я, выходя на улицу.

[5] и особенно из распивочных. *вписано.*

[6] *Было:* было

[7] *Далее было вписано:* Я жадно всё разглядывал и старался к чему-нибудь прицепиться мыслию. Иначе мне

[8] *Было:* бедную голову

[9] Мне казалось ∾ как бомбу. *вписано.*

[10] *Было:* Я шел торопясь, шатаясь

[11] *Было:* встречных прохожих

[12] *Далее было:* что

[13] *Далее было:* что

[14] *Было:* пронеслось

[15] *Далее было: а.* Не знаю, что ⟨*не закончено*⟩ *б.* Но тут у меня опять всё сердце упало.

[16] и весь дрожал и замирал от ожидания. *вписано.*

[17] *Заметки:* Тряпка в печь. — *на полях*; Несколько шагов. — *вверху страницы.*

[18] *Вместо:* она находится — *было: а.* контора *б.* наша контора

[19] откуда-то сверху по лестнице *вписано.*

[20] *Было:* с какой-то книжкой

[21] *Далее было:* оттуда

[22] *Вместо:* «Что придется, то и скажу. — *было:* «Не знаю, что скажу», — думал я.

упаду в ноги и всё расскажу».[1] Контора только что переехала в этот дом.[2] Лестница была узенькая, грязная и вся в помоях. Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворяются на эту лестницу и стоят так почти целый день.[3] По узенькой лестнице сходили и всходили дворники с книжками под мышкой, хожалые и разный люд — мужской и женский [4] — посетители.[5] В четвертом этаже налево дверь в контору была отворена настежь, я вошел — и остановился в прихожей.[6] Тут всё стояли и ждали какие-то мужики. Духота была ужасная даже еще на лестнице, а здесь, кроме того, еще било [7] в нос непросохшей краской.[8] Но, подождав, я рассудил подвинуться еще вперед в следующую комнату. Всё крошечные были комнаты. Тут сидели и писали какие-то писцы, одетые разве немного получше моего. Я обратился к одному из них.

— Чего тебе?

Я показал повестку из квартала.

— Вы [9] студент? — спросил он, взглянув на [10] повестку.

— Студент.

Он оглядел меня с любопытством.[11]

— Ступайте там к письмоводителю, — он ткнул вперед пальцем, показывая на самую последнюю комнату.

Я вошел в эту комнату. Она была небольшая и тесная и полная *публикой* — народом, гораздо чище [12] одетым, чем в тех [13] комнатах. Были даже две дамы. Одна в трауре и бедно одетая сидела за столом против письмоводителя и что-то подписывала с его диктовки. Другая же дама, очень полная и багрово-красная, мелкими пятнами,[14] видная женщина,⟨с. 53⟩ что-то очень пышно одетая, с брошью на груди в чайное блюдечко величиною, стояла [15] в отдалении и чего-то ждала. Было еще два посетителя в довольно истасканных пальто, купец в сибирке, весь пропитанный запахом распивочной, в черном, до невероятия засаленном атласном жи-

---

[1] Войду ∾ расскажу». *вписано.*

[2] *Далее было:* на новую квартиру в четвертый этаж. Я уж это знал от Настасьи.

[3] *Вместо:* Все кухни ∾ день. — *было:* Все двери всех квартир поминутно во всех этажах отворялись на эту лестницу.

[4] мужской и женский *вписано.*

[5] *Далее было вписано:* Духота была ужасная даже еще на лестнице.

[6] *На полях заметка, относящаяся к предыдущему тексту (см. стр. 10, примеч. 11).*

[7] *Было:* несло

[8] Духота была ∾ краской. *вписано.*

[9] *Было начато:* Туда

[10] *Вместо:* взглянув на — *было:* прочтя

[11] Он оглядел меня с любопытством. *вписано. Рядом заметка, относящаяся к последующему тексту (см. стр. 18, примеч. 4).*

[12] *Было:* несколько почище

[13] *Было:* первой

[14] мелкими пятнами *вписано.*

[15] *Вместо:* что-то очень ∾ стояла — *было:* одетая даже пышно, скромно стояла

лете,[1] и какой-то иностранец, да еще кто-то, не помню,[2] не знаю. Так и сновали по всем четырем комнатам, кто приходил, кто уходил. Я [3] сунул письмоводителю мою повестку, он мельком взглянул на меня, сказал «сейчас, подождите» и продолжал заниматься с дамой. «Верно, не то», — пронеслось у меня в голове. Мало-помалу я стал всё оглядывать. Я как будто стал оживать.[4] Я долго стоял,[5] ожидая. Иное ярко до мелочи [6] поражало и занимало меня, другое совсем пропускал.[7] Письмоводитель возбуждал во мне большое и особенное внимание. Мне всё хотелось его раскусить — по лицу его что-нибудь угадать.[8] Это был молодой человек [9] лет двадцати двух, довольно счастливой наружности, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, с бесчисленными перстнями и кольцами на белых сверкавших [10] пальцах и золотыми цепями при часах, развеш⟨анными⟩ накрест, и золотом лорнете. Слова два перекинул он с иностранцем по-французски.[11] Я всеми силами вглядывался в его лицо,[12] стараясь определить, что он и что [13] у него на уме обо мне.[14] «Нет, он, верно, не про то будет говорить», — подумал я.[15]

— Луиза Ивановна, вы бы сели, — сказал письмоводитель мельком разодетой даме. Я тоже оглянулся на нее. Это была пышная, багрово-красная женщина, с брошкой в медаль величиной.[16]

— Ich danke,[17] — сказала она тихо, но с шелковым шумом опускаясь на стул и осматриваясь кругом. Я оборотился и стал ее пристально рассматривать.[18] Светло-голубое с белым кружевным убором платье, точно воздушный шар, распространилось [19]

---

[1] *Вместо:* в черном ∾ жилете — *было:* в черном атласном жилете, соверш⟨енно засаленном⟩. в сибирке ∾ жилете *вписано.*

[2] *Далее было:* дальше

[3] *Далее было:* жадно и беспо⟨койно⟩

[4] *Вместо:* «Верно, не то» ∾ оживать. — *было: а.* Я ободрился. «Если б что [серьезное] опасное — не так бы они встретили». Я стоял и с жадностию осматривался кругом, но мысли мои были очень рассеяны и ни на чем не могли совокупиться. *б.* «Что же, это, верно, не то, — пронеслось в моей голове. — Господи!» Мало-помалу [я стал] я ободрялся, мысли твердели...

[5] *Было:* слу⟨шал⟩

[6] *Вместо:* Иное ярко до мелочи — *было:* Мелочи иные

[7] Иное ярко ∾ пропускал. *вписано.*

[8] Мне всё хотелось ∾ угадать. *вписано.*

[9] *Далее было:* одетый

[10] *Было:* вымытых

[11] *Далее было:* Всё это меня ужасно занимало.

[12] *Было:* лицо письмоводителя

[13] *Было:* как

[14] *Далее было:* «Он, кажется, добрый», — подумал я.

[15] Я всеми силами ∾ подумал я. *вписано на полях. Ниже было:* N3. «А ну, как это ловят меня, — подумалось мне, — виду не показывают, а потом и цап. А что, если на квартире теперь уж обыск идет!»

[16] *Вместо:* сказал письмоводитель ∾ величиной. — *было:* сказал он мельком разодетой багрово-красной даме, которая как будто боялась присесть.

[17] Благодарю *(нем.).*

[18] и осматриваясь ∾ рассматривать. *вписано.*

[19] *Было:* облегло

кругом стула и заняло чуть не полкомнаты. Она сидела, очевидно робея того, что занимает полкомнаты, и хоть и [1] улыбаясь, но в каком-то робком ожидании. Только что она повернулась, понесло духами.

Траурная дама кончила и начала вставать. Вдруг ⟨с. 54⟩ с некоторым шумом весьма молодцевато и как-то особенно с каждым шагом повертывая плечами взошел офицер, бросил фуражку с кокардой на другой стол и сел в кресло за стол.[2] Пышная дама так и вскочила с места, завидя его, и начала приседать, но офицер не обратил на нее ни малейшего внимания, и она уже не садилась при нем.[3] Это был поручик, помощник квартального надзирателя. Он искоса и с некоторым негодованием посмотрел на меня. Слишком уж был на мне скверен костюм.[4] Да и я сам, должно быть,[5] был взъерошенный, потный, лихорадочный.

— Ты здесь зачем? [6] — крикнул он, видя, что я не стушевываюсь от его громового взгляда.

Это восклицание отчасти ободрило меня. «Значит, ничего не знают...» [7]

— Потребовали... по повестке... — отвечал я с некоторою дрожью,[8] и [9] вдруг негодованье обхватило меня. Его нахальная фигура как будто оскорбила меня, и я этому теперь сам удивляюсь. Привык еще к... [10]

— Это по делу о взыскании с них денег... с студента, — сказал ему письмоводитель. — Подите сюда, вот! — сказал он мне, подавая тетрадь и указывая место на одной бумаге, — прочтите!

— Каких бы денег? — подумал я. — Стало быть, совсем-таки не об *том*.[11]

— А в котором часу вам велено прибыть [12]? — крикнул поручик, всё еще взъедаясь на меня, потому что, кажется, был очень обидчив.[13] Вам пишут в девять, а теперь уже двенадцатый час. — Очень уж я ему не по⟨нравился⟩.[14]

— Мне прислали всего четверть часа назад, — громко [15] от-

---

[1] *Вместо:* очевидно робея ∾ хоть и — *было:* жеманясь

[2] *Вместо:* и как-то ∾ за стол. — *было:* взошел офицер, бросил фуражку и сел за стол.

[3] завидя его ∾ при нем. *вписано.*

[4] *Вместо:* был на мне скверен костюм. — *было:* было на мне скверное платье.

[5] должно быть *вписано.*

[6] *Вместо:* — Ты здесь зачем? — *было:* — Тебе здесь чего?

[7] Это восклицание ∾ не знают...» *вписано.*

[8] *Далее было:* [Он] Письмоводитель обе⟨рнулся⟩

[9] *Далее было:* негодованием за *ты*

[10] и вдруг ∾ еще к... *вписано.*

[11] Каких бы денег? ∾ не об *том*. *вписано.*

[12] *Было:* приходить

[13] *Вместо:* крикнул ∾ обидчив. — *было:* *а.* крикнул поручик *б.* крикнул поручик, всё еще взъедаясь на меня, может быть, именно потому, что я был студент и что мне нельзя говорить *ты*.

[14] Очень уж я ему не по⟨нравился⟩ *вписано.*

[15] *Было:* резко

вечал я ему. — И того довольно, что я в лихорадке пришел. Присылали бы сами раньше. Пишете в девять, а приносят в одиннадцать.

— Не извольте кричать-с, сударь!

— Это вы кричите, а я ровно говорю.[1] Извольте знать,[2] что я студент и не стерплю от вас невежливости.

Я сам не понимаю, что со мной было. Я, впрочем, никак не мог стерпеть попытку ⟨посягнуть⟩ на мои привилегии и на мое достоинство, но подозревал, что добра не будет.[3]

Поручик до того вспылил, что даже затрясся и вскочил с места.

— Извольте ма-а-алча́ть! Вы в присутствии. Не грррубиянить... суда́-а-арь!

— Да и вы в присутствии же, а вот папиросу курите.[4] ⟨с. 55⟩ [5] Стало быть, всем [6] нам манкируете, всей публике манкируете, — отвечал я.[7]

Письмоводитель, который тоже курил, с улыбкой [8] смотрел на нас. Я же весь так и дрожал от оскорбления.[9] Помощник надзирателя был видимо озадачен.

— Это не ваше дело-с, — прокричал он, конфузясь, как-то уж неестественно громко, для прикрытия конфузу.[10] — А вот извольте-ка дать отзыв, который с вас требуют.[11] Покажите ему, Алексей Иваныч, — крикнул он письмоводителю.[12] — Жалобы на вас. Денег не плотите... Ишь какой вылетел сокол ясный! [13] ⟨с. 56⟩

---

[1] *Вместо:* а я ровно говорю — *было: а.* а не я *б.* а я тихо говорю

[2] *Было:* знать-с

[3] Я сам не понимаю ∾ не будет. *вписано.*

[4] *На с. 53 на полях заметка:* Папироску курите.

[5] *На полях заметки, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 18, примеч. 12).*

[6] *Было:* вы всем

[7] *Вместо:* отвечал я. — *было:* слышите-с. *На полях:* Об убийстве.

[8] *Вместо:* Письмоводитель ∾ с улыбкой — *было:* Письмоводитель с недоумением и с улыбкой *На полях:* Письмоводитель, умелый и плутоватый малый

[9] *Вместо:* Я же ∾ от оскорбления. — *было:* Я не понимаю, как я мог так разгорячиться.

[10] как-то уж ∾ конфузу. *вписано.*

[11] *Вместо:* который с вас требуют — *было:* вот тут, то, что Алекс. ⟨*не закончено*⟩

[12] *Далее было:* [Тот] Письмоводитель, опять развернув тетрадь, указал мне рукою место. Я весь дрожал от негодования. Сам удивляюсь теперь, как я мог тогда в таком страхе еще в амбицию войти. *На полях заметка:* И дрожал. С удивлением. Старая привычка. *Вверху страницы было:* И сам удивляюсь теперь, как я мог *тогда* еще в амбицию войти. *Выше, на полях с. 55 текст:* Да, я дрожал в негодовании, и ничто не могло меня так развлечь, я даже забыл всё. *Внизу с. 55 текст:* Положим, я всё еще это говорил по старой привычке, еще ничего не поняв. Но все-таки как мог? Боже, неужели я думал, что уж могу, что уж имею право вздыхать всею грудью, и что всё уж снято с этой груди, оттого только, что концы были спрятаны.

[13] Жалобы на вас. ∾ сокол ясный! *вписано.*

Но я уже не слыхал, я с жадностию читал бумагу,[1] прочел раз, другой [2] — и не понял.

— Что ж это? — спросил [3] я письмоводителя.

— Деньги с вас, по векселю, требуют: вы должны или уплатить со всеми издержками, с пенными и проч., или дать отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из города, и не продавать, и не скрывать своего имущества.

— Да помилуйте, я никакому Бочкарову [4] не должен.

— Это уж ваше дело. А к нам представлено законное требование по векселю, протестованному, выданному вами [5] вдове коллежской асессорше Зарницыной 9 месяцев тому назад, в семьдесят пять рублей.

— Да ведь она ж моя хозяйка!

— Так что ж, что хозяйка? [6] — Письмоводитель [7] смотрел на меня с снисходительною улыбкою и сожаления, и вместе с тем некоторого торжества, как на новичка, которого только что начинают обстреливать: «Что, дескать, каково ты теперь себя чувствуешь?» [8] Но радость и бодрость вливались в мою душу и как будто растекались по всем моим жилам. Вексель не только не тревожил, но даже вряд ли обращал хоть какое-нибудь внимание. «Нет, и какое мне дело до векселя!» — несмотря на то, что он меня так удивлял, думал я.[9] Я слушал, и понимал, и отвечал машинально: не тем, не тем полна была голова. И я не солгу, если это была минута, нет, одно только мгновение бесконечного счастья.[10] Я с наслаждением — дружески — смотрел на письмоводителя. Точно всё, всё уже, все заботы ушли, и не было ничего, никогда. Это была чисто животная инстинктивная радость спасения. Я вздохнул всею грудью.[11] В эту минуту вдруг гром и молния поразили нас. ⟨с. 57⟩

---

[1] *Вместо:* Но я уже ∾ бумагу — *было: а.* [Однако я прочел] Я [прочел] взял бумагу и стал читать. *б.* Я бросил поручика и с жадностию схватил бумагу

[2] *Далее было вписано:* бумагу

[3] *Было:* сказал

[4] *Вместо:* я никакому Бочкарову — *было:* [ведь] я никому *На полях:* Бочкаров.

[5] *Вместо:* Это уж ∾ выданному вами — *было:* Да ведь вексель-то представлен протестованный, выданный вами

[6] *Далее было:* Она же и требует.

[7] *Было:* Писарь

[8] «Что, дескать, ∾ чувствуешь?» *вписано.*

[9] *Вместо:* Вексель не только ∾ думал я. — *было начато:* «Не то, не про то, стало быть, а на вексель наплевать; да и

[10] Я слушал ∾ счастья. *вписано на полях.*

[11] *Вместо:* Я с наслаждением ∾ грудью. — *было:* И так приятно, так приятно мне вдруг стало толковать с этим добрым письмоводителем и даже очень, очень захотелось мне вдруг затянуть с ним разговор, подольше, пообстоятельнее, пофамильярнее. Вся душа моя как будто распарилась от счастья и вся размягчилась. [Я] И ни о чем, ровно ни о чем в ту минуту я не заботился. Одна животная малодушная радость спасения обхватила меня. «Помилуйте,

Действительно, было нечто вроде грома и молнии.[1]

— А ты, такая-то и растакая-то тварь, — крикнул вдруг поручик, еще весь потрясенный моею непочтительностью, весь пылая,[2] очевидно срывая сердце и очевидно желая поддержать при людях свою амбицию,[3] уязвленную упреком в папиросе, — что у тебя там за дебош произошел? Опять позор — а? На всю улицу производишь! Драка, пьянство.[4] В смирительный захотела? Ведь я тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя растакая-то и растакая-то тварь, а ты опять.[5]

У меня даже выпала бумага из рук, которую мне совал письмоводитель, и я дико [6] смотрел на пышную даму, которую так бесцеремонно отделывали. Помню только, что мне доставляло это даже большое [7] удовольствие.

— Илья Петрович... — начал было письмоводитель заботливо... Но оставил выждать время, потому что запальчивого [8] поручика уж нельзя было удержать, разве за руки.[9] Пышную даму [10] так всю и передернуло сразу,[11] но — странное дело, несмотря на самые ⟨с. 56⟩ площадные ругательства, вид ее сделался вдруг необыкновенно любезным, уторопленно внимательным, и даже чем площаднее были ругательства, тем обворожительнее и любезнее становилась ее улыбка, обращенная к грозному поручику,[12] точно все эти ругательства доставляли ей как будто какое-то наслаждение.[13] Она семенила на месте и беспрерывно приседала, ожидая, что наконец и ей позволят ввернуть свое словцо.

— Никакого шума и драки у меня не было, г-н капитан, — затараторила она вдруг, точно упало откуда, с немецким акцентом, хотя и бойко говорила по-русски, — и никакого, никакого

помилуйте, войдите в мое положение», — начал я, [как актер] приготовляясь от мягкости к красноречивейшему изъяснению... *Вверху страницы записи: 1.* весь распарился *2.* Это поручик-порох

[1] *Далее было:* Но

[2] *Вместо:* — А ты, такая-то ∾ пылая — *было:* — А ты, раз-так-то и раз-так-то тебя, — крикнул он вдруг, обращаясь к пышной даме

[3] *Вместо:* свою амбицию — *было: а.* амбицию *б.* свою несколько пошатнувшуюся амбицию

[4] *Вместо:* Опять позор ∾ пьянство. — *было:* На всю улицу позор, драка, пьянство.

[5] *Вместо:* растакая-то ∾ опять. — *было: а.* так-то и пере-так-то тебя и т. д. *б.* [сукина дочь] шельма ты этакая, что не спущу, а ты в другой раз. *На полях заметки, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 22, примеч. 2).*

[6] *Было: а. Как в тексте, б.* загадочно и с недоумением.

[7] *Было:* некоторое

[8] *Было:* вспылившего

[9] Но оставил ∾ за руки. *вписано.*

[10] *Было:* Ее

[11] *Далее было:* Но, приняв необыкновенно любезный и достойный вид

[12] *Было:* г-ну поручику

[13] точно все эти ∾ наслаждение. *вписано.*

скандаль![1] Они пришли в третьем часу, г-н капитан, пьяные, г-н капитан, я это всё[2] расскажу, капитан, но я не виновата и девицы не виноваты, потому что у меня благородный дом, г-н капитан, и всегда благородное обращение,[3] и я всегда, всегда сама не хочу[4] никакой скандаль. А што они были пьяные и потом три бутилки шампанского требовали, а потом один вcталь, поднял ноги и начал по фортепьяну ногами играть, и это совсем нехорошо в благородном доме, и он весь фортепьян изломаль, и совсем, совсем тут нет никакой манер, и я сказаль.[5] А он сказаль, что он так всегда в публике концерт играль, и потом бутилку взял и стал[6] девицу сзади бутилкой толкать, изо всей силы, а меня по щеке удариль.[7] ⟨с. 58⟩ И тут как я стала дворник звать, и Карль пришель, он взяль Карль и глаз подбил, и Генриетты тоже глаз[8] подбиль, а меня опять по щеке три раза удариль. И это так не деликатно в благородном доме, г-н капитан. И я со слезами кричаль, г-н капитан.[9] А он взяль окно отвориль на канаву и началь в окно, как поросенок, визжаль,[10] и это срам. И как можно в окно на улицу, как поросенок, визжаль.[11] И это срам,[12] фуй! фуй! фуй![13] И гостю это нельзя позволять,[14] потому што и я сама, хозяйка, никогда этого не могу[15] и в моей доме, г-н капитан, поросенком в окно еще никогда не визжаль. И Карль сзади его за фрак от окна тащиль и тут, это правда, капитан, ему зейн рок[16] изорваль. И тогда он кричаль,[17] чтоб ему пятнадцать целковых штраф платиль.[18] И я сама, капитан, ему двенадцать рублей выно-

---

[1] *Вместо:* затараторила она ∾ скандаль! — *было: а. Начато:* Это вам *б.* начала она улыбаясь, — а быль скандаль, я это сама говорю *в.* начала она улыбаясь и чем дальше, тем всё больше и больше входя в одушевление

[2] *Далее было:* теперь

[3] и всегда благородное обращение *вписано.*

[4] *Вместо:* не хочу — *было:* смотрю, чтоб не было

[5] *Вместо:* всталь ∾ я сказаль. — *было:* сель и начал на фортепьян кулаками играть и это совсем не хорошо, потому что он весь фортепьян изломаль, и совсем это невежливо, и я сказаль.

[6] *Было:* начал

[7] *Вместо:* А он сказаль ∾ удариль. — *было:* А как я сказаль, он вдруг из всей силы меня по щеке удариль, а другой [пьяный] гость взяль бутилку и стал девицу бутилкой сзади толкать.

[8] *Далее было:* кулаком

[9] *Вместо:* И это так ∾ г-н капитан. — *было:* И это так неблагородно, г-н капитан, а я ничем не виновата, потому что у меня благородный дом.

[10] *Было:* кричаль

[11] *Было:* кричаль в благородном доме

[12] *Было:* срам, срам

[13] И это срам ∾ фуй! *вписано. Далее было:* И это какой же гость? Я сама, капитан, хоть и хозяйка

[14] *Далее было:* И он говориль, что [он без этого] это ему

[15] *Вместо:* што и я сама ∾ не могу — *было:* г-н офицер, я хоть и хозяйка в доме, что хочу и делаль, а

[16] *Вместо:* капитан, ему зейн рок — *было:* что ему фрак

[17] *Было:* закричаль

[18] *Вместо:* пятнадцать целковых штраф платиль — *было:* пятнадцать рублей за фрак даваль

силь.[1] И какой же это неблагородный гость, г-н капитан, когда он деньги взяль, а на самой середине, в комнате, при всех демуазель скверность сделаль. «Я, — говорит, — всегда это люблю сделать и на вас сатир пишу и в газет печатаю, потому я всё в газетах могу на всех сочиняль».[2]

— Из сочинителей, значит.[3]

— О [4] г-н капитан, и какой же это неблагородный гость, капитан, когда в благородном доме [5] при девицах на самой ⟨с. 59⟩ середине, на полу...

— Ну-ну-ну! завралась. Я те дам благородный дом.[6] Я уж тебе говорил, говорил,[7] три раза уж тебе говорил. На средине? Ну, старая, так и быть, — сказал он ей мягче.[8] — Если же еще хоть один раз у тебя будет скандал, почтеннейшая *Ловиза* Ивановна, так я тебя самое на цугундер, как в высоком слоге говорится.[9]

— Илья Петрович... — тихо позвал опять письмоводитель. Поручик быстро взглянул на него. Письмоводитель слегка кивнул ему головою.

— Дело понятное.[10] Так литератор, сочинитель двенадцать целковых за фалду взял!... Вот они сочинители! (и он метнул на меня грозно-насмешливый взгляд). Третьего дня в трактире тоже история: пообедал, а платить не хочет: [11] не то опишу, дескать, вас в сатире.[12] На пароходе тоже на прошлой неделе [13] почтенное семейство, статского советника с женою и дочерью, подлейшими словами другой обозвал. Из кондитерской одного виршеплета три дня тому назад [14] опять в толчки офицеры велели вытолкать. Вот они — сочинители, литераторы, студенты, гла-

---

[1] *Вместо:* выносиль — *было: а.* за фрак даваль *б.* за его Rock заплатпль *в.* за его Rock даваль *Далее было:* а то, говорит, все зеркала расшибу

[2] *Вместо:* «Я, — говорит ∾ сочиняль». — *было:* Я, говорит, на вас сатир напишу и в газетах печатаю, потому, дескать, я всё в газетах [описываю] могу на всех [написаль] писаль. *На полях с. 56 наброски к рассказу Ловизы Ивановны:* Цугундер, как в высоком слоге. Ну не благор⟨одный⟩. А у Генриетты глаз подбил, а третий бутилкой.

Нельзя кричать поросенком.

И я же ему за сертук 12 зильбер рубель отдал.

Я, говорит, про тебя в газетах напишу. И визжит поросенком. Я этого и сама не делаю, хоть я хозяйка дома.

[3] *Было:* Сочинитель, значит, литератор.

[4] *Было:* Да

[5] *Было:* заведении

[6] *Вместо:* благородный дом — *было:* благородное заведение

[7] *Далее было:* смотри же

[8] три раза ∾ мягче. *вписано.*

[9] *Далее было вписано:* Я те дам благородный дом.

[10] Илья Петрович ∾ понятное. *вписано на полях.*

[11] пообедал ∾ не хочет *вписано.*

[12] *Далее было:* Так и выпустили.

[13] тоже на прошлой неделе *вписано.*

[14] три дня тому назад *вписано.*

шатаи![1] Тьфу! А вы что же прежде не изволили появиться,[2] — набросился он на одного как бы мещанина[3] в сибирке[4] и в шелковой черной, замазанной жиром[5] жилетке, — а ты пошла.[6] Я те дам благородный дом.[7] На самой середине!..

Ловиза Ивановна уторопленно,[8] и с любезностью, и с достоинством, и приседая дошла до дверей. Но в дверях наскочила сзади на видного офицера[9] с открытым свежим лицом и[10] с превосходными ⟨с. 60⟩ смоляными бакенами. Это был сам Никодим Фомич,[11] квартальный надзиратель. Ловиза Ивановна поспешила присесть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, припрыгивая, полетела из присутствия.[12]

— Опять[13] грохот, опять гром и молнии! смерч, ураган! — любезно и по-дружески обратился Никодим Фомич к Александру Ильичу. — Опять растревожили сердце, опять вспылил. Еще с лестницы слышал.

— Да што! — и не што, а как-то шта![14] — проговорил Александр Ильич, переходя с какими-то бумагами к своему столу, картинно передергивая плечами — куда шаг, туда и плечо[15] — и видимо жеманясь и рисуясь. — Вот-с, извольте видеть,[16] господин сочинитель, — он указал на меня, — то бишь студент, бывший то есть студент[17] — денег не плотит, векселей надавал, квартиру не очищает, беспрерывные на них жалобы и изволил в претензию войти, что я папиросу при нем закурил. Сами п-п-подличают, а вот-с, извольте взглянуть на них: вот они в самом своем привлекательном виде.[18]

— Бедность не порок, дружище, ну да уж что, порох,[19] известно! Вы чем-нибудь, верно, обиделись и сами не удержались, — продолжал Никодим Фомич, любезно обращаясь ко мне. — Но это[20] напрасно. Это благороднейший, наи-благо-р-р-роднейший,

---

[1] *Вместо:* глашатаи! — *было:* ученый-то народ! Экие философы!
[2] *Вместо:* А вы что ∾ появиться — *было:* Ты что же, болван, прежде не приходил
[3] *Было:* мужика
[4] *Далее было начато:* а ты
[5] черной, замазанной жиром *вписано.*
[6] *Далее было:* смотри же
[7] *Вместо:* благородный дом — *было:* середину
[8] *Было:* присела на все стороны
[9] *Вместо:* наскочила ∾ офицера — *было:* столкнулась с видным офицером
[10] с открытым свежим лицом и *вписано.*
[11] Никодим Фомич *вписано.*
[12] *Вместо:* из присутствия — *было:* к вы⟨ходу⟩
[13] *Было начато:* Что
[14] и не што, а как-то шта! *вписано.*
[15] куда шаг, туда и плечо *вписано.*
[16] извольте видеть *вписано.*
[17] то есть студент *вписано.*
[18] *Далее было:* Порох
[19] *Было:* порох, порох
[20] *Далее было:* всё

я вам скажу, человек, человек развития; но порох, порох! Вспылил,[1] вскипел, сгорел — и нет! и всё прошло, и в результате — одно только золото, благородство сердца! Но благороден! благороден! [2] Его и в полку все знали: поручик-порох!

— И какой еще п-полк был! — произнес Александр Ильич, весьма довольный, что его приятно пощекотали и похвалили, и усиленно передернув плечами.[3] Я же [4] вдруг почувствовал себя в каком-то восторженно-экспансивном [5] состоянии: настроении сказать им всем что-нибудь очень приятное. ⟨с. 61⟩ [6]

— Да помилуйте, капитан, — начал я, — я готов просить даже у них извинения, если в чем... я...[7] я бедный,[8] больной студент, удрученный бедностью (я так и сказал: удрученный). Я бывший студент, потому что теперь не могу содержать себя... Но получу деньги. У меня мать и сестра в С-й губернии. Мне пришлют. И я [9] всё заплачу. У меня уроки... я найду, и всё заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась, что я уроки потерял и не плачу уже четвертый месяц, что не дает мне обедать. И не понимаю совершенно, какой это вексель. Теперь она с меня требует по векселю; что ж я ей заплачу?

— Это не наше дело, — заметил было письмоводитель.[10] — Но ведь вы ... выдали этот вексель, и, стало быть, обязались платить.[11]

— Позвольте,[12] это всё так-с, — перебил я поспешно,[13] обращаясь не к нему, а к Никодиму Фомичу и стараясь всеми силами [14] обращаться тоже и к Александру Ильичу, хотя тот [15] делал вид, что роется в бумагах и презрительно не обращает на меня внимания, — позвольте вам разъяснить, я живу у ней уже более двух лет с самого приезда из провинции и прежде... ну да, отчего ж мне не признаться в этом... с самого начала... я... я дал обещание, что женюсь на ее дочери. Я, право, не был влюблен, а так... впрочем, я не утверждаю этим, чтобы кто меня принуждал, я со-

---

1 порох! Вспылил *вписано.*

2 *Вместо:* и в результате ∾ благороден! — *было:* и одно только благородное сердце остается. Гусар, гусар, старый гусар!

3 усиленно передернув плечами. *вписано.*

4 *Далее было:* был

5 *Было:* восторженном и блаженном

6 *На полях набросок:* Мне ужасно хотелось помириться со всеми ними, и не то чтоб — одно слово.

7 я готов ∾ я *вписано.*

8 *Далее было:* и

9 *Вместо:* И я — *было:* Я заплачу, я

10 Это не наше ∾ письмоводитель. *вписано.*

11 *Вместо:* Но ведь вы ∾ платить. — *было:* Но ведь вы [сами же] [начал было письмоводитель] ... выдали этот вексель год назад — [сказал] заметил ⟨*не закончено*⟩

12 *Было начато:* Это так, но

13 *Вместо:* Позвольте, это всё ∾ поспешно — *было:* Позвольте вам разъяснить, — [сказал] продолжал я

14 *Было:* средствами

15 *Далее было: а.* рылся *б.* хоть и слушал меня, но

вершенно по своей воле... И тогда ⟨с. 62⟩ хозяйка мне делала много кредиту. Я вел не такую жизнь, я очень был легкомыслен...

— Какие подробности! — фыркнул [1] Александр Ильич... — Интимности.

— Позвольте,[2] — перебил я. — Год назад-с дочь ее умерла от тифа. Я уж говорил, я вовсе не был влюблен, а так, легкомыслен.[3] Я остался жильцом, как был, и хозяйка, как переехала на теперешнюю квартиру, сказала мне, — и сказала дружески, так сказать, со слезами, — что она совершенно во мне уверена и всё ... но что не захочу ли я дать ей вексель в 75 руб. — всего что она сочла [4] за мной долгу? [5] Позвольте-с: она именно сказала, что как только я дам этот вексель, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, никогда — это ее собственные слова были — она не воспользуется этим векселем, покамест я сам не заплачу. Говорила она это со слезами ...[6] И признаюсь вам, я был тронут и подписал, хотя признаюсь опять, я вовсе, вовсе не был так особенно влюблен в ее дочь, а так, по легкомыслию... и вот теперь, когда я уроки потерял и у меня есть нечего, она, кроме того, что перестала обед давать, потому что я за четыре месяца должен, но даже вексель подала ко взысканию. Каково это! Извините меня, это, это... Что же я теперь скажу?

— Все эти чувствительные подробности,[7] милостивый государь, [8] совершенно до нас не касаются, — презрительно прервал Алекс⟨андр⟩ Ильич, — и вы бы могли их удержать при себе, вы должны дать отзыв и [9] обязательство, а что вы там изволили быть влюблены и все эти трагические места — до этого нам совсем дела нет-с.[10]

— Ну уж ты жестоко... — пробормотал Никодим Фомич, с состраданием взглянув на меня. Впрочем, он тотчас же ⟨с. 63⟩ ушел к столу Александра Ильича, уселся и стал что-то подписывать.

— Пишите же, — сказал мне письмоводитель.[11]

— Да что же писать?

---

[1] *Вместо:* Какие подробности! — фыркнул — *было:* Но все эти подробности, — начал было *На полях близкий к третьей (окончательной) редакции текст:* С вас вовсе не спрашивают таких интимных подробностей, мил⟨остивый⟩ государь *(ср. наст. изд., т. VI, стр. 81, строки 3—4).*

[2] *Далее было вписано:* позвольте

[3] Я уж говорил ∾ легкомыслен. *вписано.*

[4] *Было:* считала

[5] *Далее было:* Позвольте

[6] *Далее было:* говорила, что я ей вечно дорог, как жених ее покойницы дочери.

[7] *Вместо:* чувствительные подробности — *было: а.* подробности *б.* интимности

[8] *Было:* сударь мой

[9] *Далее было:* приготовиться

[10] *Вместо:* и все эти ∾ нет-с — *было: а.* и проч. — [до] нам до этого дела нет *б.* и все ваши там несчастия — до этого нам и совсем дела нет-с

[11] *Далее было:* сядьте и нап⟨ишите⟩

— А[1] я вам продиктую... — Мне показалось, что он говорил со мной гораздо небрежнее и презрительнее после моей исповеди.[2]

— Да вы писать не можете, у вас перо из рук валится, — сказал письмоводитель, глядя на меня с любопытством. Да вы и в самом деле больны.[3]

— Да... голова кругом, — отвечал я, — говорите.[4]

Он стал диктовать обыкновенную подписку — т. е. заплатить не могу, обещаюсь тогда-то,[5] из города не выеду и имущества ни продавать, ни дарить не буду.

— Да у меня нет имущества.

— Да ведь это только форма.

— Как же, что же, она меня в тюрьму посадит? — спросил я, водя пером.[6]

— Может, и не посадит, — равнодушно пробормотал письмоводитель, всматриваясь в мою подпись; [7] — вы как-нибудь помиритесь,[8] ведь не сейчас.[9] Еще несколько дней будет.[10]

Но я уже не слушал,[11] я [12] бросил перо, положил оба локтя на стол и стиснул руками свою голову. Голова горела.[13] Голова так болела, точно гвоздь мне вбивали в темя, я было хотел встать, но ⟨с. 64⟩ вдруг так и замер на месте. Никодим Фомич с жаром рассказывал, и до меня долетали слова.

— Быть не может... Их должны освободить [14] немедленно. Во 1-х, всё противуречит: судите, зачем им дворника звать?

---

[1] *Было:* Да

[2] *Далее было:* И мог же я этими глупостями тогда заниматься. Но я так рад, так рад был всему этому унижению, как спасению.

[3] *Вместо:* Да вы и в самом деле больны. — *было: а.* [Да у] У вас жар. *б.* Да вы и в самом деле очень больны. *На полях позднейший набросок:* Я же не об неудаче и не о подлости ее сожалел. Другое чувство — тоска. Мне показалось, что будь они братья мои, то и тогда бы я уж не мог говорить, рассказывать, и тогда со мной было бы то же самое. *(Ср. наст. изд., т. VI, стр. 82, строки 2—12).*

[4] *Вместо:* Да... голова кругом ∾ говорите. — *было:* Голова болит и кружится, — сказал я, бросил перо, поставил локти на стол и с⟨тиснул⟩ ⟨*не закончено*⟩.

[5] *Вместо:* заплатить не могу ∾ тогда-то — *было: а.* заплатить не могу *б.* заплатить могу, ну, хоть через год

[6] *Вместо:* Как же ∾ пером. — *было:* [Что же] Как же, как же мне быть? Научите, ведь она меня в тюрьму посадит.

[7] Может ∾ подпись *вписано.*

[8] *Вместо:* вы как-нибудь помиритесь — *было:* Да вы как-нибудь помиритесь тем временем.

[9] *Далее было:* Нельзя ли

[10] *Было:* пройдет. *Далее было:* — Нельзя ли это задержать подольше?

[11] Но я уже не слушал *вписано.*

[12] *Далее было:* подписался

[13] *Вместо:* Голова горела. — *было:*
— Что [с вами], болит? — спросил письмоводитель.
— Голова болит, кружится... Но действительно

[14] *Было:* Их освободят

Если б они сделали, на себя, что ль, доносить? [1] А Повалищев так тот, прежде чем к старухе заходить, внизу у серебреника полчаса сидел и ровно без четверти восемь к старухе пошел...[2] Теперь сообразите...[3]

— Но позвольте, как же они говорят, что стучались и дверь заперта, а через три минуты, когда с дворниками пришли, — отперта.

— То-то и есть, что так, именно там *он* сидел.[4] Студент оставил Повалищева ждать [5] у дверей. Если б не ушел Повалищев торопить дворника, так бы они тут и захватили убийцу. А он ушел, и убийца именно в этот-то промежуток и успел спуститься по лестнице и прошмыгнуть как-нибудь мимо них.[6]

— Да его [7] никто не видал.

— Да где ж тут увидеть, дом Ноев ковчег, тут сто жильцов живет,[8] — заметил письмоводитель со своего места.[9] 〈с. 65〉

Я встал, покачнулся, с трудом отыскал на полу мою шляпу и [10] пошел к двери... Дальше ничего не помню.

Когда я очнулся, то увидел, что сижу на стуле, что меня поддерживает справа человек [11] в замасленной жилетке, что кто-то стоит с левой [12] стороны с маленьким желтым стаканом и с желтой теплой [13] водой в руках и что Никодим Фомич довольно заботливо глядит на меня.[14] Я привстал и покачнулся.

— Что это вы, больны? — резко, но с некоторою жалостию спросил Никодим Фомич.

— Да... — отвечал я, озираясь кругом.

---

[1] *Далее было:* А второе, студенты их видели у самых ворот с тремя приятелями, как они входили, дворники видели и у дворников тут же он о жительстве спрашивал, все три приятеля свидетельствуют, что он с ними был, в трактире.

[2] *Вместо:* к старухе пошел — *было:* ушел

[3] *Далее было:* Но позвольте

[4] *Вместо:* там *он* сидел — *было:* в это время там убийца сидел

[5] *Было:* стеречь

[6] *Вместо:* А он ушел ∾ мимо них. — *было:* А *он* именно в это-то время, как они ушли, и спустился по лестнице и прошмыгнул мимо них.

[7] *Вместо:* Да его — *было: а.* И его *б.* Да как же его

[8] *Было:* ходит

[9] *Далее было:* Ну да, прошел как-нибудь, прошмыгнул. И не это одно, а вы возьмите то обстоятельство, что по этой же лестнице квартира стояла настежь пустая, работник мазал и не запер, в распивочную [ушел] убежал как раз в эту самую секунду, может быть, с подносчиком товарищем, с тем чтоб потом воротиться запереть. Именно в это-то время, как они подымались по лестнице, убийца тут же за дверью в квартире пережидал и потом шмыг — и нет его. Дело ясное! Дело ясное! Вот ведь.

[10] *Далее было:* ни жив ни мертв

[11] *Вместо:* справа человек — *было:* один какой-то человек

[12] *Было:* др〈угой〉

[13] желтой теплой *вписано.*

[14] *Далее было начато:* Александр

— Они и[1] как[2] подписывались, так едва перо в руках держали, — заметил письмоводитель, усаживаясь на свое место и принимаясь за бумаги.

— А давно вы больны? — закричал Александр Ильич,[3] перебирая, стоя у своего стола, бумаги. Он, вероятно, меня рассматривал, когда я был в обмороке, и отошел, когда я очнулся.

— Со вчерашнего... — пробормотал я.[4] ⟨с. 66⟩

— Вчера со двора не выходили? — продолжал Александр Ильич.

— Выходил.

— А куда, позвольте спросить?

— По улице.

— Гм.

— Он[5] едва на ногах стоит, а ты... — заметил было Никодим Фомич.

— Ничего... — как-то особенно проговорил Илья Петрович. Никодим Фомич хотел было еще что-то сказать, но, взглянув на писаря, который пристально смотрел на него, замолчал.

Очень всё это странно было. ⟨с. 67⟩

— Ну-с хорошо-с, — покончил Александр Петрович. — Можете удалиться.[6]

---

[1] *Было:* и давеча

[2] *Далее было вписано:* сам⟨и⟩

[3] *Далее было:* хлопоча

[4] *Вместо:* Со вчерашнего... пробормотал я. — *было:* Вчера... — пробормотал я, — со вчерашнего дня.

[5] *Было:* Да он

[6] *Вместо:* Вчера со двора не выходили? ∾ Можете удалиться. — *было:*
— А не выходили ль вы вчера вечером со двора?
— Выходил.
— А куда, позвольте спросить?
— Так, по улице. Голова болела.
— Гм. А не знавали ль вы старуху З—ву? — спросил он вдруг, упирая на меня грозно вопросительный взгляд...
— К чему это... — заметил было письмоводитель.
— Позвольте, позвольте... Знали иль нет?
— Нет... т. е. не очень. Я три недели назад ей часы заложил, — прибавил я вдруг с какой-то смелостью отчаяния.
— Часы? у вас были часы? А какие часы?.. Это мы узнаем. [Сер⟨ебряные⟩? Какие часы?] За сколько?
— Серебряные за два рубля, — отвечал я, дерзко смотря ему в глаза. — Впрочем, позвольте вас спросить, к чему эти расспросы?
— Да, конечно... Человек на ногах не стоит... — пробормотал опять Никодим Фомич, но, взглянув на писаря, который пристально смотрел на него, замолчал.
— А известно ли вам, что эта старуха, вместе с сестрой своей, вчера ввечеру, около восьми часов вечера, была убита... неизвестно кем?
— Нет.
— Нет?
— Нет... [Ничего]
— Ну-с, хорошо-с, [ступайте, больше не требуется.]
[Я двинулся к двери, хотел было в дверях оборотиться и начал опять: «Но позвольте...» Но в эту самую минуту Александр Ильич крикнул мне вслед:

Я вышел. Я слышал,[1] как по выходе моем начался вдруг оживленный разговор,[2] в котором слышнее всех был голос Никодима Фомича. Через минуту я сходил уже с [3] лестницы.[4] И совершенно очнулся.[5]

«Обыск, обыск, сейчас будет обыск, — повторял я, трепеща и леденея. — Они догадались. Этот подлец помощник Илья Петрович догадался». ⟨с. 68⟩[6]

3[7]

«А что, если уж и был обыск, теперь, пока я был в квартале, — думал я, выходя на лестницу. — Что, если... их как раз дома теперь застану?» [8]

Но вот и дом, вот и лестница.[9] Вот и моя комната. Ничего не было; даже наверно никто не[10] заглядывал; всё как было.[11] Даже Настасья [12] не притрогивалась. Она, впрочем,[13] давно перестала убирать у меня.[14] Так и лежала пыль.[15] Я отдохнул.

«Стало, ни вчера, ни сегодня еще они подозрений на меня не имели... — усиливался я рассудить.[16] — Этот Александр Ильич, хоть и сдуру, со злобы, а все-таки зародил в них теперь подозрение, и уж наверно станут присматривать, следить... А может, и посетят. Пожалуй, сейчас. И это очень, очень, очень вероятно. Это даже наверно. Но боже, боже мой, как, как я унизил себя. Скорей, скорей спасаться, скорей прятать концы. Сейчас, гос-

---

— Так вы ее три недели назад тому видели?
— Да-с, около трех недель, — отвечал я...
— Хорошо.] — покончил Александр Петрович, мне показалось, как будто в раздумье.

[1] *Было:* Я сзади слышал

[2] *Было:* разговор вполголоса

[3] *Вместо:* я сходил уже с — *было:* я был на

[4] *Далее было:* Я уже

[5] И совершенно очнулся. *вписано. Далее было:* Я понимал, в чем дело.

[6] *Внизу страницы запись:* Подлец, подлец и ты, мог так скоро, так подло перескочить от одного чувства к другому, нет, тебе долго жить.

[7] *Вверху страницы план:* Куда девать. Тоска, по городу. Сошел у Невы. Заглянул в кошелек. Положил под камень. Зашел к приятелю. Переводы. 3 руб. В трактире. Пришел домой. Лег. Шум. Рассказ Настасьи. [Ночью] Это кровь у тебя. Купил сапоги, штаны и фуражку. Газеты. Глубокая радость.

[8] *Вместо:* пока я был ∾ застану?» — *было:* в отсутствие. Что, если... Но нет, [они бы так не отпустили меня...] разве они бы так отпустили меня?...»

[9] *Вместо:* Но вот и дом, вот и лестница. — *было:* Я подходил к дому, я уже входил на лестницу.

[10] *Было:* и не

[11] *Вместо:* как было — *было: а. Как в тексте. б.* оставалось

[12] *Далее было:* и

[13] впрочем *вписано.*

[14] *Было:* мою комнату

[15] Так и лежала пыль. *вписано.*

[16] усиливался я рассудить *вписано. Далее было: а.* Даже удивительно, что *б.* Но

поди!» Я сел на постель, и вдруг странное ощущение овладело мною.[1] «Куда, куда я дену теперь все эти вещи, куда? [2] Ведь их надо непременно перенести, и тотчас же, тотчас же,[3] не откладывая, покамест еще не успели начать... И как я мог всё это так оставить без внимания». Я чувствовал, что мне нужны теперь все мои мысли, чтоб обсудить мое положение, все силы мои, чтобы спасти себя. А между тем я предчувствовал, что это всё из меня выходило, что я еще намного останусь нем, слаб, безумен и беззащитен. И вот от этого напряжения, хоть, может быть, и неестественно, но во мне возбудилась даже вдруг физическая сила.[4] Я бросился в угол, запустил руку под обои и начал вытаскивать все эти вещи и стал нагружать ими карманы. ⟨с. 69⟩[5] Всего на всё было, если не ошибаюсь теперь, восемь штук. Я их не разглядывал, а только так помню. Я машинально это запомнил, сосчитав их тогда именно. Были, кажется, две маленькие коробки, это я наверно помню, с чем-то, верно с серьгами какими-нибудь (я не смотрел), потом еще каких-то четыре футляра, одна как будто на ощупь цепочка была просто завернута в газетную бумагу.[6] Был, кажется, и еще какой-то сверток, а впрочем, кажется, я ошибаюсь, тогда у меня всё это плясало в глазах.[7] Я поклал всё в разные карманы, чтоб не оттопыривалось. Кошелек же взял и положил в боковой карман пальто. Я помню этот кошелек как сейчас: круглый, зеленый, замшевый, с стальным ободком и с одного боку густо запачканный кровью. Я еще его ни разу не раскрывал, да и не подумал раскрыть и теперь.[8] «Стало быть, и карман в панталонах кровью запачкан», — подумал я.[9] Затем я поскорей вышел из комнаты, по обыкновению ее не запирая, да она и сама не запиралась снаружи, и ключа давно не было.[10]

---

[1] А может ∾ мною. *вписано.*

[2] *Далее было:* Надо

[3] *Далее было:* никуда

[4] *Вместо:* Ведь их надо ∾ сила. — *было:* Надо их спрятать, тотчас вынести вон, прежде чем они станут следить, по куда? [Я чувствовал, что [голова] во мне как будто искусственно возбудились какие-то силы.] [Я бросился] [По крайней мере] Странно, я чувствовал, что мысли мои как будто прояснели и стали как будто отчетливее. Конечно, потому что [оказалось, меня требовали не за тем] первый страх соскочил, так как в полиции дело обошлось лучше, чем я думал.

[5] *Внизу страницы запись:* в этой дыре? Разум, разум дай, господи, разум!

[6] *Вместо:* Всего на всё ∾ газетную бумагу. — *было: а.* Всего-то было восемь штук. Две крош⟨ечные⟩ коробки. Два футляра. Одна [цепь] какая-то цепь была просто завернута в газетную бумагу. *б. Как в тексте. Далее было вписано:* Я еще ни одну из этих вещей и не рассматривал.

[7] *Вместо:* Был, кажется ∾ в глазах. — *было:* Был еще и другой такой же сверток.

[8] *Вместо:* Я помню ∾ теперь. — *было:* Этот кошелек был круглый, замшевый и с этого боку был густо запачкан кровью. Я этого и не разглядел [прежде] вчера.

[9] *Далее было: а.* Потом надел шляпу и тотчас же вышел. *б.* Надев шляпу, я тотчас же, но осторожно, не спеша вышел.

[10] *Далее было: а.* «Уж конечно, они не успели еще распорядиться следить за мной, — думал я, — и я их предупрежу». *б.* Дворника я не встретил.

Я шел скоро и твердо, хоть чувствовал, что ⟨с. 70⟩ ум мой тускнел и силы оставляли меня. Это я вполне сознавал. Стало быть, надо было управиться, пока еще оставалось хоть какое-нибудь расс⟨уждение⟩. Я боялся погони, боялся, что через полчаса, через четверть уже выйдет наставление следить за мной, так успеть бы, успеть бы. Надо было теперь успеть схоронить концы до того времени; и хоть чувствовал, что весь изломан, но сознание было при мне. Этот раз я почти не качался и не спотыкался, как давеча.[1] Дело в том, что я давно уже, еще утром, еще ночью, уже решил все эти вещи бросить куда-нибудь в канаву, или «выброшу я в Неву, — решил я, — или просто подбросить где-нибудь на чужой лестнице и... и всему конец».[2]

Впрочем, надо было [3] уйти куда-нибудь подальше. Ну куда же? Несколько раз уже с полчаса, а может быть и более полчаса, я посматривал на сходы Екатерининского канала.[4] Но везде тут же у схода или плоты стояли, где их встр⟨ечали⟩, или лодки, да и отовсюду из окон с набережных со всех сторон можно было заметить: подозрительно, что человек остановился [5] и что-то в воду бросает. Нет, в канал бросить нельзя. Тем более что все прохожие так смотрят, так любопытно смотрят на меня, как будто им и дело только до одного меня. Наконец-то я догадался, что лучше идти на Неву, там людей меньше, но заметил и удивился при этом: как это я целых полчаса бродил, знал даже, что надо подальше идти, а не выдумал и не решил идти на Неву, так долго и не мог этого выд⟨умать⟩. Туго у меня всё шло в голове. Я пошел по В⟨ознесенско⟩му проспекту. Но дорогой пришла мне в голову вдруг и другая мысль.[6]

Мелькнула у меня вдруг мысль уйти куда-нибудь очень далеко,[7] куда-нибудь на Крестовский или Петровский остров, и там в уединенном месте в лесу зарыть всё это под деревом и дерево заметить.[8] Соображая и обдумывая,[9] сколько мог, т. е. собирая

«Очень может быть, что его уже в квартал потребовали [подумал я] за инструкциями. Следить-то уж будут, но...» *в.* «Дворника-то они, уж разумеется, в квартал потребовали», — подумал я, проходя воротами. Его действительно не было. *На полях запись:* «О, дай, дай мне ума на это последнее дело, а там...»

[1] *Вместо:* Я шел ∾ как давеча. — *было:* Я шел быстро и твердо. Я чувствовал, что я весь изломан, но сознание было при мне, и хотя я был слаб, но я не качался, не спотыкался, как давеча.

[2] *Вместо:* Дело в том ∾ конец». — *было:* Дело в том, что я еще давно, еще утром решился. «Брошу все вещи куда-нибудь в канаву или в Неву, — подумал я, — и конец».

[3] *Вместо:* Впрочем, надо было — *было:* Я старался

[4] *Вместо:* Несколько раз ∾ канала. — *было:* Несколько раз я посматривал на сходы к каналу.

[5] *Было:* стал

[6] *Вместо:* Но везде ∾ другая мысль. — *было:* Но внизу или плоты стояли, или лодки, да и напротив, шагах в пятидесяти, набережные со всех сторон можно видеть. Нет, в канал бросить нельзя.

[7] *Было:* подальше

[8] и дерево заметить *вписано.*

[9] *Далее было:* эту

неестественные усилия, чтобы вывести хоть какое-нибудь заключение, я нашел мысль эту очень хорошею [1] и прямо отправился [2] по направлению к Васильевскому острову, и не рассчитывая, что, может быть, от слабости и голодный со вчерашнего дня,[3] не дойду туда. И когда я уже прошел с четверть версты, то сам себе сказал: «Это и хорошо, что ухожу далеко, а то бы я всё по канаве около наших мест таскался, и они бы меня непременно выследили».[4]

Но на Крестовский мне было не суждено попасть,[5] да и наверно бы я не дошел. А случилось вот что: выходя с Возн⟨есенского⟩ проспекта на Марьинскую площадь, я ⟨с. 71⟩ вдруг увидел налево вход во двор, обставленный совершенно глухими стенами. На дворе стояли в углублении какие-то сараи и были сложены бревна.[6] Еще далее в углублении стояла черная низкая старая [7] деревянная постройка, очевидно, для мастеровых; это была часть какого-то заведения, каретного или слесарного, — не знаю. Туда в углублении много чернелось на нечистом дворе привез⟨енного⟩ угля, и всё кругом было загрязнено и зачернено углем. «Вот бы куда всё подбросить, — мелькнуло у меня в голове; — подбросить, да и был таков». В таких мыслях я вошел во двор и тут же сейчас, пройдя в черные дощатые ворота, растворенные настежь на улицу,[8] я увидел на дворе слева [9] деревянный забор, который начинался [10] от самых ворот и шел дальше шагов на двадцать и потом уже делал перелом влево.[11] Справа же, сейчас от ворот, тянулась глухая задняя небеленая [12] стена соседнего четырехэтажного дома. У забора же, только что пройти ворота, прилажен был деревянный желоб (как и везде в тех домах, где много фабричных, извозчиков, артельных), и, как бывает во всех подобных местах, тут же над желобом на заборе было, как следует, написано кем-то мелом: «Сдесь становитца воз прещено».[13] ⟨с. 72⟩

[1] *Вместо:* я нашел эту мысль очень хорошею — *было:* я нашел, что мысль эта очень хороша

[2] *Далее было:* на

[3] и голодный со вчерашнего дня *вписано.*

[4] *Вместо:* и они бы меня непременно выследили» — *было:* меня бы и заприметили». *На полях было вписано:* Впрочем, очень может быть, что у меня в ту минуту была очень дикая наружность, а лицо, искаженное болезнью и ... и всем, — даже пугало. А может быть, и то, впрочем, что мне уж очень много казалось. Мне именно в тот день чрезвычайно много казалось таких вещей, которых никогда не было. Но продолжаю:

[5] *Было:* идти

[6] *Было:* дрова

[7] *Вместо:* стояла черная низкая старая — *было:* была какая-то

[8] на улицу *вписано.*

[9] *Вместо:* увидел на дворе слева — *было начато:* заметил у самых

[10] *Далее было вписано:* почти

[11] *Было:* налево

[12] *Было:* кирпичная

[13] *Вместо:* У забора ∾ воз прещено». — *было:* У забора, сейчас у ворот, прилажен был желоб (как и везде, где много фабричных, извозчиков, артельных), и, как следует, тотчас же над желобом на заборе было написано мелом: «Сдесь останавливаться воз прещено».

Несмотря на то, это именно такое место и было; но так всегда уж делается.[1] Стало быть, уж и тем хорошо, что никакого подозрения, что зашел и остановился у желоба.[2]

Я огляделся — никого. Да, именно! тут всё, всё, так разом и сбросить в кучу и уйти.

Огляделся я еще раз и уже руку [3] в карман, как вдруг у самой стены между воротами и желобом (где всё расстояние было шириною аршина в два) увидал большой камень, примерно, может быть, в пуд весу. За этой прилегавшей прямо к наружной (уличной каменной стене) [4] стеной была улица, тротуар, и слышно было, как шныряли прохожие, которых здесь всегда множество, но тут меня никто не мог из них увидать, разве зашел бы кто к желобу, что очень могло случиться, и потому надо было спешить.[5] Со двора тоже никто не показывался. Дело минуты! [6] Я схватился за камень и без большого труда перевернул его.[7] Под ним, как и следовало, я увидел углубление, которое выдавил камень под собою.[8] Быстро [9] бросился я вынимать всё, всё из кармана, бросая в углубление. Кошелек пришелся на самый верх, но, разумеется, углубление и до половины не наполнилось. Затем я приподнял камень, одним оборотом перевернул его на прежнюю сторону, и он как раз лег точно так же, как лежал прежде, разве немножко чуть-чуть казался повыше. Я успел придавить два раза ногою: сам вдавится и слежится, мелькнуло во мне. Затем я вышел из ворот и направился по Марьинской площади. Никто, никто меня не заметил! ⟨с. 73⟩

Глубокая радость овладела мною. — Довольно! Все концы схоронены. И кому, кому в голову может прийти искать под этим камнем. И кому в голову придет сворачивать камень? [10] Он, может быть, тут двадцать лет лежит, пятьдесят лет лежит.[11] Я до того был рад, что даже засмеялся. Да и найдут, так что же возьмут? Кто на меня подумает? [12] И я даже засмеялся тихо и радостно при этой мысли.[13] Право, мне помнится, что я как будто и засмеялся. Да, я помню, что я смеялся, проходя по площади.[14] Всею [15] грудью

---

[1] но так всегда уж делается *вписано.*

[2] у желоба *вписано.*

[3] *Вместо:* Огляделся ∾ руку — *было:* Я уже и руку

[4] этой ∾ стене) *вписано.*

[5] что очень ∾ спешить *вписано.*

[6] *Далее было:* подумал я

[7] *Вместо:* без большого труда перевернул его — *было: а.* с трудом вывернул его *б.* с трудом отвалил его

[8] *Вместо:* Под ним ∾ под собою. — *было:* Под ним, как следует, образовалось углубление, которое естественно выдавил под собою камень.

[9] *Далее было:* огляделся я кругом и

[10] *Было:* его

[11] пятьдесят лет лежит *вписано.*

[12] Я до того ∾ подумает? *вписано.*

[13] *Вместо:* И я даже ∾ мысли. — *было:* И я чуть не засмеялся при этой мысли.

[14] Право, мне ∾ площади. *вписано.*

[15] *Было:* О боже мой! Я всею

дохнул я свежего воздуха. Было знойно и пыльно, и так было душно. Грудь у меня болела. Я пошел потом по Сенатской площади.[1] Тут всегда бывает ветер, особенно около памятника. Грустное и тяжелое место. Отчего на всем свете я никогда ничего не находил тоскливее и тяжеле вида этой огромной площади? Теперь же я странно глядел на нее; я был рассеян и скоро совсем отупел.[2] Я очнулся на Николаевском мосту [3] и тут только [4] дал себе ясный отчет, что иду к Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному, как и я, к которому я еще неделю тому назад положил сходить по одному очень нужному делу, а теперь, когда я положил кошелек под камень, оно стало еще нужнее.[5] Любопытно очень, для чего я пошел к нему: [6] я выдумал зайти [7] к нему, когда, полчаса назад, положил было на Крестовский пойти. ⟨с. 74⟩

Для чего же к Разумихину? А для того, что если потом будут изобличать, уличать и расспрашивать: [8] куда и зачем так понадобилось [9] уходить на весь день [10] из квартиры, когда видели все, что ты болен и что с тобой обморок? — так вот и сказать: есть уж очень хотел, к товарищу зашел денег попросить, а товарищ живет далеко на Васильевском, на Малой Неве, и, разумеется, товарищ потом окажется свидетелем, что действительно приходил просить денег, стало быть, ничего подозрительного тут нет в моем долгом отсутствии.

Как это я мог тогда придумать в моем положении, просто не понимаю,[11] тем более что я тогда положительно не мог рассуждать ни о чем, потому что память, рассудок и силы совершенно, совершенно оставляли меня и только по временам, минутами, я мог рассуждать. Я даже и не заметил, как я это придумал.

Так, например, я совершенно не заметил, что прошел всю бесконечную Первую линию [12] до самой Малой Невы, и даже усталости не почувствовал от такого перехода, что бывает всегда,

---

[1] *Вместо:* Всею грудью ∾ Сенатской площади. — *было:* *а.* Полная, полнейшая теперь безопасность! Я прошел мимо Исаакиевского собора и пошел по Сенатской площади. *б.* [И проходя] Но через минуту мне начало так теснить грудь, что я не раз, проходя мимо Исаакиевского собора, машинально перекрестился... Я пошел потом по Сенатской площади.

[2] *Вместо:* Теперь же ∾ отупел. — *было:* [Не помню, как она тогда на меня подействовала] Впрочем, тогда я на нее и не глядел, я был рассеян. Радость прошла, и я чувствовал, что мысли мои расходились, разбегались, что прицепиться не на что.

[3] *На полях:* Я шел дальше и дальше, вот Васильевский. На Николаевском мосту. [На Адми] Расположен ли дух, или что, но на Адмиралт⟨ейском⟩

[4] *Вместо:* тут только — *было:* вдруг спро⟨сил⟩

[5] к которому ∾ нужнее *вписано.*

[6] *Далее было:* *а.* так что я сам *б.* Мне не Разумихина, собственно, надо было

[7] *Было:* идти

[8] *Вместо:* Для чего же ∾ расспрашивать — *было начато:* Это для того

[9] *Было:* надобно

[10] на весь день *вписано.*

[11] *Было:* недоумеваю

[12] *Над словами:* бесконечную первую линию — *вписано:* и скучный путь

когда человек уж слишком,[1] через меру, устанет и истощится. ⟨с. 75⟩ [2]

Когда же я поднялся к Разумихину в 4-й этаж, произошло во мне весьма странное обстоятельство, которое я не умею хорошо рассказать словами.[3]

Разумихин был дома в своей каморке и сам мне отпер. Он занимался, писал. Мы с ним были не то чтоб большие приятели, а так — товарищи прежние, довольно хорошие, впрочем.[4] Теперь я его уж месяцев пять не видал. Решившись идти к нему, я и не подумал совсем о том, что с ним, стало быть, сейчас лицом к лицу сойдусь, а это совсем другое, чем только думать про себя, что сойдусь.[5] Одним словом не могу выразить [6] этого ощущения, но мне показалось, что мне совсем не следовало [7] приходить.[8] Омерзительно, что я пришел, и вдруг до невероятности ясно сделалось, что мне совсем нечего с ним говорить.[9] То есть я и не подумал о том, и что, если есть что для меня теперь на свете именно тяжелого и невозможного, так это разговаривать и обходиться с другими людьми,[10] как прежде. Не умею одним словом я выразиться о том, что именно я тогда почувствовал, — не знаю. И только что я вошел, я вдруг в 1-й раз всё это и почувствовал.[1]

---

[1] *Вместо:* слишком, через меру, устанет — *было:* чрезмерно у⟨станет⟩

[2] *На полях карандашные записи, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 39, примеч. 12; стр. 40, примеч. 6 и 8).*

[3] *Вместо:* Как это я мог ∾ словами. — *было:* Но всего любопытнее, что всё это безо всяких рассуждений и силлогизмов в голове родилось, [а так вдруг, и] так вдруг всё само собой, а все эти поводы и рассуждения, для чего и как иду, сообразил я только теперь на Николаевском мосте. Выдумал я, стало быть, всё это прежде всего по инстинкту и подивился тут я сам себе: [как тягуче и] кажется, уж и разум мешается, и способности, и силы последние человека оставляют, а инстинкт самосохранения живет, и работает, и [проявляется] может явиться почти безотчетно в виде какой-то животной, звериной хитрости. Так, зверь, вероятно, хлопочет, когда его травят и целая свора бежит за ним.

Впрочем, это я только теперь и на Николаевском мосту так только подумал и сообразил, что иду к Разумихину. Затем, перейдя всю Первую линию и от чрезмерной слабости почти не почувствовав такого перехода, поднялся к Разумихину в четвертый этаж. Тут произошло было со мной весьма странное обстоятельство, которое я не умею рассказать словами. *По тексту запись:* хитрость пойти к Разумихину.

[4] довольно хорошие, впрочем *вписано.*

[5] *Вместо:* совсем ∾ сойдусь — *было:* *а.* о том, как с ним встречусь *б.* о том, что с ним сойдусь и буду говорить

[6] *Вместо:* не могу выразить — *было:* не понимаю

[7] *Далее было:* сюда

[8] *Далее было:* и что хоть дело было нужное, но что в то же время у меня никаких уже не [должно] может быть дел

[9] Одним словом ∾ говорить. *вписано между строк и на полях. По тексту запись:* Как можно короче.

[10] *Вместо:* и что, если ∾ людьми — *было:* что мне не об чем говорить с ним, что мне почему-то и быть с ним вместе [нельзя] нечего и что, если есть что для меня на свете тяжелого, так это разговаривать и обходиться с другими

[11] *Вместо:* я вдруг в 1-й раз всё это и почувствовал — *было:* мне показалось это даже совсем невозможным

И сознание всего этого было мгновением [1] самой тяжелой тоски моей, за весь, может быть, последний месяц, в который я так много таких бесконечных мук прошел.

Разумихин был всё тот же: добрый, высокий, худой, небритый, черноволосый и с черными, большими, как ложки, глазами. Он был не глуп, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков 12 росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог неизвестно поскольку времени совсем не есть и терпеть необыкновенный холод как ни в чем не бывало. Однажды он целую зиму совсем не топил свою комнату и говорил, что так даже лучше спится.[2]

— Что ты, N3,[3] — вскричал он, в изумлении смотря на всего меня.[4] — Неужели уж так плохо? [5] — Он рассматривал мой костюм. — Ну, брат, да ты всех нас перещеголял. — Разумихин был одет только что не в лохмотьях, но все-таки лучше меня.[6] — Садись,[7] — и, когда я повалился на его клеенчатый диван, который был еще моего ⟨с. 76⟩ сквернее, он тут только разглядел, что я болен.

— Да ты весь болен, и серьезно. — Он стал щупать мой пульс. Я вырвал руку.

— Не надо, — сказал я, — я пришел... Я к тебе пришел потому, что, кроме тебя, ни одного не знаю, кто бы помог начать.[8] Вот что: у меня уроков никаких... Я хотел было... Впрочем, мне не надо теперь уроков.

— А так, брат, знаешь ли что, ты ведь бредишь, — сказал он, помолчав.[9]

Я смотрел на него, и мне даже странно было самому: зачем я пришел.[10]

— Нет. Прощай! — Я встал с дивана.[11]

— Да ты постой, постой! чудак!

— Не надо, — повторил я, вырывая руку.[12]

---

[1] *Вместо:* И сознание всего это было мгновением — *было:* И это было мгновение

[2] Разумихин был ∾ спится. *вписано на полях.*

[3] *Вместо* N3 *был прочерк.*

[4] *Вместо:* он, в изумлении смотря на всего меня — *было:* Разумихин, увидав меня

[5] *Далее было:* прибавил

[6] Разумихин ∾ меня. *вписано.*

[7] *Было:* Садись, садись

[8] Я к тебе ∾ начать. *вписано.*

[9] *Вместо:* — А так, брат, знаешь ли что, ты ведь бредишь, — сказал он, помолчав. — *было: а.* Он помолчал. *б.* — Ты, кажется, бредишь, — сказал он, помолчав.

[10] Я смотрел ∾ пришел. *вписано на полях.*

[11] *Вместо:* Я встал с дивана. — *было:* Надо домой. Я взял шляпу и встал с дивана.

[12] *Вместо:* Не надо ∾ руку. — *было:* Не надо, не надо, — говорил я, вырываясь. *Между строками и на полях вписан набросок к тексту, имеющемуся во второй и третьей (окончательной) редакциях (см. наст. изд., т. VI, стр. 88, строки 13—17 и наст. том, стр. 122—123):*

— Да ты слушай: по мне ведь как хошь! (всегда говорил с сокращением).[1] Ты говоришь, что я глуп. Ей богу, брат, есть глупее.[2] Вот что: уроков и у меня нет, да и наплевать,[3] а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов, это уж получше уроков, да и сам он в своем роде урок.[4] Он этакие изданьица делает и теперь естественнонаучные книжонки пускает.[5] Вот тут два листа немецкого текста и самого глупейшего шарлатанства при этом, одним словом, рассматривается, человек ли женщина или нет, и торжественно доказывается, что она человек.[6] Я перевожу; растянет он эти два листа [7] на шесть листов, издаст под пышным заглавием в полстраницы, а продавать будет по полтиннику, ну и сойдет.[8] За перевод мне по 6 р. с листа, значит, всего 12,[9] и шесть рублей я взял вперед. Переведу это, и еще будут переводы; об китах что-то там, и пара еще,[10] неутомим. Хочешь второй лист «Человек ли женщина или нет?» [11] переводить? Коли хочешь, так возьми сейчас, и возьми три рубля, так как я за весь перевод вперед взял, а стало быть, это прямо приходится ⟨с. 77⟩ [12] на твой пай. Да к тому же ты даже меня одолжишь.[13] Я ведь и орфографию плохо знаю, а в немецком ни бельмеса, и всё больше от себя сочиняю, ей богу! [14] Это, впрочем, кажется, и лучше. Ну хошь иль нет? [15]

Я молча взял [16] немецкие листики статьи, [17] выдранные из какого-нибудь лексикона,[18] взял три рубля и, не говоря ни слова,

---

— Я к тебе пришел потому, что, кроме тебя, ни одного не знаю, кто бы помог начать... Ты всех простее и всех добрее — чтоб начать. Но теперь я вижу, что мне нельзя уроков. Ну и не надо. Прощай. Не надо!

— Да так, брат, не делают. Я за честь вступлюсь.

— Слушай, Разумихин.

На полях с. 79 набросок: Ты простоватее всех, я подлец, я другой раз приду.

— Послушай, знаешь что, ты, может, дня три не ел, ты не скрывайся.

[1] *Вместо:* хошь! (всегда говорил с сокращением) — *было:* хочешь

[2] Ты говоришь ∾ глупее. *вписано на полях.*

[3] *Далее было: а.* на них *б.* на уроки

[4] *Вместо:* Херувимов ∾ урок. — *было:* Зайчиков [и] он спекулирует

[5] *Было:* издаст

[6] одним словом ∾ человек. *вписано.*

[7] *Вместо:* Я перевожу ∾ два листа — *было начато:* [Так] Ну он это рас⟨тянет⟩

[8] *На полях запись:* Но это почасти женского вопроса, и, пожалуй, сойдет.

[9] значит, всего 12 *вписано.*

[10] *Вместо:* об китах что-то там, и пара еще — *было: а. Начато:* [потом] он *б.* что-то об китах он готовит

[11] «Человек ли женщина или нет?» *вписано.*

[12] *Вверху листа карандашная запись:* Смешная мысль: Жалко мне, что ли, стало, что я уже более не буду рассуждать о петербургских видах. Невинным мыслям

[13] *Вместо:* меня одолжишь — *было:* мне и поможешь

[14] *Вместо:* и всё больше ∾ ей богу! — *было:* Право — я думаю, тут много от себя сочинил.

[15] Я ведь и орфографию ∾ иль нет? *вписано на полях.*

[16] *Далее вписано и не зачеркнуто:* на стуле пол листа

[17] немецкие листики статьи *вписано.*

[18] *Было:* специального журнала

вышел, но, дойдя до Первой линии, воротился, поднялся опять[1] к Разумихину и положил опять к нему на стол и немецкие листы, и три рубля и пошел молча вон.

— Да у тебя белая горячка, что ли? — закричал остолбенелый Разумихин. — Зачем же ты приходил? [2]

— Не надо... переводов... — проговорил [3] я, уже спускаясь с лестницы.

— Эй №3... Так чего же тебе надо, черт? [4] Где ты живешь? — закричал он мне вниз. Но я ничего не отвечал и пошел той же дорогой домой.

— Ну черт с тобой! — пронеслось с лестницы.[5]

На Николаевском мосту я [6] очнулся,[7] и вот как это было: меня плотно охлестнул кнутом по спине кучер одной коляски за то, что я чуть-чуть не попал под самые ноги лошадей, несмотря на то, что он мне, кажется, много раз кричал. Удар кнута так разозлил меня, что я, отскочив к перилам, злобно заскрежетал и защелкал [8] зубами.[9] Кругом, разумеется, смех.[10] ⟨с. 78⟩ [11]

Но в это самое мгновение, когда я стоял у перил [12] и бессмысленно смотрел вслед коляски, вдруг слышу, что кто-то сует мне в руки деньги: [13] «Прими, батюшка, Христа ради». Смотрю: купчиха [14] (наверно купчиха), пожилая, а с нею дочь. Я взял, и они прошли мимо. По костюму они очень могли принять меня за нищего,[15] за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного я, наверно, обязан был удару кнута, который их на мой счет разжалобил.

---

[1] *Было:* опять поднялся

[2] *Вместо:* Зачем же ты приходил? — *было:* Вышел — ни слова не сказал, [пр] а теперь отдает назад и уходит.

[3] *Было:* ответил

[4] *Вместо:* — Эй ∾ черт? — *было:* Послушай

[5] Ну черт ∾ с лестницы. *вписано.*

[6] *Далее было:* опять было

[7] *Между строками незаконченный вариант:* Я шел, вероятно, очень задумчиво, потому что очнулся на Николаевском мосту, да и то пото⟨му⟩, что

[8] и защелкал *вписано.*

[9] *Далее было:* Но как только я сознал, в чем дело [мне тотчас же пришло на мысль, что [гораздо бы лучше], может, и хорошо бы, если б меня раздавила совсем коляска], то злоба во мне тотчас же исчезла. Мне показалось, что уж нечего теперь об этом заботиться. *На полях набросок карандашом:* Что он меня охлестнул кнутом, мне помогло очнуться от забытья, которое поминутно на меня находило, но только что я очнулся, тотчас же злость прошла, и я даже как будто удивился, как это я мог озлиться, потому что дело было совсем не в том. *Выше, между строками запись:* Злость эта

[10] *Между строками вписано:* дикий хохот, разумеется

[11] *На полях вписан набросок, относящийся к последующему тексту (см. стр. 40, примеч. 11).*

[12] *Вместо:* Но в это ∾ у перил — *было:* *а.* В это мгновение *б.* Я стоял у перил и вдруг

[13] *Далее было начато:* Я огл⟨янулся⟩

[14] *Далее было начато:* пож⟨илая⟩

[15] *Далее было:* и может быть

Я зажал двугривенный в руки,[1] прошел шагов двенадцать и, помню, оборотился к Неве, по направлению дворца.[2] День был знойный, ясный,[3] небо чистое и вода почти голубая, что так на Неве редко. Купол собора, который ни с какой точки [4] не может выглядывать лучше, как именно отсюда, с моста,[5] в нескольких шагах от Николаевской часовни, так и сиял — и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже [6] каждое малейшее его украшение. Вспомнилось мне вдруг, мелькнуло, что [7] когда я ходил в Университет, то обыкновенно, возвращаясь домой,[8] случалось мне, может быть, несколько сот раз пристально оглядывать всю эту, действительно великолепную, панораму; и даже взял в привычку останавливаться минуты на две на мосту,[9] именно у этого места.[10] И что же? [11]

Есть в нем одно свойство, ⟨с. 79⟩ [12] которое всё уничтожает, всё мертвит,[13] всё обращает в нуль, и это свойство — полнейшая холодность и мертвенность этого вида.[14] Совершенно [15] необъяснимым холодом веет от него. Духом немоты и молчания,[16] дух «немой

---

[1] в руки *вписано.*

[2] *Поперек строк вписано:* Дойдя до того места, где стоял давеча, вдруг остановился опять, не знаю для чего.

[3] *Было:* жаркий

[4] *Было:* точки зрения

[5] *Далее было вписано:* с точки, взятой

[6] *Было:* почти

[7] Вспомнилось ∾ что *вписано.*

[8] *Было:* из Университета

[9] на мосту *вписано.*

[10] *Между строками близкий к тексту второй редакции вариант (см. ниже, с. 125):* Я даже любил здесь останавливаться, дивясь каждый раз своему впечатлению.

[11] *Далее было: а.* Я рассм⟨атривал⟩ *б.* В самые лучшие моменты, когда небо чисто, ясно, и в самое невыгодное для панорамы время, когда хмуро, грустно и дождливо, каждый раз одно и то же впечатление, само собою, безо всяких усилий, выработывалось во мне, а именно: что, несмотря на всё это беспримерное великолепье и удивительную реку, весь этот вид — ничего не стоит.

[12] *На полях с. 79 вписан набросок, относящийся к последующему тексту (см. стр. 40, примеч. 11). На полях и между строками набросок текста, вошедшего во вторую и третью (окончательную) редакции (см. наст. том, стр. 120 и наст. изд., т. VI, стр. 86, строки 33—39):* Давеча с поручиком. Какая низость! И я, я ввязался в амбицию, в спор, в крик. Положим, это старая привычка, но потом, потом, — это потом от радости, от низости. — Нет, не стоит жить, если сознавать себя таким низким. А как же я буду теперь сознавать себя. Положим, у меня всё было решено. *С ним связана карандашная заметка на с. 75:* Как подло я давеча говорил. Всё равно. *На полях также записи, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 40, примеч. 8). На полях записи: 1.* Живи, хоть и умерши теперь, но в летах говорящи и рассказыва⟨ющи⟩: [но] просиша верой и *2.* Злодей не губи. Выживет как-нибудь. Вот из-за таких-то несчастий и я

[13] всё мертвит *вписано.*

[14] *Вместо:* полнейшая холодность и мертвенность этого вида — *было:* холодность этого вида

[15] Совершенно *вписано.*

[16] *Далее было:* и тупою, сов⟨сем⟩

и глухой» разлит во всей этой панораме.[1] Я не умею выразиться, но тут даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо, а тут [2] знаю, что впечатление мое было совсем не то, что называется отвлеченное, головное, выработанное, а совершенно непосредственное. Я не видал ни Венеции, ни Золотого Рога, но ведь, наверно, там [3] давно уже умерла жизнь, хоть [4] камни всё еще говорят, всё еще «вопиют» доселе.

И вот когда теперь я остановился тут по привычке, то вдруг то же самое мучительное ощущение, которое полчаса тому назад стеснило мне грудь у Разумихина, то же самое ощущение сдавило мне сердце и здесь. Потому что мне вдруг показалось, что незачем мне уж более останавливаться ни здесь и нигде [5] и что не всё ли мне равно, какое впечатление производит этот вид,[6] и что теперь совсем другое, совсем другое у меня, а всё это,[7] и все эти прежние ощущения, интересы и люди — всё это так далеко от меня, как будто бы на другой планете.[8] Стоял я, нагнувшись [9] ⟨с. 80⟩ над перилами, и почувствовал в руках подаянную монету. Я разжал ладонь,[10] посмотрел на нее внимательно, и затем опустил ее в воду.[11]

---

[1] *На полях набросок:* Мне всегда казалось что-то немое, глухое и отрицательное. *Между строками позднейший вариант:* И каждый раз дух немоты и молчания, «дух немой и глухой», разлитый по всей этой панораме, сдавливал мне сердце.

[2] тут даже ∾ а тут *вписано.*

[3] *Далее было:* не так. В Венеции

[4] *Было:* но

[5] ни здесь и нигде *вписано.*

[6] *На полях наброски: 1.* и что мне до того теперь, какое впечатление производит весь этот вид? *2.* [И вот] Вдруг теперь вспомнил я все эти прежние впеча⟨тления⟩, и странно мне стало. *3.* Вспомнил я теперь, что каждый раз одно и то же впечатление сдавливало меня какою-то неразрешимою грустию, и вспомнил и улыбнулся тому, чтó мне такое впечатление. А потом и странно мне показалось, что я как будто совсем уж собираюсь никогда больше не иметь никаких [больше] мыслей. [Что] Не потому мне странно, что мог я иметь такие интересы, но потому, что мне самому невозможно иметь ни об этом, ни об другом, что это уже не мои мысли, а чьи-то чужие, что всё равно, что всё это мне и в новой жизни. *С этими набросками связана запись на с. 75:* И мне так стало странно

[7] *Было:* это всё

[8] *Вверху страницы запись:* Отлетел на другую планету. *Выше, на с. 75, на полях:* Что я на другой планете, что ли? *На полях с. 79:* Нева. Но это мне вдруг показалось так далеко. Ужасно давно — страх — но теперь так тихо вдруг ⟨*нрзб.*⟩ Точно прошло уже тридцать пять лет, и я приехал откуда-то, хоть с Южного полушария, и давно.

[9] *Слева от этого абзаца:* Я внутренно решил, что мне не восстать и что *правда* моя *тоска.*

[10] *Было:* руку

[11] *Вместо:* затем опустил ее в воду — *было: а.* совершенно сознательно опустил *б.* хотя вполне помня, что делаю *в.* бросил *г.* сбросил. *На полях с. 79 вариант, близкий к окончательной редакции (см. наст. изд., т. VI, стр. 90, строки 22—30):* Странно мне вдруг показалось теперь тут же на этом месте стоять, как будто я и стоять на прежнем месте уже не мог. Всё это казалось мне где-то глубоко под моими ногами, где-то в беспредельной дали. Я долго стоял и наконец, вспомнив про двугривенный, разжал руку, поглядел на него и молча опустил его в воду. *На полях с. 78 набросок:* Так зачем же ты

И затем [1] пошел домой прежнею дорогой.[2] Когда я пришел к себе, было уже поздно, был вечер. Стало быть, я возвр⟨атился⟩ часов в пять или шесть. Где и как я был это время — не знаю.[3] Я разделся и, весь дрожа, уже не от озноба, а от слабости, как одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве, лег на диван и натянул на себя шинель. Носки оставались на мне.[4] Я их скинул и сбросил в угол. Затем забылся. Ни об чем я не думал.

Проснулся я в полные сумерки от ужасного крика, а в сумерки в моей комнате и летом бывает почти совсем темно. Я открыл глаза. Боже! что это за крик. Таких неестественных звуков, такого воя, скрежета, слез, ругательств и побой я никогда еще не слыхивал. Я и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления. В ужасе я приподнялся и сел на диване. Я не дрожал, я просто замирал, мучился. Но драка, крики, вой и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот к моему неописанному изумлению я вдруг различил голос моей хозяйки, она выла, визжала и причитала скоро-скоро, выпуская слова, так что и разобрать нельзя, о чем-то прося,[5] вероятно, чтоб ее перестали бить, потому ее бесщадно били,[6] сначала в квартире,[7] а потом вытащили на лестницу. Голос бившего стал [8] до того ужасен, от злобы, от бешенства, что даже только [9] хрипел, а все-таки и он говорил, говорил — быстро говорил что-то такое, но так, что уж понять

бросил 20 коп., без рассуждения, а с рассуждением — и с рассуждением бы бросил. Господи, в бреду я иль нет? Вот Нева течет. Ведь я давеча хотел бросить все вещи в Неву, в канаву, и кошелек тоже, и кошелек. Зачем ты убил после этого, коли бросаешь добычу? Вчера ты этой добычи хотел. — Хотел? — да, а сегодня в канаву, да. Но это было, может быть, бессознательно, от страху. Ну, а сознательно, с рассудком, соберя силы — как бы ты сделал и с рассудком — в канаву. Так ли? Вспомни. Ты болен? Ты теперь сумасшедший? Ты бредишь? Бредишь. Но вспомни, что ты еще не отпирал кошелька и не смотрел в него. Нет. Может быть, и в голову не пришло. Вчера хотел добычи. А сегодня с новой натурой, решил, что ничего не хочешь. Я болен. Я сумасшедший, вздор. Я болен. Я ничего не понимаю. Я подожду. *Далее на с. 81:* Разве не чудовищно, что давеча я ввязался в историю с девочкой? Не всё ль тебе равно? Пусть погибают, развратничают. Кого спасать, тебе спасать? Чего ты в жизнь лезешь? Да разве мне жизнь заперта? Разве я то? Ты убийца. Знаю. Но я сознательно, я логически сделал. Только что же ты в кошелек даже не заглянул? Побоялся? — Нет, я потом загляну. Это из предосторож⟨ности⟩. А как же в Неву хотел бросить? Значит, совсем хотел отказаться. Значит, логика не выдержала перед делом. *На полях с. 81 набросок:* А ты думал, что тебе остается что-нибудь в жизни.

[1] *Далее было:* уже

[2] *На полях заметка, обведенная овалом:* Напиться. Темное воспоминание — выгнали из кабака.

[3] Стало быть ∾ не знаю. *вписано.*

[4] *Далее было начато:* Пускай, подумал

[5] *Вместо:* причитала ∾ прося — *было:* скоро-скоро [что-то] о чем-то прося

[6] *Далее было начато:* Кто-то вытащил

[7] сначала в квартире *вписано.*

[8] *Было:* был

[9] *Было:* уже

нельзя было,[1] однако я различил, что бил ее [2] Александр Ильич, и должно быть бил сапогами, ⟨с. 81⟩ руками, топтал ее и, схватив за косы, бил головою о лестницу. Иначе он не мог ее бить, судя по визгу и по отчаянным крикам бедной женщины. Должно быть, на всех лестницах собралась большая толпа. Слышно было много голосов, входили, стучали, хлопали дверями, все сбегались. Что это, думал я, за что он бьет ее,[3] зачем? Страх, как лед, обхватил меня всего. Мне казалось, что мой ум мешается и однако ж я всё это ясно, ясно слышал. Сейчас ко мне, ко мне тоже придут, думал я и привстал и хотел переложить крюк, но опомнился.[4] Наконец, минут десять спустя, весь этот гам постепенно стал умолкать. Хозяйка стонала и охала, а Александр Ильич, очевидно еще грозя и ругаясь, стал удаляться. Я даже слышал его шаги. Слышал тоже, как хозяйка, уйдя к себе, заперлась. Затем мало-помалу стали расходиться по лестницам и по квартирам,[5] споря и ахая, то возвышая речь до крику, то понижая до шепота. Должно быть, их много было, весь дом сбежался. Господи, как же это — и зачем приходил Александр Ильич? [6] И разве всё это возможно? Как он смел ее бить?

Я наконец лег опять, но уже не мог сомкнуть глаз.[7] Думаю, я пролежал с полчаса в таком страдании от удивления и ужаса, в таком ощущении, какого никогда не испытывал! [8] Вдруг свет.[9] Смотрю, передо мною Настасья со свечкой и с тарелкой супа. Поглядев на меня и увидев, ⟨с. 82⟩ что я не сплю, она начала [10] раскладывать хлеб, тарелку и оловянную [11] ложку на стол.

— Небось, со вчерашнего не ел, целый день-деньской прошлялся, а самого лихоманка бьет.[12]

— Настасья...[13] За что это били хозяйку?

— Хозяйку? Кто бил хозяйку?

— Хозяйку, сейчас, полчаса назад, Александр Ильич, надзиратель.[14] За что он ее так избил? И как она... позволила?

Настасья молча и пристально меня рассматривала и долго и сурово смотрела.[15] Мне стало страшно.

---

[1] а все-таки ∾ было *вписано*

[2] *Далее было:* не кто другой, как

[3] он бьет ее *вписано.*

[4] Сейчас ко мне ∾ опомнился. *вписано.*

[5] и по квартирам *вписано.*

[6] *Далее было:* Не меня ли спрашивал

[7] *Вместо:* сомкнуть глаз — *было:* заснуть

[8] в таком ∾ не испытывал! *вписано.*

[9] *Было:* мрак

[10] *Вместо:* Поглядев ∾ она начала — *было:* Она посмотрела на меня, увидела, что я не сплю, и начала

[11] *Было:* деревянную

[12] *Вместо:* целый день ∾ бьет. — *было: а.* поешь. Чего целый день шлялся, [когда] а самого трясет. *б.* Ишь, целый день шлялся, когда самого лихоманка трясет.

[13] *Далее было:* Кто

[14] *Было:* помощник квартального... Я его по голосу узнал

[15] *Вместо:* Настасья ∾ смотрела. — *было:* Настасья молча меня рассматривала.

— Настасья, что ж ты молчишь? — спросил я.

— Это кровь! — отвечала она тихо и мрачно.

— Кровь! чья кровь! [1] Какая кровь? — чуть проговорил я, и всё лицо мое болезненно искривилось.[2]

— Кровь кричит, [3] в тебе ходит, оттого и кажется; это страхи.[4] Никто хозяйку не бил... и не станет бить, — прибавила она.[5]

Еще больший ужас нашел на меня.

— Да ведь я же не спал и на кровати сидел, — проговорил я после долгого молчания. — Ведь сюда приходил Александр Ильич?

— Никто не приходил.[6] Это кровь в тебе кричала.[7] Это когда она уж печонками запекаться начнет, тогда и начнет казаться.[8] На-тка, поешь! Будешь, што ли. — Я [9] не отвечал и молча лег [10] опять на мой узел.

Вместо подушки я клал обыкновенно под голову узел со всем моим бельем и так и спал, а подушки давно уж не было.[11] ⟨с. 83⟩

Настасья всё стояла надо мной.

— Пить дай... Настасьюшка, — проговорил я наконец.

Она молча сошла вниз и, кажется, очень скоро воротилась, но я уже не помнил себя. Помнил только, что выпил [12] один глоток воды и затем впал в беспамятство.

4

Я не то что был [13] совсем в беспамятстве: многое я помню, мельком или в другом виде, как оно было на самом деле. То мне казалось, что около меня очень много народу собирается и хотят меня взять и куда-то нести и очень обо мне спорят и ссорятся.[14] То я один-одинехонек, и все [15] оставили меня и даже меня боятся,

---

[1] кровь *вписано.*

[2] *Вместо:* и всё лицо мое болезненно искривилось — *было:* с болезненным испугом, смотря на нее

[3] кричит *вписано.*

[4] *Вместо:* оттого и кажется; это страхи. — *было:* тебе кажется, наяву кажется.

[5] *Далее было начато: а.* Да ведь *б.* В⟨едь⟩

[6] *Вместо:* Никто не приходил. — *было:* Нужды нет.

[7] *Вместо:* Это кровь в тебе кричала. — *было:* А кровь в тебе кричала.

[8] тогда и начнет казаться. *вписано.*

[9] *Было:* Но я

[10] *Было:* поло⟨жил⟩

[11] Вместо подушки ∾ не было. *вписано. Далее (на с. 84) зачеркнуто:* Мне стало так страшно, что, я думаю, у меня волосы вверх дыбом.

[12] *Далее было:* из

[13] *Вместо:* Я не то что был — *было:* Я, однако ж, всё это время был не то чтоб уж

[14] *Вместо:* куда-то ∾ ссорятся — *было:* вынесть

[15] *Было:* все-то

и только изредка отворяется дверь, и из двери грозят мне, ругают меня или смеются надо мной. Последнее всего чаще казалось мне.[1] Настасью помню часто подле меня. Видел и еще одного человека, очень мне знакомого, но кого именно — никак я не мог этого припомнить,[2] и тосковал от этого, метался, плакал,[3] мысли напрягал, чтоб припомнить, кто это, и не мог. Спрашивал, мне отвечали, а я не помнил.[4] Иной раз казалось мне, что я уже с год лежу; в другой раз — что ⟨с. 84⟩ [5] всё тот же день идет.[6] Иногда начинал меня мучить ужасный страх, и что страннее, вовсе не про *то*, я это очень хорошо помню, а что будто меня какой-то человек хочет бульдогом затравить и держит его за дверьми притаившись, тихонько, или что-нибудь в этом сорте. Но чего именно я боялся — я не знал [7] и об *том* я совершенно забыл, но [8] я срывался с места и хотел убежать,[9] но кто-то меня останавливал силой, и я опять засыпал. Наконец я совершенно проснулся.

Должно быть, это было после обеда часа в четыре пополудни.[10] У меня в это время в комнате луч солнца бывает. Надо мной стояли Настасья и еще один человек, очень любопытно и с какою-то осторожностию [11] меня разглядывавший. Я никогда его не видал. Это — молодой парень еще,[12] в русском кафтане, с бородкой,[13] с виду походил на артельщика. Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка.[14] Я смотрел на всех пристально [15] открытыми глазами, потом приподнялся.

— Настасья, это кто? [16] — спросил я, указывая на парня.

— Ишь ведь, очнулся! — сказала она.

— Очнулись, — отозвался как эхо артельщик. Хозяйка тотчас же поспешила стушеваться и притворила дверь.

— Вы... кто? — допрашивал [17] я артельщика.

---

[1] *Вместо:* и даже меня ∾ казалось мне. — *было: а.* и никто-то не придет ко мне и не хочет прийти. *б.* и даже меня боятся, и только изредка отворяется дверь, и из двери грозят мне кулаками или языками дразнят. *Далее как в тексте.*

[2] *Было: а.* сказать *б.* угадать

[3] *Далее было вписано:* спрашивал

[4] Спрашивал ∾ не помнил. *вписано.*

[5] *На полях записи, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 50, примеч. 2 и стр. 53, примеч. 14).*

[6] *Вместо:* всё тот же день идет — *было:* всё это еще вчера только было

[7] *Вместо:* не знал — *было:* отнюдь не сознавал

[8] и что страннее ∾ забыл, но *вписано на полях и между строками.*

[9] *Было:* уйти

[10] *Вместо:* после обеда часа в четыре пополудни — *было:* в пятом часу

[11] *Было:* смешною осторожностью

[12] *Вместо:* Я никогда ∾ парень еще — *было начато:* Он был еще молодой

[13] *Далее было:* п

[14] *Вместо:* Из полуотворенной двери выглядывала хозяйка. — *было: а.* В углублении стояла хозяйка. *б.* Из полуотворенной щели выглядывала хозяйка.

[15] пристально *вписано.*

[16] *Вместо:* это кто? — *было:* это кто с тобой?

[17] *Вместо:* Вы... кто? — допрашивал — *было:* Вам что надо? — спросил

— А вот-с, мы так-с, по делу-с... — начал было он,[1] но в эту минуту вдруг отворилась дверь и, сильно наклонившись, потому что был высокого роста, вошел Разумихин.[2]

— Экая морская [3] каюта! — закричал он, — квартирой называется.[4] А! да, кажись, ты очнулся? [5] ⟨с. 85⟩

— Сейчас очнулся, — сказала Настасья.

— Очнулись...[6] — прибавил артельщик.

— А вы кто изволите быть-с? — спросил Разумихин,[7] бросая всех нас и вдруг [8] обращаясь к нему. — Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын, а он мой приятель. Ну-с, а вы кто таковы? [9]

— А я [10] нахожусь артельщиком, от купца Шерстобитова-с, и сюда по делу-с.

— Извольте садиться, — распорядился Разумихин.[11] — Это ты хорошо сделал, что очнулся; пятый день, братец. Не ешь и не пьешь. Я к тебе приводил два раза Бакавина.[12] Он тебя смотрел и с самого начала сказал, что ничего, пустяки, нервный [13] вздор какой-то [14] и что содержание худое было, пива и хрену мало давали [15] — оттого и заболел, а что скоро очнешься и худым не кончится. Молодец Бакавин, знатно полечивает, [16] угадал! Ну-с, так я вас не задерживаю,[17] — обратился он [18] опять к артельщику купца Шерстобитова, — угодно вам объяснить вашу надобность? Заметь себе, от Шерстобитова второй раз к тебе присылают, только [19] прежде не он приходил, а другой... и мы с тем объяснялись.[20] Это кто прежде вас-то приходил?

---

[1] *Вместо:* начал было он — *было:* сказал было он и хотел уходить

[2] *Вместо:* сильно наклонившись ∾ Разумихин — *было:* [накло⟨няясь⟩] вошел Разумихин, наклоняясь головой

[3] морская *вписано.*

[4] *Вместо:* квартирой называется — *было: а.* и ведь это она квартирой называет и деньги за нее берет *б.* и ведь квартирой называется, деньги за нее берут

[5] *Вместо:* А! да, кажись, ты очнулся? — *было:* Ну что? Да ты очнулся?

[6] *Было: а.* Они очнулись *б.* Сейчас очнулись

[7] *Было:* Вразумихин

[8] бросая всех нас и вдруг *вписано.*

[9] *Вместо:* кто таковы? — *было:* зачем

[10] *Далее было начато:* ар⟨тельщик⟩

[11] *Было:* Вразумихин

[12] *Вверху написано:* Замстова

[13] *Было:* нервное

[14] вздор какой-то *вписано.*

[15] пива и хрену мало давали *вписано.*

[16] Бакавин, знатно полечивает *вписано.*

[17] *Далее было начато:* Угодно объяснить вам

[18] *Было:* он вдруг

[19] *Было:* да только

[20] *Вместо:* а другой... и мы с тем объяснялись — *было: а.* и я с тем объяснялся *б.* и я тоже с другим, как и теперь, объяснялся

— Это, надо полагать, третьего дни-с? Точно-с, то Алексей Петрович были-с, старшим у нас артельщиком.[1]

— Ну, он будет потолковее вас, как вы думаете?

— Да-с, они посолиднее-с.[2] ⟨с. 88⟩

— Ну так как же-с? А впрочем, как я вижу, и вы ничего. Ну-с, как⟨ое⟩ дело? [3]

— А вот от Семена Семеныча,[4] которого вы неоднократно изволили знать-с, — начал артельщик, обращаясь прямо ко мне.[5] — В случае если вы уже в здравом уме-с, вручить вам деньги, десять рублев-с,[6] так как Семен Семеныч-с от [7] Андрона Ивановича Толстоногого-с из Пензы о том уведомление получили. Изволите знать-с?

— Я знаю купца Толстоногого.

— Слышите,[8] Толстоногого знает! Значит, в полном уме, — вскричал Разумихин. — Я ведь это давеча только так. А впрочем, и вы, кажется, толковый человек.[9] Я теперь только стал замечать. Ну-с, продолжайте-с. Умные речи приятно и слышать.[10]

— Они самые и есть-с, Толстоногов-с, Андрон Иванович,[11] и по просьбе вашей мамаши-с, через которую неоднократно вам пересылались, оне и в настоящий раз не отказались-с и уведомили Семена Семеновича, чтоб покамест вам десять рублей от мамашина имени передать, в ожидании лучшего-с, так как ваша мамаша еще не [12] при деньгах, но дела их, как слышно, пришли в порядок-с,[13] а уж с Андрон Иванычем Семен Иванович, как и прежде, сочтутся...[14]

— Ну так как же, по-вашему, в полной он или не в полной памяти? [15] — прервал его Разумихин, показывая на меня.

— По мне что же-с.[16] Только вот насчет расписочки надо бы-с...[17]

— Нацарапает! Что у вас, книга, что ли? [18]

---

[1] *Вместо:* Это, надо ∾ артельщиком. — *было:* Это Алексей Петрович, старший артельщик, [приходили-с] были-с.

[2] *Было:* действительно посолиднее-с

[3] *Вместо:* Ну так ∾ дело? — *было:* Ну-с.

[4] *Вместо:* А вот от Семена Семеныча — *было:* Семен Семеныч-с

[5] *Далее было:* послали меня

[6] *Было:* рублей-с

[7] *Далее было начато:* Алекс

[8] *Было:* Видите, в памяти

[9] *Далее было:* Продолжайте.

[10] Слышите ∾ слышать. *вписано.*

[11] Толстоногов-с, Андрон Иванович *вписано.*

[12] *Далее было:* совсем

[13] но дела их, как слышно, пришли в порядок-с *вписано.*

[14] *На полях с. 90 вариант:*

— Потому их дела переменились. Ивана Кузьмича изволите знать-с? Ну так вот, писали-с, что ихние дела переменились-с и что они сами вам будут писать-с — а в [подробности] точности ничего не слыхал-с.

[15] *Было:* памяти обретается

[16] *Было:* По мне в полной-с.

[17] *Вместо:* надо бы-с — *было:* а. *Как в тексте* б. вот бы-с

[18] *Вместо:* Нацарапает! Что у вас, книга, что ли? — *было:* [Где] Нацарапает! Где у вас книга?

— Книга-с, вот-с.

— Давайте.[1] Ну, Васюк, подымайся. Я тебя приподыму, перо тебе в руки и подмахни. Получил, дескать,[2] потому, брат, деньги нам теперь стр-р-рах [3] нужны. Пуще патоки!

— Не надо... — сказал [4] я, отстраняя перо. ⟨с. 89⟩

— Чего не надо?

— Не стану... подписывать.[5]

— Фу черт, да как же без расписки?

— Не надо денег...[6]

— Ну это, брат, врешь. Это он начал опять,[7] не беспокойтесь. Я вижу, вы человек рассудительный... вот мы его будем... руководить.

— А впрочем, я и в другой раз зайду-с.

— Нет, нет, нет,[8] вы человек рассудительный! [9] Ну! Василий! — И он начал водить моей рукой.

— Оставь, я сам... — и я подписал.

Артельщик выложил деньги и удалился.[10]

— Ну теперь,[11] Вася, не хочешь ли есть?

— Хочу,[12] — отвечал я.

— У вас суп?

— Суп, — отвечала Настасья, всё время стоявшая тут же. — С картофелем и с рисовой крупой.

— Наизусть знаю.[13] Тащи с крупой суп да [14] и чаю давай.

— Принесу.

Через две минуты [15] она воротилась с супом и сказала, что сейчас и чаю принесет.

К супу явились две ложки и две тарелки. Скатерть была чистая. Ложки были серебряные хозяйки.[16] Подле Разумихина [17] явилась солонка и весь прибор с горчицей и проч. В супе была и говядина. ⟨с. 90⟩ [18]

---

[1] *Далее было:* Он взял перо и тотчас написал

[2] *Вместо:* подмахни. Получил, дескать — *было: а.* подпиши *б.* подмахни свою фамилию

[3] *Вместо:* теперь стр-р-рах — *было:* теперь наиболее

[4] *Было:* про⟨говорил⟩

[5] *Вместо:* Не стану... подписывать. — *было:* Я не стану... [подписывать] имя подписывать.

[6] *Вместо:* Не надо денег — *было:* И денег не надо

[7] *Вместо:* начал опять — *было:* бредит

[8] *Далее было:* нет

[9] вы человек рассудительный *вписано.*

[10] *Далее было:* Настасья всё время

[11] *Вместо:* Ну теперь — *было:* Во-первых

[12] *Было:* Хочу, очень

[13] С картофелем ∾ знаю. *вписано.*

[14] *Вместо:* Тащи с крупой суп да — *было:* Тащи сюда

[15] *Вместо:* две минуты — *было:* минуту

[16] Скатерть ∾ хозяйки. *вписано.*

[17] *Было:* Вразумихина

[18] *На полях набросок, относящийся к предыдущему тексту (см. стр. 46. примеч. 14).*

— Не худо,[1] Настасьюшка, чтоб Софья Тимофеевна [2] бутылочки две пивца скомандовала. Мы выпьем-с.

— Ох уж ты, востроногой! — сказала Настасья и пошла исполнить повеление.

Я еще не совсем мог сообразить это всё.[3] Тем временем Разумихин присел ко мне ближе [4] на самый диван, неуклюже, как медведь, обхватил левою рукой [5] мою голову, несмотря на то что я чувствовал себя гораздо более в силах, чем он пре⟨дполагал⟩, а правой стал [6] подавать мне ложку супу, несколько раз предварительно подув на него, чтоб я не обжегся. Но суп был только что теплый. Я с жадностию съел одну ложку, потом другую, от третьей [7] стал отказываться, но Разумихин влил в меня насильно.[8] В это время вошла Настасья, неся две бутылки пива.

— Слышишь, Настя, всего три ложки! Это [9] очень есть хочет! А чаю хочешь?

— Чаю [10] хочу.

— Катай скорей [11] чаю, Настасья.[12] Ну-с, вот и пивцо [13] явилось! — начал он, подсаживаясь к столу и придвигая к себе миску супу и говядину. Он стал есть с таким видом, как будто три дня не ел.

— Я, брат, у вас тут каждый день так [14] обедаю, — проговорил он, насколько позволял ему набитый полный рот говядины и подмигивая мне левым глазом. — Ты думаешь, на твой счет? [15] Ничуть — этого тебе на счет не поставят. Ты думаешь, что за эти две бутылки пива я теперь заплачу? [16] Ничуть, это Сонечка, хозяюшка твоя, выставляет, на свой кошт, в знак удовлетворения-с. А вот и Настасья с чаем. Как повертывается. Настенька, хошь [17] пивца? ⟨с. 91⟩ [18]

— И ну-те к проказнику! [19]

---

[1] *Было:* А вели-ка там

[2] *Незачеркнутый вариант:* Катерина Прохоровна

[3] *Вместо:* это всё — *было:* в чем дело

[4] *Далее было:* обхватил

[5] на самый диван ∾ рукой *вписано.*

[6] *Было:* зачерпнул

[7] *Далее было:* я

[8] *Далее было:* [От] Четвертой я ни за что не [мог] хотел проглотить

[9] *Далее было:* он

[10] *Было:* Очень хочу

[11] *Было:* сюда

[12] *Далее было:* *а.* три ложки выпьет *б.* авось [тоже] еще три ложки выпьем

[13] *Вместо:* пивцо явилось — *было:* пивцо-с

[14] *Было:* теперь

[15] *Далее было:* Не беспокойся

[16] *На полях вариант:* Подмигив⟨ая⟩. Я, брат, у вас здесь каждый день обедаю. Ты думаешь, что за пиво я заплачу?

[17] *Было:* Настасьюшка, хочешь

[18] *На полях записи, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 50, примеч. 2 и 18, стр. 54, примеч. 12 и стр. 55, примеч. 2), а также слово:* трактир

[19] *Было:* И ну тебя!

— А чайку?

— Чаю пожалуй.[1]

— Садись за стол и наливай.[2] Постой, я тебе сам налью.

Он тотчас же распорядился, потом налил еще другую чашку, бросил есть, опять сел на диван [3] и по-прежнему, приподняв и обхватив левой рукой мою голову, несмотря на то, что я уверял его и кричал ему, что я вовсе не так слаб,[4] начал меня поить с чайной ложечки, беспрерывно подувая на ложку, пока я принужден был таким образом выпить ложек десять [5] и потом повалился опять на подушки, совершенно озлобленный на Разумихина. Под моей головой действительно была подушка. Прежде же я клал всегда комком мое платье, которое снимал на ночь.[6]

Я составил себе план. Я решил больше молчать и жадно слушал.[7] Многое [8] для меня было странно. Память совершенно возвратилась ко мне, хотя голова и кружилась немного.[9] Мне хотелось всё разузнать и пригвозд⟨ить⟩.

— Надо, чтоб Сонечка сегодня же нам малинового варения принесла. Питье ему сделать, — сказл Разумихин, усаживаясь [10] и принимаясь опять за суп и за пива.

— Да где она тебе малины воозьмет? — спросила Настасья.

— В лавочке, друг мой, в лавочке.[11] Видишь,[12] тут целая история. Когда ты тогда таким мошенническим образом удрал от меня и квартиры не сказал, я положил тебя разыскать и в тот же

---

[1] *Было: а.* Чайку пожалуй. *б.* Чаю давай.

[2] *Вместо:* Садись за стол и наливай. — *было:* Ну так и наливай.

[3] *Было:* ко мне

[4] несмотря на то ∾ слаб *вписано.*

[5] *Далее было:* хотя мне вовсе не так хотелось

[6] Под моей головой ∾ на ночь. *вписано. На полях:* Заболтал я тебя.

[7] *Между строками и на полях на с. 92 и 93 вписаны позже наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1.* [чуть] с пол⟨стакана⟩, несмотря на то, что он очень хорошо мог сам усидеть на диване без посторонней помощи и чувствовал себя в силах не только владеть руками, по, может быть, даже и ходить. Но странная мысль вдруг пришла ему в голову: скрыть от всех, что он гораздо более в силах, чем думают, притаиться слабым и немощным по-прежнему и выведать сначала: что такое кругом его происходит? Зачем тут Разумихин? Что случилось, сколько дней прошло, не известно ли что-нибудь и проч.? До времени он решил больше молчать и слушать. Съев ложку, он повалился на подушку, под ним подушка, он и это заметил. *2.* он чувствовал в себе и сил гораздо больше, чем, например, предполагал Разумихин, но по какой-то странной хитрости ему пришло в голову скрыть свои силы, не говорить и надуть их всех. Точно зверь, попавший в клетку

[8] *Было:* Всё это

[9] *Между строками вписано:* и я не знал, что

[10] *Далее было:* за

[11] *Над строкой вписан текст окончательной редакции:* Малину, друг мой, она возьмет в лавочке.

[12] *Далее было:* какая

день [1] принялся за дело.[2] Уж я ходил-ходил, расспрашивал-расспрашивал, сутки промаялся, и представь себе [3] — ведь я тебя в адресном столе разыскал. Ты там записан.[4]

— Записан? — спросил я с любопытством.[5]

— Еще бы, а вот генерала Кобелева [6] никак не могли там ⟨с. 92⟩ [7] при мне разыскать. Ну-с, долго рассказывать, только как я нагрянул сюда, я тотчас же со всеми твоими делами познакомился. Со всеми, братец, со всеми, всё знаю, вот и она знает, и с Никодимом Фомичом познакомился, и с дворником, и с г-ном Заметовым — письмоводителем в здешнем квартале,[8] а наконец, и с Сонечкой. Это уж был венец.[9] Вот и она знает.

— Усахарил, — пробормотала Настасья, откусывая [10] сахар и [11] втягивая с блюдечка чай.

— Да вы бы внакладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну [12] ты, кобель! — вдруг крикнула Настасья, заливаясь смехом.[13] — А ведь я Петрова, а не Никифорова, — прибавила она, перестав смеяться.

— Буду ценить-с, — отвечал Разумихин. — Ну так вот, брат N3, чтоб лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно [14] пустить, так чтоб все предрассудки в здешней местности искоренить.[15] Но Сонечка победила. Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантненькая. А, как думаешь! [16] И очень даже.[17] Совсем, совсем-таки ничего и очень, очень даже в порядке.[18]

---

[1] *Было:* через час

[2] *На полях около текста рассказа Разумихина:* поколотить — извини! — *и:* Но потом рассудил. *На с. 84 набросок:* Тебя бы отколотить за это надо, но я рассудил, что это бывает тоже и от голоду, и простил. *На полях на с. 91 запись:* Тебя бы следовало поколотить

[3] *Над строкой вписано:* и представь себе, на другие сутки

[4] *По тексту абзаца запись:* На прежней квартире вашей был, дома № я хорошо не помнил, только и знал, что Харламов — ну, искал Харламова, а дом-то был... не Харламов, а Фогеля — это я уж теперь узнал.

[5] *Слова:* спросил я с любопытством — *зачеркнуты и над ними вписан вариант к третьей (окончательной) редакции романа:* вскричал Раскольников, не в силах удержать себя

[6] *Далее было:* какого-то

[7] *На полях наброски, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 51, примеч. 6 и стр. 56, примеч. 12).*

[8] в здешнем квартале *вписано.*

[9] Это уж был венец. *вписано.*

[10] *Было:* кусая

[11] *Далее было:* запивая

[12] *Далее было:* уж

[13] *Было:* засмеявшись

[14] повсеместно *вписано.*

[15] *Вместо:* предрассудки ∾ искоренить. — *было:* они обожглись.

[16] *Далее было:* — Да, она ничего... — [отвечал] пробормотал я [чтоб послушать], жаждая услышать дальше

[17] *Было:* И очень, брат

[18] *Далее было:* даже вещь во всех статьях. *На полях с. 91 запись:* Совсем, брат, ничего. То есть очень, очень, очень даже в порядке.

— Ишь,[1] тварь! — ворчала Настасья, которой разговор этот доставлял, по-видимому, неизъяснимое блаженство.

— Скверно, брат, то, что ты с самого начала не умел взяться за дело, — продолжал Разумихин. — С ней надо было не так! Ведь это, так сказать, самый неожиданный характер. Ну, да это почти...[2] Ну как, например, довести, чтоб она тебе обеда смела не присылать? Или, например, этот вексель? Да ты с ума сошел, что ли, векселя подписывать! Или, например, этот брак, предполагавшийся, когда дочь была жива.[3] А впрочем, это деликатная струна, ты мне извини, а потом расскажешь, — прибавил он с серьезнейшей ⟨миной⟩, какую только мог устроить из своего лица.[4] — А как по-твоему, Вася, глупа Сонечка или нет?

— Н-нет, не глупа, — пробормотал я опять.

— И я [5] то же думаю, она как будто и не глупа... Но ведь и не умна... Как ты думаешь? [6] ⟨с. 93⟩

— Ну да...

— И я то же думаю. Ни глупа, ни умна,[7] а как следует румяной и телесной особе. Сорок-то ей уж будет. Она говорит тридцать шесть и на это право имеет. Ущипнуть невозможно. Это я тебе под секретом говорю, так всё и выпрыгнет из руки.[8] Так вот, брат, вся штука тут произошла из того, что она, видя, что ты уже не студент,[9] и уроков, и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего тебя на родственной ноге у себя держать, вдруг испугалась, а так как ты с своей стороны никаких прежних отношений не поддержал и сам всё разорвал,[10] вздумала тебя с квартиры согнать. И давно она это намерение питала, да векселя было жалко. К тому же ты сам уверял, что мамаша заплотит.

— Это я по подлости моей говорил... — не выдержа на этот раз от злобы,[11] сказал я. — Мать у меня сама милостыню

---

[1] *Было:* Ишь ведь

[2] С ней надо ∾ почти... *вписано.*

[3] *Над строкой:* жива была дочка...

[4] прибавил он ∾ своего лица. *вписано.*

[5] *Было начато:* Ну

[6] *На полях с. 92 вариант:* — Находишь ты, что она глупа? — Не-ет. — Ну и я то же — нет. Да она как будто и не глупа. А впрочем, знаешь ли, и не умна. — Ну да. — Ну да. Пожалуй, не умна, так, как следует бабе.

[7] *Слова:* Н-нет, не глупа ∾ ни умна — *зачеркнуты и над ними и на полях вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции романа:* — Нет, не глупа, — ответил Раскольников, чтоб поддержать разговор, он так и прикинулся скучным.

— Самый неожиданный характер, братец, повторяю тебе, — продолжал Разумихин, совершенно понимая, что Раскольников говорить с ним не хочет и что сам Раскольников по лицу его увидел, но, не смущаясь этим нисколько.

[8] Ущипнуть ∾ из руки. *вписано. Ниже между строками вписан близкий к окончательной редакции текст:* у нас всё, так сказать, одна еще только эмблема чего-то, чего ни я, ни она не знает

[9] уже не студент *вписано.*

[10] вдруг испугалась ∾ всё разорвал *вписано.*

[11] *Было:* не выдержа и злобно. *Над строкой вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции:* злобно проговорил Раскольников

почти [1] просит... в Пензе...[2] А я лгал... чтоб меня на квартире держали.[3]

— Да, это ты благоразумно... Только вся штука в том, что тут и подвернулся г-н коллежский асессор Чебаров. Сонечка без него ничего бы не выдумала.[4] Занимается этот г-н Чебаров делами, т. е. делишками,[5] службу тоже имеет.[6] Сатирические стишки тоже пишет, общественные пороки преследует, предрассудки искореняет,[7] от трех рыб, на которых земля стоит,[8] в благородное негодование приходит.[9] Но главное — делишки, и между прочим вот какое [10] — корнетов, играющих на пистоне, сатирически обличает. За это от трех до семи целковых [11] еженедельно от журналиста берет, — ну и деньги. Им бы только деньжонки тем иль другим порядком, видишь ли! Много у нас теперь таких Чебар⟨овых⟩.[12] Люди они деловые и [13] благородным негодованием торгуют, но больше делами заведуют.[14] Всякими. И по процессам, и по сутяжническим,[15] и в рост дают, и распивочные на чужое имя снимают,[16] и между прочим вот по каким делам: у Сонечки, например, вексель в 115.[17] Вопрос: есть ли надежда осуществить? Есть, потому, дескать, есть такая мамаша, ⟨с. 96⟩[18] которая год не есть будет, а уж из своего пенсиона в 120 руб. 75 руб. хоть года в полтора,[19] а отложит. Вперед заложит, да сестрица-гувернантка в петлю пойдет, а братца выручит. Что шевелишься-то? Я, брат, теперь всё, всю твою подноготную разузнал и любя говорю, всё понимаю.[20] Ведь с Сонечкой ты на родственной ноге стоял и откровенничал. Вот то-то и худо! [21] Самой-то бы Сонечке по твоему делу этого и не

---

[1] *Вместо:* милостыню почти — *было:* чуть не подаян⟨ие⟩

[2] *Далее было:* сказал я

[3] *На полях:* Может, [она] хозяйка потому-то и вознегодовала на тебя, что ты не [хотел] умел с этого боку начать. Ужас уж как это им обидно, коли кто не умеет.

[4] *После:* не выдумала — *над строкой вписано:* Очень уж стыдлива.

[5] т. е. делишками *вписано.*

[6] *Далее было:* Хоть и

[7] *Вместо:* общественные ∾ искореняет — *было:* пороки обличает

[8] на которых земля стоит *вписано.*

[9] *На полях:* Это, брат, уж такие акулы на свете есть, в море плавают. Всякие на свете есть люди, брат Вася. До нас с тобой это не касается, мы люди хорошие. *На полях с. 97:* Я, брат, если ты хочешь, и сам против трехрыбия, да ведь этот трехрыбием торгует и уж кроме трехрыбия ничего от него не дождешься.

[10] Но главное ∾ какое *вписано.*

[11] *Вместо:* от трех до семи целковых — *было:* целковых по три

[12] Им бы только ∾ Чебар⟨овых⟩. *вписано.*

[13] *Далее было:* этим

[14] *Далее было:* Он, например

[15] *Далее было:* и по искам

[16] и в рост ∾ снимают *вписано.*

[17] *Было:* 75

[18] *Внизу на полях с. 96:* Как [говорит] выражается артельщик купца Шелопаева.

[19] хоть года в полтора *вписано.*

[20] и любя говорю, всё понимаю *вписано.*

[21] Вот то-то и худо! *вписано.*

выдумать, телесна уж очень,[1] да порекомендовали ей Чебарова.[2] А кстати, тот и выдумал ей махинацию,[3] потому что — верь ты мне — насчет того, как деньги содрать, нет такой шельмы, как те,[4] которые от трех рыб в негодование приходят и этим торгуют.[5] Именно, заметь это себе и напредки, и если, примером, ты трехрыбному задолжал или он тут только руку свою замешал,[6] так уж тотчас [7] норовит тебя в дом Тарасова. На том стоят-с. Это у них положительный элемент и презрением к предрассудку называется, презрение к долгу, но не к долгам, в том случае, если им должен.[8] Ну а Чебаров именно из трехрыбных, т. е. тех, которые дальше трех рыб ничего не знают.[9] Понюхал и за 10 целковых взялся вести дело. Вексель-то твой он и не думал у Сонечки покупать; [10] но у них так на бумаге сделано было,[11] что будто бы, дескать, он теперь и проприетер, купил, дескать, потому, видишь, Сонечка слишком уж деликатна, посовестилась — дочкина жениха сама в Тарасов тащить, ну и наняла кита тебя проглотить.[12] Я всё это дело по-приятельски от Заметова разузнал. Мы с ним у Лавизы были.[13] Лавизу Иван⟨овну⟩ помнишь? Лавизу знаешь? Славный он человек. Мы тут всей компанией чуть не каждый вечер в одном трактирчике сходимся.[14] Пошел я потом к Чебарову, так веришь ли, во все часы дня я к нему раз по 5 [15] заходил, целых три дня записки оставлял, дескать, по делу такого-то; нет как нет: и чем свет, и в обед, даже в час ночи [16] — всё на даче, да и только, потому что у него дача и лошади есть. Ну уж добрался бы я до него, пустил бы ему и струю [17] электричества, да на ту пору у нас

---

[1] *Вместо:* по твоему делу ∾ телесна уж очень — *было:* этого и не выдумать

[2] *Между строками:* столкнули ее по одному другому делу с Чебаровым

[3] *Вместо:* А кстати ∾ махинацию — *было:* Тот человек деловой *Между строками:* Ну а надворный советник выдумал

[4] *Вместо:* как те — *было: а.* как *б.* против *в.* как ну из тех

[5] *Вместо:* и этим торгуют — *было:* (N3. Три рыбы — это их предел и *Между строками:* как иной сатирический человек из трехрыбного сорта

[6] *Вместо:* руку свою замешал — *было:* вмешался

[7] *Вместо:* это себе ∾ тотчас — *было:* Кто дальше трех рыб не пошел, тот уж охулки на руку не положит, и если ты задолжал нигилисту, так уж тот[час]

[8] но не к долгам ∾ должен. *вписано.*

[9] т. е. тех, ∾ не знают. *вписано на полях. Между строк вписано:* что и в сатире описал и проторг⟨овал⟩, якобы Юленька ему его продала уплатою, так у них и сделано было

[10] *Вместо:* твой он и не думал у Сонечки покупать — *было: а.* он не купил *б.* твой он и не думал совсем покупать

[11] сделано было *вписано.*

[12] *Вместо:* дескать, он ∾ проглотить. — *было:* он купил, потому, видишь, Сонечка посовестилась. Ну и стал с тебя требовать.

[13] *Далее было начато:* Пошел

[14] Лавизу ∾ сходимся. *вписано. На полях с. 84 запись:* N3. Мы тут каждый день в трактирчике одном собираемся.

[15] *Было:* 15

[16] *Было:* на ночь

[17] и струю *вписано.*

с Сонечкой [1] гармония вышла, так я и повелел ей это дело покончить,[2] поручившись, что ты ей заплатишь. Я, брат, за тебя поручился. Слышишь? Ну тогда она и заявила [3] Чебарову, чтоб дело покончить,[4] а ему 10 целковых за труды отдала. Был доволен.[5] Потому что дельцо это с жаром обделывал да еще сколько жару-то литературного [6] положил. Я читал в конторе его требование о взыскании: «Долгом, дескать, считаю присовокупить, что №.№. намеревается столичный город С.-Петербург оставить». И ведь соврал, где тебе, №, что-нибудь оставить? Да ведь деловой человек. Ну ⟨с. 97⟩ не равно вздумаешь улизнуть, так вот и доносик полиции: смотри, дескать, в оба.[7] Клопштока ведь он выпустил лет 20 назад. Это я от Херувимова разузнал.[8] Так ли, Настасьюшка? Вот они теперь лежат эти десять целковых и в гости просятся.[9] И только теперь вижу я, Вася, что я дурак. Хотел тебя развлечь, болтовней потешить, а кажется, жёлчь нагнал.[10]

Я отворотился и через минуту спросил: [11]

— Это я тебя в бреду подле себя видал... и не узнавал? [12]

— Меня, и даже в исступление входил.[13] Я однажды к тебе с Заметовым заходил.

— С Заметовым? с письмоводителем? Зачем? [14]

— Да чего ты встревожился, познакомиться с тобой пожелал... сам пожелал.[15] Славный, брат, он малый... Мы с ним у Лавизы были, много [16] с ним о тебе говорили. Теперь приятели. Иначе от кого ж бы я про тебя-то узнал.[17]

---

[1] *Вместо:* да на ту пору у нас с Сонечкой — *было:* да с Сонечкой у нас

[2] *Вместо:* ей это дело покончить — *было:* ей дело кончить

[3] *Было:* написала

[4] *Было:* кончить

[5] *Далее было:* Таким образом, за 10 рублей [они в акулы нап⟨маются⟩] служить акулами нанимаются, палачами, тюремщиками

[6] литературного *вписано.*

[7] *Вместо:* Да ведь ∾ в оба. — *было:* Да вот, дескать, доносил полиции: смотри, дескать, [в оба] лучше, не равно улизнет.

[8] Клопштока ∾ разузнал. *вписано.*

[9] *Вместо:* Так ли ∾ просятся. — *было:* Но так-то, брат Вася: у него-то вот и дрожки, и дача, и [слава] благородная репутация: трех рыб, дескать, отвергает. Ну а нам мамаша последний свой [кусок] кусочек вдовий присылает. Так вот те десять целковых и эти вот десять целковых, что здесь на столе лежат и в гости просятся. Так ли, Настасьюшка?

[10] *Далее было:* Что, Вася, как? — Ничего... — отвечал я, отворачиваясь. — Слушай, так *На с. 97 на полях запись:* подразвеселить тебя

[11] *Между строками вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции романа:* спросил Раскольников, помолчав с минуту и не оборачиваясь

[12] *На с. 91 на полях вариант:* Я тебя в бреду видел и никак не мог догадаться, кто ты?

[13] *Было:* в исступлении от этого был

[14] *Вместо:* С Заметовым? с письмоводителем? — *было:* С Заметовым? [Зачем? У меня сердце дрогнуло.] С тем... письмоводителем?

[15] *Вместо:* Да чего ты ∾ пожелал. — *было:* [А так он] Да познакомиться сам желал.

[16] *Далее было:* я

[17] Мы с ним ∾ узнал. *вписано.*

— Бредил [1] я что-нибудь?
— Как же. Себе не принадлежали.
— Об чем я бредил? [2] — спросил я,[3] силясь приподняться с постели.
— Эвося! об чем бредил! [4] Да ты не приподымайся.[5] Известно, об чем бредят. Ну, брат, а теперь, брат, надо за дело...[6]
— Да [7] об чем?..
— Бредил-то? Ах ты, господи, вот ведь наладил! Да уж не за секрет какой боишься? [8] Не беспокойтесь: об графине ничего не было сказано. А вот об бульдоге каком-то,[9] да об дворнике, да об Александре Ильиче, да об Никодиме Фомиче — много было говорено.[10] Поразили они тебя, видно, очень тогда.[11] Да, кроме того, собственным вашим носком вы очень, очень даже интересовались.[12] ⟨с. 98⟩ Жалобились. Подавай, дескать, мой носок с ноги да и только. Заметов сам по всем углам нарочно твои носки отыскивал [13] и собственными вымытыми в духах ручками, с перстнями,[14] вам эту дрянь подавал.[15] Тут только [16] вы и успокоились и целые сутки в руках эту дрянь держали... Да как еще! и вырвать нельзя.[17] Должно быть, и теперь где-нибудь подле вас под одеялом лежит. А то еще бахромы просил на панталоны. Заметов долго допытывался: какая бы такая сия [18] бахрома? [19]

Я не отвечал и притих.[20] Заметов был у меня. Заметов носки рассматривал. Я ощупал рукой, так и есть: один носок и теперь подле меня. Я крепко его стиснул в руке...

— Ну-с, так за дело, — продолжал Разумихин. — В том дело, что я беру из твоих тридцати рублей,[21] с твоего позволения, ибо вижу, что они в гости просятся,[22] и немедленно возвра-

---

[1] *Было:* Послушай, бредил
[2] *На с. 91 на полях запись:* Об чем я бредил...
[3] *Было:* он
[4] *Далее было:* Мало об чем. И про
[5] Да ты не приподымайся. *вписано.*
[6] *Вместо:* Ну, брат, а теперь, брат, надо за дело... — *было:* Всё пустяки. Теперь, брат, надо за дело...
[7] *Было:* Да нет!
[8] *Вместо:* Бредил-то? ∾ боишься? — *было:* Ах ты, боже мой! Вынь да положь. Эк его. Значит, за секрет какой боишься?
[9] *Вместо:* бульдоге каком-то — *было:* собаках
[10] *Было:* сказано
[11] Поразили они ∾ тогда. *вписано.*
[12] *На полях с. 92 заметка:* бредил — носок
[13] *Вместо:* по всем углам нарочно твои носки отыскивал — *было:* [их] в углу отыскал носки
[14] с перстнями *вписано.*
[15] *Было:* подал
[16] *Было:* *а.* Еще *б.* Так
[17] Да как еще! и вырвать нельзя. *вписано.*
[18] *Было:* это
[19] А то еще ∾ бахрома? *вписано.*
[20] *Далее было:* Заметов искал носки и
[21] *Вместо:* из твоих тридцати рублей — *было:* сии десять рублей
[22] ибо вижу ∾ просятся *вписано.*

щаюсь.[1] А вы, Настенька,[2] что им[3] надо будет, — так не оставьте-с. Да варение чтоб было. Непременно малиновое.[4] А впрочем, я сам зайду к Сонечке.[5]

— Сонечкой зовет.[6] Ах ты рожа повадливая,[7] — сказала Настасья, очевидно вся уж давно очарованная Разумихиным, как только он вышел.[8] Я молчал: она оборотилась, сначала отворила дверь, подслушать, а потом и сама вниз сошла. Ей уж очень интересно знать было, как он там будет с Сонечкой...[9]

Как только ушла она, я тотчас же выдернул носок, *тот самый*, с левой ноги, и стал пристально его рассматривать на свет: заметно ли что-нибудь? [10] Но носок этот был и прежде уж до того заношен, черен и грязен, и потом, уже после того, я до того затер его в земле [11] и смочил, что не было возможности на глаз угадать, что тут была кровь. Весь конец носка и, главное, подошва его составляло,[12] напротив, одно большое темно-бурое пятно. Я успокоился: [13] Заметов ничего не мог рассмотреть,[14] но все-таки любопытно, что он был здесь сам и успел уже сойтись с Разумихиным.[15]

Всего более злило меня, что я чувствовал себя так слабым, ⟨с. 99⟩ беспомощным и в опеке у Разумихина, которого я вдруг почти возненавидел. Теперь он не отойдет от меня, пока я не поправлюсь,[16] а я до того еще слаб, что, пожалуй, рассудка не хватит и [17] что-нибудь неосторожно скажу. Лучше [18] совсем молчать. О, будь они прокляты! Я не хочу быть с ними, я хочу быть один! один, — вот чего я хочу. Раздражение и жар охватили меня. Что мне до них![19] И то,[20] что Разумихин меня отыскал, спас, лечил на свои деньги, лекаря приводил, время свое со мною терял,

---

[1] *На полях:* а вечером вам в них отчет принесу. Это, брат, уж так нужно...
[2] *Было:* Настасьюшка
[3] *Было:* ему
[4] Непременно малиновое. *вписано.*
[5] *Между строками:* N3. Зосимова [коль увижу] пришлю. А впрочем, я и сам зайду.
[6] *Было:* Ишь, Сонечкой зовет.
[7] *Было:* повадливая, хитростная
[8] *Вместо:* очевидно вся ∾ вышел — *было:* по-видимому, до крайности довольная Разумихиным
[9] *Далее вариант к третьей (окончательной) редакции романа:* Наконец-то он остался один.
[10] *Было:* заметна ли кровь?
[11] *Было:* пыли
[12] *Вместо:* Весь конец носка ∾ составляло — *было:* Весь носок составлял
[13] *Далее было начато:* Но все-таки меня мучил
[14] Заметов ∾ рассмотреть *вписано.*
[15] *Далее было:* Господи, когда ж это кончится?.. И что еще будет? *На полях было вписано:* Я был холоден, зол. Надоедал Разумихину и молча злился на Заметова.
[16] *Было вписано:* и я никуда
[17] *Вместо:* пожалуй, рассудка не хватит и — *было:* боюсь даже за свою голову, боюсь, что здравого рассудка не хватит и я
[18] *Было:* Лучше всего стараться
[19] один, — вот чего ∾ них! *вписано. Далее было:* теперь
[20] *Было:* То

дела мои устроил[1] и напрягает все усилия, чтоб меня утешить и развлечь, — всё это меня только терзало и злило. Я с холодною злостью ожидал его возвращения. Между тем голова[2] очень болела и всё кружилось. Я закрыл глаза.[3] Настасья скрипнула дверью, вошла, посмотрела[4] и, думая, что я заснул,[5] опять вышла вон.[6]

Убежать от них, подумал я, и эта идея до того воспламенила меня, что я приподнялся в постели, но в бессилии опять упал на подушку.[7] ⟨с. 100⟩

Часа через полтора, уже к сумеркам, послышался на лестнице громкий и звонкий голос Разумихина. Я было забылся. От голоса его меня так и перевернуло.[8] Он отворил дверь, но, увидав, что глаза мои[9] закрыты, остановился молча на пороге.[10] Тут я взглянул на него.[11]

— А, не спишь, ну вот и я. Настасья, тащи всё, — крикнул он вниз. — Сейчас отчет получишь, а лихо же ты поспал! — В руках у него был узел,[12] и вид был торжественный.[13]

Я холодно смотрел на него.

---

[1] *Далее было:* [и теперь] [как] [точно] сейчас

[2] *Было:* голова моя

[3] *Далее было начато:* В

[4] *Было:* посмотрела на меня

[5] *Было:* сплю

[6] *Далее было:* [Я ненавидел ее и именно злился за то, что она сама говорить не начинает.] «Вот она, — думал я, — сама не заговаривает, а давно уж обо всем слышала... Я еще давно, еще до того, рассчитывал, что она мне вести и слухи передавать будет...» Я до того был раздражен, что о бедной матери и о посылке ее я не подумал.

И откуда мать бедная взяла денег? Я об ней и не подумал! О нет, думал! думал! и [давно] мучился. Но они, они кругом! Они меня погубят! О, зачем я болен. Убежать бы куда-нибудь!

[7] Убежать от них ∾ на подушку. *вписано на полях.*

[8] *Вместо:* Я было ∾ перевернуло. — *было:* Я так и вздрогнул.

[9] *Было:* у меня

[10] *Вместо:* молча на пороге — *было:* и выжидал. Но

[11] *Вместо:* Тут я взглянул на него. — *было: а.* Я открыл глаза. *б.* Тут я поглядел на него. *На полях и между строками с. 100 вписаны наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1.* Он слегка открыл один глаз, не показывая и вида, что проснулся, и увидал Разумихина, который отворил дверь настежь и стоял на пороге, недоумевая, войти или нет. — Раскольников открыл глаза. *2.* Он [проснулся уже] проспал часов шесть и проснулся уже ввечеру, на пороге стоял Разумихин, отвори⟨вший⟩ дверь настежь и смотревший как-то внимательно.

[12] *Было:* узелок

[13] *На полях вписан набросок к третьей (окончательной) редакции романа:* Раскольников с изумлением приподнялся.

— Что это! Который час? — крикнул он.

— Да часов 6 спал уже верных. Ну как себя чувствуешь? *На с. 100 на полях также позднее вписано:* — Я здоров, я совсем здоров. Напрасно вы хотите меня сделать больным. Разумихин, ты здесь давно?

— Да заходил уж два раза. Заметов и проч.

— Нет, а прежде, давно ты сюда при⟨одил⟩. Как первый-то раз.

— Да ведь я же давеча тебе рассказал.

Раскольников задумался.

— Спать дело хорошее, и вот, брат Вася, я тебя до завтра оставлю.[1] Спи. Это тебе полезно.[2] Я к Бакавину заходил по дороге, сейчас явится [3] на тебя посмотреть. А покамест, до Бакавина, посмотрим-ка покупки. Вот и Настасьюшка нам компанию сделает.[4] — А Настасья [5] была уже в комнате. Она,[6] кажется, отстать не могла от Разумихина.

— Ну-с, и во-первых, — продолжал [7] он, развязывая узел, — во 1-х — картуз. Позволь-ка примерить. — Он подошел ко мне, приподнял меня и приготовился примерять мне картуз.[8]

Я с отвращением оттолкнул было его.

— Не надо. Завтра... — проговорил я.[9]

— Нет уж, брат Вася, ты не противься. Завтра — поздно,[10] да и я целую ночь от беспокойства не буду спать,[11] потому я картуз без мерки наугад покупал. Как раз! — вскрикнул он торжественно, — как раз по мерке! Теперь засну спокойно! [12] Это, брат Вася! самая первая вещь, — продолжал он, сняв картуз и в наслаждении смотря на него. — Головной убор,[13] говоря вообще, неминуемо способствует успехам в высшем обществе. Тут вся житейская философия.[14] Каскетка удивительная,[15] — продолжал он любоваться [16] весьма серьезно. — Ну-с, Настенька, вот вам два головные убора, сей пальмерстон (он достал из угла мою исковерканную круглую шляпу, которую, неизвестно почему, назвал пальмерстоном,[17] и положил рядом с купленным карту-

---

— Как во сне помню, а где деньги взял. Письмо? Артельщ⟨ика⟩ помню. Спасибо.

— Ну слава богу, теперь я вижу, что ты в здравом уме. А давеча, ей богу, я даже стал на тебя обижаться. Эх, Родя! У меня сегодня вечерок. Я переехал. Вот кабы ты тоже зашел.

Раскольников молчал.

Зосимов (Раздражительность еще есть).

[1] *Далее было:* Я

[2] *Вместо:* Это тебе полезно. — *было: а.* Это тебе даже полезно. *б.* Это тебе полезно теперь.

[3] *Было:* придет

[4] *Вместо:* нам компанию сделает — *было:* будет смотреть

[5] *Вместо:* А Настасья — *было: а.* Настасья *б.* А та

[6] *Далее было:* не

[7] *Было:* начал

[8] *Вместо:* и приготовился примерять мне картуз — *было: а.* и обхватил левой рукой мою голову *б.* и обнял меня

[9] *На полях:* Я с отвращением оттолкнул было его.

— Завтра.

— Нет, брат, я не успокоюсь, покупал без мерки, на глаз.

[10] *Было:* поздно будет

[11] *Вместо:* от беспокойства не буду спать — *было:* [спать не буду] не засну от беспокойства

[12] Теперь засну спокойно! *вписано.*

[13] *Далее было: а.* это самая первая вещь и *б.* всё равно, что философия

[14] Тут вся житейская философия. *вписано.*

[15] *Вместо:* Каскетка удивительная — *было:* Удивительный картуз

[16] *Далее было:* и

[17] которую ∾ пальмерстоном *вписано.*

зом[1] ⟨с. 101⟩ на столе), сей пальмерстон или сие щеголеватое приобретение? Знаешь, Вася, мы эту круглую шляпу[2] в академический музей пожертвуем и скажем, что это птичье гнездо из Зангвебара, а что яйцы все дорогой разбились. Ну-с, далее:[3] оцени-ка, Вася. Как ты думаешь, что заплачено[4] за картуз? Настасьюшка! — обратился он к ней, видя, что я молчу.[5]

— Да што... Двугривенный, небось, отдал, — отвечала Настасья, тоже рассматривая картуз.[6]

— Двугривенный, дура! Шесть гривен. Разве можно за двугривенный в наше время фуражку купить?[7] Да еще с уговором, износишь этот, на будущий год другой картуз уж даром дают.[8] Ей богу.[9] Ну-с, приступаем теперь к соединенным американским штатам. Каковы, брат, штаны? Предупреждаю: штанами горжусь! — и он расправил[10] перед нами серые, весьма приличные, но поношенные тоже,[11] казинетовые шаровары. — Ни дырочки, ни пятнышка, а поношенные. Такова же и жилетка, одного цвета, как мода требует, потому, брат, что ни говори,[12] тоже поношенная, не спорю, но почти лучше, чем не поношенная.[13] Видишь, Вася, чтоб сделать в свете карьеру, достаточно, по-моему, сезон наблюдать. Теперь летний сезон, ну и всё это летнее — и жилетка и шаровары. К осени, разумеется, всё это развалится, как Вавилонская монархия, хоть не от[14] роскоши, а от внутренних неустройств,[15] но, во-первых, тогда и без того сезон более теплой материи потребует, а во-2-х, все-таки нам весьма почтенные лоскутья останутся, ⟨с. 102⟩ зимой на портянки. Ну, много ль? Цени![16]

---

[1] *На полях набросок к третьей (окончательной) редакции романа:* Настасья положила перед ним узел, и он с торжеством стал развязывать, лукаво посматривая на Раскольникова.

— Это, брат, у меня, брат, особенно на сердце лежало, — начал он, развязывая. — Ну, начнем сверху. Во-первых, видишь, и продают у ювелиров только. *Рядом помета:* с торжеством разглядывает

[2] *Вместо:* эту круглую шляпу — *было:* это

[3] *Было:* к делу

[4] *Было:* заплатил

[5] *На полях:* Обрадовался, что я говорил с ним.

[6] *Было:* любуясь картузом

[7] *Вместо:* за двугривенный ∾ купить — *было:* *а.* дешевле найти *б.* за двугривенный в 19-м веку такую фуражку купить

[8] *Вместо:* на будущий год ∾ дают — *было:* другой даром дадут

[9] *Вместо:* Ей богу. — *было:* На том стоят. Ей богу.

[10] *Было:* выставил

[11] весьма приличные, но поношенные тоже *вписано.*

[12] потому, брат, что ни говори *вписано.*

[13] не спорю ∾ не поношенная *вписано. Между строк вариант:* но ведь это даже и лучше: мягче как-то, нежнее

[14] *Вместо:* хоть не от — *было:* от усилившейся

[15] как Вавилонская монархия ∾ неустройств *вписано.*

[16] *Вместо:* зимой ∾ Цени! — *было:* теперь как ты думаешь, много ль?..

Он победоносно посмотрел скорее на Настасью, чем на меня,[1] мой холодный и даже злобный взгляд, очевидно,[2] смущал его.[3]

— Рубль двадцать пять серебром, ни больше ни меньше, за штаны и жилет.[4] Ведь это уж совершенно даром и сверх того ведь тоже с условием: износишь — имеешь право другие в той же лавке на выбор потребовать из самого что ни есть лучшего английского трико. Даром отпустят.[5] Ну-с, приступим теперь к сапогам. Вася, смотри, ведь поношенные,[6] а как ты думаешь — месяца на три удовлетворят. Это уж будь! Это уж я брал зазнамо. Я в сапогах специалист и этим горжусь.[7] Эта же пара только[8] неделю и была в нóске, и работа заграничная:[9] секретарь английского посольства на Толкучем спустил, Деньги очень[10] понадобились.[11] Цена 1 рубль с пересылкой.[12] Удачно?

— Да может, не в пору,[13] — сказала Настасья.

— А это што? — и он торжественно[14] вытащил из своего кармана мой сапог, грязный, с ужасной дырой, весь закорузлый и засохший.

— Я с запасом ходил, и как натуралист[15] восстановлял по одной косточке целый скелет, так и в лавке Фомина по этой[16] развалине восстановили мне настоящий размер,[17] да еще сказали: на том стоим-с, и скорей уж натуралист соврет, чем Фомин.[18] Теперь, Вася, наступает статья интимная:[19] рубах у тебя нет ничего, это, я знаю, дрянь[20] — так вот две холстинные с модным верхом,[21]

---

[1] *Вместо:* посмотрел ∾ на меня — *было:* смотрел [кругом] на меня и

[2] *Было:* кажется

[3] мой холодный ∾ смущал его. *вписано на полях.*

[4] *Вместо:* штаны и жилет — *было:* пару

[5] *Вместо:* Ведь это ∾ отпустят. — *было:* [Даром, даром совершенно, даром] Даром ведь, совершенно даром и тоже с условием: износишь — другие на выбор. *На полях вписано:* У Федякова в лавке иначе и не торгуют. Кто раз купил, тот уж на будущий год может всегда даром заимствовать.

[6] *Было:* смотри, поношенные

[7] Я в сапогах ∾ горжусь. *вписано.*

[8] *Вместо:* Эта же пара только — *было:* *а.* Да и новые — *начато, б.* Только

[9] *Вместо:* была в нóске, и работа заграничная — *было:* носилась

[10] *Было:* говорит

[11] Деньги очень понадобились. *вписано.*

[12] *Вместо:* Цена 1 рубль с пересылкой. — *было:* Цена 1 рубль серебром без пересылки.

[13] *Далее было вписано:* ему

[14] торжественно *вписано.*

[15] *Было:* Кювье

[16] *Было:* по сей

[17] *Вместо:* восстановили ∾ размер — *было:* угадали мне мерку

[18] *Вместо:* и скорей ∾ Фомин — *было:* ну а натуралист-то, пожалуй, и наврет

[19] наступает статья интимная *вписано.*

[20] это, я знаю, дрянь *вписано.*

[21] с модным верхом *вписано.*

поношенные правда, но оттого они еще крепче стали:[1] полтора рубли пара,[2] невыразимых две штуки: одна штука за деньги, а другая даром в придачу,[3] да и довольно с тебя, потому, брат, невыразимые такая вещь, которая скрыта от глаз... общества, тем более высшего.[4] Ну-с, полтора рубля да рубль — два с полтиной, да рубль двадцать пять, да потом еще шесть гривен, итого — четыре рубли тридцать копеек и вдобавок пять рублей семь гривен в остаче, и вот они (он выложил деньги на стол).[5] Весь костюм, с ног до головы, потому что, по моему мнению, твой пальмерстон [6] не только ⟨с. 103⟩ еще может служить, но даже имеет в себе какой-то вид особенного благородства.[7] Ну-с, а на счет носков и проч. К черту их, к чему? Эту статью уж ты сам разрешить сможешь. Советую отмыть [8] теперешнюю твою рубашку, и так как она давно уже вся в развалинах, то надери себе из нее портянок. Хватит пары на две, не говорю уж об том, что теперь это повсеместно в моду входит, даже между дамами.[9] Ну-тка, давай-ка я тебе нижнюю рубашку переменю.

— Не надо... не надо... — отмахивался я руками.[10]

— Невозможно, Вася, ты ее до того заносил, до того в ней потел и проч., и проч., что, пожалуй, болезнь от того дня три лишних продержится. Давай, давай! Настенька, не конфузьтесь, а лучше помогите. Вот так!

И он насильно переменил на мне белье. Настасья взяла старую рубаху, чтоб вымыть.[11] Я был в бешенстве,[12] — повалился на изголовье и заплакал от злости.

— Ну, ну, ну что! Экой ведь он!.. — крикнул Разумихин, совершенно переменяя свой выделанный и балагурный тон,[13] и даже с упреком посмотрел на меня.[14]

---

[1] *Вместо:* оттого они еще крепче стали — *было:* все-таки дорого стоит

[2] *На полях:* Потому, брат, хорошее белье чем больше носится, тем крепче становится: это статья известная.

[3] *Вместо:* невыразимых две штуки ∾ в придачу — *было:* невыразимые даром в придачу, всего одна штука

[4] *Вместо:* общества, тем более высшего — *было:* высшего общества

[5] и вдобавок ∾ на стол) *вписано.*

[6] *Было:* твое пальто

[7] *Вместо:* какой-то вид особенного благородства — *было:* еще что-то благородное

[8] *Было:* вымыть

[9] *Вместо:* повсеместно ∾ между дамами — *было:* [как] особенно в моде

[10] *Между строками набросок к третьей (окончательной) редакции романа:* — Пожалуйста, оставь это всё, оставь, оставь, — отмахивался Раскольников. — Я не хочу, скажи мне: из каких это всё денег?

[11] Настасья взяла ∾ чтоб вымыть. *вписано.*

[12] *Далее было:* не знаю почему

[13] *Вместо:* выделанный и балагурный тон — *было:* выделанный и веселый лад

[14] совершенно ∾ на меня. *вписано.*

— Не нужно мне нянек, не нужно мне никаких благодетелей и утешителей,[1] оставьте, оставьте меня, — хрипел я, всхлипывая.[2]

В эту минуту дверь отворилась и вошел Бакавин. Это был лекарь покамест без места,[3] лекарь очень искусный; белокурый, с какими-то большими, но бесцветными глазами, с улыбкой саркастической, высокий и одутловатый.[4] Я его и прежде встречал. С ним мне как-то всегда было особенно тяжело. ⟨с. 104⟩

— Ну что? — сказал он, пристально всматриваясь в мое лицо [5] и садясь па мою постель.

— Да вот всё хандрит, плакать вздумал, что мы ему белье переменили.[6]

— Понятно...[7] — Он пощупал мне пульс и голову.

— Голова-то всё еще болит? а? [8]

Я не отвечал.[9]

— Гм. Ничего. Хорошо. Всё хорошо. Ел он что-нибудь?

Ему рассказали и спросили, что можно давать?

— Да... Можно давать супу, чаю... сколько захочет.[10] У него па то своя мерка.[11] Грибов да огурцов, конечно, не давать.[12] А что надо будет, так завтра посмотрим. Микстуру прочь.[13]

— Завтра вечером я его гулять веду! — вскричал Разумихин. [14] — Вот и костюм приготовлен, в Юсупов сад заведу, а потом и в Пале де Кристаль [15] зайдем.

---

[1] не нужно мне ∞ утешителей *вписано.*

[2] *Далее между строками на полях было вписано:* Разумихин очень грустно, с истинною печалью смотрел на меня.

— К чему, зачем ты, — говорил я с злобным ядом, — к чему ты со мной говоришь, как нянька, шутками разными развеселить меня хочешь, што ли? Да не умеешь. Что за шутки про высшее общество, про пальмерстон... Ничего не умеешь... Не идет к тебе. —Я злобно засмеялся.

[3] *Далее было:* *а.* я об нем слышал *б.* я его и прежде видел

[4] *Вместо:* белокурый ∞ одутловатый — *было:* борода черная, [гладкая] глаза черные, одет в черное, лицо смугло-желтое, улыбка саркастическая

[5] *Было:* в меня

[6] *Между строк:* белье не хочет переменить

[7] *Далее было:* Белье можно бы было и после переменить

[8] *Было:* спросил он.

[9] *Слова:* Я не отвечал. — *позже зачеркнуты и вместо них вписан вариант, относящийся к третьей (окончательной) редакции:* Я здоров, я совершенно здоров! — настойчиво и раздражительно произнес Раскольников, приподымаясь. *Между строками набросок:* Я здоров, я здоров, я не позволю распоряжаться, я могу ходить. *На полях:* Я здоров.

[10] *Вместо:* Да... Можно ∞ захочет... — *было:* Да всё то же. Супу, чаю... Ну, сколько захочет.

[11] *Далее было:* *а.* теперь *б.* есть

[12] *Над строкой:* разумеется, нельзя

[13] Микстуру прочь. *вписано между строками. На полях:* Что надо будет... Завтра я посмотрю. Чего тут? Микстуру прочь, всё прочь... Неудовлетворен — понятно. Говядины только нельзя.

[14] *Далее было:* — Это положено.

[15] *Над строкой:* и в Palais de Cristal

— Ну, завтра-то его я бы и шевелить еще не стал, [1] — апатически проговорил Бакавин.[2]

— Экая досада, а послезавтра? [3]

— И послезавтра.

— Экая досада, а я именно хотел его с Заметовым свести. Все углы знает и везде хозяин.

— Углы углами, а кроме-то углов,[4] что может быть у тебя или у него с Заметовым общего? — спросил Бакавин, указывая на ⟨с. 105⟩ меня [5] и как-то особенно скривив свои губы в обличительную улыбку.[6]

— Ох уж вы, всё-то вы на принципах,[7] глупость! А я так вот всякого хорошего человека люблю. Хорош человек — вот и принцип.[8] А с Заметовым и действительно есть у меня одно такое общее дельцо.[9]

---

[1] *Вместо:* Ну, завтра-то ∾ не стал — *было: а.* Нет, завтра-то его и шевелить нельзя будет *б.* Нет, по-моему, завтра-то я бы его и шевелить *Над строкой:* его шевелить нельзя. Надо еще пол⟨ежать⟩

[2] *Позднее исправлено:* Зосимов

[3] *Вместо:* Экая досада, а послезавтра? — *было: а.* Экая досада, ну а послезавтра? *б.* Што ты! *Далее как в тексте. На полях и между строками вписаны наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1.* Пожалуй, немного можно... Если погода.

— Эх, кабы сегодня ко мне, буду дома.

— Я могу и теперь [ходить] [куда угодно] ходить и куда угодно пойду..., если захочу.

— Кто будет?

Зосимов промолчал.

— Эх, досада! — крикнул Разумихин. — Сегодня я новоселье справляю, два шага, вот бы и он. Ты-то будешь? Ведь обещал, — обратился он вдруг к Зосимову.

— Да я не знаю, пожалуй, кто будет-то?

— Да всё здешние, право, у меня то два месяца нет гостей, то вдруг их целая туча. Кто? Такой почтмейстер, где-то в уезде всю жизнь пробыл, пенсион теперь получает. Бедный человек, всё молчит, а я его очень люблю, так лет в пять по разу. Всё здешние современные. [Есть] Кроме разве старика дяди, древнего старика, шестидесяти пяти лет, неделю как в Петербург по делам приехал. Как-нибудь видишь. Ну а там все прочие. Порфирий Степаныч, пристав следственных дел, твой приятель. Да полно, не гримасничай, что вы поругались-то, так уж — ты не придешь, пожалуй.

— Кой черт мне.

— Пестряков студент, вот в этой истории. Офицер один, естественнонаучник один, учитель один, мальчик один, ну да черт, всё равно. Заметов будет. Эх, брат Родя, как бы я хотел его... Ну да ничего! Р⟨аскольников⟩ не понимал. *Между строками на с. 107 вписано:* Пестряков — вот он у меня будет сегодня.

[4] *Вместо:* Углы углами, а кроме-то углов — *было:* Углы, конечно, углами, а что кроме-то того

[5] *Вместо:* что может ∾ указывая на меня — *было: а.* что у тебя общего с этим Заметовым *б.* что может быть у тебя или у него (он на меня показал) с Заметовым общего

[6] *Вместо:* как-то особенно ∾ улыбку — *было:* искривив свои губы в вопросительно-насмешливую улыбку

[7] *Вместо:* Ох уж вы, всё-то вы на принципах — *было:* Ну уж вы, всё-то принципы

[8] Хорош человек — вот и принцип. *вписано.*

[9] *Вместо:* у меня одно такое общее дельцо — *было:* одно дело

— Желательно знать? — продолжал Бакавин.[1]

— А по делу о маляре,[2] т. е. о красильщике-то? Уж мы его вытащим, а впрочем, и беды-то нет; и без нас выпустят, дело теперь совсем, совсем очевидное, а мы только пару ему поддадим.[3]

— Какой такой красильщик?

— Да ведь я ж тебе сказывал! [4] Аль нет? Нет, впрочем, не рассказывал; я тебе только начало дела рассказывал; вот про убийство старухи-то, ну а тут и маляр потом подвернулся.

— Про [5] убийство-то я и прежде твоего слышал... и даже в газетах читал, и этим делом даже особо интересуюсь.[6]

— Лизавету-то тоже зарезали, — вдруг перебила [7] Настасья, обращаясь прямо ко мне.

— Какую Лизавету? — пробормотал [8] я, будучи уж не в силах смолчать.

— А Лизавету Петровну, торговку-то. Не знаешь ее, што ль?[9] Она сюда вниз ходила. Еще тебе рубаху, вот ефту самую, починила.

— Эту рубаху? — чуть слышно повторил я за ней.[10] ⟨с. 106⟩ [11]

— А как же! Ты думал, чинила-то я! Я тонкой иглой шить не умею. Ишь в пяти местах заплат наставила, — бормотала она, перебирая рубаху, — уж у тебя и рубаха-то, ишь ведь! [12] Еще десять копеек с тебя [13] за чинку следовало, да ты и доселева не отдал... А убили беременную, нипочем били, ведь над нею кто захотел, тот и надругался.[14]

— Ну, так что ж маляр? [15] — перебил Бакавин, обращаясь к Разумихину.

---

[1] *Далее было вписано:* Да ведь я рассказывал аль нет?

[2] *Было:* А всё по делу о маляре...

[3] *Вместо:* Уж мы его ∾ поддадим. — *было:* Уж мы вытащим его из беды, а впрочем, и беды-то нет, дело теперь очевидное, а мы еще поработаем.

[4] *Было:* рассказывал

[5] *Было:* Да про

[6] и даже ∾ интересуюсь. *вписано. Далее было: а.* А вам зачем? *б.* А тебе па што? — Да следователь... Я с ним... я его... *На полях:* — А тебе тут што? — Да так. — А-а, понимаю. [Там в одном семействе встречаемся. А впрочем, тебе на што?]

[7] *Вместо:* зарезали, — вдруг перебила — *было: а.* убили, — брякнула вдруг *б.* убили, — вдруг [ввязалась] брякнула

[8] *Было:* ответил

[9] *Вместо:* Не знаешь ее, што ль? — *было:* Будто не знаешь.

[10] *Вместо:* Эту рубаху? ∾ за ней. — *было:* Рубаху эту починила, — повторил я за ней.

[11] *На полях наброски, относящиеся к последующему тексту (см. стр. 66, примеч. 3 и стр. 70, примеч. 15 и стр. 71, примеч. 1).*

[12] уж у тебя и рубаха-то, ишь ведь! *вписано.*

[13] *Было:* с тебя ей

[14] *Далее было:*

— И я ее знал, и мне она белье чинила. Идиотка она. Ее старуха беременную колотила. Я сам видел.

— Беременная, беременная шестой

[15] *Вместо:* Ну, так что ж маляр? — *было:* Так что ж тут маляр-то? *Между строками вписан вариант к третьей (окончательной) редакции романа:* Ну так что ж красиль⟨щик⟩?

— Да просто-запросто в убийцы записали.[1]

— Улики, что ль? Да... как же это? Опять, что ль, улики новые появились? — спросил Бакавин, видимо желая что-то выведать.[2]

— Какие, черт, улики! А впрочем, именно улика, да улика-то[3] эта не улика, вот что требуется доказать. Сначала они заподозрили двух этих, как бишь их, — ну,[4] Бергштольца да Копилина, студента. Фу, как это всё глупо! Так даже вчуже жёлчь поднимается.[5] Кстати, Вася, ты эту штуку тоже ведь знаешь.[6] Без тебя одно убийство случилось. И ведь тем замечательно, что эти убийства да разные штуки всё чаще и чаще.[7] Ты еще тогда выходил, ну да вот когда ты в часть ходил... Что ж я! да ты там ведь про это и слышал.[8] При тебе рассказывали, еще ты в обморок там упал. Это еще до болезни. Накануне как ты был у меня.[10]

— Как в обморок упал! Господи![11]

Я молча отвернулся.[12] Не мог я глядеть на них и чуть дышал.[13]

— Ну?

— Ну Бергштольц — этот толстяк-то, да и Копилин, самые удовлетворительные объяснения дали. Это уж ты слышал от Порфирья Филипьича.[14] Во-первых, что ж бы им за охота самим убить да тотчас и дворника привести. Дверь, дескать, ⟨с. 107⟩ [15] отперта. Дворнику пошли сказали, что изнутри заперта, а пришли — она вдруг отперта. Ну вот в этом-то и камень преткновения, это их сбило с толку.[16]

---

[1] *Вместо:* Да просто-запросто в убийцы записали. — *было: а.* А вот что маляр. Его просто-запросто стали подозревать, что это дело его. *б.* Да просто-запросто в убийцы пожаловали. *в.* Да просто-запросто чуть в убийцы не записали.

[2] *Вместо:* Улики, что ль? ∾ выведать. — *было:* [Улики, што ль?] Да он-то тут как? Улики, что ль, новые явились? Интересно.

[3] *Далее было:* тут

[4] двух этих, как бишь их, — ну *вписано.*

[5] Фу, как ∾ поднимается. *вписано.*

[6] *Вместо:* ты эту штуку тоже ведь знаешь — *было:* ты этой штуки новой не знаешь

[7] *Вместо:* Без тебя ∾ чаще и чаще. — *было:* Без тебя, т. е. когда вот ты тут лежал, [а здесь недалеко] а тут под боком у нас убийство случилось, т. е., впрочем

[8] *Вместо:* Что ж я! да ты там ведь про это и слышал. — *было:* Да ты слышал. Что ж я!

[9] При тебе ∾ там упал. *вписано.*

[10] *Между строками вариант:* Еще как в обморок-то упал; мне рассказывали, он в обморок там упал.

[11] *Было:* Господи! Господи!

[12] *Вместо:* Я молча отвернулся. — *было:* Заметов, подумалось мне. Я молча отвернулся к стене. *На полях было:* [Тут] Это

[13] и чуть дышал *вписано.*

[14] Это уж ты слышал от Порфирья Филипьича. *вписано.*

[15] *Вверху страницы заметка:* N3. Никакого спору с Бакавиным: просто-запросто коротко и ясно дело рассказывает.

[16] Это их сбило с толку *вписано. Между строками и на полях наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1.* Тут психология, тут по пси-

— И Бергштольца знаю, — сказал Бакавин. — Он у старухи просроченные заклады скупал.[1] Это шельма,[2] да то-то вот у нас — что шельма, что заклады скупал, так вот уж он непременно убил. Из чего он это вывел? Хвастунишка он.

— Знаю, вы чуть не подрались с Порфирием у Пороших.[3] Это правда, что Порфирий гордый, но со способностями, и следователь из него выйдет отличный. Теперь, при реформе, нам таких людей надо практичных.

— Ну да что дальше-то? [4] — с неудовольствием перебил Бакавин.[5]

— Ну так. Эти оба отвертелись тотчас, и студент, и Бергштольц, их [6] десятки свидетелей видели в последние полчаса. На каждую минуту свой свидетель представлен.

— Да это всё мне известно.

— К тому ж их обоих дворники видели, как они вошли, сначала Бергштольц,[7] а потом студент.[8]

— Это на квартиру-то пустую думают, что там убийца прятался, когда они приходили? [9] Это всё мне известно, вся эта теория, — насмешливо прибавил Бакавин. [10]

— Непременно, — с жаром вскричал Разумихин, как бы предвидя возражения, [11] — иначе повстречали бы его.

— Хитро. Только уж что-то больно всё это, — пробормотал,

хологическим данным иди, а они *2.* да и на факт смотреть с энтузиазмом целый мир открывает. *3.* тину их жирную, закорузлую, подлую — вот на что нападаю. А еще новые деятели. Ты Порфирия, впрочем, не кори, его не разберешь, всё молчит. А работник *4.* пропустит миг

[1] *Вместо:* И Бергштольца знаю ∾ скупал. — *было:* — Это я уж всё знаю, — сказал Бакавин. — Этот Бергштольц у ней просроченные заклады скупал и внизу же серебренику их продавал.

[2] *Далее было:* знаю

[3] *На полях с. 106 запись:* Насчет Порфирия [Ивановича] Филиппьича. — А што мне Порфирий Филиппыч? — Да уж что, слышал я, что вы за это дело с Порфирием чуть не подрались.

[4] *Вместо:* Ну да что дальше-то? — *было:* Ну, так что же? [что] как же этот

[5] Это шельма ∾ перебил Бакавин. — *вписано между строками и на полях.*

[6] *Вместо:* Ну так. ∾ их — *было: а.* Шельма, да не виноват. Обоих, и его, и студента *б.* Ну вот, по порядку. *Далее как в тексте.*

[7] *Было:* тот

[8] *Далее было:* Студент-то [выкупить] закладывать вещь приходил, так в такое время, каких-нибудь три минуты, как он там пробыл, нет возможности убийство совершить, несмотря на то что [еще] оба трупа, когда дворники вошли, были еще теплые. Значит, именно там в то время, как эти господа стучались, и убийца сидел, и они правду говорили, что заперто. Они его застали, ему помешали, и уж он бы попался, как мышь, если б Бергштольц не наскучил ждать студента и не пошел, дурак, тоже за дворником. Убийца крючок-то отворил да и был таков.

[9] *Перед фразой:* Это на квартиру-то ∾ приходили? — *было:* Знаю я все эти предположения.

[10] Это всё ∾ Бакавин. *вписано. Выше было вписано:* слышал

[11] с жаром ∾ возражения *вписано.*

скривив рот, Бакавин, — на тонину смахивает.[1] Надо бы потолще да пояснее.[2] ⟨с. 108⟩

— Эх ты, Бакавин, какой! — с горячим упреком и с болью крикнул Разумихин, — бесподобный ты малый и благороднейший человек, а ненависть какая в тебе. Что в одном доме встречаетесь и что враги, черт знает из-за чего, так вот и надо противуречить очевидности, не понимать! А по-моему, так Порфирий в самую, в самую точку попал.[3]

— Тут [4] у него, видишь, на первом шаге вопрос, который он разрешить не может: вместе ль в квартире были Лизавета и старуха, — хладнокровно сказал Бакавин,[5] — когда убийца их убивал,[6] иль он обеих порознь укокошил?

— Порознь, порознь! — вскричал, горячась, Разумихин. — В том-то и штука, што порознь, теперь на этом все дальнейшие догадки построены.

— Порознь — так значит, он стал бить старуху, а дверей не запер? Потому что в них потом другая вошла. Иначе, с какой бы стати ему впускать. Так он бы тоже обробел и притаился, как и от Бергштольца.[7]

— В том-то и дело, что эта незапертая дверь — выходит, драгоценнейший факт,[8] и на нем вся штука основывается.

— Хитро...

— Совсем не хитро.[9] Эк уж ты, Бакавин! Не взлюбишь человека, так и разорвать готов. Что вы там с этим Порфирием за одной и той же волочитесь, так уж...[10]

— Да полно вздор-то молоть, — побледнев, но спокойно сказал Бакавин.

— Вздор? [11] А факты? Факты показывают, что не вздор, не теория.[12] Теперь всё это восстановлено, и это непременно всё так! Убийца, во-первых, кто бы там ни был, был человек неопытный.

---

1 *Вместо:* Хитро. ∾ смахивает. — *было: а.* Да все-таки это как-то уж на тонину смахивает. *б.* Нет, уж это что-то ⟨*не закончено*⟩

2 *Далее было:* [Как они] Вот еще следователь полагает. Я следователя-то знаю, этот следователь фанфаронишко, психология!

3 Эх ты, Бакавин, какой! ∾ попал. *вписано на полях.*

4 *Было:* А тут

5 хладнокровно сказал Бакавин *вписано.*

6 *Вместо:* когда убийца их убивал — *было:* когда тот пришел

7 Потому что ∾ от Бергштольца. *вписано.*

8 *Вместо:* эта незапертая дверь ∾ факт — *было:* это — драгоценнейший факт

9 *Далее было:* Это был совершенно посторонний человек, который с первого разу до того обробел, что про дверь и забыл.

— Ну да, уж слышали, психологические этюды, хитро-с. *Далее было:* Уж

10 Не взлюбишь ∾ так уж... *вписано.*

11 *Далее было:* А факты? — крикнул что есть силы Разумихин. Он до невероятности горячился, из себя выходил. Он был всегда таков. Бакавин же был [апатичен] как-то даже вял, и мне показалось [даже тогда], что [Бакавину] ему хочется будто бы выведать что-то.

12 *Вместо:* Факты ∾ не теория. — *было:* Факты? [Стой!] Да ты выслушай! Как было дело, с самого начала?

— А Семенов [1] говорил, что ловкий и опытный, ловкий, петля.

— Это он врет, тут он соврал! Да и притом он это только вначале говорил, а теперь согласен,[2] непременно неловкий и неопытный и именно это был его первый шаг. Он до того растерялся,[3] что даже забыл дверь запереть. И это-то, это-то верность точки, основание всему. Тут психология. Чего смеешься? И только и умел, что убить, потому что [4] даже и денег-то захватить не умел. Тут же, в том же самом сундуке, пятипроцентных ⟨с. 109⟩ [5] билетов на полторы тысячи оказалось, а он их и не взял, а только [6] несколько вещиц каких-нибудь захватил, черт знает для чего,[7] а может, и ничего не успел захватить, и не потому именно, что ему помешали, а потому что уж очень сконфузился. Он, и брать-то чего, не знал. Правда, и помешали, вошла Лизавета, непременно так, ее не было дома, да и быть не могло, да [8] и узел подле нее оказался, и дворник ее видел, как она с этим узлом в ворота входила и [9] к себе наверх пошла. Это минут за десять было до того, как уж их [10] убитых нашли.[11] Значит: всё дело обошлось каких-нибудь в пять [12] минут. Убийца, испугавшись, что дверь была отворена и вошла Лизавета, заперся, а ее убил.[13] Заметь себе, он топор отмывал.[14] Тут вдруг Бергштольц и Копилин являются и начинают стучать.[15] Но тут главное в том, что третьего дни и не далее утром

---

[1] *Было:* следователь

[2] тут он ∾ согласен *вписано.*

[3] *Было:* обробел

[4] *Далее было:* и

[5] *На полях зачеркнут набросок, относящийся к последующему тексту (см. ниже, стр. 71, примеч. 1). Также на полях набросок к третьей (окончательной) редакции:* вдруг самый неожиданный факт всё раскрывает. Крестьянин Пушкин, содержатель распивочно и на вынос, представляет уже на третий день *вещь. (ср. наст. изд., т. VI, стр. 106, строки 12—15).*

[6] *Далее было:* очевидно

[7] черт знает для чего *вписано.*

[8] *Вместо:* ему помешали ∾ не могло, да — *было:* не успел, и именно потому, что помешали, и помешала Лизавета, [а не тот другой] непременно она

[9] в ворота входила и *вписано.*

[10] *Было: а.* как они на⟨верх⟩ *б.* как их уж

[11] *Было:* увидали

[12] *Было:* в десять

[13] *Вместо:* Убийца ∾ ее убил. — *было:* Убийца-то, тут испугавшись, что дверь отворена, заперся.

[14] *На полях:* в воде кровь оказалась — вот он чем занят был. Значит, предусмотрительный человек.

— Нет, нет, не предусмотрительный, а именно неопытный. Ох, жаль, что я не могу теперь этого всего-всего рассказать. Ну почему ты обвиняешь Порфирия, что он на Бергштольца подумал? Его и студента Котельникова и нельзя было не потревожить.

[15] *Вместо:* являются и начинают стучать — *было:* сошлись и стали стучать. Ни тот, ни другой никогда друг друга до тех пор и не видывали и доказательства всевозможные тому представили. Но несмотря на всю нелепость и на все доказательства, их-таки все-таки захватили [и следователь, действительно, маху дал, что на них было подумал, потому что на другой же день вечером], потому что и нельзя было иначе. И не было тут никакой ошибки следователя.

в полицию представлены были сережки, заложенные в распивочной, крестьянину Мортерину, заложены же в тот самый вечер убийства [1] и именно [2] красильщиком, который тут в пустой квартире мазал. Сережки были в футляре, и футляр обернут в бумагу,[3] а на каждой подобной обертке [4] старуха обыкновение имела фамилию прописывать, чья, дескать, вещь, и многие из [5] оставшихся в сундуке вещей оказались с такими ж обертками и с прописанными на них фамильями. Работник во всем повинился [6] и обертку представил, он её тут же в квартире и бросил...[7]

— Повинился? значит...

— Совсем не значит. То-то и штука, што нет. Повинился, да не в том.[8] Об этом-то мы и хлопочем, он всё изъяснил и правду до последнего слова сказал.[9] Он эту самую ⟨с. 27⟩ вещь,[10] эти самые сережки, — продолжал раздельно и торжественно Вразумихин, — этот самый футлярчик нашел в пустой квартире, за дверью, нашел в то же самое время, почти в ту же самую минуту, как наверху [11] дворник с Бергштольцем и студентом вошли и трупы увидели.[12]

— Да чем же он доказывает?

— Видели его, видели! В том-то и дело, что видели! Три свидетеля, которые в это самое почти время по лестнице проходили, его видели. Бергштольц и студент с первого еще началу, когда и подозрения на него не было,[13] показали, что он тут был, когда они поочередно наверх проходили и когда квартира была заперта.

— Как же он мог быть и там, запершись, и тут?

— И чиновник один, посторонний, который на лестнице Бергштольца встретил, помнит, что работник в это время был тут,[14] а Бергштольц, так тот даже остановился и спросил работника: [15] чья квартира? — (пустая-то, которую красили). Потому такого характера, что всё ему надо узнать.[16] И этот вопрос, этот свой

---

[1] *Далее было:* в девятом часу

[2] *Вместо:* заложены ∾ именно — *было:* хозяину распивочной, заложены на выкуп, заложены

[3] *Вместо:* в футляре ∾ в бумагу — *было:* в футляре и в бумаге

[4] *Далее было:* бумага была

[5] *Вместо:* многие из — *было:* а все

[6] *Вместо:* во всем повинился — *было:* провинился

[7] *Далее было:* Так, стало быть, это улика?

[8] Повинился, да не в том. *вписано.*

[9] *Вместо:* он всё изъяснил ∾ сказал — *было:* работник всё объяснил и правду сказал.

[10] *Вверху страницы вписано:* Как бы то ни было, а убийца один из закладчиков. Разумеется! Порфирий их спрашивает. — А откуда их нашел? — Одних Котельников указал. — Закладчиков спрашивают? — А что?

[11] *Вместо:* эти самые ∾ наверху — *было:* продолжал раздельно и торжественно Вразумихин, — этот самый футлярчик с сережками нашел в пустой квартире, за дверью, нашел в то же самое время, как наверху уж

[12] *Далее было:* Ну, так он и убил?

[13] когда и подозрения на него не было *вписано.*

[14] и когда квартира ∾ был тут *вписано.*

[15] *Было:* его

[16] Потому ∾ узнать. *вписано.*

разговор с работником выставлял он в первый же вечер допроса,[1] как свидетельство,[2] и что его, дескать, работник видел, он работника как свидетеля ставил, тогда совсем еще на самого работника никаких подозрений не было. Работник-то, как только уж они за дворником пошли, побежал из квартиры за Митькой, за другим работником, за товарищем, с которым вместе мазали,[3] и со всего маху с криком налетел на всю партию, на ⟨с. 28⟩ Бергштольца, студента и дворника, которые шли уж наверх. Те его выбранили, а он все-таки, не останавливаясь, преследовал Митьку. Штука, стало быть, именно в том и оказывается, что настоящий убийца успел выскочить и, услышав, что дворники уж идут, скользнул в отпертую настежь квартиру, на этот раз пустую, потому что работник только что выбежал Митьку догонять,[4] переждал,[5] и как дворник с Бергштольцем [6] прошли мимо него наверх (воображаю его положение в эту минуту), и как всё кончилось,[7] и [8] был таков, только следы оставил — коробку с серьгами потерял. А работник, оттузив Митьку, через минуту явился, глядь — на полу сережки.[9] Долго не думая, он [10] квартиру-то запер и, разумеется, тотчас в распивочную, где заложил [11] находку Мортирину за 2 руб. Вещь новая 6 руб. стоит.[12] А как Мортирин услышал про всё, подумал, подумал да [13] и явился, наконец, с серьгами в полицию, и именно третьего дня.[14] Так, дескать, и так, вот и вся штука!

— Этого я не слыхал. Да, штука сложная! И вот увидишь, они тут всех вместе запутали, — пробормотал, подымаясь, Бакавин.[15]—

---

[1] он в первый же вечер допроса *вписано.*

[2] *Далее было:* [что его] как оправданье свое, что он именно за одну только минуту вошел, что через минуту они вдвоем дворника звали и что, стало быть, нельзя в одну минуту убить. Да и убив, а не обобрав, оставя сундук только початым, нечего им было дворника звать. Да не в них дело, а дело в работнике.

[3] за товарищем, с которым вместе мазали *вписано.*

[4] потому что ∞ догонять *вписано.*

[5] *Было:* там переждал

[6] *Вместо:* дворник с Бергштольцем — *было:* те

[7] (воображаю ∞ кончилось *вписано.*

[8] *Было:* он и

[9] *Вместо:* глядь — на полу сережки — *было:* нашел вещь

[10] *Вместо:* Долго не думая он — *было:* и найдя их, нимало не медля

[11] *Было:* их и заложил

[12] находку ∞ стоит. *вписано.*

[13] *Вместо:* А как Мортирин услышал про всё, подумал, подумал, да — *было:* А как услышали на другой день про розыск, крестьянин Мортирин

[14] и именно третьего дня. *вписано.*

[15] *Вместо:* Этого ∞ Бакавин. — *было:* Да, штука сложная! — пробормотал, подымаясь, Заметов. Ну, до свидания. *Вверху с. 106 набросок:* Бакавин замечает: Выходит, что они всю эту штуку вместе сочинили, т. е. и Бергштольц, и студент, и работник вместе убили, а потом и подсочинили всю эту комедию.

— Ну, так представь же, что действительно они на этом остановились. Да к счастью свидетель!

— Экие новости делаете. Да, новости... — Бакавин встал.

А знаешь что, Разумихин, надо заметить, что ты большой ... сплетник.[1]

— Да наплевать. Я, может быть, горячо что-нибудь давеча сказал, а ты обиделся, а? [2]

— Ну черт с тобой, — сказал Бакавин, полудружески махнул головой и вышел.

— Да что он, рассердился, што ль, — вскричал Разумихин.[3]

— С Лизаветой жил, — брякнула Настасья, как только он вышел.

— Как? Он? быть не может? — вскричал Разумихин.

— Он. Она ему и белье стирала. Тоже ничего не давал.[4]

— Да совсем нет! — вскричал Разумихин. — У ней и другой был. Я знаю.

— Да, может, и третий был, может, и четвертый, — засмеялась Настасья. — Девка была сговорчивая.[5] И не то чтоб так своей волей, а так уж от смирения своего терпела.[6] Всяк-то озорник над ней потешался. А робеночек-то, что нашли, был его, лекарев.

— Какой ребенок?

— А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький. ⟨с. 29⟩

— Да ... помню... — задумчиво сказал Разумихин. — А про Бакавина я этого не знал.[7] А впрочем, ты врешь, Настасья. — Разумихин [8] посвистел. — А впрочем, что же, одно другому не мешает, потому он, видишь ли, Вася, на следователя зол. Это на Порфирья-то Ивановича. Они у Порошиных оба за дочкой претендуют, так чуть не дерутся, во всем соперничают.[9] Вот он теперь опять пойдет с ним сегодня у Порошиных спорить, злость срывать. Малый он, впрочем, славный, да... [10] А впрочем, мы тебя замучили, Вася, да и разговор-то такой. Спишь?

---

[1] *Было:* хлопотун. *На полях с. 106 вписано:* Молчание.

— Какой ты смешной человек, Разумихин, хлопотун, — прибавил он, скривив рот. — А ты из чего интересуешься, как сам сейчас сказал. — Я его за добрым делом...

— Ну, ну довольно... *На полях с. 109 зачеркнуто:* слушай... ты говоришь, я «хлопотун», да разве

[2] *Вместо:* А знаешь ∾ обиделся, а? — *было:* А, однако, надо заметить, г-н Разумихин, что вы любите вещами интересоваться. Ну-с, до свидания ...

— То есть как это?

[3] Ну черт с тобой ∾ Разумихин. *вписано.*

[4] *Вместо:* ничего не давал — *было:* мало платил

[5] *Вместо:* Девка была сговорчивая. — *было:* Она была девка сговорчивая.

[6] *Вместо:* так своей ∾ терпела — *было:* ей самой надо было, а так уж от смирения отговориться не умела.

[7] *Вместо:* Да... помню ∾ не знал. — *было:* Эва! Я этого не знал про Бакавина.

[8] *В автографе:* Рахметов

[9] *Вместо:* на следователя ∾ соперничают. — *было:* потому на следователя зол, что у Порошиных оба за дочерью волочатся, так чуть не подрались.

[10] *Вместо:* злость срывать. Малый он, впрочем, славный, да... — *было: а. Начато:* Дочь-то Порошина *б.* Злость срывать, потому что его совсем там не любят. Как-то он, право...

Я молча [1] отворотился к стене.

— В самом деле: смешной я человек и, уж конечно, сплетник. Это правду Бакавин сказал, — прибавил он в добродушном раздумье. — От этого я отучусь, — прибавил он серьезно.[2] — Ну да довольно. Настенька, так то, об чем я вам говорил, попомните.[3] Нет, нет, да и загляните сюда.[4] И ночью. До свидания, Вася.[5] Вещи сдал, деньги сдал... Ничего не забыл — прощай.[6] Настасья, выйдем-ка,[7] я тебе еще одно милое словечко скажу.

Когда они вышли, я вскинулся навзничь и схватил себя за голову.[8] ⟨с. 30⟩

«Подлецы, истязатели, сплетник! сплетник! [9] Сплетник! Почему [10] Заметов сказал ему про обморок? Значит, Заметов [11] подозревает, что я в обморок упал именно [12] от *этого*. С самого начала подозревал,[13] что он подозревает.[14] Змея! [15] Подлец Разумихин. Его шпионят, шпионом употребляют, а он не замечает... [16] Подлец! Американские соединенные штаты! Экая острóта кадетская!

И неужели вечно, вечно это будет продолжаться! Завтра же съеду отсюдова. О, как я их всех ненавижу! Как бы взял я их и всех, всех до единого зарезал.[17] Я зарежу [18] Заметова! Будь я проклят. О, проклятая болезнь...»

Я очень хорошо помню, что в ту же ночь я хотел идти нанимать квартиру, не понимая, что теперь ночь, а не день.[19] Несколько раз срывался я с постели, сбивая с себя тяжелое забытье,[20] и потом, скрежеща зубами, опять падал на постель.

К утру, сквозь сон, мне мерещился всё проект уехать, убежать, как-нибудь сначала в Финляндию, а потом в Америку...

---

[1] *Вместо:* Я молча — *было:* Я взглянул и молча

[2] В самом деле ∾ серьезно. *вписано. Рядом вариант:* до всего-то мне дело есть. Сплетник уж я, что ли, какой?... — сказал он в каком-то добродушном раздумье.

[3] *Вместо:* об чем я вам говорил, попомните — *было:* что я вам говорил, помните

[4] *Было:* к нему

[5] *Вместо:* До свидания, Вася. — *было: а.* А мне пора. Прощай, Вася. *б.* До свидания, Вася, мне пора.

[6] *Было:* до свидания

[7] *Было:* выйди

[8] *Вместо:* Когда они ∾ за голову. — *было:* Когда он вышел, Настасья постояла, хотела было что-то сказать, но заблагорассудила выйти. *На полях:* Всех подозреваю. Я теперь пишу, вспоминая.

[9] *Вверху страницы было:* VI

[10] *Было:* К чему

[11] *Далее было:* именно

[12] именно *вписано.*

[13] *Было: а.* знал *б.* я подозревал

[14] С самого ∾ подозревает. *вписано.*

[15] *Было:* Экая змея! Он разыщет! Он разнюхает!

[16] *Далее было:* Что мне делать! что мне теперь делать!

[17] *Было:* перерезал

[18] *Было:* Я зарежу, зарежу

[19] не понимая ∾ день. *вписано.*

[20] *Далее было:* О, как тяжелы были эти пробуждения.

А между тем болезнь проходила. Через три дня, когда все эти нравственные страдания, болезнь, подозрительность и мнительность возросли во мне до размеров чудовищных, — физически я стал себя чувствовать всё более и более в силах; но я притворился.[1]

Я их всех обманул. Меня подталкивала какая-то животная, звериная хитрость: обмануть охотника и провести всю эту стаю собак. Только об себе и об своем спасении я и думал и не подозревал, между прочим, что[2] на мне вовсе нет таких подозрений и улик, которые я преувеличил сам себе,[3] и что, в сущности, я почти совсем безопасен. Но разговор об убийстве,[4] бывший подле моей постели между Разумихиным и Бакавиным, довел меня до нестерпимой злобы, и замечательно еще то, что во всё время этих мучений, этого страха, ни разу не подумал я о совершенном преступлении.[5] Животная злоба и чувство самосохранения поглотили всё. Итак, я их всех обманул.[6] Я нарочно казался все три дня таким слабым, что как будто[7] и пошевелиться не могу и чтоб они поверили. Я с ними не говорил почти ни слова, и особенно с Разумихиным. Не понимаю: я столько показал ему в это время ненависти[8] взглядами, невниманием, грубостью,[9] — что уж, кажется, можно бы ему меня бросить. Действительно, он как будто про себя втихомолку оскорбляться начал, и всего мне досаднее было то, что он, вероятно, всё это моему болезненному состоянию приписывал,[10] а потому и терпел. Он,[11] кажется, дал себе слово поставить меня на ноги, а до тех пор быть моей нянькой. И мне тем более хотелось их всех озадачить,[12] чтоб ⟨с. 31⟩[13] уж не одному болезненному состоянию они мою злобу[14] приписывали...

На третий день к вечеру, когда проклятый Бакавин,[15] который повадился ходить к нам для болтовни (о боже, какие все они[16] болтуны!),[17] ушел, — я тотчас же притворился, что сплю.

---

[1] *Вместо:* Через три дня ∾ притворился. — *было:* Через три дня я стал себя чувствовать в силах; но я притворился.

[2] *Далее было:* я гораздо

[3] *Вместо:* преувеличил сам себе — *было:* *а.* воображал *б.* с таким ужасом воображал

[4] *Было:* о преступлении

[5] *Вместо:* ни разу ∾ преступлении. — *было:* я ни разу не почувствовал ни малейшего собственного сожаления о совершенном мною преступлении.

[6] Меня подталкивала ∾ обманул. *вписано между строками и на полях.*

[7] *Вместо:* как будто — *было:* даже

[8] в это время ненависти *вписано.*

[9] *Было:* злобой

[10] *Было:* приписывает

[11] *Далее было:* говорил

[12] *Вместо:* а потому ∾ озадачить — *было:* Вот почему я и решился их всех озадачить.

[13] *На полях с. 30—31 вписан вариант к последующему тексту (см. стр. 74, примеч. 10).*

[14] они мою злобу *вписано.*

[15] *Далее было:* ушел

[16] *Далее было:* казались

[17] (о боже ∾ болтуны!) *вписано.*

Разумихин, сделав свои обычные распоряжения и проговорив ужасно много сожалений о том, что я не могу быть у него завтра вечером по поводу дня его рождения,[1] вышел. Я знал, что он наверстывал потерянное со мной время по ночам и работал до 4-х часов утра.[2] Только что он вышел, я мигом встал,[3] оделся и отправился со двора отыскивать себе другую квартиру. Денег моих, я надеялся, на переезд хватит, я нанял бы угол от жильцов и к тому же на днях я должен был получить еще от матери.[4] О, как я радовался, воображая, как они ахнут, когда узнают, что больной, который вчера едва двигался, уж на другую квартиру от них съехал.[5] Почему я вообразил, что я от них избавлюсь, что тем самым не привлеку их еще сильнее к себе, хотя бы и на другую квартиру,[6] и, может быть, не зароню этим в них уже настоящих подозрений — этого я не могу понять. Но теперь, соображая и обсуживая всё прошлое, я прихожу к некоторому убеждению, что во все эти дни и особенно во [7] весь этот вечер я был немного [8] не в своем уме. Впрочем, на завтра же я сам стал [9] как бы подозревать это. Это я помню.[10]

Тихо, как кошка, прокрался я с лестницы и пошел к Вознесенскому мосту. Я хотел нанять где-нибудь подальше на Фонтанке или за Фонтанкой. Было около восьми часов. На углу Садовой и Вознесенского я набрел на одну гостиницу, и ⟨с. 32⟩ так как я знал, что в ней есть газеты, то и зашел туда, чтобы прочесть

---

[1] и проговорив ∾ рождения *вписано.*

[2] Я знал ∾ утра. *вписано.*

[3] *Вместо:* Только ∾ встал — *было:* Тогда я встал

[4] *Вместо:* Денег моих ∾ от матери. — *было:* Денег моих, я надеялся, хватит, потому что на днях же я должен был получить от матери.

[5] *Вместо:* О, как я радовался ∾ съехал. — *было:* И как, и как я радовался, воображая, как я их всех завтра озадачу, когда они узнают, что больной, который едва двигался, уж на другую квартиру съехал.

[6] хотя бы и на другую квартиру *вписано.*

[7] во все эти дни и особенно во *вписано.*

[8] немного *вписано.*

[9] *Вместо:* Впрочем, на завтра же я сам стал — *было:* На завтра же я сам стал

[10] *К тексту:* На третий день ∾ помню. — *на полях с. 30—31 вариант:* Когда они вышли, я вскочил с постели и даже потом удивлялся, откудова я взял столько сил. Бежать, бежать. Начал собирать, но минут через пять упал и зарыдал от злости. Злость, нестерпимая злость. О, как бы я их зарезал — целых два дня я был как сумасшедший и странно только было ощущение притвориться, всех надуть и бежать. Дальше я не буду рассказывать. Одно ощущение — сумасшествие. Надуть и уйти, и я смеялся злобным смехом, как я их надую. Всё это было как-то не по-рассудочному, а по-детски. Одно ощущение пленяло меня: они придут, а меня нет, я вдруг убежал. На четвертый день это определилось во мне более рассудочно. Мне пришло в голову, я как-то смог сообразить, что ведь бежать мне некуда, а лучше потихоньку нанять квартиру, угол, и чтоб обо мне ни слуху ни духу, и целый месяц сидеть запершись, так что уж никто из них не придет меня мучить и никто не отыщет, и так навсегда будет. Нужно заметить, что здоровье мое действительно возвращалось. И потом дальше: я так повеселел, когда отделал Заметова и Бакавина.

Идея романа =1=

Православное воззрѣнiе
въ чемъ есть православiе

Нѣтъ счастья въ комфортѣ,
покупается счастье
страданiемъ.

Человѣкъ не родится для
счастья. Человѣкъ заслу-
живаетъ свое счастье, и
всегда страданiемъ.
Тутъ нѣтъ никакой
несправедливости, ибо
жизненное знанiе и сознанiе
(т. е. непосредственно чувст-
вуемое тѣломъ и духомъ,
т. е. жизненнымъ всѣмъ про-
цессомъ) прiобрѣтается опы-
томъ pro и contra, которое
нужно перетащить на себѣ

страданiемъ.
Таковъ законъ
нашей планеты,
но это непосред-
ственное сознанiе, чувст-
вуемое житейскимъ
процессомъ, — есть
такая великая
радость, за
которую
можно заплатить
годами
страданiя.

«Преступление и наказание». Страница подготовительных материалов к третьей редакции. 1866 г.

Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

в газете, под рубрикой ежедневных событий,[1] о том, что там написано об убийстве старухи. Я еще дома [2] жаждал прочесть это, но из подозрительности боялся просить [3] Разумихина достать мне газеты. Только что я вошел и спросил себе стакан чаю и «Голос», как вдруг (точно нарочно) вижу, в другой комнате сидит Заметов с каким-то очень толстым господином. Перед ними стояла бутылка шампанского. Господин угощал. Но этого мало: я совершенно, с первого взгляда, убедился, что Заметов видел меня, но не хочет показать виду, что видел. Я нарочно решился не уходить, закурил папиросу и сел спиной к Заметову, ближе к дверям. Выходя, он не мог на меня не наткнуться.[4] «Захочет узнать или нет?» — подумал я.

В газете [5] действительно была статья, уже вторая, с ссылкой на первую. Я потребовал тот номер, где первая. Отыскали и принесли. Я не боялся, что Заметов увидит, что я это читаю. Напротив, мне даже хотелось, чтоб он заметил, что я про это читаю,[6] и отчасти я для того-то и спросил еще прежний номер.[7] Не понимаю, зачем [8] меня тянуло рискнуть этой бравадой, но меня именно тянуло рискнуть. Со злости, может быть, с животной злости, которая не рассуждает.

В газете ⟨с. 33⟩

Подготовительные материалы (ПМ$_1$)

ПЛАН

ПОСЛЕ *СНА*...

Разумихин приходил все три дня, злость. На третий день сам пошел. Хозяйка на лестнице, брожу по Петербургу, встречи. *Эксцентрические выходки,* девка, старикашка-козел. Встреча с Заметовым. В страхе, *теленок*, лош⟨адь⟩. [9] Трактир, разговор. Входит Разумихин, хочу съехать. «Оставь меня!» — «Черт с тобой!»

Отправился. Ожесточение, холодное, расчет. Для чего все эти нервы были? Вынул кошелек. Припоминает, как это было. Письмо от матери. Вся его история и все мотивы убийства. Совершенно

---

[1] *Вместо:* в газете, под рубрикой ежедневных событий — *было начато*: *а.* в «Голосе» или в «С.-Петербургских» *б.* в «Голосе» или в «С.-Петербургских», которые только

[2] *Вместо:* Я еще дома — *было:* Я еще лежа дома, еще до болезни

[3] *Вместо:* из подозрительности боялся просить — *было:* боялся спросить

[4] *Вместо:* на меня не наткнуться — *было:* меня не заметить

[5] *Было:* «Голосе»

[6] что я про это читаю *вписано.*

[7] *Вместо:* спросил еще прежний номер — *было:* спрашивал

[8] *Далее было:* я это

[9] В страхе, *теленок*, лош⟨адь⟩ *вписано.*

закрепился и пошел к Разумихину. Там собрание, и Заметов, и Бакавин. Разговор. Гас.

N3. Разговор у фонаря, мы простили вора.[1] Когда Разумихин провожает его. На другой день. Обошел.

Страдания и вопросы — Сяся. Эпизоды. *Вдова Капет.* Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание.

Воспоминания мельком из того, что он видел в детстве: лошадь, которую били в детстве, теленок, которого зарезали, фельдъегерь.[2] ⟨с. 94⟩

В печке бахрома незаметна. Я засмеялся: «Как я вчера мог тосковать об этом?»
Всё началось как бы сызнова. (Впечатление).
Бахрома в кармане.

Замечания:
1) Не заглянул в кошелек.
2) Так легко отказался: для чего ж я убил?
3) Как легко такое тяжелое дело сделалось.

Разумихин. «Да ведь я же вот подлостью занимаюсь. Херувимову работа — разве это не подлость?»
«Штука тут в том, что она тебя задумала согнать, так как ты денег не плотишь, а в ожидании и вексель в оборот пустила, потому знает, что мать тебя выкупит».

Разговоры у студентов. Компания. О *Гасе.*

Уединился после, «черт с тобой», стал мрачный, пошел к Разумихину. Гас.

Разумихин на другой день *к нему: убил.* Разумихин отстает.

N3

N3 ПЛАН. N3

Сходил с лестницы. «Пожалуйте ко мне». Хозяйка стала извиняться. Я и не подумал зайти к ней. Ничего не отвечал. Хотел квартиру другую. Не всё ли равно? Стал деньги отдавать. Отказалась. Я не найму другую квартиру. Разумихин обругал меня и ушел.

---

[1] мы простили вора. *вписано.*
[2] Воспоминания ∾ фельдъегерь. *вписано на полях.*

— Довольно я с тобой возился. Я приду еще.
— А вот и Бакавин был.
— Ах! кабы ты знал, как бы хорошо было, если б ты ушел.
— Да что ты.
— Оставь меня, оставь меня!
— Черт знает что за человек.

Это всё быстрее. Событие, и потом начинается искажение. Собственная психология. Потому что только теперь он очнулся.

Всё это после как с Заметовым в трактире и статьи «Голоса» и рассказов Настасьи и всех справок. Совершенно ободрился. *Достал кошелек.* N3.

Достал кошелек. «Ведь этот кошелек я тогда совсем положил, чтоб никогда не брать, а теперь вот сам взял».

N3 *главное.* После болезни жестокость какая-то и полное самооправдание, а когда всё это покачнулось, тут и письмо матери.

Через час пришел с платьем. Встреча Заметова.
— Почему ты с Заметовым?
— Мы с ним теперь разыскиваем по делу о маляре.

Об убийстве рассказ. Еще пива. Тут же и Настасья. *О том, что в обморок упал когда.*

С *Заметовым.* «Вы в обморок упали, как об убийстве стали рассказывать». ⟨с. 95⟩

PROSPECTUS № 1

Вышел нанимать квартиру.[1] Хотел прочесть «Голос». Встреча с Заметовым. Вызов и бравада. Разумихин зовет на именины.[2] Разрыв с Разумихиным, бравада (пошел в дом и в квартиру). «Вот он тот самый, который приходил». Привязался к словам. Сумасшедшая вещь. Пришел — хозяйка, просит извинения. Я поссорился с Разумихиным.[3] Пришел домой — решился остаться и не переезжать. Ночь, о дочке. Сон.[4]

На утро деньги. Сцена на бульваре. Совершенное убеждение, что всё вздор. Воспоминания детства. О матери, о сестре: «Нет, для вас, для вас, мои милые создания! А люди подлы». Утешает себя совершенно. Надо поправить дело. К Разумихину, на именины. Разумихин хлопотун, но он добр. Письмо от матери. «Что ж, неужели ж растерзать ее сердце? Нет, я буду достоин!»

«Да уж как мне бы дали денег, я б его разыскал. Он теперь в Нарве. Это верно-с». ⟨с. 30⟩

---

[1] *Далее было:* (разговор с хозяйкой сложнее)
[2] Разумихин зовет на именины. *вписано.*
[3] Я поссорился с Разумихиным. *вписано.*
[4] Сон. *вписано.*

⟨PROSPECTUS РАЗГОВОР С ЗАМЕТОВЫМ⟩

Нервная дрожь.

— Да вот читаю в газетах о преступлении. Впрочем, эта газета известна... вот и о папе. Вольтеров Кандид. О Фонтенеле. Впрочем, вы человек не литературный. — Я насмешливо посмотрел на него. — Впрочем, другие романы выгоднее. Ишь какой вы щеголь. Это кто вас шампанским поил?

— Да, мы выпили.

— Ну, угощал, конечно. Разумихин от вас без ума, говорит, что вы все закоулки знаете.

— Ну, уж какой он буян.

— Буян-то он буян, но а вам-то лафа. Везде пользуетесь.

— Что ж, почему вы так думаете?

— Эх, батюшка, славно бы этот куш тяпнуть да вдруг разбогатеть. Что, у вас уж и ушки на макушке? А ведь я знаю, почему они на макушке.

— Это что еще за макушка такая?

— Так я вам дальше поясню-с.[1] Вот хоть бы этот куш тяпнуть у старухи. Славно. На проценты давала.

— Откроется ведь (вызывающий вид).

— Чего откроется? Да ведь это как делается? Ведь вот бумажку менял, 5-процентный фальшивый. Да не досчитал, ну и подозрение возбудил. А тут бы еще на свет и т. д. Так точно и тут. Ходи без порток, два года, а там и вынь. А то что?

— Чтой-то. Да ведь вы меня просто в дрожь кидаете. Эх вы какой![2] Не убережется. Вон свечник убил.

— Ну я бы не так сделал.

— Да разве вы знали?

— Об заклад, что вы думаете теперь, что я вам скажу, что не знаю. Ну так вот нет же, знаю. Я у ней закладывал. А как вы считаете, ну что, если это я тяпнул и под камень положил? А ну что, если есть?

— Что вы-с?

— Ну а признаетесь, ведь вы подумали, что я. А зачем Александр-то Ильич остановил?

— Эх, аппетит! — захохотал, входя, Разумихин. ⟨с. 42⟩[3]

PROSPECTUS № 2-Й

Пришел ночью. Захохотал. Ночью *сон*. На утро очнулся, вспомнил, что накутил вчера, но положительная часть осталась. Пошел кошелек смотреть, взял в карман, отправился на Острова. История

---

[1] да вдруг разбогатеть ∾ поясню-с. *вписано.*

[2] Чтой-то ∾ какой! *вписано.*

[3] *На полях:* Заметов утверждает (N3 после), что у него и прежде, и в конторе не было мысли, а было *что-то такое так*. Ну а с этого вечера совершенно подозрение прошло.

на Адмиралтейском бульваре. «О, подлые люди». Пошел деньги рассматривать, и как это странно: вспоминает все обстоятельства преступления и дивится им. О том, как он хотел вести себя, денег не трогать и проч.[1] «Нет, теперь надо солиднее!» О самом преступлении: «Что задумываться — все подлецы. Стоят ли, стоят ли они того? Ничего не истрачу, а там. Зачем этот сон? Что пугают меня? [2] О, только вы, бедная моя мать и сестра!» О сестре, о матери. История с сестрой. «Я хотел его убить, но в это время я занят был любовью». Смешная любовь. Солидно и положительно. «Зайду к Разумихину». Вечер у Разумихина. Разговор у фонаря. Приходит письмо от матери.

На другой день.[3] «Что же, неужели ж растерзать ее сердце? Неужели ж я не могу быть как Гас». Стучит в комнату.[4] Ребенок. «О ты, милое создание» (это Лизаветина). О Лизавете.[5]

(Эпизод с пьяницей на Крестовском, разве у меня сердце не болит, разве не болит. О жене. Как он ее уважает и кто она. «Надо в Неву, а я, подлец, живу». Довел его до квартиры. Дал ему денег из кошелька. И потом донес под камень в кошелек).

Потом к Разумихину после фонаря. Потом: «Подлец, подлец, подлец, отдал деньги, которые достал из-под ножа».

«Дочь по желтому паспорту моя ходит».[6]

К дочери пошел. По-б⟨- - -⟩. Потом дочь сама пришла. Дочь матери помогает. Относит деньги. Детей жалко. Сяся ей: тетенька!

В это время эпизод с пьяницей. К Разумихину. Приходит домой повестка. Письмо матери. Доложил под камень. Мать, сестра, история любви. «Почему я не могу сделаться Гасом? Почему всё потеряно? Ребенок? Кто мне запретит любить этого ребенка? Разве я не могу быть добрым?» Помолился. Тут-то и *сон*. На другой день ходил. Вдова Канет. Вечером приходит к нему дочь чиновника. И вдруг: «Удивляюсь, почему Лизавету я не жалею. Бедное создание!»[7] ⟨с. 26⟩

7 августа.

Это был злой дух: каким образом иначе удалось мне преодолеть все эти трудности?.. и т. д.

Заметов сказал, что рождение Разумихина.

Он пошел (после ссоры), потому что совершенно оправдал себя совестью и убедился, что жизнь его нимало не *надломлена*, не отпета и что он тоже в числе человеков. Но *опыт*, т. е. посещение Разумихина, доказало противное.

---

[1] О том ∾ и проч. *вписано.*
[2] Зачем ∾ пугают меня? *вписано.*
[3] На другой день. *вписано.*
[4] Стучит в комнату. *вписано.*
[5] *Далее было:* Выход
[6] «Дочь ∾ ходит». *вписано.*
[7] В это время ∾ создание!» *вписано на полях.*

Выделанная речь, очевидно, чтобы рассмешить меня, что в подобных случаях почти никогда не удается.

Разговор с Разумихиным.

— Я, брат, признаюсь, мне очень понравилось, Вася, когда ты громко сказал, что веришь в бога. Оно, знаешь, до сих пор между нашими как-то стыдно бывало признаться, а все-таки по ночам молюсь, и даже, знаешь, теми же самыми словами, как мать покойница еще с трех лет меня учила. Оно, знаешь, можно и умнее слова для молитвы прибрать, да уж лучше эти.

— А Заметов мне говорил, что ты сумасшедший.

— Я пришел к тебе (к Разумихину), потому что думал, что имел право приходить.

— Помилуй, ты так говорил.

— Я думал, что имел право говорить. Но теперь почувствовал.

— Оставь меня.

Записка.

Разумихину вообразилось именно с этой минуты, что он виноват в убийстве старухи, и с этого вечера он прервал знакомство с Заметовым.

Я должен был это сделать. *(Свободы воли нет. Фатализм.)*

Дверь отворена (следователь думает), это хитро (Бакавин). Заметов совершенно подтверждает это и [1] именно выводит из этого, что это человек неопытный, слабый, первый шаг, и которому только посчастливилось необыкновенно.

№3. «Ну а Заметов более меня моего знакомства искал, особенно когда узнал, что я за него стою, сам приходил, рылся в книгах, а уж как пьет в трактире. Напоил меня, как свинью».

Дело в том, *мои часы*. На многих написано: от кого?

В объяснении с хозяйкой: о том, что квартира наверху, а хозяйка внизу.

Здесь кончается *рассказ* и начинается *дневник*.

Капитальный вопрос, который он, наконец, себе формулирует ясно и задает положительно: Да почему же кончилась жизнь моя? Ропот: Ведь бога нет и проч. ⟨с. 1⟩

— А што, коли я убил? Мой заклад был у старухи.

И в глаза захохотал Заметову. (Злоба).

---

[1] *Далее было:* что необыкновенно только

— А признайтесь, вы меня подозревали.
— Что вы, помилуйте.
Разумихин. Оттолкнул Разумихина со злобой и ушел.

Начинаются странствия. Рассказывает всю жизнь, все побуждения. Укрепляется. Идет к Разумихину. Разговор ночью у столба.[1]

Когда Разумихин воротился, т. е. догнал его ночью: «Послушай, мне Заметов уже говорил, что он тебя сумасшедшим считает». Исступление. Почему. Девочка. Воспоминания детских впечатлений.

«А что, может, я в самом деле сумасшедший?» — подумал я. Посещение квартиры старухи (маляры там, говорил с ними, и тут как бы невзначай — биография Лизаветы).

Воспоминания жизни беспрерывно. Мелочишки, но каждое со значением.

О любви; смешное описание невесты и трогательное (короче; вся история, но как можно короче).
О ключе.

«И тогда, когда уж я стану благородным, благодетелем всех, гражданином, я покаюсь». Помолился Христу, лег, и сон.
Несчастья отца, матери. «Как гадки люди, стоят ли они того, чтоб перед ними каяться. Нет! Нет, буду молчать».
Подвиги.
Девочка на бульваре (подлец!).

Сами тысячу раз больше пакостей делают, а тут преследуют, как зайца, как животное. Только-то и умеют. Этому только и выучились.

«Как гадки люди!» И сейчас же письмо матери.
(Это его перевертывает с ожесточения.) ⟨с. 2⟩

На Крестовском. Память и здравые мысли, пришел вполне.
Разбирает сначала все обстоятельства и всё теперешнее положение дела.
— Какая гадость люди.
— Но есть и добрые.
— Знаю, знаю. Зачем мне быть злому? Преступление?
О боже: Наполеон и проч. Они только это и имеют.

---

[1] *На полях:* Тут совершенно постороннюю историю.

«Бедная мать, бедная сестра. Я хотел для вас. Если есть тут грех, я решился принять его на себя, но только чтоб вы были счастливы. Денег мало, не удалось, но это мне поможет, и потом я буду вашей опорой, я буду и честным, но денег, денег, прежде всего денег».

— Нет, ты будь честен без денег. Знаю, знаю эти идеи... «Но, о с каким презрением. Как низки, гадки люди... Нет! сгрести их в руки и потом делать им добро. А тут: гинуть как гниды в их глазах и возбуждать только насмешки».

Злоба задушила меня, я прилег. Воспоминанья: лошадь палкой. *(Митя)*. Чиновник с бутылкой.

Он выходит в исступлении и входит к Разумихину. Разговор о Гасе.

Чиновник с бутылкой. «А разве я не страдаю. Она меня бьет. И я чувствую наслаждение. Ибо если б не била она меня, я бы был очень несчастлив».

Она прекрасной фамильи. Дочь. Ходил к дочери. Дала опохмелиться. Живет у портного. Рассказ о радости, когда он жалованье принес. О гордости ее, и проч.

Чиновник. Бедность, да, не порок. Бедность ничего, но нищета, милостивый государь, нищета — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету вас последняя шельма презирает и право имеет, потому что за нищету я сам себя презираю. Как вы думаете, много ли нищих, как я, выдержат и сами не станут презирать себя? Самая благородная гордость — уничтожается. Милостивый государь, нищего гонят и уж не в толчки только, а палкой, и даже не палкой, а метлой. Мою жену прибили. Что же мне делать? И я пью, ибо сам презираю себя!

Жена ее гнала (падчерицу). Но когда она пришла опозоренная, она всю ночь над нею сидела и ноги ее целовала, и я тут же лежал и слышал. Пьяный лежал-с. По билету она теперь ходит-с.

Вошел в дом и стал на колени.

NB. Когда я тогда удивился, как это я мог озлиться на то, что меня кучер ударил, точно я не в числе человеков и права мои потерял. О как тяжелы эти чувства! ⟨с. 4⟩

Общее главное NB:
Во все эти шесть глав он должен писать, говорить и представляться читателю отчасти как бы не в своем уме.

NB. Как воротился от Разумихина с именин, всю ночь ужасных и совершенно ясных рассуждений, а к утру вдруг девочка, Сяся, обнялся с нею.

Чиновник. «Хорошенькие картинки-с».

И когда пришел, в сенях на колени стал. И когда его бьют, он кричит: «Это мне в наслаждение, милостивый государь. Это мне в наслаждение».

Утопиться? — духу нет.

№3. Его задавили лошади, смерть его дома. Оригинальнее и короче. На свечу. Жена плачет.

А когда выпью, я думаю. Вот кабы я богат был, я бы им денег принес, дочь бы мою восстановил и облагородил, деток тоже — а я их люблю-с.

№3. Восклицание молодого человека: «О! вы, непогрешившие!» (Мечтание об земном рае.) ⟨с. 6⟩

Чиновник. Никто не выдержит презрения к самому себе. О, милостивый государь, вы думаете гордость, или злоба, иль из желания самому оправдаться я это говорю. О, милостивый государь! Знаю, знаю, что есть великие сердца, которые гибнут под тысячепудовым гнетом, ничего не говоря, молча, и дело свое исполняют. Не те, не те, которые, которые чины захватили и дома построили; я не про тех говорю. Я про ангелов божиих говорю.[1] И таков-то ангел божий дочь моя, которая мне сегодня 30 копеек дала,— ангел, несмотря что с желтым билетом, такова и жена моя, да, и жена! Но, милостивый государь, если я и говорю про ангелов божиих, так ведь я-то не ангел. Мы бедные, мы павшие, мы погибшие. Пусть, пусть, пусть мы погибли! Но, милостивый государь, кто ж пожалеет нас? Ведь надобно, чтоб пожалели о человеке! А о нас, о нас, кто пожалеет нас, бедных, погибших, оскотинившихся! [2]

О милая жена моя, жена моя законная! Государь мой! если вы видите меня в сем поросячьем виде, то знайте, что она — дама. Да, милостивый государь, дама! Дама-с! Я подлец, а она дама.[3] А между тем, господи, если б она меня пожалела. Я знаю, что она когда и вихры мне дерет, то дерет не иначе как от жалости. Да-с, да-с, это так! Но боже, если б она умела пожалеть меня без драния вихрам. Государь мой, государь мой, я, может, и очнулся бы тогда... Да!.. Гм. Впрочем, нет, не очнулся бы.

Всё, всё бы пропил, всё бы пропил! Чулки ее последние и те бы пропил. А впрочем, я уж их и пропил, и косыночку ее из козьего пуха снес,[4] и она простужалась в зиму.[5] Государь мой! видали вы

---

[1] *Далее было:* Но

[2] *Между строками:* №3

[3] Я подлец, а она дама. *вписано.*

[4] *Было:* из козьего пуха от холоду пропил

[5] *На полях:* Милостивый государь мой, знаете ли, что я раз чулки ее пропил, не башмаки-с (это еще походило на что-нибудь, было бы еще, так сказать, в порядке вещей), а чулки, чулки — вот те самые, которые носят дамы и которые, кажется, ни ⟨*не закончено*⟩

свинью? Кормленую свинью, подлую свинью? Ну-с, это я-с.[1] (И опять начал пить из бутылки.) А дочь меня пожалела. Зачем она мне 30 коп. дала? Ведь она знала, что я пропью. А все-таки дала. Зачем? Потому что меня пожалела. Вот так-то и ангелы божии жалеют: греховен ты иль нет, а все-таки жалеют и об тебе плачут, и балуют, и любят. Скажут: жалость нехорошая, не в пользу. Нет-с, в пользу: ибо если 30 коп. и пошли на винишко, которое во вред и в пакость, то поступок ее в сердце и в страдание пошел. Я терзаюсь и плачу через него, стало быть, живу...[2] ⟨с. 8⟩

Чиновник. Взял 30 коп. у дочери. «Ну а ей надо; она должна теперь *чистоту* наблюдать: одеться, напомадиться, ботиночками, через лужу переходя, щегольнуть? Понимаете ли, понимаете ли, про что я говорю, милостивый государь?!»

«Осмелюсь, милостивый государь, беседу начать; ибо хотя вы и не в значительном виде, но по всему видно, что человек образованный». И потом после разговора: «Ибо в вашем лице страдание видел».

N3. 15 коп. в день, более не наработает, да и то не всякий день, да и то один статский советник, за шитье рубах, ничего не отдал, да еще обидно прогнал.[3] ⟨с. 9⟩

От Разумихина приходит Сяся, и письмо от матери.

Донес сейчас же 25-рублевую.

«О боже, если кто, кто меня пожалеет? Да за что жалеть? За глупость, за скотский эгоизм, за дикость и бесстыдство, за неудачу, за бесполезность дел, тут плевки, тут ужас, тут смех.

Ну а пожалеет-то кто? Никто? Никто? И меня, убийцу подлого и низкого, смешного и сребролюбивого, именно этого-то пожалеть! Есть ли кто таков во всем мире? Есть ли кому пожалеть? Никто, никто! Никто! Да и невозможно это!

А мать? Боже, что с нею будет. Разве может она не проклясть меня? Меня, свою утробу, свою любовь? Разве может? Может ли в самом деле? Нет, нельзя, нельзя...

И потому теперь я всю жизнь *один*!

Один и с женой, один и с детьми! Один всегда. Может быть, благословлять меня будут другие, всегда один. У меня тайна, которую если б узнали, тотчас же с ужасом бы отворотились. И потому я навеки один.

Можно ли так прожить? Посмотрим, посмотрим, серьезно посмотрим и решим».

---

[1] *Далее было:* О-ох-ох!

[2] Всё, всё ∾ живу... *вписано на полях.*

[3] *Чиновник* ∾ прогнал. *вписано на полях.*

И тут начинаются мечты его, о жене и детях. «Зачем говорить? Я добром искуплю. *Погружусь в добро*». Соня, дочь чиновника. Veuve Capet,[1] мечты о всеобщем счастье. И всё не ладится. Наконец злоба... «Я курица, я глупое сердце». Наполеон и проч.[2]

У ней ноги целовал. (Конец). Поклонился народу. Донес на себя.

N3. «Посмотрим, из-за чего я это сделал, как я решился, тут злой дух».

N3 (и тут-то начинается анализ всего дела, озлобления, нищеты, выгод, необходимости, и выходит, что сделал *логично*).[3] ⟨с. 10⟩

Для полноты *лица* его пленяет роль затаенного существа, тайны, Унгерна, Sbogar, Ускока и проч. Но потом сам смеется над этим. ⟨с. 11⟩

С чиновником.

— Милостивый государь! Случалось вам просить денег безнадежно?

— Не знаю, может быть... Как это безнадежно?

— То есть безнадежно-с, безнадежно вполне. Вот вы, например, знаете, что этот человек ни за что вам не даст, что скорей вы утопитесь, а он вам не даст. Ну а вы все-таки идете к нему просить, зная это.

— Для чего же?

— А коли не к кому? [4] Коли, кроме его, уже никого, никого больше нет? Ну и идешь к такому.[5] Вот и ходил перед тем, как дочь моя в первый,[6] первый раз с желтым билетом [7] пошла, и потом еще раз ходил! В ноги кланялся, сапоги целовал — и пришел,[8] ну-с и пришел — после того как сапоги-то целовал [9] — пьяненькой-с. Потому что, милостивый государь, когда вы в первый раз поцелуете сапог у другого, вам подобного существа, вы непременно придете домой пьяненькой-с.[10] Вот оттого-то и пьянство пошло, — прибавил он вдруг. — А впрочем, бог знает отчего оно пошло. [11] Есть такой благовонный старец. Ну из-за чего он мне даст? Ведь

---

[1] Вдова Капет *(франц.)*.

[2] *На полях рядом с фразой:* Наполеон и проч. — *заключенное в рамку слово:* я

[3] (и тут-то начинается ∾ логично). *вписано на полях.*

[4] *Далее было:* Т. е.

[5] *Было:* такому-то

[6] моя в первый *вписано.*

[7] с желтым билетом *вписано.*

[8] *Далее было:* без ничего

[9] после того как сапоги-то целовал *вписано.*

[10] Потому что ∾ пьяненькой-с. *вписано над строкой на с. 12, а также на полях с. 13.*

[11] А впрочем ∾ пошло. *вписано.*

я пропью, ведь я не отдам. Из сострадания? Так ведь у него нет сострадания, ну и кончишь тем, что после такого визита запьешь.

Мы божии чада, мы в пекле живем. Есть один — Христос. Тот всех жалел, за то-то и смеялись над ним, и смеются, «и ругахося сему». Придет он и спросит, а где дочь моя, что себя отцу пьянице,[1] мачехе злой и чахоточной и детушкам малым продала. И скажет ей: «Прииди, прииди — прощаются тебе грехи твои мнози,[2] ибо возлюбила много».[3] И потом, когда уж всех разберет, скажет: «Выходите и вы, пьяненькие! Именно потому, что и вас приласкать тоже надо».[4] И мы выйдем. Все выйдем, все, не стыдясь. И разверзнет прогвожденные руце свои, раскроет объятия и скажет: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные. Свиньи. Скоты вы. Но вы страдали.[5] Я всё видел и взвесил. Я малодушных пакость видел и видел, что они больше тех, кого губили, страдали, и потому приидите», и мы припадем... все... и заплачем: [6] «Господи, да приидет царствие твое!»

N3. И скажут сильные: «Господи! Мы то делали и то, а ты их берешь. Они только на несчастье и себе и другим жили, и всё по своей беде». «Знаю, — скажет, — но уж слишком они были унижены, даже не в меру, ибо сами возгнушались собой. Слишком уж пострадали, и потому я их беру в лоно свое, что ни один из них не считает себя достойным того. Приидите, приидите все, как все братья», и тогда-то я жену свою обниму и выпрошу многострадалице венец, помирюсь и в согласии обнимусь.

Ну нам, конечно, не царствие божие, а так что-нибудь отведут, где-нибудь отведут местечко.[7] ⟨с. 12⟩

— А как вы думаете, что, если б этого ничего не было, что, если этого никогда не будет?

Он посмотрел:

— Т. е. бога-то нет-с, и пришествия его не будет... Тогда... тогда жить нельзя... Слишком зверино... Тогда в Неву и я бы тотчас же бросился. Но, милостивый государь, это будет, это обещано, для живых. Что же, что же тогда для нас и останется. Никуда нас? [8] Нет, кто бы ни был *живущий*, хотя бы в замазке по горло, но если только он *и в самом деле живущий*, то он страдает, а стало быть, ему Христос нужен, а стало быть, будет Христос.

---

[1] *Далее было:* отдала. *Между строками незачеркнутый вариант:* отца пьяницу, не ужасаясь зверства его, пожалела

[2] *Было:* много

[3] И скажет ей ∾ много». *вписано между строками на с. 12, а также на полях с. 13.*

[4] Именно потому ∾ надо». *вписано на полях с. 13.*

[5] *Далее было:* и потому вы тоже сюда п п⟨рпидите⟩. *На полях с. 13 вариант:* Вы скоты, вы свиньи, вас не за что призывать. Но приидите и вы.

[6] *Далее было:* И нас

[7] N3. И скажут ∾ местечко. *вписано на полях.*

[8] Что же ∾ нас? *вписано.*

Господи, что это вы сказали? Не верят в Христа только те, которые потребности в нем не имеют, которые мало живут и которых душа подобна камню неорганическому. ⟨с. 13⟩

Чиновник. Когда его бьют: «Ибо это мне в наслаждение, ибо это мне, милостивый государь, в наслаждение».

Жена. *Она:* «Несчастливы ваши деньги, на похороны пойдут».

Она (ему). Когда он пришел к ней: «Уж как вы были несчастны, а у меня тогда и слезы не лились. А теперь всё вы изгладите: коли чужую жизнь взяли, то свою отдаете».

№3. Пошел он к ней так: сначала повалился на Сенной, потом прямо в контору, но воротился и пошел к ней, с которой давно не видался.

№3) Произошло с Сясей так: он ласкает Сясю, а *она* к нему пришла (от жены-вдовы), и видно, что сама рада была предлогу прийти. Тут она сказала, что дочь Лизаветина и что она знала Лизавету. Потом, когда он *ей* повинился, то вдруг, хвать, нет Сяси, это она приходила и увела ее к себе. Он понял.[1]

№3) О любви нет между ними ни слова. Это *sine qua non.*[2]

№3) Чиновник говорит: «*Ей* простится много, потому что она возлюбила много».

1-я встреча в распивочной с чиновником: «Я его часто встречал шатающегося».

№3) Под конец, в раскаянии, когда *она* уже отвергла его, начинается и злоба (Veuve Capet [3]).

Если б старику, аль никому, это всё равно, что в вершка сыграть. Зачем я не таков? [4]

В этой злобе встречает раз *ее* промышляющую. Скандал на улице. Она украла. Он поддакивает. Пошел к ней. Плач. Пришел проститься. Прощаются.[5]

Потом повалился на Сенной.

Потом донес на себя.

№3. Но когда после того, когда он *ее* оскорбил на улице и пришел к ней, то нашел ее в слезах и волнении, и она, забыв, что он же ее сейчас оскорбил, говорит: «Вы меня не судите, она вся в жару

---

[1] *Далее было:* потому что она сказала ему, когда он

[2] непременно *(лат.)*.

[3] Вдова Капет *(франц.)*.

[4] *Рядом помета карандашом:* Тут сон.

[5] *На полях:* №3 (Нет, это не там, а перед тем, когда он ей открывает).

лежит, дети плачут, что ж мне было делать, он позвал меня, я думала денег даст, а он меня же обокрал...»

NB. Она и Бакалин.[1] ⟨с. 15⟩

1) Программа ближайшая.

Сначала он вышел и побежал за кошельком.

После разговора в трактире с Заметовым и после того, как его выгнали из квартиры убитой старухи, где он даже опасности подвергался, он был в веселейшем расположении духа, и тут встреча с чиновником. NB. Вообще встреча с чиновником его образумливает. На другое утро он уже рассуждает и обдумывает.

«Что же, что же, разве я не могу быть полезным? О мать, о сестра, всё для вас, милые. Старуха, Лизавета. Бедные, зачем они подвернулись?» [2]

Между тем письмо от матери. Получил, прочел, к Разумихину. Деньги доложил ночью. Домой пришел. Сяся. Потом вечером раздавлен чиновник.[3] ⟨с. 14⟩

1

2-я программа разговора у Разумихина начинается с того, что Разумихин о своих хлопотах по оправданию работника рассказывает.

Другой говорит о белоручках и о том, как у нас скоро хотят разбога́теть.

Иные ставят вопрос: отчего уголовные преступления так неловко совершаются — нитки видны и улики наружу? — *Он* начинает говорить с жаром о деятельности, как он начнет с работы на бирже, Гас. И выходит дрожа от жару. В это время разговор у фонаря. И потом пошел доложил деньги. Завтра Сяся. (NB. Еще что-нибудь, что смущает его, он ищет примирения). Вспоминает о чиновнике. NB. *Сон.*

Окончательная тема разговора у фонаря. «Оставь меня. Ведь если б ты знал, что я сделал, то отшатнулся бы от меня, а я горд и не хочу красть твоей дружбы. Прощай». Доложил 25 рублей.

Нестерпимая гордость, с которою он изложил вопрос (пример на бульваре).[4]

NB «Что, бегают, что, ищут преступника? *Лучше ли вы сами?* А Наполеон? рутина, толпа, Андрей Александрович. О низость!»

---

[1] NB. Она и Бакалин. *помета на полях.*

[2] «Что же ∾ подвернулись?» *вписано на полях.*

[3] *На полях:* Стоит ли того человек?

[4] *На полях:* Не о Гасе. О Гасе другой говорит.

Так что тут coup de maître.[1] Сначала было опасение, потом страх и болезнь, и всё характера не выставлялось, а тут вдруг выставился весь характер во всей его демонской силе и становятся понятными все прежние побуждения к преступлению. ⟨с. 17⟩

2

Я сделал себе программу: ободриться совершенно,[2] погрузиться в занятия, работать, сапоги тачать, мастерству выучиться али па биржу пойти; к Херувимому тоже; искать дела. Не сбиваться целые годы, десятки лет в сторону. Не просить у людей ничего и не нуждаться в их дружбе и любви. Прожить без людей. Умереть гордо, заплатив горой добра и пользы за мелочное и смешное преступление юности. Денег старухиных не брать.[3] Вздор, всё вздор — нечего бояться.

Но развитие любви к дочери Мармеладова сбивает его с толку.

До этого. Разговор с Мармеладова дочерью после похорон. Он тяготится, что она к нему стала ходить. «Зачем вы ко мне ходите?» Она ушла убитая. Оскорбил. Хотел пойти к ней, но вдруг встречает ее на дороге, униженную. Он к ней утешить, слезы; нет, *без людей не проживешь!* Опять новые страдания. Признается ей во всем. Расстались. Она взяла Сясю и т. д. Опять себя успокаивает и одобряет. *Сон.*

Положил не ходить к Мармеладову. «Сяся, разве я не могу любить ее?» *Лизаветина.* Вечером встреча с раздавленным Мармеладовым, дочь.

Выход и описание Петербурга. Прощание со всем этим светом, грусть. Великолепное описание, и вдруг встреча раздавленного.[4] ⟨с. 16⟩

14 октября (на пароходе «Vice-roy»)

N3. Ввести эпизод, что *его*, на основании его разговора с Заметовым, посещения в тот же вечер квартиры убитых, выдачи вдове Мармеладовой денег, неосторожных разговоров и проч. — преследует судебный следователь. Допрос. Он гордо и совершенно свободно выпутывается из дела.

N3N3. *Перемена в программе.*

Он, после сцены у своей постели с Разумихиным и Бакалиным, решил эту же ночь [5] бежать. (N3. *Мамаша* прислала *40* руб. с куп-

---

[1] хорошо задуманное и проведенное дело *(франц.)*.
[2] ободриться совершенно *вписано.*
[3] *Далее было:* Впрочем, не
[4] Положил ∾ раздавленного. *вписано на полях.*
[5] *Вместо:* эту же ночь — *было:* вечером

цом и письмо, которое он не распечатывает, а Разумихин сказал, что Сонечка подождет). Ночью он берет[1] с собою только нераспечатанное письмо матери, а деньги оставляет в незапертом комоде для расплаты с хозяйкой. Идет, вынимает кошелек из-под камня. Считает на Крестовском. Потом читает письмо матери. Потом судит себя. Укрепляется. Анализ своего преступления. «Нет, — нет и нет. Не имел права убить. Но я беру всё на себя». Впрочем, только вообще и слегка, главную мысль. Презрение и смелость отчаянные вдруг рождаются в нем после утра на Крестовском. Всё это еще болезненное. Идет, сцена на Адмиралтейском бульваре. Пьяные. Все пакости. (Воспоминания о лошади, о Демяненском и проч.). Вечером сцена с Заметовым, посещение дома. Смерть Мармеладова. На другое ⟨с. 18⟩ утро Сяся. У Мармеладова.[2] Проводит дочь Мармеладова домой. Разговор с ней. Вечер у Разумихина. На другое утро Сяся. Приход Мармеладовой. У них после похорон. Ей обида на улице и т. д., и т. д.

N3) Впоследствии перед *доказанием на себя,* про дочь Мармеладова: Зачем они не стонут? Какая ее участь? Бледное создание ночью... Она тоже пожертвовала собой. Злость его берет: «Зачем они не стонут, зачем они тихи, покорны? Считают ли они, что вправе с ними так поступать?..» Он ей это высказывает: «Ну что будет с семьей? Ну вас (дочь) хватит на год, на два, ну а дальше, дальше?» Доводит ее до истерики и до *любви.* Зачем они не стонут?

N3. Сцена с б⟨- - -⟩ на Сенной (с рыбой).

N3. «О, зачем не все в счастьи?» Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать — и проч.

N3. «Но какое право имею я, я, подлый убийца, желать счастья людям и мечтать о золотом веке!

Я хочу иметь это право».

И *вследствие того* (этой главы) он идет и на себя доказывает. Заходит только проститься с *ней,* потом поклон народу и — признание.[3]

Она пожертвовала себя семье. Господи! Даже и в жертве-то, самой великой — безобразие и пакость. До того унижает судьба униженных, что даже в благороднейшей жертве их — позор и безобразие! ⟨с. 19⟩

Воспоминания мерещатся:

Отчего, когда мать читала Евангелье: Талифа куми

N3. Представляется ему вдруг, в горячечных *последних* фантазиях, как будут говорить о нем: «Дурак, и этого не умел сделать.

---

[1] *Было:* забпрает

[2] *Вместо:* Сяся. У Мармеладова — *было:* у Мармеладова

[3] *Было:* донос

Убить — убил, а денег взял сто рублей. Струсил». Мать. Сестра. Представляются разговоры в провинции: сестра убийцы. О том, как они будут вспоминать о нем: «О, безобразие! Нет, ни за что! Ни за что!» ⟨с. 20⟩

ПРИМЕЧАНИЕ К «ИСПОВЕДИ»

NB. Да, вот поди и объяви: скажут, глупо, убил без причины, взял 280 руб. и на 20 руб. вещей. Вот если б 15 000 али я Краевского убил и ограбил, вот тогда б не смеялись, тогда б цель видели и поверили, что я планы большие имел. А теперь даже и смех и презрение я должен вынести: дурачок, скажут, бесполезно убил. Воображал, что двумястами себя обеспечит и всех счастливыми сделает. Не поверят моему плану, когда я буду об нем толковать. О позор, позор! Даже самый гнусный позор не минует меня.

О подлец я, подлец! Низкими, гадкими их называю, а сам за их мнением гоняюсь! Ни к чему, ни к чему-то я не готов! Ничего еще не дала мне жизнь.

NB. (Я думал, что у ней тысяч пять найду.)
NB. (Дочь чиновника мимоходом, чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забитое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги целует.) ⟨с. 149⟩

Главные заботы об том: что ему делать? Переводить он пробует, но не может. Аристов противен ему, он познакомился с сестрой А⟨ристо⟩ва. Писать комедию.[1]

СЕЙЧАШНИЕ СПРАВКИ

Бакалин, о болезни, Разумихин — те начали говорить об убийстве — вдруг входит Лужин, разговор с *ним*, заминается, о молодом поколении. Тот продолжает об убийстве Бакалину, Лужин слушает и ждет, рассказ об убийстве дает ему повод начать разговор о том, что начинается разлад, о молодом поколении. Его выходки, что это по вашей же теории. «А правда ли, что вы благодеяния делаете?» (Лужин сам проговорился.)

— Ваша матушка женщина восторженная.

— А не хотите ли в шею?

— Что ты! Что ты!

(Когда Лужин ушел.) Он их выгоняет, спит, вечером ушел как *безумный*, молитва. NB (Сестрица послала, только она велела не говорить, что послала.) [2]

---

[1] Главные заботы ∾ комедию. *вписано на полях.*

[2] *На полях: 1.* в N-х, в каких не говорит, здесь близко, Лебезятников *2.* Но ничто не могло сравниться с тем бешенством, когда он выбежал на улицу (перед Palais de Cristal).

Аристов и его история. Он приходит к *нему:* «А признайтесь, это вы сделали». У Дюссо. Наивно. Продает сестру франту с К-го бульвара. Бьет сестру и отнимает у ней всё. Купил фальшивые билеты. Рейслер. Лужин употребляет его. Бьет мать. Сестра уезжает с Кохом в Москву. «У нас в классе одного учителя дразнили...»

— Как это всё гадко, как это всё низко! — говорит он. — Царить над ними! ⟨с. 150⟩

Входит в 11 часов к Разумихину. Все удивляются. Он возбужден ужасно. Разговор о деморализации, пьянство и преступления. *Он* начинает свою теорию о сумасшествии. Следователь говорит: а нравственное основание, стало быть, вы совершенно его исключаете. Что же бы стало удерживать преступника. Неофитов. Сила и страх. Гражданское общество. — Этого мало. — Будьте уверены, что только это одно до сих пор удерживало общество. Голоса: это так, неверно. А кровь? А Наполеона кровь удерживала? То не преступление. Почему нет. (Пестряков рассказывает, как они вошли в комнату и трупы увидали. По всем признакам, убийца образованный человек.) Почему истратить 100 000 при Маренго — не то, что истратить старуху. Пестряков: в самом деле, старуха никому не нужная. Аристов: туда ее и надо! Стало быть, нет, по-вашему, греха? Грех есть, и великий. Как же вы говорите, что можно? Теория арифметики. Как приобретается немцем. Нравственная обязанность, взятая на себя... и т. д. Аристов в восторге (да уж и *пожить* хорошо, довольно). Стало быть, один другого может по этой теории (ты, дескать, менее нужен). И потому это и единственная причина: сила и страх.

— Это неверно. — Согласен, — возражает один. — Мы не знаем. Шатов.

— Когда вы поживете, вы увидите, что есть в преступлении нечто более арифметики. У вас арифметика, а тут жизнь. Не дай вам бог подвергнуться несчастью.[1] Да и по статье вашей я это угадал. Это всё теория. Поверьте, никакого преступления на практике.

— Однако ж вы давно за мной следите.

Следователь: Да. Не вынесете. *Вы,* то есть *вы* — не вынесете. Я по вашему лицу сужу — другие (он взглянул на Аристова) вынесут. Для тех рано уничтожить телесные наказания. (Встает.) У него лицо больное и бледное.

Разумихин провожает.

— Слушай: они подозревали, теперь, после твоих слов, не будут.

— Я это знал.

— Как знал...

---

[1] *Было:* несчастью преступления

(Раскольников говорит загадочно и восторженно. Обморок па улице.)

— Что вы, нездоровы?

— Говорят вам, здоров.

Да, я слышал, слышал про вашу болезнь, такая болезнь может быть и опасной. А вы уж, кажется, слишком пренебрегаете.

О рутине.

— Вы бы сделали?

— Не знаю.

— Ну уж это нет-с. Не вам совершить преступление.

Он слышал про мою раздражительность и хотел меня раздражить.[1] ⟨с. 151⟩

После Разумихина и загадочных слов у фонаря[2] встреча матери в квартире (Настасья). Легкая размолвка. Разумихин делается необходимым. На другой день Соня (между прочим рассказывает и о Лыжине. 10 р.). Мать и сестра. Соню усадил. Разумихин тут же. Безмолвное оскорбление (грустное объяснение). Разумихин проболтался: письмо от Лужина,[3] чтоб вечером *его* не было. (А мать спрашивала: «Ты не будешь? Лучше полежи дома».) *Он* говорит Разумихину: «Бьюсь об заклад, что Лужин будет». Разумихин и проболтался. Вечером он входит. Разумихина на лестнице встречает (поручение исполнял). Qui pro quo[4] и malcontent.[5] Мать в волнении:

— Вот Петр Петрович говорит, что ты на содержании.

— Да, я отдал деньги, не стоит мизинца. Обида. Коротко и ясно рассказывает историю Сони. Но вот что я спрошу: правда ли, что было непременное условие, чтоб я не приходил? Я заметил, как вы, мамаша, давеча спрашивали.

— Н-нет. Правда.

— Вот что я скажу: я был так глуп, что сделал было такое же предложение, т. е. либо меня, либо прогнать Лужина. Я был деспот. Я пришел всё устроить и всё развязать. 1) Я не в состоянии помогать вам. 2) Если, как я было предположил, сестра выходит только для меня, то никогда я не захочу такой карьеры и быть вместе с г-ном Лужиным или получить хоть какую-нибудь помощь от г-на Лужина. Жребий мой неизвестен мне, а богу (темные слова), и потому если только *для этого*, то я должен был объя-

---

[1] Разумихин ∾ раздражить. *вписано на полях.*

[2] и загадочных слов у фонаря. *вписано.*

[3] *Было:* Лыжина

[4] Недоразумение *(лат.).*

[5] недоволен *(франц.).*

вить *это,* чтоб развязать сестру. Если же и другие причины заставили ее дать согласие, то я считал себе в обязанности сказать, что не буду настаивать, чтоб прогнать Лужина, и не посмею ссориться с сестрой.

Лужин спрашивает: правда ли, что только для *них?* Она вдруг говорит: только для того и выходила. Лужин встает и говорит грубость. Его молча выгоняют. Разумихин в восторге: новая жизнь, давайте! Общий восторг. Он говорит: «Я не могу. Оставьте меня, не могу ни жить вместе, ни даже, может быть, работать, жребий мой брошен». Мучительные слова.

Разумихин поддерживает всех, его слезы. Мать благодарит Разумихина. Потом похороны Мармеладова, жена — трагичнее.[1] ⟨с. 152⟩

---

[1] быть вместе с г-ном Лужиным ∾ трагичнее. *вписано на полях.*

ВТОРАЯ (ПРОСТРАННАЯ) РЕДАКЦИЯ

Черновой автограф: «Под судом» ($ЧА_2$)

ПОД СУДОМ

Я под судом и всё расскажу.[1] Я всё запишу. Я для себя пишу, но пусть прочтут и другие, и все судьи мои, если хотят.[2] Это исповедь. Ничего не утаю.[3]

Как это всё началось — нечего говорить.[4] Начну прямо с того, как всё это исполнилось.[5] Дней за пять до этого дня я ходил как сумасшедший. Никогда не скажу,[6] что я был тогда и в самом деле сумасшедший, и не хочу себя этой ложью оправдывать.[7] Не хочу, не хочу! [8] Я был в полном уме.[9] Я говорю только, что ходил как сумасшедший, и это правда было.[10] Я всё по городу тогда ходил, так, слонялся, и до того доходило, что даже в забытье в какое-то впадал. Это, впрочем, могло быть отчасти и от голоду, потому что, уже целый месяц, право, не знаю, что ел. Хозяйка, видя, что я из университета вышел,[11] не стала мне отпускать обеда. Так разве

---

[1] *Было:* Я всё расскажу.

[2] если хотят *вписано.*

[3] *Вместо:* Это исповедь ∾ утаю. — *было:* Это полная исповедь. Я [по] *для себя*, по своей потребности пишу, и потому ничего не утаю.

[4] *Далее было вписано:* Само [видно] ясно будет

[5] *Вместо:* всё это исполнилось — *было:* это всё [сделалось] было

[6] *Было:* не скажу и не захочу

[7] *Вместо:* что я был ∾ оправдывать. — *было: а. Начато:* и не захочу *б.* что я был тогда действительно сумасшедший и не хочу себя оправдывать этим. *Далее было вписано:* Ни одного слова лжи не скажу, хотя бы от этого зависело [оправдание] спасение мое.

[8] *Было:* Нет, не хочу, не хочу!

[9] *Далее было: а.* но я ходил как *б.* но я ходил тогда как *в.* Я хочу только сказать, что ходил *г.* я утверждаю это, весь этот месяц. *д.* хочу только сказать, что моим словам

[10] и это правда было *вписано.*

[11] *Вместо:* видя, что я из университета вышел— *было:* видя, что я уроков не имею и выключен из университета

Настасья что от себя принесет. Впрочем, что ж я! совсем не в том главная причина была! [1] голод был тут третьестепенная вещь и я [2] очень хорошо помню, что даже и внимание не обращал во всё то самое последнее время: [3] хочу ли я есть или нет? Даже не чувствовал. Всё, всё поглощалось моим проектом,[4] чтоб привести его в исполнение.[5] Я уже и не обдумывал его ⟨с. 79⟩ тогда, в последнее время, когда слонялся, потому что уже прежде всё было обдумано [6] и всё порешил. А меня [7] только тянуло, даже как-то механически тянуло поскорее всё исполнить и порешить, чтоб уж как-нибудь да развязаться с этим. А отказаться я не мог... не мог...[8] Я болен делался, и если б это продлилось еще долее, то с ума бы сошел, или всё на себя доказал, или... уж и не знаю, что было бы.

По правде, во всю [9] эту последнюю неделю хорошо и отчетливо помню [10] только то, как встретился с Мармеладовым. Впрочем, это, может быть, потому, что я давно уже ни с кем тогда не встречался и всё оставался один, так что встреча с каким бы то ни было человеком как бы заклеймилась во мне. Об Мармеладове же потому особенно запишу, что о всем моем деле эта встреча играет большую дальнейшую роль.[11] Это ровно за четыре [12] дня до девятого числа было. Остальная же вся неделя у меня, как в тумане, мелькает. Иное припоминаю [13] теперь с необыкновенною ясностию, а другое как будто во сне только видел. Про весь тот день, как Мармеладова встретил, совершенно ничего не помню. Совершенно.[14] В девять часов вечера — так я думаю — очутился я в С—м переулке подле распивочной. В распивочные доселе я никогда не входил,[15] и теперь вошел не по тому одному, что меня действительно мучила ужасная жажда [16] и хотелось пива выпить, а потому, что вдруг, неизвестно почему, захотелось хоть с какими-нибудь людьми [17] столкнуться. Иначе я бы упал на улице, голова хотела

---

[1] что ж я! ∾ была! *вписано.*

[2] *Вместо:* и я — *было:* потому что я

[3] *Вместо:* во всё то самое последнее время — *было: а.* на то *б.* во всё это последнее время

[4] *Было:* намерением

[5] *Далее было:* Когда уже

[6] *Было:* всё обдумал

[7] *Было:* А теперь меня

[8] поскорее ∾ не мог... не мог... *вписано между строками и на полях.*

[9] *Вместо:* По правде, во всю — *было:* [Но] И во всю

[10] *Вместо:* хорошо и отчетливо помню — *было:* я помню

[11] Впрочем, это ∾ роль. *вписано на полях. Вместо:* особенно ∾ роль. — *было:* еще запишу, что во всей моей истории эта встреча играет большую роль.

[12] *Вместо:* ровно за четыре — *было:* за три

[13] *Было:* выступает

[14] *Вместо:* Про весь ∾ Совершенно. — *было:* Про Мармеладова же и надо рассказать. Мармеладова я встретил вечером, а про весь тот день совершенно ничего не помню.

[15] *Вместо:* доселе я никогда не входил — *было:* я никогда не ходил

[16] *Вместо:* теперь ∾ жажда — *было: а.* хоть мне *б.* теперь вошел не потому, что меня мучила жажда

[17] *Было:* людьми на улице

треснуть, и хоть для меня тогда было неосторожно входить, но я уж не рассуждал и вошел.[1] ⟨с. 80⟩

Даже не помню и того отчетливо, как я подошел к застойке, снял свое серебряное крошечное колечко, из какого-то монастыря, от матери еще досталось,[2] и как-то уговорился, что мне дадут за него бутылку пива. Затем я сел, и, как выпил первый стакан, мысли мои тотчас, в одну минуту какую-нибудь, прояснели, и затем [3] весь этот вечер, с этого первого стакана, я помню так, как будто он в памяти [4] у меня отчеканился.

В распивочной было мало народу.[5] Когда я вошел, вышла целая толпа, человек в пять, с одной девкой и с гармонией.[6] Остались потом один пьяный, который спал или дремал [7] на лавке, товарищ его, толстый, в сибирке, который сидел хмельной, но немного, тоже за пивом, и Мармеладов, которого я до тех пор никогда не встречал. Сидел он за полштофом и изредка отпивал из него, наливая в стаканчик и посматривая кругом, в каком-то, как мне показалось, даже волнении.[8] Потом во всё это время вошло человека два, три, не помню хорошо каких. Всё голь. А я [9] сам был совершенно в лохмотьях.[10]

Хозяин распивочной [11] был в другой комнате, но часто входил в нашу, спускаясь к нам вниз по ступенькам. Он был в сапогах с красными отворотами, в сибирке и в страшно засаленном атласном черном жилете.[12] За застойкой стоял, кроме того, мальчик и был еще другой мальчик, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, ржаные сухари и какая-то соленая рыба.[13] Атмосфера была душная, да и погода тогда стояла знойная, жаркая, июльская, так что в распивочной было даже нестерпимо сидеть,[14] и всё до того было пропитано винным запахом, что, мне кажется, с одного этого воздуха можно в десять минут [15] было пьяным напиться.[16]

---

[1] *Вместо:* хоть для меня ∾ и вошел. — *было:* это было неосторожно, но я тогда не рассуждал.

[2] *Вместо:* Даже не помню ∾ досталось — *было:* Как в тумане помню, что я подошел к застойке, снял свое серебряное кольцо

[3] *Вместо:* в одну минуту ∾ и затем — *было: а.* прояснились и *б.* после того прояснились и

[4] в памяти *вписано.*

[5] *Далее было:* Один очень пьяный лежал

[6] с одной девкой и с гармонией *вписано.*

[7] или дремал *вписано.*

[8] *Вместо:* товарищ его ∾ волнении. — *было:* товарищ его, который сидел и ничего не пил, и Мармеладов, который сидел [поодаль] за полштофом. Я Мармеладова прежде никогда не видал.

[9] *Было:* Я же

[10] *Далее было: а.* Я *б.* За застой⟨кой⟩

[11] распивочной *вписано.*

[12] спускаясь ∾ жилете. *вписано.*

[13] Стояли ∾ рыба. *вписано.*

[14] *Вместо:* да и погода ∾ сидеть — *было:* да и погода была мучительно жаркая. В распивочной же было нестерпимо

[15] в десять минут *вписано.*

[16] *Между строками незачеркнутые варианты:* сделаться *и* стать *Далее было:* А позволите ли, милостивый государь

Я невольно обратил внимание на Мармеладова,[1] может быть именно потому, что и сам он обращал на меня внимание, и кажется, с самого начала ему хотелось ужасно заговорить, ⟨с. 81⟩ — и именно со мной, на тех же, которые были кроме нас в распивочной, он,[2] видимо, с пренебрежением смотрел и даже чуть не свысока, считая себя принадлежащим к более высшему обществу.[3] Это был человек лет сорока пяти,[4] среднего роста, с проседью и с большой лысиной, с отекшим от постоянного пьянства [5] желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками,[6] из-за которых светились крошечные, как щелочки, но одушевленные глаза. Взгляд его [7] даже мое обратил внимание; а я ничем тогда, кроме одного, не мог особенно интересоваться. Но во взгляде этом светилась какая-то восторженность. Пожалуй, и смысл, и ум, и в то же время тотчас же как бы и безумие,[8] — не умею иначе выразиться. Одет он был в какой-то оборванный фрак с совершенно осыпавшимися пуговицами, в нанковый жилет, из-под которого виднелась манишка, вся скомканная, запачканная и залитая.[9] Лицо было выбрито,[10] по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала высыпать сизая щетина.[11] В его приемах [12] и ухватках действительно было что-то солидно-чиновничье. Он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда [13] в тоске обеими руками голову, положа локти на стол. Наконец он прямо посмотрел на меня и громко и твердо [14] заговорил.

— А могу ли я, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным. Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отмечает [15] в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами, да и, кроме того, состою титулярным советником. Мармеладов по фамильи.[16] Позвольте спросить — служить не изволили? [17] Без опыту?

---

[1] *Далее было:* [да] да

[2] *Было:* на этих он

[3] *Вместо:* и именно ∾ обществу. — *было:* только не с теми, которые были кроме нас в распивочной.

[4] *Было:* пятидесяти

[5] *Вместо:* с проседью ∾ пьянства — *было:* с отекшим от пьянства

[6] *Далее было:* сквозь

[7] *Далее было:* был

[8] *Вместо:* Пожалуй ∾ безумие — *было:* ум и в то же время как бы и безумие

[9] *Вместо:* запачканная и залитая — *было:* *а. Начато:* и че⟨м-то⟩ *б.* запачканная и чем-то залитая

[10] *Было:* выбритое

[11] *Далее было:* Руки страшно испачканы, с черными

[12] *Было:* Его приемы

[13] *Вместо:* Он был ∾ иногда — *было:* Иногда он ерошил волосы и подпирал

[14] и громко и твердо *вписано.*

[15] *Вместо:* разговором ∾ отмечает — *было:* моими словами. Несмотря на наружность, — он указал на платье, — отмечаю

[16] Мармеладов по фамильи. *вписано.*

[17] *Вместо:* служить не изволили? — *было:* служили?

— Нет... учусь,[1] — отвечал я, удивленный особенным [2] вежливым тоном, с которым он говорил.

— Студент, может быть, или бывший студент.[3] Так я и думал. Были студентом или проходили ученую ⟨с. 82⟩ часть. Позвольте-с. — Он привстал, покачнулся, захватил полштофа, стаканчик и тотчас же пересел за мой столик,[4] немного наискось от меня.

— Милостивый государь, — продолжал он, — бедность не порок, это правда. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок. За нищету в полицию тащут. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой.[5] За нищету последняя шельма вас [6] презирает и право имеет, ибо за нищету я первый сам себя презираю и более всех.[7] Бедность позволяется, а нищета запрещается.[8] В бедности вы можете еще сохранять свое благородство врожденных чувств,[9] а в нищете никогда, никто и никакого.[10] Милостивый государь, две недели назад мою супругу прибил г-н Лебезятников, а супруга моя не то, что я. Да-с, не то!.. Гм... Понимаете? [11] Позвольте еще спросить вас, милостивый государь, изволили вы ночевать на Неве на сенных барках? [12]

— Н-н-нет, — отвечал я, удивленный [13] вопросом.

— Ну-с, а я оттуда, и пятую ночь-с, и вот! — он ткнул пальцем в полштоф, налил и выпил.

Действительно, на его платье, кое-где, виднелись прилипшие былинки [14] сена. Я оглядел его: [15] очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были страшно грязны, с черными, грязнейшими ногтями.

Его разговор, кажется, возбудил общее внимание. Даже мальчишки за застойкой одушевились и начинали хихикать. Хозяин, тоже, кажется, немного хмельной, сошел из комнаты и сел по-

---

[1] *Было:* учился

[2] *Было:* его особенным

[3] *Вместо:* Студент, может быть, или бывший студент. — *было: а.* Студент. *б. Начато:* Т. е.

[4] *Было:* столик, напротив

[5] *Вместо:* выметают из компании человеческой — *было:* как сор из кухни, вас выметают из [общества] всякого человеческого общества

[6] *Вместо:* последняя шельма вас — *было:* вас последняя шельма

[7] *Вместо:* сам себя презираю и более всех — *было:* и более всех сам себя презираю

[8] *Было:* строго запрещается

[9] *Вместо:* врожденных чувств — *было: а.* чувств *б.* врожденных чувств и достоинство

[10] *Вместо:* никогда, никто и никакого — *было:* никогда и никто

[11] *Вместо:* мою супругу ∾ Понимаете? — *было:* мою жену прибили, а она не такая, как я, — и вот я пью.

[12] *На полях:* Я обратил внимание. Он, очевидно, был *немытый*, с черными волосами. Ночевали вы когда-нибудь на сенных барках на Неве? Ну, а я ночевал-с.

[13] *Было:* [немного] отчасти удивленный

[14] *Было:* соломины

[15] *Далее было:* действительно, он

одаль, с живым любопытством слушая Мармеладова.[1] Очевидно, Мармеладов был здесь известен. Да и некоторую витиеватость [2] речи своей приобрел он, вероятно, от частой привычки в необычных монологах.[3] Он был пьян, но говорил речисто и плавно и только немного местами сбивался и затягивал речь, да и то уже под конец разговора.[4] Это был [5] пьяница ⟨с. 83⟩ запоем, которому нужно [6] рюмку или две, чтоб всё в нем опять разболталось.[7]

— Позвольте, милостивый государь, позвольте, — с жаром продолжал он, как будто уже я возразил ему, — предвижу возражения ваши: скажете, может быть, что в нищете моей я сам более всех причинен.[8] Согласен [9] и согласен вполне.[10] Но позвольте спросить вас,[11] молодой человек: случалось вам испрашивать денег взаймы безнадежно?

— Не знаю... может быть. Как это безнадежно?

— Т. е. безнадежно-с, безнадежно вполне. Вот вы знаете, например, заране и вполне знаете,[12] что сей человек, сей благолепный [13] и благолюбящий старец ни за что вам денег не даст, — ибо зачем, спрошу я, он даст? Ведь он знает, что я не отдам. Из сострадания? Но г-н Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намедни, в наше время сострадание даже наукой запрещено.[14] Ну зачем же он после этого даст? [15] И вот зная вполне, что не даст,[16] вы все-таки идете испросить у него взаймы известную сумму.

— Для [17] чего же ходить?

— А коли не к кому [18]? Коли идти больше некуда? Ведь надобно ж куда-нибудь идти? Чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь было можно пойти.[19] Ну а коли, кроме него, уже никого, никого

---

[1] *Вместо:* Хозяин ∾ Мармеладова. — *было:* Хозяин сошел из комнаты и сел поодаль. Он тоже был, кажется, немного хмелен. *На полях карандашом:* позевывая

[2] *Далее было:* и форс ⟨?⟩

[3] Да и некоторую ∾ монологах. *вписано на полях.*

[4] *Вместо:* только немного ∾ разговора. — *было:* хотя немного и сбивался, [местами] [и протягивал речь] и тянул речь.

[5] *Далее было:* запойный

[6] *Далее было:* каждодневно

[7] *Было:* взболталось

[8] *Вместо:* с жаром ∾ причинен. — *было:* вы скажете, что в нищете моей я сам виноват.

[9] *Далее было вписано:* и на это

[10] *Далее было вписано:* Виноват.

[11] спросить вас *вписано.*

[12] заране и вполне знаете *вписано.*

[13] *Было:* благостный

[14] *Вместо:* Но г-н Лебезятников ∾ запрещено. — *было:* Но ведь страданье в наше время запрещено-с.

[15] *Вместо:* Ну зачем же он после этого даст? — *было:* Ну зачем он даст?

[16] *Вместо:* что не даст — *было:* что скорей вы утопитесь, а он вам ничего не даст

[17] *Было:* Да для

[18] *Далее было вписано:* идти

[19] Коли идти ∾ пойти. *вписано.*

больше у вас не имеется? [1] Ну и идешь.[2] Вот и я ходил перед тем, как единородная дщерь [3] моя в первый раз по желтому билету [4] пошла. Ибо старшая дочь моя по желтому билету живет, государь мой, — прибавил он, с некоторым беспокойством [5] смотря на меня.[6] — Но не беспокойтесь, милостивый государь, — когда фыркнули оба мальчишки за застойкой и даже улыбнулся хозяин.[7] — Не беспокойтесь, здесь всем всё известно,[8] и я не с презрением, а со смирением к сему отношусь.[9] Пусть! «Се человек! Се человек!» [10] Милостивый государь, знайте, что я сапоги сего старца, вычищенные и лакированные, целовал, прах ног ⟨с. 85⟩ его лобызал [11] и — пришел домой пьяненькой.[12] Ибо, милостивый государь, когда [13] придется вам, в первый раз, целовать [14] сапог другого, подобием схожего [15] вам существа,[16] хотя бы и благолепнейшего из старцев,[17] то вы непременно домой воротитесь [18] пьяненькой. Если же вы чувствительностью одарены, то и в третий и в пятый раз домой воротитесь [19] пьяненькой.

Он крякнул и отпил.

— Забавник! — проговорил хозяин. — А для ча [20] не работаешь? Для ча не служите,[21] коли чиновник?

— Для чего я не служу, милостивый государь, — продолжал Мармеладов, исключительно обращаясь ко мне, как будто это я ему задал вопрос, — для чего не служу? А разве сердце у меня не болит? разве не болит? Разве я того же самого не чувствую? Когда г-н Лебезятников полтора месяца [22] назад супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, — разве я не страдал? [23]

---

[1] *Вместо:* у вас не имеется — *было:* нет

[2] *Было:* Ну идешь к благолепному и к благовонному.

[3] *Было:* дочь

[4] *Было:* с желтым билетом

[5] *Вместо:* с некоторым беспокойством — *было:* с легким беспокойством

[6] *Вместо:* Ибо старшая ∾ на меня. — *было:* Ибо дочь моя с желтым билетом ходит, милостивый государь.

[7] *Было:* сам хозяин

[8] *На полях:* здесь знают, здесь всё знают

[9] *Вместо:* не с презрением ∾ отношусь. — *было:* с презрением к [тому] ним отношусь. *Далее было: а.* В вашем же лице, молодой человек, я заметил как бы некую скорбь, и потому в минуту сию, молодой человек, к вам единому отношусь. [И таким] И так *б.* В настоящую же минуту я к единому вам обращаюсь и говорю единственно с вами.

[10] *Далее было:* Понимаете?

[11] *Было:* целовал

[12] *Далее было:* после того как сапоги-то его целовал

[13] *Далее было:* вы в

[14] *Было:* поцеловать

[15] *Было:* похожего

[16] *Было: а.* существа *б.* лица. *На полях:* человека

[17] хотя бы и благолепнейшего из старцев *вписано.*

[18] *Было:* придете домой

[19] *Было:* придете домой

[20] *Было:* для чего

[21] *Было:* Для чего не служишь

[22] *Было:* три недели

[23] *Было: а.* не страдал *б.* оттого не страдал

Позвольте, позвольте, милостивый государь, можете ли вы, скажу более, — осмелитесь ли вы,[1] утвердительно сказать, глядя в сей час на меня, что я не свинья?

— Ну-с, милостивый государь, — продолжал он, когда уже последовал всеобщий взрыв хохота,[2] — я свинья, а она — дама! Я звериный [3] образ ношу, а супруга моя особа [4] образованная, и фамилии благородной, и сердца высокого. Милостивый государь, если вы ⟨с. 86⟩ усматриваете меня в сем якобы поросячьем виде, то знайте, что я подлец, а она и штаб-офицерская дочь, и исполнена врожденного благородства, в богатстве воспитанная.[5] А между тем, господи, если б она пожалела меня; ибо надобно же всякого человека пожалеть? [6] Кто бы ни был он, человек-то, а надо, надо, а надо, чтобы кто-нибудь и его да пожалел.[7] Ибо [8] иначе ведь пропадет человек, не подымется. Скажите ему — и — и подымется.[9] А супруга моя дама хотя и великодушная, но несправедливая. И хотя я в глуби сердца чувствую, что когда она и вихры мне дерет при каждом возвращении моем, милостивый государь, то дерет не иначе как от жалости (ибо она дерет меня за волосы),[10] но боже, что если б она умела пожалеть меня без дранья волос [11]? Государь мой, государь мой, я, может быть, и очнулся бы. Да! Гм. Впрочем, нет, не очнулся бы!..

— Еще бы очнулся! — сказал хозяин, зевнув.[12] Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.[13]

— Нет! не очнулся бы! [14] Милостивый государь! Знаете ли, знаете ли вы, милостивый государь, что я раз чулки ее пропил! Не башмаки-с,[15] ибо это еще походило б на порядок вещей,[16] а

---

[1] *Далее было начато:* а. утв⟨ердительно⟩ *б.* глядя в

[2] *Вместо:* уже последовал всеобщий взрыв хохота — *было:* захихикали вновь мальчишки и опять усмехнулся хозяин

[3] *Было:* дикий

[4] *Было:* дама

[5] *Вместо:* штаб-офицерская дочь ∾ воспитанная. — *было:* [благородная особа и] штаб-офицерская дочь, в богатом доме возросшая и воспитанная.

[6] *Вместо:* всякого человека пожалеть — *было:* господи, пожалеть

[7] *Вместо:* Кто бы ни был ∾ да пожалел. — *было:* Кто бы ни был он, а чтобы кто-нибудь да пожалел. Я разве не страдаю?

[8] *Далее было:* чтоб

[9] Ибо иначе ∾ подымется. *вписано.*

[10] *Вместо:* в глуби сердца ∾ за волосы) — *было:* [знаю] и знаю, что когда она и вихры мне дерет (ибо она дерет мне вихры), то дерет не иначе как от жалости

[11] *Было:* вихров

[12] *Вместо:* Еще бы ∾ зевнув. — *было: а.* Еще бы! — прибавил хозяин. *б.* Еще бы очнуться! — сказал хозяин, позевав.

[13] *Вместо:* решительно ∾ по столу. — *было:* стукнул кулаком об стол.

[14] *Далее было:* Ибо уже опыты были. И сверх того я вам всё наврал, потому что нечего жалеть того, кто других не жалеет. Но разве я не чувствую, разве не чувствую?

[15] *Было:* Не обувь, не башмаки-с

[16] *Вместо:* порядок вещей — *было:* что-нибудь, еще было бы, так сказать, в порядке вещей

чулки-с, чулки[1] пропил-с. Косыночку ее из козьего пуха пропил, даренную, причем ее собственную,[2] и всего-то за шкалик, а живем мы в угле, в холодном угле, детей маленьких трое, и Катерина Ивановна [3] в работе с утра до ночи, скребет и моет, и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства [4] привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною. И когда я пропил косынку, она в ту зиму [5] простудилась и кашлять пошла, а теперь ⟨с. 87⟩ кровью харкает. И я это чувствую. Разве я это не чувствую? Что [6] пьян, так уж и не чувствую? Нет-с, я пьяный лежу, а страдаю... всё это чувствую. Именно оттого страдаю, что косыночку пропил, и от прочего.[7] Ибо чем более я пьян, тем более понимаю.[8] Без страдания сего я бы и жить не стал...[9] И в питии сем не веселья, а скорби ищу.[10]

Милостивый государь, в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. И потому — не на позорище себя выставляю, а вам единому говорю. Как же — пусть! Се человек. Милостивый государь, супруга моя, Катерина Ивановна, в неге росла, [11] в благородном губернском, дворянском институте воспитывалась [12] и при выпуске с шалью танцевала, при губернаторе и при прочих лицах,[13] за что золотую медаль и похвальный лист получила. Медаль-то продали, т. е. давно уж [14] продали, — да, ну а похвальный-то лист, на пергаменте, до сих пор у ней в комоде лежит, и еще недавно его хозяйке показывали, ибо хотя мы и в углах живем, и с хозяйкой у нас беспрерывные раздоры,[15] а все-таки похвальным листом своим [16] надо было хоть перед кем-нибудь погордиться. И я не осуждаю! Не осуждаю! Ибо сие последнее из всех воспоминаний ее прошедшей жизни осталось, а прочее всё прахом пошло.[17] Дама горячая,

---

[1] *Было:* чулки-с

[2] даренную, причем ее собственную *вписано.*

[3] *Вместо:* детей маленьких трое, и Катерина Ивановна — *было:* детей четверо, и она

[4] с измалетства *вписано.*

[5] в ту зиму *вписано.*

[6] *Было:* Что я

[7] *Вместо:* Что пьян ∾ прочего. — *было:* разве я не страдаю? [Пьяненькой] Пьян лежу, а страдаю.

[8] *Вместо:* тем более понимаю — *было:* тем более [я сострадаю] [всё] понимаю, что я свинья и подлец... Ну и страдаю

[9] *Вместо:* Без страдания ∾ не стал — *было:* Без страдания этого я бы и жить не мог

[10] *Вместо:* И в питии ∾ скорби ищу. — *было вписано между строками:* Ибо в питии сем не веселья, а скорби ищу. Для того и пью. *На полях с. 91 набросок:* ибо в питии сем не веселья, а скорби ищу

[11] *Вместо:* И потому ∾ в неге росла — *было: а.* и потому скажу вам сначала про супругу мою. В неге росла *б.* Вы поймете, что супруга моя в неге росла

[12] *Было:* училась

[13] при губернаторе и при прочих лицах *вписано.*

[14] *Было:* ее

[15] *Было:* ссоры

[16] *Далее было:* до сих пор

[17] *Вместо:* из всех воспоминаний ∾ пошло. — *было: а.* у ней только и осталось *б.* из всех воспоминаний прошедших лет осталось. Остальное всё прахом пошло.

гордая и непреклонная, пол сама моет и на простом хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит,[1] оттого и г-ну Лебезятникову его грубость не захотела спустить, и когда прибил он ее за то, что не хотела спустить,[2] то не столько от побоев, сколько от чувства в постель [3] слегла. Вдовой уже взял [4] ее, с троими [5] детьми маленькими. Вышла замуж за первого мужа, офицера пехотного, по любви, с ним и бежала из дому родителей.[6] Мужа любила, через-мерно, но служить он не хотел,[7] в картишки пустился, спился, под суд попал, с тем и помер.[8] Бил он ее под конец, а она хоть и не спускала ему [9] сама, что мне доподлинно и по документам известно,[10] ⟨с. 88⟩ но до сих пор вспоминает его со слезами и досель им меня попрекает. Живого-то она бы, может быть, со свету давно бы сжила его...[11] Ну а мертвый. Гм. Есть забава. Да-с, так вот-с. Ну а мертвый ей на утешение остался. И я рад, я рад, что хоть вспомянуть-то ей есть что.[12] И осталась она с двумя [13] маленькими в уезде далеком, где и я находился тогда,[14] и осталась в такой нищете безнадежной, что я, хотя много видал, но даже и описать вам сего не в состоянии.[15] Родные же все от нее отказались.[16] Да и горда была, горда.[17] И тогда, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец [18] и от первой жены дочь имея двенадцатилетнюю, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание.[19] Можете судить по тому, государь мой, до какой степени ее бедствие доходило, когда она, образованная и фамильи известной, столбовой,[20] за меня согласилась пойти. Я же к тому и к напитку привержен был. Но пошла; плача и рыдая, и руки ломая, пошла... ибо некуда было идти.[21] По-

---

[1] *Было:* не позволит

[2] *Вместо:* оттого и г-ну ∾ спустить — *было:* и когда прибил ее у нас в углах господин Лебезятников

[3] *Было:* она в постель

[4] *Было:* взял я

[5] *Было:* с двумя

[6] *Вместо:* за первого мужа ∾ родителей — *было:* за офицера, по любви, бежала от родственников

[7] *Вместо:* служить он не хотел — *было:* вышел он в отставку

[8] *Вместо:* под суд попал, с тем и помер — *было:* так и помер

[9] *Вместо:* не спускала ему — *было:* дралась с ним

[10] *На полях:* о чем я доподлинно и по документам известен

[11] *Вместо:* со свету давно бы сжила его — *было:* давно не любила

[12] *Текст:* Живого-то ∾ есть что. — *вписан на полях. Вместо:* И я рад ∾ есть что. — *было: а.* А я тому и рад, тому и рад, что хоть забава *б.* Гм.. Да я и не сержусь, даже рад, что хоть в воспоминании ей есть чем пожить *Между строками:* Ну-с, так начал я:

[13] *Было:* тремя

[14] *Было:* тогда находился

[15] *Вместо:* сего не в состоянии — *было:* того не [могу] сумею

[16] *Вместо:* Родные же все от нее отказались. — *было:* Родители меж тем померли, и родные все от нее отказались.

[17] *Вместо:* Да и горда была, горда. — *было:* Да и горда [она] же была.

[18] *Далее было:* руку

[19] *Было:* бедствие

[20] *Вместо:* известной, столбовой — *было: а.* хорошей *б.* высокой

[21] *Далее было:* пошла все-таки

нимаете ли вы, милостивый государь, что значит: некуда идти? О, милостивый государь! И я ходил к моему благолепному, сапоги целовал.[1] И вот я, милостивый государь, чувствуя всё сие, целый год [2] не касался напитка. Целый год [3] и обязанность свою я исполнял, но тогда места лишился внезапно, и даже не по вине, а по перемене штатов.[4] И тогда опять прикоснулся...

Он ткнул пальцем в штоф, чтоб указать, к чему прикоснулся.[5]

— Года полтора назад [6] очутились мы здесь в великолепной здешней и украшенной многочисленными памятниками столице.[7] И здесь я место достал. Достал-с... и... опять потерял. Понимаете-с? [8] Живем мы теперь в угле,[9] у хозяйки Амалии Федоровны Липпевехзель, а чем живем мы теперь и чем плотим, не ведаю.[10] Не ведаю. В углах наших народу много, содом.[11]

Ну-с, а тем временем, [12] милостивый государь мой, тем временем возросла и дочка моя, от прежнего брака,[13] и что только вытерпела она, моя дочка, Софья Никитишна, от мачехи своей, возрастая, — и рассказать того невозможно.[14] Ибо хотя Катерина Ивановна, супруга моя, дама великодушная, но горячая и несправедливая, и оборвет. Гм... Воспитания Соня [15] не получила, только кротость еще от бога приобрела.[16] Пробовал я было с ней географию лет ⟨с. 89⟩ пять тому назад проходить и всемирную историю, но так как я в познаниях сих [17] и сам был не крепок, да и приличных руководств не имелось, ибо какие имевшиеся книжонки... гм. Ну да уж что говорить, туда же пошли, а потому всё обучение тем тогда же и кончилось.[18] Потом уже, достигнув

---

[1] Понимаете ли ∾ целовал. *вписано на полях и между строками.*

[2] *Вместо:* милостивый государь ∾ год — *было:* [чувствуя это] милостивый государь, я — целый год, чувствуя это

[3] *Далее было:* выдержал

[4] а по перемене штатов *вписано.*

[5] чтоб указать, к чему прикоснулся *вписано.*

[6] *Далее было:* продолжал

[7] *Вместо:* в великолепной ∾ столице — *было: а.* в Питере *б.* в столице

[8] *Вместо:* Достал-с... ∾ Понимаете-с? — *было:* Достал... Но напиток сгубил, и я опять потерял свое место и жалованье.

[9] *Вместо:* Живем мы теперь в угле — *было: а.* Живем мы в угле *б.* Стали мы жить наконец в угле

[10] *Было:* не знаю

[11] *Далее было:* И целый-то день [она] Катерина Ивановна не устает, моет и чистит, и гладит, и ребятишек обмывает, и ежеминутно меня костит и попрекает. Но что женщина заработает, и к тому же чахоточная.

[12] а тем временем *вписано.*

[13] от прежнего брака *вписано.*

[14] *Вместо:* своей ∾ невозможно — *было:* и рассказать невозможно

[15] *Было:* дочка моя

[16] *Вместо:* только кротость еще от бога приобрела — *было: а.* кротка же душою и сердцем, как ангел божий, была, кротка и безответна *б.* только кротостью взяла

[17] *Было:* в познанье сем

[18] *Вместо:* приличных руководств ∾ кончилось — *было:* книг не имелось, то тем тогда же и кончилось [до Кира, царя персидского, впрочем, дошли кое-как]. Ибо пропил я их. *На полях записи:* и были книги, те скоро ,.. Ну да уж исчезли..,

зрелого возраста, прочла она несколько книг, содержания большею частью романического, да недавно уже в этом году, перед тем, назад тому полгода, одну книжку какую-то об море и что внутри его есть (изволите знать-с?) прочла, г-н Лебезятников ей ссудил, ибо на нее свои виды имел, и очень сим сочинением заинтересована была, и даже детям много вслух из нее читала, и мы слушали,[1] вот и всё ее просвещение.

Теперь спрошу я вас,[2] милостивый государь, может ли женщина в день более 15 коп. серебром заработать,[3] средним числом, да и то рук не покладая работавши? [4] А то и 12.[5] Да и то статский советник,[6] Клопшток, Иван Иванович, — изволите знать? — не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор [7] ей не отдал, но даже с обидою прогнал ее, затопав ногами и обозвав ее словами неприличными, за то будто бы, что рубашечный ворот сшит [8] не по мерке и косяком.[9] А тут ребятишки голодные.[10] А тут Катерина Ивановна руки ломает, да красные пятна у ней на щеках выступают, как это и всегда в сей болезни[11] в волнении бывает.[12] «Живешь, дескать, ты,[13] дармоедка, у нас, ешь и пьешь и теплом пользуешься». А чего тут пьешь и ешь и какое тепло, когда не только мы, но и ребятишки-то три дня иной корки не видим.[14] Я, милостивый государь, вот и лежал тогда пьяненькой и слышу, говорит моя Сонечка — кроткая она такая и голосок у ней такой: [15] «Что же, Катерина Ивановна, неужели ж мне... на это пойти».[16] А уж Дарья Феклистовна, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три [17] заходила. «А что ж, — говорит Катерина Ивановна, — чего беречь! Эко сокровище!»

---

[1] *Вместо:* достигнув ∾ мы слушали — *было:* возросши, прочла она несколько книг романических, да недавно, с полгода назад, книжку об море и что внутри его есть прочла, чем заинтересована была

[2] *Вместо:* Теперь спрошу я вас — *было:* Поймите

[3] *Вместо:* может ли ∾ заработать — *было:* что может женщина заработать

[4] *Между строками:* Теперь вопрос: как вы думаете, сколько может женщина в день заработать. Не знаете?

[5] А то и 12. *вписано.*

[6] *Далее было:* Иван

[7] *Вместо:* за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор — *было:* за полдюжину рубах

[8] *Было:* *а.* сделан *б.* был

[9] *Далее было:* Ну так и вот-с.

[10] *На полях помета:* Голодные дети.

[11] *Было:* в сей грудной болезни

[12] *Было:* *а. Как в тексте б.* во время волнения бывает

[13] *Вместо:* «Живешь, дескать, ты — *было:* Катерина Ивановна дама великодушная, но несправедливая и оборвет. — Ты, дескать

[14] *Вместо:* и какое тепло ∾ не видим — *было:* когда [сами по ⟨судите⟩] три дня корки не видим

[15] *Вместо:* Я, милостивый ∾ такой — *было:* [Ну-с, я лежал] Лежал я тогда пьяненькой, и говорит моя Сонечка — ангел божий она — кроткая и безответная

[16] *Вместо:* на это пойти — *было:* *а.* решиться на то *б.* решиться на это

[17] *Было:* уже три

Но не вините, ⟨с. 90⟩ не вините, милостивый государь, не вините! [1] Не в здравом рассудке сие сказано было, а сказано, когда дети уже два дня сидели не емши и плача [2] и когда красные пятна на ее исхудалых щеках выступили.[3] Когда уже ум помутнел, да и сказано было более в оскорбление и в обиду, чем в самом деле.[4] Ну-с, а тут-то именно, в этот последний день, поутру и [5] статский советник Клопшток, в визит-то ее последний, обиду [6] за свои рубашки нанес, плюнул в лицо и собственноручно толкнул ее, обозвав неприличным именованием. Пришла она и без денег и оскорбленная. Катерина же Ивановна того только и ждала, что она придет с деньгами. Но что тут было, нечего говорить,[7] ибо Катерина Ивановна, как расплачутся дети, хотя бы от голоду или больные, тотчас же их бить начинает.[8] Лежал я тогда и всё слышал,[9] что у них был за содом, т. е. больше Катерина Ивановна попрекала, терзалась и плакала. Наконец замолчала.[10] И вот тут часов около 6-ти [11] вдруг Соня моя встает, надела платочек, надела бурнусик и [12] с квартиры отправилась, а в девятом часу назад и пришла; пришла,[13] прямо к Катерине Ивановне подошла и на столик перед ней тридцать рублей серебром положила. Ни малейшего слова при этом [14] не вымолвила, а взяла тотчас большой свой зимний зеленый платок, накрыла им голову и лицо и легла на кровать лицом к стенке, ни на кого не смотря, только плечи и тело всё вздрагивали.[15] Лежал я тогда [16] пьяненькой. И видел [17] я, милостивый государь мой, как супруга моя Катерина Ивановна весь вечер у Сонечкиной постельки на коленках простояла и встать не хотела,[18] ноги ее целовала, да потом так обе и заснули обнявшись,[19] обе... страдалицы. Гм!.. Бог!..

---

[1] *Было:* Но не вините, милостивый государь!

[2] *Вместо:* а сказано ∾ и плача — *было:* говорилось это, когда дети голодали

[3] *Далее было: а.* Ну-с, так прошло еще два дни или три *б.* Ну-с, продолжаю-с: прошло еще два дни или три

[4] Когда уже ум ∾ деле. *вписано.*

[5] *Вместо:* Ну-с ∾ поутру и — *было:* А тут

[6] *Вместо:* в визит-то ее последний, обиду — *было:* обиду моей дочке

[7] *Незачеркнутый вариант:* [Вышел-с] Ну-с, что там было, я вам не описываю

[8] *Вместо:* Но что ∾ начинает. — *было:* ибо ребятишки уже более ждать не могли, а Катерина Ивановна, как расплачутся, хотя бы от голоду или болезни, тотчас же бить начинает.

[9] *Незачеркнутый вариант:* Всё слышал я, ибо я тут же лежал

[10] Лежал ∾ замолчала. *вписано между строками и на полях.*

[11] *Вместо:* И вот тут часов около 6-ти — *было: а.* Сидели, сидели и *б.* И вот тут в ⟨*нрзб.*⟩

[12] *Далее было:* в шесть часов вечера

[13] *Было:* пришла вся бледная и потрясенная

[14] при этом *вписано.*

[15] *Было:* вздрагивает от рыданий

[16] *Было: а. Как в тексте. б.* А я лежал

[17] *Вместо:* пьяненькой. И видел — *было: а.* пьяненькой, но всё слышал и видел, и видел *б.* пьяненькой. Слышал и видел, и видел

[18] *Вместо:* весь вечер ∾ не хотела — *было:* ни слова тоже не говоря, подошла к Сонечкиной постельке, стала в ногах на колени и два часа стояла

[19] *Было: а. Как в тексте б,* обнявшись и плача

Он выпил... и стукнул стаканчиком об стол.

— Каковы причины, милостивый государь? — проговорил он, и подбородок его запрыгал.

— Эх! — проговорил хозяин зевнув и вышел из комнаты.[1]

— С тех пор, государь [2] мой, — продолжал, ⟨по⟩молчав, Мармеладов, — с тех пор,[3] по одному неприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, чему особенно способствовала Дарья Феклистовна,[4] за то будто бы, что ей надлежащего почтения не оказывали,[5] дочь моя, Софья Никитишна, желтый билет принуждена была получить [6] и уже вместе с нами, по случаю сему, жить не могла, ибо хозяйка Амалия Ивановна того допустить не могла, да и г-н Лебезятников. Гм. Ну! [7] И Соня с тех пор [8] всё наше семейство содержит и Катерину Ивановну облегчает, заходит к нам, сама же живет, нанимая квартиру [9] у портного Ухватова, косноязычного, у которого и жена тоже ⟨с. 91⟩ [10] косноязычная и все дети тоже косноязычные.[11] Люди беднейшие [12] и комнату ей дают... и косноязычные. Гм... Так, ширмы поставлены и за ширмами... Гм. Да! Что ж я! Ну да! За ширмами... Что бишь! [13] Да только встал я тогда поутру, [14] одел лохмотья мои, простер руки к небу, отправился [15] к его превосходительству Ивану Афанасьевичу и пал ему в ноги.[16] Его превосходительство Ивана Афанасьевича изволите знать-с? Не знаете? Ну так божия человека [17] не знаете. Это [18] — воск пред лицом господним. Даже прослезились, изволив всё выслушать: «Ну, говорит, Мармеладов,[19] раз уже ты обманул мои ожидания,[20] обещался [21] и заклинался.[22]

---

[1] Каковы причины ∾ комнаты. *вписано.*

[2] *Было:* милостивый государь

[3] продолжал ∾ с тех пор *вписано.*

[4] *Вместо:* чему особенно способствовала Дарья Феклистовна — *было:* а именно Дарьи Феклистовны

[5] за то будто ∾ не оказывали *вписано.*

[6] *Вместо:* принуждена была получить — *было:* получила

[7] ибо хозяйка ∾ Гм. Ну! *вписано.*

[8] *Вместо:* И Соня с тех пор — *было:* И с тех пор же

[9] нанимая квартиру *вписано.*

[10] *Вверху страницы запись, относящаяся к предшествующему тексту (см. стр. 104, примеч. 10).*

[11] *Между строками:* Теперь у портного живет *На полях заметки:* Косноязычные. Я же отправился к директору.

[12] *Было:* беднейшие и добрейшие

[13] Что бишь! *вписано.*

[14] *Было: а.* тогда же *б.* тогда, оделся

[15] *Было:* и отправился

[16] и пал ему в ноги *вписано. Далее было:* Так и так, дескать,... примите, защитите, помилуйте!

[17] *Было:* посланника

[18] *Далее было:* душа

[19] *Было:* ну, Мармеладов

[20] *Вместо:* мои ожидания — *было:* меня

[21] *Было:* обещался, слово давал

[22] *Далее было:* а между тем сам принудил меня тебя исключить

Смотрп же! Беру тебя еще раз, но смотрп.[1] Помни, что беру тебя на личную [2] ответственность и потом уж пощады не жди... Ступай!» Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо физически сделать сего не позволил бы, так как сановник [3] и человек новых государственных и образованных мыслей, воротился домой и как объявил, что на службу зачислен и жалование получаю, — господи! Что тогда было!

Мармеладов остановился, очевидно в волнении.[4] В это время вошла целая партия пьяниц, уже пьяных, и раздались звуки нанятой шарманки и детский голос, поющий «Хуторок» [5] у входа. Стало шумно. Хозяин и прислуга заняты были вошедшими. Мармеладов, не обращая никакого внимания, продолжал рассказ. Он уж сильно пьянел, иногда повторял по два, по три раза слова,[6] сбивался, но все-таки продолжал речисто и бойко. Воспоминания о недавнем успехе своем [7] по службе отразились на лице его как будто каким-то сиянием.

— Было же это, государь мой, всего назад пять недель.[8] Да! Только ⟨с. 91а⟩ что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, господи! Точно я в царствие божие переселился. Бывало лежи как скот, только брань. А ныне... На цыпочках ходят, детей унимают. «Захарий Семенович [9] на службе устал,[10] пусть отдохнет». Кофейком меня перед службой поят. Сливки кипятят! Сливок настоящих мне к кофею доставать стали! [11] И откуда они сколотились, достали мне на обмундировку приличную 11 р. с полтиной.[12] Сонечка, тут Сонечка, да! Это она...[13] Сапоги, манишки коленкоровые, великолепнейшие, вицмундир, всё за 11 с полтиной, состряпали в превосходнейшем виде. Пришел я в первый день поутру со службы. Смотрю: Катерина Ивановна два блюда изготовила.[14] Суп и солонину под хреном. И ведь вот что странно: платьев нет у нее, всё... Ну, одним словом, всё куда надо пошло.[15] Лохмотья последние, а тут смотрю, точно в гости собралась, приоделась, точно праздник в доме какой. Умеют это как-то они: [16]

---

[1] *Было:* смотрп, смотрп
[2] *Было:* мою личную
[3] *Было:* он
[4] *Было:* в сильном волнении
[5] и детский голосок, поющий «Хуторок» *вписано.*
[6] *Вместо:* Он уж ∾ слова — *было:* Он видимо пьянел, повторял слова
[7] *Было:* его
[8] *Было:* полтора месяца.
[9] *Вместо:* Захарий Семенович — *было начато:* Семен
[10] *Было:* трудился
[11] Сливки ∾ стали! *вписано.*
[12] *Было:* 11 р. 70 к.
[13] Сонечка, тут Сонечка, да! Это она ... *вписано.*
[14] *Было:* приготовила
[15] всё... ∾ пошло. *вписано.*
[16] *Вместо:* Умеют это как-то они — *было:* И как это умеют они

причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, — смотришь, точно совсем другая особа, и помолодела, и похорошела, и жить опять начинает.[1] Сонечка, ангел мой, только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне часто у вас бывать теперь уж и [2] неприлично, разве в сумерки как-нибудь, чтоб никто не видал. (Слышите! Слышите!) [3] Прилег я после обеда заснуть [4] — что ж бы вы думали,[5] ведь не вытерпела Катерина Ивановна. За неделю [6] еще они с хозяйкой, с Амалией Карловной, чуть не подрались, самыми низкими именами обзывали друг друга, а тут и на кофеек позвала рассказать кому-нибудь про это про всё еще разик и единственно для того, чтоб хоть какого-нибудь человека иметь перед собою и перед ним мною похвастаться. И я не осуждаю, не осуждаю. И верит. Так и трещат.[7] Дескать, вот теперь Захар [8] Семеныч [9] на службе, жалование получает и к его превосходительству сам являлся. И его превосходительство сам вышел, всех оставили и всех ждать велел, а Захар Ивановича в кабинет увел и посадил. (Слышите! Слышите!) Я, конечно, говорит, Захар [10] Семеныч, помню ваши заслуги и хоть знаю, что вы прежде придерживались этой легкомысленной слабости, но так как уже вы обещаетесь и притом же ценя ваши способности и что, сверх того, у нас без вас всё худо пошло... (слышите, слышите!), то и надеюсь, дескать, на ваше честное и благородное слово. Т. е. всё это выдумала и не то чтоб только ⟨с. 92⟩ похвастаться, а так, сама себя потешить, ей богу! И я не осуждаю! не осуждаю. Милостивый государь, вы не понимаете? Вам это смешно, ну а я понимаю, глуп, а понимаю... Я чувствую. Мне не смешно. Вы не чувствуете! [11] И когда я неделю назад первое жалование мое 23 р. 40 коп. сполна принес, малявочкой меня назвала. «Малявочка, говорит, ты этакая!» И наедине-с! Понимаете? Главное, что наедине-с, без детей! Ну ж что, кажется, во мне за краса? Ну уж куда я как супруг

---

[1] *Вместо:* совсем ∾ начинает — *было:* другое совсем существо

[2] *Вместо:* бывать теперь уж и — *было:* быть

[3] (Слышите! Слышите!) *вписано.*

[4] *Было:* заснуть на диван

[5] *Далее было:* накануне

[6] *Было:* Накануне

[7] *Вместо:* с Амалией Карловной ∾ и трещат — *было:* чуть не подрались, самыми подлейшими именами обзывали друг друга, а тут не утерпела и на кофеек позвала — пока я сплю — только для того, чтоб пред ней мной похвастаться. Говорит шепотом, чтоб меня не разбудить:

[8] *Было:* Иван

[9] *Было:* Семенович

[10] *Было:* Иван

[11] *Вместо:* И я не осуждаю! ∾ Вы не чувствуете! — *было:* О, милостивый государь! Мне не смешно. Я чувствую. Ну да и похвастаться тоже перед Липпевехзель хотела. Дама честолюбивая! Мы вот, говорит, теперь квартиру наймем приличную, вот только хозяйство как заводить? И пошли у них тут расчеты и толки, как хозяйство нам заводить, часа два друг дружке рапортовали, до тысячей [дошли] доходили, до того доходили, что я генеральский чин, наконец, могу получить, — слышите! Слышите! О милостивый государь! *На полях запись:* в генералы меня произвели!

гожусь? [1] Нет, ущипнула за щеку: «Малявочка ты этакая[2]», — говорит!..[3]

Мармеладов опять остановился, хотел засмеяться, но вдруг подбородок его запрыгал, он, впрочем, удержал себя.[4] Этот штоф и эта беспредельная любовь к жене и к семье сбивали меня с толку...

— И весь тот день, и весь тот вечер, милостивый государь, — прибавил Мармеладов, — я сам в мечтаниях летучих препроводил: и как я это всё устрою, и ребятишек одену, и ей спокой дам, и дочь мою единородную от погибели спасу, и в лоно семьи возвращу. Ну-с, а на другой же день, т. е. ровно пять дней назад, к вечеру, я обманом, как тать в нощи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ключи, выпул всё вчерашнее [5] жалование, и вот-с — пятый день из дому и там меня ждут-с, и службе моей конец, и вицмундир мой лежит в Стремянном переулке в распивочной, взамен чего получил сие одеяние... Вот-с! ⟨с. 93⟩ [6]

Теперь, милостивый государь, позвольте вас спросить, что я могу ожидать по возвращении домой от Катерины Ивановны? [7]

— Ну... Ничего хорошего, разумеется.

— Гм. Да! Разумеется? Разумеется? Ну-с, а вот я давеча у Сонечки был.[8] Сегодня поутру-с, заходил.[9] Вот этот самый полуштоф на ее деньги куплен, тридцать копеек мне вынесла, своими руками.[10] Я для того и заходил, чтоб на похмелье у ней попросить.

— И вы попросили? И она дала? [11]

— Ни слова даже не сказала, дала.[12] Я знаю, что последние.[13] Так только на меня молча посмотрела. Понимаете, как ангелы об людях только тоскуют, плачут, а не укоряют.[14] И с самого утра

---

[1] *Вместо:* Главное ∾ гожусь? — *было:* Ну и что, кажется, во мне есть красы? Ну уж куда я в супружеском отношении. *На полях с. 92:* Ну уж какая моя краса, ну уж куда я в супружеском отношении гожусь. Нет, ущипнула за щеку, да еще наедине: «Малявочка ты, говорит, этакая!»

[2] *Было:* моя

[3] *Далее было:* Э-э-эх! милостивый государь!

[4] *Вместо:* хотел засмеяться ∾ себя — *было:* и подбородок его запрыгал, но он удержал себя

[5] *Было:* оставшееся

[6] *На полях запись, относящаяся к последующему тексту (см. стр. 113, примеч. 12).*

[7] *Вверху страницы на полях запись:* Милостивый государь, что я могу теперь себе ожидать. К Катерине Ивановне? Невозможно. Пошел к Сонечке.

[8] *Вместо:* Разумеется? ∾ был. — *было:* у Сонечки был-с. *Вверху страницы на полях вариант:* Но всего, всего для меня тяжелее было, когда я сегодня к Соне зашел.

[9] *Было:* к ней заходил

[10] *Вместо:* тридцать копеек мне вынесла своими руками — *было:* опохмелиться дала тридцать копеек-с

[11] *Вместо:* И вы попросили? И она дала? — *было: а.* И дала? *б.* И вы просили? и она дала? *в.* И вы попросили? У ней? И она дала? *Между строками:* И вы взяли? — Взял-с.

[12] *Вместо:* Ни слова даже не сказала, дала. — *было:* Ни слова не сказала.

[13] *Вместо:* Я знаю, что последние. — *было:* Последние взяла, вынесла и дала.

[14] *Далее было: а.* Милостивый государь— это тяжеле. *б.* Мне это тяжеле, чем встречусь теперь с Катериной Ивановной.

Сонечкин взгляд мне[1] мерещится. И тридцать копеек эти были последние, я это знаю, ибо угадал, т. е. уж распоследние. Понимаете? А вы вникните,[2] что ей теперь надо *чистоту* наблюдать! Юбочку чистенькую, помадки баночку,[3] чулочек чистенький, ботиночку чистенькую, чтоб выставить, когда на улице лужу будет переходить, понимаете? Понимаете? Понимаете ли, что значит сия [4] *чистота!* Ну-с, а я вот тридцать коп. ⟨с. 94⟩ на похмелье просить приходил.[5] Понимаете ли теперь всё? [6] Теперь вы всё выслушали, всё. Ну скажите же теперь, ну кто таковою, как я, пожалеет?

— Да чего тебя жалеть-то! — крикнул хозяин, очутившийся опять подле. За ним фыркнули и другие, и слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру Мармеладова.

— Жалеть, зачем меня жалеть! — закричал Мармеладов, вставая в решительном вдохновении.[7] — Зачем жалеть, говоришь ты. Да! Меня жалеть не за что, правда! [8] Меня распять надо, а не жалеть! [9] распять! Но распни, судья, распни и пожалей его! [10] Кто же, кто же нас пожалеет, если некому пожалеть? Разве мы не чувствуем, разве не страдаем? Думаешь ли ты, продавец, что сей полуштоф твой мне всласть пошел! Нет, скорби, скорби искал я на дне его, скорби [11] и слез, ибо знаю, чьи деньги я положил к тебе на застойку! [12] И нашел, и оттого и пил, и оттого и на похмелье ходил просить. [13] Чтоб пожалеть, надо понять. Кто поймет? один поймет, один,[14] ибо всех жалел, и добрых и злых, и премудрых и павших! [15] За то-то и смеялись над ним.[16] «И ругахуся ему!» Приидет в тот час [17] и спросит: «А где дочь моя, что мачехе злой ⟨с. 95⟩ и чахоточной,

---

[1] *Вместо:* Сонечкин взгляд мне — *было: а.* взгляд ее передо мной *б.* этот взгляд *в.* этот взгляд ее. *Между строками:* Государь мой, и вот теперь, как к Катерине Ивановне идти, мне Сонечка

[2] *Вместо:* Понимаете? А вы вникните — *было:* Вы понимаете, молодой человек? Понимаете ли

[3] *Вместо:* Юбочку чистенькую, помадки баночку — *было:* Надо сверх того помадки баночку

[4] *Было:* эта

[5] *Было:* пришел

[6] *Было:* Понимаете?

[7] *Вместо:* Жалеть ∾ вдохновении. — *было:* Жалеть, зачем жалеть! — закричал Мармеладов.

[8] *Вместо:* Зачем жалеть ∾ правда! — *было:* Да, меня не за что жалеть, это правда!

[9] а не жалеть! *вписано.*

[10] *Вместо:* Но распни, судья, распни и пожалей его! — *было:* Но распни его и пожалей его!

[11] *Было:* и скорби

[12] *На полях с. 93 запись:* Не на веселье, а на скорбь просил... В скорби своей вину свою искупиша.

[13] И нашел ∾ просить. *вписано.*

[14] *Вместо:* Чтоб ∾ один — *было: а. Начато:* Один, один пожалеет нас, один, в тот *б. Начато:* Нас один, один пожалеет, один

[15] *Было:* упавших

[16] *Далее было:* и смеются доселе

[17] *Было:* день

что детям чужим малолетним себя продала? Где дочь моя, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?» И скажет: «Прииди!» И скажет: «Я уже простил раз тебя,[1] я уже простил тебя раз. Прощаются же и теперь грехи твои многи за то, что возлюбила много! За то же, что и прежде. За то же. За прежнее же! — Мармеладов зарыдал.[2] — Прииди!» И всех рассудит тогда, и добрых и злых, и правых и неправых, и кротких и насмехающихся,[3] и премудрых и разумных. И когда рассудит всех,[4] тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы. Выходите[5] пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромнички!» И мы выйдем, все, не стыдясь, и станем все, и скажет: «Приидите и вы».[6] И возглаголят премудрые, возглаголят разумные:[7] «Господи, почто приемлеши сих; ибо звериного образа и сами себя заклеймиша».[8] И скажет:[9] «Всё сие знаю, премудрые, всё сие знаю, разумные,[10] но потому их приемлю, что[11] ни один из них не считает[12] себя достойным сего».[13] И простит всё, за скорбь.[14] И прострет пречестные и прогвожденные руце свои и скажет: «Приидите». И мы припадем и... заплачем. И всё поймем... Тогда я и с Катериной Ивановной обнимусь[15] и... заплачем. И поймем... всё...[16] Господи, да приидет царствие твое!

И он сел как бы истощенный и задумавшись. ⟨с. 96⟩

— Да неужели ж и тебя в рай, — крикнул кто-то из гостей.

— Ну, не в рай![17] — проворчал Мармеладов, не подымая[18] головы, — а так, где-нибудь и нам уголок такой отведут. Так, уголок, уголочек.[19] По чину,[20] по чину, по чину, по чину...

— Заврался.[21]

---

[1] *Было:* тебя во храме

[2] За то же ∾ зарыдал. *вписано.*

[3] и правых и неправых, и кротких и насмехающихся *вписано.*

[4] *Далее было:* и премудрых и разумных

[5] *Вместо:* Выходите, скажет, и вы. Выходите — *было:* Выходите и вы

[6] *Вместо:* не стыдясь ∾ и вы». — *было:* выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы.

[7] *Далее было начато:* и ск⟨ажет⟩

[8] *Далее было:* Знаю

[9] *Вместо:* И скажет — *было:* И скажет он им: «Знаю

[10] Всё сие ∾ разумные *вписано. Вместо:* всё сие знаю — *было начато:* Знаю, но

[11] *Далее было начато:* ско⟨лько⟩

[12] *Было:* не считал и не считает

[13] *Далее было:* «Приидите»

[14] И простит всё, за скорбь. *вписано.*

[15] *Было:* там помирюсь

[16] И поймем... всё... *вписано.*

[17] *Было:* Ну, в рай, не в рай!

[18] *Было:* не поднимая

[19] *Вместо:* и нам уголок ∾ уголочек. — *было:* тоже уголок такой отведут, где все успокоимся.

[20] *Было:* Так, по чину

[21] *Было:* Ну, заврался.

— Пойдемте... Милостивый государь... — сказал нак⟨онец⟩ он,[1] подымая голову...[2] — Доведите меня, я живу... в доме Козеля... на дворе. Пора... к [3] Катерине Ивановне.

Мне самому хотелось поскорее с ним развязаться и потому я не отказал его довести. Ногами он оказался слабее, чем в речах, и крепко оперся на меня. Идти было шагов двести, триста.

— А вы думаете,[4] что я боюсь Катерины Ивановны, молодой человек, — бормотал он дорогой в ужасном волнении.[5] — Да! Я боюсь Катерины Ивановны, но не того, что она волосы мои драть начнет и бить меня будет. Нет-с, нет-с, не того: [6] глаз я ее боюсь; да, глаз,[7] красных пятен на щеках ⟨с. 97⟩ ее боюсь... и еще, и еще... прерывистого ее дыхания боюсь.[8] Видали вы, как в этой [9] болезни дышут, когда расстроишь... Детского плача тоже боюсь... ибо, если Соня не накормила, то...[10] А что мне волосы будут драть и мне в лицо ударят, то знайте, молодой человек, что сие мне не только не в боль, но и в наслаждение.[11] Без сего я бы и жить не мог и домой бы возвращаться не мог.[12] Но вот и дом... Козеля дом... Слесаря... Козеля, немца богатого...[13] Веди.

Я провел его чуть не в пятый этаж. Лестница чем дальше, тем становилась у́же, грязнее,[14] темнее. Впрочем, и на дворе уже был десятый час, и хотя в эту пору нет ночи, но на верху лестницы [15] было очень темно.

Маленькая черная дверь, в конце лестницы на самом верху, под крышей, была отворена.[16] Огарок освещал крошечную беднейшую [17] комнату. Всё было разбросано, [18] в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Всю комнату было видно из сеней. В одном углу стояли ширмы и за ширмами, вероятно, была кровать.

---

[1] *Было:* Мармеладов
[2] сказал он, подымая голову *вписано.*
[3] *Было:* и к
[4] *Было:* Не думаете ли вы
[5] в ужасном волнении *вписано.*
[6] *Вместо:* Нет-с, нет-с, не того — *было:* Нет
[7] *Вместо:* да, глаз — *было:* слез боюсь
[8] *Вместо:* и еще ∾ боюсь. — *было:* и прерывистого дыхания.
[9] *Было:* сей
[10] *Вместо:* Детского ∾ накормила, то... — *было:* Голодного детского плача боюсь... *Далее было начато:* Но еще пуще боюсь
[11] *Вместо:* молодой человек ∾ наслаждение. — *было:* что это мне не только не в боль, но даже в наслаждение.
[12] *Вместо:* Без сего ∾ не мог. — *было: а.* Ибо если б мне ничего теперь не сказали, тогда было бы более скорби... *б.* Ибо если б ничего не сказали, совсем ничего, как давеча Соня, то еще было бы более скорби.
[13] немца богатого *вписано.*
[14] *Было:* не чище
[15] *Вместо:* на верху лестницы — *было:* на лестнице
[16] *Выше на полях набросок:* Дверь была отперта. Перед дверью плач. «Слышите, войдите, ибо я не могу».
[17] беднейшую *вписано.*
[18] *Было:* грязно

В комнате же было два [1] стула и клеенчатый до невероятности ободранный [2] диван, перед которым стоял простой сосновый стол, ничем не покрытый.[3] На столе стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов жил в комнате, а не в углу; но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие комнаты, или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевехзель, была отворена. Там было шумно, крикливо. Хохотали. Казалось, что играли в карты и кто-то пил чай. Из двери вылетали иногда ⟨с. 98⟩ слова самые нецеремонные.

Катерину Ивановну я тотчас узнал.[4] Это была ужасно худая и бледная женщина, тонкая, высокая и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами,[5] но, действительно, с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по комнатке [6] с запекшимися губами [7] и неровно дышала. Глаза блестели лихорадочно.[8] Это была женщина лет тридцати [9] и даже миловидная, с резким и как будто неподвижным взглядом.[10] Всё было видно из темноты при ярком последнем освещении догоравшего огарка,[11] сверкавшем на лице ее, но нас она не заметила. Казалось, она была в каком-то забытьи, не слушала и не видела. В комнате было душно, но окна она не отворила.[12] С лестницы несло нестерпимою вонью, но дверь на лестницу была не затворена.[13] Из полурастворенной двери неслись волны скверного табачного дыма. Она кашляла, но не запирала дверь. Самая маленькая девочка лет пяти [14] спала на полу, как-то сидя, уткнув голову в диван. Мальчик, вероятно только, может быть, годом [15] постарше ее, больной, худой и слабый, весь дрожал в углу и плакал.[16] Кажется, его прибили. Старшая девочка лет семи, высокая и тоненькая как спичка,[17] обхватила его рукою, шептала ему, упрашивала, стискивала и сдерживала, чтоб он как-нибудь не заплакал, в то же время с боязнию следя за матерью. Дети все были в лохмотьях.[18] Мармеладов не хотел входить, но стал в самых дверях на колени, а ⟨с. 99⟩

---

[1] *Было:* два-трп
[2] *Было начато:* раз⟨одранный?⟩
[3] *Вместо:* простой сосновый стол, ничем не покрытый — *было: а.* столик *б.* стол
[4] *Далее было:* Мальчик
[5] тонкая ∾ волосами *вписано.*
[6] *Далее было:* ломая руки и
[7] *Далее было:* Всё было
[8] и неровно ∾ лихорадочно *вписано.*
[9] *Было:* лет тридцати, еще не старая
[10] *Вместо:* и как будто неподвижным — *было:* по крайней мере с умным
[11] догоравшего огарка *вписано.*
[12] *Было:* не отворяла
[13] *Было:* тоже была отперта
[14] *Было:* шести
[15] *Вместо:* Мальчик ∾ годом — *было:* Мальчик капельку
[16] *Вместо:* больной ∾ плакал. — *было:* весь дрожал в углу.
[17] *Вместо:* лет семи ∾ как спичка — *было:* лет восьми
[18] *Было:* страшных лохмотьях

меня протолкнул вперед. Женщина, увидя меня, остановилась передо мной, как бы соображая и догадываясь, зачем это я вошел.[1] Но тотчас же ей представилось, что я в другие комнаты, так как их была проходная. Не обращая на меня внимания, она подошла мимо меня [2] к сенным дверям, чтоб притворить их, и вдруг вскрикнула,[3] увидев стоящего на коленях мужа.

— А! — закричала она в исступлении. — Это ты! Колодник! Изверг! [4] Деньги? Где деньги? деньги?

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов развел руками, чтоб облегчить карманный обыск. Денег не было ни к⟨опейки⟩.[5]

— Деньги! — кричала она и вдруг, схватив его за волосы, потащила в комнату.

— И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в нас-лаж-дение, мо-ло-дой чело-век, — выкрикивал Мармеладов, потрясаемый за волосы и [6] стукаясь лбом об пол. Ребенок проснулся и заплакал. Мальчик заплакал тоже.

— Пропил! [7] Всё, всё, всё пропил! — вскричала она в отчаянии.[8] — И платье не то! И платье пропил! [9] Голодные! Голодные! — продолжала она, ломая руки. — А вам, а вам не стыдно! — вдруг набросилась она на меня. — Из кабака! Ты с ним пил! Ты тоже пропивал.[10] Вон! ⟨с. 100⟩

Но я и так рад был уйти. К тому же [11] внутренняя дверь отворилась и из нее высыпало много людей. Протягивались головы с папиросками, с трубками, в ермолках, с картами, скалили зубы и особенно [12] хохотали, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслаждение. Послышался [13] зловещий визг: это продиралась сама Амалия Липпевехзель, чтоб произвести свой распорядок и в сотый раз пугнуть бедную женщину ругательным [14] приказанием завтра же очистить квартиру. Я поскорей ушел. Тут только подумал я, как неосторожно я сделал, зайдя и в распивочную, да и теперь показавшись [15] так многим лицам. Но уж сделан-

---

[1] *Вместо:* как бы ∾ вошел. — *было:* не зная, зачем я пришел к ним. Встрев⟨оженная⟩

[2] *Вместо:* Не обращая ∾ мимо меня — *было:* и она подошла

[3] вскрикнула *вписано.*

[4] *Вместо:* в исступлении ∾ Изверг! — *было: а.* Это ты! *б.* Это ты, изверг!

[5] Денег не было ни копейки. *вписано.*

[6] *Вместо:* выкрикивал Мармеладов, потрясаемый за волосы и — *было:* приговаривал Мармеладов

[7] *Было начато:* Деньги! деньги

[8] *Было:* в отчаянии, ломая руки

[9] И платье пропил! *вписано.*

[10] *Вместо:* Ты тоже пропивал. — *было:* Ты его деньги...

[11] *Далее было:* дв⟨ерь⟩

[12] особенно *вписано.*

[13] когда Мармеладов ∾ наслаждение. *вписано.*

[14] ругательным *вписано.*

[15] *Вместо:* зайдя и в распивочную, да и теперь показавшись — *было:* зайдя и показавшись

ного нельзя было воротить.[1] Я проклинал и Мармеладова и всех. Жалости во мне не было. Не тем я был занят. Не то было в моей голове. ⟨с. 101⟩

Черновой автограф отрывка главы II первой части ($ЧА_3$)[2]

⟨...⟩ всего только два стула и клеенчатый, чрезвычайно ободранный диван, перед которым стоял старый большой [3] сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый. На столе [4] стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов помещался в комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие помещения, или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевехзель, была отворена. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется играли в карты и кто-то пил чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные.

Катерину Ивановну я тотчас признал.[5] Это была ужасно [6] [худ⟨ая⟩] похудевшая женщина, тонкая, высокая [7] и стройная, еще с прекрасными темно-русыми волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками. Она ходила взад и вперед по своей маленькой комнате, сжав руки на груди, с запекшимися губами и неровно, прерывисто дышала. Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен. Мне показалась она лет тридцати.[8] Из темноты всё было видно; при ярком последнем освещении догоравшего огарка, трепетавшем на лице ее, но нас [9] она не слыхала и не заметила. Казалось, она была в каком-то забытье, не слушала и не видела. В комнате было душно, но окна она не отворяла.[10] С лестницы несло вонью, но дверь на лестницу тоже [11] была не затворена. Из внутренних помещений Амалии Федоровны, тоже непритворенных, неслись волны скверного [12] табачного дыма; она кашляла, но не запирала дверей. Самая маленькая девочка, лет пяти, спала на полу, как-то сидя, скорчившись и

---

[1] *Было:* сделанного не воротишь

[2] Здесь приводится первый слой автографа $ЧА_3$ с вариантами второй редакции; в подстрочных примечаниях даны варианты, возникшие при создании третьей редакции.

[3] *Исправлено:* кухонный

[4] *Исправлено:* *а.* на столе на краюшке *б.* на столе на краю

[5] *Вместо:* Катерину Ивановну ∾ признал. — *исправлено:* Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну.

[6] *Исправлено:* очень

[7] *Исправлено:* довольно высокая

[8] *Вместо:* Мне показалась она лет тридцати. — *исправлено:* Показалась она Раскольникову лет тридцати, и действительно была не пара Мармеладову, [что] о чем он и сам говорил.

[9] *Вместо:* ее, но нас — *исправлено:* ее. Входящих

[10] *Исправлено:* не отворила

[11] тоже *зачеркнуто.*

[12] скверного *зачеркнуто.*

уткнув голову в диван. Мальчик, капельку [1] постарше ее, весь дрожал в углу и плакал. Его, вероятно,[2] прибили. Старшая девочка, лет семи, высокая и худая, обхватила его[3] рукою и, кажется, унимала его, что-то шептала ему, стискивала его рукой [4] и сдерживала,[5] чтоб он как-нибудь опять не заплакал, и в то же время с боязнию следила за матерью своими большими-большими темными глазами, которые казались еще больше на ее чрезвычайно похудевшем и бледненьком личике.[6] Мармеладов, не входя, стал в самых дверях на коленки, а меня протолкнул вперед. Женщина, увидев меня, остановилась передо мной, как бы догадываясь и соображая: зачем я [7] вошел? Но тотчас же ей, верно, представилось, что я [8] в другие комнаты, так как [их б⟨ыла⟩] ихняя была проходная. Сообразив это и не обращая на меня [9] более внимания, она подошла[10] к сенным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, увидев [11] стоящего на коленках мужа.

— А! — закричала она в исступлении, — это ты! Колодник! [12] изверг! Деньги! где деньги? деньги! [13]

И она бросилась его обыскивать. Мармеладов развел руки,[14] чтоб облегчить карманный обыск. Денег не было ни копейки.

— Деньги! — кричала она и вдруг, схватив его за волосы, потащила в комнату.

— И это мне — в наслаждение! И это мне не в боль, а в [наслаждение] нас-лаж-дение, мо-ло-дой чело-век, — выкрикивал Мармеладов, ползя на коленках, потрясаемый за волосы и стукаясь лбом об пол. Спавший ребенок проснулся и заплакал. Мальчик в углу заплакал тоже.[15]

— Пропил! всё, всё, всё пропил! — вскричала она в отчаянии. — И платье не то! Голодные, голодные! — продолжала она, ломая руки. — О треклятая жизнь! А вам, вам не стыдно! — вдруг

---

[1] капельку *зачеркнуто.*

[2] *Далее вписано:* только что

[3] *Вместо:* лет семи ∾ его — *исправлено:* лет девяти, высоконькая и худая как спичка, обхватила его [длинной] своей голой и длинной, сухою как лучинка

[4] стискивала его рукой *зачеркнуто.*

[5] *Исправлено:* всячески сдерживала [его]

[6] *Далее вписано:* и в которых уже много было такого, что странно было читать в глаза⟨х⟩ девятил⟨етней⟩

[7] *Исправлено:* это он

[8] *Исправлено:* он

[9] *Исправлено:* него

[10] *Исправлено:* пошла

[11] *Исправлено:* увидев на самом пороге

[12] *Исправлено:* Ах! Колодник!

[13] *Вместо:* где деньги? деньги! — *исправлено:* Что у тебя в кармане? И платье не то! [Где деньги!] Где платье, где деньги, о боже!

[14] *Вместо:* Мармеладов развел руки — *исправлено:* Мармеладов тотчас же развел руки и нагнул голову

[15] *Вместо:* заплакал тоже — *исправлено:* не выдержал, задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, как бы в припадке. Старшая девочка дрожала сама как лист.

набросилась она на меня.[1] — Из кабака! Ты с ним пил! Ты тоже с ним пил! Вон!..

Но я и так спешил уйти.[2] К тому же внутренняя дверь отворилась еще больше и из нее высыпало много зрителей. Протягивались наглые, любопытные головы с папиросками, с трубками, в ермолках. Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в ⟨...⟩

Черновой автограф отрывка главы II второй части (ЧА$_3$)

Почему-то мне вдруг, в эту минуту, особенно ярко представилось, как мерзко подличал я давеча в конторе, как лебезил и заигрывал с сквернейшим Ильей Петровичем; как подличал всё это утро и *молился*, чтоб удалось схоронить концы, подличал до самой этой минуты... И однако ж не то, не то было главное и не то меня теперь мучило наиболее, не эти воспоминания...

Не мог я и сам себе ясно выразить эту внезапную, совсем новую тоску, которая вдруг ко мне привязалась там у скамейки. И, может, именно тем мучительнее я ее чувствовал,[3] что самому себе дать в ней полного отчета не мог. Чувствовал я только, что наступила [4] одна какая-то новая и долгая забота, как будто совсем непредвиденная и пропущенная и на которую пойдут все [5] мои силы.[6] А главное было в том, что я сам не хотел верить в эту тоску и заботу.

Это не тоска, а болезнь, решил я наконец. Это не *то*. Это целый месяц последний сказывается. Это лихорадка, пожалуй даже голод, а не тоска. Вылечусь, и пойдет по-новому.[7] Гм, да... может, и [8] *вчерашнее* тоже слишком уж перевернуло меня. Не вынес.

---

[1] *Исправлено:* Раскольникова

[2] *Вместо:* Но я и так спешил уйти. — *исправлено:* Раскольников поспешил уйти, не говоря ни слова.

[3] *Исправлено:* почувствовал

[4] *Вместо:* Чувствовал ∾ наступила — *исправлено:* Но тут же почувствовал, что тоска его не только не уменьшилась от этого утешения, но что наступает

[5] *Исправлено:* отныне все

[6] *Далее вписано:* и мысли. Он чувствовал это сознательно. Он пошел дальше в глубокой задумчивости. Он шел более полчаса, наконец, пройдя весь Васильевский остров и выйдя на Малую Неву, он очнулся и осмотрелся. Да вот тут живет Разумихин. *Далее: а.* Я к нему иду — зачем? Что ж, разве *б.* Стало быть, я шел к Разумихину. Странное воспоминание: 3-го дни также на [мосту] [скам⟨ейке⟩] острове я сказал, что на другой день после того пойду к Разумихину. Неужели меня самого тянет? Ведь я это знаю, чего ж я боюсь про это говорить? *На полях:* Чего ж я боюсь, чего ж я сам от себя скрываю. *в.* Окна и его дверь, кажется, так. Гм. Я и третьего дня сказал, что на другой день после того пойду к Разумихину. Гм. На вот, пришел. *На полях запись:* Усача не захотел встретить.

[7] Вылечусь ∾ по-новому. *зачеркнуто.*

[8] *Вместо:* Гм, да... может, и — *исправлено:* Впрочем, это всё вздор, а меня

Нервы. Так и должно было быть. И рассудительный человек боится иногда [1] в темную комнату войти. Тоже [ведь] нервы.[2] А кроме того, сколько я должен был наподличать, вчера [3] и сегодня, лгать [унижаться], вилять, концы хоронить, унижаться-то сколько был должен!..[4] Ну и это подбавило... нервов, с непривычки. Нервов и бреду. Почему, почему я тут? Кому чужой? Почему я на «другой планете»? Откуда мне в голову пришли эти слова, там, у скамейки? Почему мне сейчас у скамейки так гадко стало? Разве не один я себе судья? Конечно, бред... [5] Я факта не [вынес] перенес. Что ж: не перенес, так перенесу. Да ведь я и заране знал, что этот бред должен [быть] прийти в своем месте; ведь я еще за месяц его предсказал, — [ну] так чего же? [Это надо] Надо перенести. Надо выздороветь.[6] Тогда и на дело ясно буду глядеть.[7] Чего я стою? Я жить хочу и буду жить.[8] [Я задачу] [Ведь я мою задачу] Я задачу мою сознательно [взял] беру на себя, а не как дурак... Стой: куда я теперь иду? [9] Я к человеку одному иду. Ведь я еще за месяц назад решил, что на *другой же день* к этому человеку пойду, и с того начну. Ну так и пойду...[10] Хотя бы для точности одной пойду.[11]

Так — если только можно хоть примерно перевести — высказывалась во мне начинавшаяся тоска моя. Шел же я тогда к одному студенту, Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному, как и я, и жившему теперь на Васильевском. Когда я двинулся с Николаевского моста, то даже какое-то особенное нетерпение охватило меня: поскорей, поскорей хотелось увидать Разумихина, точно всё при этом должно было разрешиться. И усталости даже не чувствовал. Впрочем, я, кажется, дошел [уже] до того

---

[1] иногда *зачеркнуто.*

[2] *Исправлено:* от нервов *Между строками:* Совесть моя покойна. Так ли? Так ли? Конечно, после это пройдет — *и помета:* N3

[3] *Исправлено:* хоть бы вчера

[4] *Между строками и по тексту вписано:* Наплевать мне на них всех. Впрочем, это всё вздор. Чего ж запираться перед самим собою.

[5] Почему ∾ Конечно, бред... — *зачеркнуто.*

[6] *Вместо:* Надо выздороветь — *исправлено:* и выздоровлю

[7] *Вместо:* ясно буду глядеть — *исправлено:* яснее буду глядеть, а до тех пор не надо и думать, а хоронить концы и скор⟨ее⟩.

[8] Чего ∾ жить. *зачеркнуто.*

[9] *На полях:* В это мгновен⟨ие⟩

[10] *Далее вписано:* Теперь я хочу начать и могу начать.

[11] *Между строками вписано:* Ведь я знал, что я кирпич, который упал на голову этой старухи. Гм, вопросов, впрочем, много неразрешенных. Тут один вопрос действительно представился ему очень ясно, до того, что он стал посреди бульвара и задумался. Вопрос был простой: «Если дело было сделано сознательно, а не по-дурацки, для чего же ты до сих пор не заглянул, что у тебя есть в кошельке? Мало того, ведь ты просто-запросто хотел утопить кошелек, в воду бросить его, даже не рассудив, что для этого не стоило быть кирпичом, и самому столько страдать предварительно...» — подумал он. Ведь в совесть в⟨ерить?⟩ «Да, я слишком упал духом, я болен, я факта не вынес, — решил он наконец, — но выздоровлю...» — упрямо проговорил он опять. *Вверху страницы на полях запись:* Нева. Он никогда не мог подумать, чтоб такие пустяки так могли огорчать его.

предела усталости, после которого перестают ее ощущать и начинается уже что-то другое.

Разумихин был дома, в своей каморке, в четвертом этаже над Малой Невой и сам мне отпер. Он занимался, писал. Это был добрый и веселый парень, худой, [вечно небритый] худо выбритый, черноволосый и с черными большими глазами. Он был не глуп, но очень уж прост, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог почти всё переносить, квартировать хоть на крыше и терпеть необыкновенный холод. Он однажды целую зиму совсем не топил свою комнату и [говорил] утверждал, что так даже лучше спится. Мы с ним были не то чтоб большие приятели, [а так] а только товарищи. Теперь же уже месяцев пять не встречались. Но решившись идти к нему, я и не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойдусь...[1] Одним словом я не смогу передать того отвращения, которое вдруг я почувствовал к тому, что у него очутился. [Вся желчь во мне поднялась.] И опять вся желчь поднялась во мне. [2]

— Что ты? — вскричал он, в изумлении осматривая всего меня. — Неужели уж так плохо? Да ты, брат, нашего брата перещеголял, — прибавил он, глядя на мои лохмотья; — да садись же, устал небось, — и когда я повалился на его клеенчатый диван, который был даже моего хуже, он вдруг разглядел, что я болен:

— Да ты весь болен, и серьезно. [3] — Он стал щупать мой [4] пульс. Я [5] вырвал руку.

— Не надо, — сказал я, — я пришел... Вот что: у меня уроков никаких... я хотел было... [Но] Впрочем, мне не надо уроков.

— А знаешь что, ведь ты бредишь, — сказал он, помолчав.

— Нет. Прощай. — Я встал с дивана. [6]

— Да ты постой, постой! чудак!

— Не надо, — повторил я, вырывая руку.

— Так зачем же ты [пришел] приходил?[7] Очумел ты, что ли? Ведь это... ведь это почти обидно. Я [брат] так не пущу...

— Ну, слушай же: я к тебе пришел, потому что, кроме тебя,

---

[1] *Между строками вписано:* Теперь же, в один миг, догадался он с болью, что всего менее расположен сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было на свете.

[2] *Вместо:* И опять ∾ мне. — *исправлено:* Вся желчь поднялась в нем. *Между строками:* Он [так], если можно сказать, захлебнулся от желчи и отвращения к тому, что здесь очутился.

[3] *Вместо:* Да ты весь болен, и серьезно. — *исправлено:* Да ты серьезно болен.

[4] *Исправлено:* его

[5] *Исправлено:* Раскольников

[6] *Вместо:* Прощай. ∾ с дивана. — *исправлено:* Прощай, — сказал он и пошел к двери.

[7] *Исправлено:* приходил? Черт тебя знает!

никого не знаю, кто бы помог... начать... потому что ты всех простее и всех добрее... [1] А теперь я вижу, что [уроков не хочу. Ну и не надо, прощай...] не надо. Не надо мне ни ваших сострааний, ни ваших участий. [2] Не надо ничего. Оставьте меня в покое [прощай!] одного! Прощай!

— Да постой на минутку, трубочист! Совсем сумасшедший! По мне ведь как хошь. [Вот что] Слушай: уроков и у меня нет, да и наплевать, а есть на Толкучем книгопродавец, Херувимов, — это уж получше уроков, да и сам он в своем роде урок. Я его теперь на три купеческих урока не променяю. Он этакие изданьица делает и теперь естественнонаучные книжонки пускает, и как [3] расходятся-то! Вот ты всегда утверждал, что я глуп: ей богу, брат, есть глупее меня! Теперь же он книжки [4] с направлением пускает. Вот тут два листа немецкого текста, и самого глупейшего [5] шарлатанства при этом: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или нет, и торжественно доказывается, что она человек. [6] Я перевожу; растянет он эти два листа на шесть листов печати, вдвоем сочиним пышнейшее заглавие в полстраницы, и пустит он всё это по полтиннику, [7] и сойдет. За перевод мне по шести целковых с листа, значит всего двенадцать целковых, а шесть взял я вперед. Переведу это, и еще будут переводы: об китах что-то хочет издать; говорит, что требуется. Потом еще и еще переводы. Неутомим. Хочешь второй лист «Человек ли женщина?» переводить? Коли хочешь, так возьми сейчас и возьми три рубля; так как я за весь перевод вперед взял, за первый и за второй лист, то, стало быть, это прямо приходится на твой пай. Да к тому же ты мне и поможешь — ей богу. Я ведь — как все нынче [8] — орфографию плохо знаю. [9] Ну, а в немецком просто швах, и [право] всё больше тут от себя сочиняю и только тем утешаюсь, что от этого еще лучше выходит. Право, лучше немца доказываю, что женщина — человек. Не хочешь ли взглянуть? возьми...

Я молча взял немецкие листки статьи, выдранные из какого-нибудь [10] лексикона, взял три рубля и, не говоря ни слова, вышел. Разумихин с удивлением глядел на меня,[11] а его трудно было

---

[1] *Между строками:* т. е. умнее и обсудить можешь

[2] *Вместо:* Не надо ∾ участий. — *исправлено:* Слышишь, совсем не надо мне ничьих услуг и участий. Я сам ...

[3] *Исправлено:* да еще как

[4] *Вместо:* Теперь же ∾ книжки — *исправлено:* Теперь он по моему совету естественные книжонки уж

[5] *Вместо:* самого глупейшего — *исправлено:* и если уж правду говорить, глупейшего

[6] *Далее вписано:* Это по части женского вопроса.

[7] *Исправлено:* 40 коп.

[8] как все нынче *зачеркнуто.*

[9] *Далее вписано:* Иначе какой же бы я был студент.

[10] *Исправлено:* какого-то

[11] *Вместо:* глядел на меня — *исправлено:* поглядел ему вслед, [а Разум⟨ихина⟩]

удивить. Но, дойдя [1] до Первой линии, я [2] вдруг воротился, поднялся опять к нему [3] и, положив на стол и немецкие листы и три рубля, ни слова не говоря, пошел вон.

— Да у тебя белая горячка, что ль? — закричал взбесившийся наконец Разумихин. — Что ты комедии-то разыгрываешь! Даже меня сбил с толку. Зачем же ты приходил после этого — черт?

— Не надо... переводов... — пробормотал я, [4] уже спускаясь с лестницы.

— Так какого же [теперь] тебе черта надо? — закричал он сверху. [5] Я[6] молча продолжал спускаться.

— Эй, ты! где ты живешь?

Я не дал ответа.

— Ну так черт с тобой! — заревел он во всё горло мне вниз, но я уже выходил на улицу.

На Николаевском мосту я опять [7] очнулся, и вот как это было:[8] меня плотно охлестнул кнутом по спине кучер одной коляски за то, что я чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что [он] кучер кажется раза три или четыре мне [9] кричал. Удар кнута так разозлил меня, [10] что я,[11] отскочив к перилам (неизвестно почему я был на [12] средине моста), злобно заскрежетал и защелкал зубами. Кругом, разумеется, раздавался смех:

— И за дело! — говорил один. [13]

— Выжига какая-нибудь.

— Известно, пьяным представится и лезет под колеса, а ты за него отвечай.

— Тем промышляют, друг любезный, тем промышляют. Уж такое их продовольство.

Но в это самое мгновение, как я стоял у перила и всё еще бессмысленно и злобно смотрел вслед коляске, [14] потирая спину, слышу, что кто-то сует мне в руки деньги. Смотрю: [15] пожилая купчиха (наверно, купчиха)[16] и с нею дочь: «Прими, батюшка, ради Христа». Денег двугривенный. Я взял, и они прошли мимо. По платью они очень могли принять меня за нищего, за настоящего собирателя

---

[1] *Исправлено:* дойдя уже
[2] *Исправлено:* Раскольников
[3] *Вместо:* к нему — *исправлено: а.* в четвертый этаж *б.* к Разумихину
[4] *Исправлено:* Раскольников
[5] *Вместо:* он сверху — *исправлено:* сверху Разумихин
[6] *Исправлено:* Раскольников
[7] *Исправлено:* он вполне
[8] *Вместо:* и вот как это было — *вписано:* Это случилось особым обр⟨азом⟩
[9] *Исправлено:* ему
[10] *Исправлено:* его
[11] *Исправлено:* он
[12] *Вместо:* я был на — *исправлено:* он шел по самой
[13] говорил один *зачеркнуто.*
[14] *Исправлено:* удалявшейся коляске
[15] *Вместо:* слышу ∾ Смотрю — *исправлено:* вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги. Посмотрел
[16] *Исправлено:* купчиха или очень похожая на нее

грошей на улице, а подаче целого двугривенного я, наверно, обязан был удару кнута, который их на мой счет разжалобил.

Я зажал двугривенный в руку, прошел шагов двенадцать и оборотился к Неве, по направлению дворца. Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая. [1] Купол собора, который ни с какой точки не может выглядывать лучше, как именно [2] отсюда, шагах в десяти от часовни, — так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение. Боль от кнута прошла, и я совершенно забыл про него. Я стоял и смотрел вдаль долго и пристально. [3] Когда я ходил в Университет, то обыкновенно, возвращаясь домой, случалось мне, может быть, несколько сот раз пристально оглядывать всю эту, действительно великолепную, панораму, и я даже нарочно любил останавливаться, дивясь каждый раз моему [4] впечатлению: необъяснимым холодом веяло на меня [5] от [этого вида] этой великолепной картины [духом немоты и какого-то отрицания]. Дух немой и глухой разлит в этой [6] панораме. Дивился я [7] каждый раз своему впечатлению и себе не верил и теперь вдруг вспомнил про [это] прежнее свое удивление. [8] Но как вспомнил, то мне даже то странно показалось теперь, что я стою на этом же месте. В какой-то бесконечной глубине, внизу, под моими [9] ногами, казалось мне [10] всё — и панорама, и прежние впечатления, и настоящее, и всё прошедшее — всё, всё. Казалось, я улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах моих. [11] Сделав движение рукой, я вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный. Я разжал руку, поглядел [12] на монетку, протянул руку над водой и разжал ее совсем. [13] Монетка мелькнула и исчезла в воде; [а я] я поглядел, [14] повернулся и пошел домой.

---

[1] *Далее вписано:* что на Неве так редко бывает

[2] *Далее вписано:* смотря на него

[3] *Далее вписано:* потому что это место было ему очень знакомо особенно

[4] *Исправлено:* одному неразрешимому своему

[5] *Исправлено:* на него всегда

[6] *Вместо:* разлит в этой — *исправлено:* как бы разлит был для него в этой несравненной

[7] *Исправлено:* он

[8] *Вместо:* и теперь ∾ удивление. — *исправлено:* откладывая окончательную поверку своих впечатлений на будущее, до окончательного сознания и развития, и теперь вдруг вспомнил про прежнее свое удивление и про [все] эти [вопро⟨сы⟩] прежние вопросы и недоумения, и показалось ему, что нечаянно он вспомнил про них. Уж то одно показалось ему теперь странным, что он стоит, как прежде, на этом же месте и об том же самом хочет думать. Точно хоть когда-нибудь [он еще будет об этом] он может еще об этом думать и такими прежними темами интересоваться.

[9] моими *зачеркнуто.*

[10] *Исправлено:* ему

[11] *Исправлено:* его

[12] *Исправлено:* пристально поглядел

[13] *Вместо:* протянул ∾ совсем. — *исправлено:* разжал кулак и бросил его в воду.

[14] *Вместо:* в воде; я поглядел — *исправлено:* в воде, как будто он всех людей похоронил вместе с ней. Затем

Я пришел к себе уже [в сумерки] вечером — стало быть, шел [1] часов пять или шесть. Где я был и как шел — ничего не помню. [2] Я, однако ж, разделся и, весь дрожа, как загнанная лошадь, лег на диван и натянул на себя шинель. Затем забылся... [3]

Я очнулся в полные сумерки от ужасного крика; было темно; в сумерки в моей комнате и летом бывает совсем темно. Но боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, ругательств и побой я еще никогда не слыхивал. Я и вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления! В ужасе я приподнялся и сел на диване; я замирал [от страху] и мучился. Но драка, вопли и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот, к моему изумлению, я вдруг расслышал голос моей хозяйки. Она выла, визжала и причитала скоро-скоро, выпуская слова так, что и разобрать нельзя было, о чем-то умоляя, — вероятно, чтоб ее перестали бить, потому что ее бесщадно били, вытащив на лестницу. [4] Голос бившего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел, но все-таки и он говорил что-то такое, и тоже быстро, [5] неразборчиво, сипя [6] и захлебываясь. Вдруг я весь затрепетал как лист: я узнал этот голос; это был голос Ильи Петровича!.. Но как же он смеет ее бить и, боже, как он ее бьет! Должно быть, он ее бил ногами, каблуками, топтал и, вытащив за косы на лестницу, бил головой о ступени: я судил по звукам, по воплям, по отчаянию бедной жертвы. [7] [Д] На всех лестницах и во всех этажах [8] собиралась большая толпа. Слышно было [9] много голосов, восклицаний; всходили, стучали, хлопали дверями, все сбегались! Но за что же он бьет ее, и как он может! — повторял я, и мне казалось, что мой ум мешается; но нет! я ясно, ясно слышал...[10] «Но, стало быть, и ко мне придут сейчас, если так,[11] потому что... верно всё это по тому же... Господи!» [Я хотел было] Мне пришло было в голову запереться на крючок, но я не посмел. Страх, как лед, обложил мою душу. Наконец весь этот гам, продолжавшийся минут с десять,[12] постепенно стал умол-

---

[1] *Исправлено:* ходил всего

[2] *Вместо:* Где я ∾ не помню. — *исправлено:* Где был и как шел, он потом не помнил.

[3] *Между строками и на полях вписано:* «Господи, — подумал он, — разве возможно было так сделать? Разве это было сделано разумно? Боже мой, какие страшные промахи! Да и теперь схоронены ль еще все концы...» Но он не мог много думать. Он забылся... Жар и холод. Одно ясное мгновение еще раз посетило его. [Была минута, когда он как будто ясно опять всё припомнил и сообразил, и в этот раз даже задрожал от ужаса при мысли]

[4] *Исправлено:* били на лестнице

[5] *Исправлено:* скоро

[6] *Исправлено:* торопясь

[7] *Далее вписано:* Что это, свет перевертывается, что ли?

[8] *Далее вписано:* слышно было

[9] *Вместо:* Слышно было — *исправлено:* Слышалось

[10] *Над словом:* слышал — *вписано:* слышит

[11] *Над строкой вписано:* подумал

[12] *Вместо:* минут с десять — *исправлено:* верные десять минут

кать. [1] Хозяйка стонала и охала; Илья Петрович всё еще грозил и ругался. Наконец, кажется, и он ушел: [2] не слышно стало его. Ушла и хозяйка; я [3] даже слышал, как захлопнулась у ней дверь. Затем мало-помалу стали расходиться [по лестницам и] с лестниц по квартирам зрители, споря, ахая и перекликаясь, то возвышая речь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, их много было; весь дом сбежался. Но боже, разве всё это возможно? И зачем он приходил сюда, зачем, зачем? [4]

Я лег опять, [5] но уже не мог сомкнуть глаз. Думаю, я пролежал с полчаса, [6] в таком страдании, в таком ощущении безграничного ужаса, [которого] какого никогда еще не испытывал. Вдруг свет: передо мной [7] Настасья со свечкой и с тарелкой супа. [Увидав] Посмотрев на меня внимательно и [увидав] разглядев, что я не сплю, она [молча [начала] стала раскладывать] разложила на столе [8] принесенное: хлеб, соль, тарелку и ложку.

— Небось, со вчерашнего не ел. Целый-то день прошлялся, а самого лихоманка бьет.

— Настасья! за что это [9] били хозяйку?

Она [молча и] пристально на меня посмотрела.

— Хозяйку? А кто бил хозяйку?

— Хозяйку. Сейчас. Полчаса назад, Илья Петрович, надзирателя помощник! За что он ее так избил?[10] И как он... смел?

Настасья молча и нахмурившись стала меня рассматривать и долго так смотрела. Мне стало страшно.[11]

— Настасья, что ж ты молчишь? — [спросил] проговорил я наконец слабым голосом.

— Это — кровь!— ответила [12] она тихо и как будто про себя.

— Кровь! Чья кровь? Какая кровь? — я затрепетал от испугу и отодвинулся к стене.

— Кровь; в тебе ходит; оттого и страхи. Никто хозяйку не бил.[13]

---

[1] *Исправлено:* утихать

[2] *Вместо:* ушел — *исправлено:* затих, ушел, должно быть

[3] *Исправлено:* он

[4] *Вместо:* И зачем ∾ зачем? — *исправлено:* И зачем же он приходил сюда, вот задача?

[5] *Вместо:* Я лег опять — *исправлено:* В бессилии [он] Раскольников упал на постель

[6] *Вместо:* Думаю ∾ с полчаса — *исправлено:* и, может быть, он пролежал так с полчаса

[7] *Вместо:* Вдруг свет: передо мной — *исправлено:* Вдруг яркий свет озарил комнату — перед ним

[8] *Вместо:* разложила на столе — *исправлено:* поставила на стол свечку и стала раскладывать

[9] это *зачеркнуто.*

[10] *Далее вписано:* и... зачем... приходил

[11] *Вместо:* страшно — *исправлено:* [как-то] очень неприятно от этого безмолвного пристального взгляда, даже страшно...

[12] *Исправлено:* проговорила

[13] *Вместо:* Кровь! Чья кровь? ∾ не бил. — *исправлено:* Кровь! Какая кровь? — Волосы его встали дыбом [от] ужаса, и ⟨он⟩ отодвинулся к стене. Настасья молча, как будто приковавшись, смотрела на него.

— Никто хозяйку не бил, — ответила она наконец.

Еще сильнее трепет [1] напал на меня.

— Да ведь я не спал, тут сидел. [2] Ведь сюда приходил помощник надзирателя?.. — едва мог я выговорить.

— Никто не приходил. А это кровь в тебе ходит. Это уж когда она печонками запекаться начнет, тогда и начнет мерещиться. [3] Станешь есть-то, что ли?

Я не отвечал и [лег опять на мой узел] опустился на подушку. Настасья всё стояла надо мной, глядела на меня пристально и не уходила.

— Пить дай... Настасьюшка, — проговорил я наконец.

Она молча сошла вниз и, кажется, очень скоро воротилась; но я уже не помню, что было дальше. Помню только, как отхлебнул один глоток холодной воды и [плеснул] пролил себе на грудь; затем наступило беспамятство.

Черновой автограф варианта отрывка главы II второй части (ЧА$_3$)

⟨...⟩ отдать свою кровь, чтоб только той крови можно было избегнуть, и ведь я знаю, я знаю, что говорю это искренно. Чего ж мне бояться? Я — кирпич, который упал старухе [4] на голову; я — леса, которые над ней обвалились. [5] Я всё знал ведь это заране; а что сейчас от скамейки отошел и осекся [6] — так это уныние, это голод, болезнь, лихорадка, нервы. [7] Полечиться, и болезнь и нервы пройдут. [8] Я жить начинать иду. [9] Куда я иду? Я к человеку одному иду, и это я за месяц еще [10] решил, что на *другой день* к этому человеку пойду [что] и с этого *новую* жизнь начну; ну так и надо идти. [11] Так — если только можно хоть примерно перевести — высказывалась во мне начинавшаяся тоска моя. Так прочитал я только вот себе новые ощущения, которые вдруг встре-

---

[1] *Исправлено:* ужас

[2] *Вместо:* Да ведь я ∾ сидел. — *исправлено:* Да ведь я, — робко проговорил он, — не спал, а тут же был.

[3] *Вместо:* Это уж ∾ мерещиться. — *исправлено:* Это кровь в тебе ходит.

— Какая кровь? — вскричал он наконец, задыхаясь.

— Твоя кричит. Это когда запекаться печонками начнет. Кровь в тебе кричит, ходит. Ей выходу нет, тут и начинает казаться...

[4] *Исправлено:* человеку

[5] *Абзац зачеркнут карандашом, на полях помета:* т⟨ак⟩ гов⟨орит⟩ себе он

[6] *Исправлено:* осекся и себя гаже того франта счел

[7] *Вместо:* так это ∾ нервы. — *исправлено:* так это бред.

[8] *Вместо:* Полечиться ∾ пройдут. — *исправлено:* Я струсил [задачи]; но болезнь и нервы пройдут, и бред пройдет, и я не струшу задачи, которую сознательно беру на себя.

[9] *Исправлено:* Я жить хочу и буду жить! Стой:

[10] *Вместо:* иду, и это я за месяц еще — *исправлено:* иду. Я еще за месяц назад

[11] *Вместо:* надо идти — *исправлено:* пойду... начинать

«Преступление и наказание». Страница подготовительных материалов к третьей редакции. 1866 г.

Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

тилось при первом шаге начавшейся новой жизни. [1] Шел же я тогда к одному студенту, Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному, как и я, и жившему теперь на Васильевском на Малой Неве. [2] Когда я двинулся с Николаевского моста, то даже какое-то нетерпение охватило меня. Я спешил; [3] мне поскорей-поскорей хотелось увидать Разумихина, я даже не чувствовал усталости. [4] Впрочем, я, кажется, дошел до того предела усталости, после которого перестают ее ощущать, а уже начинается что-то другое.

Разумихин был дома, в своей каморке, в четвертом этаже над Малой Невой, и сам мне отпер. Он занимался, писал. Это был добрый и веселый парень, худой, вечно небритый, черноволосый и с черными, большими, как ложки, глазами. Он был не глуп, иногда буянил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя вершков двенадцати росту. Разумихин был еще тем замечателен, что мог почти всё переносить, квартировать хоть на крыше и терпеть необыкновенный холод. Однажды он целую зиму совсем не топил ⟨...⟩

Подготовительные материалы ($ПМ_2$)

Его превосходительство, как ангел божий, добры... Возьму я тебя, — но смотри, смотри! и на обмундировку дал — есть ваканция.

Дама опрятная.

... Преобразилась вся, и ведь в том же платье, но как-то умеют они, воротнички новенькие, нарукавнички, дети чистые — точно в гости собирается или гостей ждет. Лег важно. Дескать, Иван Макарыч после службы, устал. Лег я на диван — детей чуть не приколотила — тише! И ведь не вытерпела — хозяйку, враждебницу, которую сама же корила, в гости на кофей позвала. Сидели это они в углу, кофей пили и шепотом говорили, чтоб меня не разбудить, а я всё слышал: дескать, теперь Иван Макарыч

---

[1] *Вместо:* Так прочитал ∾ жизни. — *исправлено:* Не помню, как тогда было; я теперь только так перевел.

[2] *На полях и по тексту записи:*

а я болен

то сколько был должен

Оттого и уныние, но это бред.

... сам и жизни своей я хозяин. Я и отчет только себе, одному себе дам.

Да ведь я и знал, что этот бред будет, за месяц еще знал.

И я знал, что он будет. Я знал, что он будет и его надо перенести. Пройдет болезнь, пройдут нервы, и перенесу. Я задачу созн⟨ательно⟩

[3] Я спешил *зачеркнуто.*

[4] *Вместо:* увидать ∾ усталости. — *исправлено:* увидеть Разумихина, точно всё при этом свидании должно было разрешиться. Даже уже и не чувствовал усталости.

на службе, жалованье получать будет и к его превосходительству являлся. И его высокопревосходительство сами вышли и принял так вежливо, посадил, а когда выслушал, то отвечал: «Я, конечно, Иван Макарыч, помню ваши заслуги, и хоть знаю, что [1] вы прежде придерживались этой слабости, но так как вы обещаетесь, и притом же ценя ваши способности, и так как у нас всё без вас худо пошло (слышите, слышите!), то и беру вас опять, надеясь на ваше честное и благородное слово». Т. е. всё это выдумала, и не то чтоб похвастаться, а так самое себя потешить, ну да и похвастаться тоже перед Саввишной захотела, дама честолюбивая. [2] Мы, говорит, теперь квартиру наймем, вот только хозяйство как заводить, и пошло у них тут про хозяйство и как это всё устроить, и ведь наговориться не могли, два часа друг дружке рапортовали, и я лежал, и меня даже слезы прошибли, [3] а как я назад тому неделю [4] первое жалованье принес, малявочкой меня назвала, малявочка ты, говорит, этакая.

И лежал я и думал, и как я их устрою, и дочку позову, и как это всё хорошо, и как ребятишек одену, и ей спокой дам, и вот-с на 2-й день к вечеру, как тать, ключи украл у ней и открыл сундучок, где деньги лежали, и из дому ушел и с тех пор не являлся, и вот-с! и он ткнул пальцем в штоф. ⟨с. 78⟩

Молодой человек, доведите меня, ибо я боюсь.

Страдание в вашем лице заставило меня быть откровенным...

Ибо я боюсь; ибо Катерина Ивановна будет бить меня и кричать и терзаться. Этого я и боюсь, а что будет бить, не боюсь, ибо это мне в наслаждение. И не может понять Катерина Ивановна, что если бы не била она меня, это было бы мне в мучение. Что если бы кротко, как дочь, у меня бы от муки тогда всё сердце истекло... Понимаете ли вы это, милостивый государь? Понимаете ли?

Не беспокойтесь, милостивый государь, не беспокойтесь, здесь всё обо мне известно. Здесь всем и всё обо мне известно... [5] ⟨с. 79⟩

№3. Капитальное в роман.

После того как в 6-й главе Разумихин разговаривает с Бакалиным, у того в голове — бежать. А после того как *Бакалин* говорит «шевелить нельзя», то он говорит: «Вздор, я силен, я могу ходить».

И действительно, ночью, к рассвету, он бежал.

И тут целый день странствий (№3 Вразумихин ищет *его*). Кончается день смертью Мармеладова.

---

[1] *Далее было:* иногда
[2] *Было:* честолюбивая она
[3] и я лежал, и меня даже слезы прошибли *вписано.*
[4] *Было:* [третьего]четвертого дня
[5] Молодой человек ∾ мне известно... *вписано на полях.*

Но на него за этот день и потом — подозрения.

Следователь, снимающий показания, гордые его ответы. (В преследовании его и вывертывании новый интерес.) ⟨с. 146⟩

Проснулся он после болезни утром в 10 часов. Разумихин завтракает. Принес платье. [1]

«Уйди!» Когда тот ушел: «Оставь меня, оставь меня». [2]

Заснул — он проснулся вечером в злобе — нанять другую квартиру. Трактир, Заметов. [3] Посещение квартиры убитой, выгнали, Мармеладов. [4] («Господи, помилуй мя!» — вскричал он падая. Арифметика.) (Раскаянный элемент.)

На утро *она*, потом Разумихин, потом Лужин. Соня приходит говорить, что хоронят сегодня. Он *ее* сажает и удерживает. Разумихин хотел было уйти, но садится. Выпроваживает Лужина. Тот оскорбляет *ее*. Он заступается. Когда Лужин уходит, он говорит [5] Разумихину: «Я оскорбил тебя вчера, но оставь меня». «Ты странен, — говорит Разумихин, — но изволь, оставлю», и уходит. [6]

Он идет к Мармеладовым. Панихида. К Митрофанью. Лития у них. Папенька и маменька. Соня. Говорит с ней, хочет у ней прощения просить, а та говорит ему: я виновата. Провожает Соню — говорит ей сальные слова, та скромно. [7]

Он идет к Разумихину. Вечер. [8] Он приходит раскаявшись, [9] и гордость демонская: полная защита (а тут гордый элемент и полная защита). Приходит домой: мать.

№3. Следователь получает подозрение, его призывают. Он с улыбкой дает показания.

— А почему вы были в квартире старухи?

— Она мне во сне снилась. Я искал квартиры.

Молитва его по приходе от Мармеладовых: кротко — «Господи! Если это покушение над старухой слепой, тупой, никому не нужной, грех, после того что я хотел посвятить себя, то обличи меня. Я строго судил себя, не тщеславье, и если б тщеславье, то это

---

[1] *Далее было:* Входит Лужин. Разговор, и выгоняет. Разумихин свидетель лиюв⟨аиия⟩, хотел уйти при разговоре.

[2] *На полях вверху страницы было:* После покупки платья — «оставьте меня».

[3] *Над строкой:* Разумихин

[4] *Над строкой:* Смерть

[5] он говорит *вписано.*

[6] *Между строками:* Разумихин говорит ему: «Ты странные слова говорил вчера».

[7] *Было:* расплакалась, скромно и гордо. *На полях запись:* Она говорит ему потом: «Я виновата-с, не сердитесь давеча», а он же хотел у ней прощения просить.

[8] *Далее было:* возвращается. Мать.

[9] *Далее было:* и защищается

законно. Зачем ты мне дал силы? Без этих денег не мог я жить». [1] ⟨с. 113⟩ [2]

Разумихин ссорится с Заметовым, с следователем и проч. и не хочет сказать причины.

(Факт о посещении квартиры убитой узнает после.)

В тот вечер в сцене с матерью — ссора с ней и с сестрой, деспот. [3] Разумихин примирительное лицо, уверяет мать, что он еще не в себе от болезни.

«Ты мог бы говорить с сестрой иначе!» — «Не нужно жертв». — «Еще бы! Петр Петрович застает тебя с женщиной подозрительной». — «Эта женщина, да, она подозрительная женщина, она гуляет по улицам, но он мизинца не стоит».

«После этого мы не можем оставаться», и уходят (характеры).

Мать говорит Разумихину потом: «Он уж раз жениться хотел, он огорчал меня, вот и на этой женится».

Разумихин посредником.

На другой же день примирение. Разумихин сводит, [4] рад. Он хоть и рад и нежен, но мрачен. Лужин. Выгоняют Лужина, что делать, денег нет. Достает Разумихин. Учреждает общество. Отыскивает квартиру, вместе жить. *Он не хочет.*

№3. С этого времени начинаются сцены в разных местах. Несколько интриг.

Его с Соней (письма Сони к нему), матери против Сони, Разумихина с дочерью, Следователя, молодого человека. И его хождения.

№3 №3 №3

Разумихин оскорбляет Соню (признание Соне).

Он совершенно отделяется от сестры и матери.

Уединение, мысли, судебный следователь. Сумасшествие. (Разумихин это поддерживает).

Мать и Соня.

Мармеладова переехала к Соне. Оскорбляет мать, пришедшую к Соне. Мармеладова сходит с ума, сцена на улице.

Он начинает работать, чтоб жить, несет Мармеладовой.

---

[1] *Текст:* Молитва ∾ жить». — *на полях.*

[2] *Внизу страницы заметки:* про⟨тив⟩ свид⟨ания⟩. Мать, письмо Лужина насчет девицы сомнительной, чтобы не было его.

[3] деспот *вписано.*

[4] *Было:* Разумихин уж

Он признается Разумихину, уговаривающему его. «Да [1] для чего ты мне это говорил. Да разве могут ⟨с. 112⟩ быть честные отношения? (NB. Соня не оставила меня даже при этом признании, а вы оставите.) Я лгал сегодня перед следователем».

Тысячи предположений Разумихина и проектов, как делать. «Пойдем домой к матери».

NB) Чуть примирились, задел и обострит что-нибудь (Соня и проч.).

Потом опять сомнения: «Ведь я это от трусости характера только выносить не могу. Арифметика справедлива, а я мягок. Я не могу принять байроновские мучения».

Разумихин говорит:

— Уезжай куда-нибудь.

— А деньги где?

— А старухины, — тот посмотрел на него.

Он не смотрит в кошелек даже до конца процесса (об этом в последней главе). ⟨с. 111⟩

Арифметики — губят, а непосредственная вера спасает. Всё помутилось. Не во что верить, не над чем остановиться. Но непосредственная вера — ведь тоже предрассудок. В красоту русского элемента верь (Соня). Русский народ всегда, как Христос, страдал, говорит Соня. ⟨с. 112⟩

NB NB. Можно быть великим и в смирении, говорит Соня — доказывает то есть.

Рейслер и воровка — (Рейслер говорит Соне). Жаль только, что он тебя учил: убей. Соня дала знать Разумихину. Разумихин, прикинувшись в глазах Рейслер врагом Сони, выпытал Рейслер. Ничего не знает. Но Соня уже достала 50 р. вперед, чтоб к Луизе Ивановне, куда сам Разумихин посоветовал. Разумихин там всё разбивает у Луизы и дивится Соне, которая себя запродала за *него.* Разумихин всё спасает и перед матерью ее защищает, приходит к нему и объявляет, что он виноват перед Соней и ее поступок ему говорит. «Любить! разве она полюбит меня», — восклицает *он* и тут же признается Разумихину во всем. Соня и *он.* «Разве вы не страдали?» Он перед ней на коленях: «Я люблю тебя».

Он перед Соней на коленях. «Я люблю тебя». Она говорит ему: «Отдайтесь суду». «Стало быть, ты меня не любишь», — говорит он. Она молчит. Его хождение. Пожар (награда ему). Мать, сестра около постели. Примирение со всеми. Радость его, радостный вечер. Наутро к обедне, народу поклон-прощание. Приеду, говорит Соня.

---

[1] *Далее было:* разве могут

NB *главное*. Когда он говорит, что это lâcheté,[1] то вдруг со стороны ему доказывается, что он не может вынесть Сбогара не от lâcheté. (От Сонички идет.)

NB. Донесите на себя, говорит Соня. NB. NB. ⟨с. 111⟩

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОНИ

После смерти Мармеладовой, когда *он* называет ее святою, она с испугом говорит: «Ах, что вы это! Я великая грешница». Когда же он думает, что она говорит о желтом билете, и высказывает ей это: Соня (усталая от его беспрерывных слов на эту тему) говорит ему: я *не про это*, но я неблагодарна была, я против любви много раз погрешила, и рассказывает тут историю (сочинить мастерски), как униженной и убитой Мармеладовой захотелось раз воротничка вышитого,[2] Сониного, и она попросила у ней, и та ей не дала, что воротничок пропал сам собой и что теперь, если б воротить только и если б она попросила — «Как бы я отдала, всё бы отдала».

Про отца Соня рассказывает много тоже анекдотов, иногда весело, а другой раз страдальчески-мучительные. NB. Это всё сочинить. ⟨с. 134⟩

Не забыть 1) Разумихин, рассказывая ему, что он интересовался собственными носками, как-то странно посмотрел на него.

2) Потом Разумихин, после вечера у него, упомянул,[3] что у *них* были странные мысли, но что он их рассеял.

3) Потом он сам говорит про себя, что оттого говорил у Разумихина про арифметику, что знал, что его *после этого* не заподозрят. (Восторженное состояние.)

Главное NB. Он говорит: царить над ними! Все эти низости кругом только возмущают его. Глубокое презрение к людям. Гордость. Сообщает Соне свое презрение к людям. Из гордости не хочет. Спорит с нею. О, я *не могу примириться* с ними. Наконец примиряется со всеми. Видение Христа. Прощения просит у народа. Гордость. Идет. Соня и любовь к ней сломали. (Может ли быть, чтоб такая была несчастна, разве это справедливость?)

Наделал *громких* дел на пожаре. Болен после пожара. Пожар решил *всё*. Короткий срок.

NB. После сцены в конторе (обморок) и был бы обыск, если б не подозрение на работника. Однако же в доме наведывались

---

[1] трусость, низость *(франц.)*.
[2] *Над строкой помета:* трогательность с кокетством
[3] *Было:* как-то упомянул

и выспрашивали, об этом-то потом рассказал ему Разумихин, который тоже много способствовал тогда, когда он больной лежал, чтоб подозрения полиции рассеялись. ⟨с. 133⟩

К СЮЖЕТУ РОМАНА (ОКОНЧАТЕЛЬНО)

Надобно, чтоб Лужин (у Лебезятникова) поражен был Соней. Застает *развратную* женщину у него. Он был у Лебезятникова во время смерти Мармеладова и видел Соню. Он уведомляет Пульхерию о том, что сын тратит деньги на содержание б⟨---⟩. (Сплетник прирожденный.)

Он оскорбляет Соню на улице с Лебезятниковым (непонятное даже ожесточение его против Сони. «Я тебя в бараний рог согну»). Соня его бегает.

Наконец открывается, что он влюбляется в Соню ужасно (натура). Он делает связи в Петербурге и сам дивится, что так падает.

Рейслер слышала (всё про Рейслер). Он связывается с Рейслер и догадывается (всю историю), что *он* убил. Грозит Соне, что он погубит его.

«А зачем достали 50 р. для него?»

Сходится с следователем и Заметовым.

Те его допрашивают (№ у Филиппова), следят за ним. Он разрушает все их убеждения.

У Заметова же, у Бакалина и у Разумихина [1] убеждение, что он помешан *на том, что убил*.

Аристов (бывший с Заметовым у Разумихина и в трактире) приходит к нему еще вначале, излагает ему все убеждения свои и намекает, что есть сестра и можно по фальшивой монете. Он шпион Лыжина. Они мучают Соню.

Разумихин то преследует Соню, то защищает ее. *Сестра* была у Сони. *Аристова* ее приятельница. ⟨с. 132⟩

Ласки матери тяжелы.

«Я дурак, который в расчете ошибся».

О всех язвительно говорит.

Не хочет ничего работать сообща в переводах.

Поссорился со всеми за Мармеладову, а сам еще вовсе не влюблен в Соню, беспорядочность.

Пулю в лоб, потому что вдруг осветилась перспектива будущего и представилось ему, как он будет семьянином, отцом, мужем, хорошим гражданином и проч. (Сознание, что не уважает людей.) [2]

---

[1] *Над строкой:* №

[2] (Сознание, что не уважает людей.) *вписано.*

Мармеладова говорит: покайтесь. Споры о настоящей гордости. Низкие мучения о том, *что подумают* и проч. Ходьба, видение. Эпизод с Мармеладовой и шарманкой.

Зачем они не стонут? [1]

Одна из глав начинается: Не понимаю я эту глупость, которая случилась со мной.

Когда жениху надо возвратить деньги, он бежит считать свои. Разумихин достал. Он свои не мог сосчитать. Вечером Разумихин делает проект работы переводов. Все рады, он нет. Над ним шутят, но мать беспокоится. Разумихин говорит, что он повихнулся.

Даже ласки матери тяжелы.

Выходит, бродит и мечтает, как он будет хорошим мужем, отцом и проч. «Замолю и заработаю!» Из отчаяния в надежду. Письмо от *нее*. Она им оскорблена, его презрением, ему жалко, он идет к ней. Ее оскорбляют. Он у ней, и *всё* ей открывает, ее ужас, его гордость.

Домашние же подозревают связь с Мармеладовой. Сцена дома.

Смерть Мармеладовой. Пулю в лоб. Разумихин жених сестры.

Пожар.

Последние конвульсии.

Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас. Сон. ⟨с. 125⟩ [2]

— Что же вот ваш сын?

Разумихин ему: «Ты огорчаешь мать».

Он ему: «Неужель ты не видишь?»

И тот остолбенел от ужаса.

— Но что с тобой? Что с тобой?

Написал *всё* и оставил матери. Пошел проститься с Мармеладовой.

Мать говорит: «Я сначала думала: не тяжело ли ему, что мы так ему на шею сели, и думала это до самого предложения Разумихинского, но после его предложения о другом стала думать». [3] ⟨с. 130⟩

---

[1] *На полях запись:* Я удивляюсь себе: как это я еще могу чувствовать, мыслить, рассуждать и даже смеяться.

Сон, и панихиду отслужил, и потом сам себя отсмеял.

[2] *На полях помета*: 1-я стр.

[3] *Было:* думать стала. *На полях помета*: 2-я стр.

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ (εὕρηκα! [1])

Роман начинается у него в последней степени унижения и отчаяния с Мармеладовой.

Когда вдова Мармеладова умерла, *та* слегла. Мать его против Мармеладовой, сцены. [2]

Спор у него с Мармеладовой. Та говорит: покайтесь. Перспективы новой жизни и любви ему показывает. (Ни слова о любви.)

Тот предает себя наконец, побежденный.

Жизнь кончилась с одной стороны, начинается с другой.

С одной стороны похороны и проклятие, с другой — воскресение.

Ему даже тяжелы ласки матери. [3]

1-е отделение. Начало

Бульвар. Девочка.

Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь.

Изнасилованное дитя.

И для чего живет эта вчерашняя старуха?

Математика.

Неужели несправедлива моя мысль. [4]

Пришел домой: письмо от матери. Вышел из себя. [5] С хозяйкой за суп.

Через *10 дней.*

2-е отделение

Вот как это случилось. Услышал разговор Лизаветы. Тогда я спросил себя в ужасе: «Да неужели это не праздная идея, а настоящая была у меня в голове?» 〈с. 124〉

N3. 2-е отделение. Исповедь, рассказ об убийстве: «Я этого сам не ожидал», и всё время рассказа следует как бы удивление на самого себя, как бы удивление со стороны. И потом полное суждение себя. [6]

3-е отделение. Полная гордость. Приезд матери, сестры. Выгнали жениха. Капризы. Против Разумихина. Сцены с сестрой.

---

[1] Нашел! *(греч.)*

[2] Мать его ∾ сцены. *вписано.*

[3] *Текст:* Жизнь ∾ матери. — *на полях.*

[4] Неужели несправедлива моя мысль. *вписано.*

[5] Вышел из себя. *вписано.*

[6] *Между строками вписано карандашом:* через две недели покоен. *На полях*: О женихе и прочем *слегка.*

Разговор у фонаря. Подозрение Мармеладовой: «Я *не могу* вас любить». Наконец вдруг ужас и отчаяние. Скитальчество. Встреча с Мармеладовой: ей всё объясняет, пулю в лоб. Та восстановляет его. Бежит от него. Убрала Сясю. Видение. Христос. Отчего они не ропщут? Идет прощаться — та восстановляет его. ⟨с. 123⟩

Сон.

Лучше пулю в лоб. Все странствования и рассуждения. Спрашивает окончательно Разумихина, тот не отказывается. Растерзать мать. Идет к *ней* прощаться. [1]

Разумихину поручает мать. Тот отговаривает, но потом в восторге.

Предает себя.

Прощание с матерью. «Разве ты не стра́дал?»

Мать с Мармеладовой.

Всем мешаю. [2]

«Я глупо сделал, например, что ей сказал. Пользовался бы любовью и кончено. Но разве это честно. Разве это можно вынести?»

Всем мешаю: пулю в лоб.

Приходит прощаться.

Она его останавливает.

«Развяжите их иначе. Покайтесь и начните другую жизнь». Из отчаяния новая перспектива.

Пожар.

«Вот уж то одно, что вы геройством загладите, вы выкупите».

Перевоспитать себя.

НАЧАЛО РОМАНА

Тон.

Сперва: Ходил, например, к старухе высматривать, а между тем легкомысленно и сам почти еще не верит себе, что сделает. Так, на всякий случай.

Потом: Продолжение и посторонние вещи, даже вроде юмора. Как будто сам не ожидает, что *это* может случиться.

Далее: Убийство совершается почти нечаянно. «Я этого сам не ожидал». Рассказ о паническом страхе и болезни. Это кончается смертью Мармеладова. ⟨с. 122⟩

Наконец. Вдруг: угрюмая грусть и бесконечная гордость и *борьба* за то, что не погибла совсем жизнь, а что будет жизнь. [3]

---

[1] *На полях:* Сам буду мужем.

[2] *На полях карандашом:* Всем мешаю. N3.

[3] *Между строками вписано:* идеи

№3. С самого этого преступления начинается его нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде бы не было.

В последней главе, в каторге, он говорит, что без этого преступления он бы не обрел в себе *таких* вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития. ⟨с. 123⟩

Жених сестры (разные эпизоды). С ним приезжает знакомиться. Деньги дает. Нанимает им квартиру. Скупец и хочет в черном теле держать. [1]

Похороны Мармеладова и разговор с *нею*. Судебный следователь.

У Разумихина вечер. (Страшная гордость.) [2]

Приходит домой. Приезд матери и сестры. [3] Объяснение. Не надо жениха, ибо для него.

Они выпроваживают жениха. Ты один у нас теперь. [4] Записка от Мармеладовой. [5] Она к нему приходит. Мать и сестра (ее оскорбляют). Он рассказывает, куда он деньги дел. Тут и Разумихин. [6] *Он ей* делает сцену. Говорит, что он не может ее любить. [7]

Сцена с Мармеладовой и шарманкой.

Мать и все приняли участие. №3. *Ее* оскорбляют. Он *ей* всё открывает. Не говори, что люблю (но это видно).

Она отвергает его и боится.

Странствования его. Ничего не хочет делать — ни переводить, ни работать. Разумихин, как друг, сближается с матерью. Делает предложение. *Он* приходит раз вечером и видит, что Разумихин жених. Сцена. Провожает Разумихина. У фонаря. Намеки только. Но не всё. [8] ⟨с. 121⟩

ПЕРЕДЕЛКА

1) Наконец приезжают его мать и сестра. А сначала жених сестры. По поводу жениха сестры он еще до убийства письмо отослал к ней: *не выходить*. Теперь они сами приезжают. Вразумихин влюбляется. Они выталкивают жениха. Мать говорит: теперь на тебя одна и надежда. Что делать?

---

[1] *На полях записи:* Мать говорит: сестра для тебя жертвует. — Он: не надо!Не надо! Затевает с женихом ссору. Тут Разумихин, жених обижается и уходит. Потом письмо к невесте. Ответ от нее. Деньги должны. Он *бежит считать деньги.* Разумихин достает 300 р.

[2] *На полях заметка:* С этого времени он ударяется в страшную гордость.

[3] *Далее было:* Не

[4] Ты ∾ теперь. *вписано.*

[5] *Между строками помета:* Тут приезд матери и сестры.

[6] *На полях заметка:* После жениха: «Бог видит, я для них делал это». Говорит, что не может ее любить. *На полях и по тексту обведенная овалом запись:* Судебный следователь

[7] *Далее было:* Ее оскорбляют.

[8] *На полях заметка:* Мать подозревает *ее* влияние. Исследуют. Ссора с матерью.

2) Советуется с Мармеладовой. Ищет ее: она переехала.

3) Дома странно ведет себя: учить не могу, переводить не могу. Мать говорит Разумихину: не в тягость ли мы ему? Разумихин делает декларацию. Узнав об этом, он идет к Разумихину. Тот говорит: ну что ж. Сон. Во сне к матери.

Разумихин, узнав всё от него, remue ciel et terre,[1] чтоб загладить им сделанные глупости: скрывать! Скрывать! Но когда под конец узнал, что он сделал: «Вася! ты всё омыл, всё омыл».

Мать говорит ему: «А разве ты не страдал?»

Детей Мармеладовой в приют. ⟨с. 119⟩

А сама дочь Мармеладова за ним в Сибирь.

Старуха в чахотке. У ней завещание: всё в монастырь в Новгородской губернии на поминание ее души. *Сто руб.* на поминание души Лизаветы.

Мать его приписывает сперва всё дело Мармеладовой, допрашивает ее и оскорбляет ее.

Если в форме дневника.

N3 1) Дыра под подоконником.[2]

1) Ходил закладывать часы *и высматривать.* Рассуждения. N3 (чтоб читателю дано было знать, что он не для закладу ходил и что тут неспроста).

2) Встреча в распивочной. Мармеладов.

3) Дома. Отношения к хозяйке. Письмо от матери о женихе. «Нет, они не должны страдать». Рассуждения скептические.[3] На Сенной Лизавета.[4]

4) Перед приготовлением воспоминания. Убийство.

5) В полиции. Под камень. На бульваре. 20 к. Возвратил переводы.

6) Болезнь. Письмо матери. Деньги.

7) Бежал. Трактир. Страшное высокомерие. Ссора с рабочими. Смерть Мармеладова. ⟨с. 120⟩[5]

ГЛАВНАЯ АНАТОМИЯ РОМАНА

После болезни и проч. Непременно поставить хо́д дела на настоящую точку и уничтожить неопределенность, т. е. *так или этак* объяснить всё убийство и поставить его характер и отно-

---

[1] употребляет все средства *(франц.)*.

[2] N3 1) Дыра под подоконником. *вписано.*

[3] *Далее было:* Пошел к Разумихину. Встреча на бульваре. Переводы возвратил. 20 к. На

[4] *На полях заметки:* 1) Как они все низки. 2) Молодость одна и [дает] возбуждает еще жалость. 3) А что-то Мармеладова? 4) Я не думаю об той. Мысль, но зачем она живет? 5) Заходила Лизавета.

[5] *На полях заметки:* (о топоре). Объяснение с хозяйкой. Девочка на бульваре. Рассуждения. Воспоминания обид, фельдъегерь и проч. Самоубийство.

шения ясно. Гордость, личность и заносчивость.[1] Затем уже начать 2-ю часть романа.[2] Столкновение с действительностью и логический выход к закону природы и долгу.

С *ней* начинается так: он говорит ей о ее ужасном положении на улице, о том, что слушаться судьбы нельзя, о рутине и проч.

Он получает от нее письмо (идет к Разумихину, судебный следователь).

Сходится с *ней* у Мармеладовой, обходится грубо, чтоб не дать ей влюбиться в себя.

На другой день еще письмо. (Ни капли любви, но в то же время робко.)

Идет к ней. Презрение. Не узнал ее (ибо она разодетая шляется).[3] И вдруг ее на улице оскорбляют. Он защитил ее и отвел домой. Полное объяснение. ⟨с. 118⟩

— Но всё же это преступление? А вы юрист?

— Да. Неужели же вы не замечали, что никогда никто власть имеющий не повиновался этим законам. Наполеоны попирали и изменяли их, послабее — управляли ими, еще послабее — избегали их. Державные нации.[4]

— Есть один закон — закон нравственный.

— Согласен, согласен!

— Ну-с, а этот закон?

— Что ж, если совесть меня не обвинит. Я власть беру, я силу добываю — деньги ли, могущество ль — не для худого. Я счастье несу. Что ж, из-за ничтожной перегородки стоять смотреть по ту сторону перегородки, завидовать, ненавидеть и стоять неподвижно. Низко это!

— Черт возьми! Это отчасти справедливо. Вот я Херувимова отчасти надуваю, потому что немецкого не знаю (хотя книга выигрывает). Что ж, ведь я знаю, что это нехорошо, да ведь не так важно, ну и позволяю себе. А на более важное, конечно, уж не решусь.[5]

— Неужели вы отвергаете даже всякое тут преступление?

— Нет, не отвергаю.

— Не отвергаете? Есть преступление?

— Есть. Но ведь тут математика. (Если сердце мучит, перенеси.) ⟨с. 117⟩

На Крестовском только одно утро и росинки дождя. После росинок дождя — *естественная* и психологическая потребность

---

[1] Гордость, личность и заносчивость. *вписано на полях.*

[2] *Далее было:* Опр⟨авдание⟩

[3] (ибо она разодетая шляется) *вписано.*

[4] *Записи карандашом на полях:* Отчего люди вообще умеют умирать лучше, чем жить? Потому что жить надо *долго*, а умирать можно *скоро*.

[5] Черт возьми! ∾ решусь. *вписано на полях.*

людей *этой планеты*. А кончает тем, что у Разумихина разошелся со всеми и самого Разумихина попросил *оставить себя*. [1] У Разумихина — намеки (достать 3000 — дело делать, Homboor; рутина и проч., неоригинальность и проч.). *Намек мыслей.*

Потом вся *исповедь* ей, после того как ее обидели и унизили и она было хотела оправдаться.

И потом уже когда *она* отвергла его, между вопросами о Veuve Capet [2] и проч. — вопрос: почему ты до сих пор не посмотрел в кошельке и в Неву хотел бросить? [3]

(№3. *Она*, между прочим, во время исповеди его спрашивает: «Сколько денег? Как же вы не знаете сами. Не посмотрели?» И странно на него посмотрела. Так что он потом (при Veuve Capet) сам себя спрашивает: «Да, кстати, почему я еще не посмотрел в кошельке?»)

И только перед прощанием (выдачей себя) идет в кошелек и с грустной улыбкой видит, что денег мало.

Уже только *потом* под самый конец справляется, что было в кошельке.

ГЛАВНОЕ NOTA-BENE

Когда вырвался бежать и попал в трактир, то сначала с Заметовым, а потом и вся компания и Разумихин, и это *вместо* вечера у Разумихина. Его защита в полубреду. «Что ж не берете? Берите». Вышел. Разумихин выбежал за ним. У фонаря. Разумихин предуведомляет его, что его считают сумасшедшим, но чтоб он остерегался. Он идет потом в квартиру убитых, ссорится с работниками. Потом смерть Мармеладова. Домой. ⟨с. 116⟩

Я отыскал еще 10 р., стало быть, я выдал только 40.

Взял Сясю. «Отслужите, батюшка, панихиду».

Она написала ему, наконец, письмо: «Люблю, буду ваша раба». Она пленилась его гордостью и независимостью и проповедью того, что она не унижена.

(Ее письмо художественно.)

Он идет к ней после этого письма. Оскорбление на улице. *Исповедь* ей. Она отшатывается.

Ушел от нее. Пожар. Спасение. Ура! Есть жизнь.

Его отчаяние. Ходьба. Разбирает все пункты Veuve Capet. Как скверны люди! Хлопочет о 3-х детях. [4] *Мечты о новом преступлении.* Спасает от смерти. Разумихин тоже работает. Панихида. Сон. *Следователь.* ⟨с. 115⟩

---

[1] После росчерк ∾ *себя. вписано на полях и между строками.*
[2] Вдова Капет *(франц.)*.
[3] *На полях запись:* 23-летняя черта. Я бы признался, но как они скверны.
[4] Хлопочет о 3-х детях. *вписано.*

— Да куда-те прет?
Девочка поет «Хуторок».
Лебезятников ее за то избил, что она заступилась за Соню.
Повела детей, нашила им костюмов, под окна, петь и плясать.
— А вы, может, лишили ее минуты покаяния тем, что убили.

(N3. Письма к публике.)

Подзнаменитить маленько.
Всё в Питере есть, отца-матери только нет.

В ТОЙ ГЛАВЕ. Я не могу не жить. Я понимаю свое значение под словом жизнь. Я не такой человек, чтоб дозволить мерзавцу губить беззащитную слабость. Я вступлюсь. Я хочу вступиться. [1] А для того власти хочу. Для того человеком стать хочу. С образования начиная, потому образование — сила, и дальше всю жизнь ... обрек, и потому:
Меня было перевернула пролитая кровь, и потому я ослабел.
А теперь я жизни хочу, жизни жажду и буду жить.
Эта кровь — я панихиду по ней, пожалуй, отслужу (засмеялся).
Бедная Лизавета.

А не то
Смиренно опять: «Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет переворачивали. Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны...» [2] ⟨с. 114⟩ [3]

НОВЫЙ ПЛАН

Рассказ преступника

8 лет назад

(чтоб совершенно отнести его в сторону)

Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать [4] всё по порядку.

Начал я с того, что пошел закладывать ей часы. Мне уже давно говорили про нее (студент). N3. Кто была эта старуха, визит, квартира и проч. Как он осматривал (N3. *Неясно,* но для читателя тут уж *что-то такое*).

Вышел от нее, даже весь дрожал. Проходил мимо распивочной, но так как я хочу рассказывать по порядку, то и расскажу,

---

[1] *Далее было:* Я

[2] *На полях записи:* N3 *Мысль.* Ночное странствование. Солнце, жизнь, жизнь! И потом к Разумихину, и там уже все эти рассуждения. А потом *ей* уже про мать и сестру.

[3] *Вверху страницы запись:* Мы тут каждый день в трактирчике одном собираемся.

[4] *Было:* начать

как познакомился с Мармеладовым; подробный рассказ о Мармеладове и заметка в конце, что Мармеладов отразился в судьбе его.

Пришел домой, я жил тогда у хозяйки, боялся. Письма из дому. Взбесили меня. Пришлю денег. Написал письмо, отправил на почту и [1] пошел к Разумихину. На бульваре. Не пошел, а решил, что на другой день как сделает то дело. Нева. Скитался. Оскорбление. И для чего живет эта старуха. Математика. Пришел домой. Сцена с хозяйкой. Жаловаться будут (Настасья сказала). Вышел. Лизавета.

И до того это всё случилось нечаянно, что я и не подумал, что ведь мне все-таки придется убивать самому. Мучения. Оазис, вода.

Тогда я стал думать, 3 дня думал, неделю.

И вот что не выходило у меня из головы: весь процесс. Чем я тогда жил — не помню. Сестра выходит замуж. Сцена с хозяйкой. Вышел на улицу. Лизавета. [2]

Убийство.

Панический страх, к Разумихину. Потом выздоровление. Смерть Мармеладова.

На утро жених. Квартиру нанимать. Бешенство и оправдание себя. [3] Разговор с *нею*. Вечером к Разумихину. *Спокойствие.* Похороны Мармеладова. Вдова. Серьезный разговор с *ней*. Болен.

Приезжают они. Прогоняют жениха. Что-то ожидал от приезда семьи. Даже ласки матери тяжелы. Разумихин: «Ты огорчаешь мать». Рассорились. Разумихин жених. [4]

Ходил-бродил. Вся перспектива. Обиженная им Мармеладова. Не отвечал на письмо. Оскорбление *ее* на улице. У ней. Исповедь. [5] Заносчивость. [6] ⟨с. 110⟩

Соня. Панихида.

Ходит к *ней*.

Сцена с Мармеладовой вдовой.

Ссоры дома.

Пожар.

Приносит пакет к ней. [7] Прощаться.

Не могу жить дома, нечист, гадок, «если б вы знали». *Друзья мои! Она* говорит ему *потом*: «Мы не могли сказать друг другу, что любим, прежде чем ты не донес на себя». ⟨с. 111⟩

---

[1] Написал ∾ на почту и *вписано.*

[2] Тогда ∾ Лизавета. *вписано на полях.*

[3] *Далее было:* Вечером к Разу⟨михину⟩

[4] *Далее было:* Письмо

[5] *Далее было:* Пулю в лоб. Признайтесь.

[6] *Выше на полях заметка:* Заносчивость.

[7] *Далее было начато:* Мар⟨меладовой⟩

ТРЕТЬЯ (ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ) РЕДАКЦИЯ

Подготовительные материалы ($ПМ_3$)[1]

ЕЩЕ ПЛАН

Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа, но не оставляя его ни на минуту, даже с словами: «и до того всё это нечаянно сделалось».

После того как письмо, его злость, ответ, пошел на бульвар, бродил. «Нет, они должны быть счастливы!» Он не мог войти домой, надо бродить. Идея засела ему в голову.

Глав⟨ное⟩. N3. Идея эта уже давно сидела у него в голове; как она забрела к нему, трудно и рассказать. Математика. — Что ж, что (самая трудная глава, от автора. Очень серьезно, но с тонким юмором).

Вошел домой. Жаловаться. Сцена с хозяйкой. Вышел опять. Лизавета.

И до того всё это неожиданно сделалось.

Убийство и панический страх.

Потом:

Вот какие приходили ему мысли: «А для чего я хочу быть благороднее всех?»

Идея романа главная.

А во всё время переговоров с *ней* потом, он приходит всё настаивать, что он может искупить, что он может быть добр и что это математика.

К Мармеладовой он ходил вовсе не по любви, а как к Провидению.

---

[1] В ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212, 1. 3.

Работник сам на себя доказывает. На религию сбился. [1] Пострадать хотел, да путается. [2] Приставать стали очень. А тут старик сидит: пострадать, говорит, надо.

N3. Странствования:

Можно ли их любить? Можно ли за них страдать? Ненависть к человечеству. N3. (Во время странствований воспоминания о лошади и об обидах.)

Сначала: посещение старухи и заклад часов. Он, *впрочем*, высматривает.

Потом письмо, бульвары, неприятности, нелюбовь к человечеству и вдруг идея о старухе, не то чтобы совсем нечаянно, ибо надо *признаться*, что она была давно, но теперь она в первый раз сложилась в форме полной и отчетливой.

Затем, и уже совершенно нечаянно, — Лизавета. Тут переворот и муки. И затем вдруг исполнение и панический страх. ⟨с. 109⟩

После панического страха на другое утро *он* просыпается в странном состоянии духа, а именно: в совершенно спокойном относительно *того* дела. Он даже удивляется себе. Ему приходит на ум, что он вчера себя скомпрометировал в трактире. «Это надо поправить», — думает он. Потом, восходя мыслию, доходит он и до всех обстоятельств дела и видит, до какой степени всё было сделано ужасно рискованно. Удивляется. Сознается и сознает, что всё дело было сделано почти нечаянно (влечет неотступно, *тянет*), что теперь он, может быть, не рискнул бы опять на него, если б еще не было кончено, даже ни при каких гарантиях. Конечно, наверно бы не рискнул. Но сознает, однако, что всё вышло из правильной логической идеи. Безумия не было. Отнюдь не было. Он с негодованием это отвергает. Но если уж сделано, он воспользуется. Он загладит. «И однако ж ты украл! Господи, какие сделки можно делатьс своею сове стью. Отчего мне не стыдно внутри себя! Не оттого ли, что тут нет греха. Ужасно, впрочем, убивать. Картина пролитой крови, старуха, бедная Лизавета. О, я заглажу, но как это тяжело!..» [3]

В это время входит жених. Неприятнейшее впечатление. Говорит, что нанимает квартиру и что *упредил* только двумя днями. Тот с ним ни то ни се. Сухость. Пошел к Мармеладову на панихиду. *Она*. Легкий пренебрежительный разговор с нею. [4] Смиренная. Потрясенный, утвержденный и гордый идет к Разумихину на вечер. Бесовская гордость.

Похороны Мармеладова. После похорон. Долгий разговор с нею. Она видимо потрясена. Между тем Разумихин его ищет. При-

---

[1] На религию сбился. *вписано*.

[2] да путается. *вписано*.

[3] *На полях помета:* N3 в 1 д⟨ень⟩ долго не смотрел.

[4] *Вместо:* Легкий пренебрежительный разговор с нею. — *было:* Разговор с нею.

ехали. Все у них. Разумихин нечаянно познакомился. «Расторопный молодой человек». Внезапная ссора *его* с женихом. Жених дерзок. Сцена. Выгоняется. Остаются одни. Мать говорит, плача, что «это для тебя она замуж шла». — «Не хочу». — «*Ты один теперь нам остался*». От жениха записка. Разумихин достает 300 р., а тот в отчаянии, что денег своих взять не может. Остается один. Спрашивает себя: для чего так долго не брал денег? Для чего в воду? Для чего теперь не смел предложить, сказавши, что достал где-нибудь? Визит к нему Мармеладовой. Оскорбляет ее. ⟨с. 108⟩

Между тем действие у матери: что с ним? Разумихин. Мать боится, не в тягость ли? Все вместе идут к нему. Застают *ее*. Она оскорблена. Он — в ссору. Разумихин с ним ссорится. *Она* — письмо к нему. Мать же рада тому, что открылась истинная причина его дурного расположения духа и что это не жадность, не дурное чувство, не боязнь того, что ему на шею приехали. Он идет к *ней*. Ее оскорбляют на улице. Сталкивается у ней с Разумихиным. Ссора. Разумихин уходит. [1] Он высказывает ей, [2] кто он такой и что *он* ее хуже. Сцена. Она в ужасе. Тот самонадеянно идет домой. Мармеладова на улице с детьми. Он Разумихину, матери и сестре, [3] которые тут же: вот! вот! Горячка, в больницу. Дети в приют. Вопрос матери: не у ней же? [4] У матери: Разумихин объявлен женихом. Его сомнения. Перспектива будущего. Говорит Разумихину. Тот захлопотал спасать. *Она* ищет его. Он болен, у ней. Приходит Разумихин много раз. [5] Бежал от нее и от их сочувствия [6] по городу. Вихрь, Христос, Veuve Capet, [7] отчего они не стонут? Crevez chiens si vous n'êtes pas contents. [8] Пожар. Тут и Разумихин. Тут и все. [9] Обгорелый пошел домой. [10] Торжество матери. Мать приходит, плачет. Безмолвно слезы текут. Затем он бежал. Мать у ней руки целует в сенях: «Сохраните его, сохраните его бедную голову». Разумихину два слова. Тот сначала в ужасе, потом пленен. На Сенную, поклонился. К *ней* прощаться. Скажи матери. Поручик-порох. Открытие.

Перерыть все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. *Рассказ от себя,* а не от *него*. Если же исповедь, то уж слишком *до последней крайности,* надо всё уяснять. Чтоб каждое мгновение рассказа всё было ясно.

---

[1] Разумихин уходит. *вписано.*
[2] ей *вписано.*
[3] матери и сестре *вписано.*
[4] *Далее было: Он* в сомнениях: перспектива будущего. *Она* ищет его.
[5] Приходит Разумихин много раз. *вписано.*
[6] и от их сочувствия *вписано.*
[7] Вдова Капет (*франц.*).
[8] Подыхайте, собаки, если вы недовольны (*франц.*).
[9] Тут и Разумихин. Тут и все. *вписано.*
[10] *Далее было:* На Сенную, поклонился.

NB. *К сведению.* Исповедью в иных пунктах будет не целомудренно и трудно себе представить, для чего написано.

Но от *автора.* Нужно слишком много наивности и откровенности.

Предположить нужно автора существом *всеведующим* и *не погрешающим*, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения.

Полная откровенность *вполне серьезная до наивности,* и одно только *необходимое.* [1] ⟨с. 107⟩

NB. NB. NB.

Тон.

3-я или 4-я глава. Я должен признаться, что уже идея пе раз заходила. NB. Таким образом, объяснить преступление естественнее, но чтоб и серьезность сохранить. Эта полная серьезность должна проявиться на вечере у Разумихина в его гордости сатанинской.

NB. *Когда его тянуло к убийству*, от себя: [2] это бывает. Саешпик. Про чиновника жених: «Такие бывают, я знал одного такого».

Панический страх тоже так от себя объяснять (тон).

Ее объяснить.

Скептические его воззрения, скептичнее и насмешливее.

Когда он думает о будущем. [3]

Соня и панихиду.

Любовь в унижении, между *последними* существами.

Восторг пожара.

Прощание при Разумихине и тут же первое объяснение в любви.

Затем: «Оставьте меня. Придите через два часа, или завтра, если можно. А ты мать. А теперь оставьте меня».

И затем последняя глава: лето, пыль, известка. Поручик-порох и проч., как можно гаже, пакостнее и прозаичнее.

Порох: «Почему вы обгорелый? Ах да! Фу ты, боже мой!» ⟨с. 106⟩

Мать вспылила и навеки рассталась с ним. На другой день она же пришла и лебезит уладить дело, но сестры нет, сестра любит больше и оттого сердится больше, столько же гордости и негодования.

Сестра становится злейшим врагом Сони, восстановляет против нее Разумихина, чтоб он оскорбил ее, и когда, впоследствии, Разумихин перешел на сторону Сони, то она рассоривается с ним.

---

[1] Полная ∾ *необходимое. вписано на полях.*
[2] от себя: *вписано.*
[3] *Далее было*: Сон⟨я⟩.

А потом сама идет объясниться к Соне, сперва оскорбляет. А потом в ногах у ней.

N3 N3 N3. Сестра узнает *всё*.

N3. Сестра говорит: «Я хочу прожить оригинальнее, сама по себе; все трусят, а я хочу быть сама по себе». [1]

Потом он признается: до матернего письма я еще только мечтал. Письмо как громом... Меня всего перевернуло. Надо было или бросить, или решиться, в самую решительную минуту — Лизавета.

Разумихин говорит: «Я уже ходил просить у ней (у Сони) прощения. Как она рада-то была, что я пришел».

У Разумихина на вечере студент, который стучался с Кохом. «А! так это были вы».

Про Коха: он еще пресмыкается, а там вдруг!.. Как он подл...

N3. Под конец романа рождается у иных мысль, что он *помешался* на том, что убил старуху. Разумихин верит этому и разуверяет Соню. Это Заметов сообщает ему мысль.

Дом, хороший дом, Севрюгина дом. [2] ⟨с. 102⟩

С 7-го декабря.

— Это неправда-с, — говорит Соня. — А в комфорте-то, в богатстве-то вы бы, может, ничего и не увидели из бедствий людских, бог, кого очень любит и на кого много надеется, посылает тому много несчастий, чтоб он по себе узнал и больше увидел, потому в несчастии больше в людях видно горя, [3] чем в счастье.

— А может, и бога нет, — говорит он ей.

Она хотела было возражать, но вдруг заплакала.

— Ну что ж бы я без бога-то была?

— С горем-то [4] (иной раз) больше счастья.

Разумихин. Защищая свои парадоксы, он настаивает на том, что у мертвого не крадут, что кражи не было, что старуха по завещанию оставила на монастырь.

У Разумихина доказывает он главное, что необходимо иметь *обеспеченье* 5000 [5] с самого начала, чтоб стать на твердую дорогу, не то будешь подличать, лебезить, поддакивать.

— Велико ль вы считаете это обеспечение (Заметов, следователь).

---

[1] N3. Сестра ∞ по себе». *вписано на полях.*
[2] Дом, хороший дом, Севрюгина дом. *вписано на полях.*
[3] *Над строкой вариант:* на людях горе приметно
[4] *Над строкой вариант:* В горе-то
[5] 5000 *вписано.*

— Вы любопытствуете, извольте. 5000 соверш⟨енно⟩ довольно, даже три (изображение, что можно на них сделать, развить силы и *отстоять* свободу и, напротив, картина лебезятничества перед Лужиными в случае нищеты).

NB. Про *мать*. Она любит меня, потому что видит во мне всё прекрасное, идеал недостижимого, а если бы узнала, то, очень может быть, возненавидела бы меня. (Неверие, сомнение, отпадение от матери. Сестра подавно.)

NB) Люди никогда не поймут и никогда не оправдают.

Соня покорила.

Мать (про Родю): он меня очень огорчал прежде (любовью к хозяйкиной дочери).

NB. У *Разумихина*. Заметов говорит: «Вы, может быть, оттого тогда подличали перед Ильей Петровичем, что больны были».

— Нет, это просто от подлости. А знаете, вы очень добры, когда у вас явилась эта мысль о болезни.

— Ну а вы очень горды, даже оправдываться не хотите. NB. «А это, впрочем, он справедливо сказал, что я в паническом страхе тогда наподличал», — думает Раскольников про себя уже дома. [1] ⟨с. 103⟩

Мать рассчитывает, с чем приехать? Что у ней останется 3 руб., всегда рассчитывает более на доброе, в жару желания свидеться.

Сестра скорее негром, скорей латышом у остзейского немца, скорей Соней, чем наложницей у г-на, служащего в двух местах.

Чебалов говорит Раскольникову. «Tant que [2] я устроил свои дела, стало быть, и другим полезен, и чем более, стало быть, я эгоист, тем для других же лучше. А то, что по-прежнему-то: возлюби, дескать, о других думай, а свои дела запустил, [3] вот и сел на шею к своему ближнему. Тут, знаете, арифметика».

После арифметики, как вышел на Сенную: «А зачем я топор приготовил? А зачем обдумывал? А зачем шаги сосчитал?» [4]

Нет, я, знаете, люблю этих реалистов новейшего поколения, нет этих романтизирований, сапожник и Пушкин, и хоть я не согласен в иных частностях, но зато целое направление симпатично.

---

[1] NB. У *Разумихина* ∾ дома. *вписано на полях.*
[2] Поскольку (*франц.*).
[3] *Было:* плохи
[4] После арифметики ∾ сосчитал?» *вписано на полях.*

А завтра же меня другой Наполеон за вошь сочтет и под Маренго истратит. А может, и просто из-за угла топором истратит.

Личность. Она мне на одно мгновение дана, и это мгновение — мое.[1]

Что гражданское преступление — согласен. Но ведь мы таких стопами сделаем, не избежит Сибири.

А так чтоб свидет. гражд. не было ⟨*нрзб.*⟩

Это я согласен, согласен.

Он читает и думает: про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч. О причинах и отторжениях.[2]

28 декабря.

№3. Жених (Лужин) — совершенно развивает ему теорию, по которой убить можно. №3. Даже разговаривает про убийство старухи, «конечно, можно» (по теории жениха).

Раз сделай, но потом перестань. ⟨с. 104⟩

№3. *важное.* Когда он ходит и вихрь: нет, это была не глупость, это была не молодость, это была не нечаянность, а это было убеждение, неуважение к личности.

После бульвара. Придя домой: почему ему мерещилось, что топор лучше... и проч. До того доходил этот стук в голове, что он вышел. А тут Лизавета...[3]

№3. *Она* считает себя постоянно глубокой грешницей, павшей развратницей, которой не замолить спасения. Она ужасно стыдлива, но, оскорбленная, выходит из себя.

Черта. На вечере у Разумихина *его* укоряют за то, что он вообще всегда от всех удалялся, несмотря на то что его могли оценить товарищи. Разумихин тоже укоряет его в этом.

Соня всегда кроткая, и никогда у ней нет юмору, всегда важная и тихая, — но вдруг как-то внезапно она ужасно расхохоталась, каким-то пустякам, и это очень грациозно подействовало на молодого человека.

№3. Когда он пришел с Сенной, после разговора Лизаветы, он ушел спать, и тут несколько слов (страница) о том, что он думал же о топоре, и «для чего я ходил к старухе разведывать?»[4] ⟨с. 105⟩

---

[1] Личность. ∾ мое. *вписано на полях.*

[2] *Он* ∾ отторжениях. *вписано на полях.*

[3] *На полях помета:* презирает людей

[4] *Рядом с текстом вопросительные знаки.*

Коллежская асессорша Юлия Прохоровна Зарницына.
Александр Григорьич Заметов
Афанасий Иваныч Бахрушин
Петр Петрович Лужин
Надворный советник Чебаров
Илья Петрович, поручик-порох
Купец Шелопаев деньги прислал
Дом Шиля — Раскольников
Бакалеева — помещаются дамы, невеста
Андрей Семеныч Лебезятников
Дом Починкова № 47 — чиновник Бабушкин, Разумихин
Николай Дмитрев работ⟨ник⟩
Митрей
Семен Семеныч, купец в В
Алексей [1] Семеныч, артельщик Бахрушина
Дом Бабушкина ⟨с. 1⟩
Андрей Семеныч Лебезятников, дом Бакалеева.[2]

V

V глава, разговор Порфирия расстроил его. Гениален он или нет? У Порфирия видно, что всё готово; он только насмешничает.

У него видимо какое-то озлобление на меня, это оттого, что нет улик; а он убежден, — он был слишком невежлив (о статье). Это не натурально, тут умысел. Какой же? Раздражить или дать знать? А может, он и сам раздражился? Тоже человек!

Свидригайлов Дуне. Помните, ведь раз почти было, когда уж склонились и млели.

N3. После вечера с Лужиным и прощания с братом, при лампе, Дунечка всё сильнее и сильнее задумывалась.

Раскольников Соне.[3]

Я молод, не знаю. Я не могу даже понимать, кто это может предугадать. Но мне нужно было первый шаг сделать. Мне власти надо. Я не хочу... Я хочу, чтоб всё, что я вижу, было иначе. Покамест мне только это было нужно, я и убил. Потом больше нужно. Я не мечтать хочу, я делать хочу. Я сам делать хочу.

(Голландец Петр.)

Я не знаю, куда дойду.

— Вы, чтоб матери помочь, это сделали.

---

[1] *Было:* Афанасий

[2] *Рядом помета:* Лица и места романа. *Далее в ломаных скобках указаны страницы тетради Достоевского: ЦГАЛИ, ф. 212, 1. 5.*

[3] Раскольников Соне. *вписано на полях.*

— Нет, совсем нет, для себя, для себя одного. Я не хотел несправедливость.[1]

Или: я не для других, я для себя, для себя, для одного себя сделал.

— Ох, зачем вы мне сказали? — говорила Соня, бегая по комнате и ломая руки.

Он хотел уходить.

— О, стойте, — стала на колени... — Скажите мне, зачем. Неужели ограбить? Вам есть нечего было? Вы голодны были?

— Я не хотел перенимать. Я не хочу подчиняться.[2] Если б были люди, которые бы всё подчинялись, — ничего бы не было на свете.

22 ию⟨...⟩ ⟨с. 1⟩

Лужин подводит через Рейслер, что Соню берут в часть. Мармеладова в отчаянии. 5 sous; [3] а Разумихин подводит Лужина, помогает Соне и тем мирится с *ним*.[4]

(3-я часть)

N3. Он видит, что Соня его любит; он удаляется от нее, *зная, что из этого будет* (т. е. обходится с ее сердцем не как с тряпкой, а как с сокровищем, уважая его). Соня считает это за презрение с его стороны. Случай с Лужиным и Лебезятниковым (украла), и тогда объяснение у ней: я тебя хуже (убил). Соня этого не выдерживает, делается больна. Cinq sous.[5]

О вы, матери, для чего вы их родили!

N3. *Соня* оттого и сказала мне, что с кем-нибудь надо было жить.

— Я люблю тебя, потому и сказал.

— Я нужна вам, потому и любите. ⟨с. 2⟩

ИДЕЯ РОМАНА

1

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ, В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ

Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чув-

---

[1] Вы, чтоб ∾ несправедливость. *вписано на полях.*

[2] Если б были ∾ подчиняться. *вписано.*

[3] су (*франц.*).

[4] Лужина ∾ с *ним. вписано на полях вверху страницы.*

[5] Пять су (*франц.*).

ствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания.[1]

Человек не родится для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом pro и contra,[2] которое нужно перетащить на себе. ⟨с. 3⟩

2

В *его образе* выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество.[3] Деспотизм — его черта. *Она* ведет ему напротив.

NЗ. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года.

Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять во власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая.

NЗ. Чем бы я ни был, что бы я потом ни сделал, — был ли бы я благодетелем человечества или сосал бы из него, как паук, живые соки — мне нет дела. Я знаю, что я хочу владычествовать, и довольно.[4]

NЗ. Всё это выразить на вечере Разумихина.

NЗ. *К роману:* сыскать и выпустить в роман русского купца (Бабушкина) Алонкина, фабриканта, чтоб он потом место Разумихину в *3000* дал.

NЗ. Катерина Ивановна идет к г-ну, раздавившему. Сцена 10 руб., бросает в рожу и идет на улицу. ⟨с. 4⟩

2-е января 1866 год.

ЗАМЕТКИ К РОМАНУ

ХАРАКТЕРИСТИКИ

1

Разумихин

Разумихин очень сильная натура и, как часто случается с сильными натурами, весь подчиняется Авд⟨отье⟩ Ром⟨ановне⟩. (NЗ. Еще и та черта, которая часто встречается у людей, хоть и благород-

[1] Таков ∾ страдания. *вписано на полях.*
[2] за и против (*лат.*).
[3] *Далее было:* чтобы делать ему добро
[4] NЗ. Чем бы ∾ довольно. *вписано на полях.*

пейших и великодушных, но грубых буянов, много грязного видевших бамбошеров — что, например, он сам себя как-то принижает перед женщиной, особенно если эта женщина изящна, горда и красавица.)

Разумихин сначала стал рабом Дуни (расторопный молодой человек, как называла его мать); принизился перед нею. Одна мысль, что *она* может быть ⟨с. 5⟩ его женою, казалась ему сначала чудовищною, а между тем он был влюблен беспредельно с 1-го вечера, как ее увидал. Когда она допустила возможность того, что она может быть его женой, он чуть с ума не сошел (сцена). Он хоть и любит ее ужасно, хоть по натуре самоволен и смел до нелепости, но перед ней, несмотря даже на то, что он жених, он всёгда дрожал, боялся ее, а она, как избалованная, сосредоточенная и мечтательная, хоть и любила его, но иногда как будто презирала. Он не смел с ней говорить. И потому с 1-го разу он возненавидел Соню, так как и Дуня [1] возненавидела и оскорбила ее, (зашел далеко) и поссорился через это с ним. Но потом (со 2-й половины романа), поняв, что такое Соня, он вдруг перешел на ее сторону, а Дуне сделал страшную сцену, рассорился и закутил. Но когда узнал, что Дуня была ⟨с. 5а⟩ у Сони и проч. (и когда не перенес сам своего отчаяния), Дуня нашла его и спасла. Она теперь его больше уважать стала за характер. Одним словом, Разумихин — характер.

N3. Разумихин запил. Она к нему сама пришла, к пьяному.

— Нет, барышня, не хочу.

А потом, когда она покорилась, — у ног. Она смеется в восторге:

— Экой ты славный! А не будешь пить?

— Буду!

— Экая ты злодейка, ведь ты у меня теперь 15 000 стоишь.

— Укушу пальчик. — Пребольно укусил. ⟨с. 6⟩

14 февраля (накануне).

Страстные и бурные порывы, клокотание и вверх и вниз; тяжело носить самого себя (натура сильная, неудержимые, до ощущения сладострастия, порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел, ребенок (N3 умерщвлен), хотел застрелиться. *Три дня* решался. Измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал. Вместо застрелиться — жениться. Ревность. (Оттягал 100 000.) Клевета на жену. Выгнал или убил *приживальщика*.[2] Бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предает. Ссылка. Подвижничество.

---

[1] *Было:* она

[2] *Далее было:* Вдруг

Nota-bene

к роману.

«Преступление и наказание». Страница подготовительных материалов к третьей редакции. 1866 г.

Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

«Гнусно подражать народу не хочу». Все-таки нет смирения, борьба с гордостию. ⟨с. 8⟩

№3. Страстные и бурные порывы. *Никакой холодности и разочарованности, ничего пущенного в ход Байроном.* Непомерная и ненасытимая жажда наслаждений. Жажда жизни неутолимая. Многообразие наслаждений и *утолений.* Совершенное сознание и *анализ* каждого наслаждения, без боязни, что оно оттого ослабеет, потому что основано на потребности самой натуры, телосложения. Наслаждения артистические до утонченности и рядом с ними грубые, но именно потому, что чрезмерная грубость соприкасается с утонченностию (отрубленная голова). Наслаждения психологические. Наслаждения уголовные нарушением всех законов. Наслаждения мистические (страхом ночью). Наслаждения покаянием, монастырем (страшным постом и молитвой). Наслаждения нищенские (прошением милостыни). Наслаждения Мадонной Рафаэля. Наслаждения кражей, наслаждения разбоем, наслаждения самоубийством. (Получив наследство 35 лет, до тех пор был учителем или чиновником, боялся начальства.) (Вдовец.) Наслаждения образованием (учится для этого). Наслаждения добрыми делами. ⟨с. 11⟩

2-й характер. Хозяйка Юлия Прохоровна. ⟨с. 12⟩

Отец, севастополец,[1] всё промотал, слабая пенсия, *дочь,* два сына, брат (пьянчужка и приживальщик, характер, рассказчик). Старший сын больной, всех кормит. Младший сын, растленный Свидригайлов. Свидригайлову 45 [2] лет, хочет жениться на 16-летней, богат. С отцом *дело имеет.*[3] Покупает дочь, отказывают. Продолжает быть другом (тот самый, который хотел застрелиться. Демон, сильные страсти. Говорит). Распекает (дает деньги) младшего, обольщает дочь. Обличает, что жених, которого ему предпочли (молокосос), намерен предать ее начальнику. Жена старшего сына (в нигилистки). Дочь за Свидригайлова сама идет. (Свидригайлов умерщвляет своего приживальщика. Дружится с ребенком на улице). *Переворот.* Катастрофа.

№3 (Растленному молодому человеку карьеру. Сочинить.)

Кто-то из них получает наследство. ⟨с. 14⟩

3-й характер.

Петр Петрович Лужин.

При тщеславии и влюбленности в себя, до кокетства, мелочность и страсть к сплетне. Он вошел душою и сердцем во вражду к Соне, назло Раскольникову, единственно потому, что тот сказал, что он мизинца ее не стоит, и с жаром говорил о ее *подвиге.* Лужин

---

[1] *Далее было:* старший
[2] *Было:* 40
[3] *Над строкой:* дуэль, объяснения

смеялся тогда над этим подвигом и потом возненавидел Соню до *личной* ненависти и даже вошел в интересы Лебезятникова и связался с ним, чтоб унизить Соню.

Раскольникова же он постоянно считает врагом своим злейшим. Даже делами неглижирует своими, увлекаемый этой враждою.

Он связывается с Рейслер и грозит Соне.

№3. Но Лужин, человек выбившийся из ⟨с. 16⟩ семинаристов, из низкого звания и из рутины, — все-таки человек не ординарный. Назло себе все-таки он не может не признать достоинств в Соне и вдруг влюбляется и пристает к ней до *последнего* (трагедия).

Он связался с следователем, чтоб вредить Раскольникову. Сплетни Рейслер.

№3. Он потому было влюбился в Дуню, что та красива и горда, а его тщеславию лестно было, что вот, дескать, какая у меня жена, и 2) лестно было самому, до сладострастия, что вот, дескать, я господствую и деспотирую над такой прекрасной, гордой, добродетельной и сильного характера.

№3. *Он скуп.* В его скупости нечто из пушкинского Скупого барона. Он поклонился деньгам, ибо всё погибает, а деньги не погибнут; я, дескать, из низкого звания и хочу непременно ⟨с. 17⟩ быть на высоте лестницы и господствовать. Если способности, связи и проч. мне манкируют, то деньги зато не манкируют, и потому поклонюсь деньгам. ⟨с. 18⟩ [1]

Свидригайлов и Дуня

Ключ щелкнул.

Свидригайлов. Послушайте, Авдотья Романовна, если б даже что и было (т. е. это только одно предположение: оно, положим, ни за что не будет), то дверь заперта и я принял меры, и криков не услышат, и втрое сильнее вас.[2] И потом: Да уж разумеется, будет: неужели же вы не поняли?

№3. Пистолет наведен.

Свидригайлов. Вы брата предаете, Авдотья Романовна.

— Напротив, если тебя застрелю. ⟨с. 58⟩

Чтоб властвовать.

Когда Раскольникову замечают, что до власти он столько пакостей наделает, что уже потом не загладит, он отвечает с насмешкой:

— Что же, сто́ит впоследствии более добра наделать и потом сделать вычет + и —, так что, может, и окажется более добра.

И потом, рассердясь:

— Никакого мне не надо добра делать. Я для себя, да, для себя.

(Главное, выхода не было.) ⟨с. 59⟩

---

[1] *Текст на с. 16—18 зачеркнут чернилами.*

[2] и криков ∾ вас. *вписано.*

Свидригайлов.

Наши демократы недостаточно демократичны.

(Свобода с венком в руке. Народ не народный.)

Семинаризм в России, главное дело — семинаризм.

Свидригайлов и Раскольников. Да зачем тут вопросы нравственности? Взял да и сделал (убил т. е.).[1]

— Да коль нельзя иначе?

— Ну так не делать.

— Мужик режет и не раскаивается.

— Да мужик не то; это так.

Раскольников как-то с трудом сообразил.

— Так зачем же вы могли прийти ко мне? — спросил Раскольников.

Перед смертью после истории деньги дала, вот, Аркадий Иванович, чтоб утешить вас.

— Да не укокошил ли ты ее?

— Вы думаете, что я ее укокошил.

— Что это с вами?

— Нет, знаете, оно естественно, только нет, апоплексии и анатомии, было всё это.

Свидригайлов. Всё на свете ложь, да ведь так и должно быть.

Раскольников Свидригайлову. Ну а какое на вас производит впечатление Соня и проч.

Свидригайлов. Впечатление прекрасных обманутых, а от этого еще грустнее (скучнее).[2]

NB. Свидригайлов, в гостинице, ночью, смотрит в дверь и наблюдает офицера с б⟨- - -⟩.

NB. Ему пришло между прочим в голову: как это он мог давеча, говоря с Раскольниковым, отзываться о Дунечке действительно с настоящим восторженным пламенем, сравнивая ее с великомученицей первых веков и советуя брату ее беречь в Петербурге — и в то же самое время знал наверно, что не далее как *через час* он собирается насиловать Дуню, растоптать всю эту божественную чистоту ногами и воспламениться сладострастием от этого же божественно-негодующего взгляда великомученицы. Какое странное, почти невероятное раздвоение. И однако ж так, он к этому был способен.

Ему пришлось вспомнить, что за час до насилия он поручал Дуню Разумихину. «Да, действительно, я это из сладострастия,

---

[1] *Далее было:* — Нравств.

[2] *Свидригайлов.* Всё ∾ (скучнее). *вписано на полях.*

может быть, сделал. Шельма этот Раскольников, *раскусил и не поверил*. И так всю жизнь будет. Раскусил и не поверил!

Фу, какое я это слово сказал! Да это и каждый человек с своею жизнию, раскусывает ее как орех и не верит тому, что уже во рту лежит. Какие пустые слова делаются иногда значительными».[1] ⟨с. 60⟩ [2]

NЗ. Свидригайлов, в распивочной, много говорил с Раскольниковым (о развратных похожденьях своих), но это нельзя рассказать. Он ничем не стеснялся и с *наслаждением* даже обнаруживал...

«Мне понравились вы фантастичностию своего положения» и прямо намекает, что он убил.[3] ⟨с. 61⟩

ОТМЕТКИ О СВИДРИГАЙЛОВЕ

Свидригайлов. Если б я был социалист, ну, конечно, остался бы жить. Остался бы жить, потому что было б что делать, — нет убежденнее народа, как социалисты. А ведь в жизни главное убеждение. Подите-ка, разубедите его. Да ведь он же чувствует, что весь жизненный материал потеряет. Для него главное — убеждение. А в чем его убеждение? Главная мысль социализма — это *механизм*. Там человек делается человеком механикой. На всё правила. Сам человек устраняется. Душу живу отняли. Понятно, что можно быть спокойным, — настоящая китайщина, и эти-то господа говорят, что они прогрессисты! Господи! Если это прогресс, то что же значит китайщина!

NЗ. Верите ли в будущее?
Много неверия.

Социализм — это отчаяние когда-нибудь устроить человека. Они устроивают его деспотизм⟨ом⟩ и говорят, что это самая-то и есть свобода!

А чтоб он не очень куражился, то ужасно любят мнение о том, что человек сам одна только механика. ⟨с. 62⟩

Что такое время? Время не существует; время есть цифры, время [4] есть: отношение бытия к небытию.

Дуня стреляет в него: какая, однако ж, она красивая, подумал Свидригайлов.

СИМВОЛ ВЕРЫ. «В смысле даже наврал».[5]

---

[1] NЗ. Ему пришло ∾ значительными». *вписано на полях.*
[2] *Записи на с. 60—66 обозначены автором:* $NЗ_1$—$NЗ_8$.
[3] NЗ. Свидригайлов ∾ он убил. — *вписано на полях с. 61.*
[4] *Было:* время это
[5] Что такое ∾ наврал». *вписано на полях.*

NЗ. Свидригайлов.

Призрак Марфы Петровны.

NЗ — Не *занятой* человек (всю жизнь ленился, ничего не делал).

Была эпоха «есть хорошо».

NЗ — Ползучим гадом. (Пугает даже, неожиданно выказав столь сильное воображение и столько гнездившихся вопросов.)

— Как это вы не верите ни во что, лучше, справедливее.

— Да ведь это, пожалуй, *будет и справедливо*... (что ползучим гадом).

— А у вас сильная фантазия, только пауков-то выдумали.

— Да, но ведь в одном этом-то [1]

— У ней изо рту дурно пахло (коричку держала). — Замечание вскользь и *один* раз.

Свидригайлов, зная тайну, никогда не выдавал ее, и странно: он как будто уважал за это Раскольникова.

Насильничание явилось *внезапно*, как мысль; а сошелся он с Авдотьей Романовной совсем на другой идее.

Приехал в Петербург как влюбленный в Дуню, и оказывается, что совсем не так влюблен (сам видит). А меж тем кончает тем, что влюблен.

Раскольников. Убийство — повесил на воротах. *Свидригайлов.* Нет, неправда, а что-то кричит. Кровь взывает. *Раскольников.* Я сам тоже думал. *Свидригайлов.* Как же вы сейчас говорили о воротах. *Раскольников.* Я *так* говорил. *Свидригайлов.* Я знал, что вы так говорили.[2] ⟨с. 63⟩

Свидригайлов говорит: «Я знаю одну немку, которая утопила свою дочь», — но не говорит, что это его хозяйка. Он рассказывает в виде бесчувственности и даром полученной над собой силе.

(NЗ. Много подобных [3] анекдотов и эпизодов из прошедшей и настоящей жизни Свидригайлова.)

О хозяйке говорит, что дочь изнасильничали и утопили, но кто, не говорит, и потом уж объясняется, что это он.[4]

NЗ. Засек — тень являлась.

Свидригайлов говорит в полунасмешке: «Ну, вы будете, например, Провидением бедных сирот; вас это не соблазняет?» (При детях тетка, и завещание у Марфы Петровны было.)

— Ну что Разумихин? Я ничего не нахожу в нем.

Свидригайлов [5] долго не показывает, что знает, что он убил, и вдруг говорит.

---

[1] А у вас ∾ этом-то *вписано на полях.*

[2] *Раскольников* ∾ говорили. *заметки на полях.*

[3] подобных *вписано.*

[4] О хозяйке ∾ это он. *вписано на полях.*

[5] *Далее было:* говорит

NB. «Да вы не бойтесь, я ведь много таких дел знаю. Я ведь и сам участвовал».[1]

Марфа Петровна умерла за неделю до их выезда (NB сейчас после письма матери к нему). Умерла она таким образом: Свидригайлов вышел из себя и отколотил ее (первый раз в жизни, собственно, по страшной досаде, что выходит за Лужина; объявил Марфе Петровне, что поедет в Петербург). Марфа Петровна была расстроена, слегла, в город не успела съездить *иссплетничать* свое горе, под вечер пошла в купальню и умерла ударом. Всё ⟨с. 64⟩ это Свидригайлов наивно рассказывает сам.[2] Он помещается у Рейслер. Почему у ней, он человек богатый? Дает ответы, хоть неуклончивые, но неполные: не хочу встречаться, не хочу того общества и проч. А главное — у самого желание стушеваться, убить себя, исчезнуть на Сенной и проч. Черты. 1) Рассказывает, как он был шулером. Теперь не хочет. 2) Рассказывает, что он был хорошим агрономом. 3) Безо всякого угрызения совести рассказывает, как во время помещичьего права он двух засек и пользовался *невинностями*.[3] 4) Что не пьет вина.[4] 5) Призраки Марфы Петровны. 6) Хочет жениться на 16-летней. 7) Хочет дать много денег Авдотье Романовне. (Отказ.) 8) Дает семейству покойной Мармеладовой денег и обеспечивает. *Неограниченная* благодарность Сони. 9) Ненависть к Лужину, не очень. 10) Любовь к Авдотье Романовне — оказывается, что мало любит, и сам говорит и критикует ее в глаза и смеется над ней, чем очень ей нравится. Впрочем, настаивает на браке, но не очень. 11) Знает тайну Раскольникова, но не говорит ему о ней ⟨с. 65⟩ и за это его уважает, в чем и высказывается.[5] 12) Насильничание сделано нечаянно. 13) Рассказывает вдруг невзначай, как ни в чем не бывало, такие анекдоты, как о Рейслер. 14) О насильничании детей, но бесстрастно. NB. Анекдоты его ужасны. Не проговаривается. Говорит как бы нечаянно. Чрезвычайно согласен и уживчив. Весьма снисходителен. Холоден как будто, но и ужасен. *Не знает, что делать.* Хотел бы какого-нибудь excès.[6] Заговорит об одном и тотчас готов разговор переменить. «А знаете, Петербург ужасен. В России еще чему-то веришь, на что-то надеешься, но в Петербург приехав, это уже город семинаристов и канцеля-

---

[1] NB. «Да вы ∾ участвовал». *вписано на полях.*

[2] сам *вписано. На полях с. 64 заметки: 1.* NB. Рассказывает комически и с циническим смехом, как поколотил. Физические подробности — взял за нос, ущипнул. *2. Вверху страницы:* Да тут же, на канавке в Мойке. *3.* Власти. А власть не соблазнила бы вас. Сам би⟨лся⟩ А справедливость? Да ведь это невозможное дело. Так весь земной шар устроен. Материя и дух, должно быть равенство. Из этого жизнь.

[3] *На полях:* NB. О детях и девчонках нищих. Раскольников встречает его на промысле. Описание.

[4] *На полях:* редко пью

[5] *На полях:* NB. Какое мне дело!

[6] эксцесса (*франц.*). Хотел бы какого-нибудь excès. *вписано.*

ристов».[1] Предлагаст денег Раскольникову. Рассуждает хладнокровно о всех проектах, например *о власти* Раскольникова. Верит в будущую жизнь, в *пауков* и проч. Не насмешлив, всех и всё извиняет, всё из цинизма отрицает, всё допускает,[2] переносслив, *моменты черного духа,* хотел жениться на 16-летней. *Полюбил немного Соню и пользовался ее* советами. Приходил к ней проститься перед выстрелом, довольно весело. NB (Заходил прежде к нему проститься.) NB Ни энтузиазма, ни идеала. (Не дано направления.)

Зазывает Дуню без *намерения* и вдруг нечаянно.[3]

NB. Иногда разговоры с Соней об хороших идеалах. Признается, что с *ней* было бы ему лучше. Говорит об этом Авдотье Романовне и хвалит Соню, но после, судя сам себя по бестиальным и звериным наклонностям (16-летняя и насилия), говорит, что «я неспособен».

NB. *Главное.* Свидригайлов знает за собой таинственные ужасы, которых никому не рассказывает, но в которых проговаривается фактами: это судорожных, звериных потребностей терзать и убивать. Холодно-страстен. Зверь. Тигр.

Жалеет о потере ядов; излагает при сем нечаянно теорию. NB. Если его сильно опровергают, то он никогда горячо не защищает: не интересуется. Говорит об игре; об рулетках. Таким образом нечаянно излагает свои суждения — весьма замечательные. Видно, что он мыслит.

NB. Он очень холодно сказал раз (вскользь совершенно) о том, *что он убил человека.* Что ему случалось убивать. «Мне это тоже случалось раз... даже, если строго судить, *два*» [4] (это при объяснении Раскольникову, что знает *то*[5]). ⟨с. 66⟩

Свидригайлов (продолжение)

Весьма часто (вскользь) произносит весьма замечательные рассуждения о предметах (литературе и проч.), но не интересуясь, не удивляясь и не настаивая, даже не интересуясь *своим* собственным суждением.

---

[1] А знаете ∾ канцеляристов». *вписано.*
[2] всё из цинизма ∾ допускает *вписано.*
[3] Зазывает ∾ нечаянно. *вписано.*
[4] если строго судить, *два*» *вписано.*
[5] *Далее было:* NB. Иногда вскользь проговаривается

N3. *Суждение его о явлении призраков.*[1] Говорит, что призраки являются только в нездоровом состоянии, стало быть, нелепость. Неправильное логическое суждение: отчего не сказать так, что они *могут* только [2] являться в привычном [3] неорганическом состоянии и совершенно мы с ними соприкасаемся, когда разрушается наш организм. А что здоровому не являются, так это и понятно: тут сама природа противится призракам, ибо для порядка и для полноты жизни, а более всего для порядка,[4] нужно, чтоб мы жили одною жизнию, а не двумя (за 2 зайцами),[5] так что тут сама природа себя защищает и отстаивает от другого мира, то есть от призраков.[6] Чуть же расстроен организм, и мы способны становимся тотчас соприкасаться с призраками и с другими мирами.[7] Так что это и правильно, что явление призраков есть признак нездорового организма, из чего, впрочем, совсем нельзя заключить, что призраки не существуют. ⟨с. 61⟩

Очень откровенен.

— Да ведь зачем иначе-то?

— Зачем не быть откровенным? Я ведь ничего не добиваюсь. А впрочем, при случае и я сумею надуть.

— Вы как будто этим хвалитесь.

— А вы нет, не похвалитесь? [8] ⟨с. 63⟩

Свидригайлов Раскольникову: Вы, так сказать, не захотели раздробиться на анализ и захотели синтезу.

— Да, из таких матерьялов создаются Наполеоны (насмешливо).

Раскольников ему: говорите, говорите. ⟨с. 66⟩

Одной общечеловеческой жизнью жить нельзя. Дела нет никакого, гражданского чувства не развито. Национального чувства не развито.

— Ну а этот-то человек национальный?

— Как же! Всю жизнь над книгами просидел. На этот счет я вам любопытный анекдот расскажу, *символ веры.*

А знаете, я верую и в воскресение Лазарево.

Боязнь эстетики — первый признак бессилия.

Свидригайлов

---

[1] *На полях помета:* Значит, он об этом уже думал.

[2] *Далее было:* в

[3] привычном *вписано.*

[4] *Вместо:* для полноты ∾ для порядка — *было:* для полноты, а более для порядка

[5] (за 2 зайцами) *вписано.*

[6] от другого мира, то есть от призраков. *вписано.*

[7] с призраками и с другими мирами. *вписано.*

[8] Очень откровенен ∾ похвалитесь? — *вписано на полях.*

NOTA-BENE

К РОМАНУ

1) Его поражает потом, во всё продолжение романа, мысль: «Я хотел обеспечить себя и мать. Немецким путем было некогда. Грех и страдание я брал на себя. А между тем я с 1-го раза ничего не сумел сделать, — я не умел даже обокрасть хорошо — доказательство, что и *дело* это — не *мое* было дело, да и всё дело, весь путь был ложный. Нельзя было идти по этому пути».

2) Глава «Христос» (как «Сон Обломова») кончается пожаром. После пожара он пришел с ней проститься. «Нет, я еще не готов, я полон гордости ⟨с. 67⟩ и фальши; я только что начинаю весь процесс переделки» — в каторге (7 лет каторги, смягчено, по высочайшему повелению).

NЗ. Свидригайлов, бежавший от Марфы Петровны, приезжает в Петербург.

NЗ. Зосимов и Порфирий Семеныч, что-нибудь завязать. (NЗ. Он свидетельство дал Раскольникову против подозрений Порфирия Семеныча.[1])

NЗ. Соня на другое утро у него.[2] Он не спрашивает, зачем она пришла. Сначала разговор *догматический*.[3] Он высказывается полуфразами. «Может, и бога-то нет». — «Мне грустно, оставим этот разговор». Об Катерине Ивановне, что она пошла. Мечты. *Внезапное движение Сони,* подошла к нему. «Зачем вы это сделали?» Слезы. «Я люблю тебя» — горячий разговор.[4]

— Соня, ты не должна быть в этом положении.

Высокомерно с ней на счет *этого* пункта.[5]

NЗ. НЕ НАДО: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

«Я уверен, что вы богу промолились всю ночь». Молчание.[6] ⟨с. 68⟩

NЗ. *Соня говорит:* «Как же вы говорили вчера, как власть имеющий?» Соня идет к Катерине Ивановне и говорит: «Не берите от *него* ничего».

---

[1] *Вместо:* подозрений Порфирия Семеныча — *было:* его подозрений
[2] *Далее было:* Сначала
[3] *Далее было:* Может
[4] *На полях:* NЗ. Долго не верит.
[5] *Абзац обведен фигурной скобкой.*
[6] Я уверен ∾ Молчание. *на полях.*

Пришла домой и больна стала. Тут Свидригайлов, как сосед. Знакомится. Долгие разговоры у больной с Раскольниковым. Смерть Катерины Ивановны.

Он отделяется от сестры и матери совершенно до того, что даже не интересуется, чем они живут? (И не то чтоб не страдал от этого.)

Гордость и надменность его [1] и самоуверенность в безвинности идут всё crescendo [2] и вдруг на самом сильном фазисе, после [3] пожара, он идет предать себя.

О любви к Соне мало; только фактами.

Исповедь Соне, что «я сам злодей». — Сделана без особой чувствительности.

NЗ. Разумихин, провожая мать, говорит, что он ⟨с. 69⟩ вздору ему сам сейчас наговорил ужасного (об убийстве. Об этом и говорить не надо было).

NЗ. На другое утро Разумихин, послом от матери, говорит ему между прочим, что он вчера много врал ему.

(*Это* у Разумихина самого созревает наконец в убеждение, что он на этой идее помешан.)

Порфирий это слышал, допрос; ничего не узнал, но факт тот, что Раскольников опровергал, что он убийца.[4] У Порфирия остается убеждение, что он убил. Встреча во время вихря; во сне видит Порфирия.

NЗ. Гадкий, унизительный, мальчишнический сон про то, как его ловит Порфирий.

Разумихин приводит Заметова и *Порфирия*. Порфирий приходит познакомиться.[5] Или так: он знакомится с Порфирием гденибудь, не зная, что это Порфирий. ⟨с. 70⟩

(всё факты, без рассуждений)

NЗ. Холодность к матери, которая их особенно изумляет. Вся 3-я часть. Их беспокойство растет. «Помирись с нами». Ему тяжело у них, не ходит. Сначала ненависть к Соне, а потом примирение с ней. И в минуту примирения, когда мать и сестра у Сони (новая квартира — Свидригайлов уступил свою), он является проститься с ней. Объявляет всем. И тут всеобщее примирение. Поручик-порох. ⟨с. 71⟩

Характерная черта 3-й части.

Холодность к матери, которая их особенно удивляет.

NЗ. Не забыть хозяйку. Всё факты, без рассуждений.

---

[1] *Далее было:* иду⟨т⟩
[2] возрастая (*итал.*).
[3] *Было:* перед
[4] *Далее было:* Стало быть, не убийца, думает
[5] *Далее было:* Он знакомится

3-Я ЧАСТЬ

ПРОГРАММА

1-я глава. Несколько загадочных слов,[1] сказанных им сейчас после обморока. «Подойдите ближе, дайте посмотреть на вас. Так как я слаб (N3 слабым голосом) и должен лечь и некогда говорить, то прямо к делу: получили ли письмо от Лужина?»

— Нет, только известили о приезде и всё [2] здесь сидели.

— Хорошо, я прогнал его.

— Как? Что?

Не отвечая на восклицания:

— Не принимаю жертвы, и брак должен быть разрушен. Это нелепость.

— Она для себя.

— Этого быть не может, и потому сейчас же садись и пиши отказ.

— Но какое право ты имеешь?

— Слушай, или я, или он? Вот тебе ночь на размышление. Прощайте.

Ссора.

Разумихин отводит, утешает (показать, что Разумихин уже влюблен в Дуню), отколотить.

— Ради бога, спешите к нему. О, что теперь с ним?

— Знаете что, я сбегаю и вернусь вам сказать. Забежал и к себе. [3] ⟨с. 87⟩

У матери. Мать в отчаянии. Рассказывает, как он огорчал ее прежде. Дуня несколько свысока, очнется. Письмо от Лужина. Разумихин обещает, что ночевать будет у него, в том доме. Ночевал у Настасьи.

2-я глава. Утро к нему. (Не приходи вечером.) [4] Объяснение с Разумихиным. «Я закладывал у старухи, не хочется потерять отцовские часы. Познакомь с Порфирием». Явился как закладчик.[5] У матери.[6] Совет.

Идти к нему. К Раскольникову заходит Соня, посадил. Сегодня похороны.[7] N3. С Соней разговор скептический.[8] Вечером не приходить.[9]

---

[1] *Далее было:* сейчас

[2] *Было:* только

[3] Ради бога ∾ к себе. *вписано на полях.*

[4] (Не приходи вечером.) *вписано.*

[5] Я закладывал ∾ закладчик. *вписано. На полях заметка:* Его требуют к Порфирию.

[6] *Далее было:* Письмо от Лужина.

[7] Сегодня похороны. *вписано.*

[8] N3. С Соней разговор скептический. *вписано на полях.*

[9] *Далее вписано между строками:* (Приду. Наверно и нарочно приду.)

(Сладить встречу с Порфирием и с Свидригайловым.) Заходит к Мармеладовой. С Мармеладовой пансион благородных девиц. Совет сходить [1] к раздавившему и к генералу. Похоронный обед.[2]

От Мармеладовой уходя, расстается с Соней. Свидригайлов подслушал адрес. Идет за Соней. «А, это в моем доме». Свидригайлов с Раскольниковым. Хочет вознаградить деньгами. Разумихин 1000 р., а выйдет. «Я достану». — «Отчего ты так мрачен, дай взглянуть на тебя».[3]

Вечером у матери кончено с Лужиным. Проект жить; дядя. Смерть Марфы Петровны. «Я подозреваю, что Свидригайлов здесь».[4]

Порфирий и Заметов. Закладчик. «А для чего вы в квартире были?» [5]

Свидригайлов. У Мармеладовой. Похороны. Обед. Хозяйка, разговоры, советы. Говорят тоже об убийстве старухи.[6] Соню зазывают к Лужину. Обокрала. Лебезятников лебезит и отрекается. Мармеладова в исступлении; он идет к Соне ⟨с. 88⟩ и говорит ей, что он убил. Свидригайлов подслушивает.

Мать, сестра и Разумихин. Окончательная ссора за Соню. Посещение Свидригайловым Раскольникова.[7] Разговор оригинальный. Соня у него. «Может, и бога-то нет», склоняется к нему.[8] Предостерегает Катерину Ивановну. Катерине Ивановне ничего не дали. Болезнь Сони. Больная ночь, чтоб добыть денег для Катерины Ивановны. Катерина Ивановна узнает, что Соня больна. Сумасшествие Катерины Ивановны. Соня бежит в квартиру, ушли на улицу. Сумасшествие и смерть. Свидригайлов появляется мельком. Обещается Соне помочь. Болезнь Сони.

Идет к Заметову и объявляет, что и у него тоже есть вещи заложенные. К приставу. Работник винится — допросная сцена. «А почему вы были в квартире?»

Свидригайлов у Сопи.

Соня у Раскольникова, «для чего вы это сделали?», входит Свидригайлов к Соне.

---

[1] *Было:* Сходить

[2] С Мармеладовой ∾ обед. *вписано на полях.*

[3] *Вместо:* Свидригайлов ∾ на тебя». — *было: а. Начато:* Вечером у м⟨атери⟩ *б. Как в тексте. Далее зачеркнуто:* Не могу трудиться, надо капитал, говорит Раскольников. Я ничего не могу сделать. Я не могу работать

[4] Смерть ∾ здесь». *вписано на полях.*

[5] Порфирий ∾ были?» *вписано.*

[6] Говорят тоже об убийстве старухи. *вписано.*

[7] *Было:* Свидригайлова к Раскольникову

[8] «Может ∾ к нему. *вписано.*

Не после ли сцены с Соней, вдруг Свидригайлов, а потом Порфирий. Он с Заметовым и Раскольниковым, лжет при Соне и при Свидригайлове.

№3. 4-я часть. Свидригайлов. Разговоры, с Соней. Отчаяние его. Преследует Порфирий, отказывается от матери.

в 5-й вихрь.[1] ⟨с. 89⟩

У Порфирия. Познакомились. Разговор, о чем спорили на вечере. Выпытывает мысли. Раскольников догадывается, в ударе. О работнике. О разных предметах. О преступлении, *о власти* рутины и *исключения* и проч. Выходит и хохочет. (Разумихину: «А ведь он меня допрашивал».) «И вдруг [2] мещанин показание сделал, что приходил кто-то. Ведь это я был».

№3. В разговоре с Соней: «Я не хочу им добра; я не для добра, а для власти».

— А добро делаете.

— Я чтоб власть, чтоб делать добро, нужна прежде власть. Что, хорошо, что ты так ходишь по улицам? Полечка тоже пойдет. Я не хочу проходить мимо и молчать... Для всех надо закон, а для избранных нет. За грех страдание.[3] ⟨с. 90⟩

Nota-bene (важное). Порфирию был донос (но уже на №3? третий день) от мещанина, что он вчера был на квартире убитой. Между тем Заметов рассказал ему о разговоре и сцене в Хрустальном дворце и выказал энтузиазм к Раскольникову, а вместе рассказал и об обидчивом состоянии Раскольникова и проч. Это парализировало донос. Потом узнали о смерти Мармеладова и о роли там Раскольникова. Это еще больше парализировало. Но сомнения остаются, и Порфирий [4] не знает, что делать, как вдруг входит сам Раскольников. Показание работника. Разговор Порфирия с Раскольниковым о споре у Разумихина. Решение Раскольникова. «Почему вы заходили к мещанину?» — «Ей богу, не знаю». — «А признайтесь, что вы меня хотели экзаменовать». Расставание двусмысленное и холодное.

(№3. Ловчее.) ⟨с. 91⟩

№3. Раскольников, проснувшись на другой день после встречи с матерью,[5] соображает, что он вчера накутил и проговорился, как разговор с Заметовым в его пользу обратился, но то, что он был в квартире старухи, может дойти, потому что он фамилью свою сказал. Стало быть, всё это надо поправить.

---

[1] Свидригайлов ∾ в 5-й вихрь. *вписано на полях.*

[2] И вдруг *вписано.*

[3] *На полях заметка:* в виде разговора желчного, едкого и с умолчаниями, т. е. как бы *нехотя.*

[4] *Далее было:* в виде знакомства

[5] после встречи с матерью *вписано.*

Показание работника на некоторое время сбивает и останавливает Порфирия. Ихним же топором и убил. Да, в кухне действительно был топор. Только топор отыскался покойно лежащим. «Я вытер и положил».[1]

N3. «Почему вы были в той квартире?» Этот вопрос Порфирия был предложен при Соне, при Свидригайлове (который, войдя, тотчас познакомился с Соней и удержал ее), но только что она хотела выйти, вошли Порфирий и Заметов, который ее знал и остановил с Разумихиным, и ⟨с. 92⟩ Заметов стал расспрашивать о Мармеладове. Она осталась. (Весь разговор с Порфирием и проч.) Те ушли. Подозрения Порфирия рассеялись. Раскольников на вопрос: почему были в квартире, — отвечал, что он едва помнит (а тут же и Зосимов), что после разговора с Заметовым в Хрустальном дворце ему вдруг померещилось, что часы его пропали. Тут он вдруг обратился к Зосимову и стал описывать психологию этого положения и вышел молодцом.[2] N3 Раскольников хоть и не объяснил тему разговора с Заметовым, но наверно знал, что Порфирий его знает. (N3. Разумихин утром объявил Раскольникову, что Порфирий знает о том, что он был на квартире старухи. Разумихин пришел раньше их и очень удивился их приходу, а те — что его встретили. «Как же вы сказали, что не сюда пойдете, как же вы сказали, что у вас дома дело?» Раскольников тотчас смекнул qui pro quo [3] и принял самый иронический вид.) [4]

Когда все ушли, Соня встала ⟨с. 93⟩ вдруг бледная и шепнула ему:[5] «Это ужасно, это нечестно, нет, это страшно», и ушла к Катерине Ивановне. Тогда он обратился к Свидригайлову: «Ну чего вам надо?» Разговор с Свидригайловым. Загадочные вставки того. Девушка, отдавшаяся за 10 р., рассказ Свидригайлова, и утопившаяся.[6] (Пошел к [7] Соне, *нет дома,* бродит ночью, ее находит на улице. Та, чтоб добыть.)

Зашел к матери, хотел быть добрым и был очень зол. Грустный. «Не могу, не хочу, оставьте меня».

«Надо взять верх!» — деспотические и резкие слова, ушел от них.[8]

Между тем Соня пришла к Катерине Ивановне: не берите! А та рассказывает, как она была у тех и у тех и хочет идти к Раскольникову. Соня ей: не ходите к нему. Мармеладова начала

---

[1] *На полях:* А заклад?

[2] *На полях помета:* Зосимов поддерживает.

[3] в чем дело (*лат.*).

[4] *Вверху страницы заметка:* N3??? Как сделать приличнее и складнее, что Порфирий сам приходит к Раскольникову. Нужен чтоб был случай, предлог и чтоб Порфирий с радостию ухватился за предлог, чтоб побывать у Раскольникова. Раскольников был [заранее] накануне у Порфирия, не застал дома.

[5] *Вместо:* шепнула ему — *было:* сказала

[6] Девушка ∾ утопившаяся. *вписано на полях.*

[7] *Далее было:* Катерине Ив⟨ановне⟩

[8] Зашел ∾ от них. *вписано на полях.*

с ума сходить. Соня побежала достать [1] на улицу. Ее ночь (встреча: Ich mache ein Kreuz [2]). Встреча с Раскольниковым; бежала от него, догоняет. Несколько слов; она в отчаянии. Встреча с Катериной Ивановной; сцена на улице. ⟨с. 94⟩ (Катерина Ивановна им рассказывает всё: и о пансионе и ne parlez pas Russe. [3] Сумасшествие. Кашляет. [4] И пляшет, и всё.) Смерть Катерины Ивановны у Сони. Свидригайлов дает деньги. Он у Сони.

— А вот я как благородный пансион заведу.

Схватила камень, бросила в окно и убежала.

— Для похорон купили башмачки. Не с босыми же им ножками ходить?
— Сапожки я ниткой зашью и зачерню чернилами.

Дети, увидав Соню, бросились к ней с криком.

— *Ничего не дают*. Чем же я их накормлю, мне не дали талантов, ничему не учили.
— Ну, несите меня.

(Кровь хлынула вдруг.)

NB. *Мать* ему: Помирись с нами; у тебя такой вид...
— Какой у меня вид! У меня такой вид, какой ему следует быть. Не говорите мне об виде! Не спрашивайте об здоровье. Ничего нет неприятнее, как вопросы об виде и об здоровье.[5]
NB. Разумихин говорит, что ему Заметов шепнул, что Порфирию сделан донос, что Раскольников был в квартире. «Но Порфирий мне ни слова об этом: хитрейший человек».
NB. Разумихин ему: «Родька, веришь ты в предчувствия? Ну а я верю. Почему меня тянуло связаться с тобой?»
«Я верю» (влюблен). ⟨с. 95⟩ [6]

NB. Дуня приходит к нему одна с объяснением. «Ты пугаешь мать, ты измучил мать». Его ответ страшно фантастический, сумасшедший, «не могу с вами — выходи за него».
NB. Так как Дуню и мать тревожит он, а Разумихина прогнал и от них совсем отказался, то они и стали засылать его к Соне, и мать пошла к Соне. Дуня за это рассердилась (но потом [7] тоже

---

[1] *Далее было:* кусо⟨чек⟩
[2] Я крещусь (*нем.*).
[3] не говорите по-русски (*франц.*).
[4] Сумасшествие. Кашляет. *вписано.*
[5] *Текст:* NB. *Мать* ему ∾ здоровье. — *обведен на полях фигурной скобкой и обозначен цифрой* 1.
[6] *С. 95—134, 146—149 имеют авторскую нумерацию:* 1—44.
[7] *Было:* мать

пошла). Тут-то и подмазался Свидригайлов. Сцена. Насилие. Спасение от насилия. А тут пожар. Он спасает. Прощается со всеми и предает.

NB. Не забыть хозяйку.

NB Главное

NB. Не забыть, что на другой день Разумихин весьма серьезен и *не* словоохотлив по многим причинам. 1) Дуня и вчерашние воспоминания. 2) Лужин, вместо: «*раздавлю Лужина*» — отношения достойные как относительно Дуни, так и относительно Лужина. ⟨с. 96⟩ 3) Чрезвычайно озабочивает его, что он вчера, спьяну, проболтался Раскольникову о подозрении его в убийстве. 4) Тихие и загадочные [1] слова Разумихина Раскольникову о предчувствиях.

И НАКОНЕЦ:

NB. Раскольников припоминает утром, что он очень накутил и дал важную улику (посетил квартиру).[2] Говорит Разумихину о часах и колечке. Тот идет к Порфирию. По допросу, весьма вежливому (как оба знакомые) (говорят о разных вопросах, бывших у Разумихина и насчет *рутины* и *избранных*), Раскольников догадывается, что Порфирий знает о разговоре в трактире с Заметовым и *ценит* этот разговор. Шутка — шуткой, а между тем отбирает от него показания серьезно,[3] на бумаге. (Но о разговоре с Заметовым он хоть и знает, и дал знать, но не говорил.)

В 3-й части работник еще не сознается ⟨с. 97⟩, а только разве в самом конце 3-й части.

Мещанин же дал показание о посещении Раскольниковым дома в конце 3-й части, так что читатель предчувствует, что об этом пункте будет в 4-й части.[4]

NB

(В 4-й части)

В четвертой части Раскольникова обыскивают, отбирают от него серьезные показания (взять не решаются).[5]

---

[1] и загадочные *вписано.*
[2] (посетил квартиру) *вписано.*
[3] серьезно *вписано.*
[4] *Рядом с абзацем на полях вопросительные знаки.*
[5] *Абзац заключен в фигурные скобки.*

N3

Украла

Петр Петрович просит Лебезятникова позвать Соню, дает 10 р. и тихонько сует в карман *серию*. Лебезятников видит, как будто что-то сунул. Как благородный. Украла серию.[1] Лебезятников отрекается. ⟨с. 98⟩

N3. Разумихин во 2-й главе кричит Раскольникову: [2]

— Если ты сам говоришь, что она для тебя одного выходит, так разве ты можешь с ней таким языком говорить? Ты деспот и мучитель. Это не мое дело, конечно. Я вчера был пьян и врал, и сегодня решился молчать, потому что мне стыдно, но я не могу молчать.

N3. Разумихин с необыкновенным уважением говорит с дамами о Лужине на другой день и обходится с Лужиным. Он понял, что ему неприлично было вчера ругать Лужина, потому что он сам влюблен, а следственно, Лужин ему соперник.

N3. Разумихина Дуня особо просит быть вечером на чае, и это *для того*: чтоб, объясняя его присутствие Лужину, сказать, что «г-н Разумихин [3] очень нам много сделал услуг, и без *него* мы, внове, совершенно пропали и потерялись бы...»

— Я не мог вас встретить, — заметил Лужин.[4] ⟨с. 99⟩

N3. Заносчивые слова Раскольникова, когда прогнали Лужина. «Люди — пигмеи, надо властвовать. Для цели, я бы не остановился, конечно, на месте твоем, Дуня, выйти за богача, но ты не должна, и Лужин не стоит того».

N3. «Я совершенно неправильно судил, Дуня. Выходи, забирай богатство и властвуй».[5] Сестра удивляется этим мыслям.[6] Дуня противуречит: как ты изменился, Родя.[7] Он не удостоивает объяснения. «Да, переводы — хорошо. Это первый шаг. Они дадут первый кусок хлеба. Жалкий, но дадут».[8]

N3. (Драгоценный вопрос)

N3. При вопросе Порфирия — он как бы невзначай спрашивает:

— Когда вы проходили по лестнице, не заметили ли вы красильщиков в квартире?

---

[1] как будто ∾ серию. *вписано.*

[2] *Было:* ему

[3] *Над строкой:* Дмитрий Федорыч

[4] *Текст:* N3. Разумихина ∾ Лужин. — *на полях обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 65

[5] N3. «Я совершенно ∾ властвуй». *вписано на полях.*

[6] *Далее было:* Да, перево⟨ды⟩

[7] Дуня ∾ Родя. *вписано.*

[8] *Текст:* Сестра ∾ дадут». — *на полях обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 6

— Да я (что-то пронзило Раскольникова) никаких, все квартиры были заперты. Из одной выносили только мебель наверху.[1]

— Да ведь это не тогда, — вскричал Разумихин, — это в день убийства красильщики.

— Ах да! Извините. Нет, я потому, что никто не видал их, и этот бедный красильщик. ⟨с. 100⟩

Раскольников понял, что он его хотел сбить.

Разумихин удивился и разозлился потом.

Капитальное NB

Порядок такой:

1) Сначала Порфирий допрашивает о пустяках.

2) Затем донос мещанина. Порфирий арестует.

3) Он под арестом. Любовь Дуни и Разумихина. Насилие Свидригайлова. Дуня узнает, визит к Соне.

4) Мещанин показывает на себя. Он изучил обстоятельства. Сначала путается, но потом поправляется.

5) Между тем за Раскольникова хлопочут. Его выпускают из-под следствия.

(NB. Это можно ли сделать?) ⟨с. 101⟩

NB

NB. Раскольников о покойной хозяйкиной дочери: «Она больная такая девочка была и нищим любила подавать, и такая приниженная, смиренная, об монастыре мечтала и залилась раз слезами, когда мне об этом рассказывала.[2] Право, не знаю, за что я полюбил ее, за то, кажется, что больная была. Право, если б она еще была хромая или горбатая, я бы ее еще больше, кажется, полюбил. Такой бред весенний был».[3]

— И не дурна [4] собой была?

— Нет, — так, — разве в молодости кто-нибудь дурен? Ну да черт ли об этом!

— Я это понимаю, — сказала Авдотья Романовна, — ты эксцентричес⟨кий⟩ и особенный человек, брат. Ты не нам чета,

— Ты думаешь? — спросил Раскольников. — Ну да черт ли.

---

[1] *На полях вариант:* — А вот только помню загородили...

— Что загородили?

— Солдаты...

— А, так вы уже, стало быть, знали, что квартира напротив пуста будет...

— Да, тут и узнал... «Эх, напрасно я об этом заговорил, срезался».

[2] и такая ∾ рассказывала. *вписано.*

[3] *Между строками:* Нет, это не бред весенний. Оставьте, у меня это всё как отрезано, точно на том свете было. *На полях:* Дуня: тут дело должно одним разом решиться

[4] *Вместо:* И не дурна — *было:* Хороша

Дуня, я должен у тебя попросить извинения, вчера... Но я остаюсь при тех же намерениях.

— Я знала это.[1]

NB NB и еще один только раз упомянуть об этом:

NB. У него портретик на слоновой кости невесты (Зарницыной). Поцеловал его перед тем, как идти в каторгу. Отдает Соне. «Она мне тебя напророчила».[2]

NB

Не забыть

NB. *Мать ему:* «Мы и поговорить с тобой не успели. Мне надо. Мне надо знать тебя за все эти годы. Ты мой... Отчего ты уклоняешься?..» ⟨с. 102⟩

23 февр⟨аля⟩.

NB. Когда я был? [3] Дни за два до смерти я был, кажется...

— Вот почему это тебя так и поразило.

— Да, ну тут забота чисто эгоистическая. Дело в том, что эти часы хоть и ничего не стоят, но они отцовские, и я бы не желал, чтоб они пропали. Кроме того, колечко Дуни... Я,[4] признаюсь, так заботился... [5]

— То-то об цепочках, да об колечках каких-то, да о браслетах и в бреду толковал...

Раскольников усмехнулся. «Так я скажу проще».

Разумихин ушел.

Раскольников один: «Ведь вот этот, пожалуй, — подумал он, — за меня на распятье пойдет, а ведь очень рад, что разъяснилось, почему я об колечках да об цепочках во сне бредил. Уж не заползала ли и к нему эта мысль, несмотря на то что он Заметова из-за меня [6] за волосенки выдрал. Чего доброго! Господи».

(И обратился к Соне. Вышли.)

NB. По поводу часов — пошли к Порфирию, а у Порфирия Заметов. Разумихин: «Разве вы знакомы?» Заметов сконфузился. Порфирий о том, что это, конечно, из высшего общества. Раскольников разгорячился.

— Так вы завтра это по форме.

— Я вам и повестку пришлю.

— Это пустяки.

---

[1] Я это ∾ знала это. *вписано на полях.*

[2] Отдает ∾ напророчила». *вписано на полях.*

[3] Когда я был? *вписано.*

[4] *Было:* Мне

[5] *Далее было:* что

[6] из-за меня *вписано.*

— Нет, ведь вы можете быть свидетелем.

— Вот ведь этот работник; кстати: не видали ли вы... Мамонов? и проч.[1] ⟨с. 103⟩

N3. Когда Раскольников заговорил о часах, Разумихин начал было поспешно свои объяснения — фу, какой вздор!

Но у Порфирия Раскольников рассказывает откровенно о вопросе Ильи Петровича.[2]

N3. — Кажется хорошо! — говорит он, когда вышел. — Осилено!

Порфирий судит о сцене между Заметовым и Раскольниковым в трактире:

— Зачем так шутить. Ne touchez pas à la hache.[3]

N3 *Психологическая черта*

N3. Он у матери, или где-нибудь, или идет по улице, и вдруг бросает всё, бежит домой и — в угол, к обоям, в дыре: не осталось ли там как-нибудь, не забыл ли он как-нибудь какой-нибудь *вещи,* когда вытащил [4] тогда из дыры, чтоб идти бросить?

О мещанине

Он боится мещанина. Тот встретился и кричит ему: «Убивец!» Сновидения. (Хочет убить мещанина.)

Мещанин делает показание почти накануне ареста. Раскольников мастерски справляется с этим. ⟨с. 104⟩

Встреча с Кохом
(фантастичнее)

«А, так это были вы?» — «А ну, как он по голосу узнает? Нет, ведь я ничего не говорил».

N3?

На другой день после трактирного разговора (Palais de Cristal) у Заметова переменяются вдруг мысли, с самых пустяков,

---

[1] *На полях запись:* Раскольников вслушивался внимательно в вопрос Разумихина: зачем здесь Заметов? Его это раздражило.

[2] *Далее было:* А впрочем

[3] Не прикасайтесь к топору (*франц.*). Порфирий ∾ la hache. *вписано на полях.*

[4] *Было:* спрят⟨ал⟩

с того именно, что Раскольников, говоря ему об убийстве старухи, говорил очень серьезно, и сам был бледен, шевелил губами и дрожал. Только он некоторое время еще не высказывает эту мысль.

N3

Когда он открыл всё Соне, он отнюдь не сказал ей: не говори никому. Ее поражает эта мысль: значит, высоко ее чтит. Ей же как бы легче.[1]

Он говорит Соне: «Меня ищут». Та пугается. — «Как же ты [2] сейчас только умоляла меня донести на себя?»

Отвечает: «Лучше донести самому. Есть разница». — «Какая?» — «Большая». У Сони привычка какое-нибудь слово говорить. ⟨с. 105⟩

N3!!!

В тоске он *пришел как-то к матери,* когда Дуни не было, целовал ей ноги, плакал, рыдал и умолял, ничего не объяснивши.

Лужин на вечере

Объясненье за эти слова: «Вы передали».

— Я передала их, как поняла. Не знаю, как передал вам их Родя. Может быть, он что-нибудь преувеличил...

N3 — Без ваших слов он не мог преувеличить.

— Петр Петрович, — с достоинством сказала Пульхерия Александровна, — доказательство тому, что мы не приняли ваших только слов в очень дурную сторону и доверились вам, то, что *мы здесь.*

— Это вы хорошо сказали, маменька, — заметила Дуня.

— Стало быть, я во всем виноват, — обиделся Лужин.

— И вы насплетничали на меня в вашем письме?

— Извините, сударь, я исполнил просьбу вашей сестры и матери, которые, когда я уезжал, не надеясь скоро отправиться, просили от меня немедленно письма, с *отчетом* о том, как я вас нашел и какое вы на меня произвели *впечатление.* Что же касается до описанного в письме моем, то найдите хоть одну строку несправедливую, — т. е. что вы не истратили денег и в семействе этом, положим несчастном, не было недостойных лиц.

— Недостойных? Кто же? Мизинец и т. д.[3]

---

[1] *На полях знак вопроса.*

[2] *Было:* вы

[3] И вы насплетничали ∾ Мизинец и т. д. *вписано на полях. На полях заметки: 1.* издержал *2.* Раскольников. «Дуня, тебе не стыдно?» — «Я видела по-настоящему всего один только раз Петра Петровича, но ты прав, мне стыдно».

1000 руб. от Марфы Петровны.

Завещание Марфы Петровны. Она не успела, но заявила Свидригайлову, и тот настаивает, чтобы приняли. «Справьтесь, весь город знает, что она хотела вам оставить».

N3

«Разве ты не видишь, что я должна за него выйти, Родя?»

Или вечером Лужину она: «Вы знаете,[1] что я должна теперь выйти за вас».

Когда ушел Лужин: «Маменька, я положила за него выйти. Я решилась давеча. Но разве это было возможно, — вы видели».

— Как не видала ты этого раньше? — сказал брат. ⟨с. 106⟩

У него

Зосимов пришел.

— Мы ни о чем не поговорили, Родя. Мне так много хотелось сказать.

— Успеем, маменька.

Дуня смотрит: «Неужели у тебя нет какого-нибудь нежного слова, чтоб отпустить его?»

N3. Я непременно приду, — сказал Родя.

— Так и надо, — сказала Дуня.

— Ну уж как вы решили,[2] значит, так тому и быть; а мне и самой лучше; не люблю я этак притворяться да лгать, а будем правду говорить. Только я все-таки, Дуня, боюсь... Ты знаешь что?

— А я, маменька, не боюсь, — сказала Дуня.

N3. Вашего андела (Настасья нафискалила).

N3. А немецкий язык в совершенстве знаю.

N3. Вдумчиво.

— Как же ты мне раз сказал, что не знаешь.

— А, да черт, правда, это я так сказал тогда, соврал.[3] Я знаю.

— А зачем вы солгали? [4] (Дунечка)

— Да так.

— Нет, для чего?

— Да так, не стоит говорить.

— Нет, нет, нет, — зачем?

— Ах, боже мой, вот женское-то любопытство, да для чего это вам, мы об деле говорим, а вы.

— Так я хочу узнать, при каких случаях вы лжете, при каких говорите правду.

---

[1] *Было:* понимаете

[2] *Было:* решили оба

[3] *Вместо:* черт ∾ соврал. — *было:* это я так сказал, соврал

[4] *Было:* соврали

— А вы интересуетесь?

— Да...

— Это он для того тогда, — сказал Раскольников, — чтоб убедить меня взять перевод и деньги за него вперед и чтоб я думал, что я еще[1] ему одолжение делаю и тем помогаю.[2] ⟨с. 107⟩

— А знаете, работник сознался — в этой части.

N3. На вечере у Лужина вдруг он остановился как пронзенный в разговоре. Он вспомнил, что мещанин был из *того* дома.[3]

N3. С работником ведь ничего не может быть, думал Раскольников.

Соня напоминает ему об работнике.

N3. Раскольников следит за мещанином неоднократно.

— Скажи, как ты жил всё это время?

— Наговоримся, маменька, разом никак нельзя... Вот кончим сначала это.[4]

Капитальное и главное

Никогда ни одного слова не было произнесено о любви между ними; но Соню, кроме того, что она влюбилась в него еще в вечер смерти отца, с первого разу поразило то, что он, чтобы успокоить ее, сказал ей, что ⟨с. 108⟩ убил, следственно, до того ее уважал, что не побоялся ей открыться совсем. Он же, не говоря с ней о любви, видел, что она ему нужна как воздух, как всё — и любил ее беспредельно.

В разговоре он даже ей говорит (на другой день):

— Я вас уважаю.

— Я это знаю, разве вы пришли бы ко мне. Вот почему и мне показалось, что мне непременно надо к вам прийти и быть около вас.

N3 (Отец Мармеладов говорил ей о встрече с ученым студентом и много о нем рассказывал. Тоже Катерина Ивановна.)

Милые и трогательные рассказы Сони, как отец приходил к ней и рассказывал, как он говорил с одним ученым студентом.[5]

N3 Соня читала книги. Давал Лебезятников.

— Может, ты с ним помиришься?

— Нет. Неужели ты его не понимаешь?

— Как это молодо, Родя...[6] ⟨с. 109⟩

---

[1] *Далее было:* имею

[2] Это он ∾ помогаю. *на полях.*

[3] *Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 14 *Рядом помета:* (всё в 3-ю часть и работник)

[4] Скажи ∾ сначала это. *вписано на полях, Обведено фигурной скобкой и обозначено цифрой* 14.

[5] Милые ∾ студентом. *вписано на полях.*

[6] Может ∾ Родя ... *вписано на полях.*

NЗ Капитальное

— Что мне в том, что будет дальше (проговаривался Раскольников Соне). Теперь-то возможно ли жить? (проходить мимо всех этих ужасов, страданий и несчастий хладнокровно не могу. Власти хочу).

В 3-й части.

— Что ж вы выиграли, убив старуху?

— *Это глупость была,* — говорил Раскольников. — Я и денег не успел взять. Даже и не глупость, а *стремление.* Во всем этом идея созрела — вот что̀ важно.

— Какая идея?

— Пойдем вместе и т. д.

Дуня в 4-й части.

— Брат, нужна я тебе!

— Оставьте меня одного.

— Придешь? [1]

— Да. ⟨с. 110⟩

Соня в V-й части.

— Есть ли на вас крест? Нате, кипарисный — крест.

NЗ. — Следует написать по форме в полицию о ваших вещах, вам это там сделают.

А между тем он не написал просьбу в полицию.[2]

NЗ

Мать Дуне: «Он и ласков с нами, но как будто „отвяжитесь только от меня“».

NЗ

NЗ. Лужин обещался Катерине Ивановне выхлопотать пенсион, и та воспламенилась, а потом: «сама пойду». Пришла — их гонят.

У Сони.[3] ⟨с. 111⟩

Не могу дотронуться до семейства. Как я их любил! Мать, сестру теперь как будто уж и не люблю. Я знаю, что не люблю. Мне тяжело с ними. Как буду обнимать я женщину, которую

---

[1] *Далее было начато:* Не будь дома

[2] *На полях знак вопроса.*

[3] У Сонп. *помета на полях.*

полюблю. Разве это возможно? Что если б она знала, что обнимает ее убийца. Она будет это знать. Она должна это знать. Она должна быть *такая,* как я... Я давеча поцеловал мать.

Сумма улик? Да где же она, сумма улик? От всей суммы улик отболтаюсь.

Ну как я буду говорить. Ну с кем я буду говорить. Нет, я этого не рассчитал.

NB. Лизавета? Бедная Лизавета! А почему я об ней с тех пор ни разу не подумал? Точно я и не убивал ее. — Убивал! Как в самом деле это страшно.

NB

Еще то, что Заметов ничего о вчерашнем, о Хруст⟨альном⟩ дворце не упомянул (у Порфирия).

(Старуха — глупость! я сделал глупость.)

NB. Женщина всегда только то, чем мы сами хотим ее сделать.[1]

NB. Ему надо было вдуматься в свое положение. Утром не давали.

NB

И я имел несчастье поссориться с весьма достойным человеком, что расстроило свадьбу моей сестры.

Давеча Дунечка поклонилась ей — в восторг пришел. А потом — забыл. Чего! чего?

NB. (Никогда, никогда мне не *говорить* с людьми.)

Один вечером.

«Как, однако же, мне теперь тяжело говорить с людьми. Глупости! Странно, я их так любил издали, а вот вблизи точно не люблю.

Неужели у меня кончилась вся любовь к ним, когда они приехали?»

Чуть-чуть жены ⟨?⟩

«И как мог я поцеловать ее (мать) давеча», — думал он.

---

[1] *На полях:* 18

Ни с кем никогда не говорить и никому не сообщать своих мыслей. Потому что ведь это не разговор теперь. Разве я могу об чем-нибудь говорить искренно?

Хорошо, что за сумасшедшего считают.

Бог знает какими путями узнается преступление.

Нет, дурак или сумасшедший только рискует на преступление. Лучше уж делать легальные преступления, т. е. прямым подлецом.

Вчерашние промахи надо поправить.

Сегодня у Порфирия я прикинулся болтуном.

Невзначай, и всё случай.

Какой *откровенный* Порфирий.

N3. Вошли к Порфирию с таким хохотом — да разве это штука невероятная?

Дуня высокомерна. Она и того сознаться не хотела сегодня, что для меня выходит, а ведь, видимо, уже сама решила разлад. А впрочем, мне давеча приятно было с ней помириться.

Я этого не люблю. Ничего тут нет особенно благородного. Я деспот — всех ненавижу. ⟨с. 112⟩

N3

Удивляюсь, Дуня, как могла ты все-таки этого человека за честного считать, после низкой клеветы о том, что я не Катерине Ивановне отдал.

N3. Капитальная новость

Порфирий.

— А знаете, это даже хорошая бы уловка преступнику, — сказал Раскольников: — сознаться в своем преступлении и тут же врать и путаться...

— Э, да у вас идеи! — сказал Порфирий. И вдруг при прощании: — Знаете, что я вам скажу, — как-то особенно смотря на него: — идеи у вас преостроумные, но вот беда: всё бы это было хорошо, если б человек был вроде машины или если б, например, управлялся одним рассудком. Рассудок — славная вещь. Рассудок может такие фокусы загадывать, что где их угадать какому-нибудь бедному следователю. Но видите ли: натура не выдерживает — вот это-то следователю и помогает. Человек отлично

солжет — тут бы и триумф, а он вдруг [1] в обморок упадет. Фокус подведет удивительный, а сам побледнеет али денег не досчитается. Вы человек молодой и, как водится у молодежи, натуру ни во что считаете — один ум уважаете... Что вы нездоровы, что ли, как будто бледны немного?

— Нет, не беспокойтесь, не беспокойтесь, — и захохотал.

Порфирий Петрович сам засмеялся.

Заметов переглянулся.[2]

— До свидания-с.

— Лучше арестуйте меня.

Порфирий смотрел на него молча:

— Да так ведь и будет, и даже сегодня же-с.[3]

— Эк, вы убеждены-то как, да надоело это мне всё.

N3

Порфирий. N3. Скажите, статья в «Ведомостях» *ваша*? Или учиться, или писать?

Главное

Порфирий. Идея Порфирия,[4] что много преступников было (между прочим и работник), и Кох и Пестряков могли быть и [5] Раскольников даже, и что это всё ловко разыгранная комедия.

N3? Порфирий не говорит посетителям о том, что работник сознался.

Порфирий расспрашивает. N3. О Мармеладовских деньгах.

Как я не люблю эту старуху, теперь, теперь особенно после *того. Простить не могу.*[6] Я бы ее другой раз, может, убил, если б ожила.

Порфирий ему: знаком вам *Лужин*?

N3 (Непременно интрига Лужина.)

На восьмом часу сбил меня крепко, нечаянно, не сказать в 8-м, так в котором.

Про сцену с *Заметовым* в трактире. — Да побледнеет-то уж очень натурально.[7] ⟨с. 113⟩

---

[1] *Было:* а вдруг сам

[2] *Было:* Заметов улыбнулся.

[3] И вдруг ∾ сегодня же-с. *вписано на полях.*

[4] Порфирия *вписано.*

[5] *Далее было:* студент

[6] *Над строкой:* Ни за что не прощу.

[7] Как я не люблю ∾ натурально. *заметки на полях и между строками.*

Порфирий.

— Я по юридическому факультету. Посмотрите на них (теория болезненного состояния преступника).

— Кто болен, тот не призван.

— Как, призван к преступлению?

(«Пусть я болтун, — пронеслось в его голове, — пусть буду мальчишкой, зато все-таки подозрение искореню».)

— Скажите, в «Ведомостях» это ваша статья?

— Моя.

— Читал.

Проговорился (Порфирий), что знает о том, что он отдал деньги Мармеладовым.[1]

Необходим⟨ое⟩

У *Сони* — книг — не следует.

22 июля

У *Лужина* — Ему дают деньги от Марфы Петровны — не берет.

Из сотни кроликов никогда не составится лошадь, из сотни подозрений никогда не составится доказательство (английская судейская поговорка).[2]

Капитальное

Он Соне.

Почему я к тебе привязался, потому что ты одна только моя, один только человек, что мне и остался. Те все, мать, сестра — все чужие. Они ведь уж со мной никогда не сойдутся. Если я им не скажу — то я не сойдусь, ⟨с. 114⟩ а если открою им всё — то они не сойдутся. А мы с тобой прокляты, следственно, нам дорога одна, хоть мы и в разные стороны смотрим.[3] Ты теперь моя повелительница, и моя судьба, жизнь — всё. А мы оба *прокляты* — *парии* общества.

После Лужина. — К нам переезжать.[4]

У Сони.

— Это я убил...

— Зачем же вы мне это сказали?

— Да я нарочно и пришел, чтоб вам это сказать.

Про себя. NB А впрочем, не всё ли мне равно? Пусть выходит за кого угодно. Мне говорить с кем-нибудь надо...

---

[1] Проговорился ∾ Мармеладовым. *вписано на полях.*

[2] Из сотни ∾ (поговорка). *вписано на полях.*

[3] *Далее было:* Если б ты была униж⟨ена⟩

[4] *Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 21.

У Сопи. — *Соня.* Что ж мне делать?

— Что делать, взять и сломать что-нибудь, а выйти из этого положения. ⟨с. 115⟩

У Сони. Вы сами всё нам отдали, — сказала Соня.

Капитальное

У Порфирия на допросе.[1]

Когда он вышел из особой комнаты, где сидел с мещанином, и прошел мимо работника, может быть, первый вопрос Николаю Порфирия был: «Знаешь ли ты этого господина?» Он и привел меня для того, чтоб безмолвную очную ставку сделать.

N3. Говорить не с кем.

Про себя раздумывает. Порфирий стоит у Лебезятникова.

На вечере. Лужин. Мармеладов — сахарная такая фамилия.

— Чем же лучше Раскольников?

Мать: «Раскольниковы — хорошая фамилья, хоть твой отец и учитель был, а Раскольниковы двести лет известны».[2]

А после ухода Лужина он говорит: «Я ничего не могу для вас сделать. Пустите меня».

— Родя, зачем ты такой?

Когда тот (Петр Петрович) ушел, мать говорит: [3]

— Теперь легко... Мы сами виноваты, потому что на несправедливое дело пошли, и я виновата.

А Петру Петровичу: «Ну отдам я вам, такому, Дуню? Полноте. Мы виноватее вас, мы несправедливо пошли, и главное — я».

— Славно, маменька!

Вообще она отличается.[4] ⟨с. 116⟩

N3. Лазарь, *гряди вон, и вышел* умерший (за несколько).

У матери на вечере.[5] N3. Мать про Соню:

— Как я не знала, что она совсем такая. И ты мог ее знакомить с своей сестрой, Родя? [6]

---

[1] У Порфирия на допросе. *вписано на полях.*

[2] *Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 22.

[3] *Далее было:* Мы

[4] Когда тот ∾ отличается. *вписано на полях.*

[5] У матери на вечере. *вписано на полях.*

[6] *Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 23.

Капитальное

N3. Разумихина выставлять постоянно хлопотуном.

N3. Панихиду в третьей (во всей) части и болтовню о явлении Марфы Петровны тоже.

N3. Он непременно сестре (когда та узнала) или вообще говорит о двух разрядах людей: об *предназначенных* и об *материале* и воспламеняет и ее этим учением.

На вечере. N3. Лужин о Свидригайлове. Р⟨аскольнико⟩в рассказывает, что видел его. ⟨с. 117⟩

Капитальнейшее

В конце вечера. «Расстанемся на несколько дней. Простите меня». Полный упадок воли.

С *Соней*. Соня раз сказала ему: «Я не понимаю, ну как вы будете, ну как вы женитесь, как детей будете иметь?»

«*Приучусь*», — отвечал он.

Про тех, т. е. про мать, про Дуню и про Раскольникова, в начале 3-й части *главу*, и об отношениях к ним Раскольникова в этой главе. *У Дуни с ним серьезное объяснение*. Свидригайлов ей объявляет. Она с Соней и Разумихиным у него, конклав. Известие о смерти Свидригайлова. Он на конклаве гордо всех побеждает. Тут-то он всё высказывает *в первый раз. Как уж известно семейству*, то он тут-то не выносит, бред. И в бреду-то все страдания и тут-то *вечер б*⟨- - -⟩.[1]

Дома его заметили.

На *конклаве* известие, что в религиозном настроении был человек.[2] ⟨с. 118⟩

Лебезятников.

— Да! Но женщина свободна.

— Да ведь вы же прибили Катерину Ивановну.

— Это было другое... Тут позволительно было защищаться. И я к тому же — я никому не позволю с собой.[3]

— Знаете, ее можно кликнуть (Соню) книжки читать. Вот она какая.

---

[1] *Абзац обведен фигурной скобкой и снабжен пометой:* совершенно социально.

[2] *Над строкой вписано:* работник

[3] Да ведь вы ∾ с собой. *вписано. Далее было:* Я, например

(Мне очень жаль, что у меня нет отца. Отрезанный ломоть. Я воображаю, как бы я там.) Я ее развиваю.

— Ну и пользуетесь.

— Нет, знаете, она мне отказывает. И я это вижу. Мало того, я по принципу считаю это самым естественным состоянием женщины.[1]

Лазарь, гряди вон.

— А вы будьте кротки, а вы будьте смирны — и весь мир победите, нет сильнее меча, кроме этого.

— А я знаю, что бог вас найдет.

— Я грешна, *то* был великий грех.

— Я жестокосерда, — воротнички.

Картина

Проводят каторжных ⟨с. 119⟩

Капитальное

Он *Соне:* «Я не хочу ждать. Я хочу моих человеческих прав сейчас же. Я не могу проходить, не отдав всех денег. Я не так, как социалисты. Да и не надо мне ничего, я хочу властвовать. Вот я студент через 10 лет; мать, сестра. Вы, Соня (картина ее жизни и будущности). Ну и живите, и ждите».

Соня: «Да [2] как же можно для этого убить другого?»

— Она вошь.

— *Нет, не вошь.* А коли вошь, почему вы так мучаетесь?[3]

— Ну так арифметика, кто больше потянет.

— Да может, вы меньше потянете.

— Не мучьте меня этим вздором. Неужели же вы думаете, что я этого не передумал и не перемучился. Другие же делают, Наполеон и проч., и я хочу.

— Слушайте: есть два сорта людей. Для высших натур можно переступать через препятствия.

— Вы больны.

— Да, я болен. Меня они тревожат. Семейство. Не могу с ними.[4] Я с предрассудками борюсь. *Привыкну.* ⟨с. 120⟩

№3. Наполеон, Наполеон, да это, может быть, не то.

— Нет, то.

---

[1] *На полях:* Лужин меж тем упрекает себя, что действительно мало пожертвовал Дунечке деньгами.

[2] *Далее было:* и

[3] А коли ∾ мучаетесь? *вписано на полях.*

[4] *Далее было:* Да

— Во времена баронов повесить на воротах вассала ничего не значило. Убить своего брата — тоже. Следственно, натура подчиняется тоже разным эпохам.

Все великие люди были счастливы. Их грусть, переживанья, их страданья — счастье.[1] Они должны были быть счастливы. Великий человек не может быть несчастлив. А что их на крестах распинали, то это ничего.

У *Сони*. «Соня, посиди со мной, а я ушла играть» (воспоминания Сони). Нарукавнички Катерины Ивановны. Катерина Ивановна заплакала. Он огорчился. «О! я за Катерину Ивановну, теперь... Какая это женщина! Какая это женщина!..» ⟨с. 121⟩

С *Лужиным. Дуня.* Это правда, я виновата в моем слишком быстром увлечении, но ведь это всё равно что виновата в том, что сочла вас за порядочного человека, так что вам вовсе не к лицу [2] меня в этом укорять. А что я не первая отказалась, а вы. Что это значит в вашем письме: «Пеняйте на себя». Это угроза, вы [3] при первом знакомстве таких выходок [4] себе не позволяли, и я вам скажу, почему теперь позволили: вы увидели, что мы уже в Петербурге и что, стало быть, совсем в ваших руках, вот вы и сбросили маску. Вы даже не хотели нас встретить в воксале,[5] по каким-то сенатским делам, а мы две ничего не понимающие в Петербурге женщины.

Много истратил. Что вы истратили? сундук. Действительно, такие люди есть; каждая ихняя истраченная копейка кажется им дороже чужих ста рублей.

Вот ему и проба.

Часть, Петербургская сторона, медная каска, Ахеллес. ⟨с. 122⟩

— Вы ведь по ночам ходите.
— Мне одна рассказывала: «Ich mache ein Kreuz und ich gehe».[6]
— Сломать что-нибудь!
Точно издевается, но не издевался...
— Ходите, а на похороны не хватило.
— Так и кланяться им.
— Вы тоже не богаты. И не в университете. Терпеть надо.
— Зачем терпеть. Голландец.

---

[1] Их грусть ∾ счастье. *вписано.*
[2] *Было:* нейдет
[3] *Далее было:* в наших
[4] *Далее было:* тепе⟨рь⟩
[5] *Было:* на жел⟨езной⟩ дороге
[6] Я крещусь и выхожу (*нем.*).

Про Лизавету. «Она мне работу давала. Торговать! Да убили». Заплакала.
— Плачьте.

N3. А когда объявил: «я убил», что же, пойдете за куском для них хлеба?
— Да, пойду, пойду, уйдите. Тело им отдам. (Вечер она ходит.)

Он у Сони. Он ей рассказывает. Ich mache ein Kreuz, и про б⟨- - -⟩ с ребенком. Мать с детьми (неужели б⟨- - -⟩ будет), и эти-то создания, чудные и невинные, которых Спаситель... и они будут б⟨- - -⟩.
— Но что же мне делать.[1] Папаша, дети, я грешница. Плачет.[2] Бросилась за ним: «Постойте! постойте! Куда же вы?» Он не слушал и вышел. «О боже мой!» — раздалось на лестнице.[3]

N3 *Главнейшее*

В это *первое* свидание он ей рассказывает про голландский метод и приготовляет ее к пониманию *завтрашнего* признания. ⟨с. 123⟩[4]

В конторе у Порфирия

— Ну-с, написали? Теперь одно меня обстоятельство [5] беспокоит: почему вы кровь в квартире (и т. д.)
— А вас почему это обстоятельство беспокоит? (дрогнул внутри).
— Да... потому. (И он посмотрел на него.)
— Вот видите — сухая тирада.

О Порфирии

Для Раскольникова дело ясное: другой бы, может, и арестовал его, а Порфирий (это видно) давно уже изучил и изучает его, и, конечно, понял, что, арестуя, он ничего не узнает нового; а на воле этот скорей себя компрометирует. Да и притом же ведь он на примете, следит за ним; касательно же обыска [6] — что у него

---

[1] *Далее было:* Я гре⟨шница⟩
[2] *Далее было:* Нате.
[3] Он у Сони ∾ на лестнице. *вписано на полях.*
[4] *Вверху страницы запись:* Но ее он не находил
[5] обстоятельство *вписано.*
[6] *Далее было:* ведь

обыскивать, когда он нарочно, уходя,[1] с самого того дня оставляет дверь отворенною. Порфирия *камень* поразил.[2] Но все-таки какие же причины у Порфирия так упорно подозревать его: ведь фактов никаких. Неужели одни психологические соображения вскружили ему голову. Да ведь психологические соображения о двух концах. Али, может, он физиономист. Нет, фактов никаких, ⟨с. 124⟩ но ясно, что за ним следят и ждут фактов для *полнейшей* психологической достоверности, тем более что знают, что птичка ни за что не улетит от них во всяком случае. Только бы вот случай-то нашелся; случая и ждут.

Разумихин был у Порфирия и напел ему.[3]

Капитальное

Всё замутилось! Где же обетование, что пребудет «Дух во веки», что пребудет до скончания мира Христос и что, стало быть, уже не уклонится в своем развитии с пути человечество? Стало быть, непременно есть где-нибудь! [4]

Начало 3-й части.

Не надо было ходить, узнавать и спрашивать. И так Порфирий говорит: *Вы сами выдаете* — бабочка на свечке. Поэтому *не* узнает о работнике. *Руки опустил.*

Но работник? Работник, что такое работник? Это сумасшедший или идиот, или запугали, скорей хочет кончить — всё равно. Что если б повесился... да и в самом деле, ведь он вешался уж... Гм. Работник разглядит, *правду* увидит, и он опять начнет меня подозревать, — но все-таки главное главней, ты мне факты подай. А без того... какое мне дело, что ты психологически убежден. Так он знает Лужина... Гм. Это, верно, он за депутатами уже послал.[5] ⟨с. 125⟩

У *Сони*. О Лебезятникове. *Он:* Да ведь это из глупеньких; Есть гораздо умнее; по одному не судите...

Пульхерия Александровна сердится (курица).
— Он сын мой, он должен меня слушаться.
(Умирает, благословляет.) [6]

---

[1] *Далее было:* вот уж
[2] *На полях:* На другой день Порфирий на допросе поминает: «Вы вчера об каком-то кладе под камнем говорили».
[3] Разумихин ∾ ему. *вписано на полях.*
[4] и что ∾ где-нибудь! *вписано.*
[5] *Начало* ∾ послал. *вписано на полях.*
[6] *Абзац обведен фигурной скобкой и обозначен цифрой* 32.

Умирает. «Ах, жизнь-то какое тяжелое поле, дети».

У *Катерины Ивановны.* В кармане у Мармеладова петушка нашли.[1] ⟨с. 126⟩

Пришел прощаться с Соней.

— Ну, поцелуйте Евангелие, ну, поцелуйте, ну, прочтите! (Лазарь, гряди вон!)
Это когда она убеждает его, т. е. прежде прощания.[2]

«Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня».
И потом, когда Свидригайлов дает ей денег.[3]

N3. Соня идет за ним на Голгофу, в 40 шагах. ⟨с. 127⟩

Капитальное

«За что эта смиренная несчастна, а я хочу жить? [4] Не должен и я жить... если она несчастна!» [5]

N3. После суда Дуни, Сони и проч., где решают, чтоб он предал себя, он убегает, видения, в видении и смерть Свидригайлова.

Капитальное

1-й раз у Сони. Заговаривает сам нарочно о Лизавете. ⟨с. 128⟩

Смерть Катерины Ивановны

«Ваше превосходительство, ваше превосходительство, защитите сирот, вы видите, Семен Захарыч, вы благодетельствовали...» (в бреду).

Прибила детей. Дети побежали от нее. «Не бегите!»

Про мужа. «Бедный, смотрит на меня, бывало, а я ему и доброго-то слова не могу сказать». (С уважением о нем.)

N3. На поминках Амалия Ивановна рассказала анекдот, как ограбили одного господина. (Сердце пронзила.) [6]

---

[1] *Далее было начато:* Сме⟨рть⟩
[2] Это когда ∾ прощания. *заметка на полях.*
[3] И потом ∾ денег. *заметка на полях.*
[4] *Вместо:* За что ∾ жить? — *было:* Отчего они не стонут? *Далее как в тексте.*
[5] *Было:* счастливее ее
[6] N3. На поминках ∾ пронзила.) *вписано.*

С *Соней*. Отчего я тебе *ты* говорю, Соня?

— А отчего я вам «ты» не говорю?

И потом, когда он пошел на предание и когда крест опа ему повесила — стала в первый раз говорить: ты.

N3. Катерина Ивановна умерла.

— Ну что, вше ли жить и брать проценты, или этим умирать? Что красивее?

(Эта бедная дура Амалия Ивановна, так ей и не заплотят!)

И за что судьба так поставила? Передернула карты. О человек! можно даже сказать аристократического.

Похвальный лист на площадь.
Умерла с похвальным листом.
ноги сухие
О человек! Что Соня?
Свидригайлов и в 3-й части. В другой части, что Свидригайлов взял сирот.

Скажите Авдотье Романовне, что 10 000, которые она не хотела принять, я назначаю на этих сирот — и на Софью Семеновну.[1] ⟨с. 129⟩

Порфирий: «Нет, вы погуляйте! Погуляйте!»
Об камне — да это действительно так в мечтах представляется. (Стало быть, дескать, ты мечтаешь об этом и у тебя становятся возможными такие мечты.)

— Зачем же вы себя так компрометируете?

— Работник признается. — Но мещанин показаний не дает.
— Вот оттого ведь я и думал.

Мещанин говорит:

— А потом у нас стали говорить, дворник, что по этому делу Миколка сознался, я и не пошел, потому омраченный больной, думаю.

— Таким образом он мне с Николашкой ловкую очную ставку устроил.

Порфирий мещанину в конце романа:

— Зачем же ты не являлся? Ведь это улика, я бы его тогда посадил, но вот что я тебе скажу. Теперь нельзя посадить. Я изучил: болезненное состояние (было тогда), странность поведения,

---

[1] И за что ∾ Семеновну. *записи на полях.*

почти сумасшествие и после того все приемы, все поступки не то что не оправдывают, но даже противоречат. Нет улик. Мы хорошо следили. Но, однако, я не знаю.[1] ⟨с. 130⟩

Свидригайлов Раскольникову, встретясь после того разговора у Сони:

— Да вы чего? *Не бойтесь*. Я вашего разговора ведь не слыхал.

У *Порфирия*.

— Только они слишком уж натурально побледнели. Это мне ночью во сне пришло...

— Да натурально и было.

— А ведь и в самом деле может быть мономан. Ведь эти мономаны до чего доходят! Упрется в одну точку, 25 руб. отдал, ну отдай 20, а 5 себе оставь. Ведь он сегодня лежит и в бреду.[2]

На другой день при допросе у Порфирия.

— Какой это чиновник? (о 25 руб., о Мармеладове)

— Да я вчера вырвался квартиру нанимать. Да хотел в Америку; и на одну такую... преоригинальную квартиру зашел.[3] А потом и попал к Мармеладову.

— Э, гор⟨ячечный⟩ вздор...

— Гм! Скажите, вот меня это очень интересует.

(«Нет, это очень можно даже так разъяснить; именно оно так и было», — думал Порфирий про себя.)

(А когда в коморке с мещанином сидит: Раскольников, он сейчас передо мной, донос, так что тот и депутата не мог пригласить, как это следовало при такой улике.)

Ну сделает ли это человек (на квартиру пошел, если не в бреду, сам на себя).[4]

«А что ж, в бреду-то и выдал себя», — подумал Порфирий.

(NЗ. Да нет, врут, этого им никак в голову не придет.)

(Николаю все обстоятельства дела Митька передал. Арестовали Николая.) ⟨с. 131⟩

Капитальное

Разумихин и Раскольников, после Лужина, вышли от матери:

Разумихин. Я был у них, ничего, даже удивились. Я, признаюсь, разгорячился. Они только считают тебя несколько помешанным. Правда, я заметил, что Порфирий что-то уж очень осто-

---

[1] *На полях знак вопроса.*

[2] А ведь ∾ в бреду. *вписано между строками и на полях.*

[3] *Далее было:* Гм

[4] *Перед фразой:* Ну ∾ себя). — *было:* Разумихин у Порфирия

рожен, но Заметова я исколочу. Он даже и надо мной позволил смеяться.[1]

Раскольников. «Хорошо иль нехорошо? — что этот с ними говорил. Отчасти хорошо, отчасти нехорошо. Ну будь, что будет! Как обернется...»

Капитальное

Соне. Возлюби! Да разве я не люблю, коль такой ужас решился взять на себя? Что чужая-то кровь, а не своя? Да разве б не отдал я всю мою кровь? если б надо?

Он задумался.

— Перед богом, меня видящим, и перед моей совестью, здесь сам с собой говоря, говорю: я бы отдал!

— Я не старуху зарезал: я принцип зарезал.

— Так живи смирно. А я имею право. Я сознал, что имею его, потому и имею.

— А любопытно, что я не об старухе, а об Лизавете поминаю. Бедная Лизавета!

— С родней надо кончить. Теперь я не могу с ними. Не способен. ⟨с. 132⟩ Потом разве.

— Это хорошо: мономан. Надо эту идею укоренять.

— Статья-то, может быть, и главное дело у Порфирия и *побуждает* его.

Капитальнейшее

Порфирий его посещает. Разговор уединенный.

Лужин, вечер. Разумихин, выходя, Раскольникову:

— Слушай, я был там [2] — ничего не вышло. Не мог как-то заговорить настоящим образом. Заметов тоже там. Отвел наконец Порфирия к окну и стал говорить, но — опять *не так.* Он смотрит в сторону, и я смотрю в сторону. Наконец я поднес к его роже кулак и сказал, что размозжу его по-родственному. Он только посмотрел на меня. Я плюнул и ушел, вот и всё! Очень глупо! Недоволен. С Заметовым ни слова не сказал! [3]

— Брось это всё, — с отвращением сказал Раскольников.

N3

N3. Встреча с мещанином в каморке Порфирия.

Да разве ты факт?

И потом. — И это-то у вас факт? И вам не стыдно, не совестно? ⟨с. 133⟩

---

[1] *На полях:* Твоя статья... — Наплевать на мою статью.

[2] *Далее было:* — и всё

[3] *Было:* говорил

Идя к Порфирию

«Нет у них фактов! — думал Раскольников, — потому и потому». ⟨с. 134⟩

— Заметов? А зачем у него Заметов? Сам не пришел бы, *если не знаком,* иначе как *по делу.* Не посмел бы прийти иначе. Ну, а коль тот сам пригласил прийти, — так не иначе как тоже *по делу.* Что за стать им иначе знакомиться.

— Не знаю: хорошо или нет, что я *болтуном* прикинулся? Кажется, хорошо. Нынче все на эти темы болтают. Тем более наш брат, «социалист». Стало быть, натурально. Лучше, чем молчать. Гораздо. У болтуна вид безвинный, кто болтает, тот уж, конечно,[1] не так способен *на дело.* А коль слишком с большим увлечением болтаешь, так и совсем неспособен. А главное, об убийстве с безвинным видом говорить можно было. Сам сознавался, что убить готов. Перехитрено, впрочем, немного. Он человек очень умный, очень умный. ⟨с. 146⟩

— А для чего я сам первый пошел? Во-первых, тем, что сам первый пошел, подозрительно. Бабочку на свечку тянуло. Правда, у ней, может, записано на часах, что мои; [2] ну, так что ж? Вещи слишком ничтожные, если б и не явился. Следовало бы дома сидеть. Правда, узнал кое-что, много узнал. В ползучем виде какое-то подозрение кроется.

Порфирий даже не удостоивал концы хоронить? Может быть, на мое-то раздражение и негодование он и рассчитывал.

Но уж одно то, что Порфирий [3] так язвится, есть признак того, что он бессилен. Что же, кроме совершенно неясных подозрений, у него было?

Завтра бой настоящий. Заметов потому был.[4]

Фактов нет. Он потому, может, и злится. А впрочем, когда он мне говорил, что не выдержу, было много подозрения натурального в нем.

Главное, почему он не хотел даже скрывать от меня?

Хорошо иль не хорошо я сделал, что пошел.

...Проходить мимо и не помочь...

О если б я был уверен в том, что теперь говорю!..[5] ⟨с. 147⟩

Явление Свидригайлова. Тот лежит с закрытыми глазами. Этот сидит и смотрит.

---

[1] *Далее было:* не д⟨елает⟩

[2] на часах, что мои *вписано.*

[3] *Было:* он

[4] *Около текста:* Правда ∾ потому был. — *на полях помета:* На утро перед конторой. *Текст обведен фигурной скобкой.*

[5] *Под строкой одиннадцать раз:* N3

«Это улика! Это новая улика! — думал Раскольников. — Это что-нибудь видел, иль слышал, иль знает, чего я не знаю... Это кончик в клубке.

Нет. Старуха была глупость. Я и ограбить не умел, я только и умел что убить, как они говорили вчера. Да ведь не в том дело...» [1]

Порфирий *не успел* депутата.

Раскольников у Порфирия. Я не могу оправдываться, я считаю это для себя унизительным.

NB. Азе сто-зе вам и здесь на-а-до? Здесья не место!

...Я, брат, в чужие края еду.

— В чужие края? ⟨с. 148⟩

— NB. Не мог понять: *я не я*, надо жить-с!

— Так что же: вы молоды.

Миколка словно подделал ответы: способный и талантливый. Часто рождалась во мне мысль: мужик пашет, а он, может, Ньютон аль Шекспир. Падает яблоко, зарождается мысль и угасает. Кабы общее-то образование-с. Не надо спорить (о системах) и надо жить. Работать будут машины. Хорошо бы хоть кирпичик.[2]

Порфирий пришел к нему.

— А знаете ли, для чего вы ко мне пришли? Чтоб еще больше *уверить себя в сумме улик.*

— Вы ловкий человек, это так; вы психолог. Может, я и сам себе ясно не давал отчету, зачем меня к вам тянуло.

— Ничего не будет.

(NB. Что вы не убежите. Да ведь если б я и не пришел, если б я и не сказал, вы все-таки бы ведь знали, что я вас преследую. Напротив же, я теперь вас ободряю, признаваясь вам в своем бессилии.)

— Мне стоит только подождать, пока вы больны сделаетесь. В болезни всё и расскажете.[3]

(дайте руку-то; я пожму)

— Покайтесь. Нельзя через кровь переступать.

— Ну, а если вы передо мной виноваты?

— Тогда, конечно, мне ничем не отмолить. Всю жизнь на коленях перед вами буду стоять.

---

[1] *На полях запись:* Что пауки-то? Да может, это и в самом деле так, — да об чем мы это говорили с вами?

[2] NB. Не мог ∾ кирпичик. *вписано на полях.*

[3] Мне стоит ∾ расскажете. *вписано на полях.*

Порфирий. Я даже, может быть, думаю, что я сверх закона сделал, но я по совести верю, что я хорошо сделал, что к вам пришел и прямо вам рассказал. Вы, может быть, подумаете. Да и непременно. Я по лицу вашему вижу. Так, понимаете после того: когда даже Миколка пришел, я вас все-таки с мещанином посадил. Поняли, зачем? Коль не поняли — скажу: я вам хотел дать знать, что все-таки я убежден, что это вы. Ну, откровенно ли я с вами теперь говорю? [1]

— Да зачем мне говорить? — Так и останусь.

— Да разве так можно прожить, для такого-то человека, как вы. Что вы, помилуйте. Еще замечу вам: если вам вздумается руки на себя наложить, то оставьте записку, — чтоб не пострадали невинные.

— Я-то руки наложу? [2]

— Оно не то чтоб; вы не наложите и даже скорей не способны. Но в *минуту* такую можете попасть, за минуту не отвечает человек, примеры были. ⟨с. 149⟩

Свидригайлов и Дуня: *Свидригайлов.* А ведь револьвер-то мой!
— Да, я у вас *тогда* взяла. N3.

После обжога.
Очнулся, Дуня (бледная).
1) Встал. Посмотрела на меня, покачала головой.
2) Мать больна, об тебе бредит. Про тебя говорят.
Дуня упала в объятия. Ничего не говоря. Не надо объяснений.
— Прощай, брат!
— Прощай.
Дуня зашла к Соне. Обе за ним идут.

(матери) — «Я к *ней* пойду». — «Будь честным, страдай!»

Взбирается по лестнице доносить Пороху — вот эта собачка лает — вот это всё так всегда,[3] а сейчас уже будет всё не такое.

(N3. Голгофа. Он не видал Сони.) ⟨с. 136⟩

Порфирий. Я уверен, я уверен, что вы ни одного рубля не взяли из ее денег. Ведь так! Ведь так! ведь в *огороде*?

— Да не проговорюсь, не беспокойтесь.

— Да ведь уж это вы давно сказали?

— Эх вы! (но тотчас же засмеялся)

— Я полюбил ваше лицо.[4]

---

[1] Так, понимаете ∾ говорю? *вписано на полях.*
[2] *Далее было начато:* Вы способны
[3] *Было:* как и всегда
[4] *Порфирий.* ∾ ваше лицо. *вписано на полях.*

Порфирий, ему, у него. Знаете ли вы это слово: *пострадать.*
— Воспользоваться вашей болезнию захотелось, я вас тогда и мучил, чтоб в бешенство ввести. Ну а теперь вы здоровы.

Признание Порфирия Раскольникову.
Знаете ли вы, что я даже предполагал, зная вас и вас раскусивши: я предполагал, судя по вашему гордому, властному и нетерпеливому характеру и по расстроенным нервам, что вы при всем своем уме и хитрости вдруг не выдержите, встанете с места и брякнете нам вдруг всю подноготную. Так это или нет? Могло ли это с вами случиться, припомните-ка? Я такой один случай наяву сам видел.[1] Не бывали ли вы в таком иногда положении, *в такой, так сказать, минуте?* Но мне нужно было не признание. Я ведь понимаю, что это случай редкий, полное-то признание, чтоб встал этак да и брякнул, а вы хоть бы черточку-то, а я думал черточку, мне бы только черточку — бытовую черточку приобрести.[2] Я не спрашиваю, чтоб вы мне вслух отвечали: довольно, если вы про себя сознаетесь. Я вам даже напомню. Помните, как вы у меня были, в части, и я вдруг вам засмеялся в глаза. Ведь вы так вдруг рассердились, что я думал вы и... брякнете. Я тогда хорошо подготовил. Вас *унизить* надо было нравственно всей этой судейской процедурой, уколоть вашу гордость в высочайшей степени, а тут бы я и сюрприз из-за двери выпустил, и вы бы покаялись. Ну, ей богу же, это случилось бы, если б не проклятый Миколка.[3] Конечно, так только можно было с вами, а не с другим поступать, да ведь виноват ли я, что вас раскусил, помните? [4] ⟨с. 137⟩ в полном смысле.
— Конечно, вы и теперь изменили тон, и начали что-то новое, с какою-нибудь целью.
— Может быть...[5] ⟨с. 136⟩

Порфирий и Раскольников. Обыску я у вас тоже не делал, не к чему было-с. Я ведь и без того знал, что вы дверь, уходя, никогда не запираете-с.[6] А во-вторых,[7] у вас[8] и без того г-н Заметов обыскивал, ну а как вы о *камне-то* изволили упомянуть, да еще два раза, помните на второй-то день, когда ко мне пришли, да на г-на Заметова рассердились, — зачем он вчерашнее уважение и подобострастие[9] к вам потерял — так ведь оно и слишком

---

[1] Я такой ∾ видел. *вписано.*
[2] Но мне нужно ∾ приобрести. *вписано между строками и на полях.*
[3] *Над строкой:* и может, и было бы, если бы не проклятый... *На полях:* Воспользоваться всеми этими вещами, болезненной раздражительностью
[4] судейской процедурой ∾ помните? *вписано на полях.*
[5] в полном смысле ∾ Может быть... *вписано на полях с. 136.*
[6] Я ведь ∾ запираете-с. *вписано.*
[7] *Было:* Во-первых
[8] *Далее было:* его
[9] *Было:* дружбу

было понятно,[1] что у вас оно действительно в огороде каком-нибудь под камнем лежит.

Главная мысль Порфирия в X-й главе 2-й части.

Я сам хотел увериться окончательно — и уверился. И принял меры для этого, чтоб пробыть с вами минут 20 наедине. А мещанин был мне нужен, на всякий случай, чтоб огорошить окончательно, и всё было заготовлено, на всякий случай дано было знать.[2]

Или:

Я, конечно, должен был тогда вас допросить по форме. Но я мог это сделать и на другой день, а на этот раз — так как форма стеснительна — я хотел вас посмотреть, каков вы, как говорится, *во хмелю,* посмотреть и ощупать вас одного, раззадорить вас и проч. ⟨с. 138⟩

Свидригайлов и Раскольников

Раскольников: [3] Так вы только на разврат один и надеетесь?

Свидригайлов. Прямой вопрос. Разврат? В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, угольком в крови пребывающее, вечно прожигающее, которое, может, и долго еще не залить. Ну что ж — разве не занятие? Пикантное. Было бы только разнообразие. Оно, положим, говорят,[4] чудовищно, — да ведь...

— Я иногда, право, думал: не будь этого, ведь этак застрелиться придется.

— А вы могли бы застрелиться?

— Ну вот, с какой стати? — с отвращением.[5]

Оно, положим, заливать всё труднее и труднее, да, может, еще хватит на сколько-нибудь. А то, что жить-то посторонним человеком? Да и всё выдумка. Все-то себя чем-нибудь тешат, и всё одни выдумки. Вот вино кабы пить, али кабы я обжорой был, али вправду играл. Вот у меня специальность — женщины. Да ведь что и в них-то...

— А любовь...

— Любовь требует развития, а я [6] соскучусь, не выдержу, да и что за охота себя дурачить.[7] А впрочем, знаете ли что я ... жду одной пикантнейшей вещи... Я одну штуку придумал. Оттого и шампанское пью. Мне скучно, говоря без всякого вычура. Я вам прямешенько говорю. Я вот даже вам обрадовался, думал, вы мне что-нибудь скажете.

---

[1] *Было:* понять
[2] *Абзац обведен фигурной скобкой.*
[3] *Было начато:* Разврат?
[4] говорят *вписано.*
[5] Я иногда ∾ с отвращением. *вписано на полях.*
[6] *Далее было:* не способен себя обманывать, т. е.
[7] да и что за охота себя дурачить. *вписано.*

— Веселый у нас разговор происходит, Родион Романыч.

— Такая болезнь, сумасшествие, что бы сталось с миром (фантазия) (побольше таких фантазий).

— Девочка 16-ти лет невеста.

— А мрак, а ужас вас не смущает?

— Что это у вас было тогда за дело, говорил Лужин, правда? Свидригайлов (нахмурясь). Да что... (Я этого не люблю.) N3 и[1] ⟨с. 139⟩

Свидригайлов и Дуня.

— А ведь была минутка, когда вы склонялись и млели.

— Лжешь!

— Ну так начинали склоняться и млеть, я по глазкам видел. А впрочем, женщинам не надо об этом напоминать.

Свидригайлов и Раскольников.

Теория обольщения. Льстить, про всё. Как он обольщал жену от мужа и уверял ее, что она добродетельна (при ужасных мерзостях).

— Вот эти-то контрасты я и люблю.

Бугорки, доктор говорит. (Уныние на него от бугорков.) Для контраста рассказывает и Раскольникову. (Ты убил, а я тебе об Христе.)[2] Рассказ в танц-классе о девочке. Милые шалости.

Ведь я человек мрачный, знаете ли вы это? Вреда не делаю, а сижу в углу. — Иной раз дня три не могут разговорить. [3] ⟨с. 142⟩[4]

Контраст. (Меня и Софья Семеновна контрастом поразила и привлекла.)[5]

Стоял один гроб...

О невесте — жениться иль нет?

У Марфы Петровны договор был, девчонки, но за Авдотью Романовну из себя вышла.

(не серьезно) Это вам не говорила Авдотья Романовна, от нее было скрыто, но я подозреваю, что она знала.[6]

---

[1] *Заметка на полях:* Свидригайлов отнюдь как бы не хвалясь говорит. Он только просто рассказывает Раскольникову (шампанское), как проводил время, танц-класс и проч. А в подробных объяснениях и допросах — не словоохотлив и даже хмурится.

[2] (Ты убил, а я тебе об Христе.) *вписано.*

[3] Ведь я ∾ разговорить. *на полях.*

[4] *С. 142—145 имеют авторскую нумерацию:* 1—4.

[5] (Меня ∾ привлекла.) *вписано.*

[6] (не серьезно ∾ знала. *вписано на полях.*

NЗ. *Главное. После того:*

Свидригайлов и Дуня (сцена насилия). Не удалось. Ночь в разврате. На другой день застрелился. Контрасты. Описания геморроидальных петербургских притонов (поэтичнее).

(Великолепно будет)

Свидригайлов *сидел и долго ловил муху.*

NЗ. Выражение куда-нибудь: «Точно так же как каждый человек на луч солнца отзывается».

13 ноября.

NЗ. Нигилизм — это лакейство мысли. Нигилист — это лакей мысли. ⟨с. 143⟩

— Я выстрелю.

Свидригайлов. Знаю, что выстрелите, — зверок хорошенький.

Раскольникову. Вы не поверите, что значит учтивость с этими забитенькими (невеста, сравнивает свою невесту с Рафаэлевой Мадонной). О Рафаэлевой Мадонне — юродивая.[1]

Мнение его о Соне. Всё в том (высказал свое мнение о Соне),[2] что к ней пришел проститься и ей по завещанию невесту оставляет.

О бугорках.

Теория овладения женщиной. Льстить. Как подла женщина.

Марфа Петровна ему позволяла крепостных, только чтобы он сказывался. Вот только насчет Дунечки возмутилась.

NЗ. Если это бог сочинил для спокойствия божия,[3] то это — великий человек!

NЗ. Свидригайлов и Дуня. — Донесете на него. (Это от вас зависит).

— Дуня. Как вы хотите пленить?

— Зачем? (Я просто изнасильничаю) и с наслаждением и с грязным смехом стал рассказывать.

— Я знала тебя, подлеца. Изверг. Скот.

— Скот? Полюбить вы, знаете ли вы,[4] можете и можете меня в человека [5] пересоздать. ⟨с. 144⟩

NЗ. Катерина Ивановна.

— Не надо священника, бог и без того должен простить, я слишком много страдала. Только деньги тратить. А не простит, так и не надо.

---

[1] О Рафаэлевой Мадонне — юродивая. *вписано.*

[2] (высказал ∾ о Соне) *вписано.*

[3] для спокойствия божия *вписано.*

[4] знаете ли вы *вписано.*

[5] *Было:* человеком

Соня и Раскольников, молча обнявшись, плачут.

Рассказ Свидригайлова о 16⟨летне⟩й, как она его обняла и говорила, что будет хорошей женой.

№3. — В чем же счастье-то, — сказала Соня.

— Счастье есть власть, — сказал он.

На поминках у Катерины Ивановны: начать главу с объяснения бешенства Лужина и о том, что значило для него лишиться Дуни.

На поминках: о пансионе благородных девиц.

А Амалия Ивановна: о белье и романсы.

Катерина Ивановна смеется над нами или Раскольникову выказывает даже веселого характера

Дуня

Не выдержала и приходит на третий день к брату: «Ты убиваешь мать».

№3. ПОСЛЕДНЯЯ СТРОЧКА:

Неисповедимы пути, которыми находит бог человека.

«Что, Соня, что, Лужину ли жить и пакостить или умирать Катерине Ивановне?»

Один из толпы подошел и дал 3 р. «Благодарю вас. Это всё благородные дети. Ничего не дают.

Полечка, поправь платьице, плечико спустилось. Я говорила тогда, что лифчик надо было длинней сделать, вырезка совсем обезобразила».

Ах, если вам случалось видеть труп с полуоткрытыми губами.

Можно даже сказать аристократического семейства.

Катерина Ивановна

Du hast Diamanten und Perlen. [1]

В полдневный жар в долине Дагестана.

(Я до обожания люблю этот романс.)

А и все-то умела сказать: M-me voules-vous du pain? [2] ⟨с. 145⟩

---

[1] У тебя алмазы и жемчуг (*нем.*).

[2] Мадам, не хотите ли вы хлеба? (*франц.*)

ФИНАЛ РОМАНА.

Раскольников застрелиться идет.

Свидригайлов: Я в Америку хоть сейчас рад, да как-то никто не хочет.

Свидригайлов Раскольникову на Сенной:

— Застрелитесь, да я, может быть, застрелюсь.

Вы заметили, что в последнее время больше странностей. Там две утопленницы, там выбросился и закрыл кассу. Время становится игривое. Разве не похоже на пауков?

Свидригайлов — отчаяние, самое циническое.

Соня — надежда, самая неосуществимая.

(Это должен высказать сам Раскольников.)

Он страстно привязался к ним обоим.

Свидригайлов: Застрелитесь, не с вашим характером оставаться в живых, вам 2 пути: или сознаться, или застрелиться. Эй, игривенькие признаки... Не заняты мы... Белоручки, en grand. [1]

— Ну, а заседай мы в палате депутатов, хлопочи из всех сил сбивать министерство, хлопочи о финансах — как тогда?

— Это было бы *ниже* теперешнего состояния. Гаже (как хотите, в белоручничестве много высокого. Но — тогда бы я не застрелился). [2]

— *Ниже?*

— Разумеется. Теперь мы проистлеваемся, не стесняемся обязанностями, нас бьют по роже и мы прячемся, исподлились — ведь это свободнее. Нигилизм в своем роде. — Нигилизма ведь два, и обе точки соприкасаются. Можете себе представить, что накануне пули в лоб я откровенно с вами объясняюсь. Ну, а этакое состояние выше, свободнее, хоть и не так счастливо. Вот захотел и застрелился.

— Да я сгораю любовью к отечеству, нет, переписывай от телева до селева, а своего не заявляй, сгорай, да по регламенту. Согласитесь сами, что и плюнешь на всё.

---

[1] в общем (*франц.*).

[2] *Между строками и на полях: 1.* Только и человеком бы был ничтожнее.

— Послушайте — вы выпили много шампанского.

— Так часто кажется, но то, что я сейчас высказал, право, хоть капелькою да во мне таится. *2.* Статья об Австрии.

Инвалид. Статья об Австрии (игривенький сюжетец).[1] ⟨с. 150⟩

[Я с вами вожусь]
в глазах Порфирия решимость человека, отвечающего за свои поступки
Позвольте посе⟨тить⟩. Я всегда до⟨ма⟩

— А квартиру нанять?

— А я утром от бреду очнулся. А с вечера они меня испугали. Опять точно бред начинался. Я от них убежал, квартиру хотел нанять. Вообразите, думал, что если переберусь на квартиру, то *они* меня не поймают. Впрочем, не пос⟨...⟩ [2]

4-я глава

— Если успел высказать всё то, что мне говорил, — то и довольно. Я могу избавить себя от всех объяснений.
— Берите меня, и почему вы спрашиваете меня без депутата.
— Я не предполагал вас спрашивать. ⟨с. 155⟩

Черновые наброски к главам VI—VII второй части ($ЧН_1$)

— Это што, дядынка, журнал?
— А вот картинки-то, как барыням одеваться, они выставляют их, красками. Иной такая намалевана, что — ах — так бы вот ей.
— Отца-матери только нет.
Раскольников встал и пошел в ту комнату.
— Вам чего?

У моста обморок: стал на мосту. Голова его начала кружиться, огненные колеса, закат, панорама.
Городовые при входе на мост возились с пьяным.
Стал на мосту. Картина.
«Вот и прийти через два часа, когда стемнеет. В Неву, впрочем, лучше...»

С моста.
После утопления

---

[1] *Свидригайлов:* Застрелитесь ∾ сюжетец). *на полях.*
[2] *Далее лист с текстом оборван.*

— Сбегай в контору-то, два шага.

«Ба! до конторы два шага», — подумал Раскольников. Странная мысль, он пошел.

— Нет, постой, дом ⟨*нрзб.*⟩

Текущее.

Ассигнации менял:

— Нет, это не всегда так делается.

— А старуху-то? Ищут его, поди, ловко сделано...

— А как бы вы сделали?

И Раскольников почувствовал какую-то цель, да и Заметов как будто не хотел уж скрывать ее.

Раскольников. Ну уж так и быть — скажу, как бы я сделал. Что? Удовлетворил желанье — а?

— Не стоим мы все его.

— Так и Разумихин мне тогда говорил, когда бить меня хотел, — за мысль!

У моста.

«И чего я спасался давеча от Заметова, после того как уже брякнул ему?»

«Я могу и *так* жить, *но* не хочу из *гордости,* из *презрения».*

У Разумихина. Про Лужина:

«Я подлецом клеймлю, intrus'ом».[1]

«Ведь он давеча правду говорил, а между тем вышла неправда».

N3. Непременно *черту* характера Мармеладова в рассказе Пашеньки.

Мармеладов. N3. Поддерживал голову и запачкался в крови. Голландские рубашки

Черновой набросок конца главы VII второй части (ЧН$_2$)

С первого [2] взгляда Раскольников заметил, что он необыкновенно много выпил, и хотя Разумихин почти никогда не мог напиться допьяна, но на этот раз что-то было заметно.

— Непременно, и знаешь что, я тебя сам провожу домой.

---

[1] Самозванцем (*франц.*).

[2] *Слева на полях зачеркнуто:* Он

Потому если уж ты сам говоришь, что слаб, значит, слаб, но теперь — теперь ты войдешь.

И Разумихин схватил его за руку.

— Не могу! — сказал Раскольников.

— Знаю, знаю, но только на десять минут. На пять минут и не более. Ни за что не пущу. Ты должен для меня это сделать! Видишь: черт с ними со всеми! ты кстати вошел: еще минута, и я бы там подрался, ей богу. Врут такую дичь... Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовраться человек, и потому ты там нужен, я хочу, чтоб ты сейчас же им решил один вопрос. Один только вопрос, и уйди, и я тебя поведу...

— Но это невозможно. Какой вопрос?

— Возможно! идем! пять минут! пять минут! Сядь и скажи им. Если хочешь, буду тебя всё время на руках держать.

Он потащил его насильно.

— Вот разрешит! — крикнул он. — Молчание. Этот не пьян, и в мизинце его больше ума, чем... ну чем хоть у меня. Садись, Родион.

Раскольников с изумлением окидывал собрание. В другом каком-нибудь собрании вечер, дошедший до такого градуса, давно бы обратился в оргию. Здесь уже началась [1] оргия, только другого рода, умственная. Раздавались неестественные крики и споры. Чуть не дрались. Дело шло, разумеется как и всегда, об самых отвлеченных вещах. Расслушать и понять постороннему уже ничего нельзя было. Всё говорило и кричало разом. Раскольников тихо и пристально [2] оглядывал лица. Была молодежь, были и люди уже в летах. Были и такие, которые, конечно, не поверили бы, что и они изменят своей всегдашней светской солидности, что и они кончат тем, что вместе с другими, схватив друг друга за пуговицы или за воротник, будут кричать в одно и то же время, не понимая друг друга. Все заседали за длинным тесовым столом, конечно, принесенным из кухни, к одному концу его был приставлен другой, ломберный. [3] Весь этот длинный стол был уставлен бутылками, стаканами пуншу, водой и покамест еще только черными сухарями в ожидании закуски. Дым от папирос и сигар стоял непроходимый. Старичок, седой и тихий, с прекрасными чертами лица и с умной, снисходительной и ясной улыбкой, сидел вместе со всеми за стаканом пуншу и курил трубку. Были студенты, были два офицера, два художника, француз, не понимавший ни слова, толстейший господин, одетый даже богато, лет пятидесяти, с отвислым и обрюзглым лицом, мало говоривший и неизвестно зачем бывший в этой компании. Когда потом Раскольников, припомнив этого господина, спросил Разумихина, кто такой, то он отвечал:

---

[1] *Вместо:* уже началась — *было:* была
[2] *Было:* внимат⟨ельно⟩
[3] *Далее зачеркнуто:* Таким образом составилось

— Это один... А впрочем, ей богу, не знаю. Может, дядин знакомый, а может, и нет.

Были совершенно молоденькие мальчики, чуть не гимназисты, и были люди весьма в летах и серьезные с виду. Были ничего не знавшие и были пре⟨по⟩даватели лекций. Был один господин, лет под тридцать, с весьма красивым, солидным и благородным выражением лица, которого тотчас же отметил Раскольников и ⟨л. 1⟩ который тоже пристально смотрел [1] или, лучше сказать, осматривал его... [2]

— Стой, — закричал Разумихин, — прежде всего, прежде чем начнешь говорить, позволь: Вот Порфирий... Ты уже слышал давеча, разгов⟨аривали⟩... Здешний пристав следственных дел, мой родственник... Об тебе слышал и желает познакомиться.

— Очень, очень желаю, — сказал тот и протянул Раскольникову руку. Он ничего не пил.

Заметов подбежал и с каким-то горячим, особенным, необыкнов⟨енным⟩ увлечением пожал Раскольникову руку. Тому даже показалось, что он бросится целовать его.

— Это невозможно! — закричал Зосимов, который тоже был совершенно трезв. — Он едва стоит, он упадет, а ты его мучаешь.

— Пять минут, и он в твоих руках, — но пусть разрешит вопрос.

— Да, да, пускай, ничего, с ветру пришел! Послушаем! Начинать. Слово, слово. Оракул.

— Позвольте, господа. Вопросы так не разрешают, — заметил было Раскольников.

— И никто не требует. Мнения, [3] мнения только требуют, вашего личного мнения и больше ничего.

— Скажи и уйди! — подтвердил Разумихин.

Всё это было весьма необычно. [4] В другое время это крайне бы не понравилось бы Раскольникову. Теперь же какое-то особенное ощущение, может быть, на один только миг посетило его. Контраст ли этой гурьбы и крику с тремя или четырьмя последними месяцами совершенного уединения, новое ли психологическое настроение, посетившее его внезапно, вера ли необъятная в новоначавшуюся полчаса назад жизнь.

— Есть тысячи дураков, тупых, с изъяном. Этих мы взялись не брать.

— Есть ли внутреннее наказание?

---

[1] *Вместо:* которого ∾ смотрел — *было начато:* который пристально смот⟨рел⟩

[2] *Далее зачеркнуто:* Б⟨ыл⟩

[3] *Над строкой было вписано:* собствен⟨ного⟩

[4] *Вместо:* весьма необычно — *было:* необыкновенно оригинально

•

— Есть ли это жалость?

— Нет, а к самому наказан⟨ному⟩(?)

— Я не сяду. Я скажу и пойду.

— Господа, я не могу выдержать спора и не желаю. Но высказать мое мнение — могу. Я выскажу и не буду отвечать на возражен⟨ия⟩.

— Нет преступлений.

— Быть не может, врешь, — вскричал Разумихин.

— Не отнимайте слова, к вопросу.

№3 Но деятель может.

— К какой деятельности?

— К какой бы то ни было. Всякая деятельность, даже и злая, полезна.

Провозвестник какой-нибудь новой истины.
Пророк какого-нибудь нового слова.

С теми площадными выходками

до пошлого торжества
до [социализма] цинизма ⟨л. 2⟩

Черновые наброски к главам III—IV третьей части ($ЧН_3$)

— Рядом с Зосимовым.

— Недоставало повязки.

— Здоров, здоров.

— Да я теперь сам вижу.

— Как я вам благодарна! — начала Пульхер⟨ия⟩ Ал⟨ександровна⟩ Зосимову.

— Да я, право, не знаю, — сказал Раскольников, — чем заслужил. Он и *он* (Разумихин то есть). Кроме оскорблений. Да и вам, мамаша, только горе...

— Ах боже мой, когда ты убежал вчера... мы ждали.

— Воображаю, как вам было трудно. [1] Я тотчас же, как проснулся, хотел было к вам идти, не дожидаясь вас, но задержало платье. Я и забыл сказать ей вчера. Оно было в крови запачкано, в этой крови, надо было отмыть и высушить. Только что оделся.

— В крови?

— Не беспокойтесь, маменька, это вчера чиновник Мармеладов умер, в бреду, отдал деньги... Я ходил в бреду по улицам.

---

[1] *Далее было начато:* Кстати я

Но я не жалею. Это ужасная картина и... может быть, вы бы сами отдали. Но я, я, *конечно,* не имел права... Чтоб помогать несчастью, нужно ведь иметь право, т. е. быть богатым, не то: Crevez chiens, si vous n'êtes pas contents. [1] Так ли, Дуня?

— Полно, Родя, я уверена, что всё, что ты сделал, благородно.

— Вы уверены?

— Да, Родя.

— Благодарю вас, — задумчиво и с чувством.

— А однако ж, что касается до вас, ничего, кроме огорчений [2] и даже оскорблений... Я вас обирал и мучил...

— Полно, полно, Родя, не тревожь себя, милый. Напротив, мне хотелось бы. Мы так давно не видались, рассказать бы всё.

— После, маменька, всё успеем... [3]

Зосимов поднялся (прекрасный человек, просторней стало, вошла Настасья). Шпион. И ушел. Это всё... Ну и... Я его прежде знал, я забыл, где впервые его. Это после у того... Помнишь, не доложил, да, да! в рассеянности.

— А помните, как я жениться хотел, девочка горбатая...

Молчание (об Лужине)

— Ты знаешь, Марфа Петровна умерла.

Посмотрел равнодушно.

— А...

— Дуня, я перед тобой вчера был очень виноват и т. д.

(Письмо)

«Прочел. Буду». — «И приходи. И вас». [4]

(Как ты живешь.) Все объяснимся потом, как кончится дело.

Соня.

С ней говорит, встала.

— Да у меня есть одно дело. Я к вам приду.

— Мне с тобой два слова надо бы сказать. Ведь вы дойдете одни. Днем можно.

Всё о Лужине.

Состояние Раскольникова, внизу: «Постой, я сейчас, подожди меня здесь».

Вошел в комнату, заперся.

К дыре. «Странно». И вышел. [5]

(Тем главу кончить.)

---

[1] Подыхайте, собаки, если вы недовольны (*франц.*).

[2] *Было:* не⟨приятностей⟩

[3] *Далее было:* А помните, как я жениться хотел. Помните, как я вас огорчал.

[4] *Далее было:* Соня

[5] *На полях записи:* Я забыл. Ну пошли, ступай, экие предосторожности!

— Так ли, Дуня?

— Нет, не так.

— А так ты вот как думаешь — уж не социалистка ли? Это похвально. Ну и дойдешь до такой черты, что остановишься перед ней — несчастна будешь, а перешагнешь, то, может быть, будешь еще несчастнее. Такая черта есть. Впрочем, это всё метафизика. [1]

Глаза Дунечки засверкали:

— Как «суди по человеку»?

— Это правда, ты говоришь «суди по человеку», — сказал Раскольников.

— Я так не говорила, — сказала Дунечка и с удивлением посмотрела на него, дивясь, что он угадал ее мысли.

— Я во всяком случае не имел права это сделать. Это неблагоразумно и несправедливо. Я согласен и прошу у вас прощения, маменька.

— Полно, Родя, всё, что ты сделаешь, прекрасно, — в восторге мать.

— Да-с, вот в наше время сделают доброе дело и считают его несправедливым, потому что это и действительно так, — сказал Зосимов, — а в ваше время это-то и считалось справедливостью.

Авдотья Ром⟨ановна⟩ слушала с удивлением, для нее-то и говорил Зосимов.

— Ну уж, и в наше-то время такие плуты были, — сказала Пульхерия Алекса⟨ндровна⟩. — Только я не знаю, чем же ваше-то время разнит⟨ся⟩. Как же в ваше-то время добрые дела делаются?

— Это я вам скажу, — сказал Разумихин. — Одни добрые, великодушные и действительно умные люди скажут вам, что грустно и тяжело помогать единично, а что надо корень зла искоренить, насадив добро. Другие, тоже хорошие и добрые люди, но уж слишком засевшие в теории, принесут вам целые томы доказательств — действительно верных (с одной стороны), — что единичное добро не помогает обществу, забывши, между прочим, что оно все-таки помогает единично и вас самих лучше делает и в обществе любовь поддерживает. Ну а дураки и плуты тотчас из этого выведут, что и совсем помогать не надо, что это-то и есть прогресс, что тут-то и вся мысль сидит, чтоб свой кошель не развязывать. Вот у нас теперь как...

Наступило маленькое молчанье.

— Марфа Петровна умерла.

— Охота вам говорить об этом, маменька, успеем.

— Рассказать бы всё...

— Всё много... успеем.

---

[1] *Далее было начато:* Но во всяком сл⟨учае⟩

(разговор вяло и как бы нехотя, беспрерывно удаляясь в стороны)

Зосимов встал.

— Хороший человек.

— Вот и этот. Свинья!

— Что вы как будто меня робеете?

— Дуня, да! он болен, входи.

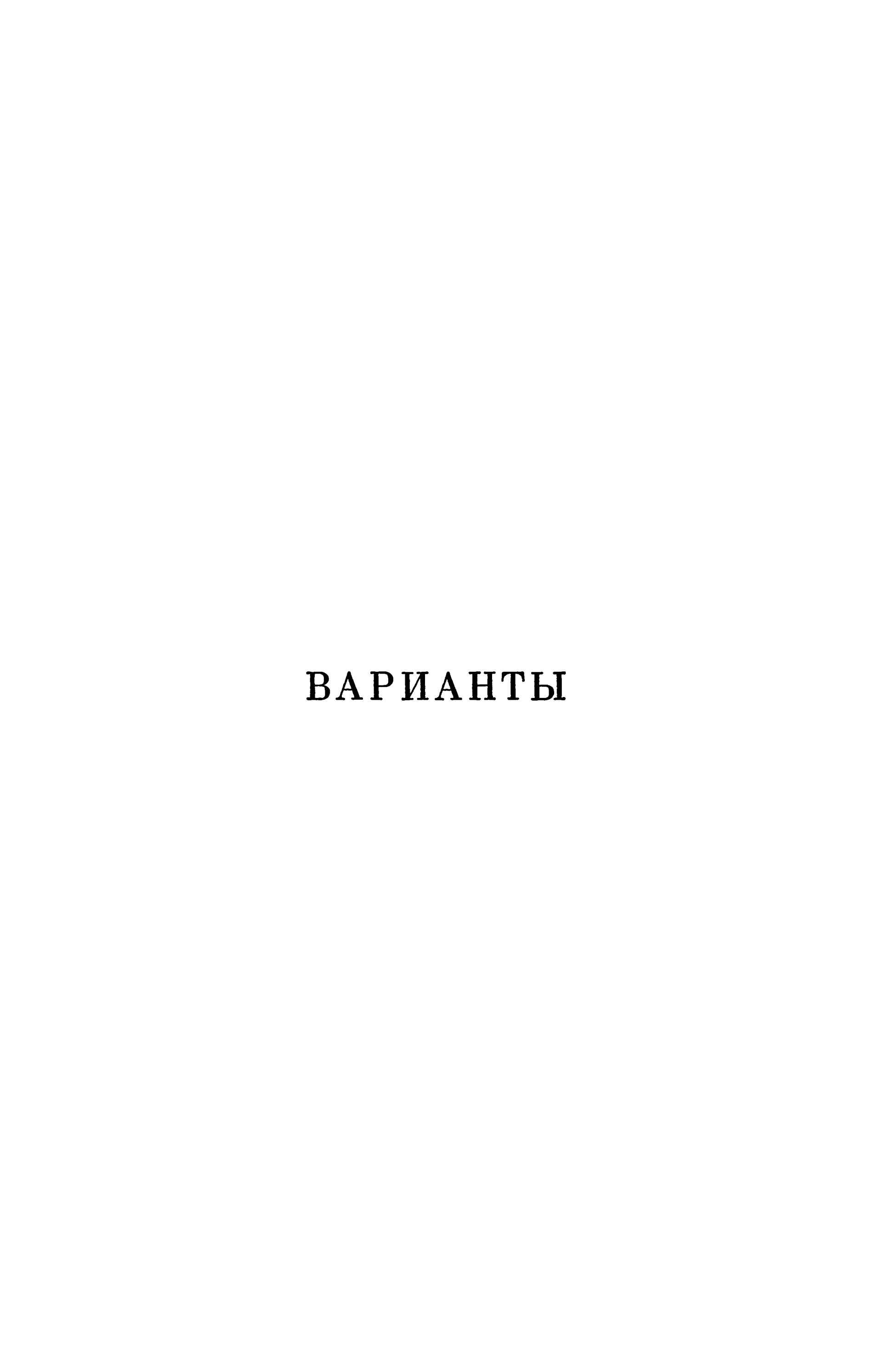
Решить об Марфе Петровне.

в какой каморке

Раскольников сидел на диване ряд⟨ом⟩

N3. Кроме огорч⟨ений⟩, вам ничего. А помните, я жениться хотел.

1. Дуня, я у тебя прощ⟨ения⟩ прошу, письмо.



ВАРИАНТЫ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Том VI, стр. 5)

Варианты чернового и белового автографов (ЧА$_4$ и БА)

Глава VII второй части

Стр. 136.

4 VII/XIII глава◇ (*ЧА*$_4$)

5–6 щегольская ∾ лошадей / с виду богатая и щегольская, барская *Далее: а.* [В ней] с парой великолепных серых лошадей *б.* запряженная парой великолепных гор⟨ячих⟩ серых лошадей◇ *(ЧА$_4$)*

6 седоков/седока◇ (*ЧА*$_4$)

6–7 и сам кучер ∾ уздцы / кучер встал с козел и стоял подле коляски, пугливых лошадей держали под уздцы◇ *(ЧА$_4$)*

8 Кругом теснилось множество народу, впереди всех полицейские. / Кругом народу [было] теснилось множество, [впереди] [всё кричало] впереди всех [у самой коляски] полицейские. ◇ *(ЧА$_4$)*

9–10 У одного ∾ освещал что-то / В руках у одного из них был [мал⟨енький⟩ ф⟨онарик⟩] маленький зажженный фонарик: городовой [нагибался] нагнулся и освещал фонариком что-то ◇ *(ЧА$_4$)*

10–11 Все говорили, кричали, ахали; / Кругом говорили и вскрикивали.◇ *(ЧА$_4$)*

11 в недоумении / в большом недоумении◇ *(ЧА$_4$)*

11–12 повторял / жалобил *(ЧА$_4$)*

13 Экой грех! Господи, грех-то какой! / *а.* Батюшки! Экой грех, экой грех! — говорил он потерявшись. *б.* Экой грех, экой грех! ◇ *(ЧА$_4$)*

14–15 по возможности ∾ любопытства / по возможности сквозь толпу и взглянул на мостовую ◇ *(ЧА$_4$)*

15–17 На земле ∾ платье / На ней лежал раздавленный лошадьми человек, без чувств [весь в крови], по-видимому очень худо одетый, но в «благородном» немецком платье ◇ *(ЧА$_4$)*

17 весь в крови / Он был весь в крови *(ЧА$_4$)*

18 ободрано / изодрано ◇ *(ЧА$_4$)*

19 что раздавили / что его раздавили ◇ *(ЧА$_4$)*

20 Батюшки! — причитал кучер, — как тут усмотреть! / Батюшки! Как тут усмотреть. ◇ *(ЧА$_4$)*

20–21 Коли б я / *Начато:* Ведь *(ЧА$_4$)*

22–23 *Текста:* Все видели ∾ известно!.. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

23–27 Вижу ∾ вот и беда. / Вижу [он] его — шатается, улицу переходит, чуть не валится [раз крикнул, другой, третий] — я ему три раза прокричал, а он прямо под лошадей. Я было хотел остановить-то, а он [не уд⟨ержался⟩] прямехонько-таки пал им под ноги и свалился. Нарочно, што ли, а уж очень был пьян. Лошади молодые, горячие,

[запрягают недавно] испужались — дернули, он [закричал] вскричал — они пуще, вот и [вся] вышла беда. [Чем тут я виноват.] ◇*(ЧА$_4$)*

28–29 *Текста:* раздался чей-то свидетельский отзыв в толпе — *нет.* *(ЧА$_4$)*

30–32 Кричал-то ∾ крикнул третий. / *а.* Кричал, три раза кричал. — Это точно, что он аккуратно три раза ему кричал, — раздавались кругом голоса. *б.* Кричал-то он, это правда, три раза кричал. — Это точно, что аккуратно три раза ему прокричал, — раздавались кругом голоса. — Пьяный человек. Пьяный свечки не поставит.◇ *На полях:* в №-х Зап⟨исной⟩ книж⟨ки⟩. Коли улицу переходишь, так иди постепенно, — оглядываясь. Пьяный свечки не поставит, известно. Кто ж его знал! *(ЧА$_4$)*

33–36 Видно было ∾ как уладить / Видно, что он принадлежал богатому владетелю и не очень заботился. Он ехал [пустой] порожняком; владетель ждал его прибытия за ним, и полицейские [уж конечно, об этом беспокоились, и уж конечно] [уж конечно, об этом беспокоились, а меж тем экипаж приходилось] ужѐ конечно, немало беспокоились о том, как бы [всё это] уладить ◇ *(ЧА$_4$)*

36–38 Раздавленного предстояло ∾ не знал его имени. / Раздавленного же надо было везти в часть и в больницу.◇ *(ЧА$_4$)*

39 протеснился и нагнулся еще ближе / протеснился еще ближе к *(ЧА$_4$)*

40 Вдруг / В эту минуту ◇ *(ЧА$_4$)*

40 осветил лицо несчастного / осветил [самое] лицо раздавленного ◇ *(ЧА$_4$)*

40 он узнал его / *а.* Раскольников узнал его *б.* и он узнал его ◇ *(ЧА$_4$)*

41–42 закричал он, протискиваясь совсем вперед / вдруг закричал он, протискиваясь вперед ◇ *(ЧА$_4$)*

42–43 Мармеладов! / Мармеладов. Я его знаю. *(ЧА$_4$)*

43–44 в доме Козеля... Доктора поскорее! / дом... Доктора, скорей доктора.◇ *(ЧА$_4$)*

45 полицейскому / городовому *(ЧА$_4$)*

45 удивительном / чрезмерном *(ЧА$_4$)*

Стр. 138.

2 назвал и себя / назвал себя ◇ *(ЧА$_4$)*

3–4 уговаривал ∾ в его квартиру / уговаривал [их поскорее] перенести Мармеладова прямо в его квартиру ◇ *(ЧА$_4$)*

5 три дома / 3 дома ◇ *(ЧА$_4$)*

5 *После:* хлопотал он — *начато:* Он помо⟨гал⟩ *(ЧА$_4$)*

5 дом Козеля / дом —ля ◇ *(ЧА$_4$)*

6 пьяный / с выпивки ◇ *(ЧА$_4$)*

7 Я его знаю... / я его знаю, знаю... ◇ *(ЧА$_4$)*

7–10 Там у него семейство ∾ до больницы-то... / Там у него семейство, — кричал он, — жена, дочь. Ему сейчас доктор нужен, сию минуту, а [где] пока еще ждать частного да переносить его. А здесь, верно, в том же самом доме живет. Я заплачу... Кровь пустить можно, либо што... Все-таки его разденут, положат, все-таки уход будет свой [хотя], все-таки умрет между своими. А [останется жив] коли надо, очнется жив, мы сами его, тотчас же сегодня же в больницу можем предоставить... Тут уж, что доктор скажет.◇ *(ЧА$_4$)*

8–18 *Рядом с текстом:* в доме же доктор ∾ бормотал он. — *заметки и наброски:*

Это была не из тех женщин, что падают в обморок. Воды, полотенце, захлопотала.

Заперли — но все-таки сновали.

в колесе...

— Добился своего!

— Он жив, жив, нужно только

— Его в колесе.

Натолпилось народу. Раздевал, помогал. Мармеладова лежала больна, вскочила вне себя...

воды — [очнулся] К Соне. — Сто есь духу беги.

— Умереть-то хоть дайте

Липпевехзель Амалии Карловне: Вы понимаете, хоть мы и живем, но при таком случае вы должны оставить. Иначе к генерал-губернатору, и поступок ваш будет в газетах опубликован.

— Священника! Раскольников послал за священником.

— О треклятая жизнь!

— Священника!

— Пошли-и!

— Ну что ж я теперь буду, что ж я теперь буду!

— Да ведь он только издерживал.

— Я все-таки была не одна.

— Его должны в больницу везти. Я не хочу. Я похороню. Свезем! Свезем! я заплачу́. Нам теперь помогает великодушный человек. Если великодушный человек, имеющий связи, решился помочь и нас защитить. Вы сами знаете, что у Аркадия Семеныча было много друзей и если б только не несчастная слабость его; ибо он, имея такую слабость, сам удалился от них из благородной гордости. Я сама благородная и ваш отец мог быть лакеем у моего. [Мой отец!]

— С шалью танцевала! — крикнул кто-то из дверей.

Она быстро отворила дверь.

— Возьмите! вот! поругайтесь над мертвым! вот он, перед вами. О треклятая жизнь.

Очнулся.

— Босенькая. *(ЧА$_4$)*

11–14 Он даже успел ∾ шагах в тридцати. / Раскольников [кричал] суетился, он даже успел сунуть в руку. Дело, впрочем, было ясное и законное [он успел уговорить]. Раздавленного, всё еще бесчувственного, [понесли] решили перенести для немедл⟨енной⟩ помощи домой, нашлись помощники, дом —ля был ровно в тридцати шагах. ◇ *(ЧА$_4$)*

14–15 осторожно поддерживал голову и показывал дорогу. /в головах у трупа и, суетясь, показывал дорогу. Он задыхался от нетерпенья. ◇ *(ЧА$_4$)*

16–17 Сюда, сюда! ∾ оборачивайте / Сюда. Сюда! На лестницу-то надо головой вверх внести; высоко ведь ◇ *(ЧА$_4$)*

17 Я заплачу / Я заплачу, я заплачу ◇ *(ЧА$_4$)*

19–43 Катерина Ивановна ∾ ярче, чем прежде. / Добрались до 4-го этажа.

[Семья Мармеладова была в эту минуту точно] [Странно, что] В это время Катерина Ивановна опять по-прежнему ходила сложа руки по комнате; дверь на лестницу была отворена настежь, чтоб хоть сколько-нибудь защититься внутри от волн табачного дыма, беспре⟨рывно⟩ врывавшихся из отворенных внутренних дверей и заставлявших мучительно кашлять бедную чахоточную.

Старшая девочка раздевала [на стуле] мальчика и укладывала спать. [Он] В ожидании он сидел на стуле в одной худенькой рубашечке, прямо и недвижимо, с протянутыми вперед ножками, плотно вместе сжатыми, пяточками на себя вперед и носками врозь. Девочка что-то рассказывала ему, кажется сказку; он слушал серьезно, надув губки, [раскрыв] выпучив глаза, не шевелясь — точь-в-точь как [сидят] обыкновенно должны сидеть все умные мальчики, когда их раздевают. Маленькая девочка, в совершенных лохмотьях, стояла у ширм и смотрела, как раздевают старшего брата. ◇ *На полях помета:* Она всегда *(ЧА$_4$)*

44–47 Ты не поверишь ∾ погубит! / *а.* Ты не можешь и знать, Поленька, ты не можешь вообразить себе в этой жизни то, как я росла. *б.* Ты и вообразить не можешь, Поленька, и вообразить себе не можешь теперь, как я росла и как этот пьяница погубил всех нас.◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 138—139.

47–1 Папаша ∾ ездили / *а.* Папаша был полковник и почти губернатор, все к нему ездили. *б.* Мой папенька был статский полковник и уже

почти губернатор, ему оставалось только два шага до настоящего губернатора, все к нему ездили. ◇ *($ЧА_4$)*

Стр. 139.

1–2 *Текста:* и говорили ∾ губернатора». — *нет.* *($ЧА_4$)*

2–8 Когда я ∾ выпуске?»... / *а.* Когда на последнем бале меня увидала княги⟨ня⟩ Беземельская, она спросила: «Кто это прелестная особа?..» *б.* Когда на последнем бале меня увидала княги⟨ня⟩ Беземельская, которая образом меня благословляла, когда я выходила за твоего покой⟨ного⟩ отца, Поля, она была даже пораж⟨ена⟩ и спросила: «Не та ли это прелестная особа, которая на выпуске танцевала?» ◇ *($ЧА_4$)*

9–11 взяла бы иглу ∾ крикнула она надрываясь / взяла бы иголку да сейчас бы и заштопала. А то ночью руками раздерет. ◇ *($ЧА_4$)*

11–16 Тогда ∾ сердился... / Тогда еще приезжал из Петербурга камер-юнкер князь Щегольской, так он протанцевал со мной мазурку и на другой же день хотел просить руки моей. Но я сама отвергла его. ◇ *вписано на полях и между строками ($ЧА_4$)*

17–25 А вода ∾ Господи! / Вода-то готова? [Вот сейчас вымыть, а к завтрему ему и будет готово надеть...] А то ведь просмотр⟨ишь⟩. Скинь рубашечку. Эх ты, Полечка, а чулки-то забыла? Давай сюда! Что это трекля⟨тый⟩ пьяница не идет. Жди его, рубаху заносил, что нельзя... Что это? Что это? — закричала она вдруг, глянув на толпу в сенях и на людей, теснившихся с какой-то тяжелой ношей, в ее комнату: — Что это? ◇ *($ЧА_4$)*

26–28 Куда ж тут ∾ бесчувственного Мармеладова. / *а.* Куда положить прикажете? *б.* Куда же тут положить? — [спросил] говорил полицей⟨ский⟩, осматриваясь у Мармеладова. ◇ *($ЧА_4$)*

29–31 На диван! ∾ кто-то из сеней. / На диван, кладите на диван, — крикнул Раскольников. — Сюда прямо, вот сюда головой.
— Раздавили лошади, раздавили лошади хмельного, — крикнул кто-то. ◇ *($ЧА_4$)*

32–34 Катерина Ивановна ∾ затряслась. / *а.* Катерина Ивановна стояла вся бледная и трудно дышала, дети перепугались. *б.* Катерина Ивановна остолбенела от испуга. Маленькая девочка вскрикнула, заплакала и бросилась к старшей. ◇ *($ЧА_4$)*

35–40 Уложив ∾ заплачу! / — Он переходил улицу, его раздавили, не беспок⟨ойтесь⟩, я велел сюда нести... я у вас был, помните, — говорил Раскольников наскоро Катер⟨ине⟩ Ива⟨новне⟩. — Не беспокойтесь. Он очнется. Я заплачу... Я за всё запл⟨ачу⟩ ◇ *($ЧА_4$)*

41–48 вскрикнула Катерина Ивановна ∾ готовые вырваться из груди. / вскрикнула [Мармеладова] Катер⟨ина⟩ Ив⟨ановна⟩ [вспле⟨снув⟩], заломив руки. — О-о-о!
— Ради бога, не отчаивайтесь! — крикнул было Раскольников. Но та уже его не слушала. [Она бросилась к бесчувственному и засуетилась.] Больного по ее указанию положили на диван. Она бросилась за подушкой. Изредка из ее груди раздавались восклицания, но она подавляла их [и суетилась]. Вместо обморока она бросилась подать помощь. [Это б⟨ыла⟩] [Кажется, эта бедная женщина до того] Она не потерялась. ◇ *($ЧА_4$)*

Стр. 140.

1–2 уговорил меж тем ∾ жил через дом / меж тем уговорил кого-то сбегать за доктором, который жил в двух шагах ◇ *($ЧА_4$)*

4 Нет ли воды? .. / Нет ли свежей воды? [Для] ◇ *($ЧА_4$)*

5–6 неизвестно ∾ будьте уверены... / *а.* Неизвестно, как он ранен! *б.* Неизвестно еще, как он ранен! Он ранен, а не убит, будьте уверены, он очнется ◇ *($ЧА_4$)*

7 бросилась к окну / *а.* бросилась в угол к *б.* бросилась за водой к окну *($ЧА_4$)*

8–21 установлен был ∾ Мармеладова. / приготовлена была в глиняном тазу вода для ночного мытья детских рубашонок, [чтоб] что делывалось [почти всегда] два раза в неделю, ибо почти не было рубашек на смену, когда уложат детей, чтоб к утру белье, вывешенное за окно, успело просохнуть. Старшая девочка помогала в работе, таскала воду и проч. Катерина Ивановна схватилась было за таз и приподняла его, но ей было не по силам.

— Не надо! Не надо! — кричал Раскольников, — дайте только полотенце, — и, схватив наконец какую-то оборванную тряпку, погрузил ее до половины в воду и, приложив к испачканному кровью лицу несчастного, стал смывать кровь с лица и с головы. ◇ *На полях вписано:* Катерина Ивановна не могла видеть на своих детях заношенного бельишка. *(ЧА*$_4$*)*

21–22 *Текста:* Катерина Ивановна ∾ помощь. — *нет. (ЧА*$_4$*)*

22–23 Раскольников / Он ◇ *(ЧА*$_4$*)*

23 *Слов:* он, может быть, — *нет. (ЧА*$_4$*)*

25 *После:* недоумении — Только бы доктор поскорее, только бы доктор. Он всё решит. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

27–28 всё равно ∾ воротится / скажи, что когда воротится, чтоб ей тотчас сказали, что [приходили за ней и чтоб она шла немедля] отца ее лошади раздавили, умирает, и чтоб она бросила всё и сюда бежала ◇*(ЧА*$_4$*)*

29 Скорей, Поля! На, закройся платком! / Скорей, беги, беги... Нечего одеваться, на, возьми мой платок. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

31–32 и сказав это ∾ сиденье / *а.* и погрузился в прежнее сид⟨енье⟩ *б.* и, сказав это, погрузился опять в прежнее важное прямое сиденье ◇ *(ЧА*$_4$*)*

34–36 оставался ∾ на лестницу / всё еще оставался на время и выгонял лишнюю публику в сени ◇ *(ЧА*$_4$*)*

36 Зато / [К несчастью] Но зато ◇ *(ЧА*$_4$*)*

37 чуть не все жильцы госпожи / все жильцы [Амалии] г-жи◇ *(ЧА*$_4$*)*

38 в самую комнату / в самую комнату [осматривать Мармеладова]. Это тотчас же *(ЧА*$_4$*)*

40–41 *Слов:* закричала она на всю толпу — *нет. (ЧА*$_4$*)*

41 что за спектакль нашли! ∾ Кхе-кхе-кхе! / Что за спектакль? С папиросками. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

42 И то / и так ◇ *(ЧА*$_4$*)*

42–43 К мертвому телу хоть уважение имейте! / К смерти-то хоть имейте состраданье. ◇ *На полях помета:* Кашель *(ЧА*$_4$*)*

44–45 *Текста:* Кашель ∾ побаивались — *нет. (ЧА*$_4$*)*

Стр. 140—141.

45–4 жильцы ∾ напрасно. / Жильцы все один за одним протеснились обратно в дверь, с равнодушным и даже довольным, как всегда бывает в таких случаях, выражением лиц, и что видно даже сквозь маску сожаления. Впрочем, послышались голоса про больницу, что здесь не место беспокоить... ◇ *(ЧА*$_4$*)*

Стр. 141.

5–12 Умирать-то! ∾ изтопталь. / Умирать-то, — крикнула Катерина Ивановна, но в эту минуту протеснилась в дверь сама Амалия Липпевехзель и, притворив дверь за собой, всплеснула руки и вскрикнула, смотря на окровавленного Мармеладова:

— Ах, боже мой! [Что это будет!] Ваш муж пьян лошадь затопталь. ◇ *На полях заметки к последующему тексту:* Объяснение с Амалией. Он очнется. Священника, пошли! Исповедь. Что вы исповедь подслушиваете. Босенькая. Доктор — в колесе. Священник. Соня. С шалью танцевала. *(ЧА*$_4$*)*

13–19 Амалия Людвиговна! ∾ говориль мне Амаль Людвиговна / Амалия Людвиговна! потому что вы не Ивановна, а Людвиговна. Прошу вас [велите сейчас, вспом⟨ните⟩ себя], вспомните [себя]... что вы говорите.

— Я всегда себя помпналь, а вы не помпналь. Я вам сказаль раз-на-прежде, чтоб вы никогда не смель зываль меня Амаль Людвиговна.◇ *Между строками помета:* Громкий кашель. *($ЧА_4$)*

20–25 Амалия Людвиговна ∾ название не нравится. / Амаль Людвиговна, и я это всегда буду вам говорить, потому что не принадлежу к вашим подлым льстецам, как г-н Лебезятников. ◇ *($ЧА_4$)*

25–26 Вы видите ∾ умирает. / Вы видите, что случилось с моим [мужем] Аркадием Степанычем. Он умирает.◇ *($ЧА_4$)*

26–27 сейчас запереть эту дверь и не впускать сюда никого / [заприте] запереть эту дверь◇ *($ЧА_4$)*

27 умереть спокойно! / умереть-то покойно.◇ *($ЧА_4$)*

28 завтра же поступок ваш / ваш поступок◇ *($ЧА_4$)*

29 *После:* генерал-губернатору — Я сама пойду.◇ *($ЧА_4$)*

29–31 *Фразы:* Князь знал ∾ благодетельствовал. — *нет.* *($ЧА_4$)*

31–39 Всем известно ∾ Катерины Ивановны. / Нам помогает теперь великодушный человек, имеющий связи... Не беспокойтесь, вам заплатят. Вы сами знаете, что у Аркадия Степаныча было много друзей, которых он сам оставил из благородной гордости, потому что, имея такую несчастную слабость, он не хотел...

Говоря это, Катерина Ивановна суетилась, бегала, хлопотала, рвала последние детские рубашонки на бинты и перевязывала пострадавшего.◇ *Между строками вписано:* которые теперь генералами служ⟨ат⟩. *На полях помета:* Кашель. *($ЧА_4$)*

39–42 В эту минуту ∾ редко; / В это время раздался стон. Больной открыл глаза и, еще ⟨не⟩ понимая хорошо, смотрел на склонившегося к нему Раскольникова. Он очень тяжело дышал, хрипло, глубоко и редко.◇ *($ЧА_4$)*

Стр. 141—142.

43–2 Не узнав Раскольникова ∾ она ему. / Ему было очень трудно. Катерина Ивановна, не договорив [бросилась к нему и], смотрела на него [с полным] грустным [отчаянным], но строгим взглядом. Глаза ее стали вдруг наполнены слезами.

— Надо снять с него платье. Боже, сколько [на груди] крови на груди! *Далее вписано позднее:* У него вся грудь изранена. Повернись немного, Семен Захарыч, если можешь.◇ *($ЧА_4$)*

Стр. 142.

3–4 Мармеладов ∾ голосом. / Священника! — проговорил Мармеладов, узнав Катерину Ивановну.◇

5–6 прислонилась лбом ∾ с отчаянием воскликнула / [стала] и, прислонив свою голову к оконной раме, с отчаянием вскрикнула◇ *($ЧА_4$)*

7 *После:* О треклятая жизнь! — Наступило опять молчание. В комнате была тяжелая тишина, полная ожидания, стенные часы в углу с гирей на веревке отбивали секунды. Раскольников беспокоился о докторе и хотел сам бежать.◇ *Между строками вписано:* Обтирает полотенцем кровь и не мог дождаться док⟨тора⟩ *($ЧА_4$)*

8–9 проговорил опять умирающий после минутного молчания / проговорил Мармеладов◇ *($ЧА_4$)*

10–16 он послушался ∾ глазами. / не отрываясь от окна, и он замолчал. Она опять подошла к нему и стала у изголовья. Задумчивыми и робкими глазами он отыскивал ее взгляд, но остановил на маленькой девочке, Лидочке, больной и его любимице, дрожавшей в углу и смотревшей на него большими отворенными глазами.◇ *($ЧА_4$)*

17 указывал он на нее / указывал он◇ *($ЧА_4$)*

17–18 *Фразы:* Ему что-то хотелось сказать. — *нет.* *($ЧА_4$)*

19 Чего еще? / *а.* Чего? *б.* Чего тебе?◇ *($ЧА_4$)*

20–21 бормотал он ∾ указывая / говорил он, полуумным взглядом [показывая] кивая◇ *($ЧА_4$)*

22 раздражительно крикнула / крикнула◇ *($ЧА_4$)*

24 — Слава богу, доктор! / [Больной] Умир⟨ающий⟩ замолчал. Опять наступил покой.

— А вот, кажется, и доктор ◇ *(ЧА$_4$)*

25–28 Вошел доктор ∾ обнажил грудь больного. / [Действительно] Вошел доктор [почтенный], аккуратный старичок, во фраке, озираясь с недоверчивым видом.

— [Это частный доктор не видал? — говорил] Что частный доктор не был еще? — спросил он и подошел к больному, взял пульс, слегка ощупал голову и, расстегнув всю смоченную кровью рубашку, в чем сильно хлопотала Катерина Ивановна, обнажил грудь. [Доктор нак⟨лонился⟩] ◇ *(ЧА$_4$)*

29 измята / и измята *(ЧА$_4$)*

30 на самом / у самого *(ЧА$_4$)*

32 копытом / лошадиным копытом ◇ *(ЧА$_4$)*

33 захватило в колесо / *а. Как в тексте. б.* захватило в колесо рукой и коленом ◇ *(ЧА$_4$)*

35 как он еще очнулся, — шепнул / как еще он [жив] очнулся! — сказал ◇ *(ЧА$_4$)*

37 спросил тот / спросил его тот ◇ *(ЧА$_4$)*

38 Сейчас умрет. / Он кончае⟨тся⟩. *(ЧА$_4$)*

39 Неужели никакой надежды? / И никакой надежды? ◇ *(ЧА$_4$)*

40–41 При последнем ∾ Гм. / Да уж он отходит. ◇ *(ЧА$_4$)*

42–43 Через ∾ непременно. / *а.* Он умирает, он через пять или десять минут умрет наверно. *б.* Через пять или десять минут он умрет непременно. ◇ *(ЧА$_4$)*

45 Пожалуй... / Да, пожалуй. Если хотите, пошлите за цирюльником, здесь, кажется, есть в этом доме. ◇ *(ЧА$_4$)*

47–48 толпа в сенях ∾ появился священник / и на пороге [явился] показался священник ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 143.

1 седой старичок. За ним ходил полицейский, еще с улицы. / *а.* Это был седой старичок. *б.* За ним было послано еще с самого начала, с согласия Катер⟨ины⟩ Ив⟨ановны⟩. Это был седой старичок. ◇ *(ЧА$_4$)*

1–4 Доктор ∾ остался. / Он поклонился на все стороны и подошел к больному. Доктор тотчас дал ему место и обменялся с ним значительным взглядом, который священник очень хорошо понял. *Далее вписано между строками и на полях:* Затем пожал плечами, расставил руки и пошел из комнаты. Раскольников догнал его и сунул ему рубль серебром. ◇ *(ЧА$_4$)*

5 *Фразы:* Все отступили. — *нет. (ЧА$_4$)*

5 *После:* недолго. — Священник торопился, [он вынул дары] отпустил все грехи и стал приобщать его. ◇ *(ЧА$_4$)*

5–7 *Фразы:* Умирающий ∾ звуки. — *нет. (ЧА$_4$)*

7–13 Катерина Ивановна ∾ удовольствие. / Катерина Ивановна [вначале] с начала исповеди [стала в уголок на колени и взяла туда] взяла обоих детей и стала в уголок на колени. Девочка вся дрожала и не плакала только от испуга. Мальчик стал на голеньких коленочках, подымал ручонку, крестился сам полным крестом и кланялся в землю, что, по-видимому, делал с особенным удовольствием. *Далее позднее вписано на полях:* думая, что его похвалят. Катерина Ивановна нашла, впрочем, минуту поправить раза два его крест и сложить ему как следует пальцы. ◇ *(ЧА$_4$)*

13–16 закусывала губы ∾ молясь. / [кус⟨ала⟩] закусывала ⟨губы⟩ и сдерживала этим рыдания, оправляя, между прочим, рубашечку на ребенке, а на плечи девочки накинула косынку, которую [достала] успела достать с комода. Раскольников отошел к окну. ◇ *(ЧА$_4$)*

16–20 Между тем ∾ комнаты. / *а. Начато:* В сенях теснились жи⟨льцы⟩ *б.* Двери из внутренних комнат стали опять отворяться, и целая группа любопытных наблюдала церемонию, в сенях же плотно теснились

жильцы со всей лестницы — кухарки, служанки, дети, мужики. ◇ *На полях заметки:* Свеч⟨ка⟩ как в
заглядыв⟨ают⟩ опять, отворили дверь. Свет.
Кат⟨ерина⟩ Ив⟨ановна⟩ заплакала *(ЧА$_4$)*

20 Один только огарок / Один [ту⟨склый⟩] сальный огарок ◇ *(ЧА$_4$)*

21–23 быстро протеснилась ∾ бега / *а.* протеснилась Поленька, бегавшая за Софьей Аркадьевной. Она вошла в комнату тяжело дыша, бледная *б.* быстро протеснилась в комнату Поленька, бегавшая за Софьей Аркадьевной. Она вошла, едва переводя дух от быстрого бега ◇ *(ЧА$_4$)*

24 «Идет! на улице встретила!» / «Идет!» *(ЧА$_4$)*

25 и поставила подле себя / подле себя *(ЧА$_4$)*

25 *После:* поставила подле себя. — Раскольников [смотрел в сени] начал выглядывать. Он тоже чего-то ждал и странно — с [каким-то ощущением] какой-то тревогой. ◇ *(ЧА$_4$)*

25–42 Из толпы ∾ глазами. / Вдруг из толпы тихо и неслышно протеснилась девушка [странно одетая — странно для такой обстановки]. Странное это было появление, среди бедности, нищеты и отчаяния. Она была в новенькой лиловой мантильке, в светлом платьице, с щегольской омбрелькой в руках, в поношенных, но хорошеньких перчатках и в соломенной круглой шляпке с огненно-алым пером. Она [не перешла за порог и] остановилась в сенях у самого порога, но не перешла за порог. При ее появлении поднялся [и] на лестнице говор, а из внутренних комнат [даже смех и] кто-то громко плюнул. Но вошедшая, казалось, уж и не могла обратить ни на что внимания: она стояла как потерянная. Сколько мог разглядеть Раскольников, она была среднего роста, восемнадцатилетняя, худенькая, но довольно хорошенькая блондиночка, с [робкими, а теперь испуганными чертами лица] робким, а теперь испуганным лицом, вся бледная, с раскрытым ртом и глазами. ◇ *(ЧА$_4$)*

44 от скорой ходьбы. / от скорого бега. Девочка не застала ее дома и встретила случайно на улице. ◇ *(ЧА$_4$)*

44–45 шушуканье, некоторые слова в толпе / шушукание и некоторые слова в сенях ◇ *(ЧА$_4$)*

45 потупилась / осмотрелась, потупила глаза ◇ *(ЧА$_4$)*

46 опять-таки в самых дверях / *а. Как в тексте. б.* все-таки у самых дверей ◇ *(ЧА$_4$)*

47–48 *Фразы:* Катерина Ивановна снова подошла к постели мужа. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

Стр. 143—144.

48-2 и уходя ∾ Катерине Ивановне / *а.* обратился было сказать два слова к Катерине Ивановне *б.* и обратился было сказать в [утеш⟨ение⟩] напутствие и утешение два слова к Катерине Ивановне ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 144.

3–4 резко и раздражительно перебила она / *а.* спросила она священника *б.* резко спросила она священника *в.* перебила она его утешительные речи ◇ *(ЧА$_4$)*

7 Э-эх! / Эх, батюшка, ◇ *(ЧА$_4$)*

8 Это грех, грех, сударыня, — заметил / Это грех! Грех-с, сударыня! — ответил ◇ *(ЧА$_4$)*

10–11 показывая на умирающего / указывая на умирающего ◇ *(ЧА$_4$)*

12–13 Быть может ∾ хоть бы / Может быть, те, которые были причиною, вознаградят вас хотя бы ◇ *(ЧА$_4$)*

14–19 Не понимаете ∾ Убытку меньше! / *а.* — Э-эх! — Она махнула рукой. — Чем вознаграждать? За что? Ведь он пьяный сам полез под лошадей, да [к тому] от него и не доход, а убыток был один, всё пропивал... Он ихнюю да мою жизнь погубил — [а он] и слава богу, что помирает. *б.* — Э-эх! Не поняли вы меня. — Она махнула рукой. — [Да и з⟨а⟩] Да и чем вознаграждать? За что? И искать нельзя. Ведь он

пьяный сам полез под лошадей, да от него и не доход, а убыток был один, всё пропивал... Ведь он пьяница. Он ихнюю да мою жизнь в кабаке пропил, и слава богу, что помирает. ◇ ($ЧА_4$)

20–21 а это грех ∾ грех! / *а.* это грех, это грешно. *б.* это грех, грех, сударыня, очень грешно. ◇ ($ЧА_4$)

22–26 *Текста:* Катерина Ивановна ∾ в исступлении. — *нет.* ($ЧА_4$)

27–33 Эх, батюшка! ∾ И то простила! / Эх, вы всё только говорите да говорите: простить! Вот он пришел бы пьяный, рубашка-то на нем одна, и заношенная. Сам бы завалился спать, а я бы до трех часов полоскалась, рубашку бы его мыла да детей обмыть надо, да потом высушила бы [на солнце] всё на восходе солнца и штопать бы [стала] начала, вот моя и ночь... Так чего уж тут говорить о прощении? И то простила давно! ◇ ($ЧА_4$)

34 Глубокий, страшный кашель / Глубокий кашель ◇ ($ЧА_4$)

34–37 Она отхаркнулась ∾ в крови... / Она [плюнула] вынула свой носовой платок и показала священнику, платок был весь в крови. [Она] *Далее вписано на полях и между строк:* — Вот смотрите! мое житье! А они-то на кого останутся! Не бог, да вот еще кормит. Дворянская дочка, титулярная советница, с желтым билетом по улице шляется, он ⟨?⟩ довел. Э-эх! болтовня! ◇ ($ЧА_4$)

38 Священник поник головой и не сказал ничего. / Бросив священника, она подошла к мужу. Священник перекрестился и намеревался уж было выходить, любопытно посматривая на молоденькую испуганную [девушку с огненным пером, стоявшую в самых дверях] и разодетую [судя по всей] в сравнении с окружающей обстановкой девушку. ◇ ($ЧА_4$)

39–44 Мармеладов ∾ повелительно / [Но уже наступала последняя агония. Мармеладов] В эту минуту Мармеладов в последней агонии встретил глаза Катерины Ивановны, склонившейся над ним. Он пошевелил рукой, губами и хотел было [ей] что-то сказать. [Вероятно, он] Он, конечно, слышал разговор ее с священником. Но Катерина Ивановна, смотревшая на него с глубоким [состраданием] страданием и горечью и вся в слезах, вдруг повелительно ◇ ($ЧА_4$)

44–46 крикнула на него ∾ умолк; / *а.* крикнула ему:

— Молчи-и-и! — и он умолк, не спуская с нее глаз. *б.* крикнула ему, что совершенно противоречило ее слезам:

— Молчи-и-и! Знаю, что сказать [можешь] хочешь, молч-и! Не надо! — и он умолк, не спуская с нее глаз.

Опять молчание, опять затикали часы, священник медлил. ◇ *На полях:* тяжело дышал. Тишина. ($ЧА_4$)

46–48 но в ту же минуту ∾ в тени. / [Дети] [Он] [В это мгновение слу⟨чилось⟩] Но в то время, когда Катерина Ивановна вздумала было чуть-чуть поправить под головой его окровавленную подушку, взгляд его случайно упал на дверь. ◇ ($ЧА_4$)

Стр. 145.

1–3 хриплым ∾ усиливаясь приподняться. / [хотя за минуту уже] хриплым [задыхающимся] голосом. Он протянул руку и с ужасом показывал на дверь, на то место, где стояла дочь. ◇ *Между строками пометы:* Он еще не видал ее до сих пор. Она стояла в тени. Весь задрожал. Пусть вой⟨дет?⟩ ($ЧА_4$)

5–10 Но он с неестественным усилием ∾ отцом. / Но он уже вставал, он [приподнялся] приподнимался на руке с чрезвычайным усилием, весь дрожа от ужаса, испуганным, *недоверчивым* и страдальческим взглядом смотря на свою Соню, разодетую по-уличному, с алым пером. Вдруг он узнал ее. ◇ ($ЧА_4$)

8–10 Вдруг ∾ отцом. / вдруг он узнал ее и понял всё, — понял ее приниженную, убитую, расфранченную и стыдящуюся, смиренно ожидающую в углу пока [чтоб кпнуться к] своей очереди проститься. ◇ *вписано на полях.* (*БА*)

10–11 Бесконечное страдание / Необыкнов⟨енное⟩ чувство ◇ *(ЧА$_4$)* [1]
12 Соня! / Соня! — вскрикнул он. — Соня! ◇ *(ЧА$_4$)*
12–13 протянуть к ней руку, но, потеряв опору / протянуть к ней обе руки, по [лишив⟨шись⟩] потеряв опору ◇ *(ЧА$_4$)*
14–16 поднимать его ∾ объятии. / подымать его, подняли, положили, но ⟨он⟩ уже отходил. [Через минуту он умер.] Соня бросилась к нему и обняла его. ◇ *(ЧА$_4$)*
18 ну, что теперь делать! / Ну, что вы теперь скажете! *Далее: а.* Что? — крикнула она к священнику, который был свидетелем последней сцены *б.* Что! — крикнула она, в исступ⟨лении⟩ и заломив руки, священнику, который еще не ушел и был свидетелем последней сцены ◇ *(ЧА$_4$)*
18–19 Чем я ∾ накормлю? / чем я похороню его, чем? чем? А чем их-то, их-то накормлю? *(ЧА$_4$)*
20 подошел / тихо подошел *(ЧА$_4$)*
21–22 начал он ей, — на прошлой неделе / сказал он [тихо], дрожа от волнения, — один раз на прошлой неделе ◇ *(ЧА$_4$)*
23 говорил об вас / [возд⟨авал⟩] [понимал себя] говорил ◇ *(ЧА$_4$)*
23–24 Будьте уверены ∾ уважением. *вписано.* *(ЧА$_4$)*
27–28 теперь... способствовать / *а.* и теперь способствовать *б.* и теперь участвовать ◇ *(ЧА$_4$)*
29 Тут... двадцать рублей, кажется / двадцать рублей ◇ *(ЧА$_4$)*
31 *Рядом со словом:* Прощайте! — *на полях помета:* Ему хотелось поскорее быть одному. *Господин* *(ЧА$_4$)*
32 поскорей протесняясь / и протеснился ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 145—146.

33–5 *Текста:* но в толпе ∾ прощение. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

Стр. 146.

5–8 На половине ∾ поклоном. / За ним вышел священник. Раскольников молча пропустил его мимо себя и пошел сзади. Он сходил тихо; глубокое волнение было в его душе. ◇ *(ЧА$_4$)*
8–10 *Текста:* Но уже сходя. ∾ Послушайте!» — *нет.* *(ЧА$_4$)*
11 Он / Раскольников *(ЧА$_4$)*
13 Раскольников / и Раскольников ◇ *(ЧА$_4$)*
13–15 худенькое ∾ смотревшее / *а.* [улыб⟨ающееся⟩] личико, улыбающееся ему и весело на него смотревшее *б.* худенькое, но милое личико девочки, [детски] улыбающееся ему и весело по-детски на него смотревшее ◇ *(ЧА$_4$)*
15 Она прибежала / Она была *(ЧА$_4$)*
17 а еще: где вы живете? / и где вы живете? ◇ *(ЧА$_4$)*
18 *Слов:* торопясь, задыхающимся голоском — *нет.* *(ЧА$_4$)*
19–20 с каким-то счастьем глядел / *а.* пристально поглядел *б.* тихо глядел ◇ *(ЧА$_4$)*
20 *После:* смотреть — Она засмеялась ему. ◇ *(ЧА$_4$)*
20 21 *Слов:* он сам не знал почему. — *нет.* *(ЧА$_4$)*
22 А кто вас прислал? / А кто вас прислал, Поленька? *(ЧА$_4$)*
23 прислала / послала ◇ *(ЧА$_4$)*
23–24 еще веселее / еще больше *(ЧА$_4$)*
24 *После:* улыбаясь — *было начато:* А лю⟨бите⟩ *(ЧА$_4$)*
26 прислала / послала ◇ *(ЧА$_4$)*
26–27 стала посылать ∾ «Поскорей беги / стала мне говорить, мамаша тоже сказала: «[да] поскорей [спроси] беги ◇ *(ЧА$_4$)*
29 Любите / А любите ◇ *(ЧА$_4$)*
31 проговорила ∾ серьезнее / *а.* отвечала Поленька, не переставая улыбаться *б.* проговорила Поленька и улыбка ее стала серьезнее ◇ *(ЧА$_4$)*
33 он / Раскольников ◇ *(ЧА$_4$)*

[1] Необыкнов⟨енное⟩ чувство изобразилось в лице его. *вписано.*

34 пухленькие губки, наивно протянувшиеся / две пухленькие губки, протянувшиеся ◇ ($ЧА_4$)

35 Вдруг тоненькие, как спички, руки / Во время поцелуя она как бы еще больше раскрыла свои большие, блестящие глаза, чтоб глядеть на него, но вдруг руки ◇ ($ЧА_4$)

36–37 голова ∾ к нему / головка склонилась к его плечу, и девочка вдруг зарыдала, прижимаясь лицом к его плечу ◇ ($ЧА_4$)

38–39 поднимая / подымая [от] ◇ ($ЧА_4$)

39 *После:* личико — *а. Начато:* А вы его *б.* Она вытирала руками глаза. *в.* и вытирая глаза. ◇ ($ЧА_4$)

39–42 *Текста:* всё такие ∾ «большие». — *нет.* ($ЧА_4$)

43 А папаша вас любил? / А он вас очень любил? ◇ ($ЧА_4$)

44–46 *Текста:* продолжала ∾ большие — *нет.* ($ЧА_4$)

Стр. 146—147.

46–3 потому любил ∾ образование. / *а.* потому что она больная, и нас всех читать учил, а мамочка его за это всегда хвалила, и когда мы спать ложимся, то каждый день за него богу молимся и за сестрицу Соню *б.* потому что она больная и ей всегда гостинцу носил, и нас всех читать учил, когда был он здоров, а мамочка [всегда] это видела и ничего не говорила, а только мы знали, что [это] она это любит, и папочка знал, [мамочка] и когда мы спать ложимся, то каждый день за него богу молимся и за сестрицу Соню. ◇ *На полях набросок:* а мамаша сама нам сказала, что она ее больше всех нас любит. Господи, благослови сестрицу Соню. ($ЧА_4$)

Стр. 147.

4–6 А молиться ∾ вслух / А как вы молитесь?

— Я уж большая [так] — сама про себя, а [брат с сестрой] Аркаша с Лидочкой — вместе с мамашей вслух ◇ ($ЧА_4$)

7 *Слов:* сперва «Богородицу» ∾ молитву — *нет.* ($ЧА_4$)

9–11 наш старший ∾ молимся / [ведь] наш первый [папенька] папаша умер *Далее: а.* и мы об том тоже молимся *б.* а этот ведь другой, и мы об том тоже молимся ◇ ($ЧА_4$)

13 и раба Родиона / Господи, прости раба твоего Родиона [а впрочем] ◇ ($ЧА_4$)

14–16 буду об вас ∾ обняла его / *а.* каждую ночь буду молиться, — с жаром сказала девочка, и опять засмеялась *б.* буду об вас молиться! — с жаром проговорила девочка и вдруг опять засмеялась, бросилась к нему и горячо его поцеловала ◇ ($ЧА_4$)

17 сказал ей / сказал ◇ ($ЧА_4$)

17–18 дал адрес ∾ зайти / сказал адрес [поцеловал ее еще раз] и отпустил ее ($ЧА_4$)

18–19 *Фразы:* Девочка ∾ восторге. — *нет.* ($ЧА_4$)

22–44 *К тексту:* «Довольно! ∾ не думал. — *на полях наброски:* Какая разница. Смерть воскресила. Прочь миражи, прочь напускные страхи.

Если б был на луне и возвратился к людям.

Что же случилось? Да ничего больше, как ощущение жизни. Значит, можно же жить, такою же полною же жизнью, как и все живут, значит [может], можно же жить для других и с другими. Значит, всё это страх, мираж и я не отрезан. Отдает последнее.

Значит, был на аршине пространства из мрака и бури и возвратился к людям.

— Ведь я сказал, что перебесишь дурь и воротишься.

— Да, я перебесил дурь и воротился, — сказал Раскольников.

— Так примете капли?

— Приму.

То, что было, был панический страх, моя теория болезни верна — а теперь царство убеждения и рассудка, теперь посмотрим, теперь

померяемся, посмотрим, кто кого — сам бессознательно вызывая черную темную силу.

В первый раз дышал свободно всею грудью с того самого вечера. Что же случилось? *($ЧА_4$)*

22–48 «Довольно! ∾ в превосходнейшем расположении духа. / Смерть и воскресение. «Да, это полное воскресение», — подумал он про себя. Он почувствовал, что жизнь разом переломилась, кончился ад и наступила другая жизнь. Что же случилось? Что перевернуло его? Изменилось ли что в прежнем? Факты не изменились, но получился новый внезапный факт и именно в тот самый момент, когда он наиболее отчаялся в возможности этого факта. Этот факт был полное, непосредственное жизненное ощущение, мысль о том, что он не отрезан от человеков, как почувствовал он тогда на мосту у часовни, что это неправда, ошибка, панический страх, а что, напротив, он может, тоже может, как и все, жить полною, общею жизнью вместе со всеми, с ними радоваться и мучиться; что он не один, а со всеми. Воскрес из мертвых. Что же случилось? То, что он отдал свои последние деньги — это что ли? Какой вздор. Девочка эта? Сон⟨я⟩? — Не то, а всё вместе.

Мираж это иль нет — не знаю, я знаю только то, что я тоже живу, — подумал он. — Прочь напущенные страхи! Прочь привидения...

Он был слаб, он устал, он чуть не падал. Но душа его была слишком полна. Ба! здесь должен быть недалеко дом Бакал⟨еева⟩, 11-й № помню. Он пошел к Разумихину. ◇ *($ЧА_4$)*

28–29 к какой-то ∾ и вызывая ее / и вызывая какую-то темную силу *(БА)*

29 А ведь я ∾ на аршине пространства! / «Подлец я: ведь я уже соглашался жить на аршине пространства и только от отвращения одного хотел [предать себя] кончить совсем! Достало, впрочем, хоть этого-то благородства!.. ◇ *(БА)*

30–31 но... кажется, вся болезнь прошла /но и только. Кроме чисто физической слабости, кажется, вся болезнь прошла *(БА)*

31 Я и знал, что пройдет, когда вышел давеча. / *а.* Я знал, что я вылечусь, когда вышел. А что же скажет Зосимов? Как удивится-то! *б.* Я знал, что [всё] пройдет, когда вышел давеча. Да... ◇ *(БА)*

31–32 Кстати: дом Починкова / Кстати: Дом Бабушкина ◇ *(БА)*

32–33 Уж непременно ∾ и не два шага... / Конечно, к Разумихину! ◇ *(БА)*

33–34 *Фразы:* Пусть и он потешится, — ничего, пусть!.. — *нет.* *(БА)*

34–37 ничего ∾ моста. / *а.* ничего на свете не сделаешь, а силу надо взять силой ... *б.* ничего не возьмешь, а силу — надо добывать силой же, коли хочешь взять», — прибавил он гордо и самоуверенно и пошел, едва переводя ноги, с моста. ◇ *(БА)*

37–48 *Текста:* Гордость и самоуверенность ∾ в превосходнейшем расположении духа. — *нет.* *(БА)*

40–43 *К тексту:* Да он и сам ∾ старухой». — *заметки на полях:* Ощущение не слабело. Оно было всё то же. Ему припомнилось, как он бросил монету. Прочь страхи! Вспомнил, когда бросил монету. Прочь низкие чувства. Я могу жить и буду жить. *($ЧА_4$)*

Стр. 148.

1–2 отыскал Разумихина ∾ тотчас указал / отыскал Разумихина [в доме Б⟨акалеева⟩] на новой квартире. [Его уже знали и дворники в доме и] В доме его уже знали, и дворники тотчас указали ◇ *($ЧА_4$)*; отыскал Разумихина; на новой квартире его уже знали, и дворник тотчас указал ◇ *(БА)*

2–3 Уже с половины / Еще с половины *($ЧА_4$)*

3 различить / отличить ◇ *($ЧА_4$, БА)*

4–5 Дверь на лестницу ∾ крики и споры. / Слышались крики, голоса, споры. [Квартира была] Лестничная дверь была отворена. Он вошел. ◇ *На полях:* Тогда-то вино-то ⟨?⟩ — подумал Раскольников. *($ЧА_4$);*

Слышались крики, споры; дверь на лестницу была отворена настежь. ◇ *(БА)*

6–10 собрание же было ∾ кухни / собрание было человек в пятнадцать, как можно было заметить из прихожей, где остановился Раскольников. В прихожей за перегородкой приготовлялись закуски. Две женщины-прислужницы хлопотали [с] около самовара. *Далее вписано:* бутылок и только что принесли с хозяйской кухни пироги и котл⟨еты⟩. ◇ *(ЧА$_4$)*

8 хозяйские служанки / женщины-прислужницы ◇ *(БА)*

10–11 Раскольников ∾ в восторге. / Раскольников, не входя в комнату, послал выслать хозяина. Разумихин тотчас же явился и восторженно обрадовался. ◇ *(ЧА$_4$)*

11 Тот прибежал / Тот был *(БА)*

11–13 *Текста:* С первого взгляда ∾ что-то было заметно. — *нет* *(ЧА$_4$, БА)*.

14–16 Слушай ∾ я так слаб / Слушай [я то⟨лько⟩], — поспешил сказать Раскольников, — я только для того, чтоб [док⟨азать⟩] показать тебе, что ты заклад выиграл. Но я не могу [идти] войти: я так слаб, так слаб ◇ *(ЧА$_4$)*

16 я так слаб / я так слаб, так слаб ◇ *(БА)*

19–31 Знаешь что ∾ минутку / Знаешь что! доведу я тебя, ты хоть на меня обопрешься, потому, брат, уж коли ты сам говоришь, что слаб, то...

— А гости?

— А дядя? Ты не понимаешь, брат, что это за драгоценный человек. Да [одним] и черт с ними, им теперь не до меня, а мне самому надо освежиться, потому, брат, ты кстати пришел. Если б еще мгновение — я бы подрался, ей богу! Врут такую дичь, что невозможно слушать... Я тебе расскажу... Стой, посиди ◇ *(ЧА$_4$)*

21–26 — А гости? ∾ освежиться / — А гости?

— А дядя? Ты не понимаешь, что это за драгоценнейший человек! Жаль, что ты не можешь [войти!] теперь познакомиться! [Ну, брат] Уверяю, брат, что много любопытного! А впрочем, черт с ними!.. Им теперь не до меня, да и мне самому надо освежиться ◇ *На следующих листах между строками и на полях вписано: 1.* Кто этот господин? Ей-богу, не знаю. Может, дядин знакомый, а может, и нет. *2.* Дядин знакомый, должно быть. А может, и сам пришел. *(БА)*

26–27 еще две минуты, и я бы / если б еще мгновение — [и] так я бы ◇ *(БА)*

28–29 изовраться наконец / изовраться иногда *(БА)*

29 Впрочем / Но впрочем ◇ *(БА)*

30–31 *Фразы:* Да и пусть врут: зато потом врать не будут... — *нет.* *(БА)*

32–34 Зосимов ∾ скоро лицо его / Зосимов пришел тотчас же и [стал осматривать [Раскольникова] больного и не] [с каким-то жадным любопытством осмотрел] с какою-то жадностью накинулся осматривать Раскольникова. Лицо его ◇ *(ЧА$_4$)*

33–34 в нем заметно было ∾ скоро лицо его / но скоро лицо его ◇ *(БА)*

35–39 решил он ∾ тут же принят. / сказал он. ◇ *(ЧА$_4$); а.* сказал он в заключение, с улыбкой. — Надо бы одну штучку сейчас же принять, да где ее ... *б.* сказал он в заключение, — а на ночь принять одну штучку. Примете? Я еще давеча заготовил... Порошок один.

— Хоть два, — ответил Раскольников.

— Великолепно! Ложку! ◇ *(БА)*

40–43 заметил Зосимов ∾ век учись ... / сказал он Разумихину. — Что завтра будет, не знаю, но ... кажется, хорошо, что он теперь пошлялся, перемена сильная, к лучшему. Поболтай с ним дорогою, — шепнул он Разумихину, — и его самого заставь [говорить, и расскажи мне, — шепнул он Разумихину] болтать, и мне расскажи, как воротишься. ◇ *(ЧА$_4$)*; прибавил он Разумихину. — Что завтра будет — увидим, а сегодня очень даже недурно: значительная перемена к лучшему, с давешнего. Век живи, век учись. Поболтай с ним дорогою, —

шепнул он Разумихину, — и его самого заставь говорить, а воротишься — расскажи... ◇ *(БА)*

43–45 *Слов:* как мы выходили — *нет.* *(ЧА$_4$, БА)*

45 только что они вышли / только что вышли ◇ *(ЧА$_4$)*

46 потому что они / потому они ◇ *(ЧА$_4$)*

47–48 и потом / а потом ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

Стр. 148—149.

48–6 сумасшедший ∽ разговор / близок к помешательству. Во-первых, если ты не сумасшедший, так тебе наплевать, что у них такая идея, а во-вторых, совсем не обидно, особенно когда я послушал его, — это⟨т⟩ кусок мяса и по специальности своей хирург, материалист, в бога не верующий, помешался сам на душевных болезнях. У него теперь это конек, а всему причиною был разговор ◇ *(ЧА$_4$)*

48–1 сумасшедший ∽ это себе! / близок к помешательству *(БА)*

Стр. 149.

2 не помешанный / не сумасшедший ◇ *(БА)*

3 такая дичь в голове / такие идеи ◇ *(БА)*

5 а насчет тебя повернул / а перевернул *(БА)*

6 сегодняшний разговор / разговор *(БА)*

8 Я теперь / Я, брат, теперь ◇ *(ЧА$_4$, БА)* [1]

9 *После:* Заметов понял — и все поймут. Заметов только чудом спасся теперь от дранья вихров... да я его из-за радостного результата простил... ◇ *(ЧА$_4$);* и все поймут. ◇ *(БА)*

9 Родя / Родька ◇ *(ЧА$_4$)*

9 дело в том... / дело в том... дело в том... ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

10 *Текста:* Я теперь пьян капельку... Но это ничего... — *нет.* *(ЧА$_4$)*

10 пьян капельку / пьян *(БА)*

11–12 понимаешь? действительно у них наклевывалась... понимаешь? / действительно была у них — понимаешь? ◇ *(ЧА$_4$)*

12 высказать / высказывать ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

13–14 дичь нелепейшая ∽ они дураки? / нелепость, а она была, так сказать, в зачатии *Далее вписано на полях:* — может быть, я очень скверно делаю, что тебе говорю, потому это глупость, — с самого обморока в конторе и началось по мелкой злобе Ильи Петровича. Да тогда же, впрочем, закончилось, больше ничего не было [особ⟨енно⟩], кроме смеху, особенно, как работника арестовали. ◇ *(ЧА$_4$)*

13 дичь нелепейшая / что всё дичь нелепая ◇ *(БА)*

13 особенно, когда / потом, как *(БА)*

14 *Фразы:* Но зачем же они дураки? — *нет.* *(БА)*

16–19 пожалуйста ∽ ведь знаю... / не говори ему, пожалуйста, и намека не подавай. Это у Лавизы было), но сегодня, сегодня всё стало ясно, и Заметов первый в восторге. Зосимов [говорит] разъясняет так: болезненно настроен, голоден, мнителен, обидчив, с зародышем воспаления в мозгу — а тут Илья Петрович накинулся за папироску, взыскание Чебарова, а тут вдруг рассказ об этом убийстве... обморок. ◇ *(ЧА$_4$)*

16–17 *Слов:* я заметил, что он щекотлив — *нет.* *(БА)*

17 у Лавизы было / это у Лавизы было *(БА)*

18–19 Главное ∽ ведь знаю ... / Главное Илья Петрович ... [твой обморок] он воспользовался твоим обмороком в конторе, он сукин сын, чтоб заговорить тогда, но тогда тотчас же дело и кончилось ... *Далее вписано:* Смехом кончилось. Так только в ползучем этом виде осталось ⟨*нрзб.*⟩ ◇ *(БА)*

20–21 *Текста:* Раскольников ∽ пробалтывался. — *нет.* *(ЧА$_4$, БА)*

22–36 Я в обморок ∽ и этот ... / Я в обморок упал, оттого что у них духота была и свежей масляной краской пахло, чего я не могу выносить.

---

[1] *Вверху страницы БА запись:* есть ли внутреннее наказание

— [Вероятнее всего, что так!] Ну да, конечно так! Ну а тут болезнь, и в болезни, и как выздоровел, тебя это убийство проклятое всего и перевернуло. Затем припомнил всё — и [отделал] оплевал сегодня Заметова в Palais de Cristal, одурачив его тем, что напугал. Как ему, брат, стыдно-то теперь. Мизинца, говорит, этого человека не стою! ◇ *(ЧА$_4$)*

22–23 оттого ∾ пахло / оттого, что было душно и краской свежей масляной пахло сильно ◇ *(БА)*

23 сказал Раскольников *вписано. (БА)*

24 Еще объясняет! Да и не одна краска / Да зна-ю! Не одна краска *(БА)*

26 так ты себе представить не можешь *вписано. (БА)*

27–29 У него иногда ∾ верх совершенства! / *а.* У него предобрые иногда чувства, но урок — урок ему сегодня в Хрустальном дворце великолепен! *б.* У него предобрые иногда чувства, право, будет прок, если только пронять его вдруг, да так, чтоб вот понял. Но урок — урок ему сегодня в Хрустальном дворце — это верх совершенства! ◇ *(БА)*

29–33 Ведь ты его ∾ надо. / Ведь ты его заставил опять испугаться *Далее: а.* почти убедиться заставил в этой бессмыслице и потом — язык ему выставил. Раздавлен, уничтожен! так их и надо! *б.* опять почти убедил его в этой безобразной бессмыслице и потом — вдруг язык ему выставил. Раздавлен, уничтожен! Мастер ты, ей-богу, мастер! так их и надо! ◇ *(БА)*

33–34 *Слов:* Эх, не было меня там! — *нет. (БА)*

35 А ... уж и этот ... / А этот зачем... ◇ *(БА)*

36–37 А в сумасшедшие-то меня почему записали? / А почему же меня в сумасшедшие-то записали? ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

38–39 *Фразы:* Я, брат, кажется, слишком тебе разболтался ... — *нет. (ЧА$_4$, БА)*

39–44 Поразило ∾ плюнь ... / а поразило его давеча, Заметова-то, что тебя слишком беспокоит это убийство. Теперь ясно почему, зная все обстоятельства. Ты болезненно настроен и обиду не можешь забыть. Только ты плюнь: я бы им всем показал такой кукиш ... ◇ *(ЧА$_4$)*; а поразило [его] давеча, Зосимова-то, что тебя один только этот пункт и интересует ... Понима⟨ешь?⟩. Теперь ясно, почему интересует ... зная все обстоятельства ... [Ты болезненно настроен] как это все сплелось вместе. Ты ... обиду не можешь забыть. Так ведь? Так. Я, брат, пьян немножко. Только ты плюнь: я бы им всем, на твоем месте [показал такого], спираль показал такой ... ◇ *На полях вписано:* Ах, как они вдруг, и что за подлец. Курчавый-то. *(БА)*

45 *Фразы:* С полминуты оба помолчали. — *нет. (ЧА$_4$)*

46 заговорил Раскольников / сказал Раскольников ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 150.

2–14 я там видел еще ∾ в каморке Раскольникова свет. / впрочем, я завираюсь, я очень слаб. Главное дело, жить можно... А впрочем, вот когда я [догадался] проверил по опыту, по факту, что и я могу еще жить, то мне теперь всё равно, что наплевать надо. Разве [нельзя] я не могу молча страдать ... И если я убил ... если когда-нибудь ты услышишь ... А впрочем, брат, поддержи меня. У меня голова кружится, устал. Что это? смотри! У меня [всё] окно освещено. *Далее вписано:* крик⟨нул⟩ Раск⟨ольников⟩ ◇ *(ЧА$_4$)*

15 Странно! Настасья, может быть, — заметил / Да! Настасья, должно быть, — отвечал ◇ *(ЧА$_4$)*

16–27 в это время у меня ∾ Разумихин. / не бывает, когда меня нет, да и теперь ей спать время. Это ... а впрочем, пойдем ... Мне решительно всё равно.

У Разумихина мелькнула мысль, что действительно, может быть, Зосимов-то прав. Он дурно сделал сейчас, рассказав ему о поручении. Зосимов не ⟨по⟩благодарит за него. Впрочем, бред, думал он. Они

взбирались на лестницу, Разумихин его поддерживал, и действительно, подходя к двери, они увидели из неплотно притворенной двери свет и услышали голоса ...

— Кто же это может быть? — крикнул Разумихин [и потащил его сам].

— Пойдем, — сказал Раскольников и потащил его сам наверх. ◇ *(ЧА$_4$)*

28–29 Раскольников ∾ вкопанный. / Он первый взялся за ручку двери и отворил ее, отворил и стал на пороге. [Раздали⟨сь⟩] ◇ *(ЧА$_4$)*

30 у него на диване и ждали / на его диване и ждали его ◇ *(ЧА$_4$)*

31–33 Почему ∾ прибудут? / Почему он всего менее их ожидал, несмотря на поминутные известия, что они едут, выезжают, сейчас приедут. ◇ *вписано на полях (ЧА$_4$)*

34–35 наперебив ∾ рассказать / [неумолчно] наперебив расспрашивали Настасью, стоявшую перед ними и рассказавшую ◇ *(ЧА$_4$)*

35 *После:* подноготную — начато: Б⟨оже⟩ *(ЧА$_4$)*

36 услышали / узнали ◇ *(ЧА$_4$)*

37–38 больной ∾ с ним!» / *а.* в бреду, должно быть; что с ним! *б.* больной и в бреду, должно быть; боже мой, что с ним! ◇ *(ЧА$_4$)*

38 Обе плакали / [Они] Теперь обе плакали ◇ *(ЧА$_4$)*

41 Обе бросились к нему. / Мать и Дуня бросились обе к нему ... ◇ *(ЧА$_4$)*

41–42 невыносимое внезапное сознание / *а.* Страшное внезапное чувство *б.* Страшная внезапная мысль *в.* Страшное внезапное сознание ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 150—151.

42–11 Да и руки его ∾ Пульхерия Александровна Раскольникова. / «Я не могу их обнять, — пронеслось, как молния, в его голове. — Отчего у меня руки не подн⟨имаются⟩ обнять их?» Но это было только мгновение. У природы есть исходы таинственные и чудные, через минуту он сжимал их обеих в своих руках и никогда еще он не испытывал более порывистого и восторженного ощущения, а еще через минуту — он [вполне убедился] уже гордо сознавал, что он господин своего рассудка и воли, что ничей он не раб и что сознание — опять оправдало его. Кончилась болезнь, кончился панический страх.

В первую минуту все смотрели друг на друга молча и обнимались. Разумихин стоял на пороге как вкопанный и смотрел на всю сцену... Он смотрел еще на Дуню неподвижно [как прикованный] как истукан ... Наконец и его [кажет⟨ся⟩] стали замечать. ◇ *(ЧА$_4$)*

Главы II—IV третьей части

Стр. 161.

24 II / Глава 2. ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

26 в восьмом часу / в восемь часов ◇ *(ЧА$_4$)*

26 и непредвиденных *вписано. (ЧА$_4$)*

26 недоумений / забот и недоумений ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

27 не воображал / не предчувствовал *(ЧА$_4$)*

27–28 Он и не воображал ∾ проснется. *вписано. (ЧА$_4$)*

28 Он помнил / Он, разумеется, помнил *(ЧА$_4$)*

29–30 и понимал, что с ним совершилось что-то необыденное / помнил все свои слова [и сообр⟨ажал⟩] и все свои впечатления. Он помнил [и понимал], что с ним совершилось вчера что-то *огромное* и [необычайное] необыкновенное ◇ *(ЧА$_4$);* все свои слова и впечатления и понимал, что с ним совершилось что-то необыденное ◇ *(БА)*

30–36 доселе совсем неизвестное ∾ «растреклятого вчерашнего дня». / [необыкновенное и] доселе совершенно неизвестное ему впечатление и [*а.* конечно, не много думал он, — именно потому *б.* конечно, не много думал он собственно об этом впечатлении] понимал, что этот

совершившийся факт был уже неотразим и что [вся], может, вся жизнь его [переломилась] переломится теперь надвое, что отселе [наступает всё новое и что всего надо ожидать] наступит по-иному пока и что в то же время цель его [соверш⟨енно⟩], которая [уже] установилась перед ним в один миг и разом и не может быть другою, — совершенно неосуществима [*а*. Он даже положил и не думать, хотя знал. что другой цели у него и быть не может. Мысли и заботы его приняли другую *б*. Знал [тоже] он тогда, что другой цели у него и быть не может], так что нечего и думать о ней. Нечего и думать, а в то же время и не может быть другой цели! Впрочем, о всей тоске этого противоречия он, по характеру своему, как-то не хотел много и раздумывать [Элегическое начало б⟨ыло⟩], да и не любил много заботиться о собственных страданиях и муках, хотя бы и продолжал их чувствовать. Мысли и заботы его [обратились на] приняли другую, более частную [поверхностную заботу], насущную, практическую форму. И прежде всего ему предстояло понять и узнать, во всей полноте и ясности, — что такое отношения Авдотьи Романовны к жениху ее Лужину и почему такой человек, как Лужин, жених ее? Он знал, что знание это ни к чему не поведет его, даже если бы брату, сумасброду и деспоту, и удалось расстроить брак сестры своей, что почти невозможно. Во всяком случае он [не], Разумихин, не имеет тут ни малейшего права голоса и даже [напротив] он-то именно и должен [молчать, во всяком случае должен молчать, — потому что], потому что он сам один из ничтожных на свете людей, именно потому, что он влюблен, и должен молчать, — что же он мог бы сказать? Разве осуществима хоть сколько-нибудь при самом ярком воображении [цель] мечта его? Позволительна ли мечта эта? Имеет ли право существовать? Кто он такой? Разумихин, без роду и племени, без сил и средств. [Но, конечно, не это главное. Кто] Да это еще пустяки — вздор, а кто он такой, он [пьяная вчерашняя гадина], пьяный буян и пьяный вчерашний хвастун, сравнительно с такой женщиной. [И опять] Разве такая женщина [может] могла бы когда-нибудь [осуществить его цель] полюбить его? [Разве это возможно?] Разве возможное это дело? Разве это подходящее дело? Разве это не кощунство? [Разве возможна такая циническая, такая смешная, низкая с его стороны мысль?] Разве возможно такое циническое, такое смешное и даже низкое сопоставление с его стороны? Разве не стыдно, наконец, мечтать об этом? [Нет] [Это и допустить даже] Да, это и в мечтах-то допустить — безнравственно. Он с испугом и со стыдом поскорее отвернулся от этого мечтания: оно казалось ему унижающим ее и унизительным для него. Мечтать, например, о том, что обладаешь Бразильской империей, конечно, унизительно для сколько-нибудь серьезного человека, потому что смешно, бесполезно и неосуществимо. А насколько тут выше и недоступнее Бразильской империи? ◇ *На полях вписано:* Начинались мечты. В то же время он ясно и беспристрастно понял, что новая цель [его], занимавшая его так издалека, но в таком ярком свете, совершенно невозможна, неосуществима. Таким образом, представлялось самое тоскливое и самое безотрадное [завтра] прот⟨иворечие⟩: если мечта и цель невозможна, стало быть, нечего и думать о ней; нечего думать — [а не] а между тем не может быть другой цели.

Разумихин был такой человек, который на собственном горе и на заботах о самом себе мало останавливался. Достаточно [было, что он ломал себе голову], что он думал об этом, когда приходило время. *($ЧА_4$);* доселе совершенно неизвестное ему впечатление и что жизнь его как будто ломается теперь надвое. В то же время он ясно понимал, что новая мечта, загоревшаяся в его голове, — совершенно неосуществима. Таким образом, представлялось самое безотрадное противоречие: мечта неосуществима, стало быть, нечего бы и думать о ней; нечего [и] думать, а между тем и не может быть другой мечты [и цели] отныне и вовеки!

Но Разумихин был такой человек, который на заботах о собственном горе [всегда] мало останавливался [и не любил [остана⟨вливаться⟩] много заботиться о своих ощу⟨щениях⟩], хотя и способен был ощущать его не меньше кого бы то ни было. Теперь представлялись ему более посторонние вопросы [хоть и], разумеется на ту же тему. И прежде всего ему очень бы хотелось догадаться и по возможности разъяснить себе, что такое отношения Авдотьи Романовны к жениху ее Лужину и почему такой человек, как Лужин, — жених ее? Вопрос, разумеется, естественный [и в удовлетворении которого могло не быть заключено и тени эгоизма. Что же до Разумихина, он вполне понимал, что ответ на вопрос] [который не мог] [но хотя бы в вопросе его не заключалось и тени эгоизма, все-таки Разумихин] и не только не отклонимый, [но необходимый] но даже и «позволительный». Разумихин отлично понимал, что ответ на этот вопрос — если б [даже] он был предложен с «целью только эгоистическою» — ни к чему бы не привел его, даже если бы брату, сумасброду и деспоту, и удалось расстроить брак сестры своей. «И разве [осуществима] позволительна хоть сколько-нибудь мечта эта ему, Разумихину? Кто он такой? Разумихин, без достоинств и средств. [Да что, это еще только пустяки. Нет. —] И главное — кто он, *сравнительно* с такой женщиной; он — пьяный буян и вчерашний хвастун! Разве возможно такое циническое и смешное с его стороны сопоставление?» — Разумихин даже покраснел при этой мысли. «Мечтать, например, о том, что обладаешь Бразильской империей, — разумеется, занятие [неосу⟨ществимое⟩] смешное и бесполезное, потому что неосуществимое... А тут ... А насколько тут выше Бразильской империи!..» ◇ *На полях вписано:* Тут вдруг вспомнил о том, что об хозяйке говорил на лестнице. *(БА)*

37–38 Самым ужаснейшим ∾ «низок и гадок» / Но вот что его более всего [заботило] «убивало»: он был низок и гадок вчера ◇ *(ЧА$_4$)*

38 а потому / а потому уже ◇ *(ЧА$_4$)*

39 ее положением / ее пол⟨ной⟩ беззащитностью ◇ *(ЧА$_4$)*

42 *После:* порядочно — *начато:* пото⟨му⟩ *(ЧА$_4$)*

42–46 Да и какое право ∾ Нумера? / Впрочем, из одной ли ревности я ругал его? — унимался несколько Разумихин. — Да и из ревности ли сколько-нибудь? Не потому ли, что [он] Петр П⟨етрович⟩ действительно гадко рекомендовал себя? Да, но разве он имел право так поспешно и опрометчиво судить. Он видел его мельком, вскользь, он показался ему с недостатками, но может быть, есть достоинства, выкупающие эти недостатки сторицею. Да и уж, конечно, есть достоинства: разве могло такое существо, как Авдотья [Александровна] Романовна, выходить за одни только деньги. Номера? ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 161—162.

46–2 мог узнать ∾ Глупая отговорка / мог знать, что это [так⟨ие⟩] скандальные номера. Он же ведь готовит квартиру, а тут только несколько дней. И как это было низко [как цинически он [ругал его перед ней] издевался над ним и как оскорблял ее этим]. Что, что теперь она должна подумать об нем? Что в том, что он был пьян? Это глупая отговорка ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 162.

3–20 вот вся и высказалась ∾ всё погибло!» / вся и выказалась, т. е. вся грязь его завистливого, самонадеянного, грязного, глупого и подлого сердца!» Да одно ли это? Он с ужасом припоминал каждое свое вчерашнее слово, каждый промах, каждую откровенность [и, уж конечно, считал их преступлениями, которых не омыть], каждый жест. «Всё это было до того грязно, гадко, грубо, и цинично, и нечестно! да, нечестно!» Это так: преступления, каких и не омыть... а след⟨ственно⟩, и думать об этом нечего, а что бы ни было, что бы теперь ни было, что бы ни думали, твердо, честно. Разумеется, и думать было

нельзя, чтоб загладить это [впечатление] когда-нибудь и заставить переменить о себе мнение и потому — «нечего об этом думать, — решил он, — но тем не менее [не оправдываясь], даже не помышляя оправдываться, твердо и свято исполнить [предстоящий ему теперь долг] предстоящие ему теперь обязанности...», хотя, уж конечно, ему будет ужасно стыдно, и главное — он такой грубый, грязный, нетерпимый, ругательный — обращение такое у него трактирное, сальное, неприличное, и... и... и, положим, он про себя знает, что он все-таки... ну хоть немного да честный же человек! Так чем же, однако ж, тут хвалиться-то ... Всякий должен быть честный человек, и... и... он все-таки помнит, что и у него были дела... делишки, т. е., одним словом, хоть и не бесчестные, но все-таки... Э-эх! И какая бездна [подобных] таких-то дел. А уж про помышления и говорить нечего! Да вот хоть бы сейчас. Об чем это он мечтает? По поводу чего раздумался? Краска ударила ему в лицо, и стыдом залилось сердце...

Вдруг в это мгновение он ярко вспомнил об том, что он говорил этим дамам на лестнице о Прасковье Павловне, хозяйке Раскольникова, и об том, что она приревнует. Батюшки! [Да не повеситься ли уж лучше, чем] Он ударил с размаху кулаком по кухонной печи, [разбил] повредил себе кулак и вышиб один кирпич.

Проходило в его голове много и других неприятных и заботливых мыслей. Он, например, вчера проболтался об одной вещи Раскольникову. Надобно объясниться, он обязан перед ним объяснением; [но] тот молчалив, принимает впечатления угрюмо и болезненно и, по странности характера, может быть, сам захочет уклониться от объяснений. Тогда что делать? Приступить ли прямо, или тоже смолчать? Разумеется, всего лучше: поступить, судя по обстоятельствам, но... во всяком случае всё это очень тяжело и даже мучительно. ◇ *На полях наброски: 1.* Нужно не напиваться. Прощенья же просить не за что, не надо! Извиняться тоже! К чему? к чему? *2.* Бразильская империя. *3.* Тут он опять было намахнулся, но не ударил и прошел мимо. *(ЧА$_4$)*

21-23 И, однако ж ∾ надел». / В этот раз, одеваясь, он невольно посмотрел на свой костюм. Другого у него не было, конечно. Да если б и был, он, может быть, и не надел бы его, так, нарочно. ◇ *(ЧА$_4$)*

24 нельзя оставаться / нельзя быть, хоть из уважения к ним *(ЧА$_4$)*

26 сами зовут / зовут его ◇ *(ЧА$_4$)*

26-27 Платье свое он тщательно отчистил щеткой. / Но, к удивлению своему, он не заметил на своем платье никаких особенно грязных следов вчерашней попойки, ничего залитого, сального. Надо только почистить хорошенько щеткой, и кончено. Это он и сделал. ◇ *(ЧА$_4$)*

27 Белье же / Белье ◇ *(ЧА$_4$)*

28 был особенно чистоплотен / даже был всегда особенно чистоплотен и до того, что когда, в прежние времена, случалось ему [по долгим дням] подолгу бывать без копейки, сам ходил по ночам на Неву мыть свое белье, просушивал его, вывесив за окном, на восходящем солнце, и сам потом скатывал его, занимая валек и скалку у соседки ◇ *(ЧА$_4$)*

29 *Слов:* в это утро — *нет.* *(ЧА$_4$)*

30-31 особенно руки. Когда же дошло до вопроса: брить ли / особенно руки, даже вычистил всю грязь с ногтей, о чем прежде никогда и не [заботился] помышлял. Но когда дело дошло до вопроса: выбрить ли ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 162—163.

30-38 *Рядом с черновым текстом:* ногтей, о чем ∾ Тебе да мне только — *наброски:* Разумихин, который проснувшись, первым делом побывал у Роди.

— А как ты думаешь насчет того? (помешатель⟨ство⟩)

— Э, пустяки, я так. Конечно, всё, что вчера я слышал и понял из рассказа Заметова, меня очень поразило, но зато стало многое ясно. Его

мучит и обижает эта нелепость, а в болезненном состоянии его это даже превращается в неподвижную идею. В ипохондрии это поминутно и особенно всё, что действует на самолюбие... Гм... да... Но я серьезно надеюсь, что приезд этого семейства [его] сильно переломит в другую сторону. Кстати, неужели этот Лужин действительно жених? Раскольников сам не хочет? Ну да...

— Что?

— Да, дело понятное. Лужин богат, а они очень, кажется, бедны. Так и дай бог.

Разумихин промолчал.

— Я буду через полтора часа. Зайду. Кстати: поблагодари от меня Прасковью Павловну за ночлег. Заперлась, не вышла, не отвечала сейчас на мой бонжур, хотя я и слышал, что она проснулась и уже возится, и я знаю наверно, что к запертой двери в ее комнаты изнутри был приставлен стол и нагромождены стулья. Таким образом, я и не видал еще твою Прасковью Павловну...

Ровно в девять часов Разумихин был у своих дам.

Мария Антуанетта

(и он стал рассказывать им всё, почти всё об этой девушке).

(NB чем дольше он спит, тем лучше). У нас письмо. Это вчерашнее приказание Дунечки. Не беспокойтесь, маменька, всё это сегодня же решится.

— Приходить ли ему вечером?

— Письмо показать, — сказала Дуня.

в какой он каморке!

Я первый раз в Петербурге (дорогою). Совет.

NB. Раскольников сначала ничего не говорит о том, написала ли Дуня письмо? Даже Настасья. Даже говорит о деле с Зарницыной. Маленькая история...

Дуня прямо и благородно говорит: Положение мое очень тяжелое, потому и выхожу.

— Я приду вечером.

— А если жених рассердится и откажется?

— Тогда он недостоин меня и я сама откажу ему.

— Вы оба горячи, и я вас хочу помирить.

— Не может быть, чтоб он не уступил мне.

— Считаешь ты письмо это приличным? (холодно и сухо).

— Нет.

— И выходишь?

— А разве прилично было вчера твое поведение с матерью и со мной. И вот я пришла к тебе, потому что верю, что ты гораздо больше любишь меня, чем выглядит это в поступках твоих. Будь же справедлив и к нему. Он тоже имеет чувства. Ведь ты хотел его бить, и я... сообразив всё, извиняю его, в большой части.

Дуня Разумихину: И вас я очень прошу быть сегодня вечером у нас, вместе с братом. Можете? Не откажете? Очень прошу. Это особая просьба моя. У меня есть причина, я вам скажу после. *($ЧА_4$)*

Стр. 162.

32 имелись отличные / б⟨ыли⟩ хорошие *($ЧА_4$)*

32 после покойного / после покойного супруга ее ◇ *($ЧА_4$)*

33–46 вопрос с ожесточением даже ∽ буду!..» / вопрос был решен отрицательно — из особенного рода гордости и из стыда. Пожалуй, прочтут на лице цель, с которой он выбрился. Ну как угадают об том, что он мечтает? Господи! Нет, не надо, вздор, потому что нет и не может быть никаких мечт⟨аний⟩. Но так как цель эта хотя и неизменна отныне, но нелепа и неосуществима, то нелепо и унизительно, стало быть [показывать хоть каким-нибудь микроскопическим признаком, как например [улучшение] [щеголеватость физиономии] бритье бороды], и бриться, что надеяться на осуществление этой цели, показать даже

хотя бы и в таком микроскопическом признаке, как [улучшение] забота о красоте и щеголеватости физиономии в виде бритья бороды. ◇ *Между строками:* что хоть даже мысль одна *На полях набросок:* да пусть. И буду [именно] нарочно такой сальный, грязный, трактирный. Как хотят, мне что, наплевать!.. *(ЧА$_4$)*

Стр. 162—163.

47–4 На таких монологах ∾ в одиннадцатом. / На этом раздумье застал его Зосимов. Разумихин [который], который первым делом по пробуждении [своем] побывал наверху у больного, отрапортовал теперь тотчас же Зосимову о состоянии его, т. е. о том, что тот спит как сурок, и Зосимов распорядился отнюдь не будить его [пока сам не проснется]. Затем сказал, что теперь [уйдет, а зайдет] у него дела, а зайдет часу в одиннадцатом. ◇ *Между строками вариант:* Сначала оба посоветовались о больном, у которого [оба уже побывали] Разумихин уже побывал, проснувшись. *(ЧА$_4$)*

Стр. 163.

5 *Слов:* прибавил он. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

5–6 Фу, черт! В своем больном не властен, лечи поди! / Потому что я лечу, а над пациентом не властен. Навязался же такой. ◇ *вписано* *(ЧА$_4$)*

6–7 *он* к тем пойдет, али *те* сюда / он к тем пойдет, или они к нему ◇ *(ЧА$_4$)*

8–10 Те, я думаю ∾ имеешь. / Они придут, — [утв⟨ердительно⟩] [сурово] ответил Разумихин, тотчас поняв цель вопроса, — и ... и будут говорить про свои семейные дела, — прибавил он. — Я сам уйду, чтоб дать им наговориться. Ты, конечно, как доктор имеешь право входа ... ◇ *(ЧА$_4$)*

11 Не духовник / Ну да ведь не духовник ◇ *(ЧА$_4$)*

11–12 *Слов:* и без них много дела. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

13–17 Беспокоит ∾ проболтался. / Подожди: скажи, пожалуйста ... видишь, я вчера спьяну проболтался ему об разных глупостях, между прочим и о том, что ты боишься, что [он] у него начало помешательства.

— Фу, как глупо! И разве я это утверждал так прямо? *Далее вписано:* Да и женщинам этим так сказал. ◇ *(ЧА$_4$)*

18–19 Знаю, что глупо! ∾ твердая мысль? / Это я знаю, что глупо. Хоть бей. Не в том теперь, а скажи мне правду, серьезно ты чего-нибудь боишься в этом роде иль нет? ◇ *Между строками вписано:* Как Обломов. *(ЧА$_4$)*

20–35 Да вздор же ∾ Ну да, черт!.. / Нет, вздор, конечно... Так, идея... Да ведь [и я же ее вовсе] я же вовсе, однако, не утверждал.

— Да ты не бойся, другой раз не проболтаюсь.

— Да вздор же, говорю. Знаю, что не проболтаешься. Сколько я вчера понял из этого рассказа Заметова [он получил ясно первое впечатление ... об этой нелепости ... [тогда], когда уже с ним началась болезнь ... тогда, в конторе, в сильном [истер⟨ическом⟩] ипохондрическом настроении. Грубое обращение и [грубое подозрение] глупый вопрос этого дурака [хоть совсем и не высказанное явно], Ильи ... ну да черт его знает, поразили его. Эта нелепость его жестоко обидела и потрясла. В болезненном состоянии это обращается в неподвижную идею] — т. е. это всё теперь яснее становится. Ну а мы вчера еще так [неосторожно, чуть только он очнулся, стали болтать об этой старухе] ему напомнили, об маляре-то ты своем рассказывал. Развеселый, признаться, разговор для больного. [Ну и раздражили его до истерики. И Лужина прогнал, и нас прогнал. А [над] Заметова он отделал мастерски, художественная насмешка ⟨?⟩] Это ты всё ... Зол он, мнителен, ипохондрик, раздражен. Ну и самолюбив уж до последнего предела, а слова этого дурака в конторе его разобидели и именно в то время, когда уж болезнь началась. Ну и ясно, что некоторое время он теперь бредит об этом. Теперь всё ясно ... ◇ *(ЧА$_4$)*

36–38 только гм... ∾ Мне да тебе? / Как он славно это рассказывает и ... чувство есть. Только гм... Напрасно он это всё [рассказывал] рассказывает.

— Да [ведь только нам] кому ж он рассказывает? Тебе да мне только. ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 167.

26–32 Он покраснел и замолчал ∾ одно обстоятельство. / Разумихин замолчал, точно отрезал... Он не знал [как], что думает об [этом] его ответе Авдотья Романовна. Мать тоже как будто ждала чего-то от нее и находилась [как бы] в нерешительности, но наконец, запинаясь и беспрерывно посматривая на Дуню [сказала], объявила, что [ее] их чрезвычайно озабочивает теперь одно чрезвычайное обстоятельство...

— Теперь после этой... размолвки, т. е. ссоры Петра Петровича и Роди, это понятно, но, видите... ах боже мой! Я еще не знаю, как [вас зовут] ваше имя и отчество, можно узнать?

— Дмитрий Прокофьич. ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 167—168.

26–42 *Рядом с черновым текстом:* Разумихин замолчал ∾ отвечал Разумихин — *наброски к последующему тексту:* Разбита рука.

Что делать теперь? Маменька, пойдем. Ах, Дуня, как я боюсь!

Смерть Мармеладова. Ах, боже мой, ведь Марфа Петровна умерла.

у которого нарывал всю ночь палец или болит зуб

Авдотья Романовна ничего не решает. Жаловаться на брата.

Я совру что-нибудь, я слаба, а ты умная, ты не проговоришься (не гожусь в посланники).

Вы думаете, она меня не уважает? Так ошибаетесь, она очень меня уважает, уважает, ценит и любит, а я ее уважаю.

Во все это время Авд⟨отья⟩ Ром⟨ановна⟩ ходила и не произнесла слова (вылилось у Пульхерии) *(ЧА$_4$)*

Стр. 167.

33 Видите, Дмитрий Прокофьич... — начала она. / Видите, Дмитрий Прокофьич, мы сегодня... ◇ *(ЧА$_4$)*

35 внушительно заметила / и особенно теперь, — внушительно отвечала ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 167—168.

37–5 *Текста:* Вот в чем дело ∾ прочел следующее — *нет.* *(ЧА$_4$)*

Стр. 168.

6 *После:* Пульхерия Александровна — писал Петр Петрович ◇ *(ЧА$_4$)*

6–7 имею честь вас уведомить, что по происшедшим / уведом⟨ляю⟩, что по встретившимся *(ЧА$_4$)*

8 у дебаркадера / *а.* у воксала *б.* у дебаркадора ◇ *(ЧА$_4$)*

9 весьма расторопного / особенно расторопного ◇ *(ЧА$_4$)*

9 лишу себя чести / не буду иметь чести ◇ *(ЧА$_4$)*

10–11 и чтобы не помешать / *а.* и сверх того *б.* да и *в.* чтоб не мешать сви⟨данию⟩ *г.* чтоб не мешать ◇ *(ЧА$_4$)*

12 Буду же иметь честь / *а.* При сем присовокупляю, что *б.* Я же буду иметь честь ◇ *(ЧА$_4$)*

13 и откланяться вам *вписано.* *(ЧА$_4$)*

13 *Слов:* не иначе как — *нет.* *(ЧА$_4$)*

14–15 в восемь часов ∾ присовокупить / в 8 часов вечера. Но присовокупляю при сем особую ◇ *(ЧА$_4$)*

15 убедительную / и убедительнейшую *(ЧА$_4$)*

15–16 и прибавлю к тому, настоятельную *вписано.* *(ЧА$_4$)*

17–18 *Слов:* и неучтиво — *нет.* *(ЧА$_4$)*

18 вчерашнем *вписано.* *(ЧА$_4$)*

20–21 насчет коего ∾ истолкование / о коем желаю испросить Вашего толкования ◇ *(ЧА$_4$)*

21–22 при сем заранее ∾ вопреки просьбе / кроме того, предуведомить вас, если, вопреки просьбе моей ◇ *(ЧА$_4$)*

23–24 *Слов:* и тогда пеняйте уже на себя — *нет.* *(ЧА$_4$)*

26–27 выходя со двора, может и к вам прибыть /может выходить со двора, а след⟨ственно⟩, [может] и к вам прибыть ◇ *(ЧА$_4$)*

27 Утвержден же в том собственными моими глазами / [Я же видел его] [Видел же я его] [Пишу же потому так утвердительно] Утвержден же в том потому, что сам видел его вчера собственными моими глазами ◇ *(ЧА$_4$)*

29–31 девице ∾ сию сумму / [девице поведения развратного и отъявленного отдал] девице отъявленного поведения выдал он вчера до двадцати пяти рублей [из присланных Вами ему денег] при моих глазах, под предлогом похорон [ее пьяного, но умершего отца], что весьма меня удивило, зная [как тяжело], при каких хлопотах достались вам эти деньги ◇ *(ЧА$_4$)*

32 особое почтение / почтение ◇ *(ЧА$_4$)*

33 *После:* Авдотье Романовне — имею честь *(ЧА$_4$)*

34–35 слуги *П. Лужина».* / слуги. П. Лужин. ◇ *(ЧА$_4$)*

36–39 Что мне теперь делать ∾ не принимать! / Понимаете ли, понимаете ли, Дмитрий Петрович, — воскликнула в тревоге Пульхерия Александровна, когда он окончил письмо, — что мне теперь делать? Ну как я предложу Роде, чтоб он не приходил вечером? Ну как он тоже обидится и не захочет не прийти? Он так настойчиво требовал вчера решительного отказа. *Далее вписано между строками и на полях:* а тут его самого велено не принимать. А с другой стороны, и Петр Петрович обидится и не захочет... — Она вдруг взглянула на Дуню, которая вспыхнула от досады. — Я потому, главное, — заторопилась она, — что Родя вчера настоятельно и так несправедливо требовал от Дуни, чтоб она написала это письмо с отказом Петру Петровичу. ◇ *(ЧА$_4$)*

40 Да он нарочно придет, как узнает, и / Ну как они оба-то сойдутся у меня ◇ *(ЧА$_4$)*

41 Поступите так/ Поступить так ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 168—169.

44–1 то есть ∾ встретились / *а.* если Родя придет ввечеру *б.* т. е. надо для чего⟨-то⟩ непременно то, чтоб Родя, напротив, тоже пришел сегодня в 8 часов и чтоб они встретились ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 169.

2–3 не приходил / не пришел *(ЧА$_4$)*

3 *После:* раздражительный — [и] так я даже не знаю, как и письмо ему показать. [И кроме того... он сегодня... вспомнит, что вчера он говорил и требовал от Дуни при вас?] Ну как и сегодня он тоже... — прибавила она, посмотрев на Дуню. ◇ *(ЧА$_4$)*

3–4 Да и ничего я не понимаю / Кроме того, я ничего не понимаю ◇ *(ЧА$_4$)*

5–6 мог он отдать ∾ которые... / мог Родя отдать все последние деньги этой дочери, которые [так дорого нам достались], которые ... ◇ *(ЧА$_4$)*

7–13 маменька ∾ сам вчера... / *а.* — прибавил Разумихин, — я признаться и сам этого не понимаю. Он мне что-то вчера говорил о каком-то умершем и о какой-то девице, идя домой, но я ничего не понял, точно в бреду. А главное, его раздражать не надо, доктор не велел, а потому это письмо... *Между строками помета:* Тут недостает дочери. *б.* маменька, — прибавила Авдотья Романовна.

— А я понимаю это, — вскричал Разумихин. — Он в бреду это сделал, он был не в себе вчера. Если б вы знали, что он там наговорил в трактире всем... [И с Петром Петровичем он поссорился в бреду, и от Авдотьи Романовны требовал отреченья в бреду.] Сегодня всё это слетит, не бойтесь, не бойтесь. Насчет же какого-то покойника и ка-

кой-то девицы он, действительно, мне что-то [говорил] борм⟨отал⟩, когда мы шли, но тоже как бы в бреду... Т. е. это-то уже было, я полагаю, совершенно в бреду. Да и я, признаюсь, был немного того... А впрочем, не бойтесь, всё это сегодня же слетит. ◇ *(ЧА$_4$)*

14–15 Лучше всего ∾ что делать. / *а.* Лучше всего, маменька, пойдемте к нему [потом] и тогда увидим, с чего начать. *б.* Одним словом, лучше всего, маменька, пойдемте скорее к нему, сами там сразу увидим, что делать. ◇ *(ЧА$_4$)*

15–19 Да к тому же ∾ нарядом. / Да и к тому же пора, одиннадцатый час, — прибавила Авдотья Романовна [Авдотья Романовна вынула], взглянув на свои золотые часы, висевшие на ее шее на тоненькой цепочке. ◇ *(ЧА$_4$)*

19 *Текста:* «Женихов ∾ Разумихин. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

20 Ах, пора!.. / *а.* Пора... *б.* Ах, пора... ◇ *(ЧА$_4$)*

20 засуетилась / поднялась ◇ *(ЧА$_4$)*

21–32 *Текста:* еще подумает ∾ и выходов». — *нет.* *(ЧА$_4$)*

33 *Слов:* воскликнула Пульхерия Александровна — *нет.* *(ЧА$_4$)*

34–35 с сыном, с моим милым, милым Родей / с моим сыном *(ЧА$_4$)*

36 прибавила она, робко взглянув / сказала она, болезненно взглянув ◇ *(ЧА$_4$)*

37 целуя ее, — лучше верьте / подойдя и [поцеловав] целуя ее, — [я верю] а лучше верьте ◇ *(ЧА$_4$)*

39–41 вскричала ∾ на улицу / вскричала бедная, потерявш⟨аяся⟩ совсем женщина. — Ах, Родя. Ах, когда, знаете, вчера нам сказала эта женщина, что он убежал куда-то в горячке и в бреду, — как мы испугались. Мы думали было обе бежать к Петру Петровичу, но остановились расспрашивать, и когда потом эта женщина сказала, что они поссорились с Петром Петровичем, я так была встревожена, так измучилась и вот с тех пор, с тех пор — до сих пор, и всё, чем дальше, тем больше, и когда это кончится, не знаю. А я ведь так была уверена, так уверена. ◇ *На полях набросок, относящийся к последующему тексту:* Раскольников проснулся ровно в половине десятого... *и помета:* Раздумье о том, что он сделал вчера (короче). *(ЧА$_4$)*

43 и вся в белом... / вся в белом ◇ *(ЧА$_4$)*

44–45 *Текста:* подошла ко мне ∾ К добру ли это? — *нет.* *(ЧА$_4$)*

46 вы еще не знаете / вы не знаете ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 169—170.

48–4 *Текста:* Нет, не знаю ∾ Ах, не знаете? — *нет.* *(ЧА$_4$)*

Стр. 170.

4–8 А я думала ∾ говорю. / (а я думала, что вам известно). Вы мне простите. Право, я вас считаю за какое-то провидение наше, а потому так и убеждена, что вам всё известно, а если еще не известно, то должно быть известно. Право, я вас как бы за родного считаю. Вы... не сердитесь, что я так говорю. ◇ *(ЧА$_4$)*

8–10 *Текста:* Ах, боже мой ∾ Разумихин. — *нет. На полях и между строками наброски: 1.* Боже мой, что это у вас, Дм⟨итрий Прокофьич⟩, разбита рука *2.* взяв его руку *(ЧА$_4$)*

12 *После:* поправляет. — Но, боже мой, как я боюсь. [Думала ли я, что я к сыну моему буду идти и так бояться...] ◇ *(ЧА$_4$)*

12–13 Но, боже мой ∾ И эта женщина / Проснулся ли он, однако? И в какой он крошечной комнате, и эта женщина ◇ *На полях набросок:* Что он там делает? Лежит, думает, пишет?.. *(ЧА$_4$)*

14–21 *Текста:* Послушайте ∾ быть матерью! — *нет.* *(ЧА$_4$)*

23–34 голубчик мой ∾ от испуга. / голубчик мой.

— Постойте, я на минутку гляну, проснулся ли. Послушайте, кстати, не расспрашивайте его очень об чем-нибудь, если увидите, что он морщится, и не распространяйтесь, если увидите, что он не

хочет распространяться, про здоровье очень не расспрашивайте не любит.

Когда они подымались мимо хозяйкиной двери, черный глаз Прасковьи Павловны и со стуком заперлась дверь.[1] Пульхерия Александровна даже вскрикнула...

— Встал, одет, здоров, и доктор тут, — крикнул Разумихин. ◇ *(ЧА$_4$)*

35 *Обозначения главы:* III — *нет.* *(ЧА$_4$)*

36–38 весело крикнул ∽ на диване / *а.* сказал Зосимов, сидевший в вчерашнем углу на диване *б.* встретил их Зосимов, который уже сидел с десять минут у больного в вчерашнем углу на диване ◇ *(ЧА$_4$)*

37–38 во вчерашнем своем углу / во вчерашнем углу ◇ *(БА)*

38 *После:* диване — и встал при входе двух дам и Разумихина ◇ *(ЧА$_4$)*

38–40 *Текста:* Раскольников ∽ не случалось. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

40–42 Комната ∽ стала слушать. / [так что] комната вдруг разом наполнилась; но несмотря на то, Настасья тотчас же успела пройти вслед за ними и стала в дверях слушать. ◇ *(ЧА$_4$)*

40–41 но Настасья все-таки / но несмотря на то, Настасья тотчас же *(БА)*

41–42 стала слушать / стала в дверях слушать ◇ *(БА)*

43–45 Действительно ∽ угрюм. / Раскольников сидел в другом углу дивана. [[Уже час прошел] Зосимов сидел уже минут десять и очень рад был [вошедшим] пришедшим, потому что, сделав все свои осмотры и допросы, не находил уже почти возможн⟨ости⟩, о чем разговаривать.] Раскольников, конечно, был почти здоров, в сравнении с вчерашним, но был мрачен, задумчив и угрюм. Зосимов видел, что почти каждое слово разговора точно прикасалось к какой-нибудь его ране. *Далее вписано:* и не знал уж, что с ним говорить в ожидании посещ⟨ения⟩. ◇ *На полях наброски: 1.* Что это был уже не тот человек, как вчера, как третьего дня. *2.* N3. Но говорил всё так, как бы с усилием, не договаривая фраз, досад⟨уя⟩. *(ЧА$_4$)*

45 Снаружи он походил / Да и действительно Раскольников походил немного снаружи ◇ *(ЧА$_4$)*; [Он уже владел] Вчерашней раздражительности почти уж не было, но видно было, что сегодня почти каждое слово разговора точно прикасалось к какой-нибудь ране и бередило ее, несмотря на уменье его владеть собою. Даже снаружи он походил *(БА)*

Стр. 171.

1–4 брови его ∽ движениях. / Лицо его было очень бледно, брови сдвинуты, зубы стиснуты, губы не разжимались, говорил он мало и неохотно, был как бы рассеян, и изредка какое-то физическое беспокойство даже бессознательно проявлялось в иных движениях его. ◇ *(ЧА$_4$)*; Брови его были сдвинуты [глаза смотрели мрачно и сверкали] [взгляд мрачный], взгляд воспаленный и всех избегавший, губы [были] сжаты; говорил он мало и неохотно, как бы через силу или [по обязанности] исполняя обязанность, и какое-то [бессознательное] беспокойство изредка появлялось в его неровных, часто даже неожиданных движениях. ◇ *Ниже на полях набросок:* Но Раскольников, видимо, исполнял только обязанность *(БА)*

5 повязки / черной повязки ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

7 очень больно нарывает палец, или ушиблена рука / нарывает палец, или [прострелена] ушиблена больно рука ◇ *(ЧА$_4$)*

9–12 Впрочем ∽ сосредоточенной муки. / Впрочем [лицо его] это мрачное и задумчивое лицо невольно озарилось каким-то светом, когда вошли мать и [дочь] сестра, хотя оттого выражение его стало [как бы грустнее] как бы еще более грустным. ◇ *(ЧА$_4$)*

10 как бы светом / как бы каким-то светом ◇ *(БА)*

---

[1] *Так в рукописи.*

12-22 Свет померк ∾ бешенство. / Свет померк, но мука осталась, и очень скоро Зосимов заметил, что не только ему не стало легче, но, напротив, в лице появилась какая-то тяжелая [мучительная] мысль [означавшая, что вот перетерплю муку — только бы поскорее], как будто сознательная [готовность] решимость перенесть час-другой пытки, только бы поскорее. Но видно было, что нынешний день уже не было бреду и что человек этот вполне владел собой и мог [победить] побеждать в себе [какие угодно чувства] ощущения. ◇ *вписано на полях.* *(ЧА$_4$)*

15 с удивлением заметил / заметил *(БА)*

15–16 вместо радости ∾ решимость / *а.* как бы тяжелую, сознательную решимость *б.* вместо радости и счастья как бы тяжелую, скрытую решимость *(БА)*

17 нельзя уж избегнуть / нельзя избегнуть *На полях:* ее свидание с родными и во всё время он рад *(БА)*

17–18 Он видел ∾ разговора / Он [видел] заметил тоже, что почти каждое слово разговора *(БА)*

20 подивился отчасти сегодняшнему умению / *а.* дивился умению *б.* подивился сегодняшнему умению ◇ *(БА)*

21–22 впадавшего вчера / впадавшего *(БА)*

22 *После:* бешенство. — Быстрота кризиса удивляла его. ◇ *(БА)*

23–27 сказал ∾ ему руку / *а.* сказал он, целуя мать и сестру, — и говорю не по-вчерашнему, что здоров *б.* сказал он приветливо, целуя мать и сестру, отчего Пульхерия Ал⟨ександровна⟩ тотчас просияла, — и говорю не по-вчерашнему, что здоров, — прибавил он, пожимая руку Разумихину ◇ *(ЧА$_4$)*

25–26 уже не *по-вчерашнему* это говорю / *а.* уже не *по-вчерашнему* говорю, что здоров *б.* уже не *по-вчерашнему* это говорю, что здоров *(БА)*

28–36 А я так даже ∾ Раскольников. / [Да, я] Я даже подивился, — [промямлил] сказал Зосимов, когда все уселись, — [проснулся] [я] разумеется, я ожидал сегодня лучшего [но то, судя по ви⟨ду⟩], но он превзошел даже мои ожидания: ни раздражительности особенной, т. е. вчерашней, ни бреду... [Так только, бледность] Дня через три-четыре совсем будет как прежде [в свое лу⟨чшее⟩], когда был совсем здоров, месяц назад например, али два, али три. [Ведь так?] [Это издалека началось — а?] Ведь это издалека началось-то — а? Ведь уж это с месяц приготовлялось, что было [ведь так?], сознаетесь теперь? — с улыбкой спросил Зосимов.

— Совершенно так, — отвечал Раскольников с странной интонацией, точно [думая] держа что-то про себя. [В эт⟨о⟩] Ему действительно [припомнилась] мелькнула в голове его теория болезненного состояния преступления. ◇ *На полях набросок:* И я вам скажу, что моя теория верна.

— Какая теория?

— Тут одна теория *(ЧА$_4$)*

28–30 сегодня ∾ с своим больным / *а.* когда пришел сегодня, — начал Зосимов, когда все уселись *б.* сегодня — [поспешил сказать] начал Зосимов, [только что] когда все уселись ◇ *(БА)*

32 али, пожалуй, и три? / али три? ... *(БА)*

33 да подготовлялось ... / и приготовлялось... ◇ *(БА)*

33–34 Сознаётесь теперь, что, может, и сами виноваты были? / *а.* Сознаётесь теперь? *б.* Сознаётесь, что сами виноваты были? ◇ *(БА)*

35 его чем-нибудь раздражить / *а.* раздражить чем-нибудь своего пациента *б.* раздражить его чем-нибудь ◇ *(БА)*

36 Очень может быть, — холодно ответил Раскольников. / *а.* Совершенно так, — отвечал Раскольников с какой-то странной интонацией, [видимо] как будто разумея что-то сам про себя. *б.* Да... пожалуй и так, — отвечал тот. *в.* Это так, это так, — отвечал тот, видимо, для формы. ◇ *(БА)*

Стр. 171—172.

37–6 *Текста:* Я к тому ∾ мгновение. — *нет.* *(ЧА$_4$).*

Стр. 171.

37 разлакомившись / *а.* серьезно и внушительно *б.* серьезно и внушительно и, видимо, желая поговорить ◇ *(БА).*

38 *Слов:* в главном — *нет.* *(БА)*

40–43 что необходимо устранить ∾ даже и хуже. / что [ваша болезнь гораздо серьезнее, чем вы, может быть, думаете] необходимо устранить первоначальные коренные причины, влиявшие на зарождение вашего болезненного состояния, — тогда и вылечитесь, не то кончите чем-нибудь еще хуже, предрекаю вам. Одними же паллиативами [как теперь] ничего не сделаешь. ◇ *(БА)*

43 Этих первоначальных причин / *а.* Причин этих *б.* Первоначальных причин этих ◇ *(БА)*

44–45 Вы человек ∾ наблюдали. *вписано.* *(БА)*

45 наблюдали / наблюдаете ◇ *(БА)*

46 совпадает отчасти / совпадает ◇ *(БА)*

46 с выходом вашим / с выходом *(БА)*

47–48 Вам без занятий ∾ могли вам помочь. / Без занятий вам нельзя оставаться, а потому [усиленный] труд и твердо поставленная какая-нибудь цель, мне кажется, очень бы вам помогли. ◇ *(БА)*

Стр. 172.

1 поскорей поступлю / поступлю ◇ *(БА)*

1–2 Да, да ∾ как по маслу... *вписано.* *(БА)*

3–6 Зосимов ∾ мгновение. / Зосимов, начавший весь разговор несколько для эффекта перед дамами, был даже удивлен насмешливым и враждебным выражением лица, с которым его слушал Раскольников. *(Вариант на л. 33 об. БА).*

4–6 конечно, несколько озадачен ∾ продолжалось мгновение / [даже удивлен] конечно, несколько удивлен [когда, вглядевшись несколько пристальней в своего слушателя, заметил что-то насмешливое в лице его, даже как бы что-то высокомерное], когда, кончив речь и взглянув на своего слушателя, заметил что-то удивительно насмешливое и даже [злобную] высокомерную насмешку в лице его, [что-то] даже как бы что-то злое — впрочем, до того хорошо скрытое, что [никто не заметил этого], кроме него, никто этого и не заметил ◇ *(БА)*

6–8 Пульхерия Александровна ∾ в гостинице. / — Я не знаю уж как благодарить вас за ваши [ста⟨рания⟩] неустанные старания о нем, — сказала Пульхер⟨ия⟩ Алекс⟨андровна⟩, с чувством обращаясь к Зосимову, — и особенно за вчерашнее ночное посещение ваше к нам. *Далее вписано между строк:* Раскольников с любопытством слушал. ◇ *(ЧА$_4$); а.* Пульхерия Александровна бросилась благодарить Зосимова.

— Не знаю, как и благодарить вас за все ваши непрестанные старания о нем, — сказала она, с чувством обращаясь к Зосимову, — и особенно за вчерашнее ваше ночное посещение к нам... *б.* Пульхерия Александровна тотчас же пустилась благодарить Зосимова [за все старания о Роде, и особенно за] и в особенности за вчерашнее ночное посещение их в гостинице. ◇ *(БА)*

9–15 Как, он у вас ∾ потупясь. / Как, он у вас был ночью. А вы ночью не спали. Гм... — [Да и] И я не знаю, чем благодарить его, — сказал Раскольников. ◇ *(ЧА$_4$)*

9 был и ночью? / был ночью? *(БА)*

9–10 спросил Раскольников, как будто встревожившись / *а.* с любопытством спросил Раскольников *б.* спросил Раскольников, вдруг оживляясь любопытством ◇ *(БА)*

10 Стало быть / и... и стало быть ◇ *(БА)*

12 только до двух часов / до двух часов *(БА)*

13 раньше двух никогда / раньше двух часов *(БА)*

14–15 чем его благодарить, — продолжал Раскольников, вдруг пахмурясь и потупясь / чем благодарить его, — продолжал Раскольников, несколько нахмурясь, что всегда бывает с теми, которые не любят высказывать своих чувств *(БА)*
16–20 вы извините ∾ высказываю. / (вы извините, что я [так говорю] об этом упом⟨янул⟩ — ведь у меня денег нет) — я просто не знаю, чем заслужил я от вас такое особенное внимание, которое ничем ведь не купишь... [али вот] [Я это] Просто не понимаю этого, — отрезал ⟨Раскольников⟩. ◇ *(ЧА*$_4$*)*
16–17 вы извините ∾ чем это я заслужил / (вы извините, что я об этом упомянул) — я не знаю, чем заслужил *(БА)*
19–20 высказываю / говорю *(БА)*
21–25 Да вы ∾ не богат. / Да вы не дивитесь. Предположите, что вы мой первый пациент, ну и знайте, что начинающие практиковать своих первых пациентов, как своих детей, любят или даже, как любовниц. А я ведь не богат пациентами-то... Проговорив это с нек⟨оторым⟩ замешат⟨ельством⟩, Зосимов [был действительно очень красен] несколько покраснел. ◇ *(ЧА*$_4$*)*; *а.* Да вы не дивитесь, — засмеялся Зосимов, — предположите, что вы мой первый пациент, ну и знайте,что обыкновенно наш брат, только что начинающий практиковать, своих первых пациентов, как своих детей, любит или даже, как любовниц... А я ведь не богат пациентами-то... *б.* Да вы не дивитесь, — засмеялся Зосимов, на этот раз плохо поняв двусмысленность такой благодарности, — предположите, что вы мой первый пациент, ну а наш брат, только что начинающий практиковать, своих первых пациентов, как собственных детей, любит, а иные так почти влюбляются в них, — прибавил он затем. — А я ведь пациентами-то не богат. ◇ *(БА)*
26 прибавил / промолвил ◇ *(ЧА*$_4$*)*
27–28 а тоже ∾ от меня не видал / а между тем и вы и он, кроме оскорблений и хлопот, ничего от меня не видели [1] ◇ *(ЧА*$_4$, *БА)*

Стр. 172—173.

30–10 крикнул Разумихин ∾ боюсь?..» / *а.* сказал Разумихин, но взглянув на него, он увидел, что он вовсе не в особенно чувствительном настроении и даже говорит через силу, может быть исполняя искренно сознаваемую обязанность, но все-таки через силу.

— А [уж] про вас, маменька, я уж [и не говорю] и говорить не смею. Я сегодня только сообразил, как вы должны были мучиться здесь, ожидая меня вчера. *б.* сказал Разумихин, но взглянув на него, он увидел, что он вовсе не в особенно чувствительном настроении. Даже убедился, что всё посещение это и разговор — чрезвычайно тягостны.

— Нет, вообще я про то, что-то люди интересуют⟨ся⟩ и... Я не знаю, чем я мог возбудить. После этой болезни, у меня новые знакомые, или желающие со мной познакомиться. А про вас, маменька, я уж и говорить не смею. Я сегодня только сообразил, как вы должны были мучиться здесь, ожидая меня вчера и слушая вот ее болтовню. — Он указал на Настасью.

Сказав это, он вдруг протянул руку сестре, с которой с самого прихода еще не сказал ни слова. Та тотчас взяла ее и пожала, благодарно улыбнувшись. Лицо матери так и сияло, увидев это безмолвное и бессловное их примирение. [Она хоть и видела, что Роде лучше, но его болезненное состояние ее поражало и мучило [теперь же]. Она как-то боялась говорить...] «Как это хорошо, — подумала она, — какие у него благородные порывы. Как он деликатно и просто протянул сестре руку, и вот помирились. Но только какой у него бедный костюм, как он одет. Что это за пальто. У Афанасия Ивановича мальчишки в лавке носят лучше. Боже, какая обстановка!» Так бы и бросилась обнять его, прижать к сердцу, но... но тут же почувствовала она, что

---

[1] В *БА:* не видали

всё еще боялась его... что в нем было что-то такое, что мешало этому ◇. *На полях наброски: 1.* Насмешка. Такая мука. *2.* что⟨-то⟩ презрительное и высокомер⟨ное⟩, что-то досадливое, как форм⟨альная⟩ обязанность, что-то такое, что всякий простодуш⟨ный⟩ и добрый человек, хоть и видит, но как-то не хочет угадывать, простому и добр⟨ому⟩ Вздор это *(ЧА$_4$)*

Стр. 172.

30-43 крикнул Разумихин ∾ размолвки. / крикнул Разумихин, но взглянув на него, даже удивился про себя. В лице Раскольникова, говорившего все эти чувствительные [слова] вещи, хоть и неприметно, но было нечто как будто даже насмешливое, и надоедливое, и скучающее, как бы при исполнении чего-нибудь через силу, что-то высокомерное, рассеянное, что-то скрытное, тайное про себя... Разумихин, разумеется, ничему не поверил, [тем более что] что видит это, и тотчас же убедился, когда Раскольников [искренно] действительно с искренностью и теплым чувством обратился вдруг к матери и сестре.

— Про вас же, маменька, я и говорить не смею, — [сказал он] [продолжал Раскольников заученный ⟨урок⟩]. — Сегодня только я мог сообразить сколько-нибудь, как должны были вы здесь вчера [мучиться] измучиться в ожидании [меня] моего возвращения... [слушая ее болтовню. — Он кивнул на Настасью и вдруг, молча, с простодушной и даже несколько робкой, нежной улыбкой]. Сказав это, он вдруг, молча и с улыбкой [в которой как-то неожиданно мелькнуло даже чувство], протянул руку сестре [с которой до сих пор еще не сказал ни слова]. Но в этой улыбке вдруг мелькнуло даже чувство. Та тотчас же схватила и горячо пожала [его] протянутую ей руку, благодарно улыбнувшись. ◇ *Между строками вписано:* Удивлял ее брат. *(БА)*

43 осветилось / засветилось ◇ *(БА)*

46–48 и люблю! ∾ эти движения!.. / и люблю [сукина сына] мерзавца! — энергически шепнул Разумихин Пульхерии Александровне [сверкнув глазами и повернувшись] и повернулся на стуле так, что стул затрещал. К счастью [та его не расслышала], та не совсем его расслышала. ◇ *(БА)*

Стр. 173.

1 И как это у него / Как это у него ◇ *(БА)*

2–3 деликатно / деликатно, изящно даже ◇ *(БА)*

3 всё это вчерашнее недоумение с сестрой / *а.* всё это недоумение [в один] одним мигом, одним разом, без слов *б.* [теперь] одним разом всё это вчерашнее недоумение с сестрой ◇ *(БА)*

5–6 Он собой даже / Он даже *(БА)*

7 в лавке Вася, рассыльный /рассыльный мальчик в лавке ◇ *(БА)*

8 И так бы вот, так бы /Господи, вот так бы ◇ *(БА)*

10 Вот ведь / вот *(БА)*

11–14 Ах, Родя ∾ рассказать. / [Ах, боже мой] Да, Родя, — [подхватила вдруг Пульхерия Александровна] начала она, — [как] мы вчера [беспокоились] так измучились. *Далее вписано на полях:* Теперь уж прошло и так счастливо кончилось, так что можно сказать. ◇ *(ЧА$_4$)*

13–14 мы опять счастливы, — можно рассказать / *а.* мы счастливы, можно рассказать *б.* мы опять счастливы, — так можно рассказать ◇ *(БА)*

14–15 бежим сюда ∾ из вагона / *а.* приходим сюда *б.* приходим сюда, чтоб обнять тебя ◇ *(ЧА$_4$)*

15 из вагона / из воксала *(БА)*

15–16 а эта женщина, — а, да вот она! / Эта женщина, ах, да вот она! ◇ *(ЧА$_4$)*

16 Здравствуй, Настасья!.. *вписано.* *(ЧА$_4$)*

16–18 Говорит она ∾ отыскивать. / рассказывает она нам, что ты [был] в белой горячке и тихонько от доктора убежал в бреду. ◇ *(ЧА$_4$)*

18 Говорит она / рассказывает ◇ *(БА)*

19–23 *Текста:* Ты не поверишь ∾ вытащить. — *нет.* *(ЧА$_4$)*
19–20 Мне как раз представилось, как трагически погиб / Я как раз припомнила, как погиб ◇ *(БА)*
21–23 ты его ∾ вытащить. / *а.* тоже в белой горячке — выбежал и в колодезь на дворе упал *б.* тоже таким же образом выбежал и в колодезь на дворе упал, только на другой день могли вытащить! ◇ *(БА)*
23–24 А мы, конечно, еще более преувеличили. / Мы, конечно, еще больше преувеличили, как это и всегда бывает. Что делать! Я едва на ногах устояла. ◇ *(ЧА$_4$)*
23 А мы / Мы ◇ *(БА)*
25–29 чтобы хоть с его помощию ∾ совершенно счастливы». / чтоб с его помощию — потому что ведь мы были одни, совершенно одни, — заторопилась [вдруг] и осеклась вдруг Пульхерия Александровна, вспомнив, что заговорила о Петре Петровиче. ◇ *На полях помета:* Совершенно счастливая Пульхерия Александровна. *(ЧА$_4$)*
26–27 протянула она ∾ совсем осеклась / *а.* заторопилась она вдруг и осеклась, совершенно сконфузившись *б.* протянула она жалобным голосом и вдруг осеклась ◇ *(БА)*
28 все уже опять / все опять ◇ *(БА)*
30–32 Да, да ∾ на него посмотрела. / Да, воображаю... как [вам было] это всегда трудно... [А я как сегодня проснулся, — тоже [как бы] перебил Раскольников] (проговорил он как бы говоря «да довольно же») ◇ *(ЧА$_4$)*
30 всё это / это *(БА)*
31–32 рассеянным и почти невнимательным видом / рассеянным видом *(БА)*
32 в изумлении / даже с удивлением ◇ *(БА)*
32 *После:* посмотрела — *зачеркнуто:* «Что он, по обязанности, что ли, нам отвечает?» — невольно подумалось ей. *(БА)*
33–43 Что бишь ∾ успел одеться. / *а.* [А я как сегодня проснулся, тотчас же и] Будьте уверены, что я сегодня хотел идти к вам поскорей, вас не дожидаясь, — не думайте, чтоб я ждал ваш визит, — да платье задержало. Я и забыл ее попросить вчера, — прибавил он, указывая на Настасью, — замыть... эту кровь... и только что теперь успел вот одеться... *б.* Не думайте, пожалуйста, маменька, и ты, Дунечка, [чтоб я вас ожидал сегодня] что я не хотел к вам идти сегодня и ждал вас. Меня платье задержало. Я позабыл.

— Ну полно, ну что ты, — вскричала мать.

— Я только что проснулся, хотел идти, но меня платье задержало. ◇ *(ЧА$_4$)*
33 Что бишь я еще хотел / Да... что бишь я хотел еще *(БА)*
35 сегодня первый прийти / *а.* идти сегодня *б.* прийти сегодня ◇ *(БА)*
36 Да что это ты / Ах, что ты *(БА)*
36 вскричала / вскрикнула ◇ *(БА)*
38–40 «Что он ∾ затвердил» *вписано.* *(БА)*
38–39 подумала Дунечка / невольно подумала Дунечка ◇ *(БА)*
40 али урок / или урок ◇ *(БА)*
41 хотел было идти / хотел идти ◇ *(БА)*
44 какую кровь? / какая кровь? ◇ *(ЧА$_4$)*
46 Это так... не беспокойтесь. Это кровь оттого / [Не б⟨еспокойтесь⟩] Это так... не беспокойтесь... [не моя кровь!] маменька. Эта кровь оттого ◇ *(ЧА$_4$);* Ах да... это так... не беспокойтесь, маменька. Эта кровь оттого *(БА)*
47–48 наткнулся ∾ чиновника одного... / наткнулся [часу в одиннадцатом] на раздавленного [человека] чиновника, здесь недалеко [чиновника одного ...], Мармеладов по фамил⟨ии⟩. ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 174.

1 В бреду? Но ведь ты всё помнишь, — прервал Разумихин. / В бреду? но ведь ты помнишь, — сказал Разумихин. ◇ *Вписано на полях, с пометой* №3. *(ЧА$_4$)*

2–6 Это правда ∾ ввязался Зосимов/ Разумеется, даже всё помню. *Далее: а.* но ты знаешь это состояние, полуумное, и помнишь, а бог знает что делаешь и куда идешь.

— Разумеется, разумеется, — подхватил Зосимов. *б.* помню до малейшей подробности, а вот поди: зачем я то делал да то говорил — не могу уж сказать... А ведь и говори не глуп...

— Это совершенный, кажется, и известный феномен, — спокойно ◇ *вписано на полях, не закончено. (ЧА$_4$)*

2 ответил на это / *а.* ответил *б.* и с усиленно-натуральным видом ответил ◇ *(БА)*

5 не могу хорошо объяснить. / не могу сказать. По ощущению какому-то. [Он [му⟨чительно⟩] с мучением припоминал сегодня, как он накутил вчера в квартире покойницы, с обойщиками и с дворниками.] *(БА)*

7 иногда мастерское, прехитрейшее / прекрасное, [преостроумное] и даже прехитрое ◇ *(БА)*

8–9 от разных болезненных впечатлений. / от каких-то болезненных впечатлений... ◇ *(БА)*

9 *Фразы:* Похоже на сон. — *нет. (БА)*

10 почти / отчасти ◇ *(БА)*

11 *После:* Раскольников. — *а.* Пожалуй, и пригодится *б.* Пригодится... *(БА)*

12 здоровые / *а. Как в тексте. б.* здоровые-то ◇ *(БА)*

12–13 заметила Дунечка / возразила Пульхерия Александровна ◇ *(БА)*

14 Довольно верное замечание / Верное замечание ◇ *(БА)*

14 ответил тот / ответил он *(БА)*

15–17 все мы ∾ черту. / *а.* все как бы помешанные, с тою только разницей, что «больные» несколько больше. Есть такая черта. *б.* все мы, и весьма часто, как помешанные, с тою только разницей, что «больные» несколько больше нас помешаннее. Все-таки такая черта есть... ◇ *(БА)*

18 это правда, совсем почти нет / *а.* действительно, совсем почти нет *б.* это правда, совсем почти нет в природе *(БА)*

18–20 на десятки ∾ слабых экземплярах / Может быть, на десятки тысяч по одному [только] приходится, да и то в довольно посредственных экземплярах ◇ *(БА)*

21–22 заболтавшегося на любимую тему / заболтавшегося *(БА)*

22 Раскольников / *а. Как в тексте. б.* Но Раскольников ◇ *(БА)*

24–25 Он что-то продолжал соображать. *вписано. (БА)*

26–30 Ну, так что ж ∾ сделал / Ну, что ж этот чиновник (Пульх⟨ерия⟩ Ал⟨ександровна⟩)

— Ну да, я и запачкал, когда переносил [его в его] раздавленного в его квартиру. Кстати, маменька, я сделал непростительную вещь. ◇ *(ЧА$_4$)*

28 Что? — как бы проснулся тот, — да ... *вписано. (БА)*

28 Что? / А? что? *(БА)*

29 *После:* в квартиру... — Очень уж раздавили... ◇ *(БА)*

29 Кстати / Да, кстати ◇ *(БА)*

30–31 не в своем был уме / не в своем разуме *(БА)*

32 Теперь вдова / Вдова ◇ *(БА)*

33 в доме пусто / в доме нич⟨его⟩ *(БА)*

35–36 сознаюсь, особенно зная / *а.* зная *б.* сознаюсь; [особенно] зная ◇ *(БА)*

36 Чтобы / *а.* Ведь чтоб *б.* Чтоб ◇ *(БА)*

37 право такое / *а. Как в тексте. б.* ведь право такое *в.* право ведь такое ◇ *(БА)*

38 *Фразы:* Он рассмеялся. — *нет. (БА)*

40–43 Ба! да и ты ∾ тебе же лучше... / *а.* Ага, да и ты... с намерениями... — сказал он, посмотрев на нее внимательно, — что ж, похвально; *б.* Ба... да ты... так ты с намерениями! — пробормотал он, посмотрев на нее внимательно и холодно улыбнувшись, — я бы должен был это сообразить. Что ж, и похвально; ◇ *(БА)*

45-46 раздражительно, досадуя / *а.* видимо досадуя *б.* с раздражительностью и досадою ◇ *(БА)*

Стр. 174—175.

46-2 Я хотел только ∾ резко и отрывисто. / *а.* У вас же, маменька, я прощения прошу... *б.* Я хотел только сказать, маменька, что у вас я прощения прошу... чтобы как-нибудь не обидеть, — заключил он резко и отрывисто. ◇ *(БА)*

Стр. 175.

5 Не будьте уверены, — ответил он, скривив рот в улыбку. / *а.* Неужели? — насмешливо ответил он. *б.* Неужели? — ответил он, скривив рот в улыбку. ◇ *(БА)*

7 и в молчании, и в примирении, и в прощении / *а.* и в молчании *б.* и в молчании, и в примирении, и прощении ◇ *(БА)*

8 *После:* чувствовали. — *вписано и зачеркнуто:* «Что он, точно по обязанности нам отвечает, — невольно подумала Дунечка, — и мирится, и прощения просит, точно службу служит» *(БА)*

8 *После:* чувствовали. — Разные эпохи и разные взгляды, — несколько напыщенно заговорил Зосимов, искоса посмотрев на Авдотью Романовну, — так и насчет [добрых дел, и даже] нравственности и даже всего... Всё сменяется, с обстоятельствами... повинуясь [своим] общим законам.

Он сконфузился и замолчал. Как-то не вышла его фраза.

— Разве и добрые дела [теперь] уж не так, как прежде, делаются? — [из вежливости спросила] спросила [несколько разгорячившись] Авдотья Романовна.

— Уж конечно, не так, — [отвечал небрежно] ответил Зосимов с какою-то усиленною небрежностию.

— Я вам скажу, как они у нас теперь делаются, — подхватил Разумихин. — Действительно добрые, ну... и умные люди — которые все-таки про себя добро делают — скажут вам, что грустно и тяжело помогать единично, а что надо самый корень общественного зла искоренить, насадив добро. В одном смысле они, разумеется, правы. Другие за ними, тоже хорошие и добрые люди, но уж слишком захиревшие от книг, притащут вам целые томы доказательств, что единичное добро даже вредит, а не помогает обществу, забывая, в скобках, что, во-первых, оно все-таки помогает единично, а во-вторых, [вам самим помогает] вас самих удовлетворяет, что, уж конечно, всего остального стоит, а в-третьих... ну, в-третьих, не скажу... [не время] не место! Наконец, после всех придут плуты и модные дурачки [Упустив и не поняв великодушную [идею, на] цель, для которой построено учение вспоможения социального и искоренения злых начал, они] — вот эти-то и всего драгоценнее! — Первым делом они всего более обрадуются тому, что совсем уж не надо помогать. Хоть и не было этого правила [но они его выведут и только это одно и выведут], хоть и никто этого не говорил, но они тотчас же так поймут и так только это одно из всего и выведут. Они и прежде [эгоистами] подлецами жили, но по крайней мере плеваться [запрещалось] боялись, а теперь [политическая экономия, наука, стало быть] прямо в книгу можно плевать. И во всех-то вещах они так, именно это-то, и поймут. И до того они квакают и позорят всё, к чему ни притронутся, всякую чистую, светлую мысль, что за их кваканием и умного слова узнать нельзя [всё исказят!]. Имя им легион, и... и... ну да черт с ними, не всё ли равно!

Разумихин замолчал и рассердился. Никто не отвечал ему. Молчание как будто еще более укрепилось. ◇ *(БА)*

9-10 думал сам про себя ∾ на мать и сестру / *а.* подумал Раскольников, и чуть не со злобой посмотрел на оробевшую мать *б.* думал он, исподлобья и со скукой глядя на мать и сестру ◇ *(БА)*

12 «Заочно, кажется, так ведь любил их» / «Заочно так любил их *(БА)*

12–13 промелькнуло в его голове. / *а.* продолжал он про себя, — а при свидании и выносить не могу! Этого я не представлял! Да мне много хотелось тогда!» *б.* [про]мелькнуло в нем среди тоски, — а при свидании и выносить не могу! Даже *я* этого не ожидал. [Нет, даже и не предчувствовал.] [Многого, впрочем, я не ожидал.] А впрочем, правда ли это? Может быть, это только минута! ◇ *(БА)*

16 Какая это Марфа Петровна? / Какая Марфа Петровна? *(БА)*

17–18 Ах, боже мой ∾ писала тебе. / *а.* Марфа Петровна, Свидригайлова. В одночасье, знаешь, я писала тебе. *б.* Марфа Петровна, Свидригайлова; я еще так много об ней писала тебе. Неужели забыл? ◇ *(БА)*

19 да, помню... / да... *(БА)*

19–20 Ах, в самом деле ∾ проснувшись. / *а.* Ах, боже мой, — вдруг встрепенулся Раскольников *б.* Ах, в самом деле? — встрепенулся он, как бы очнувшись ◇ *(БА)*

20–21 Отчего же? / отчего? *(БА)*

22–23 заторопилась ∾ его любопытством / заторопилась, ободренная его вниманием, Пульхерия Александровна *(БА)*

26 ужасно избил! / нещадно избил! ◇ *(БА)*

27 Разве они / Во-о-от! разве они ◇ *(БА)*

27 спросил он / спросил Раскольников *(БА)*

28–30 напротив даже ∾ к ее характеру, /*а.* он, напротив даже, был очень терпелив; до странности был к ней снисходителен... *б.* напротив даже, он всегда был очень терпелив, даже вежлив; во многих случаях даже слишком был снисходителен к ее характеру... ◇ *(БА)*

30–31 потерял терпение / вышел из терпения ◇ *(БА)*

32–33 Стало быть ∾ оправдываешь? / *а.* Стало быть, он вовсе не так ужасен? *б.* Стало быть, он вовсе не так ужасен, коли семь лет крепился, да и ты, Дунечка, кажется, его как⟨-то⟩ оправдываешь? ◇ *(БА)*

34 Нет, нет / Нет ◇ *(БА)*

34–35 и представить не могу / [не зн⟨аю⟩] и вообразить не могу ◇ *(БА)*

36 задумалась / замолчала в раздумье *(БА)*

37 Случилось это у них утром / Это случилось утром *(БА)*

38–39 приказала заложить лошадей / приказала лошадей ◇ *(БА)*

40 *После:* в город — *вписано:* потому что она всегда в таких случаях в город ездила по всем знакомым ◇ *(БА)*

43 эта... привычка / эта слабость ◇ *(БА)*

45 в купальню... / купаться.◇ *(БА)*

46 ключ холодный /ключ такой святой, холодный ◇ *(БА)*

46–47 купалась в нем ∾ удар! / каждодневно регулярно купалась в нем и, как только вошла в воду, — вдруг, как молния, апоплексический удар! ◇ *(БА)*

Стр. 176.

2 отозвалась / сказ⟨ала⟩ *(БА)*

4–5 раздражительно и как бы нечаянно проговорил вдруг Раскольников. / *а.* раздражительно проговорил Раскольников *б.* раздражительно проговорил вдруг Раскольников ◇ *(БА)*

6 да я не знала, о чем уж / *а.* я, право, не знала даже, об чем *б.* я, право, не знала, об чем уж ◇ *(БА)*

7 вырвалось / нечаянно вырвалось ◇ *(БА)*

8–9 *Слов:* сказал он с искривившеюся улыбкою — *нет.* *(БА)*

10 Это действительно / — Ах, Родя, ведь это и правда, что боюсь. — Это действительно ◇ *(БА)*

11 Маменька / она ◇ *(БА)*

11–12 даже крестилась / крестилась ◇ *(БА)*

14 *Слова:* пожалуйста — *нет.* *(БА)*

15 заговорила в смущении / заговорила *(БА)*

16 это я ∾ всю дорогу мечтала / я [дей⟨ствительно⟩] и вправду, как ехала сюда, — [так] мечтала всю дорогу ◇ *(БА)*

17–18 друг другу... и так / друг другу и... и так ◇ *(БА)*

19 тем только счастлива / тем счастлива *(БА)*
23 смутился и побледнел / страшно побледнел ◇ *(БА)*
23–24 опять одно ∾ душе его / *а.* Странная и страшная мысль озарила в это мгновение его голову и стала перед ним во всей ужасной и неожиданной своей истине. *б.* Опять одно ужасное прежнее ощущение мертвым холодом прошло по душе его. ◇ *(БА)*
25 опять ему вдруг / *а.* Ему вдруг *б.* Ему вдруг и только теперь, в эту минуту, в первый раз *в.* Ему вдруг опять ◇ *(БА)*
25–31 ясно и понятно ∾ вон из комнаты. / ярко и понятно, что [сказав: «Успеем наговориться», — он сказал ужасную ложь и что не только ему не *говорить* уже более с ними, но что отселе *никогда*] он сказал сейчас страшную ложь и что [никогда ему уже не говорить и не только с ними] не только никогда ему не успеть наговориться, но и ни об чем *нельзя уже говорить с людьми.* [Эта неожиданная мысль или, лучше сказать, этот вдруг и неожиданно выжитый факт до того поразил его, что он на мгновение почти забыл, что делает: встал с места и с изумлением стал осматриваться кругом.] [Еще утром, проснувшись, решил он, что вчерашнее мгновение у Марм⟨еладовых⟩ — один мираж.] И несмотря на то что он твердо решил сегодня владеть собой, ощущение было так сильно, что он побледнел ужасно, встал с места и вопросительно, в глубокой задумчивости, смотрел перед собой. Вера его пропала. «Вчерашнее мгновение у Мармеладовых — один мираж!» — подумал он с гробовым холодом в душе. ◇ *(БА)*
32 крикнул Разумихин, хватая его за руку / вскрикнул Разумихин ◇ *(БА)*
33–34 Он сел опять ∾ с недоумением. / *а.* Осмотревшись, Раскольников сел на диван и вдруг по причудливому, чуть не истерическому побуждению вдруг расхохотался. *б.* Я? Ничего... — ответил он и сел, осматриваясь. ◇ *(БА)*
35–36 вскрикнул он вдруг, совсем неожиданно, — скажите что-нибудь! / [вскрикнул] воскликнул он [вдруг] неожиданно [оживившись]. Он медленно окинул всех взглядом. — Скажите что-нибудь, да [посмешнее] повеселее. ◇ *(БА)*
37–38 Станем разговаривать ∾ что-нибудь! / А то собрались и сидим. Ну, что-нибудь! Станемте разговаривать. ◇ *(БА)*
39–40 вчерашнее начинается, — сказала, перекрестившись / начинается! — проговорила ◇ *(БА)*
43 одну штуку вспомнил / вспомнил про одну штуку *(БА)*
43–44 и вдруг засмеялся / *а.* продолжая хохотать *б.* сдерживая хохот *(БА)*
45 коль штуку / коль про штуку *(БА)*
45–46 и я сам было подумал... — пробормотал / я и сам было думал... — сказал ◇ *(БА)*
47 *После:* если застану... — До свидания. ◇ *(БА)*
48 Он / Зосимов ◇ *(БА)*

Стр. 177.

1 Какой прекрасный человек! / Прекрасный человек! ◇ *(БА)*
3 прекрасный, превосходный, образованный / *а.* прекрасный *б.* прекрасный, прекрасный, образованный ◇ *(БА)*
4–5 заговорил вдруг ∾ оживлением / *а.* отозвался Раскольников *б.* начал вдруг Раскольников с какой-то [странной и] отрывистой скороговоркой [как будто прицепившись к слову] и с каким-то необыкновенным, до сих пор, оживлением ◇ *(БА)*
6–7 прежде, до болезни встречал... Кажется, где-то встречал... / *а.* прежде встречал, — прибавил он, как-то вдруг оживившись или продолжая оживлять себя, но только какой-то неожиданной, напускной и болезненной веселостью; вследствие недавнего припадка смеха, еще оставшегося в нем, он с какою-то жадностью отдавался новому настроению. *б.* прежде, до болезни, встречал, [а] кажется, где-то встречал ◇ *(БА)*
8–9 *Слов:* спросил он ее и вдруг, неизвестно чему, рассмеялся. — *нет.* *(БА)*

10 ответила / сказала ◇ *(БА)*

11-12 какой ты ∾ покрасневший / какая ты свинья! — [произнес сконфузившийся] громко произнес страшно сконфузившийся *(БА)*

12-14 Пульхерия Александровна ∾ расхохотался. / *а.* Все захохотали. *б.* Дамы улыбнулись. А Раскольников захохотал громко и весело. ◇ *(БА)*

15 Да куда ты? / *а.* Ты куда? — спросил Раскольников. *б.* Да куда ты? — вдруг спросил он. ◇ *(БА)*

17-18 Совсем тебе ∾ Не ходи... / *а.* Совсем тебе не надо. Это ты потому, что я сказал маменьке: «успеем наговориться», а Зосимов и встал, точно [я его этим словом [выгнал] выгнать хотел] он нам мешает говорить. Вот и ты... Не ходи. У меня даже есть одно дело к тебе серьезное. Потом скажу... *б.* Совсем тебе не надо. Оставайся. Это ты [за Зосимовым] потому, что Зосимов ушел, вот и ты за ним! Не ходи. Мне надо. До тебя одно дело есть, дело серьезное. Потом скажу... *Далее вписано и зачеркнуто:* Да что вы молчите все... Я один только и говорю. ◇ *(БА)*

18 А который час? / Не мешаем ли мы? — встрепенулась Пульхерия Александровна.

— Ничуть, ничуть; успеем. Который час? ◇ *(БА)*

19-20 Да что вы ∾ говорю!.. *вписано. (БА)*

20 я да я / я один *(БА)*

21 Это подарок Марфы Петровны, — ответила Дуня. / *а.* Это подарок Марфы Петровны, при прощаньи. *б.* Это мне подарок Марфы Петровны, при прощаньи, — [сказала Дуня] отвечала Дуня. ◇ *(БА)*

23 какие большие / но какие большие ◇ *(БА)*

25-26 подумал Разумихин и неизвестно чему обрадовался / подумал обрадованный Разумихин ◇ *(БА)*

28 *После:* не дарил Дунечке. —

[— Это и хорошо, маменька, — сказала Дуня.

Последовало молчание.] Раскольников [задумался и смотрел в землю] как бы с усилием что-то припоминал. ◇ *(БА)*

29-30 А-а-а! ∾ жениться хотел / *а.* А помните, маменька, я влюблен был и жениться хотел *б.* А [а...] а... помните, маменька, я влюблен-то был и жениться хотел, еще к вам такие письма писал ◇ *(БА)*

30-31 пораженную ∾ об этом заговорил / *а.* и почти сам не понимая, почему заговорилось об этом *б.* пораженную неожиданным тоном, с которым он об этом заговорил ◇ *(БА)*

34 Гм! Да! А что мне вам рассказать? / *а.* Я уверен, что вы обе умираете от любопытства, — заметил он насмешливо, — а мне вам почти нечего и сказать... *б.* Я уверен, что вы обе умираете от любопытства, — заметил он, улыбнувшись. — [А жаль, что мне вам почти нечего и рассказать.] Гм, да... а что же мне рассказать? ◇ *(БА)*

35-36 как бы ∾ совсем хворая / *а.* опять задумываясь, не подымая глаз и как бы припоминая *б.* припоминая, опять задумываясь и не подымая глаз ◇ *(БА)*

38-39 да, да... помню ... очень помню. Дурнушка такая... собой / [Робкая была, но... твердая...] Дурнушка такая ◇ *(БА)*

41 *После:* полюбил — *вписано и зачеркнуто:* К ней именно это бы шло. *(БА)*

42 *Слов:* (Он задумчиво улыбнулся.) — *нет. (БА)*

43 тут не один бред / *а.* это не бред *б.* это не один бред ◇ *(БА)*

43-44 с одушевлением сказала Дунечка / заметила Дуня ◇ *(БА)*

45-46 Он внимательно ∾ ее слов. / Он внимательно и с напряжением посмотрел на сестру, но, видимо, не понял, что она сказала, даже не расслышал. *Далее: а.* — Не знаю, для чего мне давно вам об этом рассказать хотелось, именно вам, мамаша... *б.* [Не пон⟨имаю⟩] Мне давно вам об этом хотелось скорее рассказать, маменька. *в.* Мне давно вам, маменька, хотелось это всё рассказать. ◇ *(БА)*

46-48 Потом ∾ и сел. / *а.* Он встал и поцеловал ее; [почти не давая] [не сознавая] [взгляд его был рассеянный, он, может быть, и не сознавал, что делает] видимо, не давая себе полного отчету в том, что делает.

б. Потом встал, подошел к матери и поцеловал ее, но опять-таки с тем странным видом, как будто сам не давал себе отчета [в], что делает. *в.* Он вдруг задумался. Потом, видимо в глубокой задумчивости, встал, подошел к матери и поцеловал ее. Затем обратно сел на свое место. ◇ *(БА)*

Стр. 178.

1–2 Ты и теперь ∾ Пульхерия Александровна. / *а.* Может быть, ты и теперь ее любишь, — спросила Пульхерия Александровна. *б.* Ты и теперь ее любишь! — [сказала] с нежностию сказала Пульхерия Александровна, тотчас же растроганная. ◇ *(БА)*

4 *Слов:* и так давно — *нет.* *(БА)*

4–5 не здесь делается / не на земле *(БА)*

6–7 Он со вниманием ∾ точно / Он со вниманием осмотрелся.

— Да, [не здесь] и вы... и всё это — точно я ◇ *(БА)*

7 на вас / на всё *(БА)*

8 мы об этом ∾ к чему расспрашивать? / *а.* я об этом заговорил! Зачем вы меня это спросили? *б.* я об этом заговорил! — [вдруг вскрич⟨ал⟩] А зачем, зачем вы меня стали спрашивать? Что вам-то за дело? ◇ *(БА)*

9–10 вновь задумываясь / *а.* задумавшись *б.* опять задумываясь ◇ *(БА)*

10 *После:* задумываясь. —Все молча переглянулись друг с другом. ◇ *(БА)*

11 Какая / Ах какая ◇ *(БА)*

12–13 *Слов:* прерывая тягостное молчание — *нет.* *(БА)*

16 я об этом тоже думал... / *а.* я уверен *б.* я тоже уверен *в.* я сам об этом думал ◇ *(БА)*

16–17 А если б вы знали, однако / *а.* Если б вы знали *б.* Если б вы знали, однако ◇ *(БА)*

18 усмехнувшись. / улыбаясь. — [Я вас] А я ведь — да; я вас очень мучил, очень огорчал, — проговорил он [отрывисто] внезапно, после минутного молчания.

— Полно, Родя! Не говори об этом более ни разу. Всё, что ни делал ты, — всё прекрасно и благородно. Если б ты знал, как ты счастливишь меня теперь своими словами. ◇ *(БА)*

19–25 Еще немного ∾ как выходу. / *а.* Между тем он пришел в себя и тотчас нахмурился. Еще немного, и это общество, этот разговор и родственный тон разговора стали бы ему невыносимы. Никогда он более не чувствовал себя ⟨*нрзб.*⟩ более в тисках, как теперь, более [*нрзб.*], более чужим, более ломтем отрезанным. Он мучительно что-то припоминал. [Слава богу, он вспомнил про] Он вспомнил, однако ж, одно неотлагательное дело, которое так или этак, а надо решить. Он обрадовался *делу* как выходу. *б.* Мало-помалу он приходил в себя от недавнего столбняка. Еще немного, и это общество, этот разговор хоть об чем-нибудь, родственный тон разговора, усиленное желание об чем-нибудь говорить и совершенная невозможность говорить — стали бы ему невыносимы. [Но однако ж] Было, однако ж, одно неотлагательное дело, которое так или этак, а надо было непременно решить в этот же раз. Он вспомнил и обрадовался *делу* как выходу. ◇ *На полях набросок:* с милыми родными после трехлетней разлуки *(БА)*

26–28 Вот что, Дуня ∾ не отступлюсь. / Вот что, Дуня, — начал он серьезным и [строгим] сухим и чуть не деловым [голосом] то⟨ном⟩, — я бы очень желал, чтоб ты мне простила вчерашний спор. [Во всяком случае я много виноват.]

— Да разве она не простила? — воскликнула [в умилении] Пульхерия Александровна в умилении. [Дуня подошла и подала брату руку. [Мы]

— Понимаю, что простила. Пришла, стало быть, простила, — сказал Раскольников.

— Да я бы во всяком случае пришла сегодня, — сказала Дунечка, с удивлением смотря на брата. — Неужели ж ты полагаешь, что я бы могла не прийти?

— Если б я не простил, я бы не пришел, — сказал Раскольников.

— Я, может быть, не так тебя понимаю, — сказала Дунечка.]

— [Я тебе объясню это, Дуня.] Ну, так я тебе это объясню, Дуня. Я очень рад, что могу это тебе объяснить. Хорошо, постой: хоть я и обязан [выпросить] просить у тебя прощения, но знай, что я от главного моего не отступаюсь. ◇ *(ЧА$_4$)*

27 прошу / просил и прошу *(БА)*

28 я не отступлюсь / я все-таки не отступаюсь ◇ *(БА)*

29 Пусть я подлец, а ты / Пусть я [подлец] подл, но ты ◇ *(ЧА$_4$)*

30 Если же / И если ◇ *(ЧА$_4$)*

30-31 перестаю тебя сестрой считать / перестану тебя считать [моей] сестрой [хоть я и подлец.

— Почему ты всё говоришь «подлец и подлец»! — вскричала Пульх⟨ерия⟩ Алек⟨сандровна⟩.] Тебе выходить за Лужина [совершенно] совсем не надо, потому что беспол⟨езно⟩.

[— Это невыносимо! — закричал Разумихин, стукнув кулаком по столу, встал с места, повернулся и сел опять на стул.] ◇ *(ЧА$_4$)*; перестану тебя считать сестрой ◇ *(БА)*

32-35 Родя, Родя! ∾ то же самое... / Подумай, что ты говоришь, Родя, — сказала мать в тяжелом изумлении. — И почему ты всё говоришь «я подлец, я подлец»? ◇ *(ЧА$_4$)*

32 Родя, Родя! ∾ что и вчера / *а.* Родя, Родя, опять! *б.* Родя, Родя, опять! да ведь это всё то же, что и вчера-то ◇ *(БА)*

33 воскликнула / вскрикнула ◇ *(БА)*

33-34 и почему ты / то же са⟨мое⟩ и почему ты ◇ *(БА)*

34 выносить / понять *(БА)*

34-35 И вчера то же самое... / и вчера то же ◇ *(БА)*

36-46 *Текста:* Брат ∾ ненавижу их всех!» — *нет.* *(ЧА$_4$)*

36 твердо и тоже сухо отвечала / *а.* твердо и [сд⟨ержанно⟩] холодно проговорила *б.* твердо и тоже несколько сухо отве⟨тила⟩ ◇ *(БА)*

37-39 Я за ночь ∾ приношу себя в жертву. / *а.* я рада, что ты заговорил; потому что я и пришла, чтоб эту ошибку исправить. [Знай же] Дело в том, что ты предполагаешь, будто я чем-нибудь и для кого-то жертвую, что я приношу себя в жертву за маменьку, например, или за тебя. *б.* я обдумала всё за ночь и отыскала эту ошибку. Я рада, что ты теперь заговорил; потому что я и пришла, чтоб эту ошибку восстановить. Ты, кажется, предполагаешь, будто я кому-то чем-нибудь и для кого-то жертвую, что я приношу себя в жертву за маменьку, например, или за тебя. ◇ *На полях заметка:* Ошибка в источнике. *(БА)*

40 *После:* выхожу — *вписано:* за Петра Петровича ◇ *(БА)*

40 *После:* тяжело — *вписано и зачеркнуто:* стало *(БА)*

41 если удастся быть полезною родным / если б удалось быть полезной [маменьке или тебе] тебе и маменьке ◇ *(БА)*

41-42 но в моей решимости ∾ побуждение... / Но это уж [второй] второстепенный вопрос. ◇ *(БА)*

43 «Лжет! ∾ со злости. / Краска ударила [в лицо Раскольникова] ему в лицо. Он сидел и кусал ногти со злости.

«Лжет! — подумал он [дрожа от негодования], вдруг почувствовав страшную злость. ◇ *(БА)*

44 *После:* благодетельствовать! — Высокомерие!.. ◇ *(БА)*

45 О, низкие характеры! / Низкие характеры! *(БА)*

46 ненавижу их всех! / ненавижу их!.. *(БА)*

47 Одним словом, я выхожу за Петра Петровича / Я выхожу за Лужина ◇ *(ЧА$_4$)*; Я выхожу за Петра Петровича *(БА)*

47-48 *Слов:* продолжала Дунечка — *нет.* *(ЧА$_4$, БА)*

48 потому что из двух зол выбираю меньшее / потому только, что положение мое слишком нестерпимое, и я [рассудительно], не видя выхода, из двух зол выбираю меньшее ◇ *(ЧА$_4$)*; потому что положение мое

слишком нестерпимое, и я, не видя [выхода] из него выхода, из двух зол выбираю меньшее ◇ *(БА)*

Стр. 179.

1–2 Я намерена ∾ не обманываю... / Я исполню честно всё, что потребует от меня г-н Лужин, следственно, его не обманываю. ◇ *(ЧА$_4$)*; Я исполню честно всё [что потребует] [чего ожидает от меня Петр Петрович], чего он от меня ожидает, и следственно, его не обманываю... ◇ *(БА)*

2–3 *Текста:* Зачем ты ∾ гнев. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

2 *После:* обманываю — *вписано:* — Уверяю тебя, что никакой пользы не будет ни для меня, ни для матери. Краска ударила ему в лицо. «Лжет, для меня выходит. А главное, гордячка: сознаться не хочет, что хочет благодетельствовать, не люблю я таких характеров». ◇ *(ЧА$_4$)*

3 Она / *а.* Она *б.* Дунечка ◇ *(БА)*

3 в глазах ее мелькнул гнев / глаза ее [сверкнули] загорелись гневом *(БА)*

4 ядовито усмехаясь / с иронией ◇ *(ЧА$_4$)*; со злобной насмешкой ◇ *(БА)*

5 *После:* предела. — Я буду с тобою говорить откровенно, брат. ◇ *(ЧА$_4$)*

6 тотчас же / с первого шагу ◇ *(ЧА$_4$)*

6–8 Он, конечно ∾ и меня ценит... / [Мысли] [Взгляды и убеждения его я, кажется, угадала:] Ему надо такую жену, как я, законную жену [ему надобно]. О любви моей он [не интересуется], кажется, не очень интересуется. ◇ *(ЧА$_4$)*

7–8 слишком высоко ∾ меня ценит... / *а.* слишком, слишком. Но ценит же он и меня; это видно... *б.* слишком высоко. Но ценит же он и меня; я это вижу... ◇ *(БА)*

8–33 Чего ты опять смеешься? ∾ Или я ослышался? / — Уверяю тебя, что он ее потребует. Он совершенно уверен, что она в контракт само собой [войдет] входит.

— Что и получит, если заслужит. [Знай] Но главное знай, что ты совершенно ошибаешься, если думаешь, что я выхожу для кого-нибудь. Я сама для себя выхожу, потому что мне самой тяжело. А затем уж следует вопрос быть полезною тебе и маменьке. [Во всяком случае это был не первый вопрос.

— Во-первых, это неправда, а во-вторых, все-таки это подло.] Это само собой, я сестра и вас люблю, но это не главный вопрос.

— Что ж, и то и другое подло... — [с досадой ск⟨азал⟩] холодно сказал Раскольников.

— Родя! — вскричала Пульхер⟨ия⟩ Ал⟨ександровна⟩.

— До того правда, до того тут на первом плане расчет [(я знаю, что всё это низко) и], что сегодня же вечером решится, выходить ли мне за него или нет? Так как я выхожу [кроме всего] для себя, [то и] но так как не желаю впасть в худшее, чем теперь, положение, то и очень рада случаю, который дает мне в этом убедиться сегодня же. Если Петр Петрович удовлетворит сегодня моим ожиданьям — я выйду за него и даже буду любить, потому что это будет лучшее, чем теперь, полож⟨ение⟩. Если же нет, то положение мое с ним в замужестве будет, очевидно, худшее, чем теперь, — и тогда я не выйду. А если б я прежде всего жертвовала для кого-нибудь из вас, то уж, конечно, вышла бы во всяком случае. Я всё сказала, брат. Больше мне нечего [прибавить] прибавлять. Разве только то, что я сама знаю, что всё это низко и подло даже. Положим так, — сказала, покоривш⟨ись⟩, Дунечка. — Но, ведь оставаясь в том положении, в котором я теперь нахожусь, я могу поневоле упасть еще ниже. Тут всё на расчете. Это я по опыту говорю. Это арифметика. Низко и безжалостно требовать от человека.

— А ты веришь в арифметику?

— Еще бы. И так я теперь в арифметику верю и действую по расчету (чего ты смеешься?).

— [Да, если б мы были только цифры, — а то ведь мы люди... Пусть я в арифметику верю, а ты... не должна. Но всё это вздор.]

— Гм... А каким же образом [всё это] это всё сегодня вечером решится?

— Право, брат, ты так *небрежно* всё это спрашиваешь, что, право, [брат], я не знаю, серьезно ли ты или чтобы что-нибудь сказать.

«Ого! характер», — подумал Раскольников.

— Полно, Дуня (Пуль⟨херия Александровна⟩) ◇ *На полях заметка:* Разговор был как бы небрежный *(ЧА$_4$)*

9–13 ты нарочно лжешь ∾ низко / из хорошей цели, конечно [может быть], но лжешь, и заключение твое очень ... [подло] неблагородно. [Ты не можешь [быть женой Лужина] продаться Лужину и] В результате всетаки ты продаешься Лужину, ведь ты уважать его не можешь: я его увидел. ◇ *(БА)*

13 и я рад / Я рад *(БА)*

15 16 не лгу!.. ∾ я / *а.* не лгу. Я *б.* не лгу! — вскричала Дунечка. — Потому что я ◇ *(БА)*

17–18 не быв убеждена ∾ уважать его. / *а.* если не буду убеждена, что могу полюбить его. *б.* если не буду твердо убеждена, что могу и уважать и даже полюбить его. Я так решила. ◇ *(БА)*

18 К счастию / Кстати *(БА)*

19–21 сегодня же. ∾ решилась на подлость / может быть, сегодня же. [Такой брак не будет подл, потому что я не продаюсь Лужину!] Такой брак не подлость. Но если б ты был и прав, если б [он был действительно подл] я действительно решалась на подлость ◇ *(БА)*

23 и в тебе-то / в тебе самом ◇ *(БА)*

23 Это деспотизм, это насилие! / [И что за деспотизм] Это деспотизм. Это низкое насилие. Тебе нет до меня дела, потому что ◇ *(БА)*

24 Если я погублю кого / *а.* Если я гублю *б.* Если я гублю [кого-нибудь] кого ◇ *(БА)*

27–30 — Господи! ∾ эти обмороки!.. / *а.* Но страшно побледневший Раскольников уже очнулся. [Восклицание] Последнее восклицание и испуг сестры его [вполне] разуверили...

— Я? ничего, — сказал он, быстро оправляясь. Капельку голова закружилась... *б.* Но мгновенная бледность уже прошла.

— Ничего, так, голова закружилась.

— Этот разговор только расстраивает вас обоих, — вскр⟨ичала⟩ Пульх⟨ерия⟩ Алек⟨сандровна⟩ ◇ *(БА)*

30–33 Гм! да... ∾ Или я ослышался? / Да, что бишь я хотел? [Да:] Скажи мне: каким ты образом сегодня же [может быть] убедишься, что можешь полюбить его и уважать? Ты, кажется, сказала, что сегодня [? Если так скоро, то я, разумеется, виноват и беру все мои слова назад, — прибавил он, стараясь говорить нежно и, главное, чтоб казаться развязнее, — чего же [луч⟨ше⟩] тогда лучше? Дай бог любовь да совет], или я ослышался? — спросил он [рассеянно]. ◇ *(БА)*

34 Маменька / *Было начато: а.* После⟨довало⟩ *б.* Дунечка *(ЧА$_4$)*

36–48 Пульхерия Александровна ∾ особенного. / — Ах, боже мой, вот это письмо. Родя, друг мой, ради бога, не рассердись и не [взволнуйся] взволнуй себя как-нибудь. Я тебе говорила ведь, Дуня...

— Ничего, маменька, не беспокойтесь, — сказала Дуня...

Раскольников взял письмо и внимательно прочел его. Он прочел два раза. Все ждали, что он скажет. Прочтя, он сложил его и подал назад Пульхерии Александровне.

— Как же ты решаешь, Родя? — спросила она с беспокойством. *Далее: а.* — Это, конечно, уж решать не мне, а Дуне, и этим, разумеется, она решит разом всё. Это очень хорошо, что он это письмо прислал. По крайней мере скоро всё разъяснится. *б.* — Т. е. об чем?

— Петр Петрович пишет, чтоб тебя не было сегодня, когда он придет к нам.

— Это, конечно, уж решать не мне, а, во-первых, вам, а, во-вторых,

Дуне. Согласны вы, чтоб я пришел, то и приду. Это очень кстати, что он это письмо прислал. Вот и проба ему будет. ◇ *(ЧА$_4$)*

36–38 Пульхерия Александровна ∾ как-то с удивлением / [Раско⟨льников⟩] Он с любопытством взял письмо. Пульхерия Александровна [хотела было что-то сказать] робко смотрела на него. Но прежде чем развернуть письмо, он[как-то] вдруг как-то вдумчиво и с удивлением ◇ *(БА)*

40–41 медленно ∾ новою мыслию / *а.* как бы удивляясь *б.* как бы удивляясь и как бы про себя *в.* как бы вдруг пораженный какой-то мыслью и как бы про себя, но вслух ◇ *(БА)*

41–42 Из чего весь крик? Да выходи / *а.* выходи *б.* из чего ввязываюсь? выходи *в.* и зачем ввязываюсь? да выходи ◇ *(БА)*

42 Да выходи за кого хочешь! / А впрочем, что ж, выходи за кого угодно, по мне всё равно. *(ЧА$_4$, набросок на полях)*

43–44 Он говорил ∾ озадаченный. / *а.* «Странно, — подумал он тут же, про себя. — Из чего это я захлопотал с самого маменькинова письма? Да пусть их!..» *б.* Он несколько времени смотрел [как] на нее точно озадаченный. ◇ *(БА)*

Стр. 179—180.

45–2 развернул наконец письмо ∾ матери, но не обращаясь / *а.* развернул письмо, всё еще как бы продолжая удивляться, и медленно и внимательно прочел его. Он прочел два раза.
— [Странно] Удивительно очень, — сказал он, отдавая письмо матери и не обращаясь *б.* развернул письмо, как бы продолжая удивляться и как бы озадаченный, медленно и внимательно прочел его два раза. Все ждали, что он скажет; в особенном беспокойстве была Пульхерия Александровна.
— Это мне удивительно, — проговорил он наконец, передавая письмо матери и не обращаясь ◇ *(БА)*

Стр. 180.

1 Это мне удивительно / Странно ◇ *(ЧА$_4$)*

1–3 *Слов:* начал он ∾ в частности — *нет.* *(ЧА$_4$)*

3 и разговор / и по разговору *(ЧА$_4$)*

4 *Фразы:* Все пошевелились ∾ ожидали. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

5 Все пошевелились / Все как-то [странно] пошевелились ◇ *(БА)*

6 они и все / они все ◇ *(ЧА$_4$)*

6 отрывисто заметил / сказал ◇ *(ЧА$_4$);* заметил ◇ *(БА)*

8 Ты разве читал? / А разве и ты читал письмо? — спросил Раскольников. ◇ *(ЧА$_4$);* А ты разве читал письмо? *(БА)*

9 — Да / — Да.
— А-а-а ◇ *(ЧА$_4$)*

10–11 *Текста:* советовались ∾ Пульхерия Александровна. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

10 начала / начала было ◇ *(БА)*

12–16 Это собственно ∾ деловой! / Все судейские бумаги этим слогом пишутся, — замял Разумихин. — Да, да, совершенно судейский слог: не то что уж совершенно безграмотно, [да и не то что литературно] но по-лакейски, но делово и не так литературно. ◇ *(ЧА$_4$)*; Это, собственно, судейский слог; все судейские бумаги почти до сих пор таким слогом пишутся, — [прибавил] перебил Разумихин.
— Да, да; именно судейский. Это ты прав. Я видел экзем⟨пляры⟩: и не то чтоб уж [слишком] очень безграмотно, да и не то чтоб уж очень литературно. ◇ *(БА)*

17–18 и не скрывает ∾ что сам / даже хвалится тем, что учился на медные деньги и сам ◇ *(ЧА$_4$)*

17 и не скрывает / не скрывает *(БА)*

18 заметила / сказала ◇ *(ЧА$_4$, БА)*

19 несколько обиженная / *а. Как в тексте. б.* как будто пикированная ◇ *(БА)*

19 новым тоном брата / тоном брата ◇ *(ЧА$_4$)*; [тоном брата] тем, что брат

[об таких пустяках [гово⟨рит⟩] нарочно заговорил] как будто нарочно об таких пустяках заговорил ◊ *(БА)*

Стр. 180—181.

20–27 Что ж, если хвалится ∾ Петр Петрович! / Да, он человек умный. Жаль только, что этого мало... Но я замечаю, что ты обижена, Дуня. Впрочем, об этом нечего спорить. Я только хочу доказать, до какой степени необходимо знать обстановку и даже слог этих господ, чтоб верно судить об них и не ошибиться в сношениях с ними. Тут, например, есть выражение: «пеняйте на себя», и затем угроза тотчас же уйти, если я приду. Это почти равносильно тому, что он грозит тебя бросить, от тебя совсем откажется, Дунечка, если только я вечером тоже приду. [Это] И уж, конечно, это невежливо, но, как ты думаешь, можно ли от него обидеться в такой степени, как если б вот он написал [— Раскольников указал на Разумихина —] али кто другой?

— Это обидно. Но разумеется [нет], невозможно, — сказала Дуня. [1]

[— Разум⟨еется⟩, нет, — подтвердил Раскольников, — потому что он иначе ни мыслить, ни писать не умеет.]

— Но все-таки, может быть, на деле лучше, чем [написал] написалось, — сказала Дуня.

— [Не знаю] Не думаю. Факт. [2]

— Это мы увидим сегодня. Я решилась попросить тебя сегодня быть при этом свидании. Придешь?

— Непременно приду.

— Я и вас тоже попрошу быть у нас сегодня, [3] — обратилась она к Разумихину. — Маменька, я их приглашаю.

— Конечно, конечно, это даже и лучше, — проговорила Пульхерия Александровна.

— Уж конечно, лучше, смягчительнее, извинительнее, безобиднее в глазах Петра Петровича, если б я один [был] пришел.

— Не совсем для того я желала бы видеть их, — сказала Дуня. — [Ты поймешь, Родя, — если вы помиритесь или если даже он не уйдет тотчас же, как тебя увидит, — я за него выйду, потому что он буд⟨ет⟩] Но... и это пойдет кстати, что ты заметил, брат. Ты увидишь, для чего я зову вас, — сказала Дунечка. — Это всё объяснится потом.

— Ну уж, как вы так решили, — сказала Пульхерия Александровна, — так уж пусть так и будет. А мне и самой лучше: не люблю притворяться и лгать; лучше будем правду говорить.

— Ну и делу конец, до вечера, — сказал Раскольников. [Только тут есть одна клевета в письме, довольно] В этом письме есть одна клевета, довольно низкая. Я деньги отдал вчера в руки вдове, чахоточной и убитой, а не в руки дочери, несчастной тоже девушки. Он написал, что я девушке отдал, и это ясно с намерением. Написал тоже, что это девушка дурного поведения, и это, положим, наивно, как ты выразилась. [4] Я для того, собственно, говорю [что так как вечером сегодня ты, Дуня, последний раз испытаешь этого человека, перед решением идти за него или нет? Ну теперь, кажется, всё кончено об этом...], чтоб ты, Дуня, знала факт, что он человек злой, низкий и клеветник. Этот факт — впрочем, не очень важный: он, очевидно, написал рассердившись. Правда, форма, в какой он сделал это, показывает степень его ума и ... развит⟨ия⟩ — тебе уж поможет. Но во всем этом

---

[1] *На полях заметки: 1.* Разу⟨меется⟩, нет. Судейский сл⟨ог⟩. *2.* Разумеет⟨ся⟩, нет: слог такой судейский, а может, и в мысли большой обиды не было.

[2] *На полях:* Неужели он не обижается, — подумала Дуня.

[3] *На полях:* Часы. Я и вас тоже попрошу быть.

[4] *На полях вариант:* Я не дочери раздавл⟨енного⟩ чиновн⟨ика⟩ деньги отдал. Он же написал, что я отдал дочери, и прибавил, что она нехорошего поведения. Всё это клевета, и цель слишком заметна.

я вижу жела⟨ние⟩ меня размарать и вооружить против вас. Что он способен оклеветать, в этом я не сомневался и не сержусь на него. Это уж натура — он не [виноват] виновен. Я только удивляюсь грубости судейского слога, потому что клевета эта слишком натянуто и [наивно] слишком уж сюда притянута, стало быть грубо, несмотря на то что он человек умный ... Впрочем, в судейском слоге всегда так выходит. Только ... только ... только как же я не знал, что он тоже там [стоит] живет? Ах, боже мой, — вскричал он, хлопнув себя по лбу. — [В самом деле, ведь он говорил вчера, что стоит в тех же номерах ... с Лебезятниковым. Как это всё так случается?

— Что же тут удивительного? Как пустяк тебя интересует, а о главном ты не заботишься.

— Нет, это очень важно.] Ведь он же говорил вчера, что он [стоит] остановился у Лебезятникова, ведь я должен же был это [знать] помнить!

— Что тебя так это интересует, — сухо спросила сестра.

— [Так; это очень важно ...] Да интересует, — сказал он в видимом волнении. ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 180.

20 Что ж, если хвалится ∾ не противоречу. / Что ж, [и есть чем, деловой человек] так и есть чем, если хвалится, — отозвался тот. ◇ *(БА)*

21 Ты, сестра / Дунечка ◇ *(БА)*

22–23 что я нарочно ∾ с досады / *а.* может быть, что я ломаюсь *б.* может быть, что я ломаюсь перед тобой с досады *в.* что я нарочно об таких пустяках говорю вместо дела *г.* как будто нарочно об таких пустяках заговорил ◇ *(БА)*

24–25 мне, по поводу слога ∾ одно выражение / *а.* я хочу одно очень важное замечание сделать и именно указать, как легко, например, ошибиться в сношениях с людьми не нашего общества и не нашего развития. Это замечание для тебя полезно, потому что ты выходишь за него замуж. Смотри: тут есть выражение *б.* я хочу одно очень интересное для тебя замечание сделать по поводу этого слога и именно указать, как легко, например, нам ошибиться в сношениях с людьми не нашего общества и не нашего развития. Это замечание для тебя особенно будет полезно, потому что [тебе с ним жить] тебе же с Лужиным жить приходится. Смотри сама, тут есть выражение *в.* [я хочу одно очень интересное для тебя замечание сделать, и именно по поводу слога] Мне по поводу слога пришло в голову одно нелишнее замечание. Вот смотри сама, тут есть выражение ◇ *(БА)*

27 есть угроза, что он тотчас / — угроза, что он тотчас же ◇ *(БА)*

27–29 Эта угроза ∾ и бросить теперь / *а.* Это почти равносильно тому, что он прямо грозит тебя бросить, теперь *б.* Всё это почти равносильно, если б он прямо грозил тебя бросить, если не послушаешься, бросить теперь *в.* Это всё равно, если б он прямо грозил тебя бросить, если не послушаешься, бросить теперь же ◇ *(БА)*.

29 уже в Петербург / в Петербург уж ◇ *(БА)*

29–30 Ну как ты думаешь: можно ли таким / Но как ты думаешь, можно ли этим *(БА)*

31–32 вот он написал ∾ из нас кто-нибудь / *а.* например, Разумихин это написал, али Зосимов, али кто-нибудь из нас *б.* например, вот он это написал (он указал на Разумихина), али Зосимов, али кто-нибудь из нас ◇ *(БА)*

33 отвечала Дунечка, оживляясь / *а.* ответила Дунечка *б.* ответила Дунечка, оживляясь ◇ *(БА)*

35–36 Это ты ∾ не ожидала... *вписано.* *(БА)*

37 иначе написать / иначе и написать ◇ *(БА)*

38–39 и вышло грубее ∾ несколько разочаровать / *а.* Гм. Может быть, и думать-то иначе нельзя. Впрочем, я должен тебя еще одним фактом обогатить, что послужит для... назидания. *б.* И вышло грубее, чем,

может быть, он хотел. Впрочем, я должен тебя еще несколько разочаровать ◇ *(БА)*
40 одно выражение, одна клевета на мой счет / одна клевета ◇ *(БА)*
42–43 девицы / девушке ◇ *(БА)*
44 а именно вдове *вписано. (БА)*
45 слишком поспешное ∾ поссорить / желание меня размарать и поссорить с вами ◇ *(БА)*
46–47 опять по-судейски ∾ Человек он умный / всё это опять по-судейски, то есть грубо и с слишком уже явным обнаружением цели, [с грубою] с наивною поспешностию и с судейскою неловкостию. Он человек умный ◇ *(БА)*
48 одного ума мало / *а. Как в тексте. б.* одного ума всегда мало ◇ *(БА)*

Стр. 181.

1 *Текста:* и ... не думаю, чтоб он тебя много ценил. — *нет. На полях заметка:* не очень ценит *(БА)*
2–3 единственно ∾ добра ... / *а.* это единственно для ... назидания *б.* это единственно для твоего только назидания, потому что [все-таки] искренно желаю тебе всякого добра ... [А] впрочем, как хочешь ◇ *(БА)*
4 *После:* не отвечала — да и нечего было отвечать ◇ *(БА)*
4–5 решение ее ∾ ждала только вечера. / *а.* Решение ее было сделано ... *б.* Решение ее было давно уже сделано. ◇ *(БА)*
6–10 решаешься ∾ Петр Петрович-то / решаешь, Родя? — спросила с беспокойством Пульхерия Александровна.
— [Об чем] Об чем это?
— [Петр Петрович] Да вот, Петр Петрович ◇ *(БА)*
11–12 коли ты придешь. Так как же ты ... будешь? / если ты придешь... так как ты... будешь? ◇ *(БА)*
13 Это уж / Это уж не мне *(БА)*
14 такое требование Петра Петровича / это *(БА)*
15 Дуне / Дунечке ◇ *(БА)*
15–16 А я сделаю, как вам лучше, — прибавил он сухо / [довольно] весьма спокойно произнес Раскольников ◇ *(БА)*
19–20 просить тебя ∾ придешь? / *а.* особенно просить тебя, Родя, непременно быть у нас сегодня при этом свидании. Придешь? *б.* настоятельно просить тебя, Родя, непременно быть у нас сегодня при этом свидании, — сказала Дуня. — Придешь? И тут мы все вместе всё узнаем и решим окончательно. Пойми, что ты, как брат, мне очень много можешь помочь. ◇ *(БА)*
21 Приду. / *а. Как в тексте. б.* Приду, — сказал он, с некоторым любопытством посмотрев на сестру. ◇ *(БА)*
22 прошу быть у нас / попрошу быть у нас сегодня ◇ (*БА*)
24–26 И прекрасно ∾ самой легче / Конечно, это даже и лучше, — проговорила Пульхерия Александровна. — Ну, уж как вы так решили, — прибавила она, — так уж пусть так и будет. А мне и самой лучше ◇ *(БА)*
26–27 всю правду говорить / все правду говорить ◇ *(БА)*
28 *Фразы:* Сердись, не сердись теперь Петр Петрович! — *нет. (БА)*
28 *Обозначения главы:* IV — *нет.* *(ЧА$_4$)*
29 В эту минуту дверь тихо отворилась / *а.* В эту минуту отворилась дверь *б.* В это мгновение дверь тихо отворилась ◇ *(ЧА$_4$)*
29–31 и в комнату ∾ любопытством. / и [на пороге показалось новое лицо] в комнату робко вошла одна [посетительница] [женщина] девушка. Раскольников [не сразу узнал ее п] смотрел на нее несколько секунд удивленными глазами, не двигаясь с места. Кстати сказать, что в последнее время, даже задолго до того дня, каждое новое, совсем незнакомое лицо, если только оно входило к нему, или обращалось к нему внезапно, или сталкивалось просто с ним на улице, или [даже] если б даже только особенно пристально взглянуло на него — производило во всем существе его трепет и на [некоторое время] несколько мгнове-

ний даже как будто столбняк. После же *того* дня внезапное [новое лицо, может] соприкосновенье и сообщенье со всяким незнакомцем, может быть, способно было возбудить в нем в иную минуту крик и даже конвульсии. Так было, например, вчера при внезапном входе Лужина. ◇ *На полях:* гиль какая *(ЧА*$_4$*)*; и в комнату, робко озираясь, вошла [какая-то] одна девушка. Раскольников смотрел на нее несколько секунд удивленными глазами и не двигаясь с места. [Кстати сказать, что в последнее время, даже [задолго] и до *того* дня, каждый новый, незнакомый человек, если только входил к [нему] Раскольникову или обращался к нему внезапно, или если б даже только [особенно пристально посмотрел] стал его рассматривать, хоть на улице, производил во всем существе его внезапную дрожь и, на одно мгновение, как будто даже столбняк. После же *того* дня внезапное столкновение с кем-то из незнакомых женщин, может быть, способно было вызвать в нем крик и [истерические] в лице конвульсии начались. Так было, например, вчера при внезапном входе Лужина.] ◇ *(БА)*

31–32 Раскольников не узнал ∾ Мармеладова. / Вошедшая была Софья Семеновна Мармеладова. Раскольников [не сразу узнал ее сегодня] с первого мгновения не узнал ее. ◇ *(ЧА*$_4$*)*; *а.* Вошедшая была Софья Семеновна Мармеладова. В первое мгновение он совсем не узнал ее. *б.* Он ее не узнавал. Это была Софья Семеновна Мармеладова. ◇ *(БА)*

32–34 Вчера видел он ее в первый раз ∾ совсем другого лица. / Вчера только увидел он ее [бледную, взволнованную] в первый раз и в такую минуту, при таком освещении и, главное, в таком костюме [который укр⟨епился⟩], что в памяти его [укреп⟨ился⟩] отпечатлелся образ совершенно другого лица. Действительно, Соню едва можно было [узнать теперь] сегодня узнать. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

33–34 и в таком костюме / и, главное, в таком костюме ◇ *(БА)*

34 отразился / нарисовался ◇ *(БА)*

35 Теперь это была скромно и даже бедно одетая девушка / Это было робкое существо, скромно и даже бедно одетое *(ЧА*$_4$*)*

35–40 очень еще молоденькая ∾ зонтик. / в темненькое, (но не траурное) платьице [Воротничок, нарукавнички, шарфик, всё это было скромное, но], с скромной, приличной и благородной манерой, а вместе с тем что-то до крайности запуганное [было в ней в эту минуту], неразвязное и несветское было в ее движениях. На голове у ней была старенькая, чистенькая шляпка, старого фасона. Только в руках был по-вчерашнему зонтик [и по этому-то наружному признаку [он] его и подтолкнуло узнать ее]. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

36–38 с скромною ∾ лицом. / с скромной, очень даже приличной манерой, [хотя] неразвязной и совершенно несветской, с ясным, но как будто за⟨пуганным лицом⟩ ◇ *(БА)*

40–41 Увидав неожиданно полную комнату людей / *а.* Приотворив дверь и увидав *б.* Увидав полную комнату людей ◇ *(ЧА*$_4$*)*

41–43 совсем потерялась ∾ уйти назад / [как бы] просто как бы оробела и на минуту совсем потерялась ◇ *(ЧА*$_4$*)*

Стр. 182.

1 Ему тотчас же представилось, что мать и сестра / [Он смутился до того] Он сам смутился того, что его мать и сестра ◇ *(ЧА*$_4$*)*

4 упомянул / объявил *(ЧА*$_4$*)*

4 видел эту девицу / он видел эту девицу вчера ◇ *(ЧА*$_4$*)*

4 и вдруг / и вот вдруг *(ЧА*$_4$*)*

5–6 Вспомнил тоже ∾ «отъявленного поведения». / [его, пожалуй, сочтут лжецом] протестовав против клеветы, он не протестовал, впрочем, против [характеристики девицы в письме Лужина: как же он должен теперь обойтиться с ней при матери и сестре?] того, что она девица отъявленного поведения. ◇ *(ЧА*$_4$*)*

6–7 Всё это неясно и мигом скользнуло / *а.* Все эти вопросы, конечно неясно и мигом, скользнули *б.* Всё неясно и мигом скользнуло ◇ *(ЧА*$_4$*)*

7–10 Но, взглянув пристальнее ∾ как бы перевернулось. / Но взглянув на Соню, он мигом угадал, что это приниженное существо может быть с ясным умом и теплым сердцем, благословленное умиравшим отцом, слишком [мало] [готово само принизить себя] уж само готово себя принизить, [слишком] до того дрожит пред общественным взглядом и [мнением, и слишком презирает себя] что до того готово само себя презирать и презирает. Когда она сделала было движенье поскорей уйти — [эта степень забито⟨сти⟩] всё сердце его перевернулось — он еще не видал такой степени забитости и раздав⟨ленности⟩. ◇ *(ЧА$_4$)*

11–12 не ожидал ∾ садитесь. / не ожидал ко мне... Но садитесь. ◇ *Между строками:* ей-богу *(ЧА$_4$)*

17–18 был слишком *фамильярное* место ∾ поспешил указать / был в то же время и постель его и что это слишком «фамильярное» место, он указал ◇ *(ЧА$_4$)*

20 сказал / указ⟨ал⟩ *(ЧА$_4$)*

21 в угол, где сидел Зосимов / в угол Зосимова ◇ *(ЧА$_4$)*

22 села / села робко *(ЧА$_4$)*

22 дрожа / трепеща ◇ *(ЧА$_4$)*

22–23 и робко взглянула на обеих дам / робко и бегло взглянула на обеих дам, и потерялась совершенно ◇ *(ЧА$_4$)*

23–25 и сама не понимала ∾ в совершенном смущении / не понимала, как могла она сидеть на одной доске с такими женщинами. Ей до того было это страшно, что она вдруг встала и как потерянная ◇ *(ЧА$_4$)*

27–29 Я... я... зашла ∾ некого... / Я от Катерины Ивановны, — начала она запинаясь. — Простите, что я вас обеспокоила. Послать некого, кроме меня ◇ *(ЧА$_4$)*

31 на Митрофаниевском, а потом / на Митрофаньевском и потом ◇ *(ЧА$_4$)*

33 запнулась / осеклась ◇ *(ЧА$_4$)*

34–37 непременно... непременно ∾ поговорить. / непременно быть... — отвечал Раскольников. — [Сделайте] Позвольте вас спросить, как сегодня... были ли какие-нибудь беспокойства? Признаюсь, я вчера оставил... Ах, сделайте одолжение, садитесь, — сказал он, — мне надобно с вами сказать два слова... ◇ *(ЧА$_4$)*

38 *После:* минуты — *было начато:* и он по⟨двинул⟩ *(ЧА$_4$)*

39 *После:* стул — *вписано:* и сел сам. ◇ *(ЧА$_4$)*

39–40 *Текста:* Соня опять ∾ потупилась. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

41–43 Бледное лицо ∾ твердо и настойчиво / Вдруг он [весь вспыхнул и вздрогнул] вздрогнул, и бледное лицо его вспыхнуло, глаза загорелись.

— Это моя мать, а это моя сестра, — сказал он [почт⟨ительно⟩] вдруг Сонечке, указывая и как бы представляя ей [своих] обеих дам. Маменька ◇ *(ЧА$_4$)*

46 о котором я уже вам говорил... / об котором я уж вам говорил. Он произнес последние слова ясно, твердо, веско, сдвинув брови и настойчивым, горячим, вызывающим взглядом смотря на мать и на сестру. ◇ *(ЧА$_4$)*

47 *После:* Соню — *начато и зачеркнуто:* но не могла при этом отк⟨азать⟩ *(ЧА$_4$)*

47–48 и слегка прищурилась *вписано.* *(ЧА$_4$)*

Стр. 182—183.

48–1 замешательство ∾ взглядом Роди / замешательство [она] перед взглядом Роди ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 183.

2 удовольствии *вписано.* *(ЧА$_4$)*

2–3 серьезно, пристально ∾ с недоумением / серьезным, пристальным взглядом [с серьезным даже] и почти с суровым лицом уставилась прямо в лицо бедной девушке и пристально ◇ *(ЧА$_4$)*

4–8 Соня, услышав ∾ от полиции. / Соня при рекомендательных словах Раскольникова чуть-чуть было привстала, но тотчас же села обратно. Раскольников поскорей заговорил с ней.

— Я хотел вас спросить, как у вас всё это сегодня устроилось? Не беспокоила ли вас опять полиция? ◇ *(ЧА$_4$)*

9 всё прошло / всё это уладилось *(ЧА$_4$)*

9–10 отчего смерть была / [как] отчего умер *(ЧА$_4$)*

10 только вот жильцы сердятся. / Только жильцы [ропщут и] сердятся... [что тело] ◇ *(ЧА$_4$)*

12 долго стоит ∾ дух... / целый день [еще стоять сегодня будет] стояло — ведь теперь [лето] жарко... дух... ◇ *(ЧА$_4$)*

12–13 так что сегодня / Может быть, даже сегодня *(ЧА$_4$)*

13 на кладбище перенесут / *а.* перенесут на кладбище *б.* мы хотим перенести на кладбище ◇ *(ЧА$_4$)*

14 сперва не хотела / *а.* сначала не хотела *б.* сначала никак не хотела ◇ *(ЧА$_4$)*

16 Так сегодня? / Так сегодня, значит? ◇ *(ЧА$_4$)*

17 на отпевании / [и] на отпеванье ◇ *(ЧА$_4$)*

18–23 к ней прибыть ∾ глаза в землю. / прибыть к ней на закуску.

— Так она закуску [делает] устраивает?

— Да-с. Она вас очень, очень велела благодарить за то, что вы вчера помогли нам. Без вас совсем нечем было бы похоронить, — сказала Соня, и губы и подбородок ее запрыгали. Она потупилась. Слезинки показались было на глазах, но она успела сдержать себя. ◇ *(ЧА$_4$)*

24 пристально ее разглядывал / *а.* вглядывался в нее *б.* выглядывал ее пристально ◇ *(ЧА$_4$)*

26 неправильное / неправильное, не лишенное *(ЧА$_4$)*

27 носом / носиком ◇ *(ЧА$_4$)*

27–30 Ее даже ∾ привлекало к ней. / *а.* [Черты] Она вовсе не была хороша собою, но зато глаза ее были такие ясные, а взгляд до того робкий и смиренный, что это личико даже могло привлекать к себе. *б.* Она вовсе не была хороша собою, но зато в ней было что-то такое откровенное и простодушное, глаза ее были такие ясные, как вчера у Полечки, а взгляд до того робкий и смиренный, что это очень даже могло привлекать к ней. Когда оживлялось лицо, то выражение становилось такое доброе и прямодушное. ◇ *(ЧА$_4$)*

30–34 *Текста:* В лице ее ∾ движениях. — *нет.* *(ЧА$_4$)*

35 Но неужели / Но как же, неужели ◇ *(ЧА$_4$)*

36–37 даже еще закуску ∾ продолжая разговор. / [И как же она вздумала затеять эту] Да еще закуску вздумала. ◇ *(ЧА$_4$)*

38–42 Гроб ведь простой ∾ вы знаете... / [Гроб простой, колода] Гроб ведь простой-с, колода, — сказала Соня, — и всё [остальное] обойдется [по расчету] недорого, мы рассчитали, так что капельку и останется, а Катерине Ивановне очень хочется помянуть [папашу] папеньку. *Далее вписано:* И к тому ж [это очень ее занимает. [Пото⟨му⟩] Она такого характера...] она надеется выхлопотать вспоможение у господина, чья коляска была ... Ведь нельзя же-с... И... ей утешение... Она такого характера. ◇ *(ЧА$_4$)*

43 Понимаю, понимаю... конечно... / Понимаю, понимаю вас... ◇ *(ЧА$_4$)*

43 комнату / квартиру *(ЧА$_4$)*

44 разглядываете / осматриваете ◇ *(ЧА$_4$)*

44 говорит тоже, что / говорит, что тоже ◇ *(ЧА$_4$)*

44 *После:* похожа. — *вписано:* Сонечка вдруг вся опять потупилась и опять губки и подбородок ее задрожали. Но в этот раз больше прежнего. ◇ *(ЧА$_4$)*

Стр. 183—184.

45–1 Вы нам ∾ сами собой. / Вы нам всё вчера отдали, — [прошептала вдруг Сонечка, потупилась, и губки ее опять запрыгали. Она знала, что это нехорошо.] проговорила вдруг в ответ Сонечка сильным и скорым

шепотом. Слова ее вдруг вырвались, не думавши. Она уже не смотрела на то, что ее слушают и что из ее слов вых одит⟩, и уж в эту минуту не смущали ее никакие дамы, про всё это она мигом забыла в эт\у минуту⟩. ◇ (*ЧА*$_4$)

Стр. 184.

1–3 Последовало молчание. ∾ на Соню. / Последовало мгновенное молчание. Глаза у Дунечки как-то прояснели, и Пульхерия Александровна посмотрела [даже добродушно на девушку] на Соню даже приветливо. ◇ (*ЧА*$_4$)

4 она / Пульхерия Александровна ◇ (*ЧА*$_4$)

4–5 мы, разумеется, вместе обедаем. Дунечка, пойдем... / [ты, разумеется, придешь к нам обедать ... Приходи] мы, разумеется, у нас обедаем... Пойдем, Дуня, пора. ◇ (*ЧА*$_4$)

6–7 *Текста:* А ты бы, Родя ∾ боюсь я... — *нет.* (*ЧА*$_4$)

8–9 Да, да, приду ∾ дело... / — Я... не знаю ... Да-да. Может быть, приду, не знаю. — [сказал] ответил, торопясь и вставая, Раскольников. — [Я хотел] [У меня одно дело...] Я [пойду] зайду. ◇ (*ЧА*$_4$)

10 и обедать розно? / *а.* обедать розно? *б.* обедать-то сегодня розно ◇ (*ЧА*$_4$)

12 Да, да, приду, конечно, конечно... / *а.* Да, да, приду. *б.* Да, да, приду, приду, разумеется. ◇ (*ЧА*$_4$)

12 А ты / Ты (*ЧА*$_4$)

12 *После:* минуту — сказал он Разумихину. ◇ (*ЧА*$_4$)

13–16 Ведь он вам ∾ так добры? / Ведь вы, конечно, дойдете одни ... днем-то. Или я, может быть, отнимаю его?

— Нет, не беспокойся, Родя, [тем более что] нам [еще] с Дуней тоже нужно [в] одну лавку отыскать. Мы не прямо домой. А уж вы [конечно], разум⟨еется⟩, тоже... придете обедать... будете так добры? — прибавила она, умоляющим образом смотря на Разумихина. ◇ (*ЧА*$_4$)

17–19 Пожалуйста, придите, ∾ законфузились. / *а.* [Извольте] Непременно приду-с... как только вот отделаю-с. Час тот же. *б.* Пожалуйста, придите, — прибавила Дуня. Все как-то странно стали вдруг конфузит⟨ься⟩.

— Непременно приду-с, как только вот отделаю-с. Час тот же. ◇ *На полях заметка:* Стали очень дело⟨выми⟩. (*ЧА*$_4$).

20 Прощай, Родя / *а. Как в тексте. б.* Прощай, Родя, прощай, милый ◇ (*ЧА*$_4$).

22–26 Пульхерия Александровна ∾ поклоном. / *а.* Пульхерия Александровна чуть-чуть поклонилась Сонечке, несколько потупясь при этом, и вышла из комнаты. Авдотья Романовна откланялась ей внимательным, вежливым и полным поклоном. *б.* И затем Пульхерия Александровна чуть-чуть поклонилась Сонечке, несколько потупясь и не глядя при этом, и вышла из комнаты. Авдотья Романовна, вслед за ней проходя мимо Сони, откланялась ей внимательным, вежливым и полным поклоном и полным взглядом смотря ей в глаза. ◇ (*ЧА*$_4$).

26–29 Сонечка смутилась ∾ мучительны. / Сонечка сконфузилась ужасно и благодарно наклонилась с своей стороны. ◇ (*ЧА*$_4$)

30 прощай же! — крикнул / Прощай же, голубчик! — крикнул ей ◇ (*ЧА*$_4$)

31 дай же / Дай же мне (*ЧА*$_4$)

32–34 отвечала Дуня ∾ еще дай! / сказала, улыбаясь, Дуня.

— Ну еще ... дай! ◇ (*ЧА*$_4$)

35–36 И он крепко стиснул ∾ вырвала свою руку / И он [благодарно и] с бесконечной любовью посмотрел на нее, крепко стиснув ее пальчики. Дунечка вырвала поскорей руку ◇ (*ЧА*$_4$)

37 почему-то вся счастливая / *а.* тоже счастливая *б.* тоже вся счастливая на одну минуту ◇ (*ЧА*$_4$)

38–44 Ну вот и славно ∾ в его памяти... / Вы мне дали мгновение хорошее! — сказал вдруг Раскольников, à bout portant ⟨в упор — *франц.*⟩ обращаясь к Сонечке, — полное... счастливое... жить можно как вче-

ра, — пробормотал он, обращаясь к окну и погружаясь в задумчивость. Соня ничего не поняла во всем этом движении.

Разумихин видел, что все откланялись, благополучные и счастливые. ◇ *Выше на полях запись:* мгновения горячие и высокие *(ЧА$_4$)*

Стр. 184—185.

45-13 заговорила тотчас ∾ сердце и отнимется! / в какой он каморке живет?— заговорила Пульхерия Александровна, только что обе вышли на лестницу, — и как он одет, —я чуть не заплакала, на него глядя, да думаю, рассердится, и — удержалась.

— [Он еще болен, маменька] Это видно, что он еще болен, мамен⟨ька⟩, и всё оттого происход⟨ит⟩, и мы хорошо сделали, что ушли, он куда-то идти хотел, ему нужно пройтись, подышать воздухом, в комнате ужасно душно было.

— Да, да, да и на улицах-то [так] как здесь у них душно. Чем тут дышать? Господи, какой город... Постой, пост⟨ой⟩. Задавят, посторонись. Господи! Заметила ты, Дунечка, какой он, точно он нам не рад был.

— Больной.

— Это правда, правда, Дунечка, да все-таки как будто ему тяжело с нами было. Он и ласков с нами, но как будто «отвяжитесь только от меня».

— Не грешите, маменька. Он был раздражит⟨елен⟩. Это правда.

— Отчего это я его обнять не могла, точно боюсь, да и боюсь. Ты, Дунечка, сама была такая с ним неуступчивая... [А какой он красавчик.] Ах, боже мой, что этот господин заглядывает? [Чай] Ах, какой красавчик.

— Оставьте меня.

— [Господи] Ах, Дунечка! что-то будет, что-то будет сегодня вечером, я уж и не знаю... ◇ *Вверху листа набросок:* Ах, боже мой, теперь вот он отдал все деньги, что ж у него осталось. *Выше на полях наброски:*

Приходи обедать
Гляжу я на твою каморку
Родя, как это, как это можно так жить — и вдруг заплакала.
А дорогою: я вот заплакала, господи, он рассердился.
Что же будет сегодня вечером? *(ЧА$_4$)*

Стр. 185.

14 будет то, что должно быть. / будет, что должно быть, придем домой, и я вам [весь мой план] всё расскажу. ◇ *(ЧА$_4$)*

15 Дунечка! Да подумай только / Ах, Дунечка, подумай, подумай ◇ *(БА)*

16 откажется? / откажет! ◇ *(ЧА$_4$)*

16-17 *Текста:* неосторожно ∾ Пульхерия Александровна. — *нет. (ЧА$_4$)*

18-48 после того! ∾ Разговор прервался. / после [этого] того? Сегодня и испытание ему. Сегодня и всё узнаем [маменька, довольно] и всё решится само собой. Не беспокойтесь, голубчик. Я могу найти место. Во всяком ведь случае, будет не хуже...

— [Да, да] Господи! Дунечка, не знаешь, что ты это говоришь! — вскрикнула Пульхерия Александровна. — Смотри, смотри, задавят, ах какие пьяные, перейди, перейди на ту улицу, пожалуйста, перейди.

Обе женщины перебежали испуганно на другую сторону.

— Ах, боже мой, я еще давеча боялась, когда с Дмитрием Прокофьевичем шли, а теперь ведь одни... Слушай, Дунечка, сюда ли мы идем — да, сюда... Вот что, я боюсь тоже этой девицы, что приходила.

— Какой это? что сейчас-то [пришла] была?

— Да, этой Софьи Семеновны боюсь, Мармеладовой, какая фамилия [сахарная]! Я ее...

— Чего же?

— Так, предчувствие какое-то у меня. Ну вот веришь иль нет, как я увидела ее, так я и поняла, что тут всё что-нибудь да нехорошее заключается.

— Да что же всё-то, маменька? [Ведь это ясно, что...] Ах, какие вы с вашими предчувствиями.

— Да так...

— Ведь они почти в первый раз видятся. Ведь он ее даже не узнал, как она вошла, и он правду говорил давеча, что он вчера ее в первый раз видел.

— Да, но как-то она смущает меня, вот увидишь, вот увидишь... И наконец, все-таки она... Петр Петрович так об ней пишет, а он давеча знакомить вздумал.

— Да может быть, Петр Петрович неверно пишет.

— Дай бог. А то я так испугалась [он так глядит], стал рекомендовать и так глядит, так глядит... Я едва на стуле усидела! Значит, она ему дорога. Ах, кабы поскорее Дмитрий Прок⟨офьевич⟩ пришел, я бы расспросила.

— Не она дорога, а тут другое... успокойтесь, маменька, довольно...

[Дмитрий Прок⟨офьевич⟩] А Дмитрий Прокофьевич действительно прекрасный человек. ◇ *На полях набросок:* И бог знает, кто она такая, пишут какого-то поведения. *и помета:* Короче. *(ЧА$_4$)*

Стр. 186.

1–10 Вот что ∾ взрывом любопытства. / Вот видишь, — начал Раскольников, обращаясь вдруг к Разумихину, только что ушли мать и дочь, — у меня до тебя дело. Вы извините, Софья Семеновна, я сейчас с ним кончу.

— Ах, извините меня... мне тоже пора, — сказала Сонечка, быстро [вставая] поднимаясь.

— Нет, нет, я еще [с вами] вам хотел сказать... Я в одну минуту. Сделайте одолжение, посидите. — Видишь что: у меня до тебя небольшое дело. Ты знаком или даже, кажется, ведь родственник с этим Порфирьем Петровичем, следователем в нашей части? Так, кажется, вчера вы с Зосимовым говорили, когда я лежал?

— Да... родственник... и был у меня вчера на вечеринке... [и славный человек] славная личность, только смешон очень... а что тебе? — спросил он вдруг с необыкновенным любопытством. ◇ *На полях наброски:* — Послушай, я тебе вчера врал пьяный, — сказал Разумихин.

— Признаюсь тебе, эта мысль меня в болезни огорчала.

Разумихин тоже счастлив. У Разумихина гора с плеч свалилась.

NB. Разум⟨ихин⟩. А мне как раз к нему зайти надо. Он мне работу одну хотел достать. *(ЧА$_4$)*

Варианты наборной рукописи (НР)

Отрывок главы V четвертой части

Стр. 256.

28 серьезного / важного ⟨?⟩

33 во всех правилах и наставлениях / во всех курсах юридических

36–38 Порфирий Петрович прищурился ∾ по лицу его / Порфирий вдруг прищурился и [подмигнув] подмигнул Раскольникову, совершенно по-вчерашнему, затем, вдруг

39–40 продолжительным смехом / продолжительным, почти неслышным смехом ◇

40–41 прямо смотря в глаза / и в то же время прямо смотря в глаза

45–46 *После:* Порфирия — всё

46–47 и как бы с намерением не прекращавшегося *вписано.*

Стр. 257.

1–2 принимающим этот смех / принимавшим этот смех
5 напротив, сам он / напротив, что, кажется, он
6 что тут явно существует что-то / Что тут уже не скрывают и что явно существует что-то
7–8 что, может ∾ обрушится... / и что всё уже подготовлено
7 и сейчас / и, может быть, сейчас
9 пошел прямо к делу / разом решился
11–12 довольно сильною *вписано.*
13 чтоб я пришел / чтоб я к вам пришел ◇
13–14 (Он особенно упер на слово: *допросов*) *вписано.*
15–16 у меня дело... / у меня дела
18–19 а потому тотчас же еще более раздражившись / *а.* и тотчас же раздражившись еще более *б.* а вместе с тем и раздражившись еще более
21 *После:* словом — *начато:* ил⟨и⟩
25 прощайте / прощайте-с ◇
25 так как нам вдвоем / так как мне у вас
25 так как нам ∾ делать. *вписано.*
32 Я как гостя вас принимаю. *вписано.*
35 человек-с / человек иной
35 меня очень/ меня уж очень
36 как гуммиластик / как губка
41 фуражки / фуражку ◇
45 встретиться глазами с своим гостем. / встретиться взглядом с Раскольниковым;

Стр. 258.

1 и всего более / и именно всего более
3–4 вот как мы теперь с вами-с *вписано.*
7 высшего тона / высшего круга
7–8 всегда есть разговорная тема и *вписано.*
8 c'est de rigueur, а / и c'est de rigueur, а у нас
16 в пустую и сбивчивую / в пустяки и сбивчивую
18 глупою своею болтовней?» / глупой своей болтовней?» — подумалось ему.
21 сыпал Порфирий / болтал Порфирий
36 реформа идет / реформа скоро идет
44 *После:* в самое темя — *начато:* как вы
46 Иронический же вы человек. *вписано.*

Стр. 260.

2 давеча изволили упомянуть / изволили упомянуть
5 никогда не уйдет / никогда не уйдет-с ◇
5–6 в этом позвольте мне вас успокоить-с *вписано.*
6 что такое в сущности форма / что такое форма
8–9 Дело следователя ∾ хе-хе-хе!.. — *вписано.*
10 *Вместо:* Порфирий Петрович ∾ дух. — *было начато:* Он сыпал
13 он уже почти бегал / он шагал
15 за спину / назад, за спину
17–18 бегая по комнате ∾ останавливался / раза два он как бы останавливался
19–20 «Ждет он, что ли, чего-нибудь?» / *а.* «Ждет чего-нибудь», — подумал Раскольников. *б.* «Ждет он, что ли, чего-нибудь», — подумал Раскольников. ◇
22–23 весело ∾ смотря на Раскольникова / вдруг останавливаясь перед своим гостем и весело, с необыкновенным простодушием смотря на него ◇
25 изволили посмеяться / посмеялись
28 формой-то очень / формой они

29–31 *Вместо:* ну, признавай ∾ порученному — *было начато:* Вот я вам
33 Да, готовился... / Да, г юристы...
43 пояснее изображу-с / пояснее скажу-с
44–45 нравственную, так сказать, опору / нравственную силу
46 стиснув губы / стиснув губы и бледный

Стр. 260—261.

48–1 *Вместо:* потому люди — *было начато:* потом тут

Стр. 261.

3 *После:* о двух концах — *начато:* да
7 прямое и бесспорное *вписано.*
9 средства отнпму / средства отыму ◇
11 *После:* положение дам — *вписано:* он арестант
13 поймет ∾ *арестант вписано.*
13 он арестант / *он арестант* ◇
19 *После:* когда-то — *было начато:* ему
19–20 правильной-то осадой возьмут / его возьмут
22 частный-с / частный
30 ни на что прежнее / совершенно ни на что прежнее ◇
30 Прекомические иногда случаи / Прекомические ведь иногда случаи ◇
30–31 Прекомические ∾ роде-с. *вписано.*
33 пли по крайней мере подозревал *вписано.*
35 сторожу / стерегу
39–40 может произойти / может случиться
41–42 Потому, голубчик, что / Потому опять тут
43 А нервы-то-с / А нервы-то ◇
43 вы их-то так и забыли-с! *вписано.*
44–45 А желчи-то, желчи в них во всех / А желчи-то, желчи-то
47 что он несвязанный / что он пока несвязанный
48 я ведь и без того / когда я и без того

Стр. 262.

1 *После:* хе-хе! — *начато:* В глубин⟨у⟩
3 *После:* убежит — да, пожалуй, еще человек больной какой-нибудь
3 меры принял / меры взял
5 современно-то / современно
7 Что такое: убежит! *вписано.*
7–8 *Вместо:* Это форменное, а главное-то не то; — *было начато: а.* А главное, не *б.* а главное-то не то: *в.* Это форменное; главное-то не то;
8–9 от меня, что некуда убежать *вписано.*
10–11 хотя бы даже и было куда убежать *вписано.*
12 около меня / около меня же
12 как около свечки *вписано.*
14–15 затревожит себя насмерть!.. / затревожится насмерть...
19 я его и / я и
19–20 а это уж очень прпятно-с / *а.* что и приятно-с *б.* а это-то очень приятно-с
22 *После:* напряженпем — *начато:* не
23 думал он, холодея. / думал он, — понимаю
24–26 бесполезно ∾ этого! / высказывает: он гораздо умнее
28–30 А ты просто ∾ оборвешься! / С толку сбить хочешь, раздражить меня хочешь, только врешь, оборвешься, оборвешься!
31 до такой степени / до такой-то степени ◇
32 врешь, / врешь!
33–34 хотя ты ∾ прпготовпл». *вписано.*
33 *После:* прпготовил — и чего-то, кажется, ждешь
34 ты там приготовил / ты приготовил ◇

35 приготовляясь / приготовившись

36 *После:* катастрофе — *а.* скрепился через сплу; злоба кипела в нем; *б.* но скрепился через силу, потому что страшная злоба кипела в нем ◇

36–37 По временам ∾ Порфирия. / Ему хотелось кинуться и задушить Порфирия.

37 *После:* задушить Порфирия. — *а.* Он решил про себя, что если случится теперь что-нибудь окончательное, непоправимое, он первым делом бросится на Порфирия. *б. Начато:* Он даже

37–39 Он, еще ∾ на губах. *вписано.*

38 *После:* злобы боялся — потому что теперь ее ужасно ⟨?⟩ чувствовал

39–40 Но он ∾ до времени. / *а.* А покамест решился молчать. *б.* Но он все-таки решился молчать, рта не разевать.

42 раздражит молчанием самого врага / рассердит молчанием Порфирия

43–44 По крайней мере, он на это надеялся. *вписано.*

Стр. 263.

5 выше всего / и выше всего ◇

15 слабость / слабость-с

17 Наполеоном-то / Полк⟨оводцем⟩

22 расчет подсекают! / расчет подсекает

28 задаром сообщаю / задаром говорю

29–30 продолжаю-с: остроумие / продолжаю-с, что остроумие

31 *После:* утешение жизни — *а.* на *б.* нату⟨ра⟩ *в.* натурально

33 *После:* следователю — *начато:* и тем паче

36 А об этом / о том

38 изволили выразиться / изволили вчера выразиться ◇

41 а он — хлоп! / так вот

44 мысль / начало

45 бесподобно / отлично

Стр. 264.

1 побледнеет / и побледнеет-то ◇

3 *После:* малый не промах. — (Впрочем, вообще говоря, выдумки такие хоть и [хи⟨тры⟩] довольно хитры, но всегда опасны; их бы не надо употреблять-с... Игривость юмористическая соблазняет, вот то-то и есть!) ◇

4 сам вперед / вперед

5–6 о том ∾ молчать / *а.* об том, об чем бы надо смолчать *б.* об том, об чем бы надо, напротив, молчать

7 хе-хе! Сам придет и спрашивать начнет / *а.* сам спрашивает — хе-хе! сам придет и спрашивает *б.* сам начнет спрашивать — хе-хе! сам придет и спрашивать начнет ◇

14 пожалуйста, не беспокойтесь! / пожалуйста, пожалуйста

16 *После:* захохотал, вслед за ним. — Оба смеялись вместе, глядя друг на друга. ◇

17 прекратив свой, совершенно припадочный / прервав свой припадочный

19 наконец / теперь

27 Не позволю-с! / Не по-зволю-с! ◇

28 слышите вы это, Порфирий Петрович? / слышите ли вы это, Порфирий Петрович! ◇

30 *После:* вскрикнул — *начато:* соверш⟨енно⟩

34–35 что тогда мы им скажем / что тогда будет

35–36 прошептал ∾ Раскольникова. / шептал Порфирий и вдруг бросился отворить окно, затем бросился б⟨ыло⟩ ⟨*не закончено*⟩

36 приближая свое лицо ∾ Раскольникова. *вписано.*

39 *После:* отворить окно — вероятно, скрывая у⟨лыбку⟩

44–45 бросаясь к нему с графином, — авось поможет... / бросаясь с графином к Раскольникову

Стр. 265.

6 поставил на стол / поставил его на стол
7 Да-с, припадочек у нас был-с! / Да-с, припадок у вас, да-с, это припадок-с, — закудахтал Порфирий.
9–10 всё еще с каким-то растерявшимся видом / тоже как бы [совсе⟨м⟩] растерявшийся
20 Ну что же из этого? / Ну что же, что же из этого? ◇
21 я не такие / я и не такие ◇
23 стали звонить / звонили
28 *После:* благородное-с — да
38 лица на вас нет; / лица на вас нет! ◇
41 ухаживавшего / ухаживающего
43–44 Неожиданные ∾ его поразили. *вписано.*
45 подумалось ему вдруг / подумал он

Стр. 266.

1 продолжал скороговоркой Порфирий *вписано.*
21 *Перед:* На мгновение — *начато:* Всё
23 неужели / неужели ж ◇
23 мелькало / мелькнуло
23–24 лжет и теперь? Невозможно / — лжет и теперь, и хочет только мне сам подсказать [всю], что его не надуешь и что он знает всю психологию будущей защиты моей, что он знает все мои средства? Нет, невозможно ◇
25 чувствуя заранее / чувствуя заране ◇
26 *После:* довести его — «О, если он только смеется надо мной!»
26 чувствуя, что от бешенства / чувствуя, что он от бешенства ◇
26 чувствуя ∾ может. *вписано.*
27 вскричал он / Наяву, наяву, слышите! — вскричал Раскольников, неестественно
28 *После:* в игру Порфирия — и как можно скорее узнать: лжет он иль нет? Смеется он или нет? Иначе это становится невыносимо.
29 Наяву, наяву! Слышите ли? *вписано.*
30 *После:* и слышу-с! — *начато:* Всё это
30–31 не в бреду / не в бреду; то есть⟨?⟩
31 особенно даже ∾ не в бреду! *вписано.*

Конец главы V — начало главы VI четвертой части

Стр. 269.

34 завопил Раскольников / завопил он
37 подскочил он к нему. *вписано.*
40 Романыч / Романович ◇
48 а? / да?

Стр. 270.

1–2 Ну какие тут ∾ человеку! / Какие тут депутаты!
1–2 батюшка ∾ человеку! *вписано.*
3 дела вы, родимый, не знаете / вы дела не знаете
3–4 А форма ∾ увидите!.. *вписано.*
6 *После:* как бы шум — и Порфирий Петрович стал [жадно⟨?⟩] с большим волнением прислушиваться.
7 *После:* А, идут! — *начато:* под⟨нялся *или* скочил?⟩
8 Ты их ждал! *вписано.*
8 *После:* Ты их ждал! — Я, верно, раньше пришел... ◇
9 Я готов! готов!.. / *а. Как в тексте. б.* Я готов! ◇

10–11 *После:* неожиданное — и даже невозможное
14 *Обозначения главы:* VI — *нет.*
18 немного приотворилась / вдруг немного приотворилась
20 *После:* предупредил.. — *зачеркнуто:* экой⟨?⟩
26 Прочь!/ Прочь! после!
26–27 Что за беспорядок! *вписано.*
27 закричал Порфирий, бросаясь к дверям. / закричал и затопал ногами Порфирий Петрович, схватившись за ручку дверей.
29 настоящая борьба / как бы настоящая борьба ◇
32 *После:* Порфирия Петровича — почти на него наткнувшись
34 прямо ∾ не видя / как-то прямо перед собою, как бы не [глядя] смотря
38 Он был еще очень молод, одет / Человек он был еще очень молодой, одетый
42 за плечо / за руку

Стр. 271.

1 Прочь, рано еще! / Прочь! Куд⟨а⟩
2 *После:* привели? — Прочь!
2 бормотал / крич⟨ал⟩
4 Чего ты? — крикнул Порфирий в изумлении. / Да чего ты? — крикнул Порфирий Петрович в изумлении, смотря на него.
5 *После:* произнес Николай — *начато:* неско⟨лько⟩
7 Секунд десять / *а.* Секунды три *б.* Секунд пять
8–9 подходил к Николаю / подходил к нему
13 Кого ты убил? / Да кого ты убил?

Варианты прижизненных изданий (РВ, 1867, 1870)

Стр. 7.

1 в огромной телеге / в огромной пустой телеге *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 11.

1 кусок сухаря / кусок сахару *(РВ)*

Стр. 15.

10 не один раз уже бывало / не один уже раз бывало *(РВ, 1867, 1870)*
11 но... такова / но... но такова *(РВ)*
36 похвальный лист / похвальный лист, на пергаменте *(РВ)*

Стр. 16.

22 на полуштоф / в полуштоф *(РВ, 1867, 1870)*
23 чувство имею / чувства имею *(РВ)*

Стр. 17.

17 личико / и личико *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 19.

21 помня ваши заслуги / помню ваши заслуги *(РВ)*

Стр. 20.

47 а не жалеть / и не жалеть *(РВ)*
47–48 и, распяв, пожалей его! / и пожалей его! *(РВ)*

Стр. 21.

6 детям чужим и малолетним / детям чужим, малолетним *(РВ, 1867, 1870)*
20 ни единый из сих сам не считал / ни единый из них сам никогда не считал *(РВ, 1867)*

Стр. 22.

41–42 годом старше ее / годом постарше ее *(РВ)*

Стр. 24.

40 с папиросками и трубками / с папиросками, с трубками *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 25.

9–10 язвительно усмехнулся / язвительно усмехаясь *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 28.

19 и, стало быть / а, стало быть *(РВ)*
23–24 Мы тебя тогда обманули / Мы тебя обе тогда обманули *(РВ)*

Стр. 31.

14 мы вместе / мы обе вместе *(РВ, 1867, 1870)*
21 как увидишься / когда увидишься *(РВ, 1867, 1870)*
45–46 человек очень расчетливый / человек очень умный и расчетливый *(РВ)*

Стр. 32.

5–6 *После:* честные и справедливые. — А в этом сомневаться еще нечего, да и повода мы не имеем. Наружность же человека весьма обманчива, и по одной наружности, особенно по первому взгляду, никак судить нельзя. *(РВ)*
14 выразился / выразился так *(РВ)*

Стр. 34.

43–44 при жизни твоего отца / еще при жизни твоего отца *(РВ)*

Стр. 39.

24 тоже вчерашняя / та же вчерашняя *(РВ)*

Стр. 40.

1 девушка очень молоденькая / девушка, и очень молоденькая *(РВ)*

Стр. 41.

46–47 ему показался / ему казался *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 42.

1 шатаясь / шаталась *(РВ, 1867, 1870)*
9 и у него / и у него самого *(РВ)*
16 и хотел / и, кажется, хотел *(РВ)*

Стр. 47.

42 и в ярости сечет учащенными ударами кобыленку / и в ярости сечет, сечет учащенными ударами кобыленку *(РВ)*

Стр. 48.

1–2 что они делают? / что они делают! *(РВ)*

Стр. 50.

47–48 (по которой даже и идти ему незачем) / (по которой даже и идти ему было незачем) *(РВ)*

Стр. 51.

43 ничего не говорите-с / ничего и не говорите-с *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 54.

38–39 она намедни Лизавете палец со зла укусила / она зла; она намедни Лизавете палец со зла укусила *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 57.

45 отказался от всего / отказался от всего окончательно *(РВ)*

Стр. 58.

19 он только *пробовал* было сделать / он только *попробовал* было сделать *(РВ, 1867, 1870)*

33–34 его занимал один вопрос / его занимал между прочим один вопрос *(РВ)*

Стр. 59.

42 Вдруг он вздрогнул. / Вдруг он весь вздрогнул. *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 60.

17 он иногда думал / он думал *(РВ)*

Стр. 61.

12 тоже пустая / точно пустая *(РВ)*

Стр. 62.

19–20 уставилась глазами / уставилась опять глазами *(РВ, 1867, 1870)*

30 и решительный тон / а решительный тон *(РВ)*

36 Да чтой-то вы / Да чтой-то вы, батюшка *(РВ)*

Стр. 63.

17 ее малый рост / ее весьма малый рост *(РВ)*

38 только что услышал / только что он услышал *(РВ)*

Стр. 64.

17 руки его так дрожалп / руки его уже так дрожали *(РВ, 1867, 1870)*

45 Вдруг послышалось / Вдруг ему послышалось *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 65.

8 приподняла руку / Она приподняла руку *(РВ)*

31–32 остается ему преодолеть и совершить / остается ему преодолеть *(РВ)*

33 тотчас пошел бы / тотчас же пошел бы *(РВ)*

Стр. 66.

2 Следов не осталось / Следов не оставалось *(РВ, 1867, 1870)*

6 помочил тряпку / намочил тряпку *(РВ)*

13 пробормотал он / вскричал он *(РВ)*

43 третий начался / третий этаж начался *(РВ, 1867, 1870)*

48 встрепенулся / встрепенулся, вздрогнул *(РВ)*

Стр. 67.

6 а он прислушпвался / и он прислушивался *(РВ)*

19 Голова его / Он терялся, голова его *(РВ)*

23–24 старая ведьма! / старуха ведьма! *(РВ)*

42–43 Куда бы старухе уйти?/ Куда бы старухе-то уйти? *(РВ)*

Стр. 68.

30 Зачем оставаться?/А зачем оставаться? *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 70.

3 Наконец вот п переулок / Мысли его мешались. Наконец вот и переулок *(РВ)*

10 Он плохо теперь помнил себя / Он плохо помнил себя *(РВ)*

Стр. 71.

19–20 до последней нитки и лоскутка / до последней нитки, до последнего лоскутка *(РВ, 1867, 1870)*

23–24 Он схватил складной большой ножик / Он схватил свой складной большой ножик *(PB, 1867, 1870)*

32–33 тотчас же он начал / тотчас же начал он *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 72.

36–37 голова его опять склонилась / голова его опять склонялась *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 73.

4 запирать стал! / запираться стал! *(PB, 1867, 1870)*

5–6 Сопротивляться или отворить? Пропадай... / Сопротивляться или отворить? Лучше отворить! Пропадай... *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 74.

3 долго читал он / долго, долго читал он *(PB, 1867, 1870)*

15 всё относительно / всё это относительно *(PB, 1867, 1870)*

36–37 выходящего вдруг на улицу / вышедшего вдруг на улицу *(PB)*

48 не хотел / не хотелось *(PB)*

Стр. 75.

10 Здесь тоже духота была чрезвычайная / Духота была чрезвычайная *(PB)*

Стр. 76.

3–4 раскусить / раскусить его *(PB)*

Стр. 77.

5 тоже внезапно / тоже вдруг внезапно *(PB)*

11 Помощник до того вспылил / Поручик до того вспылил *(PB)*

Стр. 78.

1–2 хотя какого-нибудь даже внимания / хоть какого-нибудь даже внимания *(PB, 1867, 1870)*

38 не буль / не быль *(PB)*

41 шкандаль / скандаль *(PB)*

41 они пришоль / они пришли *(PB)*

41 я всё расскажит / я всё расскажу *(PB)*

44 не хотель никакой шкандаль / не хочу никакой скандаль *(PB)*

44–45 пришоль пьян / пришли пьян *(PB)*

Стр. 79.

7–8 за фрак от окна таскаль / за фрак из окна тащиль *(PB)*

10 господин капитэн / капитэн *(PB)*

12 шкандаль делаль! / скандаль делаль! *(PB)*

31–32 почтенное семейство статского советника / почтенное семейство одного статского советника *(PB)*

33 намедни / тоже намедни *(PB)*

Стр. 80.

30 не плачу четвертый месяц / не плачу уже четвертый месяц *(PB, 1867, 1870)*

37 подхватил опять Раскольников / подхватил Раскольников *(PB)*

42 уж около трех лет / уже около трех лет *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 82.

31 лучше и не думая / лучше не думая *(PB)*

41–42 если с таким намерением шел? / если с таким намерением пришел? *(PB)*

Стр. 84.

13 Но вот его комната. / Но вот и его комната. *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 85.

2 дело только до него / дело только до него одного *(РВ, 1867, 1870)*
7–8 полчаса бродил в тоске и тревоге / полчаса бродит в тоске и тревоге *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 87.

18 гадки были их лица / гадки были даже их лица *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 88.

11 на кой черт ты пришел / на кой черт ты вошел *(РВ)*
19 как хочешь / как хошь *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 89.

36 в головке и козловых башмаках / в головке и в козловых башмаках *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 90.

14 в будущее / в далекое будущее *(РВ)*
22–23 В какой-то глубине / В какой-то бесконечной глубине *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 91.

27 он пролежал с полчаса / он пролежал так с полчаса *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 93.

17 поддакнул опять артельщик / опять поддакнул артельщик *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 94.

8 *После:* вы тоже толковый человек. — Я ведь это вам давеча только так... для внушения... *(РВ)*
13 во ожидании лучшего-с / в ожидании лучшего-с *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 96.

26 помню только, что у Пяти углов, Харламова дом / помню только, что не доходя какого-то моста на здешней канаве и в здешних местах, — Харламова дом *(РВ)*

Стр. 97.

41 это ты благоразумно / это ты благоразумно делал *(РВ)*

Стр. 98.

47–48 подайте, дескать, да и только / подайте, дескать, носок, да и только *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 99.

11 али чего-нибудь / али чего иного *(РВ, 1867, 1870)*
20 как полоумный / как полуумный *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 104.

30 я за тебя две дам... / я за тебя и две дам... *(РВ)*

Стр. 107.

34 сколько лет — «двадцать два» / сколько лет — «двадцать пять» *(РВ)*
47 Чего испугался? / Чего испужался? *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 108.

25 за стенкой, в углу / за стенкой, к углу *(РВ)*

Стр. 110.

19–20 *После:* положительно доказал — десятками свидетелей и свидетельств *(РВ)*

44 из нее выбежали / из нее побежали *(РВ)*

45–46 сошел себе вниз / вышел себе вниз *(РВ)*

Стр. 111.

2 не заметил, что выронил / не заметил *(РВ)*

31 хотя и не без строгости / хотя не без строгости *(РВ)*

39 А вот он лежит на диване! / А вон он лежит на диване! *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 114.

46 оборотился он / обратился он *(РВ)*

47 теперь ее отделывают / теперь ее отделываю *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 116.

34 при мне говорят / при мне заговорят *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 117.

3–4 Особенно желаю здоровья... / Особенно же желаю вам здоровья... *(РВ)*

7 Убил непременно закладчик! / Непременно закладчик! *(РВ)*

Стр. 118.

8 то чем же объяснить / Чем же объяснить *(РВ)*

Стр. 119.

4 вскричал Раскольников / вскрикнул Раскольников *(РВ)*

15 нарочно оставался здесь / оставался здесь *(РВ)*

27–28 он уносит с собой ужасное оскорбление / он ужасно оскорблен *(РВ)*

Стр. 120.

14 *После:* медлила уходить. —

— А ведь ребенок-то лекарский был! — таинственно сказала она, ступив шаг вперед и понизив голос.

— Что?

— Вот этого, лекаря-то твоего. Сама сказывала...

Раскольников посмотрел на нее задумчиво, как бы не совершенно ее понимая; прежнее нетерпение блеснуло в глазах его. *(РВ)*

Стр. 121.

47 а я дома сидел / а я всё дома сидел *(РВ)*

Стр. 124.

19 Он заглянул / Он взглянул *(РВ)*

34–35 старались тогда / старались-то тогда *(РВ)*

45–46 «а по всей то есь любови / «а по всей то есь любви *(РВ)*

Стр. 125.

40–41 показалось потом Заметову / показалось Заметову *(РВ)*

Стр. 126.

36 собирается / сбирается *(РВ)*

39 Бланбеки! / Ведь их куча, сброд, за всякого не поручишься! Бланбеки! *(РВ)*

48 Да разве этак возможно? / Да разве это возможно? *(РВ)*

Стр. 127.

34 среди бела дня / среди белого дня *(РВ)*

41–42 Вот ведь что у вас главное / Вот ведь что главное *(РВ)*

Стр. 128.

18–19 под ним ямка должна быть / под ним должна ямка быть *(РВ, 1867, 1870)*

25 У того засверкали глаза / У того вдруг засверкали глаза *(РВ)*

38 *После:* Признайтесь, что вы поверили? — сказал он наконец холодно и насмешливо *(РВ)*

40 торопливо сказал Заметов / торопливо вскричал Заметов *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 129.

7 Ведь знаете же / Ведь знаете *(РВ)*

16 и так же быстро ослабевали / и ослабевали быстро *(РВ)*

39 *После:* Ты смеешь говорить: «пусти»? — после того что ты сделал! *(РВ)*

Стр. 130.

1 *После:* был бы рад умереть! — Впрочем, ты мог не знать этого, и, конечно, я должен поставить в счет твое великодушие, — но я не хотел и не хочу твоего великодушия — вот что главное! *(РВ)*

3 *После:* мучить людей! — Давеча, когда ты платье принес и стал, для увеселения моего, отпускать свои остроты, которые все, — так как ты не самолюбив, то признаюсь тебе в этом искренно, — все были чрезвычайно неудачны и переслащены... одним словом, тупы, — извини, пожалуйста, — то я... мне стало жаль тебя, стыдно стало, противно... Это меня так раздражило!.. *(РВ)*

7 *После:* удерживать меня силой? — Это право кулачное и не прилично великодушному человеку. *(РВ)*

36 на кушетке уложу / на кушетке уложу, на подушках *(РВ)*

Стр. 131.

1–2 Раскольников повернулся и пошел прочь / И Раскольников повернулся и пошел прочь *(РВ)*

Стр. 132.

13 протянул ему товарищ / протянул ему другой городовой *(РВ)*

20 Пошла я теперь в лавочку / Пошла теперь в лавочку *(РВ)*

27 Нет, гадко / Нет, это гадко *(РВ, 1867, 1870)*

36 Что ж, это исход! / Что ж, и это исход! *(РВ, 1867, 1870)*

38–39 Какой, однако же, конец! / Какой, однако ж, конец! *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 133.

33–34 чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь? / чего ты передо мной апельсинничаешь? *(РВ)*

Стр. 135.

25–26 проговорил ему Раскольников / проговорил Раскольников *(РВ)*

Стр. 139.

34 *После:* вся затряслась — с ней бывали нервные припадки, похожие на падучую болезнь *(РВ)*

Стр. 140.

17–18 Она схватилась / Она уже схватилась *(РВ)*

20–21 лицо Мармеладова / лицо и голову Мармеладова *(РВ)*

Стр. 141.

26–27 Прошу вас сейчас запереть эту дверь / Прошу вас сейчас же запереть эту дверь *(РВ, 1867, 1870)*

43 пот выступил на лбу / пот выступал на лбу *(РВ)*

Стр. 143.

40–41 Соня была малого роста / Соня была среднего роста *(РВ)*

Стр. 144.

22–23 она подавала ему пить / подавала ему пить *(РВ)*

33 про прощение говорить / о прощении и говорить *(РВ)*; о прощении говорить *(1867, 1870)*

40 *После:* склонившейся снова над ним — и ронявшей на него безмолвные слезы *(РВ)*

Стр. 145.

5 Но он с неестественным усилием / Но он уже приподнялся и с неестественным усилием *(РВ)*

12–13 протянуть к ней руку / протянуть к ней обе руки *(РВ)*

Стр. 146.

9 *После:* Кто-то догонял его — он почувствовал почему-то, что это именно его догоняют, и остановился у самого выхода с лестницы во двор *(РВ)*

Стр. 147.

6 Коля с Лидочкой / Аркаша с Лидочкой *(РВ)*

31 *После:* когда вышел давеча. — Что-то скажут все эти Зосимовы! *(РВ)*

40–41 ему, как хватавшемуся за соломинку, вдруг показалось, что и ему / он только узнал, опытом, что и ему *(РВ)*

Стр. 148.

38 отвечал Раскольников / ответил Раскольников *(РВ)*

47–48 тебя заставить болтать, и потом ему рассказать / тебя заставить болтать, а потом ему рассказать *(РВ)*

Стр. 152.

22 Ты выходишь за Лужина для меня. / Ты выходишь за Лужина *для меня*. *(РВ, 1867, 1870)*

30 закричал хмельной Разумихин / закричал Разумихин *(РВ)*

43 заревел Разумихин / заревел хмельной Разумихин *(РВ)*

Стр. 153.

16 Но я пойду к здешней хозяйке / Но я пойду к хозяйке *(РВ)*

Стр. 154.

31 Вот вы... вы... меня понимаете / Вот вы... вы... вы меня понимаете *(РВ)*

36 Впрочем, он ее беспокоил / Впрочем, и он ее беспокоил *(РВ)*

40–41 огромнейшими шажищами / огромными шажищами *(РВ, 1867, 1870)*

45–46 я вас недостоин... Я вас в высшей степени недостоин!.. / я вас недостоин... *(РВ)*

Стр. 155.

11 а вы тут приехали / а вы тут и приехали *(РВ)*

37 в первом предуготовительном классе гимназии / в первом приготовительном классе гимназии *(РВ)*

Стр. 156.

26 свой ум спешил выставлять / свой ум и либерализм спешил выставлять *(РВ)*

28 Нет, он дурак, дурак! / Нет, он дурак, дурак, потому что не подозревает, как легко его разглядеть. *(РВ)*

28 О боже мой! / О боже мой! так бы и разорвал его на клочки теперь! *(РВ)*

30 зато все честные / зато все честные и любят то, что великодушно и хорошо *(РВ)*

38 был скандал / целый скандал *(РВ)*

Стр. 157.

1–2 И как я могла решиться / И как могла я решиться *(РВ)*
8–9 Ах, эта болезнь! Что-то будет, что-то будет! И как он говорил с тобою, Дуня! / Но он так говорил с тобой, Дуня! *(РВ)*
29 не говоря уже об эксцентрическом его состоянии / даже не взирая на эксцентрическое его состояние *(РВ)*

Стр. 158.

23 противоречило ее убеждению / противоположно ее убеждению *(РВ)*

Стр. 162.

16–17 не закрасить и не загладить теперь никогда / не закрасить и не загладить теперь и никогда *(РВ)*

Стр. 163.

2 спит, как сурок. Зосимов распорядился / спит, как сурок, на что Зосимов распорядился (*РВ*)

Стр. 164.

5 Я не удостоился лицезреть / Я и не удостоился лицезреть *(РВ)*

Стр. 165.

17–18 Ужасно иногда неразговорчив! / Ужасно неразговорчив: *(РВ)*
38 то, кажется / и кажется *(РВ)*

Стр. 166.

19 Я уверена / Я уверена, я уверена *(РВ)*
39–40 очень не по душе... / очень не по душе... почему-то. Почему, не знаю *(РВ)*
44–45 да он на приданое / да на приданое он *(РВ)*

Стр. 167.

41 в самом вокзале. Вместо того в вокзал / в самом воксале. Вместо того в воксал *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 172.

21 Да вы не раздражайтесь / Да вы не дивитесь *(РВ)*

Стр. 173.

46 не беспокойтесь / не беспокойтесь, маменька *(РВ)*

Стр. 174.

32 Теперь вдова / Вдова *(РВ)*

Стр. 175.

12 *После:* так ведь любил их — а при свидании и выносить не могу! Этого недоставало! *(РВ)*

Стр. 176.

4 раздражительно и как бы нечаянно / раздражительно *(РВ)*
7 вырвалось / нечаянно вырвалось *(РВ)*
8–9 *Слов:* сказал он с искривившеюся улыбкою — *нет.* *(РВ)*
28 нельзя ему теперь *говорить* / нельзя уже ему теперь *говорить* *(РВ)*
45–46 А то и я сам было подумал / А то я и сам было думал *(РВ)*

Стр. 177.

15 Да куда ты? / Да куда ты? — спросил он. *(РВ)*

Стр. 178.

7 точно из-за тысячи верст на вас смотрю / точно я из-за тысячи верст на вас смотрю *(РВ, 1867, 1870)*

44 *После:* благодетельствовать! — Высокомерие! *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 179.

1–2 стало быть, его не обманываю / следственно, его не обманываю *(РВ)*

7–8 он и меня ценит / он дорожит и мной *(РВ)*

10 по одному только женскому упрямству / по одному только женскому упрямству лжешь *(РВ, 1867, 1870)*

17 не выйду за него / я не выйду за него *(РВ)*

18 что сама могу уважать его / что могу уважать его *(РВ)*

20 А если бы ты был и прав / Но если бы ты был и прав *(РВ)*

43 Он говорил как бы для себя / Он говорил как бы про себя *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 180.

33 отвечала Дунечка / ответила Дунечка *(РВ, 1867, 1870)*

43–44 вчера в первый раз в жизни видел / вчера первый раз в жизни видел *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 181.

22 тоже прошу быть у нас / тоже попрошу быть у нас *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 183.

2–3 Дунечка серьезно, пристально уставилась / Дунечка серьезным, пристальным взглядом уставилась *(РВ)*

36 даже еще закуску намерена / да еще закуску намерена *(РВ)*

Стр. 184.

10 будете и обедать розно / будете обедать розно *(РВ)*

Стр. 185.

16 неосторожно высказала / неосторожно высказалась *(РВ)*

23–24 на улицах, как в комнатах без форточек / на улице, как в комнате без форточек *(РВ)*

Стр. 186.

37 не посмотрев на Разумихина / не посмотрев почему-то на Разумихина *(РВ)*

Стр. 188.

45–46 я ведь не выкупить теперь вещи иду / я ведь не выкупать теперь вещи иду *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 189.

32 Что это? / Чего это? *(РВ)*

35 что я говорил / что я говорил... *(РВ, 1867, 1870)*

42 *После:* и не говори! — «И стоила эта пакость таких мук!» — подумал он опять про себя. *(РВ)*

Стр. 190.

33 Когда это бывало? / Когда это случалось? *(РВ)*

38 Того и надо было Раскольникову / Того только и надо было Раскольникову *(РВ)*

Стр. 192—193.

48–1 не совсем при деньгах / не совсем при деньгах-с *(РВ)*

Стр. 193.

22 закладчиков опрашивает / закладчиков спрашивает *(РВ)*
42 *Фразы:* — Зачем сказал: «женщины»? — *нет.* *(РВ)*

Стр. 195.

17 а ты не знаешь / а ты и не знаешь *(РВ)*
31–32 *Фразы:* Он был ужасно раздражен. — *нет.* *(РВ)*

Стр. 196.

3–4 *После:* дразнят меня? — «На-а-против»... «Если бы вы знали, как интересуете!..» «Так рад, что наконец пожаловали...» Почему ж *наконец?..* *(РВ)*
4 *После:* или *знают*!.. — А коли знают, то что ж они знают? Значит, много знают, коли так смелы! *(РВ)*
7 Порфирий его за гостя не считает / Порфирий его и за гостя не считает *(РВ)*
9 Знают ли про квартиру-то? / Знают ли, наконец, про квартиру-то? *(РВ)*

Стр. 199.

22 начал он просто и скромно / начал он просто, не раздражаясь и скромно *(РВ)*

Стр. 202.

3 За увлечение, конечно, их / За увлечения, конечно, их *(РВ)*
5 очень благонравны / очень на этот счет благонравны *(РВ)*
10–11 вы меня хоть несколько успокоили / вы меня успокоили *(РВ)*

Стр. 203.

8 Ты не можешь так думать / Ты не можешь так думать, Родя *(РВ)*

Стр. 204.

26 *После:* ответил Раскольников. — Он не смог удержаться. *(РВ)*
34 следственно, и не могу / а следственно, и не могу *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 205.

9–10 *Фразы:* Вы не так поняли. — *нет.* *(РВ)*

Стр. 206.

30 *После:* наглостью сбить. — Ведь он меня первый раз видит, — ощупывал, значит... *(РВ)*
31 с досады прорвался / с досады и прорвался *(РВ)*
32 *После:* Он человек, кажется, умный — хотел именно показать мне, что знает *(РВ)*

Стр. 207.

31 А потому, что только одни мужики / А потому, что одни только мужики *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 208.

3 *После:* надо сбивать. — Заметь себе, что быв за два дня, в виде закладчика, я действительно мог не заметить мастеровых, по рассеянности, если б они там и были; узнать же наверно, что их там не было и за два дня, я ниоткуда не мог, до самого твоего восклицания Порфирию о том, что их тогда не было. Стало быть, я очень мог сбиться, и *(РВ)*
24–25 тут же поклявшись / и тут же поклявшись *(РВ, 1867, 1870)*
35 Подходя давеча уже / Подходя уже *(РВ)*

Стр. 209.

5 строго и с неудовольствием / строго и с недовольством *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 210.

40 *После:* Разве этак возможно? — Она перескажет! *(РВ)*

Стр. 211.

29 Ха-ха! / Нельзя-с! *(РВ)*
30 я ведь тоже хочу / я тоже хочу *(РВ)*
31 и больше ничего, / и больше ничего! *(РВ)*
37 а имею в виду / а имея в виду *(РВ, 1867, 1870)*
38 приятную цель, — ха-ха! / приятную цель, и так далее, и так далее *(РВ)*

Стр. 212.

11 *После:* я помню... — обниму ль, поцелую ль я когда кого-нибудь? *(РВ)*

Стр. 213.

34–35 тихим, неслышным смехом / тихим, неслышным, неровным смехом *(РВ)*
39–40 смех и шепот из спальни раздавались всё сильнее и слышнее / смех из спальни раздавался всё сильнее и сильнее *(РВ)*; смех и шепот из спальни раздавались всё слышнее и слышнее *(1867, 1870)*

Стр. 215.

15–16 при сем питал / при этом питал *(РВ)*

Стр. 216.

2 Охота же так беспокоиться! / Охота же была так беспокоиться! *(РВ)*
24 почти никогда не дрались / почти никогда не дирались *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 217.

7 чего ж обижаться / чего ж обижаться-то *(РВ)*

Стр. 218.

15–16 тотчас же в капкан / тотчас в капкан *(РВ)*
21 всегда мне тошно бывало / всегда мне там тошно бывало *(РВ, 1867, 1870)*
38 подарила / подарила при этом *(РВ)*

Стр. 219.

14 а в третий раз / а третий раз *(РВ, 1867, 1870)*
23 да неужели / да неужели же *(РВ)*
31 тут же и сказал себе / тут же я и сказал себе *(РВ)*
38 Что ж она вам говорит / Продолжайте! Что ж она вам говорит *(РВ)*

Стр. 220.

14 внимательно ей в лицо посмотрел / внимательно, внимательно ей в лицо посмотрел *(РВ, 1867, 1870)*
22 Взяла да и вышла / Взяла да вышла *(РВ)*

Стр. 224.

23–24 семь лет безвыездно проживал / семь лет безвыездно прожил *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 225.

30 не совсем хорошо понимаю / не совсем хорошо понимаю, Родя *(РВ)*
32 показалось теперь / показалось теперь, вдруг *(РВ)*
41 Раскольников не отвечал / Раскольников не ответил *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 226.

7 Ты тут ни при чем / Ведь ты тут ни при чем *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 227.

40 с ним отношения / с ним сношения *(РВ)*

Стр. 228.

15 если хотите знать / если хотите узнать *(РВ)*
40 еще во время крепостного права / еще во времена крепостного права *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 229.

34 Это действительная правда / Это действительно правда *(РВ)*

Стр. 230.

7–8 о весьма важных пунктах / о весьма важных делах *(РВ)*

Стр. 231.

1 и с его, и с вашей стороны / и с вашей и с его стороны *(РВ, 1867, 1870)*
40–41 на вашей собственной корреспонденции / на вашей собственной передаче ему этих слов моих письменно *(РВ)*
47 а передала, как сама поняла / я передала, как сама поняла *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 232.

35 высокомерно улыбнулся / высокомерно улыбался *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 233.

29 Авдотья Романовна / Авдотья Романовна, — сказал он *(РВ)*
33 возвращались назад / возвращались назад, Петр Петрович *(РВ)*
46 через то в издержки / через это в издержки *(РВ)*

Стр. 235.

27 сладостных эпизодов / сладостных эпизодов и драм *(РВ)*
35–36 благоговейно уничтожится / благоговейно приникнет и уничтожится *(РВ)*
46 Этот теперешний / Одним словом, этот теперешний *(РВ)*

Стр. 236.

8–9 Еще бы и этого-то поставить / Еще бы этакого-то поставить *(РВ, 1867, 1870)*
24 тоже будет рада / тоже будет так рада *(РВ)*

Стр. 237.

17–18 с признаками как будто помешательства /с признаками помешательства *(РВ)*

Стр. 238.

44 сказала она / сказала Дуня *(РВ)*

Стр. 239.

8 дело смыслит / дело знает *(РВ)*

Стр. 241.

24–25 слезы выступили на глазах / слезы выступили в глазах *(РВ)*

Стр. 242.

19 Всё завтра утром / Всё завтра устроим *(РВ)*

Стр. 243.

12 Я его точно сегодня видела / Я его сегодня видела *(РВ)*

42 *После:* и раздражается — и жаль ее, что она ничего не замечает, ни людей, ничего. *(РВ)*

Стр. 244.

16 на вас она всё надеется / на вас надеется *(РВ)*

28–29 Тут же в лавке / Тут же в лавочке *(РВ)*

37 Я жестоко поступила! / Я жестокая, жестокая была! *(РВ)*

46 *После:* книжки всё доставал — а думает, что хороши *(РВ)*

Стр. 245.

12 Уж этого-то не надо было бы ей говорить! / Уж этого-то не надо было бы ей-то говорить! *(РВ)*

Стр. 246.

17 не допустит!.. / не допустит!.. Нет! Нет... *(РВ)*

37 Передо мной! / И передо мной! *(РВ)*

47–48 Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! / Да ведь я недостойная!.. я... я ведь бесчестная, я великая, великая грешница! *(РВ)*; Да ведь я... бесчестная... *(1867, 1870)*

Стр. 248.

13–14 когда ей говорят / когда ей заговорят *(РВ, 1867, 1870)*

47–48 стояла всё на том же месте / стояла всё на том месте *(РВ)*

Стр. 249.

15 Найди и прочти мне / Найди и прочти мне, Соня *(РВ)*

35–36 Голова начала кружиться. / Голова начинала кружиться. *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 250.

41 и как бы с болью переведя дух / и как бы с болью переводя дух *(РВ)*

Стр. 253.

3 Свободу и власть / Свобода и власть *(РВ)*

4–5 Это мое тебе напутствие! / Это мое тебе напутствие, Соня! *(РВ)*

42–43 неслышно принес его к самым дверям / неслышно перенес его к самым дверям *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 254.

37 И так сильно было его негодование / И так сильно было это негодование *(РВ)*

Стр. 255.

37–38 от двух только взглядов / от двух взглядов *(РВ)*

46 Чрезвычайно странною казалась / Чрезвычайно странною и почти смешною казалась *(РВ)*

Стр. 256.

8–9 Теперь почти готово / Теперь уж почти готово *(РВ)*

19 мыслящим и загадочным взглядом / смыслящим и загадочным взглядом *(РВ)*

39–40 продолжительным смехом / продолжительным, почти неслышным смехом *(РВ)*

Стр. 257.

13 чтоб я пришел / чтоб я к вам пришел *(РВ)*

24–25 покамест прощайте / покамест прощайте-с *(РВ)*

Стр. 260.

5 никогда не уйдет / никуда не уйдет-с *(PB)*

19–20 *После:* «Ждет он, что ли, чего-нибудь?» — подумал Раскольников *(PB)*

21–23 подхватил Порфирий ∾ смотря на Раскольникова / подхватил Порфирий, вдруг останавливаясь перед своим гостем и весело, с необыкновенным простодушием смотря на него *(PB)*

Стр. 261.

30–31 Прекомические иногда случаи случаются / Прекомические ведь иногда случаи случаются *(PB)*

Стр. 262.

36 *После:* неведомой катастрофе — но скрепился через силу, потому что страшная злоба кипела в нем *(PB)*

Стр. 263.

5 ум человеческий цените / ум человеческий и цените *(PB)*

38 изволили выразиться / изволили вчера выразиться *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 263—264.

48–1 *слишком уж натурально* побледнеет-то / *слишком уж натурально* и побледнеет-то *(PB)*

Стр. 264.

3 *После:* малый не промах. — (Впрочем, вообще говоря, выдумки такие хоть и довольно хитры, но всегда опасны; их бы не надо употреблять-с... Игривость юмористическая соблазняет, вот то-то и есть!) *(PB)*

6–7 *После:* начнет подпускать — сам начнет спрашивать *(PB)*

16 *После:* захохотал, вслед за ним. — Оба смеялись вместе, глядя друг на друга *(PB)*

Стр. 265.

7 припадочек у нас был-с! / припадочек у вас был-с! *(PB, 1867, 1870)*

20 Ну что же из этого? / Ну что же, что же из этого? *(PB)*

21–22 я не такие еще ваши подвиги знаю / я и не такие еще ваши подвиги знаю *(PB)*

Стр. 266.

23–24 лжет и теперь? Невозможно / лжет и теперь, и хочет только мне сам подсказать, что его не надуешь и что он знает всю психологию будущей защиты моей, что он знает все мои средства? Нет, невозможно *(PB)*

30 Вы и вчера говорили / Вы вчера говорили *(PB)*

Стр. 267.

11–12 смотреть на него, говоря это, и вдруг опять беспредельная злоба / смотреть на него, говоря это, отшатнувшись на спинку дивана, и вдруг беспредельная злоба *(PB)*

14–15 по возможности не скрывать / по возможности правду говорить... по возможности не скрывать *(PB, 1867, 1870)*

21 Губы Раскольникова задрожали. / Губы Раскольникова задрожали от злости. *(PB)*

23 взявши за руку Раскольникова / взявшись за руку Раскольникова *(PB, 1867, 1870)*

24–25 *После:* наблюдайте вашу болезнь — не предавайтесь мрачной меланхолии вашей, развлекайте себя *(PB)*

Стр. 268.

32 комиссия же с вами, / комиссия же с вами, батюшка Родион Романыч! *(PB)*

47–48 бабьи-добродушного / бабски-добродушного *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 269.

4–5 опять послушался приказания говорить тише / опять послушался *(РВ)*

9 не подчиниться приказанию / не подчиниться этому приказанию Порфирия Петровича *(РВ)*

Стр. 270.

8 *После:* Ты их ждал! — Я, верно, раньше пришел... *(РВ)*

8 Ты рассчитал... / Ты рассчитывал... *(1870)*

9 Я готов! готов!.. / Я готов! *(РВ)*

Стр. 271.

42 ответил Николай / отвечал Николай *(РВ)*

Стр. 272.

14–15 проговорил вдруг Раскольников / проговорил вдруг насмешливо Раскольников *(РВ, 1867, 1870)*

29 там насчет всего / так насчет всего *(РВ)*

Стр. 273.

6–7 должность комическая / должность комическая-с *(РВ)*

9 повернувшийся было уйти / спешивший было уйти *(РВ)*

14 разминать начнете / разминать начнете, да только с другого конца *(РВ)*

16 Ну, так как же / Сбивать его начнете и путать... ну, так как же *(РВ)*

19 Как не заметить? / Ну, как не заметить? *(РВ)*

25 до приятнейшего / ну-с, до приятнейшего *(РВ)*

37 опасность неминуемая / опасность была неминуемая *(РВ)*

44 и он *мог* выдать себя / и, конечно, он *мог* выдать себя *(РВ)*

Стр. 274.

7 *После:* Николая? — Окончательно, Раскольникову становилось всё яснее и ощутительнее, что тут нет *положительных фактов.* *(РВ)*

10 *После:* показал бы и то. — Стало быть, не было, если не показал! *(РВ)*

18 *После:* закрыв руками лицо. — Не только думать, но даже и ощущать ясно и точно он был еще не в силах. *(РВ)*

23–24 ему захотелось / ему хотелось *(РВ)*

Стр. 275.

17–18 Лицо говорившего / Лица говорившего *(РВ)*

26–27 кроме *психологии* / кроме этой *психологии* *(РВ)*

Стр. 276.

8 а донес я ему обо всем и говорил / а донес я ему обо всем. Много спрашивал. А я говорил *(РВ)*

24 *После:* вышел из комнаты. — Странная мысль, совершенно невольно, мелькнула в уме Раскольникова: «Что-то скажет этот же человек, когда узнает всю правду! Но по крайней мере фактов нет совершенно. И всё это было еще можно поправить. *(РВ)*

25–26 твердил Раскольников ∾ вышел из комнаты / и более чем когда-нибудь он бодро вышел из комнаты *(РВ)*

Стр. 277.

13 следовала неприятность за неприятностию / для Петра Петровича следовала неприятность за неприятностию *(РВ)*

35 Я думал / Правда, я думал *(РВ)*

41 Не так бы легко мне теперь отказали! / Во-первых, всё бы ко мне же назад воротилось, в дом же пошло, потому пришлось же бы потом это же самое покупать, а во-вторых, не так бы легко мне теперь отказали! *(РВ)*

43 а возвращать-то / ну, а возвращать-то *(РВ)*

46 *После:* Гм! — Вот что значит неуместная скаредность! *(РВ)*

Стр. 278.

2–3 в комнате Катерины Ивановны / в комнатке Катерины Ивановны *(РВ)*

Стр. 280.

14 потому что-то уж слишком сбивается / потому что что-то уж слишком сбивается *(РВ)*

Стр. 282.

32 *После:* подобного рода письма! — Я наизусть выучил... *(РВ)*
44 а вот что скажите-ка / а вы вот что скажите-ка *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 284.

43 А вы всё об этом, об этих проклятых «потребностях»! / А вы всё об этом! Вам бы всё только об этом, об этих проклятых «потребностях»! *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 285.

18–19 припрятал деньги / попрятал деньги *(РВ, 1867, 1870)*
41–42 во время объяснения / во время объяснения-то *(РВ)*
42 лучше / лучше-с *(РВ)*

Стр. 286.

7–8 *интересного* существа / *интересного* существа, как она *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 287.

19–20 торопясь поддакивала Соня / торопясь и как бы без особой мысли поддакивала Соня *(РВ)*

Стр. 289.

41 *После:* сумела протестовать!» — Вот что я скажу жене моей! *(РВ)*

Стр. 292.

14 и на кухню бы не пустили / и на кухню-то бы не пустили *(РВ)*

Стр. 293.

9 не в такой доле привыкла жить. Об этом непременно / не в такой доле привыкла жить, о чем, впрочем, непременно *(РВ)*
12 что это было чрезвычайно глупо / что это было смешно и, во всяком случае, чрезвычайно глупо *(РВ)*

Стр. 294.

20–21 И что это она хочет показать своим чепчиком! / И что это она хочет показать своим чепчиком? *(РВ, 1867, 1870)*
22–23 покровительствует и мне честь делает, что присутствует. / покровительствует из милости и мне честь делает, что присутствует. Она поминутно повторяет, что она хозяйка, — это ее привычка. *(РВ)*
28 я никогда не видала / я никогда не видала, и никто их не знает *(РВ)*

Стр. 295.

10 Что, Соня, где была? / Что, Соня, где ты была? *(РВ)*

Стр. 297.

5 *После:* А впрочем, не надо! — Merci! *(РВ)*
5 Прощаю... / горе... всё прощаю... *(РВ)*
10 приглядывался к Соне / приглядывался к Соне и раза два обменялся с нею горькою улыбкой *(РВ)*

Стр. 298.

25 из самого благородного / из самого благородного, дворянского *(РВ)*

Стр. 299.

4 заметив про самое себя / заметив про себя *(РВ)*

45 Амалия Ивановна покраснела / Амалия Ивановна вскочила, покраснела *(РВ)*

Стр. 300.

5–6 совсем отца не было / совсем никакого отца не было *(РВ)*
36 отмахивался Петр Петрович / отмахивался несколько раз Петр Петрович *(РВ)*
43 в противоположный угол / в противоположный угол комнаты *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 301.

16 я даже и рад при публике. / я даже и рад при публике: оно в известном смысле полезно. *(РВ)*
25 уверяю вас честным словом / уверяю вас честным словом моим *(РВ)*
33–34 пристально смотря на нее / пристально смотря на Соню *(РВ)*
44 *После:* Я это знаю-с. — Изложу вам дело, — пусть все услышат; таиться ведь нам нечего; так ли-с? Вслушайтесь же, мадемуазель, и поймите, сколь нелепо и сколь безвыгодно для вас запирательство! Говорю вам, так сказать, как бы говорил с вами сам ваш покойный отец (вы еще так молоды!). *(РВ)*

Стр. 302.

3 В эту минуту прибыли вы / В эту минуту вошли вы *(РВ)*
5 так что даже три раза / так что даже вы три раза *(РВ)*
13–14 лотереи или подобного / лотереи или тому подобного *(РВ, 1867, 1870)*
16–17 не изгладилась ни малейшая черта / не изгладилась ни малейшая черта происшедшего *(РВ)*
19 и в видах первого вспоможения / в видах первого вспоможения *(РВ, 1867, 1870)*
26 Извольте же рассудить / Я тщательно пересчитал снова, — пересчитал деньги, уже отложенные прежде в бумажник, — осмотрел карманы, комнату, в столе, под столом, везде, — но билета не оказалось! Теперь извольте рассудить *(РВ)*
30 Согласитесь сами / Комнату я осмотрел; согласитесь сами *(РВ)*
33 с ужасом / с ужасом, с отвращением *(РВ)*
37–38 *После:* некоторый для меня риск. — А потому и признаюсь откровенно, перед всеми, что несмотря даже на явную для меня очевидность, ни за что бы не рискнул вас обвинить, как теперь, прямо и гласно, и наверно оставил бы дело втуне, хотя бы только для того, чтоб избегнуть всех, сопричастных делу хлопот и беспокойств. (На это-то, вероятно, вы и надеялись; иначе не могу объяснить.) *(РВ)*
43–44 *После:* нехорошо-с! — Очень даже не хорошо-с! Тем не менее во всеуслышание повторяю еще раз, в третий и последний раз, что если вы, сей же час, возвратите билет, или только укажете, где бы он мог находиться, то наказание ограничится одним теперешним стыдом вашим! Я вас не буду преследовать и прощу-с! Согласен, что и это для вас тяжело, и понимаю-с; но что же делать! *(РВ)*
48 вот возьмите их / вот они, возьмите их *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 303.

7 *После:* сложив накрест руки — закусив нижнюю губу *(РВ)*
22 как! / как! она? *(РВ)*
24 она, как в тисках / она в исступлении, как в тисках *(РВ)*
24–25 иссохшими руками / иссохшими своими руками *(РВ, 1867, 1870)*
42 увидала она хозяйку / увидала она вдруг хозяйку *(РВ, 1867, 1870)*
45–46 подле Родиона Романовича и села! / подле меня и села; все видели. Вот подле Родиона Романовича и села!.. *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 305.

18 Позора убоялись? / Позора убоялись? так ли-с? *(РВ)*
23–24 теперешний стыд / сей теперешний стыд *(РВ)*

25 оставлю втуне / оставляю втуне *(РВ, 1867, 1870)*
45 мои слова / мои слова-с *(РВ)*

Стр. 307.

10 «Забыл, вспомнил, забыл» / «Забыл, вспомнил, вспомнил, забыл» *(РВ, 1867, 1870)*
39–40 а тут вон какая история / а тут вот уж какая история *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 308.

14–15 О жалкий, подлый человек! / О жалкий, низкий обскурант, о подлый человек! *(РВ)*
20–21 знает, в чем дело, и что дошло до развязки / знает что-то и что дело дошло до развязки *(РВ)*
28–29 Прошу всех, всех прислушать / Прошу всех прислушать *(РВ)*
29–30 сватался недавно к одной девице, и именно к моей сестре / сватался недавно на одной девице, и именно на моей сестре *(РВ)*
33 Этот человек очень зол... / Этот человек очень зол и не прощает обиды. *(РВ)*
36 он был свидетелем того / он был свидетелем тому *(РВ)*

Стр. 309.

9–10 *После:* происходило вчера вечером. — Кажется, для него это было слишком неожиданно: он до того тщеславен, что понять не может, как может девушка отказать ему? или, например, как может мать не рассориться с своим сыном, если ему того захочется? *(РВ)*

Стр. 310.

6–7 Раскольников попросил было ∾ не дали докончить: / Но Раскольников попросил опять внимания, кое-как стараясь утишить волнение. Наконец, беспрерывно прерываемый и сбиваемый восклицаниями, произнес-таки еще несколько слов, которых конспект мы представляем:

— Я конечно удивляюсь, — сказал он, — как такой хитрый и ловкий, по-своему, человек рискнул на такое хлопотливое, неверное, по-видимому, дело? Но кроме того, что это можно объяснить его крайней злобой, — рассудив еще немного, вы все увидите, что тут ничего не было неверного и что его именно соблазнила чрезвычайная легкость исполнения. Так мне, по крайней мере, кажется. Например, тут есть один пункт, чрезвычайно знаменательный. Заметили ль вы, Андрей Семенович, — впрочем я ко всем обращаюсь, — заметили ль вы, что сначала он неумолимо грозил полицией, но потом, хотя и продолжал угрозы, но как-то смягчился, даже расчувствовался и несколько раз повторил, что хочет наказать *одним позором.* Ну вот этого-то одного ему и надо было, *позору-то,* оттого он так легко и рискнул! Доказать воровство судебным порядком, разумеется, было бы ему труднее; но опозорить домашним образом — при многочисленных свидетелях вынуть из кармана деньги; заронить более чем сомнение, что Софья Семеновна воровка, — этого слишком легко было достигнуть: он не рисковал ничем, а получал значительные результаты. Даже выигрывал в общем мнении тем, что пожалел и простил. Вспомните еще, что он сказал давеча про «общественное положение Софьи Семеновны и сопричастные этому положению привычки». Каков намек! Понимаете, в чем тут дело и какой именно при этом был у него расчет? Это с одной стороны. Теперь посмотрите с другой: человек с виду такой почтенный, солидный, деловой, в летах, капиталист — ну для чего бы, казалось, ему связываться, для чего заводить историю и клеветать на незнакомую почти девушку, которую он и по имени-то как зовут не знает: называет Софьей *Ивановной* (хотя наверно знает, что ее зовут Софьей Семеновной)?

— Знает! — крикнул Лебезятников, — он несколько раз назвал ее Софьей Семеновной давеча у нас в комнате; я сам слышал!

— Тут непременно, — продолжал Раскольников, — надо было знать предыдущее, чтобы хоть что-нибудь понять, и если б не было, случайно, меня, чтоб объяснить это, и Андрея Семеновича, как свидетеля (тоже ведь совершенно случайного), то погибла бы Софья Семеновна!

— Подлец! мошенник! — раздавалось кругом.

— Не говорю уж о том, что этот человек никогда бы не решился дать бедному *ста* рублей и что он до того ненавидит Софью Семеновну со вчерашнего вечера, что уж ей-то бы ни за что не стал благодетельствовать! В одном только он тут несколько рискнул: Софья Семеновна могла доискаться этих денег у себя в кармане несколько раньше, чем он рассчитывал, и если б пошла его благодарить, то он, пожалуй, потерял бы свои сто рублей. Но этого очень могло и не случиться (как и в самом деле не случилось); да к тому же он взял меры и поскорей поспешил сюда. Да, наконец, и в самом крайнем случае он мог вывернуться, мог сказать...

Но Раскольникову уже не дали докончить: *(PB)*

45 бросилась вон из комнаты / бросилась вон из комнаты, рыдая и закрывая лицо руками *(PB)*

Стр. 311.

38 Но, выстрадав столько утром / Но, кажется, подобная способность отвлечения, подобная беспокойная потребность сосредоточиться на стороне, на чем-нибудь *постороннем* и внешнем, именно и бывает в самой сильной степени у тех людей, у которых собственное внутреннее страдание дошло слишком уже до больной и невыносимой степени. В этом смысле бывает много поразительных психологических примеров между преступниками, приговоренными к смерти и везомыми на казнь. Раскольников еще не был приговорен к смертной казни; но, выстрадав столько утром *(PB)*

Стр. 312.

46–47 в расчеты входило / в расчеты его входило *(PB)*

47 упрятал вас в острог-то / упрятал вас сегодня в острог-то *(PB)*

Стр. 313.

2 рассеянно и в тревоге / и подперла голову рукой *(PB)*

37 И кто меня тут судьей поставил / И кто меня поставил судьей *(PB)*

Стр. 314.

1 Это я про Лужина и промысл / Это я про Лужина и про промысл *(PB, 1867, 1870)*

20 спросила Соня, ужасно оробевшая / робко спросила Соня *(PB)*

23 и ждала / и тревожно ждала *(PB)*

37 беспрерывную дрожь / беспрерывную мелкую дрожь *(PB)*

Стр. 315.

17 *После:* улыбаясь как ребенок. — Губы ее побелели. *(PB)*

19 неотступно продолжая смотреть / как бы не сам собой и неотступно продолжая смотреть *(PB)*

24 глядели друг на друга / глядели друг на друга в упор *(PB)*

38 с тем же испугом / с тем же детским испугом *(PB)*

45 *После: детскою* улыбкой. — Но взгляд *его,* мгновениями, как бы застилался. Порой он даже не видал ее перед собою. *(PB)*

Стр. 316.

3–4 *После:* смотреть в его лицо. — Зрачки ее расширились; всё лицо было точно в конвульсиях. *(PB)*

18 но быстро воротилась / вдруг быстро воротилась *(PB)*

19 *После:* прикасаясь к нему плечом к плечу — дрожа всем телом и боясь заговорить с ним, робко, но поминутно на него взглядывая и с усилием сдерживая в себе крики и слезы *(РВ)*
22–23 проговорила она и, вскочив с колен / проговорила она, сложив руки и как бы с мольбой смотря на него, и вдруг, вскочив с колен *(РВ)*
24 сжала его руками / сжала его в объятия *(РВ)*
28 Себя ты не помнишь. / Себя ты не помнишь: у меня... руки в крови! *(РВ)*
31 *После:* как в истерике. — Вчера я тебе за страдание твое поклонился, — тихо продолжал он, — а нынче ты... обнимаешь меня... Сравнялись. Вот ты мне вдруг *ты* стала говорить. Знаешь ли, что... я этому рад... да, Соня, — бормотал он, силясь выразить беспорядочные свои ощущения. *(РВ)*
35–36 говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее / проговорил он, с бесконечною любовью смотря на нее *(РВ)*
44 *После:* вместе пойду! — Тебя сошлют, и я пойду... с тобой... в каторгу! *(РВ)*
44 прежняя / и прежняя *(РВ)*

Стр. 317.

8 Да что это! / И зачем?.. что это! *(РВ)*
12 как бы с досадой / как бы с какою-то страшною досадой *(РВ)*
14 *После:* был голоден! — тебе есть нечего было? *(РВ)*
21–22 *После:* вскрикнула она вдруг — вся испуганная *(РВ)*
38 Соня из всех сил слушала / Соня слушала, из всех сил слушала *(РВ)*

Стр. 318.

10 Соня опять хотела ∾ но промолчала. / Соня хотела было что-то сказать, но промолчала. Слезы рвались из ее сердца и ломили душу. *(РВ)*
11–12 одна ты у меня и осталась / одному мне нельзя, — прибавил он отрывочно и загадочно *(РВ)*
17–18 сам не понимал куда. За одним и звал, за одним приходил / сам еще не понимал куда. За одним и звал, за одним и приходил *(РВ, 1867, 1870)*
19 Она стиснула ему руку. / — Нет, — прошептала она, стиснув его руку. *(РВ)*; Она стиснула его руку. *(1867, 1870)*
34 а я начать не умею / а что я скажу тебе? Разве это можно рассказать? Я и начать не умею *(РВ)*
38–39 это хорошо, что пришел! ∾ Гораздо лучше! / это хорошо, что пришел! Это лучше, лучше!.. — восклицала Соня, стараясь его успокоить, складывая руки, упрашивая, ободряя его и сама наивно пугаясь, что он уйдет от нее: — лучше, чтоб я знала! гораздо лучше! и... и разве ты мог не прийти? — прибавила она, вдруг как бы озаренная. *(РВ)*
48 *Фразы:* Он замолчал и долго обдумывал. — *нет.* *(РВ)*

Стр. 319.

2 и не было бы у него / и не было б у него *(РВ)*
26 Ты опять права / Ты права *(РВ)*
30–31 *После:* принужден был выйти — (ну, как дальше-то... да!) *(РВ)*
37 *После:* и хуже случиться!.. — Ну, да положим это всё ничего, зато мне хорошо. Только вот, видишь ли, полно, хорошо ли? Скажи, пожалуйста, на кой черт ушли бы все эти мои двенадцать лет трудов, нищеты, пожалуй, может быть, и подличанья? Да, и кроме того, — разве не подлость то, что, может быть, я вовсе не для этого рожден, а вот всем пренебрег, надеждами и способностями, и местечку обрадовался? *(РВ)*

Стр. 320.

20 И странно он так говорил / И странно так он говорил *(РВ)*
23–24 внезапный поворот мыслей / внезапный новый поворот мыслей *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 321.

2 все станут умными / все станут умными или добрыми *(РВ)*

4 не стоит тратить / не стоит терять *(РВ, 1867, 1870)*

18 У меня тогда / Ох, помню, лежал я один раз, ночью, в темноте, помню, еще жарко и душно было, у меня лихорадка была, и месяц в окно светил. И вдруг я ужасно захохотал... Так захохотал, что целую минуту себя удержать не мог от одной мысли! Вдруг у меня тогда *(РВ)*

23 Я... я захотел *осмелиться* / Что всё это один только вздор и мираж, один только призрак, и что стоит только *осмелиться* и можно полземли перевернуть. Можно! можно! Я... я и захотел *осмелиться* *(РВ)*

26 От бога вы отошли ∾ дьяволу предал!.. / О богохульник! Боже, что он говорит! От бога вы отошли, и глухотой и немотой вас бог поразил, дьяволу предал!.. *(РВ)*

30 О господи! / О господи! что я скажу ему. *(РВ)*

31 *Слов:* я совсем не смеюсь — *нет.* *(РВ)*

33 *Перед:* Я всё знаю. — Ничему, ничему ты не можешь меня научить новому, ни единого возражения не скажешь мне неизвестного! *(РВ)*

36 надоела мне тогда / надоела мне *(РВ)*

46 ясно чувствовал / ясно почувствовал *(РВ)*

Стр. 322.

1 Я лгать не хотел в этом даже себе! / Я лгать не хотел никому, даже себе! *(РВ)*

2 *После:* вздор! — Это всё были смешные бредни, когда я лежал у себя в темноте. Я стряхнул их с плеч. Я не захотел уговариваться сам с собой и за позор почел. *(РВ)*

12 и поскорей узнать / и наверно узнать *(РВ)*

21–22 Насмеялся он надо мной / Насмеялся он надо мной, Соня *(РВ)*

44 Тогда бог опять тебе жизни пошлет. / Тогда бог опять тебе жизни пошлет и воскресит тебя. Воскресил же чудом Лазаря, и тебя воскресит. *(РВ)*

Стр. 323.

3 *После:* вот что надо. —

— И это ты любя меня говоришь?

— Да, да, любя, любя говорю. *(РВ)*

4 Нет! Не пойду я к ним / Не пойду я к ним *(РВ)*

6 *После:* восклицала Соня — ну как, как ты теперь полюбишь, как женишься, как будешь детей своих ласкать? *(РВ)*

7–8 *После:* что теперь будет!) — Ну, ты ей помощь принесешь, а ведь твои руки в крови, и деньги твои будут в крови. *(РВ)*

9–11 О господи! ∾ теперь будет! / Значит, сам понимаешь, что нельзя... О господи! — вскрикнула она и всплеснула руками, вся волнуясь и мучась: — ведь он уже знает, ведь он уже это всё знает сам, ох, я несчастная! Милый! милый! — бросилась она к нему: — ну, пришел ли бы ты ко мне, если бы можно было одному с кровью жить? Вот уж и понадобился тебе человек, а как же без человека-то прожить! Милый! я любить тебя буду... Милый! воскресни! Поди, покайся, скажи им... Я тебя во веки веков буду любить, тебя, несчастного! Мы вместе... вместе... вместе и воскреснем... И бог благословит... Пойдешь? пойдешь?

Рыдания остановили ее исступленную речь. Она обхватила его и как бы замерла в этом объятии, себя не помнила. *(РВ)*

20 Не пойду. / Не пойду, Соня. *(РВ)*

33 *После:* испугалась? — Да... правда, это не то... ошибся. *(РВ)*

Стр. 324.

11 уж лучше не ходи / лучше не ходи *(РВ)*

12 *После:* в остроге сидеть. — Я, может, еще возненавижу тебя... за то, что тебя страдать заставил. Я зол, Соня. *(РВ)*

13 *После:* она плакала — рука его была в ее руке, и она тихо пожимала ее *(РВ)*
17 *После:* ведь нет? — Я знаю, подхватила она, не дожидаясь ответа. *(РВ)*
21–22 Вместе ведь страдать ∽ понесем!.. / Я носила! Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!.. — И она опять зарыдала. *(РВ)*
23–24 *После:* ее огорчить. — Заметил он тоже и два раза повторенное: «ведь мой! ведь мой!» «Как верит она в мою любовь!» — подумал он. *(РВ)*
29 *После:* и пойдем — вместе! да! да!.. Лизавета! Лизавета! — горько вскричала она, смотря па ее крест и вдруг вспомнив о ней: — Молись об ней, молись! Она простит, простит, я знаю... А знаешь ее любимую поговорку: «Не пострадаешь, так и не порадуешься». О, что, что ты над собой сделал! *(РВ)*

Стр. 325.

5 *После:* из-за стола. — По крайней мере, так кажется. *(РВ)*
34 *После:* Это ясно. — По крайней мере, так кажется. *(РВ)*
35 ответил Раскольников / пробормотал Раскольников *(РВ)*

Стр. 326.

17 сделал ее несчастнее / сделал ее еще несчастнее *(РВ)*
43 такое великое горе / какое великое горе *(РВ)*

Стр. 327.

12 разве мы в самом деле навеки расстаемся / разве мы навеки расстаемся *(РВ)*
19 и даже *сказать* / и даже *сказать* ей *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 328.

9 *После:* в полицию возьмут. — По крайней мере, так кажется. *(РВ)*
21 страдальнее / страдательнее *(РВ)*

Стр. 329.

2 воткнут обломок / воткнут был обломок *(РВ)*
25 место потеряет / места лишится *(РВ)*
34 И она, сама чуть не плача / И она, ломая руки и сама плача как маленькая *(РВ)*
41 тотчас после смеху / тотчас же после смеху *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 330.

4 чего этот болван смеется / чего вот этот болван смеется *(РВ, 1867, 1870)*
15 надо сговориться / надо сговориться, растолковать, научить *(РВ)*
19–20 более благородное / более необыкновенное и благородное *(РВ)*
23 *После:* учила же — о непонятливые дети! *(РВ)*
26–27 совершенно детская песенка / совершенно детская, совершенно детская песенка *(РВ, 1867, 1870)*
33 и подхлопывать / и подхлопывать в ладошки *(РВ)*

Стр. 331.

26–27 ну тебе-то какое дело / ну какое тебе дело *(РВ)*
34 *После:* дозволение! — Чем я их накормлю? *(РВ)*

Стр. 333.

6 спросила она слабым голосом / спросила она тревожно слабым голосом *(РВ)*

13 Иссосали мы тебя / Иссосали мы тебя всю *(РВ)*
24 клокотало в горле / клокотало в ее горле *(РВ)*
39 *После:* как же? — чуть не плача повторяла она *(РВ)*

Стр. 334.

7 перед собой / пред собой *(РВ)*
7 и ты здесь? / ты здесь! О... ребенок!
Рука Сони была в ее руке. Она так и прильнула к ней губами. *(РВ)*
9 Прощай, горемыка!.. / Прощай, моя горемыка!.. *(РВ)*
27 Он отошел к окну. / Раскольников с мучением смотрел на Соню. Но странно, что-то как будто подтолкнуло его вдруг, почти чрез силу, на непонятную в его настроении и безобразную жестокость. Он подошел и, нагнувшись к Соне, шепнул ей на ухо:
— Ну что? кому жить? ей или Лужину?
И, не дождавшись ответа, отошел к окну. *(РВ)*
28 *После:* — сказал Лебезятников. —
— По крайней мере, так кажется, — ответил Раскольников. *(РВ)*

Стр. 335.

4–5 Раскольников побледнел ∽ выражения, сказанные Соне. / Раскольников побледнел и похолодел. *(РВ)*

Стр. 337.

8–9 и слова мне не сказала / и ни слова мне не сказала *(РВ, 1867, 1870)*
14 Этот короткий жест / Этот короткий, дружеский жест *(РВ, 1867, 1870)*
20 Если б возможно было / Если бы возможно было *(РВ)*
37 было что-то, требующее / было что-то другое, что-то требующее *(РВ)*

Стр. 338.

36 Встала и говорит / Встала наконец и говорит *(РВ)*
37–38 у порога стоять / у порога его стоять *(РВ)*
39 Вижу, говорит, для *своей* / Вижу, говорит, что для *своей* *(РВ)*

Стр. 339.

37 то пусть / то уж пусть *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 340.

30 нарочно устроил, именно для отводу / нарочно устроил и именно для отводу *(РВ, 1867, 1870)*
34–35 нечему особенно удивляться / и нечему особенно удивляться *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 341.

21 *После:* От кого это письмо? — И что это за джентльмен с белокурою бородой?.. *(РВ)*
45 после того, что между ними / после того-то, что между ними *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 342.

9 прошла тогда не даром / прошла, значит, тогда не даром *(РВ, 1867, 1870)*
12 Ведь он непременно / Нет, он непременно *(РВ, 1867, 1870)*
27–28 Раскольников остолбенел на одну минуту. / Раскольников остолбенел на минуту, но только на одну минуту. *(РВ, 1867, 1870)*

37–38 усаживал гостя Раскольников / усаживал Раскольников *(РВ, 1867, 1870)*
39 сам на себя подивился / сам бы на себя подивился *(РВ, 1867, 1870)*
44–45 закуривать папироску / закуривать папиросу *(РВ)*

Стр. 343.

14 тогдашнее чувство / чувство тогдашней ненависти *(РВ)*
45–46 немного откинув голову / немного отвернув голову *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 345.

13–14 с одной совершенно случайной случайности / с одной стороны и совершенно случайной случайности *(РВ)*
23 *После:* сцену осилил — по моим настояниям то есть, а то бы он и совсем пропустил ее мимо *(РВ)*
44–45 Статейку вашу я прочел / Статейку вашу я тогда прочел *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 346.

1 Я тогда только заметил. / Я тогда только заметил и жду-с. *(РВ)*
14 коль виноват / как виноват *(РВ)*
39 что это я / что ж это я *(РВ)*
41 *После:* натуральнее выйдет. — Сам ведь себе признаюсь, что натуральнее выйдет. *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 347.

44 Рвение имел, по ночам богу молился / Рвение имел по ночам богу молиться *(РВ)*

Стр. 348.

34 как с горы упал / как с горы точно упал *(РВ)*

Стр. 349.

10 *После:* по всему его лицу — и верхняя губа задрожала мелкою нервною дрожью *(РВ)*

Стр. 350.

3–4 сам вот я пришел / сам вот пришел *(РВ)*
17–18 Ну что, если и сами вы / Ну что, — ну что, если и сами вы *(РВ)*
20 я и тогда ведь нашел-с / я тогда ведь нашел-с *(РВ)*
41 совсем неожиданная / совсем никому неожиданная *(РВ)*

Стр. 351.

37 слова мои / все слова мои *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 352.

36 помяните мое слово / помянете мое слово *(РВ, 1867, 1870)*
39 на слово теперь не верите / на слово не верите *(РВ)*
46 Прогуляться собираетесь? / Прогуляться сбираетесь? *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 353.

17 две только строчечки / две только строчки *(РВ)*
18 Ну-с, до свидания... / Ну-с, прощайте... *(РВ)*
23–24 вышел и сам из комнаты / вышел сам из комнаты *(РВ)*

Стр. 354.

6 О, как ему всё это надоело! / О, как надоело всё это Раскольникову! *(PB)*
37–38 в мрачную ярость / в холодную, мрачную ярость *(PB)*

Стр. 355.

36 маленькой задней комнате / маленькой, задней комнатке *(PB)*
37 к большой зале / к большой пятиоконной зале *(PB)*
44–45 в тирольской шляпке / в тирольской шляпе *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 356.

14 потащился и мальчишка / последовал и мальчишка *(PB)*
18 в этой комнате / в этой комнатке *(PB, 1867, 1870)*
36 Да и этого ведь довольно. / Да... а этого ведь довольно. *(PB)*

Стр. 357.

39–40 подпер пальцами / подпер тремя пальцами *(PB)*

Стр. 358.

9 свое прежнее намерение / ваше прежнее намерение *(PB, 1867, 1870)*
38 пошли ко мне теперь / пришли ко мне теперь *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 359.

20 Вы, кажется, игрок? / Ну вот, вы, стало быть, игрок? *(PB)*
23 Да, был шулером. / Да, был и шулером. *(PB, 1867, 1870)*
41 Дался им разврат. / Дался вам разврат. *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 362.

2 переходящее через меру / происходящее через меру *(PB)*
5 но что же делать? / но ведь что же делать? *(PB, 1867, 1870)*
15–16 приходить продолжают? / приходить продолжает? *(PB)*
24 а мерзость всей этой обстановки / а мерзость, мерзость всей этой обстановки *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 364.

41 *После:* были тоже чему-то причиной — прибавил Раскольников *(PB)*
45–46 *Слов:* раздражался всё более и более Раскольников — *нет.* *(PB)*

Стр. 365.

44–45 Заметьте себе, я вам сообщаю / Заметьте себе, что я вам сообщаю *(PB)*

Стр. 368.

5–6 известен только им двум / может быть, известен только им двум *(PB)*
29 у меня уж есть невеста / у меня уж есть и невеста *(PB, 1867, 1870)*
42 она мне всё это состряпала / она мне всё это и состряпала *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 369.

26–27 вспыхивает, как заря / вспыхивает, как заря, разумеется *(PB)*
38 вот какой величины / вот такой величины *(PB)*
46 употребит всю жизнь / употребит всю свою жизнь *(PB, 1867, 1870)*

Стр. 370.

2–3 и более мне, говорит, «ничего, ничего не надо / и больше мне, говорит, «ничего, ничего, ничего не надо *(PB, 1867, 1870)*
3–4 Согласитесь сами / Согласитесь сами, cher ami *(PB)*

Стр. 371.

25 о таких похождениях / о своих похождениях *(РВ)*

Стр. 374.

2–3 извольте видеть / изволите видеть *(РВ, 1867, 1870)*
11 Свидригайлов сидел уже / Свидригайлов уже сидел *(РВ)*
39 чтоб Раскольников не увидал его / чтобы Раскольников не увидал его *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 376.

34 Ей хотелось спросить / Ей хотелось было спросить *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 377.

48 Какие же... причины! / Какие же, какие причины! *(РВ)*

Стр. 378.

4 Единственное зло и сто добрых дел! / Единичное зло и сто добрых дел! *(РВ, 1867, 1870)*
5 Оно тоже, конечно / Оно, конечно *(РВ)*
26 *После:* не гениальный. — Он бесится теперь, что вышло не так, что вышло как будто бы подражание. *(РВ)*

Стр. 379.

9–10 проговорила слабым голосом / сказала, запыхаясь *(РВ)*

Стр. 380.

43–44 Так что, если даже и братом / Это во всяком случае подозрительно. Вы далеко совершеннолетняя и свой собственный рассудок имеете, так что, если даже и братом *(РВ)*

Стр. 381.

5–6 Подумайте об этом; судьба вашего брата / Подумайте об этом и знайте, что судьба вашего брата *(РВ)*
31 Это непременно ты... / Это ты... Это непременно ты... *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 383.

22–23 осталось еще два заряда / оставалось еще два заряда *(РВ, 1867, 1870)*
39–40 стояли несколько зеленых столиков и стульев / стояло несколько зеленых столиков и стульев *(РВ)*
44 уже с четверть часа / уже с полчаса *(РВ)*

Стр. 385.

4–5 У Родиона Романовича / У Родиона Романыча *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 386.

15 пожелал видеть невесту / пожелал видеть поскорее невесту *(РВ, 1867, 1870)*
26 Даже необходимые оханья / Даже самые необходимые оханья *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 388.

3–4 и немного грустная / и даже немного грустная *(РВ)*

Стр. 389.

36 *После:* прицепиться воображением — словно он ощущал внутри себя бессознательно скрытую, таинственную тревогу *(РВ)*
41 Тут вспомнил / Тут он вспомнил *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 390.

43–44 он сбросил подушку / он сбросил подушки *(РВ)*

Стр. 391.

4 *После:* не зажигал. — Из соседней комнаты слышался густой храп. *(РВ)*
9 наклонность и желание / наклонность и желания *(РВ)*
10–11 прелестный пейзаж / прелестный цветущий пейзаж *(РВ, 1867, 1870)*
13 клумбами цветов / клумбами пестрых цветов *(РВ)*
15 грядами роз / грядами роз в фарфоровых банках *(РВ)*

Стр. 392.

10–11 всплывут подвальные крысы / всплывут крысы *(РВ)*
13 *После:* где-то близко — должно быть, в самой гостинице *(РВ)*
16 пойду прямо на Петровский / пойду прямо по грязному, деревянному тротуару на Петровский *(РВ)*

Стр. 393.

8–9 поскорее уйти отсюда / поскорей уйти отсюда *(РВ, 1867, 1870)*
10 вернулся еще раз посмотреть / вернулся, еще раз посмотрел *(РВ)*

Стр. 394.

19 Он поглядел / Он остановился, поглядел *(РВ)*
29–30 которая так кисло отпечаталась / кисло отпечатавшаяся *(РВ)*

Стр. 395.

10 и как бы колеблясь / и колеблясь *(РВ)*
42 *После:* разгадка вещей! — Ученые всегда такие *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 396.

16 И ведь Дунечка тоже / И ведь Дунечка, Дунечка тоже *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 397.

24 Давно я уже предвижу / Давно уж я предвижу *(РВ)*; Давно я уж предвижу *(1867, 1870)*

Стр. 398.

6 и обнимал и целовал меня / обнимал и целовал меня *(РВ, 1867, 1870)*
14 пришел час роковой / пришел теперь час роковой *(РВ)*

Стр. 399.

30 *Слов:* сказал он, забегая наперед. — *нет.* *(РВ)*
40 Поздно, пора. / Поздно, — сказал он, — пора. *(РВ)*

Стр. 400.

2 *Слов:* в каком-то внезапном бешенстве — *нет.*

7 *После:* преступление!» — Я только удивляюсь теперь, как мог я в эти дни предполагать, что не прожить мне теперь всю жизнь с этою тайной и что мне жить нельзя на свете по-прежнему. *(РВ)*

7–8 нелепость моего малодушия / нелепость всего этого малодушия *(РВ)*

29–30 А! не та форма ∽ решительно не понимаю / А! договорились: не та форма, вот в чем всё и дело! — подхватил он, горько смеясь. — Пожалуй, не так эстетически хорошая форма, хотя решительно не понимаю *(РВ)*

36 бледное, изнуренное лицо / бледное лицо *(РВ)*

39–40 Он почувствовал, что все-таки сделал несчастными / Он почувствовал, что не стоит такой любви и все-таки сделал несчастными *(РВ)*

42–43 (хоть меня и нельзя простить, если я виновен) / хоть меня и нельзя простить, если я виновен *(РВ)*

Стр. 401.

4 *Слов:* я еще докажу — *нет. (РВ)*

21–22 *Слов:* опять возвращаясь к тоске своей — *нет. (РВ)*

30 но, отойдя шагов пятьдесят, обернулась / не утерпев, чтобы, отойдя шагов пятьдесят, не обернуться *(РВ)*

38–39 *После: Не было бы всего этого*! — Я не просил, я не требую их любви. Ведь я признаю, раз навсегда, что я недостоин любви, ну, и довольно! *(РВ)*

40–41 что я с благоговением буду хныкать / что уже не будет более никогда во мне таких жестов и я с благоговением буду хныкать *(РВ)*

48 Он глубоко задумался о том / Он глубоко задумался; он серьезно спрашивал себя *(РВ)*

Стр. 402.

36–37 у Раскольникова две дороги / у него две дороги *(РВ)*

Стр. 403.

2 *После:* побледнела — закрылась руками и опустилась на постель, точно ноги у нее подкосились *(РВ)*

6 Соня в изумлении смотрела / Соня быстро приподнялась и в изумлении смотрела *(РВ)*

10–17 будут указывать пальцами / указывать пальцами *(РВ)*

23–24 где кресты? / где же кресты? *(РВ, 1867, 1870)*

27–28 *Слов:* мысли его перескакивали одна через другую, он заговаривался — *нет. (РВ)*

47 *После:* как мать или Дуня? — Неужели я взаправду тогда угадал, что она *полюбила* меня, — эта сердобольная идиотка? Хе-хе! И в какое время! О господи! А впрочем, бывают такие, у которых всё так ни на что не похоже выходит; да и в лицо только стоит ей посмотреть... *(РВ)*

Стр. 404.

1 помолись хоть раз / помолись хоть раз, выходя *(РВ)*

19 опять-таки подумал он / думал он *(РВ)*

20–21 неужели нельзя ∽ не ходить?» / так ли я решился? Зачем? Не новую ли глупость я опять начинаю? Зачем я иду? Неужели нельзя еще остановиться и опять всё переправить... и не ходить? Конечно, многое испорчено, но... *(РВ)*

34–35 Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться / Даже и не этого; просто надо было хоть обо что-нибудь зацепиться *(РВ)*
36 И я смел / И я смел после этого *(РВ)*
42–43 сосредоточить внимания / сосредоточить своего внимания *(РВ)*
46 Вот эта вывеска / Или: вот эта вывеска *(РВ)*

Стр. 405.

2–3 *Слов:* все эти мои теперешние... заботы! — *нет.* *(РВ)*
4–5 я ребенком делаюсь / но, я ребенком делаюсь *(РВ)*
43 *После:* мещан. —
— Ишь ведь, весь в грязи, как свинья, извалялся! *(РВ)*

Стр. 407.

20 не куплю-с / не куплю *(РВ)*

Стр. 409.

35 на его устах / на его губах *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 410.

36 собственно им похищенных / им похищенных *(РВ)*

Стр. 411.

7 *После:* мономании убийства и грабежа — собственно для убийства и грабежа *(РВ)*
17 почти не пробовал / почти и не пробовал *(РВ)*
46 подозрений почти не имелось / подозрений не имелось *(РВ)*

Стр. 413.

15–16 *После:* состоянии рассудка. — О своем Роде она, конечно, не могла не говорить и говорила беспрерывно. *(РВ)*
26 подозревает что-то ужасное / почти подозревает истину *(РВ)*
37 виделся с ним в тюрьме / виделся с ним в тюрьме постоянно *(РВ)*

Стр. 414.

26 Родя / Родион Романыч *(РВ)*
44 надо ожидать его / надо будет ожидать его *(РВ)*

Стр. 415.

1 После тревожного дня / Однажды, после тревожного дня *(РВ)*
2 в радостных грезах и слезах / в радостных грезах и в слезах *(РВ, 1867, 1870)*
3–4 Чрез две недели / Чрез три недели *(РВ)*
7–8 хотя корреспонденция с Петербургом установилась / хотя корреспонденция с Петербургом и была установлена *(РВ)*
9 чрез Соню / через Соню *(РВ, 1867, 1870)*
24 что поручил ей / что поручал ей *(РВ, 1867, 1870)*
32 спрашивает иногда о матери / спрашивает только о матери *(РВ)*

Стр. 416.

18–19 некоторые знакомства и покровительства / некоторые знакомства и покровительство *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 419.

2–3 Он ходил в церковь молиться вместе с другими. / Он ходил в церковь и молился вместе с другими. *(РВ, 1867, 1870)*
14 встречали они ее редко / встречали они ее слишком редко *(РВ)*
36 припомнил свои сны / припомнил раз один свой сон *(РВ)*
37 Ему грезилось в болезни / Ему грезилось *(РВ)*
45 как считали зараженные / как считали эти зараженные *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 420.

2 в нем в одном и заключается истина / в нем одном заключается истина *(РВ)*
4 *Слов:* не могли согласиться — *нет. (РВ)*
25 впечатление этих горячешных грез / впечатление этого сна *(РВ)*
36–37 пронзило в ту минуту его сердце / пронзило в ту минуту Раскольникова *(РВ)*

Стр. 421.

13 самое время остановилось / само время остановилось *(РВ, 1867, 1870)*

Стр. 422.

8 бедное, худенькое личико / бледное, худенькое личико *(1870)*
12–13 *Слов:* в первом порыве — *нет. (РВ)*
31 была до того счастлива / была до того счастлива и до того неожиданно счастлива *(РВ, 1867, 1870)*
33 *Слов:* в иные мгновения — *нет. (РВ)*
35 надо еще дорого купить / надо дорого купить *(РВ)*

ПРИМЕЧАНИЯ

В шестой и седьмой тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского вошел роман «Преступление и наказание» со всеми относящимися к нему предварительными набросками и материалами. В комментариях к VII тому изложена творческая история романа, охарактеризована обстановка, в которой он создавался, освещены первые этапы истории его восприятия русскими читателями и критикой, первые его переводы на иностранные языки и театральные инсценировки.

Основной текст «Преступления и наказания» готовила Л. Д. Опульская; ею же подготовлен рукописный материал к роману, в оформлении которого принимала участие Г. В. Степанова. Г. Ф. Коган и Л. Д. Опульской выполнена подготовка вариантов прижизненных изданий. Ряд уточнений к тексту публикации рукописных материалов, хранящихся в *ГБЛ*, сообщен В. С. Нечаевой, за что редакция издания выражает ей свою благодарность.

Комментарий к «Преступлению и наказанию» составили: Л. Д. Опульская (§§ 1—6, 10), Г. М. Фридлендер (§ 7, с включением отдельных материалов, подготовленных Г. Ф. Коган для реального комментария; §§ 8,9 и несколько вставок в другие разделы), А. Л. Григорьев (§ 11) и Г. Ф. Коган (реальный комментарий к роману и к его рукописным редакциям; несколько уточнений к реальному комментарию, касающихся топографии Петербурга 1860-х годов, сообщены А. С. Бурмистровым). Редакция комментария после смерти В. В. Виноградова завершена Г. М. Фридлендером.

В редакционно-технической подготовке рукописи тома к печати участвовали Г. В. Степанова и Е. М. Хмелевская.

Редактор тома — В. В. Виноградов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Том VI, стр. 5; том VII, стр. 5)

Источники текста

Фрагмент диалога для романа «Пьяненькие» — *ГБЛ*, ф. 93, I.2.7, с. 111. Опубликовано: *Описание*, стр. 123.

Первая (краткая) редакция («повесть»)

$ЧА_1$ — Черновой автограф. Главы 1-я (конец) — 6-я. 69 страниц. Август—октябрь 1865 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 4, с. 27—33, 43, 45—85, 88—93, 96—109 (переплетенная тетрадь, содержащая также $ПМ_1$ и черновые наброски к «Крокодилу»); см.: *Описание*, стр. 113. Опубликован: *Гливенко*, стр. 91—142, 144—160.

$ПМ_1$ — Подготовительные материалы (планы, конспекты, заметки: «План», «Prospectus № 1», «Prospectus разговор с Заметовым», «Prospectus № 2-й», «Примечание к „Исповеди“» и др.). На с. 1 авторская дата: «7-е августа», на с. 18: «14 октября (на пароходе «Vice-roy»)». Август—октябрь 1865 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.4, с. 1, 2, 4, 6, 8—10, 12—20, 26, 30, 42, 94, 95, 149—152 (переплетенная тетрадь, содержащая также $ЧА_1$ и черновые наброски к «Крокодилу»); см.: *Описание*, стр. 113. Опубликованы: *Гливенко*, стр. 78—91, 99, 142—144, 162—165.

Вторая (пространная) редакция

$ЧА_2$ — Черновой автограф: «Под судом». 21 страница. Октябрь—ноябрь 1865 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 3, с. 79—83, 85—101 (переплетенная тетрадь, содержащая также $ПМ_2$ и черновые наброски к «Крокодилу»); см.: *Описание*, стр. 113. Опубликован: *Гливенко*, стр. 36—55.

$ЧА_3$ — Черновой автограф: 1) отрывка главы II из первой части (см. т. VI наст. изд., стр. 22, строка 15—стр. 24, строка 41). 2 листа. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1.2/1; см.: *Описание*, стр. 116; 2) отрывка главы II из второй части (см. т. VI наст. изд., стр. 86, строка 35—стр. 92, строка 17). 11 листов. Авторская нумерация листов: «79—88». Листы 2 и 3 имеют авторскую нумерацию «80» и содержат два варианта одного и того же отрывка. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/2; см.: *Описание*, стр. 116. $ЧА_3$ датируется ноябрем 1865 г. Опубликован: *ЛП*, стр. 520—523, 598—606.

$ПМ_2$ — Подготовительные материалы (заметки, планы, конспекты: «N3. Капитальное в роман», «К характеристике Сони», «К сюжету романа»,

«Главная идея (εὕρηκα!)», «Сон», «Начало романа», «Главная анатомия романа» и др.). Ноябрь—декабрь 1865 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1.3, с. 78, 79, 110—125, 130, 132—134, 146 (переплетенная тетрадь, содержащая также $ЧА_2$ и черновые наброски к «Крокодилу»); см.: *Описание*, стр. 113. Опубликованы: *Гливенко*, стр. 35, 36, 55—77.

Третья (окончательная) редакция

$ПМ_3$ — Подготовительные материалы (заметки, планы и наброски): 1) «Еще план», ⟨«Лица и места романа»⟩. На с. 103 авторская дата: «С 7 декабря», на с.104: «28 декабря» ⟨1865 г.⟩. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 3, с. 1, 102—109 (переплетенная тетрадь, содержащая также $ЧА_2$ и $ПМ_2$) см.: *Описание*, стр. 113. Опубликованы: *Гливенко*, стр. 35, 54—62; 2) «Идея романа», «Заметки к роману. Характеристики», «3-я часть. Программа», «N3. Капитальное», «Главное», «Финал романа» и др. На с. 1 авторская дата: «22 ню⟨...⟩», па с. 5: «2 января 1866 год», на с. 8: «14 февраля», на с. 103: «23 февраля», на с. 106: «7 сентября», на с. 114: «22 июля», на с. 143: «13 ноября». Декабрь 1865 г. — декабрь 1866 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212, 1. 5, с. 1—6, 8, 11, 16—18, 58—71, 87—133, 136—150 (переплетенная тетрадь, содержащая также подготовительные материалы к роману «Идиот»). Опубликованы: *Гливенко*, стр. 166—217. Вырезанные из тетради страницы 155—156 хранятся: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29491, ССХб. 16 (на с. 155 авторская дата: «9 сентября»). См.: *Описание*, стр. 114.

$ЧН_1$ — Черновые наброски к главам VI—VII второй части. 2 листа. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/3; см.: *Описание*, стр. 114. Опубликованы: *ЛП*, стр. 607—608.

$ЧН_2$ — Черновой набросок конца главы VII из второй части (посещение Раскольниковым Разумихина после смерти Мармеладова). 2 листа. Декабрь 1865 г. — январь 1866 г. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/5; см.: *Описание*, стр. 116. Опубликован: «Известия АН СССР. Отделение языка и литературы», 1956, т. XV, вып. 1, стр. 65—66 (публикация В. С. Нечаевой).

$ЧН_3$ — Черновые наброски к главам III—IV из третьей части. 2 листа. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/12; см.: *Описание*, стр. 117. Опубликованы: *ЛП*, стр. 630—633.

$ЧА_4$ — Черновой автограф: 1) главы VII из второй части (обозначена «XIII глава»). 10 листов. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/4; см.: *Описание*, стр. 116; 2) главы II — середины главы IV из третьей части (см. т. VI наст. изд., стр. 161, строка 24—стр. 163, строка 38; стр. 167, строка 26—стр. 174, строка 30; стр. 178, строка 30—стр. 186, строка 10). 8 листов. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1.2/9, 2/10, 2/11 и 2/13; см.: *Описание*, стр. 117. $ЧА_4$ датируется декабрем 1865 г.—первой половиной 1866 г. Опубликован: *ЛП*, стр. 608—626, 633—654, 662—678.

БА — Беловой автограф: 1) отрывка главы VII из второй части (см. т. VI наст. изд., стр. 147, строка 28—стр. 149, строка 44). 4 листа. Авторская нумерация листов: «236, 237 (два листа), 238». Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/6; см.: *Описание*, стр. 116; 2) начала главы II из третьей части (см. т. VI наст. изд., стр. 161, строки 24—30). 2 листа. Авторская нумерация листов: «262, 263». Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/7; см.: *Описание*, стр. 117; 3) главы III—начала главы IV из третьей части (см. т. VI наст. изд., стр. 170, строка 35—стр. 181, строка 38). 16 листов. Авторская нумерация листов: «277—292». Хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I. 1. 2/8; см.: *Описание*, стр. 117. *БА* датируется 1866 г. Опубликован: *ЛП*, стр. 620—625, 633—636, 645—672.

НР — Наборная рукопись: 1) отрывка главы V из четвертой части (см. т. VI наст. изд., стр. 256, строка 28—стр. 266, строка 34); 2) конца главы V—начала главы VI из четвертой части (см. т. VI наст. изд., стр. 269, строка 34—стр. 271, строка 13). 14 листов. Авторская нумерация

листов: «60—71, 76, 77». Датируется 1866 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 160, т. I, л. 51; см.: *Описание*, стр. 117—118. Публикуется впервые.

РВ — 1866, №№ 1, 2, 4, 6—8, 11, 12.

1867 — Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Тома I—II. Изд. исправл. СПб., 1867.

1870 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Вновь просмотр. и дополн. автором. Том IV. Изд. Ф. Стелловского, СПб., 1870.

1877 — Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Тома I—II. Изд. четвертое. СПб., 1877.

Впервые напечатано в *РВ*, 1866, №№ 1, 2, 4, 6—8, 11, 12, с подписью: Ф. Достоевский.

Текст романа печатается по изданию *1877* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по предыдущим изданиям и сохранившимся рукописям:

*Стр. 15 *, строки 24—25:* «сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу...» вместо «сострадания и чувства ищу...» (по *РВ* и *ЧА*$_2$).

Стр. 15, строка 43: «пошло прахом» вместо «прошло прахом» (по всем прижизненным изданиям и *ЧА*$_2$).

Стр. 16, строки 39—40: «сам в познании сем был некрепок» вместо «сам был некрепок» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 20, строки 34—35: «Говорите, сударь» вместо «Говори, сударь» (по *РВ*).

Стр. 26, строка 44: «Каку работу?» вместо «Какую работу?» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 27, строка 44: «Афанасия Ивановича» вместо «Василия Ивановича» (по согласованию с последующим текстом).

Стр. 36, строка 22: «так езжал» вместо «там езжал» (по *РВ*).

Стр. 37, строка 37: «оподлит дух свой» вместо «оподлить дух своей» (по *РВ*).

Стр. 38, строка 23: «Понимаете ли, понимаете ли вы» вместо «Понимаете ли, понимаете ли, понимаете ли вы» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 45, строка 14: «ища усиленно развлечения» вместо «ища усиленного развлечения» (по *РВ*).

Стр. 51, строка 41: «как робенок малый» вместо «как ребенок малый» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 57, строки 18—19: «и обвязал тоненькою тесемочкой, тоже накрест, а узелок приладил так» вместо «и обвязал так» (по *РВ*).

Стр. 67, строка 4: «Незваный гость» вместо «Незнакомый гость» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 69, строка 48: «на незнакомой лестнице» вместо «на незнакомой улице» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 71, строка 27: «Он и не подумал» вместо «Он и не думал» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 72, строки 16—17: «соображение его ослабело» вместо «соображение его ослабло» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 76, строка 28: «поручик, помощник квартального надзирателя» вместо «помощник квартального надзирателя» (по *РВ* и *ЧА*$_1$).

Стр. 78, строка 41: «а они пришоль» вместо «и они пришель» (по *1867* и *1870*).

Стр. 82, строка 24: «стиснул руками голову» вместо «стянул руками голову» (по всем прижизненным изданиям и *ЧА*$_1$).

Стр. 82, строки 27—28: «пойти вместе с ними» вместо «пойти вместе с ним» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 85, строка 35: «прилаженный у забора желоб» вместо «приложенный у забора желоб» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 86, строки 44—45: «ты до сих пор даже и не заглянул» вместо «до сих пор даже и не заглянул» (по всем прижизненным изданиям).

---

* Здесь и ниже указаны страницы VI тома наст. изд.

Стр. 87, строки 2—3: «ночью решено было в воду кинуть, то решено было» вместо «ночью решено было» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 89, строка 24: «он, отскочив к перилам» вместо «он отскочил к перилам» (по всем прижизненным изданиям и $ЧА_3$).

Стр. 91, строка 21: «Вот и толпа расходится» вместо «Вот толпа расходится» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 93, строка 21: «все величают» вместо «всё величают» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 98, строка 13: «честь имею ее вам представить» вместо «честь имею вам представить» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 101, строка 48: «эти износишь» вместо «это износишь» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 103, строки 34—35: «Оно бы и сегодня» вместо «Оно бы сегодня» (по *РВ*).

Стр. 104, строка 7: «Порфирий Петрович» вместо «Порфирий Семенович» (унификация).

Стр. 107, строка 46: «испужались мы» вместо «испугались мы» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 108, строка 21: «по всей то есь любови» вместо «по всей то есть любви» (по *РВ*).

Стр. 115, строка 34: «есть увлечения, неправильности» вместо «есть увлечение, неправильности» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 118, строки 6—7: «убита одним из закладчиков, то и это, стало быть, был человек из общества более высшего» вместо «убита одним из общества более высшего» (по *РВ*).

Стр. 126, строка 36: «для этакой цели» вместо «для этой цели» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 128, строка 23: «выговорил почему-то Заметов» вместо «говорил почему-то Заметов» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 129, строки 10—11: «весь дрожа от какого-то дикого истерического ощущения» вместо «весь дрожа от какого дикого истерического ощущения» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 129, строка 20: «установил его мнение» вместо «остановил его мнение» (по *РВ*).

Стр. 132, строки 15—16: «села и стала чихать и фыркать» вместо «села, стала чихать и фыркать» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 132, строка 22: «подле живем» вместо «подле живет» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 133, строка 34: «Тит Васильич» вместо «Тит Васильевич» (по *РВ*).

Стр. 133, строка 41: «с тем то есь» вместо «с тем то есть» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 138, строка 14: «был шагах в тридцати» вместо «был в шагах тридцати» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 142, строка 24: «Слава богу» вместо «Славу богу» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 148, строка 46: «тебе всё прямо скажу» вместо «тебе не всё прямо скажу» (по *РВ*, $ЧА_4$ и *БА*).

Стр. 156, строка 17: «вы забылись» вместо «вы забыли» (по *РВ*).

Стр. 161, строка 30: «принял в себя» вместо «принял в себе» (по *РВ*, $ЧА_4$ и *БА*).

Стр. 169, строка 10: «он там наговорил» вместо «он там натворил» (по $ЧА_4$).

Стр. 173, строка 47: «я наткнулся» вместо «и наткнулся» (по *РВ*, *1867*, $ЧА_4$ и *БА*).

Стр. 179, строки 1—2: «а стало быть» вместо «я стало быть» (по *1867* и *1870*).

Стр. 185, строка 7: «и не была снисходительна» вместо «не была снисходительна» (по *РВ*).

Стр. 189, строка 5: «неизвестно чему поддакивал» вместо «известно чему поддакивал» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 207, строка 18: «всё до корней» вместо «всё до крайней» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 207, строка 48: «Всего легче!» вместо «Всего лучше!» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 213, строка 33: «заглянул ей снизу в лицо» вместо «заглянув ей снизу в лицо» (по *1867*).

Стр. 223, строки 27—28: «не стал бы я предлагать так прямо; да и не стал бы я предлагать всего только десять тысяч» вместо «не стал бы я предлагать всего только десять тысяч» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 230, строка 27: «всё наше будущее» вместо «всё будущее» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 231, строки 14—15: «обязательствах, существующих между нами» вместо «обстоятельствах, существующих между нами» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 231, строка 37: «по-моему, выгоднее» вместо «по-моему, повыгоднее» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 244, строки 27—28: «миленькие ботиночки» вместо «маленькие ботиночки» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 246, строки 47—48: «Да ведь я.. бесчестная... я великая, великая грешница!» вместо «Да ведь я... бесчестная...» (по *РВ* и по контексту).

Стр. 257, строки 18—19: «а потому тотчас же еще более раздражившись» вместо «а потом тотчас же еще более раздражившись» (по *НР*).

Стр. 260, строка 6: «да и что такое в сущности форма» вместо «да что такое в сущности форма» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 261, строка 1: «люди многоразличны-с» вместо «люди многоразличны» (по *НР*).

Стр. 261, строка 6: «улйчку достать, чтоб» вместо «улику достать, чтобы» (по *НР*).

Стр. 262, строка 1: «не убежит от меня» вместо «не убежит меня» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 262, строка 20: «приятно-с» вместо «приятно» (по *НР*).

Стр. 262, строки 25—26: «умнее для этого!» вместо «для этого умнее...» (по *НР*).

Стр. 262, строка 32: «рассчитываем?..» вместо «он рассчитывает!..» (по *НР*).

Стр. 265, строка 2: «А-ах!» вместо «А-х!» (по *НР*).

Стр. 265, строка 25: «Ведь я понимаю» вместо «Ведь и понимаю» (по *НР* и всем прижизненным изданиям).

Стр. 266, строка 15: «али с колокольни» вместо «или с колокольни» (по *НР*).

Стр. 270, строка 1: «батюшка» вместо «батенька» (по *НР*).

Стр. 271, строка 9: «стал неподвижно» вместо «стал неподвижен» (по *НР*).

Стр. 273, строка 3: «А уж я и не знаю» вместо «А уж и не знаю» (по *РВ*).

Стр. 278, строка 10: «незнакомые покойному» вместо «незнакомые покойнику» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 279, строки 18—19: «так на него и накинулся» вместо «так на его и накинулся» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 279, строка 20: «поскорей и немедленно» вместо «поскорей немедленно» (по *РВ*).

Стр. 279, строки 30—31: «худосочный и золотушный человечек» вместо «худосочный и золотушный человек» (по *РВ* и *1867*).

Стр. 282, строка 16: «Вон у нас» вместо «Вот у нас» (по *РВ*).

Стр. 284, строка 18: «вы не понимаете» вместо «не понимаете» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 284, строка 25: «Жаль тоже, что при всей своей энергии» вместо «Жаль тоже, при всей своей энергии» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 284, строки 32—33: «был у нас дебатирован» вместо «у нас дебатирован» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 291, строка 33: «все жили в мире и радости» вместо «все жили в мире и радостно» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 294, строка 4: «посадила его за столом подле себя» вместо «посадила его за стол подле себя» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 302, строка 35: «Прибавлю еще» вместо «Прибавляю еще» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 306, строки 34: «это вы правду говорите» вместо «это правду говорите» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 308, строка 2: «все поверили» вместо «все верили» (по *РВ*).

Стр. 317, строки 19—20: «да какая ж это правда» вместо «да какая ж эта правда» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 317, строка 40: «а сами ничего не взяли» вместо «а сами ничего взяли» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 328, строки 1—2: «детей заставляет петь и плясать» вместо «детей заставляет плясать» (по *РВ*).

Стр. 328, строки 26—27: «начинала им растолковывать» вместо «начала им растолковывать» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 329, строка 42: «Родион Романыч» вместо «Родион Романович» (по *РВ*).

Стр. 329—330, строки 46—1: «теперь я этих сама кормить буду» вместо «теперь и этих сама кормить буду» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 334, строка 10: «крикнула она» вместо «крикнула» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 341, строка 28: «опять борьба — значит, нашелся исход» вместо «опять — значит, нашелся исход» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 344, строка 23: «самую махочкую черточку» вместо «самую махочку черточку» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 346, строки 33—34: «где-нибудь там, в огороде, — в огороде ведь, говорили вы» вместо «где-нибудь там, в огороде, — ведь говорили вы» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 347, строка 1: «после того как он» вместо «после того он» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 350, строка 9: «Не хочу, чтобы вы» вместо «Не хочу, что вы» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 352, строки 35—36: «а там вдруг» вместо «а так вдруг» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 356, строка 24: «Да и дорога к вам» вместо «Да дорога к вам» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 357, строка 24: «взглядывая» вместо «вглядывая» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 357, строки 25—26: «ответил Свидригайлов» вместо «спросил Свидригайлов» (по смыслу).

Стр. 364, строки 17—21: «Ну да и Авдотья-то Романовна! Я очень хорошо понял, с первого взгляда, что тут дело плохо, и — что вы думаете? — решился было и глаз не подымать на нее. Но Авдотья Романовна сама сделала первый шаг» вместо «Ну, да и Авдотья Романовна сама сделала первый шаг» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 370, строки 5—6: «ангельчика, в тюлевом платьице, со взбитыми локончиками, с краскою девичьего стыда» вместо «ангельчика, с краскою девичьего стыда» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 370, строка 43: «нашу публику» вместо «вашу публику» (по *РВ*).

Стр. 372, строка 31: «только заранее скажу» вместо «только заранее» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 372, строка 38: «детей отвела к одной даме» вместо «детей к одной даме» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 376, строки 5—6: «просторные комнаты» вместо «пространные комнаты» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 386, строка 36: «в необыкновенно возбужденном состоянии» вместо «в обыкновенно возбужденном состоянии» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 388, строка 24: «отдаленный нумер» вместо «отдельный нумер» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 397, строка 11: «я вас всегда любил» вместо «я вас любил» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 397, строка 23: «вижу по всему» вместо «вижу по своему» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 397, строки 23—24: «оттого ты и тоскуешь» вместо «оттого ты тоскуешь» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 410, строки 25—26: «предметов, лежавших в ней» вместо «предметов, лежащих в ней» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 415, строки 10—11: «каждый месяц писала в Петербург на имя Разумихина и аккуратно каждый месяц получала из Петербурга ответ» вместо «каждый месяц получала из Петербурга ответ» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 415, строка 14: «из этих писем в результате» вместо «в этих письмах в результате» (по всем прижизненным изданиям).

Стр. 419, строки 30—31: «Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась» вместо «Она им улыбалась» (по всем прижизненным изданиям).

1

«Преступление и наказание» создано в 1865—1866 гг. Но вместе с тем это и итог многолетних, более ранних размышлений Достоевского. Из его писем к А. Н. Майкову и М. М. Достоевскому мы знаем, что еще на каторге в творческом сознании писателя складывалась «большая окончательная ... повесть» (письмо А. Н. Майкову от 18 января 1856 г.). Замысел ее сменился рядом других романических замыслов, оставшихся неосуществленными или осуществленными по условиям жизни и писательской работы Достоевского 1850-х и начала 1860-х годов лишь в урезанном виде по сравнению с первоначальными, более широкими планами (см. сжатое изложение этих планов и их эволюции: наст. изд., т. III, стр. 490—492). Как можно думать, сюжет «Преступления и наказания» вобрал в себя множество элементов из этих более ранних, в свое время не осуществленных замыслов.

О том, что одна из центральных идей романа вполне сложилась уже к 1863 г., свидетельствует дневник А. П. Сусловой. Здесь под 17 сентября 1863 г. А. П. Суслова, находившаяся в это время вместе с Достоевским в Италии, в Турине, сделала следующую запись: «Когда мы обедали (в гостинице, за table d'hote'ом, — *ред.*), он (Достоевский), смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: „Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: «Истребить весь город»“. Всегда так было на свете» (А. П. Суслова. Годы близости с Достоевским. М., 1928, стр. 60).

Эта запись — первое документальное свидетельство, вводящее нас в круг основных философских идей будущего «Преступления и наказания». Однако к творческой работе над романом и к обдумыванию его сюжета Достоевский обратился позднее.

Существенным этапом на пути, приблизившим автора к «Преступлению и наказанию», явилась работа над «Записками из подполья». Трагедия мыслящего героя-индивидуалиста, его горделивое упоение своей «идеей» и поражение перед лицом «живой жизни», в качестве воплощений которой в «Записках» выступает прямая предшественница Сони Мармеладовой, девушка из публичного дома, образ которой в «Записках», однако, не несет еще той глубокой философско-этической нагрузки, какую несет образ Сони, — эти основные общие контуры «Записок» непосредственно подготавливают «Преступление и наказание». [1]

---

[1] Л. П. Гроссман высказал предположение, что замысел «Преступления и наказания» восходит «к началу 1850-х годов» и что под упоминаемым в письме Достоевского к брату от 9 октября 1859 г., задуманным им в это время романом «Исповедь» писатель имел в виду «Историю Раскольникова» (*Гроссман, Биография,* стр. 331). Однако, как свидетельствуют записные тетради Достоевского, образ Раскольникова возник под пером Достоевского лишь в 1865 г. О замысле «Исповеди» и о более вероятной связи его с «Записками из подполья» см. наст. изд., т. III, стр. 493 и т. V, стр. 378.

Следующее известное нам звено в истории разработки замысла «Преступления и наказания» — план романа «Пьяненькие», задуманного в 1864 г. Единственная дошедшая до нас заметка к нему — в записной книжке 1861—1864 гг. (см. стр. 5).

Еще в 1847 г. в «Петербургской летописи» Достоевский писал о «жажде деятельности» и об отсутствии для нее предварительных условий как о характерном для русского послепетровского общества болезненном явлении (фельетон от 15 июня 1847 г.). Эта тема получила дальнейшее развитие в статьях Достоевского периода «Времени», где разъединение в России образованного общества и народа после петровской реформы стало для Достоевского центральным трагическим узлом русской жизни. Она же должна была явиться одной из основных и в романе «Пьяненькие». В наброске к нему говорится, что упадок «нравственности» в России связан с отсутствием «дела» уже 150 лет, т. е. со времен Петра I.

В июне 1865 г. Достоевский предложил задуманный роман издателю «Санкт-Петербургских ведомостей» В. Ф. Коршу и в «Отечественные записки» А. А. Краевскому. Он писал Краевскому 8 июня: «Я прошу 3000 руб. теперь же, вперед за роман, который обязуюсь формально доставить в ред⟨акцию⟩ „От⟨ечественных⟩ записок" не позже первых чисел начала *октября нынешнего года* ⟨...⟩. Роман мой называется „Пьяненькие" и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч. — Листов будет не менее 20, но может быть и более. За лист 150 руб. ... (За «Мертвый дом» я получал в «Русском мире» и во «Времени» по 250 р.)». А. А. Краевский ответил 11 июня отказом — ввиду отсутствия у редакции денег и большого запаса беллетристики (*ГБЛ*, ф. 93, II. 5. 139). Корш еще раньше, 5 июня, написал сразу два письма, личное и официальное, — также с фактическим отказом (*ГБЛ*, ф. 93, 5. 128).

Не подлежит сомнению, что Достоевский предлагал еще не написанную, да вряд ли и начатую вещь. Почти одновременно с обращением к А. А. Краевскому он писал председателю Литературного фонда Е. П. Ковалевскому, ходатайствуя о 600 рублях до 1 февраля 1866 г. и рассказывая о своей тяжелой работе по журналу «Эпоха» после смерти брата: «... за этими трудами я не успел написать почти ни строчки ⟨...⟩ Я начал теперь одну работу, за которую могу взять деньги только осенью. Окончить эту работу как можно скорее необходимо, чтоб начать, получив деньги, уплату долгов».

Возможно, Достоевский делал, как обычно, записи к роману в записной тетради первой половины 1865 г., впоследствии утраченной. Об этой потере он сообщал 9 мая 1866 г. своему приятелю А. Е. Врангелю, прося напомнить сумму прошлогоднего долга: «...записную книжку мою я потерял и помню мой долг приблизительно, но не точно».

2 июля 1865 г. Достоевский, испытывая тяжелую нужду, вынужден был заключить условие с издателем Ф. Т. Стелловским. За те же три тысячи рублей, которые Краевский отказался выплатить за роман, Достоевский продал Стелловскому право на издание полного собрания своих сочинений в трех томах и, кроме того, обязан был написать для него новый роман объемом не менее десяти листов к 1 ноября 1866 г. Договор был кабальный, но он позволил выплатить первоочередные долги и на лето уехать за границу. Спустя три месяца Достоевский заметил в письме к А. Е. Врангелю, что он «выехал за границу, чтоб поправить здоровье и что-нибудь написать». Он добавлял: «Написать-то я написал, а здоровье стало хуже».

Оставив «Пьяненьких», Достоевский за границей задумал повесть, замысел которой явился зерном будущего «Преступления и наказания». В сентябре 1865 г. он предложил ее издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову. До этого писатель никогда не печатался в журнале Каткова. Самую мысль обратиться теперь в «Русский вестник» подала, по всей вероятности, княжна Н. П. Шаликова, писательница (псевдонимы Е. Нарская и Н. Горка), дальняя родственница Каткова. В позднейшем письме к Достоевскому (1873 г.) она вспоминала «встречу в Висбадене у о. Янышева» (тамошнего священника)

и «непродолжительную, но полную искренности беседу в аллеях Висбадена» (*ГБЛ,* ф. 93, II. 9.130).

Достоевский не сразу решился обратиться в «Русский вестник». В августе 1865 г. он еще надеялся получить аванс за повесть и за обещанные «Письма из-за границы» от „Библиотеки для чтения". Соиздатель журнала Н. Н. Воскобойников (издателем был П. Д. Боборыкин) писал 12 (24) августа в Висбаден: «От редакции „Библиотеки для чтения" нельзя ждать денег раньше конца русского августа. Когда получатся, поспешу выслать их Вам, а Вас покорнейше прошу облегчить мне это либо Вашею повестью, либо Вашими письмами, а еще лучше тем и другим. Всё это было бы приобретением для нас, а для меня лично еще великою радостью ... В заключение покорно прошу Вас дозволить мне прислать Вам хотя бы сто франков, до 26-го августа, если бы они скопились у нас, на что, впрочем, мало надежды» (*Д, Письма,* т. I, стр. 579). Не получив денег от «Библиотеки для чтения», Достоевский в начале сентября из Висбадена написал своему давнему знакомому (еще со времен кружка Петрашевского) А. П. Милюкову. Письмо не сохранилось, но в воспоминаниях Милюков рассказывает его содержание и приводит цитаты: «Сижу в отеле, кругом должен, и мне грозят; денег ни гроша»; сюжет задуманной повести «расширился и разбогател». Затем следовала просьба «запродать повесть хоть куда бы ни было, но только с условием выслать немедленно 300 рублей». Милюков обошел редакции «Библиотеки для чтения», «Современника», «Отечественных записок»; везде получил отказ (*Милюков,* стр. 225—227).

Беловой текст письма Достоевского к Каткову (оно было написано между 10 и 15 (22 и 27) сентября) неизвестен. Но письмо было отправлено, так как в октябре 1865 г. просимые деньги были посланы Достоевскому редакцией «Русского вестника». Позднее, в ноябре — декабре, когда в ходе работы замысел преобразился и повесть превратилась в роман, из-за размера гонорара возникли осложнения, но вначале 300 рублей аванса за повесть были высланы автору сразу. Правда, денег этих Достоевский своевременно не получил. Они пришли в Висбаден, когда писатель уже уехал оттуда, и были пересланы ему И. Л. Янышевым в Петербург.

Своему письму к издателю «Русского вестника» Достоевский придавал большое значение: в записной тетради с подготовительными материалами к роману находится его черновик. Эти несколько страниц имеют первостепенную важность для датировки начальных стадий работы и для представления о ее характере. Достоевский писал Каткову:

«Могу ли я надеяться поместить в Вашем журнале „Р⟨усский⟩ В⟨естник⟩" мою повесть?

Я пишу ее здесь, в Висбадене, уже 2 месяца и теперь оканчиваю. В ней будет от пяти до шести печатных листов. Работы остается еще недели на две, даже, может быть, и более. Во всяком случае, могу сказать наверно, что через месяц, и никак не позже, она могла бы быть доставлена в редакцию „Р⟨усского⟩ В⟨естни⟩ка".

Идея повести не может, сколько я могу предполагать, ни в чем противоречить Вашему журналу; даже напротив. Это — психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях, поддавшись некоторым странным, „недоконченным" идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. „Она никуда не годна", „для чего она живет?", „полезна ли она хоть кому-нибудь?" и т. д. — эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать, с тем чтоб сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства — притязаний, грозящих ей гибелью, — докончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении „гуманного долга к человечеству" — чем уже,

конечно, „загладится преступление“, если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может, сама собой померла бы.

Несмотря на то, что подобные преступления ужасно трудно совершаются — т. е. почти всегда до грубости выставляют наружу концы, улики и проч. и страшно много оставляют на долю случая, который всегда почти выдает впно⟨вного⟩, ему — совершенно случайным образом — удается совершить свое предприятие и скоро, и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы, никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божия правда, земной закон берет свое, и он кончает тем, что *принужден* сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его. Закон правды и человеческая природа взяли свое, убили убеждения, даже без сопро⟨тивления⟩. Преступник сам решает принять муки, чтоб искупить свое дело. Впрочем, трудно мне разъяснить вполне мою мысль.

В повести моей есть, кроме того, намек на ту мысль, что налагаемое юридическое наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника, чем думают законодатели, отчасти потому, что *он и сам* его *нравственно требует*.

Это видел я даже на самых неразвитых людях, на самой грубой случайности. Выразить мне это хотелось именно на развитом, на нового поколения человеке, чтобы была ярче и осязательнее видна мысль. Несколько случаев, бывших в самое последнее время, убедили, что *сюжет* мой вовсе не эксцентричен, именно что убийца развитой и даже хороших накл⟨онностей⟩ м⟨олодой⟩ человек. Мне рассказывали прошлого года в Москве (верно) об одном студенте, выключенном из университета после Московской студент⟨ской⟩ истории, — что он решился разбить почту и убить почтальона. Есть еще много следов в наших газетах о необыкновенной шатости понятий, подвигающих на ужасные дела. (Тот семинарист, который убил девушку по уговору с ней в сарае и которого взяли через час за завтраком, и проч.). Одним словом, я убежден, что сюжет мой отчасти оправдывает современность.

Само собою разумеется, что я пропустил в этом теперешнем изложении идеи моей повести весь сюжет. За занимательность ручаюсь, о художественности исполнения — не беру на себя судить. Мне слишком много случалось писать очень, очень дурных вещей, торопясь, к сроку и проч. Впрочем, эту вещь я писал не торопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы *для себя только*, кончить ее как можно лучше».

Совсем не касаясь того, что составляло особенную трудность в работе — поиски нужного тона, художественной формы, Достоевский подробно определил в письме содержание и главную идею повести. «Психологический отчет» о преступлении, которое родилось под воздействием современных «недоконченных идей», и о нравственном раскаянии преступника, убедившегося таким образом в несостоятельности этих идей, — таков основной смысл повести. В ней не предполагался еще на этой стадии работы тот огромный социальный фон, какой присутствовал в замысле «Пьяненьких» и вошел в роман «Преступление и наказание» с линией Мармеладова. Названия повести в письме нет; поскольку запись ее начала в тетради утрачена, оно остается нам неизвестным. Возможно, в ту пору его еще не было. [1]

Кроме письма к Каткову, сохранились два сентябрьских письма к А. Е. Врангелю со свидетельствами о работе над повестью. 10 (22) сентября, рассказывая о бедственном своем положении и прося в долг 100 талеров,

[1] О письме к Каткову и о дальнейшей эволюции замысла романа см. также: Ю. Ф. Карякин. Миф о «черной магии» Достоевского (черновики к «Преступлению и наказанию»). — *РЛ*, 1972, № 1, стр. 113—125.

Достоевский писал: «Надеялся я на мою повесть, которую пишу день и ночь. Но вместо 3-х листов она растянулась в 6, и работа до сих пор не окончена. Правда, мне же больше денег придется, но во всяком случае раньше месяца я их не получу из России. А до тех пор? Здесь уже грозят полицией. Что же мне делать?» Через шесть дней, в письме от 28 сентября 1865 г., Достоевский благодарил Врангеля за присланные деньги, рассказывал про письмо к Каткову и про свою работу: «А между тем повесть, которую я пишу теперь, будет, может быть, лучше всего, что я написал, если дадут мне время ее окончить. О друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ».

На этом исчерпываются эпистолярные и мемуарные свидетельства, относящиеся к первому — заграничному — периоду работы. Наиболее существенная, внутренняя, творческая ее сторона раскрывается авторскими рукописями.

2

В хронологически первой рабочей тетради, содержащей подготовительные материалы к роману, авторские даты имеются лишь в двух случаях.

На самой первой странице, заполненной мелкими, разновременными заметками (разными чернилами и явно не одним пером), в одном месте помечено: «7 августа». На странице 18 этой тетради датирована запись, сделанная на пароходе «Vice-roy» («Вице-король»): «14 октября». На этом пароходе Достоевский возвращался в октябре 1865 г. из Копенгагена в Кронштадт.

Довольно точной датировке поддается черновик приведенного выше письма к М. Н. Каткову. Из сопоставления этих трех дат видно, что положение в начале тетради не означает обязательно раннюю пору записи. Несомненно, не только письмо к издателю «Русского вестника», но и весь текст первой— краткой — редакции (Достоевский сообщал в сентябре Каткову, что пишет повесть в Висбадене два месяца) предшествуют октябрьской заметке на пароходе. Сама эта заметка относится к тому времени, когда обещанная «Русскому вестнику» повесть уже заканчивалась: на соседних страницах — записи о «доказании на себя», прощании с дочерью Мармеладова, «поклоне народу» и «признании» убийцы.

Повесть не была закончена Достоевским; изложение обрывается в начале VI главы: выздоровевший убийца идет в трактир узнать, что пишут о преступлении газеты. Здесь происходит встреча с Заметовым (письмоводителем, знакомым герою по конторе, куда он был вызван по случаю долга хозяйке) и с неизвестным «каким-то очень толстым господином» — следователем (см. $ЧА_1$).

Отдельные заметки, конспекты, планы вносились в тетрадь как одновременно с писанием первой редакции (иногда прерывая ее текст), так и позднее. Датировать их можно промежутком времени от августа по октябрь 1865 г. В основном они намечают развитие действия последних, не написанных глав: разговор с Заметовым о старухе, именинный вечер у Разумихина, письмо от матери, встреча с чиновником Мармеладовым, посещение квартиры убитой, допрос следователем, смерть Мармеладова, знакомство с его дочерью, признание народу (см. $ПМ_1$).

Сохранившийся черновик повести начинается на странице 43 этой тетради окончанием фразы: «по улицам». Если сопоставлять весь черновик с будущим романом, видно, что сюжетно он соответствует заключительным строкам первой части, главам I—IV и VI второй части. Характер повествования иной, чем в романе: через несколько дней после убийства герой вспоминает и записывает, как оно случилось. Рассказ ведется в первом лице. Это — дневник убийцы. На странице 45 проставлена дата «16 июня». Запись открывается признанием: «Третьего дня ночью я начал описывать и четыре часа просидел. Это будет документ... Этих листов у меня никогда не отыщут». Свой «отчет», дневник-исповедь он пишет для себя (см. стр. 6).

Убийство случилось 9 июня. Дневник же начат 14 июня: «Если б я стал записывать десятого числа, на другой день после девятого, — отмечает герой, — то ничего бы не записал, потому что в порядке ничего еще не мог припомнить. Точно кругом меня всё кружилось, и так было три дня» (стр.

7). Эта запись составила первую главу. Глава вторая (16 июня) рассказывает о беспокойной ночи с 9-го на 10-е, о том, как утром явились дворник и Настасья с повесткой в квартал; далее следовал подробный рассказ о посещении квартала. На странице 69 стоит цифра «3». Это третья глава повести. Она рассказывает о событиях того же дня — 10 июня. Когда ведется эта запись, не помечено (видимо, предполагается, что того же 16 июня). Рассказывается о том, как убийца отправился на Крестовский остров спрятать вещи, затем пошел к Разумихину, вернулся домой и впал в беспамятство. Со страницы 84 начинается четвертая глава. Через несколько абзацев рассказ переходит (как и в окончательном тексте романа) на то, что случилось, когда герой совсем очнулся. Произошло это утром — на «пятый день», как говорит Разумихин, т. е. как раз 14 июня. Идут диалоги и сцены с Настасьей, Разумихиным, артельщиком купца Шерстобитова, а потом Разумихин приносит новую одежду. Из всей повести эта глава в наибольшей мере близка к тексту будущего романа. Один из фрагментов уже в записной тетради, но значительно позднее, когда писался роман, выправлен автором: герой был назван Раскольниковым и повествование велось не от его лица, а от автора (см. стр. 118—128). Этот выправленный Достоевским фрагмент свидетельствует ясно, что третье лицо, авторский голос, понадобились не только из-за огромного расширения материала, недоступного наблюдению и памяти героя, но и для того, чтобы полнее, подробнее, точнее, достовернее раскрыть его психологию. Напряженность, сложность, часто — безотчетность внутренней жизни героя требовала взгляда на нее всеведущего автора. Осознана эта художественная необходимость была позднее, пока же писалась дальше «исповедь».

Новое обозначение главы: VI — появилось лишь в конце связного изложения повести, на странице 31 записной тетради. Выходит, что есть и пятая глава, лишь не помеченная автором. Можно предположить, что она началась на странице 104 появлением, как и в окончательном тексте, доктора (он носит фамилию Бакавин, а не Зосимов). Действие происходит все в тот же день — 14 июня. После докторского осмотра в разговоре между Разумихиным и Бакавиным выясняется, что Разумихин хочет познакомить больного с Заметовым и что вместе с Заметовым хлопочет об оправдании красильщика, взятого по подозрению в убийстве. В разговоре участвует и Настасья, вспоминающая Лизавету, а потом Разумихин и Бакавин (Бакалин) спорят об уликах убийства. Упоминается пристав следственных дел Порфирий. Бакавин именует его «хвастунишкой», а Разумихин защищает. После ухода Бакавина Настасья говорит, что убитая Лизавета была беременна, а «робеночек-то» был лекарев, т. е. Бакавина. Все это почти совсем не войдет в окончательный текст.

«Когда они вышли, я вскинулся навзничь и схватил себя за голову», — так заканчивается пятая глава. В романе эпизод кончается иначе: появляется Лужин (глава V второй части). Когда писалась повесть, Лужина не было совсем. Шестая глава повести, оставшаяся неоконченной, рисует переживания героя после ухода Разумихина с Настасьей (см. стр. 72—76). На третий день, т. е. 16 июня, он, обманув их всех и притворившись совсем больным, вышел из дому — «отыскивать себе другую квартиру». Он заходит в гостиницу, чтобы прочесть в газете о том, что там написано об убийстве старухи. Увидев Заметова и с ним какого-то господина, он все-таки потребовал номер, где была первая статья про убийство. «В газете...» — на этом изложение обрывается.

Рассказ от первого лица выдержан последовательно во всех шести главах, хотя принятая форма неизбежно ограничивала рамки изображения тем, что видит, помнит, знает сам герой или что ему кажется. Это много раз подчеркивается на первых же страницах: «Клочки и отрывки мыслей так и кишели в моей голове целым вихрем. Но я ни одной не помню...»; «да еще кто-то, не помню, не знаю» (о посетителях конторы); «Дальше ничего не помню»; «Право, мне помнится. Да, я помню...» Даже и о том, что знает, он не всегда способен рассказать: «произошло во мне весьма странное обстоятельство, которое я не умею хорошо рассказать словами»; «не могу выразить»; «я не умею выразиться». И, наконец, хотя пишется полная и совершенно искренняя исповедь, герою не всегда и не обо всем хочется говорить: «Дальше я не буду рассказывать. Одно ощущение — сумасшествие».

Как всегда в черновиках Достоевского, на полях много заметок «вперед»— о дальнейшем развитии событий, вариантов текста, а также указаний для себя, автора. Например: «Надо поминутно, чтобы выскакивали средп рассказа совершенно ненужные п неожиданные мелочи»; «Как можно короче».

Рукопись буквально испещрена множеством помарок и поправок. Как и другие черновые и беловые автографы Достоевского, она опровергает бытующее представление о том, что, торопясь к сроку, измученный безденежьем и долгами, Достоевский работал поспешно, наотмашь, сразу для печати. Рукописи демонстрируют огромную, взыскательнейшую работу буквально над каждой фразой (о творческих рукописях Достоевского см. сходные замечания Л. М. Розенблюм в статье «Творческая лаборатория Достоевского-романиста» — *ЛН,* т. 77, стр. 22—48).

В черновой рукописи повести правка шла по разным направлениям: расширение сюжета, уточнение характеристик, психологическое углубление, обогащение речи персонажей. Особенно интересна, например, правка речи Луизы Ивановны, содержательницы публичного дома, вызванной в контору по случаю скандала в ее «благородном заведении».

В ходе работы над первой редакцией менялся состав персонажей, их имена. Главный герой не назван по фамилии. Разумихин обращается к нему: Василий, Васюк, Вася. Сам Разумихин назван был так сразу (он, как и в окончательном тексте романа, поясняет, что на самом деле его фамилия Вразумихин). Не менялось имя хозяйкиной прислуги, появляющейся довольно часто: Настасья. Сама хозяйка называется Софья Тимофеевна, Сонечка. Над строкой исправлено: Катерина Прохоровна (В. Л. Комарович справедливо полагал, что имя хозяйки было изменено, когда появился Мармеладов с дочерью Соней,— *ЛН,* т. 15, стр. 263). Позднее, когда писался роман, хозяйка стала называться Пашенькой, Прасковьей, а затем Юлией Прохоровной Зарницыной; имя Катерина было отдано жене Мармеладова. Пристав следственных дел (будущий Порфирий Петрович), приятель Бакавина и Заметова, называется в первой записной тетради то Порфирием Степанычем, то Порфирием Ивановичем, то Порфирием Филипьичем Семеновым. По-видимому, Достоевский подбирал ему отчество; кроме того, нужно учитывать, что он писал дальше, не всегда помня во всех деталях предыдущее, поэтому в именах второстепенных лиц бывали описки. Поручик-порох, например, помощник квартального надзирателя, на соседних друг с другом страницах именуется то Александр Ильич, то Александр Петрович, то Илья Петрович (последнее имя закрепилось за ним).

Не дописав повести, Достоевский в той же первой рабочей тетради намечал планы ее окончания. Находятся они в начале тетради (страницы 1—26, 30, 42), в середине (94—95) и в самом конце (149—152). Бóльшая часть их озаглавлена: «Prospectus», «Программа», «Перемена в программе». Два плана прерывают на страницах 94—95 связное повествование первой редакции: «План. После сна...» и просто «План», сопровожденный, однако, тремя значками N3. Некоторые из намеченных здесь пунктов были тут же реализованы — в написанной части повести; большинство относится к событиям после болезни героя (см. стр. 76—95).

Конец повести рисовался в этом плане так: «Страдания и вопросы — Сяся. Эпизоды. *Вдова Капет.* Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание» (см. стр. 77).

Сяся, упомянутая здесь, что видно из других записей, — молодая девушка, дочь Лизаветы, с которой у преступника завязывается дружба и, вероятно, интимная связь. Позднее, когда появится Соня, Сяся станет ее знакомой, а потом исчезнет из романа совсем. Упоминание «вдовы Капет», т. е. казненной в 1793 г. Марии Антуанетты, не вполне ясно. По-видимому, она включалась в цепь представлений о людях, принявших мученическую смерть (как и Христос, и защитники революционных баррикад). [1]

---

[1] Вряд ли справедливо мнение Ю. Ф. Карякина, полагающего, что «вдовой Капет» Достоевский называет в черновиках Катерину Ивановну (*РЛ*, 1972, № 1, стр. 121).

Также прерывая текст повести, на странице 30 первой тетради внесен «Prospectus № 1». На странице 42 записан подробный проспект разговора в трактире с Заметовым. Затем Достоевский возвратился вперед, на свободную — 26-ю страницу. Записан «Prospectus № 2-й», новый проспект окончания повести. Проспект намечает развитие действия после возвращения из трактира и разговора там с Заметовым.

Впервые в этом наброске появляются мотивы, которые призваны неизмеримо расширить сюжет повести и превратить ее в роман. Это — история сестры и, главное, встреча с пьяным Мармеладовым (см. стр. 79—80).

Кончается проспект так: «Вечером приходит к нему дочь чиновника. И вдруг: „Удивляюсь, почему Лизавету я не жалею. Бедное создание!"». Ясно, что покаяние произойдет под влиянием «дочери чиновника» (стр. 80).

На первых страницах тетради подробно, со множеством художественных деталей, разрабатывался эпизод с чиновником. Судьба преступника связывалась с историей пьяного чиновника и его несчастного семейства. Самому герою приходят мысли о сходстве своего положения с положением Мармеладова и его дочери (см. стр. 83—87, 90—91).

Намечались разные варианты конца повести, краткие и более подробные, но все они связывались с дочерью Мармеладова (эта фамилия появляется и сразу закрепляется; имени у дочери еще нет).

В набросках намечена нравственная и философская проблематика, которая займет потом такое большое место в романе: разговор с Разумихиным о вере в бога, с пьяным чиновником — о Христе и обещанном втором его пришествии; философско-нравственная линия вводится, с одной стороны, упоминанием о Наполеоне и «демонской силе» характера героя, приведшей к преступлению, с другой стороны, — его протестом против насилия («Зачем они не стонут?»), мечтами о всеобщем счастье, «земном рае», «золотом веке».

Как всегда, и на этих первых страницах вносятся заметки для автора, определяющие форму, тон повествования: «Здесь кончается *рассказ* и начинается *дневник*»; «Воспоминания жизни беспрерывно. Мелочишки, но каждое со значением»; «Тут совершенно постороннюю историю»; «Во все эти шесть глав он должен писать, говорить и представляться читателю отчасти как бы не в своем уме» (стр. 81—83).

В первой тетради хронологически самые поздние записи в самом конце, на страницах 149—152. Они начинаются «Примечанием к „Исповеди"» — горьким сомнением преступника в нужности покаяния, прямо продолжая последнюю запись первых страниц. По-разному рисуется характер дочери чиновника: «Дочь чиновника мимоходом, чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забитое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги целует» (стр. 92).

Впервые здесь называются три новых персонажа: Аристов (будущий Свидригайлов), Лыжин (Лужин) и Лебезятников. Аристову (Аристов — фамилия преступника, о котором рассказано в «Записках из Мертвого дома» — см. наст. изд., т. IV, стр. 62—64, 285—286) предназначается пока небольшая роль, лишь отчасти близкая к той, какую Свидригайлов играет в окончательном тексте. Он говорит герою, что знает о его преступлении.

В первоначальных записях Аристов противопоставлен Раскольникову (см. стр. 92, 93). Участвуя в разговоре на вечере у Разумихина о преступлении и наказании, Аристов говорит про убитую старуху: «туда ее и надо!» А после того как Раскольников изложил свою теорию «арифметики», Аристов восклицает в восторге: «... да уж и *пожить* хорошо, довольно». Следователь, присутствующий при разговоре, замечает, что Раскольников не вынес бы на практике своей теории: «... другие (он взглянул на Аристова) вынесут. Для тех рано уничтожить телесные наказания» (стр. 93).

В конспективных заметках в конце тетради герой впервые назван по фамилии: Раскольников. И героиня — по имени: Соня. Записана деталь, которая не будет реализована, — писательские способности у Раскольникова. Впрочем, в тексте романа он станет автором газетной статьи, которую так внимательно будет изучать следователь и с которой будет связывать такие радужные надежды на будущее своего сына мать Раскольникова.

Итак, первая тетрадь отражает тот период работы над «Преступлением и наказанием», когда оно мыслилось еще автором как «повесть», «психологический отчет одного преступления», всецело сосредоточенный на судьбе и переживаниях главного героя. Но постепенно «повесть» вбирала в себя темы и коллизии, нарушавшие ее первоначальные — более узкие — рамки, и в нее входил материал будущего романа.

Высказывалось предположение, что повесть преобразовалась в роман, потому что появилась линия следователя Порфирия Петровича и его борьбы с преступником. Рукописный материал этого не подтверждает.[1]

Как видно из текстов, следователь действует в самой первой записи повести. Тщетность его борьбы с убийцей, бесполезность исходящего от него наказания была очевидна Достоевскому с самого начала (как это ясно сказано в сентябрьском письме Каткову). «Взорвал» повесть другой материал — «чиновник с бутылкой», т. е. история семейства Мармеладова, линия Лужин—Дуня—Свидригайлов и весь связанный с этими линиями широкий «петербургский» социальный фон. Вспомним, что с рассказом о «пьяненьких» у Достоевского уже в 1864 г. связывался до «Преступления и наказания» замысел 20-листного романа (см.: *Фридлендер*, стр. 137—138).

Но и преобразившись в роман, «Преступление и наказание» еще не скоро обрело ту форму, какая известна по окончательной редакции. Предстояли новые попытки вести повествование в прежнем духе — от первого лица. Об этом рассказывает вторая рабочая тетрадь ($ЧА_2$ и $ПМ_2$) и сохранившиеся фрагменты ранних рукописей ($ЧА_3$).

3

Возможно, что намерение превратить задуманную «повесть» в большой роман возникло еще за границей. Декабрьское письмо 1865 г. к Каткову Достоевский начал словами: «Получив в ответ на письмо мое к Вам из-за границы 300 руб., в октябре месяце, я счел себя вправе считать, что дело о напечатании моего романа в „Русском вестнике“ вполне решено, а вследствие того усердно принялся за продолжение работы». Вопреки действительности ему запомнилось, что, еще находясь за границей, он предлагал Каткову роман (на самом деле в тогдашнем письме речь шла о повести).

Во всяком случае несомненно, что, приехав в Россию, Достоевский возобновил усиленную работу уже над романом. Первая же запись второй записной тетради обозначена: «Капитальное в роман».

Несмотря на расстроенное здоровье, он трудился, «не разгибая шеи». Об этом говорится в первом письме, написанном из Петербурга А. Е. Врангелю 8 (20) ноября 1865 г. О романе здесь сказано, что его «надо кончить», и сообщается, что получен задаток. Уговаривая друга потерпеть с долгом, Достоевский замечал: «За роман получу не менее 2500 руб.». Стало быть, в это время объем романа предполагался около 20 листов (по 125 рублей за лист).

С середины октября 1865 г., т. е. со времени возвращения в Россию, начался новый период работы над «Преступлением и наказанием»: создание второй (пространной) редакции, сопровождавшееся непрерывными поисками нужной художественной формы. Завершился этот период в конце ноября того же года, когда Достоевский «всё сжег». Он так рассказал об этом в письме к А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 г.: «В конце ноября было много написано и готово; я всё сжег; теперь в этом можно признаться. Мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек, и я начал сызнова».

Намек на тот же крутой поворот находится в письме к И. Л. Янышеву от 22 ноября 1865 г. О своей жизни в Петербурге Достоевский здесь рассказывал: «Засел я работать ускоренно и усиленно. Начались припадки, один за другим. Четыре припадка в 1 ½ месяца, и до сих пор болен. Но это ничего,

---

[1] См.: И. З. Серман. От повести к роману. (Из творческой истории «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского). В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 196—201.

потому что я все-таки работал, но работа моя пошла так, что надо было вновь переработать, — и я решился на это (надо сделать хорошо, иначе будущему поврежу)». Решившись, Достоевский начал писать роман в новой редакции. Первые главы ее в середине декабря 1865 г. он счел возможным отправить в печать; работа над последующим текстом романа заняла еще год.

Написанное в октябре—ноябре 1865 г. остается в основном неизвестным. Однако сохранилось в черновике самое раннее начало второй редакции романа, заметки, конспекты, планы того времени, небольшие фрагменты рукописей.

Во второй тетради текст расположен таким образом: связное повествование шло от 79-й страницы вперед, отдельные заметки вносились в обратном порядке. При этом сначала Достоевский перевертывал тетрадь, а потом, начиная со страницы 134, просто перелистывал назад. Первые конспективные заметки во второй тетради продолжают разработку эпизодов после шестой главы, уже написанной в первой тетради. [1]

Намечаются эпизоды, которые будут и в окончательном тексте: столкновение с Лужиным, приход Сони (в отличие от последней редакции в сцене не участвуют мать и сестра). [2] Между строк добавлено: «Мать, письмо Лужина насчет девицы сомнительной, чтобы не было его». После ссоры с Лужиным намечалось одновременное развитие действия в разных направлениях: «Его с Соней (письма Сони к нему), матери против Сони, Разумихина с дочерью, Следователя, молодого человека». Все это — разные линии романного сюжета, однако на первых стадиях работы над ним. Об этом свидетельствует, в частности, то, что доктор называется Бакалиным, а не Зосимовым. Кончается наметка сюжета так: «Его хождение. Пожар (награда ему). Мать, сестра около постели. Примирение со всеми. Радость его, радостный вечер. Наутро к обедне, народу поклон-прощание. Приеду, говорит Соня» (см. стр. 133, 134).

Начало повествования озаглавлено: «Под судом». Как и в повести, изложение ведется в форме исповеди, но исповедь пишется в иных обстоятельствах: герой находится под судом.

Действие начинается, как и в окончательном тексте, за несколько дней до убийства. Но не закладом вещей у старухи, а встречей с Мармеладовым. Как будто уяснив всю значительность истории Мармеладова для романа, Достоевский с самого начала сосредоточивает на ней внимание читателя. Объяснение такого начала дается с точки зрения рассказчика: «Об Мармеладове же потому особенно запишу, что во всем моем деле эта встреча играет большую дальнейшую роль» (стр. 97).

Дальше следует, занимая подряд двадцать одну страницу, подробный рассказ о сцене в распивочной и о том, как Раскольников приводит Мармеладова домой. Несмотря на то что изложение ведется в первом лице и перед нами явный черновик, текст близок к окончательной редакции. В именах героев, правда, разнобой: дочь Мармеладова называется Софья Никитишна, а сам он сначала Иван Семеныч, потом Захар Семеныч. Весь текст потому близок к окончательному (глава II первой части), что представляет собою сцены и

---

[1] Это определяет характер публикации материалов второй тетради в нашем издании: сначала черновик начатого романа с относящейся к нему записью речи Мармеладова, потом — планы и конспекты: от записи на странице 146 к странице 102 ($ЧА_2$, $ПМ_2$ и $ПМ_3$). Перечень имен персонажей и владельцев домов (на первой странице тетради) — хронологически самый поздний.

Связный текст писался и с другого конца тетрадь заполнялась отдельными заметками одновременно. Записи продолжались и тогда, когда вторая редакция романа была оставлена. Две из них (на страницах 103 и 104) датированы автором: «С 7 декабря», «28 декабря» (1865 г.).

[2] Обозначение Сони личным местоимением (*она, ее*), которое автор подчеркивает, явственно говорит о том, что она стала, наравне с Раскольниковым (*им*), главной героиней романа; такова обычная манера Достоевского, засвидетельствованная рукописями всех позднейших его романов.

диалоги; элемент психологический, исповеди, занимает мало места, подается протокольно и бегло (см. стр. 96—128).

Несомненно, что когда роман писался уже не в тетради, а на отдельных листах, разборчивым, ясным почерком (в ноябре 1865 г. Достоевский думал о его окончании и скором печатании), черновик был использован (точно так же, как ранний текст повести для первых глав второй части).

В архиве Достоевского сохранилась небольшая рукопись (два листика), начинающаяся словами: «всего только два стула и клеенчатый, чрезвычайно ободранный диван» (описание комнаты, где помещались Мармеладовы). Как и фрагмент главы II второй части будущего романа, это случайно уцелевшие обломки текста, который создавался в ноябре 1865 г. В обеих рукописях (*ЧА*$_3$) позднее проведена правка, заменяющая первое лицо на третье, сделаны замены и добавления; но первый слой доносит более раннюю редакцию.

Остальные записи во второй тетради, занимающие, с небольшими перерывами, страницы 102—134, не поддаются каждая в отдельности точной датировке. Можно лишь сказать, что все они относятся к ноябрю—декабрю 1865 г. и вносились в основном в обратном порядке. Об этом говорит, например, конспект «Еще план», который начинается на странице 109, продолжается на 108 и заканчивается на 107. Этот план намечает рассказ от имени автора. Несомненно, что ему предшествовал записанный на страницах 110—111 «Новый план. Рассказ преступника 8 лет назад (чтоб совершенно отнести его в сторону)», который начинается так: «Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать всё по порядку. Начал я с того, что пошел закладывать ей часы». Также к более ранним стадиям (так как опять имеется в виду рассказ от первого лица) относится заметка о «начале романа», продолженная записями: «*Потом*», «*Далее*», «*Наконец*» (страницы 122—123). На странице 132 сделана запись: «*К сюжету романа* (*окончательно*)», — которая, однако, никак не воплотилась в печатном тексте романа (Лужин влюбляется в Соню) и должна быть отнесена к ранним стадиям работы.

На страницах 120—122 в последний раз намечен план всего романа — «Если в форме дневника». Затем определена «Переделка», «Главная анатомия романа». Поворотный пункт — конспект, названный «Еще план» (см. *ПМ*$_3$).

Здесь впервые появляется новая форма, впоследствии уже не менявшаяся: «Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа, но не оставляя его ни на минуту, даже с словами: „и до того всё это нечаянно сделалось"». Конспект сюжета близок к окончательному. Правда, самый конец рисуется в сентиментально-патетическом духе. Свидригайлова совсем нет. О судьбе детей Мармеладова сказано коротко: «Дети в приют».

В конце сформулировано авторское задание и объясняется перемена формы: «Перерыть все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. ***Рассказ от себя,*** а не от ***него.*** Если же исповедь, то уж слишком ***до последней крайности,*** надо всё уяснять. Чтоб каждое мгновение рассказа всё было ясно⟨...⟩ Исповедью в иных пунктах будет не целомудренно и трудно себе представить, для чего написано. Но от ***автора.*** Нужно слишком много наивности и откровенности. Предположить нужно автора существом ***всеведущим*** и ***не погрешающим,*** выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения» (см. стр. 146, 148—149).

Это и был тот план, который увлек Достоевского в конце ноября 1865 г. и заставил начать роман сызнова.

4

Как видно по письмам Достоевского и по сохранившимся рукописям, вся работа над «Преступлением и наказанием» проходила с огромным волнением, «жаром» и любовью. Особенно увлеченно писалась последняя редакция романа.

В декабре 1865 г. в Москву, где издавался «Русский вестник», уже было послано «никак не менее семи листов, а может быть и восемь» — т. е. вся пер-

вая и начало второй части, начерно кончена не только вся вторая, но и еще две части, «в переделанном виде». [1] Так свидетельствовал сам Достоевский в декабрьском письме к М. Н. Каткову. Тогда же он просил известить его поскорее и определенно, будет ли печататься роман в «Русском вестнике», если будет — начать публикацию с январского номера и «не делать в нем *никаких* поправок. *Я ни в каком случае* не могу на это согласиться».

Кажется странным, что, отправив значительную часть рукописи, Достоевский не был уверен, будет ли она опубликована. Но это было так. Лишь позднее он узнал, что редакция «Русского вестника» согласилась печатать его роман «с радостию, потому что у них из беллетристики на этот год ничего не было: Тургенев не пишет ничего, а с Львом Толстым они поссорились» (письмо А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 г.). Хотя плата, какую запросил автор (125 рублей за лист), представлялась ему минимальной и в самом деле была невысокой, [2] редакторы журнала «страшно осторожничали и политиковали». В том же письме к А. Е. Врангелю Достоевский заметил по этому поводу: «Дело в том, что они страшные скряги. Роман им казался велик. Платить за 25 листов (а может быть и за 30) по 125 р. их пугало». [3]

Обратившись в декабре 1865 г. к издателю журнала, Достоевский откровенно написал, как мешает безденежье («впал теперь в совершенную нищету») его работе: «...я люблю мою теперешнюю работу, я слишком много возложил надежд и положил свою ⟨душу⟩ на теперешний роман мой, которым занят, а между прочим беспрерывно отрываюсь от работы, теряю золотое время и с расстроенным духом (а Вы литератор, Вы сами занимались изящной литературой, Вы поймете это!) — должен садиться за вещь, прежде всего поэтическую, которая требует и спокойствия духа, и определенного настроения».

Он просил 700 рублей, в дополнение к прежним 300. Просьба была, по всей видимости, выполнена; в марте 1866 г. он поехал сам в Москву и получил еще 1000 рублей, а 29 апреля писал И. Л. Янышеву: «За написанное я уже получил до 2000 ⟨...⟩ Мне остается получить еще до 2000, по мере окончания романа».

О своей работе зимой 1865/66 г. Достоевский рассказывал в письме от 18 февраля 1866 г. к А. Е. Врангелю: «... сижу над работой, как каторжник ⟨...⟩ Всю зиму я ни к кому не ходил, никого и ничего не видал, в театре был только раз на первом представлении „Рогнеды“. И так продолжится до окончания романа — если не посадят в долговое отделение».

С декабря 1865 г. и до декабря 1866 г., когда роман был закончен, результаты авторской работы составили наборную рукопись, которая, за исключением 14 листиков, не дошла до нас. Записи этого времени в тетрадях (хронологически последние во второй и вся третья тетрадь) носят исключительно конспективный характер. Но именно они, вместе с немногими сохранившимися рукописями и письмами Достоевского, дают представление об этом последнем, самом продолжительном периоде работы — создании печатной редакции романа.

Последняя, третья, рабочая тетрадь с записями к «Преступлению и наказанию» относится к 1866 г. Она начинается заметкой, продолжающей пере-

---

[1] В романе вначале предполагалось шесть частей. Среди заметок третьей записной тетради, начатой в январе 1866 г., некоторые помечены как относящиеся к четвертой и пятой частям. 18 февраля 1866 г. Достоевский писал А. Е. Врангелю, когда вышел январский номер «Русского вестника» с первыми главами: «Роман большой в 6 *частей*». Однако вторая часть появилась в февральском номере (увидел свет в марте) как продолжение первой. В целом журнальная публикация вышла в трех частях. В отдельном издании 1867 г. роман был снова поделен на шесть частей.

[2] Л. Н. Толстому за напечатанное тогда же в «Русском вестнике» начало «Войны и мира» (под названием «1805 год») платили 300 рублей за лист, хотя и пытались 50 рублей отторговать.

[3] В январе 1866 г. Н. Н. Воскобойников еще выяснял, будет ли печататься роман в «Русском вестнике» (см. его письма к Достоевскому от 19 и 22 января 1866 г. — *ГБЛ*, ф. 93, II.2.55).

чень персонажей и мест на первой странице второй записной тетради (перечень этот совпадает с окончательным текстом). К перечню «лиц и мест романа» добавлено: «Андрей Семенович Лебезятников, дом Бакалеева».

На 5-й странице тетради авторская дата: «2 января 1866 год». Даты встречаются и далее: 14 февраля, 23 февраля, 22 июля, 7 сентября, 13 ноября. Всё это, конечно, 1866 год. [1] Записи третьей тетради — исключительно конспекты, планы, отдельные заметки; фрагментов связного повествования нигде нет, так как в это время роман уже писался, а тетрадь служила для обдумывания и разработки отдельных его эпизодов в ходе работы.

Третья тетрадь — единственная (из относящихся к «Преступлению и наказанию»), где, можно предполагать, последовательность страниц близка к хронологии записей. На одной из последних страниц, например, запись: «Финал романа». О том же говорит последовательность авторских дат. Страницы 95—134 пронумерованы «вперед» рукой Достоевского 1—40.

Картина работы над романом, рисующаяся по третьей тетради, дополняется заметками на отдельных листах и рукописями. Все они относятся ко второй и третьей частям романа. Повествование ведется в третьем лице, почти везде персонажи носят окончательные свои имена. Стало быть, датировать рукописи можно декабрем 1865 — первой половиной 1866 г. [2]

Таким образом, хронологически рукописи параллельны последним записям второй и первым записям третьей тетради. Значительная часть заметок третьей тетради — более поздняя, чем другие сохранившиеся рукописи.

Понятно, что в записях конца второй и всей третьей тетради сюжет уточнялся применительно к последним частям романа, которые предстояло переделать или написать. Впервые были намечены многие сцены и эпизоды, которые без изменений вошли в них. Некоторые рисовались поначалу совершенно иначе, чем они известны по окончательному тексту. Намеченная ситуация вражды между Дуней и Соней (см. стр. 149—150) при дальнейшей работе подробно развивается; потом от нее не останется и следа. Отношения Раскольникова с матерью и сестрой выглядят в черновых набросках внешне более напряженными и конфликтными; весь сюжет — более занимательным и эффектным.

В письме к М. Н. Каткову, рассказывая содержание повести, Достоевский замечал, что герой его — «мещанин по происхождению». В одном из черновых набросков матери принадлежит реплика: «Раскольниковы — хорошая фамилья, хоть твой отец и учитель был, а Раскольниковы — двести лет известны» (стр. 186). В окончательном тексте о социальном происхождении Раскольникова прямо не сказано.

Сюжетно более острой выглядела в первоначальных планах роль Лужина. О нем сказано: «Лужин подводит через Рейслер, что Соню берут в часть. Мармеладова в отчаянии. 5 sous; [3] а Разумихин подводит Лужина, помогает Соне и тем мирится с *ним*». Сцена обвинения Сони в краже денег предполагалась такою: «Соню зазывают к Лужину. Обокрала. Лебезятников лебезит и отрекается». И еще раз: «Петр Петрович просит Лебезятникова позвать Соню, дает 10 р. и тихонько сует в карман *серию*. Лебезятников видит, как будто что-то сунул. Как благородный. Украла серию. Лебезятников отрекается» (стр. 154, 169, 174).

В окончательном тексте все конфликты остались, даже были усилены, но как бы вошли внутрь, в область душевных переживаний.

---

[1] Смутившая в свое время Н. Гливенко дата «13 ноября» относится к 1866, а не к 1865 г. Это разъяснил в своем обзоре В. Комарович (*ЛН*, т. 15, стр. 265, 281).

[2] К числу самых ранних — несомненно, 1865 г. — следует отнести заметки к главе VII второй части и черновой автограф всей главы («XIII глава. Посреди улицы стояла коляска...»). Здесь Мармеладов именуется Аркадий Семеныч, Аркадий Степаныч; в отосланных в декабре для набора главах первой части он назван Семен Захарыч.

[3] Пять грошей (*франц.*). См. стр. 392.

По мере работы увеличилась роль Свидригайлова. Сама фамилия Свидригайлов появилась лишь в записях третьей тетради ($ПМ_3$). Разумихин после женитьбы на Дуне через фабриканта Алонкина (Бабушкина) должен был получить место в 3000 руб. Линия Дуня—Свидригайлов детально и много раз разрабатывается в записях третьей тетради, самоубийство Свидригайлова тоже явилось не сразу (см. стр. 156, 159, 161—163, 201, 202).

В самом раскаянии Раскольникова, в последних переживаниях его, Свидригайлову отводилась все бо́льшая роль. Соня и Свидригайлов — как бы две стороны души Раскольникова. Об этом прямо сказано па последних страницах тетради: «Свидригайлов — отчаяние, самое циническое. Соня — надежда, самая неосуществимая. (Это должен высказать сам Раскольников.) Он страстно привязался к ним обоим» (стр. 204).

В сюжетном развитии действия Свидригайлов и Соня все больше и больше разводились по разным, полярным сторонам. В окончательном тексте Свидригайлов встречается с нею лишь однажды, чтобы передать деньги на следование за Раскольниковым в Сибирь. В предварительных записях все выглядело иначе: Свидригайлов разговаривает с Соней об идеалах, но признается, что следовать им не способен (см. стр. 164).

Несколько раз возвращался Достоевский к эпизоду пожара, где Раскольников должен был натворить «громких дел», спасая детей. В последнем тексте об этом лишь вскользь упомянуто — в эпилоге, когда говорится о смягчении приговора.

В одном из конспектов предполагался арест Раскольникова (см. стр. 173). В романе конфликт опять уйдет внутрь, превратившись в сложный психологический поединок следователя и преступника. Драматичность конфликта усилится оттого, что Раскольников внешне, логически окажется победителем, а нравственно побежденным.

Финал романа записан так: «Раскольников застрелиться идет. *Свидригайлов:* Я в Америку хоть сейчас рад, да как-то никто не хочет» (стр. 204). И тут же подчеркивается мысль: «Неисповедимы пути, которыми находит бог человека» (стр. 203).

Благодаря третьей тетради становится известным, хотя и неполно, в виде пунктирной линии, весь ход работы над последними частями романа. При отсутствии другого рукописного материала к этим частям значение конспективных записей автора трудно преувеличить.

В этой тетради, естественно, нет заметок о форме повествования, каких было так много в тетради второй. Впрочем, отдельные записи для себя и в ней время от времени появляются и чрезвычайно интересны. Например: «N3. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года»; «Исповедь Соне, что „я сам злодей“. — Сделана без особой чувствительности»; «N3. Ловчее» (о первом разговоре Раскольникова с Порфирием Петровичем); «Встреча с Кохом (фантастичнее)» и т. п. (стр. 155, 167, 170, 177).

Помимо сюжетных положений подробно записаны характеристики персонажей, сформулированы главные и частные идеи романа.

Запись 2 января 1866 г. на 5—6-й страницах третьей тетради озаглавлена: «Заметки к роману. Характеристики». Поставлена цифра 1 и дана обстоятельная характеристика Разумихину. В публикации И. Гливенко далее следовал перескок к странице 16-й, где Достоевским помечено: «3-й характер. Петр Петрович Лужин» (его характеристика занимает две с лишним страницы). Потом записей к «Преступлению и наказанию» нет до 58-й страницы, а там конспективно намечена сцена «Свидригайлов и Дуня. Ключ щелкнул» (известная по главе V шестой части «сцена насилия», как называл ее сам автор в других местах).

Где же второй характер? Он помечен на странице 12: «Хозяйка Юлия Прохоровна».

На страницах 8, 11 и 14 Достоевский трижды возвращался к образу Свидригайлова. В последней записи Свидригайлов назван по фамилии. В первой он узнается по эпизодам, которые вошли, несколько измененные, в окончательный текст («много подлостей и темных дел, ребенок (N3 умерщвлен), хотел застрелиться», «измучил бедного, который от него зависел и которого он содержал»,

«вместо застрелиться — жениться»). Вторая начинается теми же словами, что и первая: «Страстные и бурные порывы». Все три записи, конечно, лишь по недоразумению не попали в первую публикацию записных тетрадей. [1]

Они чрезвычайно важны для характеристики того периода, когда стало ясно, что Свидригайлов займет большое место в романе. Отмечая страстность натуры этого «великого грешника» как главную его черту, страстность всех порывов — добрых и злых, благородных и отвратительных, Достоевский колебался в том, как определить жизненную судьбу героя. Самая первая запись кончается так: «Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание. Себя предает. Ссылка. Подвижничество» (см. стр. 156). В романе эту же роль выполнит идейный близнец и в то же время антагонист Свидригайлова — Раскольников. В двух других записях упомянуты «отец, севастополец», старший брат, сестра (здесь явственна связь с прототипом, о котором есть записи во второй тетради ($ПМ_2$) — Аристовым). О самом Свидригайлове сказано: «Получив наследство 35 лет, до тех пор был учителем или чиновником, боялся начальства» (стр. 158). Ничего этого не будет в окончательном тексте.

Что касается «третьего характера» — Лужина, то он рисуется здесь во многом не так, как в романе. Как и раньше, говорится о его «трагедии» человека, выбившегося из семинаристов, из низкого звания и рутины, но все-таки человека не ординарного; о его влюбленности в Соню. Его скупость не имеет мелкого, буржуазно-делячекого характера: в ней нечто от пушкинского скупого барона (см. стр. 159). Вся характеристика Лужина зачеркнута, а в дальнейших записях начата разработка его характера в ином направлении.

В самом начале третьей тетради, на странице 3, сформулирована «идея» романа, вернее две идеи, казавшиеся автору особенно важными в этот момент.

1. «Православное воззрение, в чем есть православие. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием ⟨...⟩ Человек не родится для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием».

2. «*В его образе* выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество. [2] Деспотизм — его черта. *Она* ведет ему напротив» (стр. 154, 155).

На многих страницах тетради намечается полемика с «нигилизмом» и социализмом 1860-х годов: она поручается то Свидригайлову, то Раскольникову. Соне Раскольников должен был сказать: «Я не хочу ждать. Я хочу моих человеческих прав сейчас же. Я не могу проходить, не отдав всех денег. Я не так, как социалисты. Да и не надо мне ничего, я хочу властвовать». Запись помечена: «*Капитальное*», как и другая, связанная уже не с протестом, а с мечтами героя: «Всё замутилось! Где же обетование, что пребудет „Дух во веки", что пребудет до скончания мира Христос и что, стало быть, уже не уклонится в своем развитии с пути человечество? Стало быть, непременно есть где-нибудь!» В другом месте сам Раскольников именует себя социалистом: «Не знаю: хорошо или нет, что я *болтуном* прикинулся? Кажется, хорошо. Нынче все на эти темы болтают. Тем более наш брат, „социалист"» (см. стр. 188, 191, 196).

Так думает герой после именинного вечера у Разумихина. Над этим эпизодом седьмой главы второй части Достоевский особенно много работал. Помимо многочисленных заметок в записных тетрадях сохранилось несколько рукописей этой главы. При этом один из вариантов ($ЧН_2$) существенно отличается от окончательной редакции. По всей видимости, он относится к концу декабря 1865—январю 1866 г., когда писалась и готовилась к печати вторая часть романа, появившаяся в февральском номере «Русского вестника» в виде глав VIII—XIII части первой.

---

[1] Впервые они опубликованы в издании: Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншина. Изд. «Academia», М.-Л., 1935, стр. 391, 449—450. — Комментаторы высказали верное предположение, что это заготовки для «Преступления и наказания».

[2] *Далее было:* чтобы делать ему добро.

Разумихин насильно ведет Раскольникова к себе решить «один вопрос». Компания, собравшаяся у него, — типичное собрание нигилистов 60-х годов. Среди них «старичок седой и тихий, с прекрасными чертами лица и с умной, снисходительной и ясной улыбкой» — бывший декабрист, вернувшийся из ссылки. К сожалению, самый спор изложен лишь конспективно. Но смысл и направление его ясны. Спор идет о преступлении, наказании, социализме и «нигилизме». Вопрос поставлен так: «Есть ли внутреннее наказание? Есть ли жалость?» Раскольников гордо отвечает: «Нет преступлений». Разумихин оспаривает: «Быть не может, врешь». Раскольников продолжает: «Но деятель может». Снова возражение: «К какой деятельности». Следует уверенный ответ: «К какой бы то ни было. Всякая деятельность, даже и злая, полезна». Далее уточняется: «Провозвестник какой-нибудь новой истины. Пророк какого-нибудь нового слова» (см. стр. 208—209).

5

После появления в январской и февральской книжках «Русского вестника» за 1866 г. первых двух частей «Преступления и наказания» (в журнальной редакции это была одна часть) Достоевский писал 29 апреля 1866 г. И. Л. Янышеву: «Остается написать еще до 20 листов ⟨...⟩ Надо заметить, что роман мой удался чрезвычайно и поднял мою репутацию как писателя. Вся моя будущность в том, чтоб кончить его хорошо».

Сдав начало романа в «Русский вестник», Достоевский продолжал лихорадочно работать над продолжением (как это было обычно для него) до конца года — параллельно с печатанием «Преступления и наказания» в «Русском вестнике».

«Преступление и наказание» создавалось Достоевским в условиях постоянной острой материальной нужды. В то время как кредиторы угрожали писателю тюрьмой, редакция «Русского вестника» всячески тянула с одобрением романа, а затем — с выплатой автору очередных частей гонорара, которые сразу переходили в руки тех же кредиторов. Едва ли не во всех своих письмах конца 1865—1866 г. Достоевский вынужден был горько жаловаться на невыносимую обстановку, в которой ему приходилось работать: «Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я *постоянно* пишу, Тургенев умер бы от одной мысли. Но если б вы знали, до какой степени тяжело портить мысль, которая в вас рождалась, приводила вас в энтузиазм, про которую Вы сами знаете, что она хороша, — и быть принужденным портить сознательно!» (письмо к А. В. Корвин-Круковской от 17 июня 1866 г.).

В третьей (мартовской) книжке «Русского вестника» очередных глав романа не появилось. Книжка эта вышла вскоре после выстрела Д. В. Каракозова в Петербурге (4 апреля 1866 г.). В конце ее допечатана страница, посвященная покушению Каракозова на Александра II. На обложке номера под оглавлением помещено от редакции объявление: «Продолжение романа „Преступление и наказание“ отлагается до следующей книжки, так как болезнь не позволила автору пересмотреть рукопись перед набором, как он того желал».

Из этого объявления видно, что ко времени сдачи номера в набор редакция располагала очередными главами романа. Очевидно, это были шесть глав второй (ныне третьей) части, которые появились в следующей, апрельской, книжке журнала. Однако в условиях общественного возбуждения, связанного с выстрелом Каракозова, Катков, по-видимому, счел желательным отложить печатание этих глав, так как опасался, что авторский анализ преступления Раскольникова может вызвать у читателей журнала нежелательные ассоциации с покушением Каракозова. Высказывалось вполне вероятное предположение, что, перенося (возможно, уже набранные ранее) главы «Преступления и наказания» из мартовского номера в апрельский, Катков потребовал от автора внести в них ряд исправлений (см.: *Гус*, стр. 292—294, где сделана гипотетическая попытка определить их объем и характер). Однако

ввиду отсутствия в нашем распоряжении соответствующего рукописного материала (или гранок «Русского вестника») мы не располагаем точными данными для суждения о первоначальном тексте этих глав и отличии его от журнальной редакции.

Из свидетельств современников мы знаем, что покушение Каракозова произвело на Достоевского сильнейшее впечатление. В день покушения он в большом волнении вбежал в квартиру А. Н. Майкова, у которого в это время находился П. И. Вейнберг, чтобы сообщить о выстреле в царя, после чего Достоевский и Майков вышли на улицу и смешались с взволнованной толпой. [1] Ряд упоминаний о Каракозове имеется в позднейших подготовительных материалах к «Бесам» и наброске предисловия к этому роману (см.: наст. изд., тт. XII, XIII). Вторая половина «Преступления и наказания» писалась Достоевским в дни ожидавшегося суда над Каракозовым (28 июня он был предан верховному суду) вместе с другими участниками кружка Н. А. Ишутина, а затем — под свежим впечатлением от его казни (1 сентября 1866 г.). Выстрел Каракозова привел к резкому усилению правительственной реакции. Были закрыты «Современник» и «Русское слово», произведены многочисленные аресты в Петербурге, Москве и других городах. Вся эта обстановка несомненно отразилась на настроениях, владевших Достоевским в период работы над завершением «Преступления и наказания» (см.: *Гус*, стр. 291—295). И покушение Каракозова — «несчастного самоубийцы», по оценке писателя, — которое Достоевский воспринимал как новую закономерную и в то же время трагическую попытку одинокой и неравной борьбы со старым порядком, и новое преступление властей, каким он считал казнь Каракозова, — все это не могло в той или иной мере не повлиять психологически на обрисовку трагических переживаний Раскольникова после убийства ростовщицы, его борьбы со следователем Порфирием Петровичем, а также на философско-этическую проблематику последних частей романа. [2]

Притязания кредиторов помешали Достоевскому уехать весной 1866 г. за границу, в Дрезден с целью «засесть там на 3 месяца и кончить роман, *чтоб никто не мешал*». Так писал он 9 мая 1866 г. А. Е. Врангелю. И, имея в виду своих кредиторов, добавлял: «Мне решительно нельзя жить в Петербурге. Несмотря на всё это, сижу и продолжаю роман изо всех сил. Он, в настоящую минуту, — одна моя надежда. За него еще придется мне дополучить около 1500 р., а может быть и более, а потом продам на второе издание, тоже никак не менее 1500 (уже торгуют)». Отвечая А. В. Корвин-Круковской на ее приглашение приехать к ним летом на дачу, Достоевский рассказывал о своей работе: «Напишите мне на всякий случай — в какое время лета всего было бы удобнее? Впрочем, главный пункт, который может меня задержать, это — моя работа. Ее нужно кончить во что бы то ни стало и как можно скорее. Правда, грустный, гадкий и зловонный Петербург, летом, идет к моему настроению и мог бы даже мне дать несколько ложного вдохновения для романа; но уж слишком тяжело». [3] В июне 1866 г., когда была написана для печати «только что разве половина» «Преступления и наказания», Достоевский оказался вынужденным параллельно начать думать над другим романом, обещанным Ф. Стелловскому при заключении в 1865 г. контракта, о чем говорилось выше. Он писал А. В. Корвин-Круковской 17 июня 1866 г.: «... если не доставлю к 1-му ноября 1866-го года (последний срок), то волен он, Стелловский, в продолжение девяти лет издавать даром, и как вздумается, всё, что я ни напишу, безо всякого мне вознаграждения».

---

[1] П. И. Вейнберг. 4 апреля 1866 г. (из моих воспоминаний). «Былое», 1906, № 4, стр. 299—300.

[2] Анализу образа Раскольникова и оценки романа Д. И. Писаревым на фоне дела Каракозова и восприятия его современниками посвящена статья: А. Володин. Раскольников и Каракозов. «Новый мир», 1969, № 11, стр. 212—231.

[3] Следует согласиться с Л. П. Гроссманом, относящим это письмо не к 1865, а к 1866 г. (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 158).

Писатель пробовал откупиться от Стелловского деньгами, заплатив неустойку: тот не захотел, потому что знал, что Достоевскому «некогда написать роман в 12 листов». В цитированном письме романист изложил свой план: «Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь: написать в 4 месяца 30 печатн⟨ых⟩ листов, в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером, и кончить к сроку». План этот удалось выполнить, правда не в четыре, а в шесть месяцев.

Лето 1866 г. писатель провел под Москвой, на даче в Люблине, где жила тогда его сестра В. М. Иванова. Здесь был составлен план «Игрока» и написана пятая часть «Преступления и наказания». [1] Ко времени приезда Достоевского в Москву (около 13 июня 1866 г.) уже была отпечатана апрельская книжка с первыми шестью главами второй части [2] и отправлены для набора еще три главы, не появившиеся, однако, в майском номере.

В это время у автора возник острый конфликт с «Русским вестником». О нем Достоевский рассказал в письме к А. П. Милюкову, написанном после двух недель жизни на даче в Люблине, т. е. около 10 июля 1866 г.: «Катков на даче, в Петровском парке, Любимов (редактор-исполнитель «Русск⟨ого⟩ вестника») тоже на даче. В редакции только и можно застать (и то не всегда) убитого тоской секретаришку, от которого ничего не узнаешь. Однако я с первых дней-таки достал Любимова. У него уже были в наборе 3 моих главы. [3] Четвертую же я предложил ему написать ускоренно, что и составило бы половину окончания 2-й части романа (4 печатных листа) и к следующему №-ру осталось бы еще 4 главы — т. е. *полное* окончание 2-й части. Но Любимов с первых слов сказал мне: „Я вас ожидал, чтоб сказать вам, что теперь, в июне и в июле, не только можно (и должно) печатать понемножку, но даже один месяц и совсем пропустить, ибо *летние месяцы*, а мы лучше расположимся так, чтоб вся 2-я половина романа пришлась бы *более* к осени и последние строки заключились бы в декабре, ибо эффект будет способствовать подписке“. Вследствие чего и решено было пропустить еще месяц». [4]

Дальше в письме говорится: «Так что 4 главы (4 листа) явятся в №-ре, имеющем выйти в июле, и уже сданы в набор».

Речь здесь идет об июньском номере, где были напечатаны, однако, не четыре, а три главы, сильно пострадавшие от вмешательства редакции.

Достоевский так рассказал про имевший место конфликт с Катковым и Любимовым в том же письме к А. П. Милюкову:

«Но в расчете Любимова (оказалось впоследствии) была еще и другая, весьма коварная для меня мысль, а именно: что одну из этих, сданных мною 4-х глав, — *нельзя напечатать*, что и решено было им, Любимовым, и утверждено Катковым. Я с ними с обоими объяснялся — стоят на своем! Про главу эту я ничего не умею сам сказать; я написал ее в вдохновении настоящем, но, может быть, она и скверная; но дело у них не в литературном достоинстве, а в опасении за *нравственность*. В этом я был прав, — ничего не было против нравственности и даже *чрезмерно напротив*, но они видят другое и, кроме того, видят следы *нигилизма*. Любимов объявил *решительно*, что надо переделать. Я взял, и эта переделка большой главы стоила мне, по крайней мере, 3-х новых глав работы, судя по труду и тоске, но я переправил и сдал. Но вот беда! Не видал Любимова потом и не знаю, удовольствуются ли они переделкою и не переделают ли *сами?* То же было и еще с одной главой (из этих 4), где Любимов объявил мне, что много выпустил (хотя я за это и не очень стою́, потому что выпустили место неважное). Не знаю, что будет далее, но эта, начинающая обнаруживаться с течением романа, противуположность воззрений с редакцией начинает меня очень беспокоить».

---

[1] В «Русском вестнике» появилась в виде глав X—XV второй части (в июльском и августовском номерах).

[2] Они составили всю третью часть в отдельном издании романа.

[3] Главы VII—IX второй части, т. е. главы I—IV четвертой части по окончательному распределению (глава VIII журнального текста была поделена на две: II и III).

[4] В мартовской книжке журнала роман также не печатался.

Из письма Достоевского к Н. А. Любимову от 8 июля 1866 г. можно выяснить, в какой именно главе редакция «Русского вестника» усмотрела «следы нигилизма»: это — глава IX второй части (по журнальному), или глава IV четвертой части по окончательному тексту романа: эпизод чтения Соней Евангелия Раскольникову. Под давлением редакции Достоевский вынужден был ее переработать и пойти на ряд нежелательных для него сокращений.

Возражения Каткова и Любимова были вызваны прежде всего тем, что слова Евангелия Достоевский в этой главе вложил в уста «падшей женщины», сделав ее вдохновенной толковательницей учения Христа и наставницей героя на пути его возрождения. Смущала, очевидно, редакцию журнала также убедительность и сила реплик Раскольникова, который оправдывает свои действия тем, что доктрина, толкнувшая его на преступление, ничем принципиально не отличается от нравственных норм, которыми руководствуются люди из общества, считающие свои — столь же безнравственные — поступки совместимыми с существующим законом и с христианской моралью.

Возвращая Любимову при письме от 8 июля 1866 г. переделанную рукопись, Достоевский писал: «Опоздал одним днем, многоуважаемый Николай Алексеевич, но зато переделал, и, кажется, в этот раз будет *удовлетворительно. Зло* и *доброе* в высшей степени разделено, и смешать их и использовать превратно уже никак нельзя будет. Равномерно, прочие означенные Вами поправки, я сделал все и, кажется, с лихвою. Мало того: я даже благодарю Вас, что дали мне случай пересмотреть еще раз рукопись прежде печати: решительно говорю, что не оставил бы сам без поправок. А теперь до Вас *величайшая* просьба моя: *ради Христа* — оставьте всё остальное так, как есть теперь. Всё то, что Вы говорили, я исполнил, всё разделено, размежевано и ясно. *Чтению Евангелия* придан другой колорит. Одним словом, позвольте мне вполне на Вас надеяться: поберегите бедное произведение мое, добрый Николай Алексеевич!»

Просьба писателя не была исполнена редакцией «Русского вестника». Сохранилось письмо М. Н. Каткова, не датированное, но относящееся к середине июля 1866 г. Посылая автору «для просмотра» корректуру VII—IX глав второй части (ныне — I—IV главы четвертой части), Катков сообщал: «...я позволил себе изменить некоторые из приписанных Вами разъяснительных строк относительно разговора и поведения Сони» (*Гроссман, Биография,* стр. 368). Достоевский отвечал Каткову 19 июля: «Я просмотрел корректуру и два-три слова, *неразобранные в рукописи, восстановил.* Что же касается до переделок и выпусков, сделанных Вами, то некоторые из них, как замечаю теперь, конечно, необходимы, но других выпусков (в конце) мне жалко ⟨...⟩ Впрочем, об одном бы выпуске попросил Вас, на странице 786 (отметил на полях карандашом N3) — нельзя ли восстановить? Тут ясно для читателя, что если он говорит: я счастлив, то уж, конечно, не потому, что любуется своим поведением. Впрочем, если нельзя, то нечего делать». И дальше: «Мне жалко не *всех* в конце выпусков. Некоторые действительно улучшили это место. Я чувствую уже 20 лет мучительно и яснее всех вижу мой литературный порок: *многословность* и никак не могу избавиться». Позднее, уже после смерти Достоевского, публикуя во втором номере «Русского вестника» за 1889 г. приведенное выше письмо писателя к А. П. Милюкову, редакция сделала к нему такое примечание: «Из письма видно, что ему ⟨Достоевскому⟩ не легко было отказаться от задуманной утрированной идеализации Сони, как женщины, доведшей самопожертвованье до жертвы своим телом. Федор Михайлович значительно сократил разговор при чтении Евангелия, который в первоначальной редакции главы был много больше, чем сколько осталось в напечатанном тексте» (*РВ,* 1889, № 2, стр. 361).

Первоначальный текст нынешних I—IV глав четвертой части до нас не дошел, и они известны только в журнальной редакции. Из цитированных писем Достоевского очевидно, что Раскольников в черновом тексте резче и настойчивее защищал свою теорию и что конец IV главы (разговор героя с Соней после чтения Евангелия) был пространнее, чем в известном нам варианте. Упомянутой Достоевским стр. 786 журнального текста соответствует стр. 248 VI тома настоящего издания. В. Я. Кирпотин, основываясь на

словах приведенной заметки о Соне как «женщине, доведшей самопожертвованье до жертвы своим телом», высказал предположение, что в исключенном тексте главы Соня «стала... возлюбленной ... женой» Раскольникова.[1] Однако представляется, что для такого толкования цитированных слов у нас нет оснований.

В письме к Любимову от 8 июля Достоевский обещал дать еще главу для июньского номера «в самом непродолжительном времени», 12 или 13 числа. Однако, по-видимому, с представлением ее он опоздал, и X глава попала в следующий, июльский номер, где были напечатаны главы X—XIII второй части, соответствующие главам V—VI четвертой и I—III нынешней пятой части.

Закончилось печатание второй части в августовском номере еще двумя главами (признание Соне в убийстве и смерть Катерины Ивановны), будущими заключительными главами пятой части. Оставалась последняя часть, но из-за срочной работы над «Игроком» произошел вынужденный перерыв в писании и печатании «Преступления и наказания».

Вернувшись в Петербург, Достоевский, по совету А. П. Милюкова, пригласил для ускорения процесса работы над «Игроком» стенографистку А. Г. Сниткину. Вечером 4 октября началась диктовка нового романа, а 1 ноября 1866 г. рукопись «Игрока» была доставлена Ф. Стелловскому, и Достоевский получил возможность вернуться к «Преступлению и наказанию». На другой день, 2 ноября, он писал Н. А. Любимову: «Теперь принимаюсь за окончание „Преступления и наказания“. Буду работать без устали и к 20 декабря *непременно* намерен кончить и сделать по крайней мере не хуже того, что уже напечатано. Начать присылать роман я, конечно, могу скоро, но не ранее 15-го ноября, по главам, так что и в будущем 10 № „Русского вестника“ может явиться несколько; и за это я могу отвечать. Но не лучше ли будет, многоуважаемый Николай Алексеич, если вся 3-я часть романа будет напечатана в 2-х №, в 11-м и 12-м, то есть, если только возможно, в X-м № не помещать (объявив, впрочем, публике, что в следующих 2-х №, т. е. в настоящем году, непременно будет кончено «Преступление и наказание»)». В том же письме Достоевский сообщил: «Я теперь нанимаю стенографа, и хотя по-прежнему продиктованное по три раза просматриваю и переделываю, тем не менее стенография чуть ли не вдвое сокращает работу. Единственно только этим способом мог я окончить, в *один* месяц, 10 печатных листов Стелловскому; иначе не написал бы и пяти».

3 ноября, посетив А. Г. Сниткину и ее мать в их доме на Песках, писатель предложил ей стенографировать последнюю часть «Преступления и наказания» (*Достоевская А. Г., Воспоминания*, стр. 70—72; *ЛН*, т. 86, стр. 267—269). Адрес А. Г. Сниткиной (ставшей в начале 1867 г. женой Достоевского) записан в третьей записной тетради к роману. В письме к Н. А. Любимову от 8 ноября, вновь повторив свою просьбу о том, чтобы печатать конец романа в двух последних номерах, Достоевский заметил: «Сам же работаю безостановочно. Чтоб себя спасти, я написал, менее чем в месяц, издателю Стелловскому роман в 10 печатных листов (с помощью стенографии). Но работа работе рознь». Как вспоминала А. Г. Достоевская, в ноябре — декабре 1866 г. она три-четыре раза на неделе приходила стенографировать роман; в остальные дни автор готовился к диктовке, делая заметки в записной тетради и переделывая продиктованное. В первом по времени письме к будущей жене от 9 декабря 1866 г. Достоевский писал: «Вчера сидел над переделкой 5-й главы до второго часа ночи».[2]

В тот же день Н. А. Любимову он сообщал: «Простудился, пролежал *два* дня и опять опоздал. Спешу, однако, выслать V-ю главу ⟨...⟩ VI-я глава (небольшая и заключительная для ноябрьской книги) — почти написана, но требует некоторой переписки и переделки ⟨...⟩ Изо всех сил буду стараться вы-

---

[1] *Кирпотин, Разочарование Раскольникова,* стр. 167—168.

[2] Четыре главы третьей (шестой) части были к этому времени уже отправлены в Москву.

слать поскорее VI-ю главу. Она по существу своему именно и заключает этот отдел и почти *необходимая* для первых V глав. Остальные же главы для декабрьской книги (окончание романа) будут высылаться по мере подготовки. Спешу, но ни за что не буду портить (разумея по мере сил моих). Но, к удивлению моему, декабрьских глав выйдет немного, всего четыре (от 3-х до 4-х листов), и тем закончится весь роман. Я полагал и рассчитывал прежде, что выйдет более. Но представляется необходимость повести действие быстрее, чтобы не повредить *заключительному* эффекту растянутостию».

13 декабря VI глава (самоубийство Свидригайлова) была отправлена и появилась, вместе с пятью предыдущими, в ноябрьском номере «Русского вестника» (вышел в последних числах декабря); Достоевский сообщил об этом в письме к А. Г. Сниткиной из Москвы 2 января 1867 г.

Относительно окончания Достоевский писал 13 декабря Н. А. Любимову: «После этой 6-й главы, теперь, как уже ясно обозначилась передо мной дальнейшая работа окончания романа — и я уже приступил к ней, теперь я вижу ясно, что окончание будет *еще короче*, чем я предполагал (так выходит; так лучше и эффектнее будет в литературном отношении). Таким образом, на декабрьскую книгу может выйти — со всем, с заключительною главою (Эпилогом), — *весьма немного*, листов до трех ⟨...⟩ Следующие главы будут высылаться одна за другой непрерывно. К рождеству *твердо надеюсь* окончить и переслать весь роман в рукописи, всё окончание».

Однако до рождества были пересланы лишь заключительные две главы третьей части (главы VII и VIII шестой части). Эпилог же, заключивший не одну, а две главы, Достоевский взял с собою в Москву, куда приехал 28 декабря. Занятый делами и визитами (ввиду предстоящей женитьбы), он писал своей невесте 2 января: «Вообрази, до сих пор еще не *успел* просмотреть двух последних глав». По возвращении в Петербург (около 6—7 января) Достоевский передал их для набора. Две главы последней части и Эпилог в декабрьском номере «Русского вестника» за 1866 г. заключили журнальную публикацию «Преступления и наказания».

6

Об отдельном издании романа Достоевский думал уже, приступая к печатанию его в журнале. «Ведь я мечтаю, знаете об чем, — писал он 18 февраля 1866 г. А. Е. Врангелю, который советовал своему другу поступить на службу, чтоб не жить одним ненадежным литературным заработком, — продать его нынешнего же года книгопродавцу вторым изданием, и я возьму еще тысячи *две* или *три* даже. Ведь этого не даст коронная служба? А продам-то я вторым изданием наверно, потому что ни одно мое сочинение не обходилось без этого». В майском письме к тому же Врангелю он сообщал, что второе издание «уже торгуют». Двухтомное «исправленное» издание «Преступления и наказания» вышло в Петербурге в 1867 г.

Для этого издания Достоевский перечитал весь роман и выправил текст. Три части журнальной редакции были преобразованы в шесть, частично изменено и деление на главы, хотя никаких добавлений (кроме отдельных слов и фраз) автор не внес, а напротив — сделал сокращения, устранив длинноты и сняв некоторые второстепенные детали. Так, в конце V главы второй части зачеркнуты слова Настасьи о том, что мертвенький ребенок убитой Лизаветы был лекарский (т. е. Зосимова). О Лидочке, дочери Мармеладова, говорится в VII главе той же части: «Маленькая Лидочка вскрикнула, бросилась к Поленьке, обхватив ее, и вся затряслась». В журнальном тексте дальше объяснялось: «с ней бывали нервные припадки, похожие на падучую болезнь».

В главе IV третьей части, в разговоре Разумихина и Раскольникова по дороге к Порфирию Петровичу, зачеркнуто психологически неточное в этом эпизоде размышление героя: «И стоила эта пакость таких мук! — подумал он опять про себя». А после второй встречи с Порфирием Петровичем, которая закончилась неожиданным признанием Николая (глава VI четвертой

части), приведшим в смятение обоих, и следователя и убийцу, снята противоречащая этому смятению уверенность Раскольникова в том, что «тут нет положительных фактов» и что «всё еще можно поправить».

Значительно сокращены речи Лужина в главе III пятой части (обвинение Сони в краже и напутственные наставления ей), как, впрочем, и защитительные разъяснения Раскольникова. Очевидно, Достоевский стремился сделать всю эту сцену более лаконичной и компактной.

Существенные поправки внесены в IV главу пятой части (признание Соне в убийстве). В самом начале снято авторское рассуждение о переживаниях человека, приговоренного к смерти. Сама сцена признания стала более сдержанной (см. варианты прижизненных изданий к стр. 315—324). Резко сокращено взволнованное заключительное обращение Сони. Далее, когда Соня отдает Раскольникову Лизаветин крест, сняты столь же исступленные слова ее о Лизавете.

В рассказе Раскольникова о том, как у него «одна мысль выдумалась» — о том, что надо только «осмелиться», вычеркнуто психологически неправдоподобное здесь: «И вдруг я ужасно захохотал... Так захохотал, что целую минуту себя удержать не мог от одной мысли!»

В последней главе пятой части выброшено восторженное, несколько сентиментальное обращение умирающей Катерины Ивановны к Соне: («О... ребенок!») и следующая далее авторская фраза: «Рука Сони была в ее руке. Она так и прильнула к ней губами». Здесь же устранена злая выходка Раскольникова: после того как Соня упала на труп Катерины Ивановны, он шепнул ей на ухо: «Ну что? Кому жить? ей или Лужину?»

Аналогичный характер имеет правка в заключительной главе шестой части, где после размышлений Раскольникова о Соне: «Эта-то, эта-то чего? Я-то что ей? Чего она плачет, чего собирает меня, как мать или Дуня? Нянька будет моя!» — отброшены слова: «Неужели я взаправду тогда угадал, что она полюбила меня, — эта сердобольная идиотка? Хе-хе! И в какое время! О, господи! А впрочем, бывают такие, у которых всё так ни на что не похоже выходит; да и в лицо только стоит ей посмотреть...» Кроме приведенных и некоторых других, более мелких, сокращений (см. «Варианты»), в 1867 г. было сделано довольно много стилистических исправлений.

В 1870 г. «Преступление и наказание» было перепечатано в составе Полного собрания сочинений Достоевского, изданного Стелловским. Роман составил здесь четвертый, заключительный том. Издание это повторило, без изменений (но с опечатками), текст 1867 г.

В 1877 г. вышло последнее при жизни автора отдельное издание романа в двух томах. Вероятно, Достоевский просматривал корректуру, так как в тексте есть несколько десятков авторских исправлений. Набор производился с издания *1867*, причем снова было допущено немалое количество опечаток, пропущенных Достоевским и его женой (которая, как обычно в эти годы, читала корректуру).

В журнальном тексте и всех последующих прижизненных изданиях романа осталось неустраненным противоречие: одна из маленьких дочерей Мармеладовой называется в разных местах то Лидочкой, то Леней. Оба эти ее имени сохранены и в настоящем издании, так как возможно, по мысли автора, это — две разные уменьшительные формы одного и того же имени.

7

В «Бедных людях», «Господине Прохарчине» и других повестях и рассказах 1840-х годов, в «Униженных и оскорбленных» Достоевский нарисовал многочисленные трагические картины жизни обездоленных слоев населения Петербурга, дал ряд образцов насыщенного философской символикой городского пейзажа. Их можно рассматривать как своеобразные эскизы к «Преступлению и наказанию». В рассказе «Господин Прохарчин» (1846) в связи с обрисовкой психологической раздвоенности бедного человека Достоевский впервые — хотя и мимоходом — коснулся и той «наполеоновской» темы («Напо-

леон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет?!» — см. наст. изд., т. I, стр. 257), которая заняла столь значительное место в его романе. Образы петербургских «мечтателей» в повестях Достоевского 1847—1849 гг. (ср. также изображение двора и лестниц в «петербургской поэме» «Двойник», одиноких блужданий по городу Ордынова в повести «Хозяйка») также во многом предвосхищают отдельные грани трактовки Раскольникова и его истории. Углубленный интерес к психологии преступника, отражение собственных переживаний на каторге в «Записках из Мертвого дома», мрачные картины социальных контрастов капиталистического Лондона и вызванные ими философские размышления о грядущих судьбах цивилизации в «Зимних заметках о летних впечатлениях» также подводили автора к «Преступлению и наказанию», как и изображение противоречивой, парадоксальной цепи рассуждений «уединенного» мыслителя в «Записках из подполья» в его столкновении с Лизой, посрамляющей героя-«теоретика» непосредственностью и теплотой своего чистого сердца (см.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 49—52; *Гроссман, Биография*, стр. 331—332; Р. Г. Назиров. Об этической проблематике повести «Записки из подполья». — *Достоевский и его время*, стр. 143—153).

Таким образом, «Преступление и наказание» было итогом всего предшествующего творчества Достоевского. Здесь получили продолжение в условиях новой эпохи и на новом, высшем этапе развития писателя, достигли наибольшей трагической выразительности многочисленные мотивы его более ранних произведений — как 1840-х, так и первой половины 1860-х годов.

С самого начала творческого пути Достоевского его волновала, по собственному признанию, судьба «девяти десятых человечества», нравственно растоптанных и социально обездоленных в условиях современного ему строя жизни. Картины социальных страданий городской бедноты, тема растущего пауперизма, изображение тех сложных и «фантастических», «химических» превращений, которые душа человека претерпевает в обстановке большого города, — все эти мотивы, звучавшие уже в более ранних произведениях Достоевского, приобрели новый, углубленный философский смысл в «Преступлении и наказании».

В предисловии к переводу романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери», напечатанному во «Времени» в 1862 г. (см. наст. издание, т. XIX), Достоевский определил как основную «высоконравственную мысль» всего великого и передового европейского искусства XIX в. идею «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», «оправдание униженных и всеми отринутых парий общества». Этой идеей проникнуто «Преступление и наказание», роман, главных героев которого — «убийцу и блудницу» — автор прямо называет в подготовительных материалах «париями общества», пользуясь формулой из цитированного предисловия (см. наст. изд., т. VI, стр. 252 и стр. 185 наст. тома).

По справедливой характеристике исследователя, «Преступление и наказание» прежде всего — «роман большого города XIX в. Широко развернутый фон капиталистической столицы предопределяет здесь характер конфликтов и драм. Распивочные, трактиры, дома терпимости, трущобные гостиницы, полицейские конторы, мансарды студентов и квартиры ростовщиц, улицы и закоулки, дворы и задворки, Сенная и „канава“ — все это как бы порождает собой преступный замысел Раскольникова и намечает этапы его сложной внутренней борьбы ⟨...⟩

В „Преступлении и наказании“ внутренняя драма своеобразным приемом вынесена на людные улицы и площади Петербурга. Действие все время перебрасывается из узких и низких комнат в шум столичных кварталов. На улице приносит себя в жертву Соня, здесь падает замертво Мармеладов, на мостовой истекает кровью Катерина Ивановна, на проспекте перед каланчой застреливается Свидригайлов, на Сенной площади кается всенародно Раскольников. Многоэтажные дома, узкие переулки, пыльные скверы и горбатые мосты — вся сложная конструкция большого города середины столетия вырастает тяжеловесной и неумолимой громадой над мечтателем о безгранич-

ных правах и возможностях одинокого интеллекта ⟨...⟩ С щедростью и всеобъемлющим размахом „Человеческой комедии“ Достоевский в границах одного романа развернул исключительное богатство социальных характеров и показал сверху донизу целое общество в его чиновниках, помещиках, студентах, ростовщиках, стряпчих, следователях, врачах, мещанах, ремесленниках, священниках, кабатчиках, сводницах, полицейских и каторжниках. Это — целый мир сословных и профессиональных типов, закономерно включенный в историю одного идеологического убийства» (*Гроссман, Город и люди*, стр. 43, 49—50; см. также: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова*). [1]

Как свидетельствуют письма и публицистика писателя, в 1860—1870-х годах он рассматривает свои романы в качестве своеобразного, углубленного художественного отклика на «текущие» темы современной общественной жизни. Это относится и к «Преступлению и наказанию». Рост социального неравенства, распад семьи, пьянство, увеличение преступности, проституция и многие другие явления пореформенной действительности, художественно отраженные в «Преступлении и наказании», широко обсуждались в середине 1860-х годов, когда Достоевский работал над романом, на страницах русских газет и журналов. К анализу этих явлений не раз обращались в 1861—1865 гг. издававшиеся Достоевским (совместно с его старшим братом) журналы «Время» и «Эпоха» (см.: *Нечаева, «Время»*, стр. 93—125). Освещение некоторых сторон жизни Петербурга в журналах Достоевского созвучно их художественной трактовке на страницах романа.

Изображенный в нем район Петербурга (примыкающий к торговому центру города в 1860-е годы — Сенной площади), где живут Раскольников и другие главные герои романа, был хорошо знаком Достоевскому по личным наблюдениям. В этой части Петербурга писатель жил дважды, в 1840-х и в 1860-х годах. Как установлено Н. П. Анциферовым, Л. П. Гроссманом и последующими исследователями, район этот, прилегающие к нему улицы и переулки описаны Достоевским на страницах романа с исключительной, «физиологической» точностью. В тексте «Преступления и наказания» большинство называемых автором улиц обозначено сокращенно: «С-й (Столярный) переулок», «В-й (Вознесенский) проспект», «К-й (Конногвардейский) бульвар» и т. д., — но, взяв план тогдашнего Петербурга, сокращения эти легко расшифровать, и сравнение убеждает, что расположение и облик соответствующих домов и улиц, описанных в романе, вплоть до мельчайших деталей соответствуют их реальному местоположению и внешнему облику. До настоящего времени в Ленинграде сохранились так называемые «дом Раскольникова» (на углу Гражданской (б. Мещанской) улицы и улицы Пржевальского (б. Столярного переулка)), «дом Сони Мармеладовой» (угловой по каналу Грибоедова и Казначейской улице), «дом Алены Ивановны» и многие другие места, здания, их дворы и лестницы, изображенные Достоевским как бы непосредственно с натуры, о чем он сам рассказывал позднее своей жене А. Г. Достоевской. [2]

С той же предельной точностью, с какой воссоздана в романе топография Петербурга, в нем воспроизведена вся реальная атмосфера жизни города того времени. Так, из газет начала 1860-х годов мы узнаем, что в связи с ростом нищеты трудового населения в это время в Петербурге особенно усилилось ростовщичество, ставшее широким бытовым явлением. Только в одном номере (141) «Ведомостей С.-Петербургской полиции» за 1865 г. помещено одиннадцать объявлений об отдаче денег на проценты под различные залоги. «Все эти объяв-

---

[1] О структуре романа см.: Р. Н. Поддубная. Художественная структура «Преступления и наказания» и тип романа Ф. М. Достоевского. Автореферат диссертации. Харьков, 1971.

[2] См. об этом: *Гроссман, Семинарий*, стр. 56—58; *Анциферов*, стр. 63—104; *Гроссман, Город и люди*, стр. 5—52; Д. Гранин. Примечания к путеводителю. Изд. «Советский писатель», Л., 1967, стр. 263—272 (а также «Литературная газета», 1969, 1 января, № 1); Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Лениздат, Л., 1972, стр. 165—192; А. Бурмистров. Тринадцать ступеней вверх. «Вечерний Ленинград», 1972, 6 августа, № 182.

ления ⟨...⟩ — писала другая газета того времени, — показывают, с одной стороны, крайнюю потребность в деньгах в бедном классе, а с другой — накопление ⟨...⟩ сбережений людьми, не умеющими обратить эти деньги на какое-нибудь производительное предприятие ⟨...⟩ При чтении всех этих предложений денег представляется, с одной стороны, скаредность и алчность, а с другой — раздирающая душу нищета и болезнь» («Голос», 1865, 7 (19) февраля, № 38).

Рост в конце 1850-х—начале 1860-х годов нищеты городских низов, неуверенность их в завтрашнем дне вели к систематическому увеличению преступности, на что также постоянно жаловались петербургские газеты. О том, что в основу рассказа о преступлении Раскольникова легли художественно претворенные им на страницах романа факты, извлеченные из уголовной хроники, Достоевский сам писал в цитированном выше письме к Каткову.

По свидетельству тогдашней статистики, число дел о различных преступлениях в петербургской полиции уже в период с 1853 по 1857 г. удвоилось. В среднем в Петербурге в это время совершалось краж и мошенничеств на 140 тыс. рублей в год. Число арестантов достигло 40 000 человек ежегодно, что составляло одну восьмую часть населения тогдашней столицы (см.: Е. Карнович. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860, стр. 51—59, 67—69, 114—122).

В августе 1865 г. в Москве происходил военно-полевой суд над приказчиком, купеческим сыном Герасимом Чистовым, 27 лет, раскольником по вероисповеданию. Преступник обвинялся в предумышленном убийстве в Москве в январе 1865 г. двух старух — кухарки и прачки — с целью ограбления их хозяйки. Преступление было совершено между 7 и 9 часами вечера. Убитые были найдены сыном хозяйки квартиры, мещанки Дубровиной, в разных комнатах, в лужах крови. В квартире были разбросаны вещи, вынутые из окованного железом сундука, откуда были похищены деньги, серебряные и золотые вещи. Как сообщала петербургская газета, старухи были убиты порознь, в разных комнатах и без сопротивления с их стороны одним и тем же орудием — посредством нанесения многих ран, по-видимому, топором. «Чистова изобличает в убийстве двух старух орудие, которым это преступление совершено, пропавший топор ⟨...⟩ чрезвычайно острый, насаженный на короткую ручку» («Голос», 1865, 7—13 (19—25) сентября, №№ 247—253). На то, что Достоевский, вероятно, читал стенографический отчет по делу Чистова и что материалы этого процесса могли дать толчок его художественному воображению на первой ступени разработки сюжета «Преступления и наказания», впервые указал Л. П. Гроссман. Газетные материалы процесса Чистова изучены Г. Ф. Коган (*ЛП*, стр. 779).

Неизбежным спутником социально-экономических сдвигов, наряду с ростом преступности и алкоголизма, в России 1860-х гг. был рост проституции. В 1862 г. в журнале «Время» появились статьи о книге Э. А. Штейнгеля «Наша общественная нравственность» (1862) — М. Родевича и П. Сокальского (№ 8, стр. 60—80 и № 10, стр. 164—180), специально посвященные вопросу о причинах «падения» женщины и условиях, способствующих развитию проституции как социального явления. С данным в романе описанием Сенной, примыкающих к ней улиц, заселенных чиновниками и беднотой, жаркого и пыльного петербургского лета 1865 г. непосредственно перекликается содержание многих фельетонов в тогдашних газетах. «Сенная, — писал за год до появления «Преступления и наказания» фельетонист «Петербургского листка», — удобопроходима только для потерявших обоняние ⟨...⟩ бараки с преющими рогожами, с гниющей парусиной, с грязными проходцами между балаганов, заваленных разными испортившимися продуктами ⟨...⟩ Жалок бывает иногда при дурной погоде петербургский дачник, но во сколько раз несчастнее его петербуржец, поставленный в необходимость провести лето в городе, где со всех сторон его охватывает пыль, духота, зловоние» (1865, 3 января, № 1). «Жара невыносимая, — писал корреспондент другой газеты, — (сорок градусов на солнце), духота, зловоние из Фонтанки, каналов ⟨...⟩ оглушительная трескотня экипажей, пыль не столбом, а целым облаком над всем Петербургом от неполиваемой мостовой; известковая пыль

от чистки штукатурами наружных стен домов днем, от разгрузки и развозки извести с каналов и Фонтанки ночью; серая, от толстого слоя пыли, зелень скверов и садов и т. д. — вот что представляет из себя Северная Пальмира уже более двух недель» («Голос», 1865, 18(30) июля, № 196).

Место жительства Раскольникова в романе — район Столярного переулка (здесь, на углу Малой Мещанской ул., в доме Н. М. Алонкина жил в 1864—1867 гг. и сам писатель) — славилось обилием питейных заведений. «В Столярном переулке находится 16 домов (по 8 с каждой стороны улицы). В этих 16 домах помещается 18 питейных заведений, так что желающие насладиться подкрепляющей и увеселяющей влагой, придя в Столярный переулок, не имеют даже никакой необходимости смотреть на вывески: входи себе в любой дом, даже на любое крыльцо, — везде найдешь вино» (*ПЛ*, 1865, 18 марта, № 40). Рядом, на Вознесенском проспекте, помещалось 6 трактиров (один из них посещает в романе Свидригайлов), 19 кабаков, 11 пивных, 10 винных погребов и 5 гостиниц (см.: Статистические сведения — *ПЛ*, 1865, 20 марта, № 42).

Как показано выше, «Преступление и наказание» впитало в себя более ранний замысел романа «Пьяненькие». В окончательном тексте романа не случайно поэтому столь значительное место заняли фигура Мармеладова, многочисленные уличные сцены, где фигурируют пьяные мещане, мастеровые, проститутки. Как свидетельствуют тогдашние газеты, эти сцены выросли из непосредственных живых наблюдений над жизнью тогдашнего Петербурга. «Пьянство, — писала в 1865 г. газета «Голос», — в последнее время приняло такие ужасающие размеры, что невольно заставило призадуматься над этим общественным несчастием...» («Голос», 1865, 11 (23) апреля, № 99).

Точно соответствуют фактам, зафиксированным в газетных сообщениях, и другие, более второстепенные детали романа. Так, ввиду отсутствия в тогдашнем Петербурге водопровода, газеты жаловались неоднократно на «желтую воду» из каналов и рек, которую развозили водовозы (ср. ч. II, гл. 1), на «оборванных извозчиков», «вонь из распивочных», квартирных хозяек-немок и т. д. Мысль Раскольникова о необходимости в городе устроить фонтаны, которые бы «освежали воздух на всех площадях» (ч. I, гл. 6), перекликается с аналогичным проектом, изложенным в «Петербургском листке» (1865, 18 июля, № 106, Петербургское обозрение), а иронические слова поручика-пороха о «сочинителе», который, не уплатив в трактире за обед, был задержан и обещал отомстить своим обидчикам «сатирой» (ч. II, гл. 1), варьируют аналогичные сплетни, которые повторяли реакционно настроенные обыватели (см.: *СПб Вед,* 1865, 11 (23) июля, № 175). Детальное сопоставление между картиной Петербурга в романе и отражением событий жизни города в текущей газетной хронике 1865—1866 гг. проведено В. В. Даниловым в его статье «К вопросу о композиционных приемах в „Преступлении и наказании“ Достоевского» («Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1933, № 3, стр. 249—263).

Ряд характеров и деталей романа восходят к определенным бытовым прототипам или к сходным деталям биографии автора «Преступления и наказания», раскрываемым далее в комментариях. После смерти своего старшего брата и прекращения в начале 1865 г. журнала «Эпоха» писатель оказался без литературной работы и без средств.

«В течение целого года, — пишет биограф писателя, — Достоевский не перестает лихорадочно искать денег и барахтаться под обломками материальной катастрофы, подписывая векселя, удовлетворяя кредиторов, отбиваясь от нотариальных протестов, спасаясь от описи своего имущества и ежеминутно ощущая угрозу долговой тюрьмы. Действуя во всех направлениях, он закладывает свои сочинения, ищет денежного компаньона для журнала, обращается в Литературный фонд за крупным пособием, заключает кабальный договор с издателем Стелловским ⟨...⟩ Достоевский вынужден беспрерывно общаться с петербургскими процентщиками, квартальными надзирателями, ходатаями и дельцами всевозможных видов и рангов» (*Гроссман, Город и люди,* стр. 5). Многие из этих лиц были выхвачены им из жизни и перенесены на страницы романа, о чем с особенной наглядностью свидетельствуют подгото-

вительные материалы к «Преступлению и наказанию», где ряд будущих персонажей романа носит имена кредиторов Достоевского или других лиц, известных нам из его собственной биографии (см. ниже комментарии к стр. 93 и др.).[1]

Все эти реальные прототипы персонажей романа в процессе творческой работы подверглись более или менее значительному художественному переосмыслению. Неудивительно поэтому, что позднейшие исследователи указывают часто для одного и того же персонажа несколько различных прототипов (так, среди прототипов Лужина наряду со стряпчим П. П. Лыжиным назывался не без основания зять писателя П. А. Карепин; в Катерине Ивановне, насколько можно судить, сложным образом совмещены отдельные черты М. Д. Достоевской — первой жены писателя — и подруги П. Н. Горского, Марфы Браун, и т. д.). Поэтому вряд ли допустимо в персонажах романа искать непосредственного, бытового сходства с их прототипами. Творческая фантазия писателя скорее лишь отталкивалась от прототипов, сочетая «поэзию» с «правдой», подвергая жизненные впечатления подчас очень сложной философско-художественной интерпретации, в результате чего перенесенные на страницы романа жизненные реалии и детали приобретали более глубокое звучание, а иногда и символический смысл.

Так же сложен образ главного героя романа; при создании его использованы отдельные автобиографические мотивы (см. об этом: *Шкловский*, стр. 210—216; ср. также эпилог романа с «Записками из Мертвого дома»), но в целом Раскольников задуман как образ представителя молодого поколения 1860-х годов с характерным для этой эпохи душевным складом и умонастроением; сочувствуя Раскольникову в его страданиях и возмущении окружающей неправдой (и здесь, несомненно, вкладывая в него частицу самого себя), автор делает его выразителем круга идей, которые он отвергает и с которыми ведет в романе острую и напряженную борьбу.

Как впервые отметил Л. П. Гроссман, заглавие романа Достоевского возвращает нас не только к названию знаменитого трактата Ч. Беккариа «Dei delitti e delle pene» (1764), но и к журналу «Время», где в 1863 г. (№ 3, стр. 17—53) среди других материалов, посвященных уголовной хронике, появилась статья В. Попова «Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права)» (ср.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 21). Здесь же Достоевский периодически печатал материалы ряда получивших общеевропейскую известность французских судебных процессов 1830—1850-х годов, представлявших интерес для психолога, в том числе процесса Пьера Франсуа Ласенера (*Вр*, 1861, № 2, стр. 1—56). В примечании к публикации отчета об этом процессе Достоевский писал, что процессы, подобные делу Ласенера, «занимательнее всевозможных романов, потому что освещают такие темные стороны человеческой души, которых искусство не любит касаться, а если и касается, то мимоходом, в виде эпизода...» (см. наст. изд., т. XVIII). Эти слова свидетельствуют, что не внешний, авантюрный, но более глубокий, нравственно-психологический аспект темы преступления, те возможности, которые психологический анализ «души» преступника открывал для изучения «темных сторон» современного ему общества, в первую очередь привлекал внимание Достоевского — в отличие от авторов современных ему обычных авантюрно-уголовных «романов-фельетонов» — к этой теме.

Причиной интереса, которое вызвало во Франции 1830-х годов дело Ласе-

---

[1] О П. Н. Горском (Мармеладов), П. Аристове (Свидригайлов), П. П. Лыжине (Лужин), И. П. Бочарове (Чебаров), С. М. Пушкине (Душкин) и о других многочисленных прототипах различных героев романа, как засвидетельствованных авторскими черновиками или свидетельствами А. Г. Достоевской, так и предполагаемых, кроме комментариев в настоящем томе, см.: Примечания А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 56—58; *Гроссман, Город и люди*, стр. 7, 32—41; *Д, Письма*, т. I, стр. 563; т. II, стр. 509 и др. (см. по указателю); В. Л. Комарович. Литературное наследство Достоевского за годы революции. *ЛН*, 1934, № 15, стр. 258—281; В. Нечаева. Из литературы о Достоевском. «Новый мир», 1926, № 3, стр. 138—144; *Достоевский и его время*, стр. 255—267.

пера, было то, что свои преступления Ласенер пытался оправдать мнимыми «идейными» соображениями. В стихах и мемуарах, написанных в заключении, желая привлечь к себе интерес и сочувствие либеральных и демократических кругов, Ласенер заявлял, что он — не обычный преступник, а борец с общественной несправедливостью, «жертва общества», решившаяся смело, очертя голову, «идти противу всех», чтобы отомстить за всеобщую несправедливость. Эта тенденция показаний Ласенера и его мемуаров и привлекла к нему внимание писателя. «В предлагаемом процессе, — писал Достоевский в цитированном примечании к публикации во «Времени» процесса Ласенера, — дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкие источники и малодушие перед нуждой сделали его преступником, а он осмеливается выставлять себя жертвой своего века...»

После осуждения Ласенер в мемуарах пытался представить себя «интеллигентным» убийцей, вставшим на путь преступления под влиянием «идеи» индивидуального мщения обществу, — идеи, будто бы подсказанной ему, по его словам, революционными и утопическими социалистическими идеалами той эпохи. Таковы были причины, вызвавшие интерес к личности Ласенера со стороны будущего создателя образа Раскольникова, объединившего в себе напряженный интеллектуализм, страдальческие, мучительные размышления над социальными противоречиями эпохи с индивидуалистическими порывами, толкнувшими его на убийство Алены Ивановны и ее сестры.[1]

Начиная с «Преступления и наказания», Достоевский в своих романах связывает анализ современной ему общественной жизни с анализом проблемы преступления, которую он освещает с широкой философской и морально-психологической точки зрения. Истоки напряженного интереса писателя к проблеме преступления лежат в его личных наблюдениях периода пребывания на каторге, где жизнь столкнула его не только с политическими, но и с уголовными преступниками. Впоследствии Достоевский вновь и вновь как художник и мыслитель обращается к проблематике преступления, которая связывалась в его сознании с широким кругом социальных, нравственных вопросов русской жизни его эпохи. Внимание Достоевского к ней особенно обострилось в 60-е годы, так как неизбежным следствием ломки крепостнического уклада и развития капитализма в России было увеличение числа преступлений и усложнение их психологических мотивов.

В семье самого Достоевского в 1864—1865 гг., когда он задумывал роман, остро вставали вопросы, близкие к проблемам, занимавшим Раскольникова. После смерти М. М. Достоевского его дети — богато одаренные юноши и девушки — остались без куска хлеба. А между тем тетка М. М. и Ф. М. Достоевских (сестра их матери) — выжившая из ума старуха А. Ф. Куманина, обладательница огромного капитала, отказывает в помощи племянникам, завещая свои деньги на украшение церквей и поминовение души. В 1865 г. другой родственник и наследник той же А. Ф. Куманиной, московский профессор А. Т. Неофитов был осужден за подделку билетов пятипроцентного займа (об этом ниже, стр. 375—376). Эти события, затрагивавшие писателя лично и характерные для быта окружавшей его среды, способствовали рождению у Достоевского и постановке тех острых, тревожных вопросов, которые составляют идеологическую сердцевину романа.

Если картины Петербурга, нарисованные в романе, насыщены неповторимыми, конкретными чертами «текущей» действительности, то тревожные

---

[1] См. о различных аспектах философско-этической проблематики «Преступления и наказания» специально: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова*; Ю. Ф. Карякин: 1) Правда посюстороннего мира. «Вопросы философии», 1967, № 9, стр. 147—158; 2) О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание». В кн.: *Достоевский и его время,* стр. 166—195; 3) Перечитывая Достоевского... «Новый мир», 1971, № 11, стр. 239—260; Б. Г. Реизов. «Преступление и наказание» и проблемы европейской действительности. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1971, т. XXX, № 5, стр. 388—399; ср.: Y. Karyakin. Re-reading Dostoyevsky. Novosti Press, Moscow, 1971.

и лихорадочные мысли его главного героя впитали в себя, по уже известному нам собственному замечанию автора, «идеи, носящиеся в воздухе». Как установили исследователи, в размышлениях Раскольникова и других героев «Преступления и наказания» мы постоянно встречаемся с отзвуками идей, обсуждавшихся в тогдашней печати и вызывавших в эпоху создания романа острую идеологическую борьбу.

Особо важное место в идеологической проблематике романа занимает полемика Достоевского с демократической и утопическо-социалистической мыслью 1860-х годов.

«Социализм 〈...〉 указывает на аномалию настоящего общественного порядка, а следовательно, и всех общественных учреждений. Он утверждает и доказывает, что настоящая цивилизация бессильна, ведет к противоречиям, что она порождает угнетение, нищету и преступление; он обвиняет политическую экономию как ложную гипотезу, как софистику, изобретенную в пользу эксплуатации большинства меньшинством; он начертывает страшную картину человеческих бедствий...» — писал в 1862 г. журнал «Время» (В. Фукс. По поводу некоторых экономических вопросов. *Вр*, № 9, стр. 133). Эти слова весьма точно соответствуют художественному диагнозу писателя, отраженному в романе. Но, сходясь во многом с русскими и западноевропейскими социалистами своей эпохи в оценке «бедствий» современного ему общества, Достоевский расходился с ними в понимании причин этих «бедствий», а потому — и в понимании путей исцеления общества от них.

Уже в «Записках из подполья» Достоевский выразил мысль, что тип человеческой личности, порожденный пореформенной действительностью, значительно сложнее, чем это представлялось «лекарям-социалистам» 1840-х годов. Отсюда утверждение героя «Записок», что социалистические теории 40—60-х годов слишком отвлеченны и прямолинейны, не учитывают всей противоречивости реальной человеческой природы, ее внутренней диалектики. Сходная мысль во многом определила и выбор центрального героя «Преступления и наказания».

В начале 1865 г., за полгода до начала работы Достоевского над «Преступлением и наказанием», Н. Н. Страхов писал в журнале «Эпоха» о давнем интересе русской литературы к «новым людям»: «Первый начал дело чуткий Тургенев, который в своем Базарове задумал изобразить нового человека. Затем г-н Писемский написал „Взбаламученное море“, в котором по необходимому ходу дела являются и фигуры новых людей 〈...〉 В „Русском вестнике“ явился роман „Марево“, в „Современнике“ — „Что делать?“ 〈...〉 Всё это вертится около одной главной точки, — именно — образа нового человека, и если дело пойдет тем же порядком дальше, то нас ждет впереди, очевидно, еще немало романов того же рода» (*Э*, 1865, № 1, Заметки летописца, Новые люди, стр. 5).

В «Преступлении и наказании» Достоевский по-своему вмешался в общественную и художественную полемику начала 1860-х годов о «новых людях», создав на страницах романа, с одной стороны, трагическую фигуру мыслящего «нигилиста» Раскольникова, а с другой — сатирические образы носителей «уличной философии» — Лужина и Лебезятникова.

Раскольников в изображении Достоевского социально и психологически сродни тем героям, которых рисовала демократическая литература 1860-х годов. Это — умный и талантливый полунищий студент, напряженно размышляющий над вопросами современной ему социальной жизни и всем своим существом восстающий против ее несправедливости. Но демократическая литература той эпохи, пафос которой определялся в первую очередь борьбой с крепостным правом и его пережитками, ставила в центр своего внимания тех представителей молодого поколения, которые были всецело воодушевлены борьбой со старыми порядками. Достоевский же делает объектом своего наблюдения иной, более сложный и противоречивый тип личности, зарождавшийся в ту эпоху. В его герое горячая отзывчивость и сострадание окружающим беднякам, глубокое чувство совести сложным образом совмещаются с презрением к ним и стремлением стать выше других людей, мечта об искоренении социального зла — с злобными и мстительными

индивидуалистическими порывами. Именно к этому новому для жизни и литературы, психологически противоречивому типу личности Достоевский стремился в романе приковать внимание своих современников, считая его, как он указывал в письме к Каткову еще до создания романа, сгустком важных и характерных тенденций общественной жизни и психологии, беспокоивших писателя.

Картина пореформенной ломки русского общества, наблюдения над жизнью интеллигенции и мещанско-разночинских слоев городского населения раскрыли перед Достоевским опасность, скрытую в положении этих слоев, которые могли оказаться и нередко действительно оказывались в его время жертвой соблазнов капиталистического развития, легко впитывали в свою душу яд буржуазного индивидуализма и анархизма. Кризис традиционной морали, сознание относительности старых общественных и нравственных норм рождало у части тогдашней молодежи, наряду с чувством протеста, анархические настроения, подобные настроениям Раскольникова.

Свои наблюдения над русской общественной жизнью Достоевский поверял и углублял, размышляя над историческими судьбами западноевропейской культуры, критически анализируя идеи Карлейля, Штирнера и других представителей индивидуалистической философии и морали той эпохи. «Преступление и наказание» было написано в последние годы режима Второй империи во Франции, когда в Пруссии Бисмарк проводил свою политику «железа и крови». Как и Толстому (писавшему в те годы «Войну и мир»), исторический опыт общественной борьбы в эпоху Наполеона III позволил Достоевскому связать критический анализ буржуазного индивидуализма с развенчанием фигуры Наполеона как исторического прообраза современных ему индивидуалистов и проповедников идей «сильной личности».[1] Характерно, что «Преступление и наказание» и главы «1805 года» (т. е. будущего романа «Война и мир») печатались в 1866 г. на страницах «Русского вестника» одновременно.

В результате проблемы бунта и преступления в романе слились в единый комплекс вопросов. Решение одних оказалось для автора тесно связанным с другими. Это сообщило образу главного героя «Преступления и наказания» ту внутреннюю глубину, сложность и противоречивость, которая вызвала споры и борьбу вокруг романа, завязавшиеся в критике 1860-х годов и не утихающие до наших дней.

Делая в лице Раскольникова, Свидригайлова и других героев романа предметом художественного анализа новый, сложный тип личности и сознания человека, в душе которого совершается сложная диалектика добра и зла, а глубокая отзывчивость к страданиям окружающих совмещается с индивидуалистическим ощущением себя «властелином судьбы», противостоящим «твари дрожащей», Достоевский склоняется к мысли, что единственным спасением для личности такого типа является нравственное перерождение в чувстве общности с другими людьми, в труде и страдании. Индивидуалистическая «идея» Раскольникова и совершенное под ее влиянием преступление ведут героя романа к «разомкнутости и разъединенности с человечеством», отрывают преступника-индивидуалиста от народа, делают Раскольникова — несмотря на все его возмущение миром угнетения и эксплуатации —невольным соучастником Лужина, Свидригайлова, ростовщицы Алены Ивановны и всех тех ненавистных ему «подлецов», которые презирают и унижают простых людей. И наоборот, совесть, мучающую Раскольникова после преступления, Достоевский изображает как то присущее ему потенциально народное начало, которое не дает ему спокойно пожать плоды преступления, так как напоминает ему о единстве с другими страдающими и угнетенными, делает восприимчивым к разуму людей из народа и к их нравственным требованиям, близким, в понимании писателя, евангельскому идеалу любви и милосердия. Осуждая индивидуализм и своеволие Раскольникова, Соня призывает его отказаться от морали «сверхчеловека», чтобы стойкостью и

---

[1] См. об этом: A. Seghers. Über Kunstwerk und Wirklichkeit, II, Akademie-Verlag, Berlin, 1971, Ss. 145—217.

страданием искупить свою вину перед страдающим и угнетенным человечеством — в этом смысл символической сцены чтения ею Раскольникову легенды о воскресении Лазаря и следующих за нею финальных глав романа.

Достоевский дал в романе такой глубокий критический анализ сознания личности «свободного», буржуазно-индивидуалистического типа, который был новым словом для русской и мировой литературы его эпохи. И вместе с тем ощущение писателем трагических по своему смыслу последствий деформации личности в мире буржуазных, собственнических отношений привело его к противопоставлению идеалам политической борьбы за изменение существующего строя, которую вели русские революционеры 1860-х годов, идеала морального перерождения отдельной личности, ее освобождения от индивидуалистических страстей и порывов путем приобщения к нравственно-религиозному мировоззрению народа, как его понимал сам Достоевский в 1860-х годах. Этим обусловлены многочисленные полемические выпады в романе против идей демократических кругов, революционной литературы и публицистики 1860-х годов.[1] В уста Раскольникова и Разумихина автор вкладывает ряд иронических размышлений и реплик, вплотную примыкающих к рассуждениям героя «Записок из подполья»: в них подчеркивается отвлеченность и упрощенность решений, предлагавшихся социалистами в 1840-х и 1860-х годах, решений, не учитывающих, по мысли автора, всей сложности человеческой природы и обусловленной ею сложности ответов на реальные социальные вопросы. В эпизоде разговора Лужина с Раскольниковым (ч. II, гл. 5) Достоевский стремится полемически указать на точки соприкосновения между этикой «разумного» эгоизма Чернышевского и буржуазным утилитаризмом И. Бентама и Д. С. Милля.[2] Вкладывая в уста простодушного и глуповатого Лебезятникова ряд мыслей о женском вопросе и принципах супружеской жизни, извлеченных из «Что делать?» Чернышевского и принявших в изложении Лебезятникова грубо опошленную форму, Достоевский подвергает эти мысли ядовитой насмешке. Наконец, самый крах «идеи» Раскольникова Достоевский освещает как крах, хотя и особой, доведенной до своего крайнего логического завершения и в этом смысле отличной от идей социалистов, системы «книжной», отвлеченной мысли, но системы, самая «отвлеченность», «книжный» и «кабинетный» характер которой роднят ее, по оценке писателя, с революционной мыслью эпохи, делают своеобразным, более парадоксальным ее вариантом.

Полемика с революционной и социалистической мыслью 1860-х годов, ведущаяся автором по нескольким указанным направлениям, сложным образом переплетается в романе с острой критикой ряда течений тогдашней буржуазной науки — политической, философской, естественной, юридической, исторической и т. д., особенности которых Достоевский рассматривает как выражение единого, целостного, несмотря на разнообразные формы своего проявления, комплекса «идей времени».

Незадолго до появления «Преступления и наказания», в марте 1865 г., вышла «Жизнь Юлия Цезаря» Наполеона III — сочинение апологетического характера, в предисловии к которому французский император, опираясь на вульгаризированные им воззрения Т. Карлейля и других мыслителей-романтиков, защищал политические идеи бонапартизма, выдвигая тезис о праве «сильной личности» нарушать любые, обязательные для других, более обыкновенных людей нравственные нормы. Это сочинение Луи-Наполеона, тогда же ставшее известным русскому читателю, и вспыхнувшая в связи с ним в русской печати полемика могут рассматриваться, по спра-

---

[1] О различных сторонах полемики Достоевского с Чернышевским и революционно-демократической мыслью в «Преступлении и наказании» см.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 13—17, 19—21; Л. Погожева. Образы в романе «Преступление и наказание». «Литературная учеба», 1940, № 8—9, стр. 87; *Гус*, стр. 292—296; Н. М. Чирков. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. Изд. «Наука», М., 1967, стр. 110—112.

[2] На это впервые указал К. Львов. См.: К. Львов. Проблема личности у Достоевского («Преступление и наказание»). М., 1918, стр. 45—48.

ведливому указанию ряда исследователей, как один из идейных источников «теорий» Раскольникова. При этом (как отмечалось в литературе), несмотря на расхождения писателя с революционно-демократическим лагерем, в критике теории разделения человечества на «обыкновенных» и «необыкновенных» людей и отрицании права «избранной» личности нарушать общеобязательные моральные нормы Достоевский оказался фактически близок к позиции Ю. Жуковского и других критиков и публицистов «Современника» (см.: *Евнин*, стр. 153—157).

В романе получили разнообразное отражение также многие другие — крупные и мелкие — факты русской и зарубежной политической жизни 1860-х годов, которые остро и болезненно воспринимались Достоевским как выражение существующего общественно-политического неравенства (см. примеч. к стр. 17,37 и др. романа). Среди них — борьба между белыми плантаторами и неграми в США, остзейский вопрос (т. е. угнетение латышских крестьян немецкими помещиками в Прибалтийском крае), возбудившая внимание русской печати заметка об избиении дворянином Козляиновым в поезде рижской мещанки и т. д. Все эти и другие многочисленные факты социального и политического угнетения воспринимаются Достоевским не изолированно, а как проявления общих закономерностей жизни его эпохи. Поэтому они непосредственно сопоставляются с кругом повседневных наблюдений его героев над жизнью Петербурга, порождающих гневные и негодующие размышления Раскольникова: «Вошь ли я или человек?», «Тварь ли я дрожащая или *право* имею?».

Одна из популярных идей современной ему позитивистской науки, с которой устами Раскольникова полемизирует Достоевский в IV главе первой части романа (наст. изд., т. VI, стр. 43), — это фаталистическое представление о неизменности основных законов существующего общества. В 1850—1860-е годы учение это получило отражение в популярных в России 1860-х годов сочинениях английского историка Т. Бокля, немецкого экономиста А. Вагнера и других ученых и публицистов позитивистского толка, опиравшихся на получившие в то время широкую известность идеи бельгийского математика и социолога А. Кетле. Основываясь на статистических выводах, Кетле полагал, что процент убийств и других преступлений, а также процент женщин, занимающихся проституцией, в буржуазном обществе представляет, при прочих равных условиях, постоянную величину и может быть вычислен заранее. Исходя из этого, представители указанного направления утверждали, что проституция и преступления неизбежны во всяком обществе: определенный процент лиц всегда был и неизменно будет осужден в нем на то, чтобы служить средством удовлетворения соответствующей общественно-психологической потребности. К подобному, научно неправомерному выводу из статистических наблюдений Кетле склонялись не только Бокль и Вагнер (сборник со статьей которого на эту тему называется в романе — см. стр. 307 и примеч. к ней), но и критик демократического журнала «Русское слово» В. А. Зайцев, с которым Достоевский резко полемизировал в 1860-х годах в своих статьях и своем художественном творчестве (см.: *Гус*, стр. 314—317; *Фридлендер*, стр. 150—157; *Этов*, стр. 221—231).

Другой круг идей западноевропейской буржуазной социологии 1860-х годов, полемика с которыми получила отражение в романе, — это возникшие в это время идеи социального дарвинизма. В 1862 г. в журнале братьев Достоевских «Время» была помещена статья Н. Н. Страхова «Дурные признаки», в которой автор критиковал предисловие французской переводчицы «Происхождения видов» Ч. Дарвина К.-О. Руайе к ее переводу этого великого труда (№ 11, стр. 158—172). Высоко оценивая значение идей Дарвина для естествознания, Страхов в этой статье предостерегал против механического перенесения учения об естественном отборе в науку об обществе, порицая Руайе за ее попытку с помощью ложно истолкованного ею учения Дарвина доказать «естественное» происхождение и вечный характер неравенства между расами, общественными классами, а также — отдельными индивидами (см.: *Фридлендер*, стр. 157—162). Защищая «естественное» происхождение и неустранимость в будущем обществе личного и социального нера-

венства, Руайе утверждала, что стремление содействовать равенству между людьми разных классов и рас является вредной утопией, и, предвосхищая Ницше, резко ополчалась против идей христианского сострадания и милосердия. Не может быть сомнения в том, что предисловие Наполеона III к «Истории Юлия Цезаря» и предисловие Руайе к ее переводу были восприняты Достоевским как близкие по духу проявления одной и той же, глубоко враждебной и неприемлемой для него тенденции, которой он стремился дать в романе страстный отпор.

Значительное место в философской концепции романа играет борьба с утилитаризмом, которая была начата писателем в «Записках из подполья». Критикуя мораль «разумного эгоизма» Чернышевского и Добролюбова как вид моральной «арифметики», Достоевский — это показывает эпизод с Лужиным — относит тот же упрек и к другому, более широкому течению современной ему западной этики, представленной именами Бентама, Милля, Спенсера и их последователей. Недостаток этики «разумного эгоизма» Достоевский видит в том, что в силу своего рационалистического характера она отрицает роль непосредственного нравственного побуждения и в философском отношении основана на том же принципе разумно понятого личного интереса, что и этика Милля. Шаткость ее принципа на практике писатель усматривает в том, что он легко может быть, во-первых, использован для оправдания выгоды не только общества, но и отдельного лица, а, во-вторых, служить для последнего всего лишь иллюзорным прикрытием его личных побуждений. Поэтому идеям утилитарной этики Достоевский стремится противопоставить иное обоснование нравственности, имеющей характер независимого от воли отдельного лица общеобязательного императива. Общеобязательный нравственный закон, по Достоевскому, заложен в самой натуре человека и более или менее сильно ощущается им, как бы он ни был испорчен. Его верными хранителями являются люди из народа, подобные Соне, Лизавете, Миколке, внутреннее убеждение которых созвучно инстинктивному голосу, живущему также и в груди человека из образованных кругов, каким является Раскольников, но обычно заглушаемому в нем «кабинетными» теориями, порожденными отвлеченным рассудочным анализом, отрывом от народной «почвы». Выраженный в романе взгляд на этический закон как на своеобразный «категорический императив» сближает моральную проблематику романа с нравственным учением Канта.[1] Однако в отличие от Канта Достоевский, во-первых, как уже было только что отмечено, источник нравственного закона находит в нравственном чувстве народа, а во-вторых, пытается сблизить его с идеями своеобразно истолкованной им евангельской этики.

Обнаружившийся в годы Крымской войны кризис правительственной системы Николая I заставил царское правительство пойти в 1860-х годах вслед за проведением крестьянской на подготовку судебной реформы. После Крымской войны в русской печати — демократической и либеральной — были широко подвергнуты критике дореформенный суд и вся совокупность связанных с ним учреждений, юридических порядков и норм. В обсуждении этих вопросов заметное участие в начале 1860-х годов принял Достоевский как автор «Записок из Мертвого дома», редактор «Времени» и «Эпохи». Волна общественного возбуждения заставила правительство Александра II опубликовать в ноябре 1864 г. новые судебные уставы, заменявшие старый суд, целиком зависимый от правительственной администрации, новыми судебными учреждениями с адвокатами и присяжными.

Вопросы, обсуждавшиеся в годы создания романа в русском обществе, в печати и юридической науке в связи с проведением судебной реформы, также получили широкое отображение в романе. Это — проблема преступления в ее связи с общим строем социальной жизни, вопрос о соотношении

---

[1] См. об этом: Н. Вильмонт. Великие спутники. Изд. «Советский писатель», М., 1966, стр. 105—217; здесь же параллель между «Преступлением и наказанием» и «Разбойниками» Шиллера — стр. 192—208.

влияния различных — социальных, нравственных и медицинско-патологических факторов на волю преступника, об его нравственной и юридической ответственности за свои действия, о необходимости замены старых невежественных деятелей дореформенной полиции и суда новым типом деятелей, владеющих достижениями современной юридической и психологической науки (такой тип деятеля критически обрисован в романе в лице Порфирия).[1] В решении указанных вопросов Достоевский шел своим особым путем, развивая общий взгляд на причины, порождающие преступление, и пути исправления преступника, который был намечен им в «Записках из Мертвого дома»: соглашаясь с огромной ролью социально-исторической среды и обстановки в формировании характера и психологии преступника, Достоевский в то же время отводил такую же важную роль нравственным факторам. Писатель предостерегал современную ему юриспруденцию против оправдания преступника воздействием окружающей среды и против отрицания его личной нравственной ответственности за свои действия. Эта позиция Достоевского заставила его в романе многократно полемизировать по различным юридическим вопросам с современными ему правовыми и судебно-медицинскими учениями.[2]

8

Появление «Преступления и наказания» было подготовлено широким развитием в России начала 1860-х годов очерка, рассказа и повести из жизни большого города, дававших «протокольные», физиологически точные зарисовки быта Петербурга, Москвы и провинции и проникнутых глубоким сочувствием к городским низам. В журналах Достоевского «Время» и «Эпоха» был помещен ряд очерков и рассказов такого рода — Н. Г. Помяловского, В. В. Крестовского, П. Н. Горского, А. И. Левитова, М. А. Воронова и др. Аналогичные по типу и содержанию произведения печатались и в других тогдашних изданиях, в частности, в революционно-демократическом «Современнике».[3]

Однако вместо разрозненных очерковых зарисовок, характерных для его предшественников, Достоевский дал в «Преступлении и наказании» широкую и цельную панораму Петербурга, и, что еще важнее, социально-бытовой план романа он слил с психологическим и философским, соединив в нем изображение самых «простых», повседневных фактов жизни города с их сложной символической трактовкой, углублением в сложный круг тех социальных, философских и нравственных вопросов, вокруг которых сосредоточена главная идейно-художественная проблематика романа.

---

[1] См. об образе Порфирия, его роли в романе и о внутренней противоречивости этого образа: 1) К. К. Истомин. Достоевский. «Преступление и наказание». Пгр., 1923, стр. 52—56; 2) Р. Н. Поддубная. Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В кн. Вопросы русской литературы. Львов, 1971, вып. 1 (16), стр. 48—58; 3) Ю. Карякин. Человек в человеке. «Вопросы литературы», 1971, № 7, стр. 73—79; 4) *Кирпотин, Разочарование Раскольникова,* стр. 281—294 (здесь же дан содержательный анализ системы образов романа).

[2] См., например, полемику автора против «модной теории временного умопомешательства» преступника на стр. 435 VI тома наст. изд.; о позиции представителей либерального и демократического лагеря 1860-х годов в юридических вопросах см.: *Этов,* стр. 226—231.

[3] Характеристику мотивов, объединяющих социальный очерк 1860-х годов и «Преступление и наказание», см.: *Енин*, стр. 133—139; ср.: Л. М. Лотман. Достоевский и Н. Г. Помяловский. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 120—129. Отмечалась также близость городских зарисовок и петербургских типов «Преступления и наказания» к графике выдающихся русских и западных рисовальщиков 1840—1860-х годов — Агина, Неваховича, Гаварни и др.; см.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 47—48.

Обстановка в «Преступлении и наказании» насыщена контрастами света и тени. Самые трагические и впечатляющие эпизоды разыгрываются здесь в трактирах, на грязных улицах, в гуще обыденности и прозы — и это подчеркивает глухоту страшного мира, окружающего героев, к человеческой боли и страданию. Как в трагедиях Шекспира, в действии принимают участие не только люди, но и стихии — природа и город, вода и земля. Они выступают как силы то дружественные, то враждебные людям. Раскольников перед убийством почти физически задыхается в каменном мешке жаркого, душного и пыльного города; он живет в каморке, похожей на гроб. Самоубийство Свидригайлова происходит сырой и дождливой ночью, когда не только переполняется чаша его страданий, но и вся природа, кажется, хочет выйти из берегов. Многие эпизоды тонут в своеобразном «рембрандтовском» освещении. Существенную роль играют в романе также философские и числовые символы (сны Раскольникова, возвращение — дважды — к евангельскому рассказу о воскресении Лазаря, символизирующем способность героя к нравственному возрождению, три посещения Раскольниковым Порфирия и Сони и т. д.).[1]

Так возник новый, характерный для Достоевского, насыщенный философской мыслью тип «романа-трагедии», классическим образцом которого можно считать «Преступление и наказание». Явившись своеобразным зеркалом общественной жизни эпохи, он впитал в себя многочисленные традиции предшествующей мировой литературы.

Стремясь исследовать сложный клубок философско-нравственных проблем своей эпохи, Достоевский в то же время считал, что проблемы эти неразрывно связаны с «вековечными» проблемами, всегда занимавшими величайшие умы человечества. Отсюда его внимание к тем произведениям мировой литературы, которые в прошлом и в современную ему эпоху поднимали вопросы, близкие к философско-нравственной проблематике романа.

Раскольников — петербургский студент, русский юноша 1860-х годов. Но его духовный мир сложным образом соотнесен в романе не только с духовным миром современного ему поколения, но и с историческими образами прошлого, частично названными (Наполеон, Магомет, шиллеровские герои), а частично не названными в романе (пушкинские Германн, Борис Годунов, Самозванец; бальзаковский Растиньяк; Ласенер и т. д.). Это позволило автору предельно расширить и углубить образ главного героя, придать ему желаемую философскую масштабность.

Не случайна в этом смысле и самая фамилия героя. Она свидетельствует о том, что в сознании автора страстная любовь Раскольникова к людям, доходящее до полного безразличия к своим интересам участие к ним и фанатизм в отстаивании своей «идеи» в определенной мере ассоциировались с расколом, т. е. с определенной стороной исторического самосознания русских народных масс. Следует напомнить, что еще в 1862 г. в статье «Два лагеря теоретиков» (см. наст. изд., т. XIX) Достоевский признал русский раскол «крупным явлением в нашей исторической жизни» (об интересе Достоевского к расколу см. также ниже, стр. 393—395).

Если теоретический фанатизм героя автор сближал с религиозным фанатизмом раскольников, то в имени Лужина (Петр) и отчестве Порфирия (Пе-

---

[1] О символических мотивах в «Преступлении и наказании» см. ряд замечаний в книгах о Достоевском Д. С. Мережковского и Вяч. Иванова, а также: *Бахтин*, стр. 287—293; *Шкловский*, стр. 198—220; А. Л. Р у б а н о в и ч. Пейзаж в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Тр. Иркутского унив., 1959, т. XXVIII, вып. 1, серия литературоведения и критики, стр. 91—105; Н. М. Ч и р к о в. О стиле Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 98—105; Г. К. Щ е н н и к о в. Функции снов в романах Достоевского. В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Сб. 3. Свердловск, 1970, стр. 37—52; Н. И. П р у ц к о в. Утопия или антиутопия. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 91—94; G. G i b i a n. Traditional Symbolism in «Crime and Punishment», *PMLA*, 1955, t. 70, № 5, December, pp. 979—996.

трович) можно увидеть отдаленный намек на их принадлежность к чиновничьей касте, созданной Петром I, а в имени Сони — аналогичный намек на духовную близость ее к той стихии высшей мудрости, которая, согласно народным верованиям, скрыта от «мудрецов», но зато открыта чистым сердцем «детям» и блаженным духом. Образ Мармеладова, сознающего свое нравственное падение и в то же время верящего в милосердие Христа к нему и таким же, как он, «малым мира сего», психологически близок к образам апокрифов и народной легенды. [1]

В критической литературе образ Раскольникова не раз и не без основания соотносили с образами Гамлета, Фауста, Франца Моора, байроновских героев-бунтарей, гофмановского Медарда (из «Элексира Сатаны») и другими позднейшими носителями романтического «титанизма» в литературе 1820—1840-х годов, характерные настроения которых получили новое, углубленное опытом русской жизни социально-психологическое истолкование в романе.

В русской литературе XIX в. трагическая тема «Преступления и наказания» была в значительной мере подготовлена творчеством Пушкина — романиста, поэта и драматурга. Многократно отмечалось, что основная сюжетная коллизия «Пиковой дамы» — поединок полунищего бедняка Германна, наделенного «профилем Наполеона» и «душой Мефистофеля», с доживающей свою жизнь, никому не нужной старухой графиней через три десятилетия вновь ожил у Достоевского в трагическом поединке Раскольникова с другой старухой — ростовщицей. Сам Достоевский указал на эту связь, охарактеризовав пушкинского Германна как «колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип, — тип из петербургского периода» русской истории («Подросток», ч. 1, гл. VIII — см.: наст. изд., т. XIII). Не менее тесно связан «бунт» Раскольникова с бунтом Евгения из «Медного всадника». Но и Сильвио — герой повести «Выстрел», Борис Годунов, страдающий от последствий своего преступления, Сальери с его мрачными, уединенными сомнениями и нравственными терзаниями в определенной степени ввели Достоевского в круг тех психологических и нравственных проблем, которые стоят в центре «Преступления и наказания». Пушкин не только обрисовал душевные терзания честолюбивого, полного сил молодого человека, страдающего от своего неравного положения в обществе, не только впервые в русской литературе дал психологическую драму убийцы, являющегося жертвой своего отравленного ядом индивидуализма, нравственно больного сознания. В стихотворениях, посвященных Наполеону (в особенности в оде «Наполеон», 1821), поэт очертил общие контуры той «наполеоновской» психологии, которая неотразимо притягивает мысль Раскольникова. Позднее, в «Евгении Онегине» (гл. 2, XIV), «наполеоновские» мечты рассматриваются Пушкиным уже как настроение не одного, но *многих*, безымянных наполеонов, как черты целого нарождающегося общественного типа:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Поставленная Пушкиным проблема судьбы современного человека «наполеоновского», индивидуалистического склада с его «озлобленным умом» и «безмерными» мечтаньями, не останавливающегося перед мыслью о преступлении, в новом аспекте получила развитие у Лермонтова в «Маскараде» и «Герое нашего времени». В судьбе лермонтовских Вадима, Печорина, Демона, в гоголевском Чарткове (в повести «Портрет») определенную роль играли и индивидуалистические мотивы, и тема преступления, и мотив психологического экспериментирования над собой (особенно отчетливо выраженный у Печорина).

---

[1] См. об этом: Л. М. Лотман. Романы Достоевского и русская легенда. *РЛ*, 1972, № 2, стр. 129—131; ср. также: В. Г. Сенатов. Философия истории старообрядчества. Вып. II. М., 1908, стр. 77—78 (указано С. А. Зеньковским).

Индивидуалистическое умонастроение, приводящее к противопоставлению отдельных избранных людей толпе, колебания между «обычной» моралью толпы и преступлением были характерны и для многих литературных героев западноевропейского преромантизма. Сочетание страстного протеста против несправедливостей общества с повышенным чувством личности и горделивым недоверием к «обыкновенным» людям было свойственно героям Байрона — Корсару, Ларе, Манфреду. Встречается подобное умонастроение и в творчестве других западноевропейских романтиков. Сам Достоевский в черновых материалах к роману сопоставляет Раскольникова с Жаном Сбогаром — романтическим разбойником и бунтарем-индивидуалистом, героем одноименного романа Ш. Нодье (1818) (см. примеч. к наст. тому, стр. 406—407). Отдельные близкие Раскольникову психологические мотивы можно найти и во французском реалистическом романе 30—40-х годов XIX в. у молодых героев Бальзака и Стендаля — Растиньяка («Отец Горио», 1835) и Жюльена Сореля («Красное и черное», 1830). В черновике речи Достоевского о Пушкине (1880) есть строки: «У Бальзака в одном романе один молодой человек в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к любимому своему товарищу, студенту, и спрашивает его: „Послушай, представь себе, ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе сто́ит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и за смерть мандарина тебе волшебник пошлет сейчас миллион, и никому это неизвестно и, главное, в Китае ⟨...⟩." Вот вопрос, и вот ответ: „Est-il bien vieux ton Mandarin? Eh bien, non, je ne veux pas". [1] Вот решение французского студента» (см. наст. изд., т. XXIII). Эти строки, в которых речь идет о разговоре Растиньяка и его друга Бьяншона в романе Бальзака «Отец Горио», [2] указывают, что Достоевский хорошо помнил соответствующий эпизод названного романа Бальзака, тематически близкий «Преступлению и наказанию». В Англии Э. Бульвер в романе «Юджин Арам» (1831), основанном на действительном происшествии, случившемся в середине XVIII в., рассказал о судьбе молодого ученого, которого нужда и мечты о великом научном открытии привели к преступлению, сходному с преступлением Раскольникова. Э. Гаскел в своем более позднем социальном романе «Мэри Бартон» (1848), русский перевод которого был напечатан в 1861 г. в журнале «Время», ярко обрисовала историю падшей женщины и картину нравственных мук рабочего-убийцы Бартона после совершенного им убийства фабриканта Карсонса. Перечисленные произведения, так же как многие другие, в частности «Последний день приговоренного к смерти» (1829) В. Гюго и его же прочитанные Достоевским летом 1862 г. в Италии «Отверженные» (1862) (см.: *Биография*, стр. 244), затрагивавшие близкие автору вопросы и остававшиеся в годы создания «Преступления и наказания» литературной злобой дня, сыграли определенную, более или менее заметную роль для процесса формирования и развития социальной и философско-этической проблематики «Преступления и наказания». [3]

В то же время следует указать и на те черты, которые принципиально отличают нравственный облик героя «Преступления и наказания» от боль-

---

[1] А твой мандарин очень стар? Ну нет, я не хочу (*франц.*).

[2] О. Бальзак. Собрание сочинений, т. 2. Изд. «Правда», М., 1960, стр. 393. Об отражении сходной философской проблематики в «Гении христианства» Шатобриана и в более ранних произведениях Бальзака см.: Б. Г. Реизов. Бальзак. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 149, 150.

[3] Подробнее о связи «Преступления и наказания» с традициями предшествующей русской и западноевропейской литературы (Пушкин, Бальзак, В. Гюго, Э. Гаскел, Э. По и др.) см.: А. Л. Бем. 1) У истоков творчества Достоевского. В кн.: *О Достоевском*, т. III, стр. 45—62 и след.; 2) Гюго и Достоевский. «Slavia», т. XV, № 1, 1937, стр. 80—86; *Бахтин*, стр. 288—291; Л. Гроссман. Гофман, Бальзак и Достоевский. «София», 1914, № 5, стр. 94—95; *Библиотека*, стр. 38—39, 47—60; Л. Гроссман. Достоевский и чартистский роман. «Вопросы литературы», 1959, № 4, стр. 147—158;

шинства его литературных предшественников. Пушкинский Германн, бальзаковский Растиньяк, Жюльен Сорель Стендаля полны более или менее глубокого возмущения против общества, в котором живут. Но при этом их интересы направлены прежде всего на собственное положение в обществе, улучшить которое они хотят посредством карьеры или обогащения. Раскольников же глубоко и искренне бескорыстен. Как всем последующим героям Достоевского, ему надо прежде всего «жизнь разрешить», т. е. найти такой выход из существующего несправедливого положения вещей, который круто переменил бы не только его собственную жизнь, но и бытие всех окружающих людей, выход, который привел бы к установлению того нового мирового порядка, к которому он стремится. Для этого-то Раскольников хочет утвердить свою «идею», обосновать возможность полного переворота в этике и свое «право» произвести этот переворот во имя не только своего личного, но и общего блага. Не случайно он сравнивает себя сам не только с Наполеоном, но и с Магометом, т. е. считает себя создателем своего рода новой мировой религии (о соединении в Раскольникове черт Наполеона и Мессии см.: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова,* стр. 80—130, 177—212).[1]

Если «Записки из подполья» явились, по меткому выражению А. С. Долинина, своего рода философскими «пролегоменами» к «Преступлению и наказанию», то значение «Преступления и наказания» для дальнейшего творчества Достоевского-романиста было еще более существенным.

Тема «случайного семейства», проблемы разложения общественных связей и трудного развития человеческой личности в пореформенную эпоху, гибельности индивидуалистической философии и морали (нередко вплотную подводящих даже глубоко мыслящего, богато одаренного молодого человека к отрицанию норм общечеловеческой нравственности или прямо толкающих его к преступлению) — все эти центральные проблемы «Преступления и наказания» получили дальнейшее сложное преломление в «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых». В то же время при их создании Достоевский смог опереться на те принципы построения большого социально-философского романа с широким охватом действительности и многочисленными участниками (причем через разные, несходные между собой их «голоса» художником искусно проведена одна и та же главная тема), которыми впервые он воспользовался в «Преступлении и наказании». А одна из основных философско-этических идей романа — о невозможности для человека основать свое счастье на несчастье другого человеческого существа — стала лейтмотивом не только позднейшего художественного творчества Достоевского, но и его публицистики — вплоть до критического разбора «Анны Карениной» в «Дневнике писателя» (1877) и анализа «Евгения Онегина» в речи о Пушкине (1880).

9

Уже первая часть «Преступления и наказания», появившаяся в январском и февральском номерах «Русского вестника» за 1866 г., имела большой успех у читающей публики. 18 февраля Достоевский, продолжавший в это время работать «как каторжник» над последующими частями, писал А. Е. Врангелю, что о начальных главах «Преступления и наказания» он «уже слышал много восторженных отзывов», а 29 апреля И. Л. Янышеву, что роман «поднял» его «репутацию как писателя».

Первым печатным откликом на начальные главы «Преступления и наказания» явился разбор первых глав романа в обзоре «Журналистика» в газете

Гроссман, Город и люди, стр. 31, 37; А. Цейтлин. «Преступление и наказание» и «Les misérables». «Литература и марксизм», 1928, № 5, стр. 20—58; *Шкловский,* стр. 179, 181—184; *Фридлендер*, стр. 144—148, 181, 203—207. Ср. также ниже стр. 404.

[1] Следует отметить, что в XIX в. у русских сектантов существовала особая секта «наполеоновых» — ср.: П. И. Мельников-Печерский, Собр. соч., т. 6. Изд. «Правда», М., 1963, стр. 238 (Письма о расколе, IV).

А. А. Краевского «Голос» от 17 февраля (1 марта) 1866 г. (№ 48). Анонимный автор писал здесь: «...роман обещает быть одним из капитальных произведений автора „Мертвого дома“. Страшное преступление, положенное в основу этой повести, рассказано с такою потрясающею истиною, с такими тонкими подробностями, что вы невольно переживаете перипетии этой драмы, со всеми ее психическими пружинами, переходите по изгибам сердца с первого зарождения в нем преступной мысли до ее окончательного развития ⟨...⟩ Самая субъективность автора, от которой иногда страдали характеры его героев, здесь нисколько не вредит, потому что сосредоточивается на одном лице и проникается художественною ясностью типа». Находя, что анализ в романе «полнее, живее дает чувствовать силу драмы», рецензент с особым сочувствием выделял сон Раскольникова как «один из лучших в романе» эпизодов, в котором «нельзя убавить ни одной черты».

В отличие от либерального «Голоса» орган революционных демократов 1860-х годов «Современник» отнесся к первым главам романа остро полемически, так как увидел в нем нападение на передовое студенчество и вообще революционную молодежь 60-х годов. Эта мысль была отчетливо сформулирована в обзоре Г. З. Елисеева «Журналистика. Январь 1866» (*С*, 1866, № 2, ценз. разр. 24 II, вышел 1 III—1866, Современное обозрение, стр. 263—280). Приведя из романа авторское замечание о том, что в словах студента в разговоре с офицером об убийстве ничтожной «старушонки» как о возможном средстве спасти «сотни, тысячи, может быть, существований» Раскольников узнал «самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли», созвучные его собственным убеждениям (ч. I, гл. 6), Елисеев писал, что, выдвигая подобные обвинения против демократического студенчества, Достоевский становится в ряды бывших представителей «натурализма» 40-х годов, «озлобленных движением последнего времени». Защищая молодое поколение от подобных «позорных измышлений», критик писал: «Бывали ли когда-нибудь случаи, чтобы студент убивал кого-нибудь для грабежа? Если бы такой случай и был когда-нибудь, что может он доказывать относительно настроения вообще студенческих корпораций? ⟨...⟩ Что сказал бы Белинский об этой новой фантастичности г-на Достоевского, фантастичности, вследствие которой целая корпорация молодых юношей обвиняется в повальном покушении на убийство с грабежом?» (*С*, 1866, № 2, Журналистика, стр. 276—277).

Полемику с Достоевским Елисеев продолжил в третьем номере «Современника». Иронически сравнивая здесь «Преступление и наказание» с повестью Н. Д. Ахшарумова «Натурщица» (*ОЗ*, 1866, №№ 1—2), которую критик оценил как «чепуху и галиматью», он писал, что «повесть эта по смелости замысла нисколько не уступает новому роману Достоевского, а по художественности даже далеко превосходит его». Переходя от этих иронических замечаний к существу своего спора с Достоевским, Елисеев писал, что Раскольников — не тип, а одиночное, исключительное или скорее даже вовсе не существующее явление. «Что же сказать о художественном такте поэта, который процесс чистого, голого убийства с грабежом берет темою для своего произведения и самый акт убийства передает в подробнейшей картине со всеми малейшими обстоятельствами? В художественном отношении — повторяем — даже в художественном отношении это чистая нелепость, для которой не может быть найдено никакого оправдания ни в летописях древнего, ни в летописях нового искусства».

«Рецензент „Голоса“, расхваливающий этот роман, — писал Елисеев, — становится чисто на психологическую точку зрения. Он говорит, что интерес романа сосредоточен на изображении той борьбы, которая происходит в душе преступника перед совершением убийства. Это совершенно неправда. Уничтожьте только тот оригинальный мотив убийства, в силу которого Раскольников видит в убийстве не гнусное преступление, а *поправление* и *направление* природы, некоторым образом подвиг, мало того: сделайте такой взгляд на убийство только личным, индивидуальным убеждением одного Раскольникова, а не общим убеждением целой студенческой корпорации, всякий интерес в романе г-на Достоевского немедленно пропадет. Это ясно пока-

зывает, что основу романа г-на Достоевского составляет предположенное им или принятое за данный факт существующее в студенческой корпорации покушение на убийство с грабежом, существующее в качестве принципа. От этого только и частный факт убийства, в сущности обыкновенного, принимает интерес в глазах читателя и делается сюжетом, годным для романа...» (*С*, 1866, № 3, отд. II, стр. 32—40, 43; ценз. разр. — 3 и 21 марта 1866 г., вышел 27 марта 1866 г.).

Выдвинутое Елисеевым по адресу Достоевского обвинение в том, что своим новым романом он присоединился к травле революционного студенчества, которая велась в середине 60-х годов реакцией и правительственными верхами, повторил анонимный рецензент газеты «Неделя» (в целом далекой от революционного лагеря): «... отдавая полную справедливость таланту г-на Достоевского, — писал он, — мы не можем пройти молчанием тех грустных симптомов, которые в последнем его романе обнаруживаются с особенною силою 〈...〉 Г-н Достоевский в настоящую минуту недоволен молодым поколением. Это бы еще ничего. В поколении этом, действительно, есть недостатки, заслуживающие порицания, и выводить их наружу вполне похвально, конечно, если дело ведут честно, не бросая камня из-за угла. Так поступил Тургенев, изобразивший (впрочем, весьма неудачно) недостатки молодого поколения в своем романе „Отцы и дети", но г-н Тургенев вел дело начистоту, не прибегая к грязненьким инсинуациям 〈...〉 Не так поступает г-н Ф. Достоевский в своем новом романе. Он не говорит прямо, что либеральные идеи и естественные науки ведут молодых людей к убийству, а молодых девиц к проституции, а так, косвенным образом, дает это почувствовать...» («Неделя», 1866, № 5, 10 апреля, Литературные заметки, стр. 72—73). [1]

Аналогичную позицию в оценке первой части романа заняла близкая «Современнику» «Искра». В фельетоне И. Р. (И. Россинского) «Двойник. Приключения Федора Стрижова» отмечалось, что роман «Злодейство и возмездие» писали как бы два человека: Федор Стрижов и его двойник. Первый создал образ сочувствующего страданиям бедняков студента Раскольникова, второй — тенденциозно извратил его, превратив в «пугало», в «косматого нигилиста» (*И*, 1866, № 12, стр. 159—162). В следующем номере «Искра» иронически утверждала, будто бы свое убеждение, что «любимым предметом беседы в студенческих кружках служит оправдание убийства для грабежа», Достоевский почерпнул «при посредстве вертящегося стола» (т. е. на спиритическом сеансе) из бесед с «надворным советником, проглоченным в Пассаже крокодилом» (*И*, 1866, № 13, стр. 174; ср. также продолжение фельетона в № 14, стр. 184).

Тем не менее среди первых отзывов о романе были и такие, в которых отмечались его глубина и правдивость и высоко оценивалось искусство Достоевского — психолога и романиста.

«Главной видимой целью, — писал уже знакомый нам рецензент «Недели», — автор поставил себе психологический анализ преступления, причин, к нему ведущих, и его последствий. Эту задачу г-н Достоевский выполнил блистательно, с потрясающей душу правдой. Читатель шаг за шагом следит, как преступная мысль, случайно запавшая в голову молодого человека, убитого безвыходною нищетою, растет, развивается, преследует этого несчастного, как кошмар, и, наконец, дает ему в руки топор — орудие убийства. Сюжет далеко не новый, но кажется совершенно новым благодаря той поразительной правде и отчетливости, с которыми автор, имевший случай близко наблюдать преступников, анализирует припадки полусумасшествия, под влиянием которого его Раскольников, почти бессознательно, совершает убийство и потом инстинктивно, движимый чисто животным чувством самосохранения, старается скрыть следы преступления» («Неделя», 1866, № 5, 10 апреля, Литературные заметки, стр. 72—73).

О глубине психологического анализа как об отличительной черте дарования Достоевского, ярко проявившейся в его новом романе, писал и другой

[1] О направлении «Недели» в 1866 г. см.: А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 256—257.

рецензент: «Талант Ф. М. Достоевского развился рельефно, и главная сторона и свойства его таковы, что он резко отличается от дарований других наших писателей. Предоставив им внешний мир человеческой жизни: обстановку, в которой действуют их герои, случайные внешние обстоятельства и т. п., Достоевский углубляется во внутренний мир человека, внимательно следит за развитием его характера и своим глубоко основательным, но беспощадным анализом выставляет перед читателем всю его внутреннюю, духовную сторону — его мозг и сердце, ум и чувства. Этот анализ и отличает его от всех других писателей и ставит на почетное и видное место в русской литературе» («Ф. М. Достоевский». Без подписи. «Воскресный досуг», 1866, № 164, 10 апреля, стр. 214).

О двойственном характере восприятия романа широкой массой читателей — как «тенденциозного» произведения, направленного против настроений демократической молодежи, с одной стороны, и — с другой — как вещи, отмеченной огромной мощью психологического проникновения в душу героев, — иронически вспоминал через год один из современников:

«Начало этого романа наделало много шуму, в особенности в провинции, где все подобного рода вещи принимаются, от скуки, как-то ближе к сердцу. Главнейшим образом заинтересовала всех не литературная сторона романа, а, так сказать, тенденциозная: вот, мол, студент ведь старуху-то зарезал, следовательно, тут *тово*, что-нибудь да не даром! А тут, как раз кстати, появилась и известная рецензия в „Современнике", которая, надобно правду сказать, много дала „Русскому вестнику" новых читателей. О новом романе говорили даже шепотом, как о чем-то таком, о чем вслух говорить не следует ⟨...⟩ С этого именно времени научное слово „анализ" получило право гражданства в провинциальном обществе, которое прежде его совсем не употребляло, — и новое слово, как видно, пришлось по вкусу. Только, бывало, и слышишь толки: „Ах, какой глубокий анализ! Удивительный анализ!.." „О, да! — подхватывала другая барыня, у которой и самой уже возбудилось желание пустить в дело это новое словечко, — анализ действительно глубокий, но только, знаете ли что? — прибавляла она таинственно, — говорят, анализ-то потому и вышел очень тонкий, что сочинитель сам был..." — при этом дама наклонялась к уху своей удивленной слушательницы... „Неужели?.." — „Ну да, зарезал, говорят, или что-то вроде этого..."» («Преступление и наказание». Без подписи. — «Гласный суд», 1867, 16(28) марта, № 159. Заметки и разные известия).

«Роман этот ⟨...⟩ — писал тогда же другой печатный орган, — возбуждает в обществе толки самые разнообразные. Приводим здесь главные из них, которые чаще других привелось нам слышать: „Что можно сказать особенного на эту избитую тему?" — говорят, пробежавши первые страницы романа люди, начитавшиеся вдоволь судебно-уголовных процессов и романов на подобные темы. „Как жалко этого молодого человека (преступника) — он такой образованный, добрый и любящий, и вдруг решился сделать такой ужасный поступок", — отзываются люди, обыкновенно с жаром читающие всякого рода романы и не размышляющие о том, для чего они пишутся. „Фу... какое скверное и мучительное впечатление остается после этой книги!.." — говорят, бросая ее, люди, доказывающие этими самыми словами, что ни одно слово романа не оставлено ими без внимания и что мысли, возбужденные им, тяжело западают в голову, несмотря на всё желание от них отделаться» (С. Капустин. По поводу романа г-на Достоевского «Преступление и наказание». «Женский вестник», 1867, № 5, Критика и библиография, стр. 1—2).

Из суждений писателей-современников о начальных главах романа нам известен отзыв И. С. Тургенева, отметившего после чтения первых двух книжек «Русского вестника» 25 марта (6 апреля) 1866 г. в письме к А. А. Фету из Баден-Бадена, что первая часть «Преступления и наказания» Достоевского «замечательна» (вторая половина первой части, т. е. теперешняя вторая часть, показалась ему слабее первой, отдающей «самоковыряньем». *Тургенев, Письма*, т. VI, стр. 66). А. Ф. Кони сообщает в своих воспоминаниях о восторженном отношении А. Н. Майкова к первой части (А. Ф. Кони.

Собрание сочинений и писем, т. VI. Юриздат, М., 1969, стр. 431). Одобрительно отозвался о романе в Женеве, в 1867 г., по свидетельству А. Г. Достоевской, по прочтении его первой половины и Н. П. Огарев (*ЛН*, т. 86, стр. 239, 240).

Что касается непосредственно читающей публики, вспоминал позднее Н. Н. Страхов, впечатление, произведенное на нее романом, «было необычайное». «Только его («Преступление и наказание», — *ред.*), — писал он, — и читали в этом 1866 г., только об нем и говорили охотники до чтения, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатление, от которого люди с здоровыми нервами почти заболевали, а люди с слабыми нервами принуждены были оставлять чтение» (*Биография*, стр. 289). По свидетельству Достоевского, в письме к племяннице, С. А. Ивановой, от 8 (20) марта 1869 г. Катков в 1867 г. говорил ему, что благодаря «Преступлению и наказанию» у «Русского вестника» «прибыло 500 подписчиков лишних».

Усилению интереса публики к роману способствовало появление в печати сообщений о совершенном в Москве студентом Даниловым преступлении, внешняя фактическая сторона которого во многом была сходна с картиной, обрисованной в романе.

12 января 1866 г., во время печатания в «Русском вестнике» первых глав «Преступления и наказания», в Москве студентом А. М. Даниловым были убиты и ограблены отставной капитан — ростовщик Попов и его служанка М. Нордман. В течение всего 1866 г. в газетах и журналах печатались сообщения об этом убийстве и о процессе Данилова, приговор которому (9 лет каторжных работ) был вынесен 14 февраля 1867 г. (*ОЗ*, 1867, № 3, стр. 297—324). По словам одной из тогдашних газет, первые главы «Преступления и наказания» «были написаны и сданы в редакцию „Русского вестника“ прежде, чем Данилов совершил свое преступление и прежде, вероятно, чем он даже задумал его; окончание же романа, его роковая развязка (признание Раскольникова и его осуждение) появились в печати почти одновременно с процессом Данилова и его осуждением» («Голос», 1867, 8(20) марта, № 67). Неудивительно, что в первых статьях о «Преступлении и наказании», появившихся в 1867 г., после завершения печатания романа в «Русском вестнике», постоянно проводились психологические сопоставления Раскольникова с Даниловым, хотя, как показали материалы процесса, преступление Данилова было совершено под влиянием иных, более элементарных мотивов, чем «идейное» преступление Раскольникова. Об этом писал в начале 1867 г. рецензент газеты «Русский инвалид»: «Странное дело: незадолго до появления „Преступления и наказания“ в Москве совершено убийство, почти такое же, какое описывает г-н Достоевский, и также молодым образованным человеком. Мы говорим об убийстве Попова и служанки его Нордман, — убийстве, подробности которого читатели недавно имели случай читать. Раскольников убивает старуху, потом Лизавету, которая нечаянно входит в незапертую дверь. Данилов убил Попова, потом Нордман, которая вернулась из аптеки, войдя также в незапертую дверь. Если вы сравните роман с этим действительным происшествием, болезненность Раскольникова бросится в глаза еще ярче. Убийца Попова и Нордман вел себя вовсе не так, как вел себя Раскольников, и тотчас после преступления, и во время следствия. Честная, добрая природа Раскольникова постоянно проявлялась сквозь болезненную рефлексию и давила ее почти против его воли, внутренний голос заставил Раскольникова принести повинную, хотя он всячески старался уверить себя, что он совершил вовсе не преступление, а чуть ли не доброе дело; убийца Попова и Нордман сплетает невероятные происшествия, отличается хладнокровием и лжет в самые торжественные минуты. Тут не было никакой давящей рефлексии, никакой idée fixe, а просто такое же черное дело, как и все дела подобного рода» (А. И-н ⟨А. С. С у в о р и н⟩ Журнальные и библиографические заметки. «Русский инвалид», 1867, 4 (16) марта, № 63).

Психологическое отличие Данилова от Раскольникова отмечал также рецензент газеты «Гласный суд»: «Данилов ⟨...⟩ — красивый франт, не имеющий с университетскими товарищами ровно ничего общего и постоянно вра-

щающийся между женщинами, ювелирами и ростовщиками. Раскольников убивает старуху единственно только потому, что дворника не было дома, а топор лежал под лавкой; он глупейшим манером зарывает захваченные вещи где-то вблизи здания министерства государственных имуществ у Синего моста и потом опять бежит, сомневаясь, наяву он сделал преступление или все это видел в белогорячечном бреду, — Данилов же действует вовсе не так. Этот красивый салонный франт действует очень основательно ⟨...⟩ Данилов — человек практический, созревший с двадцати, а может быть, и с пятнадцати лет; на господ этого сорта университет может иметь такое же влияние, как на гуся вода, т. е. самое поверхностное ⟨...⟩ Одним словом, Данилов столько же похож на Раскольникова, сколько живая, хотя и печальная, действительность может походить на произведение болезненно настроенного воображения» («Гласный суд», 1867, 16 (28) марта, № 159).[1]

Сам Достоевский, возвращаясь к оценке «Преступления и наказания», в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. писал (имея в виду дело Данилова и противопоставляя свое понимание реализма пониманию его задач своими современниками): «Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты». О своей авторской гордости, вызванной тем, что своим романом он художественно предвосхитил реальные явления, подобные преступлению Данилова, Достоевский тогда же говорил Страхову (*Биография*, стр. 290).

Центральное место в критических статьях о романе, появившихся после завершения его печатания, в 1867 г. занял анализ мотивов, толкнувших Раскольникова на преступление.

Критики «Русского инвалида» (Суворин) и «Гласного суда», защищая Достоевского от упреков в намерении «опозорить молодое поколение», в то же время характеризовали героя романа как «нервную, повихнувшуюся натуру», «больного человека», у которого «все признаки белой горячки» («Русский инвалид», 1867, 4 (16) марта, № 63; «Гласный суд», 1867, 16 (28) марта, № 159). Тем самым они снимали вопрос о социально-психологической типичности идей Раскольникова как представителя «определенного направления, усвоенного обществом», толкуя его преступление как продукт больной психики, т. е. чисто индивидуальный, клинический случай.

Противоположная этому точка зрения на роман, подчеркивающая широкую социально-психологическую типичность преступления Раскольникова, получила наиболее глубокое и последовательное развитие в статье Д. И. Писарева «Борьба за жизнь», которую можно рассматривать как итоговую оценку романа, исходившую от одного из наиболее влиятельных представителей революционно-демократического лагеря 1860-х годов.

Первая часть статьи Писарева появилась в журнале «Дело» (1867, № 5) под названием «Будничные стороны жизни». Продолжение ее, которое должно было появиться в следующей книжке журнала, было запрещено цензурой и появилось в печати лишь год спустя под заглавием «Борьба за существование» («Дело», 1868, № 8), уже после смерти автора. В том же году обе части статьи были перепечатаны в составе собрания сочинений критика в объединенном виде и под восстановленным авторским заглавием «Борьба за жизнь» (см. стр. 354).[2]

В своей статье Писарев подчеркивал, что ему «нет никакого дела ни до личных убеждений автора ⟨...⟩ ни до общего направления его деятельности». Положив в основу своей статьи принципы добролюбовской «реальной критики», Писарев стремился понять роман не как выражение субъективных идей Достоевского, но как отражение реальных процессов жизни русского общества своего времени, трагического положения в нем массы, «огромного

---

[1] Ход следствия по делу Данилова и его процесс описаны в кн.: *В. Л.* Уголовные тайны, разоблаченные судом и следствием. СПб., 1874, стр. 205—291.

[2] О цензурной истории статьи и отличиях ее журнального текста от книжного см. комментарии Ю. С. Сорокина в кн.: *Писарев*, т. 4, стр. 451—453.

большинства людей». В противовес критикам «Русского инвалида» и «Гласного суда» Писарев подчеркивал, что «Раскольникова невозможно считать помешанным» и что преступление его, как и вообще большинство преступлений в современном обществе, обусловлено социальными, а не «медицинскими» факторами.

Как на основную причину преступления Раскольникова и других аналогичных преступлений критик указал на общественное неравенство, лежащее в основе современного ему социального и политического строя. Неизбежным следствием его, утверждал Писарев, является для сотен и тысяч бедняков тягостная и изнурительная повседневная борьба за существование, одной из жертв которой стал Раскольников.

«Нет ничего удивительного в том, — писал критик, — что Раскольников, утомленный мелкою и неудачною борьбою за существование, впал в изнурительную апатию; нет также ничего удивительного в том, что во время этой апатии в его уме родилась и созрела мысль совершить преступление. Можно даже сказать, что бо́льшая часть преступлений против собственности устроивается в общих чертах по тому самому плану, по какому устроилось преступление Раскольникова. Самою обыкновенною причиною воровства, грабежа и разбоя является бедность; это известно всякому, кто сколько-нибудь знаком с уголовною статистикою ⟨...⟩ огромное большинство людей, отправляющихся на воровство или на грабеж, переживают те самые фазы, через которые проходит Раскольников». [1]

Анализируя—шаг за шагом — предысторию преступления Раскольникова, Писарев стремился показать, что «противообщественные» чувства и мысли, зародившиеся у героя романа и толкнувшие его на убийство ростовщицы, явились неизбежным следствием бесчеловечности и противоестественности того общественного строя, при котором даже право на сострадание и помощь другому человеку становится социальной привилегией: «Пока Раскольников обеспечен именем, капиталом или трудом, до тех пор ему предоставляется полное право и на него даже налагается священная обязанность любить мать и сестру, защищать их от лишений и оскорблений и даже в случае надобности принимать на самого себя те удары судьбы, которые предназначаются им, слабым и безответным женщинам. Но как только материальные средства истощаются, так тотчас же вместе с этими средствами у Раскольникова отбирается право носить в груди человеческие чувства, так точно, как у обанкротившегося купца отбирается право числиться в той или в другой гильдии. Любовь к матери и к сестре и желание покоить и защищать их становятся противозаконными и противообщественными чувствами и стремлениями с той минуты, как Раскольников превратился в голодного и оборванного бедняка. Кто не может по-человечески кормиться и одеваться, тот не должен также думать и чувствовать по-человечески. В противном случае человеческие чувства и мысли разрешатся такими поступками, которые произведут неизбежную коллизию между личностью и обществом» (*Писарев*, т. 4, стр. 340).

Если в раскрытии социальных истоков преступления Раскольникова отразились наиболее глубокие и сильные стороны мысли Писарева, то в его анализе теории Раскольникова о «необыкновенных» людях и о праве сильной личности на преступление сказался ряд противоречий, свойственных его прочтению романа.

Одной из задач Писарева было отвести от передовой молодежи 60-х годов обвинение в том, что в ее идеях и настроениях потенциально содержится зерно теоретических построений Раскольникова. Эту задачу Писарев выполнил со свойственным ему теоретическим блеском и силой убеждения. «Теория Раскольникова, — писал он, — не имеет ничего общего с теми идеями, из которых складывается миросозерцание современно развитых людей». Критик утверждал, что «с точки зрения тех мыслителей, которых произве-

---

[1] *Писарев*, т. 4, стр. 319—320. — Вторая половина приведенного отрывка, формулирующая основную мысль критика, была выброшена цензурой при первой публикации.

дения господствуют над умами читающего юношества, деление людей на гениев, освобожденных от действия общественных законов, и на тупую чернь, обязанную раболепствовать, благоговеть и добродушно покоряться всяким рискованным экспериментам, оказывается совершенною нелепостью, которая безвозвратно опровергается всею совокупностью исторических фактов» (*Писарев*, т. 4, стр. 351).

«Теория» Раскольникова построена на несправедливом отождествлении двух различных типов исторических деятелей, указывал Писарев. Одни из них — это деятели типа Наполеона и другие «законодатели и установители человечества» из среды общественных верхов, которые «действительно были преступниками» и «кровопроливцами», «раздавили на своем пути много человеческих существований и отняли у многих работников продукты их честного труда». Другие — это «великие деятели науки», подобные Ньютону и Кеплеру, которые вследствие самоотверженной любви к человечеству «становились иногда мучениками, но никакая любовь к идее никогда не могла превратить их в мучителей по той простой причине, что мучения никого не убеждают и, следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся» (*Писарев*, т. 4, стр. 345—349).

Однако превосходно показав теоретическую несостоятельность «идеи» Раскольникова, Писарев не смог подойти к ней как к хотя и противоречивому, но типическому факту социальной жизни, отражению настроений не только одного героя романа, но и целого разряда людей в условиях тогдашнего общества. «Теория» Раскольникова представлялась Писареву плодом логических хитросплетений героя, а не выражением определенной, обусловленной самой жизнью, общественной позиции, опасные стороны которой писатель показал, стремясь привлечь к ней внимание общества. «Всю свою теорию Раскольников построил исключительно для того, чтобы оправдать в собственных глазах мысль о быстрой и легкой наживе» (*Писарев*, т. 4, стр. 358). Эта недостаточно глубокая оценка «теории» Раскольникова, вступавшая в противоречие с исходным положением статьи — о преступлении Раскольникова как общественном явлении, свидетельствовала о том, что те новые тенденции общественной жизни, на которые Достоевский стремился указать своим романом, не были уловлены и важность их не была понята Писаревым, так как они в той или иной мере выходили за пределы его социально-исторического и философско-эстетического кругозора.

В противоположность Писареву Н. Н. Страхов в своей статье о романе, помещенной в «Отечественных записках» (1867, №№ 2—4, «Наша изящная словесность», без подписи), сосредоточил свое внимание не на широком социальном, а на более узком, нравственно-психологическом содержании романа. Оставив в стороне занимавший Писарева вопрос о социальных истоках преступления Раскольникова, об отражении в его жизни и умонастроении жизни и настроения широких масс «униженных и оскорбленных», Страхов выдвинул на первый план другой вопрос — об отражении в романе идей демократической молодежи 1860-х годов и о сложном отношении к ним романиста.

Страхов отвел упреки демократической критики по адресу Достоевского, что своим романом он сослужил службу реакции, обвинив «целую студентскую корпорацию» в исповедании «в качестве принципов» убийства и грабежа. Он отказался также категорически видеть в Раскольникове «сумасшедшего», «больного человека». Но отвергнув оба эти прямолинейных и упрощенных истолкования романа, критик смог предложить взамен них такую интерпретацию, которая, выдвигая на первый план одни тенденции авторской мысли, оставляла в стороне другие, более глубокие и важные.

Вслед за Тургеневым, создавшим образ Базарова, Достоевский в «Преступлении и наказании», по мнению Страхова, вывел в лице Раскольникова новый образ «нигилиста». Причем преимущество Достоевского перед его предшественниками, решавшими сходную задачу, состоит в том, что вместо сравнительно легкого «осмеиванья безобразий натур пустых и малокровных» писатель изобразил «нигилиста несчастного, нигилиста глубоко человечески страдающего», «изобразил 〈...〉 нигилизм не как жалкое и дикое явление,

а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием» (*ОЗ*, 1867, № 3, стр. 329—331).

«Раскольников, — писал Страхов, разъясняя свою мысль (и опираясь при этом, возможно, на свои беседы с писателем о романе), — есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться цельно, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до краю — так или иначе — портит жизнь и даже губит людей» (*ОЗ*, 1867, № 4, стр. 527).

Приведенные положения статьи Страхова (о максимализме мысли и бескомпромиссности натуры как характерных чертах Раскольникова) позволили ему высказать ряд тонких суждений о романе, стержнем которого Страхов считал духовную драму «убийцы-теоретика», против отвлеченной теории которого, противоречащей жизни, восстает его собственная живая натура и свойственные ей «инстинкты человеческой души». «Это не смех над молодым поколением, не укоры и обвинения, это — плач над ним», — писал Страхов, во многом верно характеризуя отношение писателя к его герою. «По своему всегдашнему обычаю, он представил нам *человека* в самом убийце, как умел отыскать *людей* и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя» (*ОЗ*, 1867, № 3, стр. 330—331).

Однако изоляция Страховым Раскольникова и его «идеи» от обрисованного в романе мира «униженных и оскорбленных», сведение им духовной драмы Раскольникова к драме юноши-«нигилиста» сужали идейное содержание романа, делая его анализ однолинейным и лишая трагедию Раскольникова в его интерпретации более глубокого и широкого социально-исторического содержания. Неразрывная связь трагедии Раскольникова со страданиями окружающих, отражение в самых блужданиях и противоречиях его мысли, стремления широкой массы людей к решению насущных вопросов, объективно поставленных перед ними жизнью, — эти важнейшие стороны идейной концепции Достоевского не получили отражения в предложенной Страховым трактовке романа. Несмотря на стремление критика отделить «Преступление и наказание» от произведений «антинигилистической литературы» 1860-х годов, трактовка эта всё же заставляла его рассматривать роман в узкой перспективе борьбы с «нигилизмом» и отношения к нему автора, а это не позволяло раскрыть философской глубины и масштабности мысли писателя.

По позднейшему свидетельству Страхова, Достоевский остался доволен его статьей о «Преступлении и наказании», сказав о ней критику: «Вы один меня поняли» (*Биография*, стр. 290). Однако эту оценку (если она действительно была произнесена) можно считать скорее признанием верного истолкования Страховым в приведенных выше отрывках отдельных существенных слоев авторского замысла, чем выражением солидарности Достоевского с критиком в общем, более широком понимании романа.

После статей Писарева и Страхова третьей, наиболее значительной из критических статей, опубликованных в 1867 г. после окончания печатания романа в «Русском вестнике», была статья романиста Н. Д. Ахшарумова («Всемирный труд», 1867, № 3, стр. 125—156), сосредоточившегося по преимуществу на психологической стороне романа и на оценке отдельных его персонажей, из которых самыми удачными он признал, наряду с Раскольниковым, семью Мармеладовых, Порфирия и Свидригайлова. Ахшарумов верно почувствовал необычность поэтики романа, но не смог ее верно осмыслить: в образе Раскольникова он усмотрел противоречие между внешним обликом героя — «мальчика, недоучившегося в школе» — и вложен-

ным в него сложным духовным миром автора, вследствие чего Раскольников наделен несвойственными ему будто бы чертами «Гамлета» и «Фауста», облагораживающими и возвышающими его. Наиболее глубокая мысль, высказанная Ахшарумовым в его статье, — мысль о нераздельности в романе «преступления» и «наказания». Последнее, в соответствии с замыслом писателя, критик оценил не как внешнее, юридическое, но прежде всего как внутреннее нравственное наказание, настигшее преступника сразу после совершения преступления и потенциально заложенное уже в его замысле: «За *преступлением* следует *наказание*. „*Следует*", впрочем, мало сказать; это слово далеко не передает той неразрывной связи, какую автор провел между двумя сторонами своей задачи. Наказание начинается раньше, чем дело совершено. Оно родилось вместе с ним, срослось с ним в зародыше, неразлучно идет с ним рядом, с первой идеи о нем, с первого представления. Муки, переносимые Раскольниковым под конец, когда дело уже сделано, до того превосходят слабую силу его, что мы удивляемся, как он их вынес. В сравнении с этими муками всякая казнь бледнеет. Это сто раз хуже казни — это пытка и злейшая изо всех, — пытка нравственная» («Всемирный труд», 1867, № 3, стр. 149).

Ахшарумов тонко уловил особое умение автора «Преступления и наказания» втянуть читателя в круг мыслей и чувств героя, заставить его активно внутренне сопереживать драму последнего: «Нас заставляют смотреть на то, что мы не желали бы видеть, и принимать душою участие в том, что нам ненавистно ⟨...⟩ Мы не можем себя отделить от него (Раскольникова, — *ред.*), несмотря на то, что он гадок нам ⟨...⟩ мы стали его соучастниками; у нас голова кружится так же, как у него: мы оступаемся и скользим вместе с ним и вместе с ним чувствуем на себе неотразимое притяжение бездны» (там же, стр. 126—127).

В 1867 г. появилась и первая статья о «Преступлении и наказании» в зарубежной печати: анонимный отзыв в немецком журнале «Magazin für die Literatur des Auslandes», Bd. 71, № 23, S. 317.

Полемика вокруг «Преступления и наказания» продолжалась в 1868—1869 гг.

В августе 1868 г. вышла в свет уже известная нам вторая статья Писарева о «Преступлении и наказании» («Дело», 1868, № 8, стр. 1—33). В этом же году, как отмечалось выше, обе статьи Писарева в объединенном виде были перепечатаны в его «Сочинениях» (ч. 9, изд. Ф. Павленкова, СПб., стр. 204—261). В 1869 г. на протяжении почти полугода в газете «Судебный вестник» (№№ 1, 4, 14, 83, 133) печаталась статья А. Лохвицкого о романе — анализ «Преступления и наказания» со специальной, научно-криминалистической точки зрения.

На защиту романа от критиков, обвинявших автора в том, что он «хотел в Раскольникове изобразить представителя молодого поколения», тогда же встал Н. С. Лесков в анонимном отзыве об «Идиоте», где он главным «внутренним достоинством» романа признал глубокий «психологический анализ» («Вечерняя газета», 1869, 1 января, № 1, фельетон). [1]

В том же 1869 г. В. Р. Зотов (?), автор краткого очерка литературной деятельности Достоевского, писал о романе: «Более глубокого анализа трудно представить себе. Сюжет романа как нельзя более соответствует возможности выказать эту сторону его ⟨Достоевского⟩ таланта. Замкнутая в себе душа героя романа проходит через множество перипетий, и ход мыслей, ощущений ведет ее последовательно к страшному концу. Чтобы понять, до какой поразительной верности доходит этот анализ, стоит только вспомнить, например, сон Раскольникова перед преступлением! Все вышеозначенные достоинства заставляют причислить Ф. М. Достоевского к числу первоклассных наших литературных деятелей» («Всемирная иллюстрация», 1869, 20 декабря, № 52, стр. 411).

---

[1] Об авторстве Лескова см.: И. В. Столярова. Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова. «Ученые записки Ленинградского университета», 1968, № 339, стр. 224—229.

В 1871 г появилось седьмое издание «Курса истории русской литературы» К. Петрова, в которое автор включил краткую оценку романа, положив в основу ее идеи Страхова.[1] Через три года более обстоятельный разбор романа, приспособленный для педагогических целей, дал близкий к славянофильским кругам О. Миллер.[2]

Следующие опыты истолкования «Преступления и наказания» появились в России уже после смерти автора. Среди них нужно отметить ряд попыток подойти к роману с различных специальных точек зрения: юридическо-криминалистической,[3] медицинско-психологической,[4] философско-религиозной[5] и т. д. Число подобных направлений в истолковании и изучении романа в последующие годы постоянно увеличивалось. В настоящее время научная и критическая литература о романе насчитывает сотни книг и статей.

Кроме печатных отзывов современников о «Преступлении и наказании» сохранилось немало восторженных суждений о нем читателей в письмах к Достоевскому 1870—начала 1880-х годов. В письме к С. Е. Лурье от 17 апреля 1877 г. Достоевский заметил, что многие современники сопоставляли «Преступление и наказание» с «Отверженными» Гюго, причем «Ф. И. Тютчев, наш великий поэт, и многие тогда находили, что „Преступление и наказание“ несравненно выше „Misérables“». См. также оценки романа в письмах к Достоевскому Я. П. Полонского от 22 ноября 1877 г.[6] и И. В. Ливанского от 14 февраля 1880 г.[7] Большой интерес представляет ряд отзывов о романе Л. Н. Толстого, относящихся к 1890—1900-м гг., и В. Г. Короленко.[8]

Критика не раз поднимала вопрос о чертах, сближающих проблематику и сюжеты «Преступления и наказания» и «Воскресения» Льва Толстого.[9] Позднее социальная и этическая проблематика «Преступления и наказания» нашла противоположное по своей идеологической и художественной окраске преломление в творчестве М. Горького (роман «Трое», 1900) и Л. Андреева.[10] Осложненное идеями и поэтикой символизма переосмысление трагико-фантастического мира дворянско-буржуазного Петербурга, переосмысление, впитавшее в себя разнородные темы «Медного всадника», «Пиковой дамы», «Преступления и наказания», «Бесов», отразилось в романе А. Белого «Петербург» (1913—1914; перераб. изд. — 1922), в ряде лирических произведений

---

[1] К. Петров. Курс истории русской литературы. Изд. 7. СПб., 1871, § 337, стр. 310—312.

[2] О. Миллер. Русская литература после Гоголя. «Неделя», 1874, № 22, 2 июня, стр. 820—828; ср. отдельное издание: Публичные лекции О. Миллера. Русская литература после Гоголя (за исключением драматической). СПб., 1874, стр. 54—65.

[3] А. Ф. Кони. Ф. М. Достоевский. Речь, произнесенная в общем собрании Юридического общества при С.-Петербургском университете 2 февраля 1881 г. В кн.: А. Ф. Кони. Собрание сочинений и писем, т. 6. Юриздат, М., 1969, стр. 406—427 (впервые речь была опубликована 8 февраля 1881 г. в № 6 «Недели» под заглавием «Достоевский как криминалист»).

[4] В. Ф. Чиж. Достоевский как психопатолог. *РВ*, 1884, №№ 5—6.

[5] Вл. С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881—1883). М., 1884.

[6] Из архива Достоевского. Письма русских писателей. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 78.

[7] *ИРЛИ*, ф. 100, № 2972, ССХIб. 7.

[8] См.: Н. Н. Апостолов. Лев Толстой и его спутники. М., 1928, стр. 131—155; Н. Н. Гусев. Толстой и Достоевский. В кн.: Яснополянский сборник. Статьи и материалы. Год 1960-й. Тула, 1960, стр. 115—128; *ЛН*, т. 86, стр. 624—636.

[9] См. об этом: Н. Н. Арденс. Достоевский и Толстой. М., 1920, стр. 288—306 (Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина).

[10] См.: М. Я. Ермакова. Достоевский и Андреев. В кн.: Материалы 7-й зональной научной конференции литературоведческих кафедр университетов и педагогических институтов Поволжья. Волгоград, 1966, стр. 35—37.

А. Блока и других поэтов-символистов 1900—1910-х годов. [1] В советской литературе к «Преступлению и наказанию» многократно обращались, чутко отзываясь на гуманистические и демократические идеи романа и в то же время полемизируя с его автором по поводу решения аналогичных этических проблем в условиях новой действительности, М. Горький, В. Маяковский, Л. Леонов и другие крупные писатели.

10

Первое публичное чтение отрывка из «Преступления и наказания» состоялось на вечере в пользу Литературного фонда 18 марта 1866 г. Достоевский прочел разговор Мармеладова с Раскольниковым (II глава первой части).

Выступить на вечере писателю предложил Е. П. Ковалевский. Отвечая 14 марта 1866 г. Я. К. Гроту, активному члену Литературного фонда, Достоевский писал: «Я говорил Егору Петровичу, что буду читать 2-ю главу первой части моего романа „Преступление и наказание", — так как тут отдельный эпизод. Егор Петрович это одобрил. Вставок не сделаю ни одного слова, но сокращения некоторые сделаю, что, конечно, возможно».

Как сообщил Достоевскому в ответном письме Я. К. Грот 16 марта 1866 г., товарищ министра народного просвещения И. Д. Делянов потребовал печатный экземпляр главы: «Он, с своей стороны, также не находит препятствия к этому чтению и полагается на ваше чувство приличия в сокращении некоторых подробностей, которое не может ослабить общего впечатления» (*ГБЛ*, ф. 93, II, 2, 127).

Впоследствии та же глава романа неоднократно исполнялась публично. В рукописном отделе Института русской литературы АН СССР хранится переписанная рукой А. Г. Достоевской «Исповедь Мармеладова» (с цензорской пометкой: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 13 сентября 1910 г.»).

Почти сразу после окончания печатания романа в «Русском вестнике» возникла мысль об его инсценировке. 22 февраля 1867 г. московский книготорговец и литератор А. С. Ушаков писал Достоевскому: «Кружку любителей, или, как он формально называется, „друзей драматического искусства в Москве", а в их числе и Вашему покорному слуге, прочитавшему с наслаждением, давно уже не изведываемым, Ваш роман „Преступление и наказание", пришла, неотступно преследующая нас, мысль переделать или скорее приноровить его для сцены ⟨...⟩ При всех этих условиях я принялся уже за работу; план готов, и, по моему мнению, главные мотивы драмы не потеряют ни одного тона. Чтобы быть в этом более уверенным, я имел честь обратиться к Вам, уважаемый Федор Михайлович, с моею покорнейшею просьбою не отказать мне просмотреть пиесу, когда она будет готова, и сказать свое мнение». [2] Достоевский в апреле вернул пьесу. Замечания его неизвестны.

Инсценировка была представлена в драматическую цензуру. 30 июня 1867 г. состоялось заседание Совета Главного управления по делам печати, рассмотревшее рапорт цензора Г. И. Кейзера-фон-Нилькгейма.

«В основании пьесы лежит нигилистическая идея о невменяемости, в известных случаях, преступления, — говорилось в рапорте, — постигающее Раскольникова наказание, кара закона, нисколько не умаляет, однако, значения проводимой им мысли; она как будто торжествует, при совершенном отсутствии, с его стороны, раскаяния; в Раскольникове не происходит внутреннего переворота, не видно омерзения к себе и к своему делу; он в течение всей драмы подвергается исключительно мучениям страха, а не упрекам совести, и под конец провозглашает, что совесть его покойна, сознаваясь лишь, что у него недоставало силы для приложения своей теории к делу, почему и не был вправе разрешить себе совершение преступления. Ввиду такого неудовлетворительного исхода пьесы, отсутствия в ней торжества

[1] См.: З. Г. Минц. Блок и Достоевский. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 217—247.

[2] Письма А. С. Ушакова к Достоевскому см. в кн.: *Достоевский и его время*, стр. 267—272.

жизненной правды и нравственных начал, цензор не находит удобным дозволить оную к представлению на сцене». Совет постановил: «Пьесу под заглавием „Преступление и наказание“ — драму в 5 действиях, с эпилогом, переделанную из романа Ф. М. Достоевского А. С. Ушаковым, в настоящем ее виде не дозволять к представлению на сцене».

А. С. Ушаков переработал свою инсценировку, и 24 октября 1867 г. вопрос о ней рассматривался снова. Цензор, а также члены Совета Ф. М. Толстой и Н. В. Варадинов сочли возможным разрешить инсценировку к постановке. Член Совета В. М. Лазаревский выступил против их заключения. Его суждение и легло в основу решения Совета: «...пьеса „Преступление и наказание“ и по заглавию своему, и по названиям действующих лиц, и по целым заимствованным цитатам напоминает вполне известный роман, воспроизведение коего на сцене едва ли может быть признано удобным, а потому попытка автора, ввиду готового уже впечатления публики, смягчить коренную мысль романа не может достигать цели тем более, что опровержение теории убийства сделано в пьесе весьма слабо; самое же раскаяние и страдание героя драмы слишком искусственны, а личность Раскольникова представлена симпатичною, названа честною и обставлена подвигами самопожертвования ⟨...⟩ По этим соображениям Совет большинством голосов полагает, что драму „Преступление и наказание“, переделанную г-ном Ушаковым, не дозволять к представлению и в настоящем ее виде». В течение пятнадцати лет (1867—1882) пытался А. С. Ушаков добиться разрешения на постановку своей инсценировки, так и не получил его. [1]

Кроме ранней попытки Ушакова инсценировать роман, мы знаем о другом аналогичном проекте, относящемся к началу 1870-х годов. 6 декабря 1871 г. с просьбою о дозволении ей «переделать „Преступление и наказание“ в драму для представления в императорских театрах» к писателю обратилась дочь тогдашнего товарища министра государственных имуществ княжна В. Д. Оболенская. В письме она указывала, что мысль эта стала ее «лелеемой мечтой», так как она считает роман лучшим произведением русской словесности. [2] В ответном письме от 20 января 1872 г. Достоевский дал согласие на просьбу Оболенской, хотя и высказал при этом сомнение в успехе ее работы, мотивировав его тем, что «для разных форм искусства существуют и соответственные им ряды поэтических мыслей», а потому «эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической». Осуществила ли Оболенская свое намерение — неизвестно.

Последующие инсценировки «Преступления и наказания» были осуществлены и поставлены на русской сцене после смерти писателя.

Впервые пьеса на мотивы «Преступления и наказания» Ю. ле Ру и П. Жинисти была поставлена на французском языке в парижском театре «Одеон» 15 сентября 1888 г. Роль Раскольникова исполнял П. Мунэ. На русской сцене инсценировка «Преступления и наказания» Я. А. Дельера (псевдоним Я. А. Плющевского-Плющика) впервые была разрешена цензурой и исполнена в 1899 г. в Петербурге СПб. литературно-артистическим кружком (Малый театр). [3] С 1890-х годов инсценировки романа вошли в репертуар крупнейших

---

[1] См.: Н. В. Д р и з е н. Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Изд. «Прометей», Пб., 1917, стр. 196; Т. И. О р н а т с к а я и Г. В. С т е п а н о в а. Романы Ф. М. Достоевского и драматическая цензура. В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, вып. 1. Изд. «Наука», М.—Л., 1974.

[2] Письмо В. Д. Оболенской хранится: *ГБЛ*, ф. 93. II. 7. 30; частично опубликовано: *Д, Письма*, т. III, стр. 291.

[3] Список инсценировок романа и библиографию статей о его театральных постановках см.: А. Г. Д о с т о е в с к а я. Библиографический указатель. СПб., 1906, стр. 307—309, 311; «Достоевский». Однодневная газета русского библиологического общества. Пгр., 1921, 30 октября (12 ноября), стр. 25—26, 28—29; Н. А. С о к о л о в. Материалы для библиографии Ф. М. Достоевского 1903—1923. В кн.: *Сб. Достоевский, II*, стр. 26; *Достоевский, Библиография, 1917—1965*, стр. 262—329; ср.: *ЛН*, т. 86, стр. 672, 744, 749, 750, 754.

театров мира, и его образы прочно закрепились на театральных подмостках. 22 августа 1890 г. в Лейпциге в городском театре («Штадттеатер») была поставлена инсценировка романа, написанная Э. Цабелем и Э. Коппелем. Роль Раскольникова в ней исполнял А. Матковски, Порфирия — Э. Поссарт. В том же году названная инсценировка с успехом шла в Берлине и Вене (главную роль в Берлине играл И. Кайнц, а в Вене — Ф. Бонн). В 1894 г. она ставилась в Турине, а в 1896 г. — в Гамбурге. Выдающимися исполнителями роли Раскольникова на русской дореволюционной сцене были П. Н. Орленев и Н. Н. Ходотов. В XX в. инсценировки «Преступления и наказания» многократно ставились в различных театрах Германии, Австрии, Франции, Италии, Венгрии, США, Болгарии, Польши, Чехословакии. Существует также ряд кинофильмов (в том числе П. Шеналя, 1934; Ж. Лампена и Ч. Спаака, 1956; советского режиссера Л. Кулиджанова, 1970), две увертюры (Э. Н. Резничек, 1925, 1929), несколько опер (А. Педролло, 1926; Г. Зутермейстер, 1948; Э. Петрович, 1968), балет (Лютц, 1964—1965), драматическая сцена для сопрано, кларнета и симфонического оркестра (Г. Клебе, 1956) и др.

11

Еще до завершения печатания «Преступления и наказания» начало романа было опубликовано во французском переводе в петербургской газете «Courrier russe».[1] Но публикация эта прошла незамеченной. Первым полным переводом «Преступления и наказания» был немецкий: он появился в 1882 г. под названием «Раскольников». Переводчиком был деятельный пропагандист русской литературы в Германии В. Генкель (1825—1910), проживший много лет в России. Издатель не рассчитывал на успех книги, поэтому она была издана на средства самого Генкеля. Видя, что роман не расходится, переводчик разослал его видным писателям и критикам. С этого времени роман прочно вошел в немецкую литературную жизнь.[2] Перевод Генкеля переиздавался в 1886, 1889, 1890, 1894 и 1912 гг. Еще до 1917 г. появились и другие немецкие переводы: Г. Мозера (1897), П. Стычинского (1891, 1905, 1915), А. Катульского (1907) и М. Феофанова (1914).

В 1884 г. вышел полный французский перевод «Преступления и наказания»; он был много раз переиздан и в 1909 г. вышел уже шестнадцатым изданием. Переводчик В. Дерели был хорошо знаком с Тургеневым и пользовался его советами; вероятно, под его влиянием он задумал и этот перевод. После Дерели за роман Достоевского взялись во Франции — Ж. Ференчи, М. Семенов и многие другие переводчики.

Несколько позднее, чем во Франции, в 1886 г. в Лондоне вышел английский перевод «Преступления и наказания»; переизданный в 1889 г., он стал известен и в США. Другие английские переводы романа Достоевского увидели свет после довольно долгого перерыва в 1911 и в 1914 гг.; последний из них принадлежал талантливой переводчице К. Гарнетт и входил в состав предпринятого ею полного собрания сочинений писателя.

С начала 80-х годов до 1917 г. роман Достоевского был переведен на множество иностранных языков; на некоторые из них он переводился неоднократно. С немецкого перевода Генкеля были сделаны переводы в скандинавских странах, а французский перевод был использован испанскими и итальянскими переводчиками. Потом последовали и переводы с оригинала.

Если учесть ранние издания переводов «Преступления и наказания», история начального этапа распространения романа на разных языках Западной Европы такова: норвежский язык — 1883, 1889, 1908—1910; шведский — 1884, 1889, 1906; датский — 1884, 1911, 1913; финский — 1888; голландский — 1885, 1904, 1910; испанский — 1901, 1903, 1914 (есть и недатиро-

---

[1] 1866, 29 августа (10 сентября), № 2; 12 (24) сентября, № 4; 19 сентября (1 октября), № 5; 26 сентября (8 октября), № 6; 3 (15) октября, № 7; 7 (19) ноября, № 12; 14 (26) ноября, № 13; 1867, 9 (21) января, № 2.

[2] См. подробнее об этом переводе, откликах на него читателей и критики: *ЛН*, т. 86, стр. 662, 672.

ванный, вероятно более ранний, перевод А. Марзо); итальянский — 1889, 1907, 1911, 1915; венгерский — 1888, 1901, 1904; румынский — 1912 (в «Журнале для всех» за 1912, №№ 1—13); чешский — 1883 («Národni Listy»), 1899—1900 — восьмой том собрания сочинений издания И. Отто, 1911; болгарский — 1889—1890 (в журнале «Искра»), 1900 (перевод остался неоконченным); польский — 1887, 1902; сербский — 1888 (неполный), 1899—1901, 1914. В начале XX в. появились и первые переводы «Преступления и наказания» на восточные языки: в 1913 г. — на японский, в 1914 г., в Каире, — на арабский. Таким образом, за три десятилетия роман Достоевского стал достоянием всего культурного мира.

Из сохранившихся свидетельств видно, какое глубокое впечатление роман Достоевского произвел на своих первых зарубежных читателей. О «Преступлении и наказании» есть взволнованная запись в дневнике Р. Роллана, который он вел с 1886 по 1889 г., когда учился в Нормальной школе: «„Преступлением и наказанием“ я был очарован. Я готов был поставить этот роман в один ряд с „Войной и миром“. Я предпочитаю Толстого, потому что его искусство и художественный темперамент, характер его мышления и его видения ближе мне самому и моему идеалу. Но оба они равно велики. „Война и мир“ — это безбрежная жизнь, это океан душ; и сам как бы превращаешься в дух божий, что витает над волнами. „Преступление и наказание“ — это буря, разразившаяся в одной душе; ты словно чайка, вознесенная на гребне огромной волны, уносящей ее в водовороте пены...» [1]

Потрясен романом был и С. Жеромский, в будущем знаменитый, а тогда начинающий польский писатель; 7 марта 1887 г. он записал в дневнике:

«Вчера я почти всю ночь читал первый том „Преступления и наказания“ Достоевского. Ни Золя, ни Бурже, ни даже Прус не могут похвалиться таким знанием человеческой психологии. Рассуждения Раскольникова после совершения им преступления написаны с такой впечатляющей силой, что, потушив лампу, я в испуге бросился на кровать, чувствуя, что дальше читать просто невозможно — ты форменным образом проникаешься его мыслями, тебе кажется, что ты сам становишься маньяком. Никакая другая книга, за исключением, пожалуй, „Форпоста“ (Б. Пруса, — *ред.*), не хватала меня так за сердце. Эта психология выходит за пределы обычных чувств; я сомневаюсь, чтобы Достоевский сам пережил такого рода кризис. И в то же время каждая мысль отображена там настолько правдиво, что невозможно предположить, что все это вымысел. Безусловно, это гениальная интуиция, невероятное искусство отгадывания мыслей». [2]

В большинстве ранних зарубежных отзывов о романе «Преступление и наказание» — статьях и книгах Г. Брандеса (1883), М. де Вогюэ (1885; отд. изд. — 1886), Э. Эннекена (1885), Ч. Тернера (1890), Э. Пардо Басан (1887) и других критиков, писавших о нем в восьмидесятые годы, — отмечаются его глубокий реализм, исключительная психологическая выразительность, сила морального воздействия. Реализм Достоевского зарубежные критики нередко противопоставляли натурализму. «У Достоевского больше человеческого, а у Золя — звериного», — писал, сравнивая «Преступление и наказание» и «Терезу Ракен» как два почти одновременно написанных романа на тему об убийстве, французский критик Ж. Флери. [3] Выше Золя ставил автора «Преступления и наказания» и его анонимный рецензент в английском журнале «The Athenaeum» (1886, № 3038). Э. Штейгер, К. Блейбтрей и некоторые другие критики, наоборот, сближали обоих писателей, отмечая у них общее стремление к суровой, неприкрашенной жизненной правде.

Популярность романа во Франции после ряда французских переизданий романа (1885, 1886, 1887) и постановки его инсценировки в Париже (1888)

---

[1] Cahiers Romain Rolland. Le cloître de la rue d'Ulm. Cahier 4, Paris, 1952, p. 148; ср.: Ромен Роллан. Воспоминания. М., 1966, стр. 383.

[2] С. Жеромский. Избранные сочинения, т. 4. Гослитиздат, М., 1958, стр. 433—434.

[3] J. Fleury. Deux romanciers russes contemporains. Dostoievskii et Pissemskii. «La revue politique et littéraire», troisième série, t. 1, 1881, p. 279.

вызвали в конце 1880-х годов несколько попыток творчески приспособить его мотивы к современности. В 1888—1889 гг. появились романы Г. Мало «Совесть» и «Правосудие», автор которых опирался на моральную проблематику «Преступления и наказания», вслед за ними — роман-исповедь П. Бурже «Ученик» (1889), где драма интеллигентного убийцы используется для борьбы с материалистической мыслью, и пьеса А. Доде «Борьба за существование» (1889), в предисловии к которой автор указывал на «Преступление и наказание» как на свой образец. [1] В статье о пьесе Доде критик-марксист П. Лафарг назвал «Преступление и наказание» «великолепным романом», автор которого обладает «недосягаемым даром психологического анализа». [2]

Очень скоро роман привлек внимание зарубежных криминалистов. Антропологическая школа в криминологии (Ламброзо, Ферри) безуспешно пыталась усмотреть в Раскольникове черты прирожденного преступника, игнорируя морально-этическое содержание романа. Против такого взгляда на Раскольникова в 1904 г. убедительно возражал автор медицинского психологического трактата о Достоевском Гастон Лойг. [3]

Из ранних зарубежных критических отзывов о романе широкий резонанс получили суждения о нем, высказанные в книге М. де Вогюэ «Русский роман» (É. M. de Vogüé. Le roman russe. Paris, 1886); она вызвала множество откликов в других странах и весьма повлияла на литературную репутацию автора «Преступления и наказания».

Вогюэ восхищался глубиной психологической правды у Достоевского. «Преступление и наказание» он признал глубочайшим после «Макбета» опытом психологии преступления; его поразила тонкость нюансов в переживаниях Раскольникова и мастерство Достоевского как психолога. Главное, что его привлекло у Достоевского и вообще в русской литературе, это желание лечить, а не просто равнодушно наблюдать человеческие страдания. Однако, как ни высоко ставил Вогюэ Достоевского, он все же недооценивал общечеловеческое содержание его творчества. В его суждениях о Достоевском сказывались противоречия, типичные для начального этапа мирового признания русского романа: восторженная оценка сочеталась с порицанием тех мнимых художественных недостатков, которые, по существу, были выражением еще не понятого новаторства писателя.

Французские переводы Достоевского послужили толчком к появлению также и первой в Испании обобщающей работы о русской литературе — книги видной испанской писательницы Эмилии Пардо Басан «Революция и роман в России». [4] Замысел книги, рассказывала Пардо Басан в предисловии, возник у нее в 1885 г., когда она была до глубины души потрясена, прочитав «Преступление и наказание».

Одностороннюю интерпретацию роман Достоевского получил в модернистской критике: отвлекаясь от критического истолкования «идеи» Раскольникова, многие модернисты видели в нем апологию «сверхчеловека», воспринимая его в духе идей Ф. Ницше. «Раскольников в двух отношениях произвел переворот в современной литературе — как в смысле проникновенности творчества, так и в самой постановке проблемы о сверхчеловеке», — утверждал известный немецкий критик Лео Берг, автор книги «Сверхчеловек в современной литературе» (1897). [5] Как предшественника идеи сверхчеловека вос-

---

[1] A. Daudet. Oeuvres complètes illustrées. T. II. Théâtre. Paris, 1931, p. 324.

[2] П. Лафарг. Литературно-критические статьи. ГИХЛ. М., 1936, стр. 253.

[3] G. Loygue. Un homme de génie. Th. M. Dostoïewsky. Étude médico-psychologique. Paris, 1904.

[4] E. Pardo Bazán. La revolución y la novela en Rusia. Secunda edición. Madrid, 1887.

[5] Л. Берг. Сверхчеловек в современной литературе. М., 1905, стр. 99. — Наиболее полную сводку данных об отношении Ф. Ницше к Достоевскому см.: W. Gesemann. Nietzsches Verhältnis zu Dostoevskij auf dem europäischen Hintergrund der 80-er Jahre. «Die Welt der Slaven», 1961, H. 2, S. 129—156.

принял Раскольникова позднее и А. Жид во Франции, написавший роман о беспричинном убийстве, смысл которого — в утверждении индивидуалистического своеволия («Подземелия Ватикана», 1912). «Вот перед нами Раскольников: это у него впервые и возникает та самая мысль, которая у Ницше становится мыслью о сверхчеловеке», — писал Жид позднее в книге «Достоевский» (1923). [1] Близкую к Жиду позицию занимал английский критик Д. М. Марри, доказывавший, что суть мировоззрения автора «Преступления и наказания» — «метафизический цинизм», а его наиболее последовательный выразитель в романе — Свидригайлов. [2]

Принципиально иначе, как произведение, проникнутое гневом и болью, исполненное правды и глубокого внимания к общественным противоречиям своего времени, роман Достоевского был воспринят критикой, связанной с социалистическим рабочим движением. Сочувственная рецензия на него была напечатана в первом номере органа немецкой социал-демократической партии «Neue Zeit» за 1884 г.: автор ее, писатель Р. Швейхель, высоко оценил «Преступление и наказание» как правдивую картину кризиса, переживаемого тогда Россией, ее «историю болезни». [3]

«Нужна была исключительная смелость Достоевского для того, чтобы в большом двухтомном романе изобразить главными героями убийцу и проститутку и в то же время показать их не как какие-то дикие существа, а как людей и людей с высокими моральными качествами», — писал в 1885 г. предшественник марксистской литературной критики в Румынии Доброджану-Геря. [4]

После 1917 г. роман Достоевского за рубежом переводился и переиздавался заново множество раз. За 1917—1940-е годы он вышел в следующих изданиях: Германия — три издания в составе собраний сочинений (1920, 1921, 1925) и ряд отдельных изданий (1921, 1922, 1929, 1932 и 1943); Франция — 1930, 1931 (в собрании сочинений), 1937, 1938; Италия — 1930, 1931, 1935, 1936; Англия и США — 1922, 1927 (два издания), 1929, 1936, 1941, 1944 (два издания); Испания — 1927, 1942; Швеция — 1922; Норвегия — 1919, 1937; Дания — 1921; Румыния — 1926, 1928; Болгария — 1928 (в собрании сочинений); Польша — 1928; Япония — 1918, 1921, 1926, 1927, 1928, 1938 (в собрании сочинений в переводе Енекава Меса); Китай — 1931.

В 1944—1945 гг. роман был впервые переведен на словацкий язык известной переводчицей З. Есенской. В 1953 г. он появился в новых изданиях в китайском и арабском переводах.

Уже в годы между двумя мировыми войнами о романе за рубежом возникла и огромная критическая литература и усилилась борьба вокруг истолкования его идей, так как после Октябрьской революции, в обстановке углубления общего кризиса капитализма, сложность и противоречивость наследия Достоевского стала ощутима здесь еще более, чем раньше. Те, кто за рубежом боролся за социалистическую революцию, не забывали в Достоевском поэта униженных и оскорбленных. «Романы Достоевского — жесточайшее обвинение, брошенное в лицо буржуазному обществу: истинный убийца, губитель человеческих душ — это ты!», — писала Р. Люксембург в проникновенной статье «Душа русской литературы» (1918). [5] «Достоевский для рево-

---

[1] А. Жид. Собрание сочинений, т. II. ГИХЛ, Л., 1935, стр. 446.

[2] J. Middelton Murry. Fyodor Dostoevsky. A critical study. London, 1916.

[3] Rosus. Ein russischer Roman. «Die Neue Zeit», 1884, № 1, S. 1.

[4] C. Dobrogeanu-Gherea. Studii critice. Bucureşti, 1956, p. 329—330. См.: А. Ковач. Доброджапу-Геря и русская литература. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 1, стр. 189—190. Ср.: В. Чобану. Ф. М. Достоевский и Румыния. В кн.: Румынско-русские литературные связи второй половины XIX—начала XX века. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 145—161.

[5] Р. Люксембург. О литературе. Гослитиздат, М., 1961, стр. 140—141.

люции не меньшая проблема, чем революция для него», — не без основания заметил О. Каус, автор небольшой, но содержательной книги о Достоевском как о писателе капиталистического мира, во имя человечности протестующем против гнетущей власти денег («Достоевский и его судьба»). [1]

Две статьи о Достоевском были напечатаны в Венгрии в 1919 г., в период венгерской пролетарской революции. «Эмоционально и духовно Достоевский присоединяется к тем, кто каким-либо образом виновен. Он сочувствует им не за их преступление, а за их несчастье, вызванное преступлением», — писал в 1923 г. в журнале «Нюгат» поэт Д. Шаркёзи, ставший позднее жертвой фашизма. [2] Во Франции в защиту Достоевского от его лжетолкователей в двадцатые годы выступил А. Барбюс. Сербскохорватский писатель-коммунист А. Цесарец под впечатлением от «Преступления и наказания» написал повесть «Судите меня!» (1925); в ней он близок к художественному миру Достоевского и в то же время спорит с ним как с мыслителем. [3]

О большом интересе к роману свидетельствуют замечания о нем ряда выдающихся коммунистических деятелей культуры и международного рабочего движения. «Безусловно, Достоевский остался на первом месте, он живет до сих пор...», — писал Ю. Фучик по поводу одной чешской драмы, близкой по теме к «Преступлению и наказанию». [4] Размышления о «Преступлении и наказании» вошли в «Тюремные тетради» основателя коммунистической партии Италии А. Грамши; роман Достоевского он связывал с традицией демократического романа XIX в. во Франции. [5]

Для С. Цвейга Достоевский — «психолог из психологов», а «Преступление и наказание» и другие его романы — «грандиозные создания XIX века, всеобъемлющие отражения нашего душевного мира». [6] «Разве мог бы Пруст написать Раскольникова, „Преступление и наказание“, этот величайший уголовный роман всех времен?» — спрашивал позднее Т. Манн («Достоевский — но в меру», 1946).

В 1891 г. в статье о романе «Преступление и наказание» известный американский писатель Дин Хоуэллс отдал должное изображенной в нем картине человеческого страдания, но оговорился, что, по его мнению, в США подобное изображение жизни было бы ошибкой и фальшью. С вступлением в эпоху империализма, когда всякие иллюзии о гармоническом характере американского капитализма уже окончательно развеялись, в США, наоборот, была признана актуальность выдвинутой Достоевским темы преступления и наказания; об этом, в частности, в 1915 г. писал видный американский критик Д. Хенекер, а в 1931 г. — один из наиболее значительных историков литературы США, В. Паррингтон. [7] Так роман Достоевского заставлял зарубежных писателей и критиков глубже вдумываться в трагические противоречия окружающей их жизни.

Сильное и прямое воздействие «Преступления и наказания» ощутимо в творчестве Р. Л. Стивенсона, К. Гамсуна, в романе Л. Франка «Причина» (1915) и во многих других книгах немецких романистов — Ф. Верфеля,

---

[1] O. K a u s. Dostojewski und sein Schicksal. Berlin, 1923, S. 32.

[2] Д. Р а д о. Произведения Ф. М. Достоевского в Венгрии. — «Венгрия», 1956, № 4, стр. 19.

[3] См.: П. А. Д м и т р и е в, Г. И. С а ф р о н о в. А. Цесарец и Ф. М. Достоевский. В кн.: Развитие реализма в славянских литературах. Л., 1962, стр. 71—92.

[4] Ю. Ф у ч и к. Избранное. М., 1955, стр. 42.

[5] А. Г р а м ш и. Избранные произведения в трех томах, т. 3. М., 1959, стр. 541.

[6] С. Ц в е й г. Собрание сочинений, т. 7. Изд. «Время», Л., 1929, стр. 99.

[7] В. Л. П а р р и н г т о н. Основные течения американской мысли. Т. III. Возникновение критического реализма в Америке (1860—1920). Изд. «Иностранная литература», М., 1963, стр. 391.

Я. Вассермана, Г. Фаллады, в «Американской трагедии» Т. Драйзера (1925), повести А. Камю «Посторонний» (1949), романах У. Фолкнера и ряде других произведений литературы XX в.

Характерный образец творческого усвоения наследия Достоевского представителем социалистической литературы — роман А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» (1949), где, заново пересматривая гуманистические идеи и образы Достоевского, писательница подчиняет их борьбе против буржуазно-империалистической реакции нашего времени. Противоречивые идеи, мучившие героев Достоевского, наполняются у Анны Зегерс новым содержанием нашей эпохи: циничная идея «всё позволено» выражает у нее бесчеловечную сущность фашизма, а простая истина «человек — не вошь» получает смысл гуманистического протеста против жестокости мировой войны, навязанной человечеству гитлеровским фашизмом. В статье «Наполеоновская идея власти в романах Толстого и Достоевского» (1948) А. Зегерс, исходя из «Преступления и наказания», анализирует критическое отношение Достоевского к индивидуалистически настроенной личности и ее роли в истории.

В 1940—1960-х годах в США, во Франции, Англии, Италии и других странах вышло много новых изданий «Преступления и наказания», в том числе критических и комментированных. Так, борьба вокруг истолкования романа продолжается в наши дни и его идеи продолжают служить делу освобождения человечества. Более широкое освещение литературы вопроса см.: *ЛП*, стр. 716—732; *Pascal*, p. LIV—LVIII; *ЛН*, т. 86, стр. 662—759; Т. Мотылева. Достояние современного реализма. М., 1973, стр. 223—375.

Стр. 5.* *В начале июля, в чрезвычайно жаркое время...* — Лето 1865 г., к которому приурочено действие романа, было в Петербурге чрезвычайно жарким. «Жар, духота невыносимые! — писала одна из газет. — Когда ни взглянешь на термометр: 24—25—26 градусов выше поля, в тени! Ни малейшего ветерка! В первом, во втором часу ночи, едва можно дышать» (*ПЛ*, 1865, 18 июля, № 106). Ср.: стр. 332; *Данилов*, стр. 249.

Стр. 5. *... в С—м переулке ∾ к К—ну мосту.* — Столярный переулок, Кокушкин мост (см.: примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 56; *Анциферов*, стр. 57).

Стр. 7. *Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская...* — Циммерман — известный в Петербурге владелец фабрики «круглых и форменных шляп» и магазина головных уборов на Невском проспекте, в доме церкви Св. Петра (см.: *Михневич*, стр. 498). В его магазине была куплена шляпа самого Ф. М. Достоевского.

Стр. 7. *...он даже знал, сколько шагов ∾ к преогромнейшему дому, выходившему одною стеной на канаву, а другою в —ю улицу.* — Канава — ныне канал Грибоедова; —я улица — Екатерингофская (ныне — просп. Римского-Корсакова). По предположению Н. П. Анциферова, дом процентщицы находился у Никольского рынка. Дом четырехэтажный, «сейчас же из ворот направо лестница» (см.: *Анциферов*, стр. 98—99).

Стр. 11. *По Подьяческой пошел, Свою прежнюю нашел...* — Об интересе Достоевского к фольклору, в частности к городскому романсу, см.: Н. К. Пиксанов. Достоевский и фольклор. «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 152—180. Ср. стихи из водевиля актера и популярного водевилиста П. И. Григорьева 1-го (1806—1871), которые в 1862 г. высменвал журнал Достоевского: «Идя по Гороховой, мы будем непременно повторять прелестные стихи г-на Григорьева 1-го: По Гороховой я шел И гороху не нашел» (*Вр*, 1862, № 12, Современное обозрение, стр. 145).

Стр. 13. *...изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?* — Известное в 1860-х годах в Петербурге место ночлега нищих и бродяг, упоминаемое также в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (некоторые главы этого романа печатались в журнале «Эпоха», 1864, № 1).

---

* Здесь и ниже указаны страницы VI тома наст. изд.

С т р. 14. ...*А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?* — Как тонко отметил Б. Г. Реизов, «в речевом сознании трактирщика падший Мармеладов предстает сразу в двух видах: потенциально он „вы“, реально — „ты“...». «Слово „*служить*“ не сочетается с фамильярным и оскорбительным „*ты*“. Но слово „*работать*“ вполне с ним согласуется. Работает только тот, кому сказать „*вы*“ было бы невозможно» (Б. Г. Р е и з о в. Из наблюдений над стилем Ф. М. Достоевского. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Изд. ЛГУ, Л., 1969, стр. 99—101). См. также статью «„Ты“ и „вы“ в наших судах» («Весть», 1866, 22 декабря, № 107).

С т р. 14. ...*господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями...* — Значение этой фамилии Достоевский определил сам в черновых записях: «Лебезятников, лебезить, поддакивать... картина лебезятничества». И далее: «Нигилизм — это лакейство мысли» (см. стр. 202). Тот же персонаж встречается у Достоевского в рассказе «Бобок» (1873). О полемическом смысле образа Лебезятникова см. стр. 336.

С т р. 14. ...*всё тайное становится явным...* — Выражение, восходящее к Евангелию от Матфея, гл. 10, ст. 26—27 («Нет ничего сокровенного, что бы не открылось, и тайного, что бы не было узнано...»).

С т р. 14. «*Се человек!*» — слова Понтия Пилата о Христе из Евангелия от Иоанна, гл. 19, ст. 5.

С т р. 15. ...*с шалью танцевала...* — Это была почетная привилегия особо отличившихся воспитанниц закрытых учебных заведений.

С т р. 16. *И осталась она* ∽ *в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной...* — Обстоятельства, сходные с эпизодами биографии М. Д. Исаевой и Достоевского. После смерти первого мужа М. Д. Исаева осталась «заброшенная на край света», «без куска хлеба», «одна с малолетним сыном, в отдаленном захолустье Сибири, без призора и без помощи» (из писем Достоевского к М. М. Достоевскому, 13 января, 24 марта, 22 декабря 1856 г.).

С т р. 16. ...*книжку* — «*Физиологию*» *Льюиса, — изволите знать-с?* — Имеется в виду книга: Физиология обыденной жизни. Сочинение Д. Г. Льюиса. Перевод с английского профессоров Московского университета С. А. Рачинского и Я. А. Борзенкова. С политипажами. Издание книгопродавца А. И. Глазунова, М., 1861, 374 стр. В библиотеке Достоевского было второе издание этой книги — 1876 г. (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 47).

Как популярное изложение естественнонаучных идей книга Льюиса пользовалась широкой известностью среди материалистически настроенной русской молодежи 1860-х годов наряду с сочинениями Т. Г. Бокля, Ч. Дарвина, Я. Молешотта К. Фохта, Л. Бюхнера. По свидетельству мемуаристов, «Физиология обыденной жизни» была одной из тех книг, на которую «с жадностью набрасывались» нигилистки 1860-х годов (см.: Е. Ф. Ю н г е. Воспоминания. СПб., 1914, стр. 480). Эту книгу называли в ряду тех сочинений, которые должны научить молодежь «служению общественным интересам» (см.: Е. Н. В о д о в о з о в а. На заре жизни, т. II, ч. 3. Гослитиздат, М., 1964, стр. 79, 117).

«Эта книга, — писало «Время» в 1861 г. о «Физиологии» Льюиса, — уже имеет у нас свою историю. Едва она вышла, „Отечественные записки“ схватились за нее, чтобы на основании физиологии опровергать разные отвлеченные учения г-на Чернышевского; можно было подумать, что до появления Льюиса физиология была вовсе неведома в Российском государстве: так неожиданно она восстала в первый раз против г-на Чернышевского. Г-н Чернышевский ⟨...⟩ отвечал, что „Отечественные записки“ совсем не понимают Льюиса, а что он, Чернышевский, вполне его понимает и совершенно с ним согласен. Тогда „Русский вестник“ стал предостерегать г-на Чернышевского, чтобы он не слишком доверялся Льюису, что есть вещи, в которых он с Льюисом никак не сойдется ⟨...⟩ мы бы советовали ему остерегаться англичан ⟨...⟩ Все эти Льюисы, Бокли, Милли, Дарвины — преопасный народ...» (*Вр*, 1861, № 11, стр. 51).

В 1864 г. книга Льюиса упоминалась в полемических статьях «Эпохи»

и «Русского слова» о молодом поколении (см.: Д. А в е р к и е в. Университетские отцы и дети. *Э*, 1864, № 3; Д. П и с а р е в. Нерешенный вопрос. *РСл*, 1864, №№ 9—11). Д. В. Аверкиев писал о ней в журнале братьев Достоевских: «...немецкий ученый педант сочтет для себя за великое оскорбление, если его спросить, читали ли вы „Физиологию" Льюиса? — „Кто этот Льюис? Стану я популярные сочинения читать!"» (*Э*, 1864, № 3, стр. 304—305).

«Плохих популяризаторов на свете очень много, но выводить из этого простого факта заключение против популяризирования вообще способен только сотрудник „Эпохи" ⟨...⟩ — отвечал Аверкиеву Д. И. Писарев. — Я видел собственными глазами, что двадцатилетняя девушка, не имевшая никакого понятия о физиологии, с величайшим увлечением, почти не отрываясь от книги, прочитала три большие статьи из „Физиологических картин" Бюхнера ⟨...⟩ писатель, достигающий таких блестящих результатов, имеет полное право считаться образцовым популяризатором» (Д. И. П и с а р е в. Нерешенный вопрос. *РСл*, 1864, № 11, стр. 54—55; ср.: Д. И. П и с а р е в. Реалисты. В изд.: *Писарев*, т. 3, стр. 130—131).

Эпизод чтения «Физиологии обыденной жизни» Соней Мармеладовой, дошедшей в своем образовании лишь до самых начальных страниц древней истории («На Кире Персидском остановились»), возможно, навеян этой полемикой и представляет иронический выпад Достоевского против попыток решать вопросы нравственности с позиций позитивизма (ср. статью Н. Страхова «Естественные науки и общее образование», где автор выясняет, «в какой степени нужны и годны известные науки для общего образования» — *Э*, 1864, № 7, стр. 4).

В черновых записях к роману Лебезятников «ссудил» Соне первоначально «одну книжку какую-то об море и что внутри его есть...» (стр. 107). Под этой «книжкой» подразумевалось скорее всего другое сочинение того же Льюиса. В газетах 1865 г. извещалось о продаже в книжном магазине А. И. Глазунова книг: «На берегу моря. Зоологические этюды Георга Генри Льюиса, автора „Физиологии обыденной жизни"» (М., 1862) и сочинения Гартвига «Море и его жизнь» (М., 1864; переиздана в 1866 г.).

С т р. 17. *...много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?* — Вопрос о женском труде и об его оплате — один из злободневных в 1860-е годы. «Известно, что у нас ныне, так сказать, мода на вопрос о женском труде», — писал «Голос», помещая обзор содержания лекций Е. П. Карновича «О женском труде». «Она, — говорится о женщине в этом обзоре, — работая неутомимо, расходуя за малое вознаграждение свою жизнь, подвергается самым трудным испытаниям, самым горьким лишениям ⟨...⟩ Не надо забывать, что вследствие горького положения женщины-работницы она часто повергается в порок и окончательно погибает» («Голос», 1865, 2 (14) апреля, № 92). Публичные лекции Е. П. Карновича о положении трудящейся женщины в Петербурге привлекали к себе пристальное внимание (см.: *СПб Вед*, 1865, 25 марта (6 апреля), № 76; 15 (27) апреля, № 91; 20 апреля (2 мая), № 95; 29 апреля (11 мая), № 104; 30 апреля (12 мая), № 105; а также: Е. К а р н о в и ч. Санкт-Петербург в статистическом отношении, СПб., 1860). Журналы Достоевского также писали о тяжести женского труда (ср.: М. Р о д е в и ч. Наша общественная нравственность. *Вр*, 1862, № 8; П. С о к а л ь с к и й. Заметки по вопросу общественной нравственности. *Вр*, 1862, № 10; Ив. М о л ч а н о в. Очерки из жизни московских белошвеек. *Э*, 1865, № 2). Организация женского труда, устройство швейных мастерских на артельных началах — одна из тем романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863).

С т р. 17. *...большой драдедамовый зеленый платок...* — Драдедам (от франц. drap de dames) — тонкое (дамское) сукно. А. Г. Достоевская вспоминает о своем первом посещении квартиры писателя в 1866 г.: «Я позвонила, и мне тотчас отворила дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зеленом в клетку платке. Я так недавно читала „Преступление ⟨и наказание⟩", что невольно подумала, не является ли этот платок прототипом того драдедамового платка, который играл такую большую роль в семье Мармеладовых» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 69).

С т р. 18. *Живет же на квартире у портного Капернаумова...* — Фами-

лия Капернаумов, по мнению Б. В. Томашевского, возможно, восходит к «Истории тринадцати» Бальзака (см.: *Д, Письма*, т. I, стр.466). Символический характер имени Капернаумова близок евангельским мотивам романа, связанным с образом Сони. В черновых записях, так же как евангельская блудница Мария Магдалина из города Магдала, близ Капернаума, Соня идет за Раскольниковым «на Голгофу...» (см. наст. том, стр. 192). В то же время в просторечии существовало и другое, фамильярно-бытовое значение слова «капернаум» — веселое «заведение», кабак. См.: *Кирпотин, Разочарование Раскольникова*, стр. 169—170; М. С. Альтман. Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского. В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 209—212.

Первоначально, в черновых записях к роману, для хозяина квартиры, где живет Соня Мармеладова, предназначалась фамилия Ухватова (см. стр. 109). Имя это было, очевидно, навеяно статьей А. Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина» (*ОЗ*, 1851, № 6), где толкуется слово «ухват». Достоевский упоминает о ней в повести «Село Степанчиково» и статье «Г.-бов и вопрос об искусстве» (см.: наст. изд., т. III, стр. 135, и т. XVIII).

Стр. 18. *...звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок...* — В газетах того времени часто встречались сообщения о детях, которых шарманщики «таскают с собою по улицам» (см., например: «Голос», 1865, 20 января (1 февраля), № 20).

Стр. 18. *«Хуторок»* — популярная в России в середине XIX в. песня Е. Климовского на слова А. В. Кольцова (см., например: Петербургский песенник. Собрание лучших романсов и песен. СПб., 1868, стр. 9—10).

Стр. 21. *Прощаются же и теперь грехи твои мнози...* — Измененная цитата из Евангелия от Луки (гл. 7, ст. 47—48): «А потому сказываю тебе: прощаются грехи ея многие за то, что она возлюбила много...». В экземпляре Евангелия, принадлежавшем Достоевскому (см. примеч. к стр. 248), эти строки отмечены Достоевским знаком NB (*ГБЛ*, ф. 93, I, 5в. 1, л. 86).

Стр. 25. *А ведь Сонечка-то ∾ золотопромышленность...* — Раскольников иронически сравнивает «ремесло» Сони с деятельностью, сопряженной с риском, — с охотой на зверя, дающего ценные меха (медведь, рысь, лиса), и с трудом золотоискателей.

Стр. 27. *...письмо было большое, плотное, в два лота...* — Лот — русская мера веса (12, 797 г), применявшаяся до введения метрической системы.

Стр. 29. *Развязка же наступила неожиданная.* — Подобный случай был описан в журнале Достоевских «Время»: «Гувернантка, прожившая в семье больше шести лет, спасаясь от преследований помещика, выскочила в окно, спрятавшись в саду. Когда она потом вышла из засады, то увидела все свои пожитки выброшенными во двор ⟨...⟩ Девушка приютилась у соседей, а благородное семейство, ею теперь оставленное, чтоб оправдать свой гнусный поступок, принялось поносить ее на весь околоток разными небылицами» (*Вр*, 1861, № 3, стр. 37).

Стр. 34. *...сыграть свадьбу ∾ госпожинок.* — В России свадьбы справлялись между постами — в мясоед, т. е. в период, когда по православному церковному уставу разрешалась мясная пища. Госпожинки — пост с 1 по 15 августа, за которым следовал так называемый осенний мясоед (15 августа — 14 ноября).

Стр. 35. *...через В—й проспект...* — Т. е. Вознесенский (ныне пр. Майорова).

Стр. 37. *...у этих шиллеровских прекрасных душ...* — Имя Шиллера для Достоевского с юных лет было «родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний». Возвышенные мечтания, чувство прекрасного, связанные с чтением Шиллера, Достоевский в конце своей жизни рекомендует воспитывать в детях (см. письмо Достоевского к Н. Л. Озмидову, 18 августа 1880 г.). Как символ этического идеализма имя Шиллера и образы шиллеровских «прекрасных душ» («Schöne Seelen») нередко встречаются также и в других романах Достоевского (ср.: *Библиотека*, стр. 95—96; *Фридлендер*, стр. 278—284; Н. Вильмонт. Великие спутники. Изд. «Советский писатель», М., 1966, стр. 7—316).

С т р. 37. *...за весь Шлезвиг-Гольштейн не отдаст...* — Отторжение герцогств Шлезвиг и Гольштейн от Дании и присоединение их к Пруссии было одной из целей войн Пруссии с Данией (1864) и Австрией (1866). В 1867 г. Шлезвиг и Гольштейн стали прусскими провинциями. Все эти события систематически освещались русскими газетами и журналами 1860-х годов, в частности журналом Достоевского «Время» (см.: 1861, № 4, Прусские дела). Ср.: *СПб Вед*, 1865, 21 июля (2 августа), № 185; «Голос», 1865, 7 (19) июля, № 185; *М Вед*, 1865, 9 и 12 мая, №№ 100, 102.

В дни работы над романом в Люблине летом 1866 г. Достоевский рассказывал окружающим «о последних политических событиях, весь интерес которых в то время сосредоточивался на австро-прусской войне» (Н. Ф о н - Ф о х т. К биографии Ф. М. Достоевского. *ИВ*, 1901, № 12, стр. 1030). О войне Пруссии с Австрией Достоевский упоминает и в письме к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г. В записной тетради 23 августа 1864 г. писатель заметил: «Уж если Австрия поступит под покровительство Пруссии, то это даром не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн...».

С т р. 37. *...скорее в негры пойдет к плантатору...* — Гражданская война между Севером и Югом (1861—1865) и борьба за освобождение негров в США находили живой отклик в русском обществе, передовых журналах и газетах 1860-х годов, которые часто прибегали к аналогиям между положением крепостных крестьян и негров в Америке. В 1857 г. вышел русский перевод «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, в 1862 г. в приложении к журналу Достоевского «Время» был напечатан перевод романа Р. Хильдрета «Белый раб». Оба эти произведения, написанные сторонниками освобождения негров, живо рисовали отношения между ними и плантаторами Южных штатов. В 1861 г. журнал «Время», пытаясь ответить на вопрос: «Что такое американский негр?» в Южных штатах, писал: «Он есть вещь, которую владелец может променять, продать, отдать в наем, заложить, проиграть в карты, подарить или передать по наследству ⟨...⟩ право личной защиты, принадлежащее всякому человеческому существу, не принадлежит негру-невольнику ⟨...⟩ Невольника бьют, секут ⟨...⟩ и после нескольких дней страданий и стонов вынесший пытку снова начинает работать на плантациях ⟨...⟩ Физические страдания и болезни еще ничего не значат в сравнении с унижением нравственным ⟨...⟩ Но время освобождения невольников, кажется, уже близко ⟨...⟩ В испано-американских республиках произошло уже соединение трех рас ⟨...⟩ теперь все между собой братья и сограждане. Можно ли надеяться, что южные штаты последуют наконец этому благородному примеру?» (*Вр*, 1861, № 4, стр. 494, 496, 500, 519).

С т р. 37. *...в латыши к остзейскому немцу...* — В газетах 1860-х годов не раз сообщалось о тяжелом положении латышей в остзейских губерниях: «Обыкновенный немецкий башмачный подмастерье считает крестьянина ⟨...⟩ своим рабом ⟨...⟩ Помещика они *должны* называть *великий господин* ⟨...⟩ народ до того угнетен и поруган, что образованный латыш часто не смеет даже признать себя за латыша...» (Л а т ы ш. Из Лифляндии. *М Вед*, 1865, 29 мая, № 115). О бегстве латышских крестьян из остзейских (прибалтийских) губерний сообщалось в заметке барона П. Корфа «Латыши в Петербурге» (*М Вед*, 1865, 26 июня, № 139; ср.: *СПб Вед*, 1865, 19 ноября (1 декабря) и 27 ноября (9 декабря), №№ 305, 313). В 1862 г. статья по остзейскому вопросу в журнале «Время» была запрещена. «В последней книжке нынешнего года (июньской) запрещена статья П. Сокальского ⟨...⟩ об остзейских крестьянах. В статье проведена та мысль, что положение свободных (с 1817 года) остзейских крестьян еще хуже, невыносимее быта наших крепостных» (Капитон С у н г у р о в. Записки корректора. Цитируется по статье: В. Б а з а н о в. Капитон Сунгуров и его записная книжка. *РЛ*, 1962, № 1, стр. 228).

С т р. 39. *...проходил же он тогда по К—му бульвару.* — Имеется в виду Конногвардейский бульвар (ныне бульвар Профсоюзов).

С т р. 40. *Эй вы, Свидригайлов!* — Современникам Достоевского было знакомо это имя. Газета «Искра», сообщая в 1861 г. в разделе «Нам пишут» о «фатах, бесчинствующих в провинции», — Бородавкине («фат вроде пуш-

кинского графа Нулина») и его левретке «Свидригайлове», так характеризовала последнего: «...Свидригайлов — чиновник особых, или, как говорят *особенных,* или, как еще выражаются, *всяких* поручений... Это, ежели хотите, фактор ⟨...⟩ человек темного происхождения, с грязным прошедшим, личность отталкивающая, омерзительная для свежего честного взгляда, вкрадчивая, вползающая в душу ⟨...⟩ У Свидригайлова всё в руках: он и председатель какого-то нового комитета, нарочно для него придуманного, он участвует и в ярмарочном, он ворожит и по коннозаводству, он всюду ⟨...⟩ Нужно ли сочинить какую-нибудь каверзу, перенести куда следует сплетню, подгадить... на это один готовый и талантливый человек — Свидригайлов; нужно ли сорвать с кого-нибудь за место или по делу крупную, задушевную взятку; нужно ли приобрести хорошенькую гувернантку... Гм! для всего этого самый сметливый фактатум, самый расторопный посредник — Свидригайлов...

И эта низкая, оскорбляющая всякое человеческое достоинство, ползающая, вечно пресмыкающаяся личность благоденствует: строит дом за домом, обзаводится лошадьми и экипажами, кидает ядовитую пыль в глаза общества, на счет которого жиреет, бухнет, как грецкая губка в мыльном растворе...» (*И*, 1861, 14 июля, № 26; см. также: *И*, 1861, 13 января и 30 июня, №№ 2, 24).

С т р. 41. *...будто папироску свертывает...* — 4 июля 1865 г. было опубликовано постановление, разрешавшее курить на улицах Петербурга. До этого курение на улице в столице преследовалось полицией (см.: *СПб Вед,* 1865, 20 июня (2 июля), № 154; см. также: *Данилов,* стр. 256).

С т р. 43. *Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то...* — Рассуждения о постоянном «проценте» жертв, неизбежно обреченных природой на преступление и проституцию, встречались в 1865—1866 гг. на страницах русских газет и журналов в связи с появлением на русском языке книги известного бельгийского математика, экономиста, «отца статистики» А. Кетле «Человек и развитие его способностей. Опыт общественной физики» (т. I, СПб., 1865). Вокруг идей Кетле в русской журналистике велась оживленная полемика (см.: *Фридлендер, стр.* 150—157; *Этов,* стр. 220—230). Одного из популяризаторов идей Кетле, немецкого вульгарного экономиста А. Вагнера, Достоевский называет на страницах романа (см. примеч. к стр. 307). Кетле и Вагнера тогдашние газеты провозглашали столпами «науки нравственной статистики» (см.: *СПб Вед,* 1865, 6 (18) марта, 28 марта (9 апреля), 29 марта (10 апреля), 23 апреля (5 мая), №№ 58, 78, 79, 98).

Следуя учению Кетле, Вагнер пытался «утвердить статистически» «законосообразность человеческих действий». «Исследуя браки, самоубийства, преступления и развивая законы, управляемые ими, — писал он, — мы... можем с большой точностью предсказать наперед, сколько браков, разводов, самоубийств и преступлений случится в следующем году и как они распределятся» (А. В а г н е р. Общий вывод положительного метода. Перевод под ред. Н. Неклюдова. СПб., 1866, стр. 306, 378).

С т р. 45. *...перешел мост и поворотил на Острова. Зелень и свежесть понравились сначала его усталым глазам...* — Имеется в виду Тучков мост через Малую Неву. По свидетельству наборщика М. А. Александрова, сам Достоевский всегда любил эти места: «В летние приезды свои в Петербург, или весной, в начале лета, до отъезда из Петербурга, Федор Михайлович в часы отдыха делал прогулки за город, чтобы подышать чистым воздухом. В таких случаях из окрестностей столицы он отдавал предпочтение архипелагу невских островов, в особенности ему нравились острова Аптекарский, Елагин и Каменный...» (М. А л е к с а н д р о в. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 гг. Оттиск из «Русской старины» (1892, май) с авторскими исправлениями. *ЦГАЛИ,* ф. 212, I. 256).

С т р. 46. *Приснилось ему его детство, еще в их городке.* — Описание этого сна навеяно автобиографическими воспоминаниями (см. в черновых записях: «как одна загнанная лошадь, которую я видел в детстве» — см. стр. 41). Дрожащих от слабости, загнанных, тощих крестьянских клячонок Достоевский мог видеть в деревне, в усадьбе родителей, неподалеку от Зарайска.

В переписке М. А. и М. Ф. Достоевских не раз упоминаются «чрезвычайно худые» лошади, которые «не в силах пахать» и «дотащить» до Москвы (см. письмо М. А. Достоевской к М. Ф. Достоевскому от 26 апреля 1835 г. в кн.: В. С. Н е ч а е в а. В семье и усадьбе Достоевских (письма М. А. и М. Ф. Достоевских). Соцэкгиз, М., 1939, стр. 83, 84).

В подготовительных материалах к роману Достоевский замечает: «Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь» (см. стр. 138). Писатель вспоминает здесь об «одном действительном происшествии», когда ему «было всего лишь около пятнадцати лет от роду». Случай с фельдъегерем произошел на одной из почтовых станций в Тверской губернии при переезде братьев Достоевских из Москвы в Петербург для поступления в Инженерное училище: «Ямщик тронул, но не успел он и тронуть, как фельдъегерь приподнялся и молча, безо всяких каких-нибудь слов, поднял свой здоровенный правый кулак и, сверху, больно опустил его в самый затылок ямщика. Тот весь тряхнулся вперед, поднял кнут и изо всей силы охлестнул коренную. Лошади рванулись, но это вовсе не укротило фельдъегеря. Тут был метод, а не раздражение, нечто предвзятое и испытанное многолетним опытом, и страшный кулак взвился снова и снова ударил в затылок. Затем снова и снова, и так продолжалось, пока тройка не скрылась из виду. Разумеется, ямщик, едва державшийся от ударов, беспрерывно и каждую секунду хлестал лошадей, как бы выбитый из ума, и, наконец, нахлестал их до того, что они неслись как угорелые ⟨...⟩ Эта отвратительная картинка осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь» («Дневник писателя за 1876 г.», январь, гл. III, раздел I).

«Сон Раскольникова о загнанной лошади» Достоевский выбрал для чтения на вечере в пользу педагогических курсов 21 марта 1880 г. «Впечатление было подавляющее, и я сама видела, как люди сидели бледные от ужаса, а иные плакали» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 351; см. также газеты: «Берег», 1880, 28 марта, № 14; *НВр,* 1880, 1 (13) апреля, № 1470).

С т р. 48. *Он бежит подле лошадки ∾ он видит, как ее секут по глазам...* — Эти строки перекликаются со стихами Некрасова на ту же тему: «и по плачущим, кротким глазам» (из цикла «О погоде», ч. II — «До сумерек», 1859). Достоевский вспоминает эти стихи позднее в романе «Братья Карамазовы» (ч. II, гл. IV, «Бунт»). Близкий мотив встречается также у В. Гюго («Меланхолия», 1846; опубл. — 1856).

Газеты 1860-х годов не раз возмущенно писали об истязании лошадей ломовыми извозчиками (см., например: «Голос», 1865, 3 (15) марта, № 62, Петербургские отметки).

С т р. 51. *...К—ного переулка...* — Конного переулка (ныне — переулка Гривцова). В доме Краипхфельда (№ 24) в 1850-х годах жил Н. Н. Страхов.

С т р. 53. *...Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...* — Рост человека обозначался в вершках сверх двух аршин (вершок — 4.44 см, аршин — 71 см).

С т р. 60. *Юсупов сад* — по Садовой ул., против Екатерингофского проспекта (ныне — проспект Римского-Корсакова). «Не обширный и не особенно густой; но весьма красиво расположенный, с прудком посредине, украшенным отличным фонтаном. Находясь в самом кипучем центре города, этот сад летом с утра до вечера обыкновенно битком бывает набит публикой, преимущественно среднего и ремесленного классов ⟨...⟩ Название свое он получил по имени прежнего своего владельца ⟨...⟩ Такая переполненная жителями часть города, как Спасская, имеет один только и то незначительный общественный сад — именно Юсупов» (*Михневич,* стр. 116, 120; см. также: *Анциферов,* стр. 86).

С т р. 60. *«Так, верно, те, которых ведут на казнь, прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге»...* — Эти чувства были знакомы самому Достоевскому. «Из окон кареты, когда везли на Семеновский плац, я видел бездну народа...» — писал он М. М. Достоевскому из Петропавловской крепости 22 декабря 1849 г. Психология приговоренного к смертной казни глубоко волновала писателя. В 1860 г. в журнале «Светоч» М. М. Достоевским был опубликован перевод рассказа В. Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни». Достоевский считал это произведение Гюго шедевром — самым реальнейшим и самым правдивейшим

произведением из всех им написанных (см.: «Кроткая», 1876 — наст. изд., т. XXI). Герой рассказа Гюго по дороге на казнь «прилепливается мыслями ко всем предметам», обращает внимание на вывески и толпу. «Несмотря на туман ⟨...⟩ ничто из происходящего вокруг меня не ускользнуло из моего внимания ⟨...⟩ Глазами я машинально читал лавочные вывески» (цитируется по: *С*, 1865, № 11—12, стр. 316,317; ср.: В. Гюго. Собрание сочинений в 15 томах, т. I. Гослитиздат, М., 1953, стр. 291—292).

Стр. 64. *Финифтяный образок.* — Финифть — эмаль. В XVIII—XIX вв. в России широкое хождение имели финифтяные иконки, изготовлявшиеся в Ростове Великом.

Стр. 75. *...всходили и сходили ∾ хожалые...* — Хожалый — рассыльный; в данном случае — служитель при полиции.

Стр. 77. *...всем нам манкируете...* — Т. е. относитесь без должного уважения (от франц. manquer).

Стр. 78—79. *...ганц фортепьян ∾ гедрюкт будет...* — Ганц (нем. ganz) — весь; зейн рок (нем. sein Rock) — его сюртук, пиджак; здесь: фрак; ман мус (нем. man muß) — должно́; гедрюкт (нем. drücken) будет — будет напечатан.

Стр. 79. *...я во всех газет могу про вас всё сочиниль.* — «Нравы нашего литературного задворья, — писал фельетонист одной из газет в 1865 г., — становятся всё более и более дикими. Про обличителей разных трактиров, ресторанов и проч. приходится слышать вещи самого возмутительного содержания. Они являются всюду, едят, пьют, получают подарки и хвастаются, что обличат тотчас, если что не по них, т. е. если не дадут им взятки или спросят за выпитое вино или съеденный обед деньги» (Из дневника Петербуржца. — *СПб Вед,* 1865, 8 июля, № 172; о нападках на «обличителей», традиционных для тогдашней консервативной прессы, ср.: *Данилов,* стр. 255).

Стр. 79. *Это был сам Никодим Фомич, квартальный надзиратель.* — В июне 1865 г. Достоевский получил повестку явиться в контору третьего квартала Казанской части (Столярный переулок) по делу о назначенной ему описи имущества за неплатеж по векселям. Повестка была подписана квартальным надзирателем Макаровым (см.: *Гроссман, Жизнь и труды Достоевского,* стр. 149). Представляется вероятным, что прототипом Никодима Фомича в романе был тот надзиратель, который улаживал дело Достоевского (ср.: *Гроссман, Город и люди,* стр. 7).

В письме к А. Н. Майкову от 27 октября (8 ноября) 1869 г. Достоевский вспоминает, что, когда Стелловский грозился засадить его в тюрьму, «так что уж и помощник квартального приходил ко мне для исполнения», он «с помощником квартального тогда подружился» и последний «мне много тогда способствовал разными сведениями, которые потом пригодились для „Преступления и наказания“». Этот «помощник квартального» Илья Петрович также упоминается в романе (см. стр. 76—83).

Стр. 80. *...векселей надавал, квартиру не очищает ∾ не понимаю совершенно, какой это вексель!* — Когда после смерти брата Михаила Михайловича Достоевский взял на себя его долги, «к нему стали являться люди ⟨...⟩ брали векселя, обещали ждать...» Один из векселей был выдан писателю Х. (Бабикову?). Он «горячо благодарил, обещал ждать ⟨...⟩ Каково же было изумление Федора Михайловича, когда через две недели с него потребовали по этому векселю деньги и хотели приступить к описи имущества». Оказалось, что квартирная хозяйка писателя Х. «грозила прогнать его с квартиры и он, доведенный до крайности, отдал ей вексель Федора Михайловича ⟨...⟩ пришлось за большие проценты занять деньги для уплаты этого долга» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания,* стр. 211—212).

Стр. 80. *...но все еще будируя.* — Т. е. сердясь (от франц. bouder).

Стр. 80. *...с своей стороны манкировал.* — См. примеч. к стр. 77.

Стр. 85. *...выходя с В—го проспекта ∾ заметил он большой неотесанный камень...* — Имеется в виду Вознесенский проспект. «Ф. М. в первые недели нашей брачной жизни, гуляя со мной, — вспоминает жена писателя, — завел меня во двор одного дома и показал камень, под которым его Раскольников спрятал украденные у старухи вещи. Двор этот находится по Вознесенскому

проспекту, второй от Максимилиановского переулка; на его месте построен громадный дом, где теперь редакция немецкой газеты. На мой вопрос, зачем же ты забрел на этот пустынный двор? Федор Михайлович ответил: А за тем, за чем заходят в укромные места прохожие». (Примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 56; ср.: *Анциферов*, стр. 61).

Стр. 88. ...*книгопродавец Херувимов* ∾ *естественнонаучные книжонки выпускает* ∾ *«Confessions»*...— Газеты 1860-х годов были полны объявлений о конкурсе на составление книг для народа, объявленном Комитетом грамотности, и о продаже новинок естественнонаучной литературы. Среди других книг часто газеты извещали об изданиях О. И. Бакста (В. Р. Г р а в е. Соотношения физических сил. Перевод М. Антоновича; М. Ф а р а д е й. Силы природы и их соотношение. Перевод В. Лугинина и др.). В его же типографии была издана книга, которую, возможно, имеет в виду Разумихин: «Классические иностранные писатели в русском переводе» (ч. 1—4, СПб., 1865). Здесь печаталась «Исповедь» Жан-Жака Руссо в переводе Ф. И. Устрялова, причем продолжение ее печаталось во всех четырех частях этого сборника. О. И. Бакст был близко связан с петербургским студенчеством. В доме братьев Бакст (В. И. Бакст — физиолог, профессор Петербургского университета) собирались революционно настроенные студенты. Книги, изданные в типографии Бакста, продавались в книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича, друга Чернышевского. Книжный магазин и библиотека для чтения Серно-Соловьевича был «штаб-квартирою студенчества по закрытии университета». Здесь можно было узнать все политические и литературные новости (см.: И. Н и к о л а д з е. Воспоминания о шестидесятых годах. «Каторга и ссылка», 1927, № 34, стр. 32).

В черновых записях романа (см. стр. 37) Достоевский называет книгопродавца Зайчиковым, в окончательном же тексте дает ему фамилию Херувимов. Эта фамилия, как и фамилия Зосимов, несомненно свидетельствует о принадлежности этих лиц, по замыслу автора, к кругу семинаристов, близких к разночинно-демократической среде.

В рассуждениях Разумихина о деятельности Херувимова содержится скрытая ирония по поводу полезности популяризации естественнонаучных знаний среди неподготовленных к их восприятию читателей.

Прямой иронический отклик на одну из статей «Современника» ощущается в следующих словах Разумихина: «...в направление тоже полез, ⟨...⟩ рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек». Здесь иронически перефразирован подзаголовок одного из обозрений Г. З. Елисеева: «Разные мнения о том: женщины — люди ли? — Мнения древних, мнения новейшие. — Наше предубеждение в пользу женщин» (*С*, 1861, № 5, Внутреннее обозрение, стр. 53).

Женский вопрос — т. е. проблема равноправия женщины — один из вопросов, по которому в 1860-е годы шла острая борьба между охранительной и демократической печатью.

На страницах «Современника» в 1850—1860-х годах печатались статьи соратника Н. Г. Чернышевского М. Л. Михайлова: «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» и «Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин» (*С*, 1860, №№ 4, 5, 8, 11), «Уважение к женщинам (Историческое исследование)» (*С*, 1866, №№ 2, 3). Еще ранее выступления Михайлова по женскому вопросу приветствовал Д. И. Писарев («Рассвет», 1859, № 11).

Наряду с русскими сочинениями по женскому вопросу выходили переводные. В 1865 г. газеты оповещали о том, что в книжных магазинах Петербурга и Москвы продается только что отпечатанная книга под названием: «Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях. Исследование медицинское, философское и литературное. Соч. д-ра Герцеги; перевод с французского» (*М Вед*, 1865, 13 мая, № 103; *СПб Вед*, 1865, 5 (17) мая, № 110 и след.). В 1865 г. в газетах (*М Вед*, 1865, 10 сентября, № 197, а также: *СПб Вед*, 1865, 2 ноября, № 288) сообщалось о поступившей в продажу книге Р. Ф. Вирхова «О воспитании женщины сообразно ее призванию», с приложением статьи Д. И. Писарева «Мысли Вирхова о воспитании жен-

пции» (*РСл*, 1865, № 4). Русское издание книги Вирхова приветствовал «Современник» (1865, № 7, стр. 111). Вирхов доказывал необходимость знания домашними хозяйками анатомии, физиологии, химии. Его брошюра (так же, как и книга Льюиса «Физиология обыденной жизни») была предметом оживленной полемики, которую вели журналы в 1860-е годы по вопросам «реального образования» и значения естественных наук в России.

С т р. 88. *...кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев.* — В статье «Антропологический принцип в философии» (1860) Чернышевский назвал Руссо революционным демократом (см.: *Чернышевский*, т. VII, стр. 223). Д. И. Писарев в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин» (гл. VII) (сб. «Луч», т. I. СПб., 1866) сообщал такие биографические материалы о Руссо, которые напоминали русским читателям о Радищеве: «В 1762 году ⟨...⟩ книгу сжигают ⟨имеется в виду «Эмиль, или О воспитании», — *ред.*⟩; автора посылают арестовать...», «Книга, стоившая сначала восемнадцать ливров, продается за два луидора» (*Писарев*, т. 4, стр. 179).

С т р. 89. *Тем промышляют, почтенный, тем промышляют...* — Эту фразу комментирует следующая заметка одной из петербургских газет 1860-х годов: «Давно уж мы не говорили о рысачниках, а между тем эти господа продолжают свои подвиги. Так, не далее как в пятницу, около полудня, чрез Александринскую площадь к Невскому неслась пара вороных в дышловых санках самым сумасшедшим образом, унося осанистого толстого кучера и молодого пикара, закутанного в бобры или соболь ⟨...⟩ Когда санки миновали театр ⟨...⟩ какой-то средних лет господин перебирался через дорогу ⟨...⟩ мгновенно на него налетела пара, сшибла с ног и помчалась далее ⟨...⟩. Сшибленный с ног господин вскочил на ноги ⟨...⟩ и, к счастью, отделался только падением и испугом. При виде удачного столкновения рысачник погрозил упавшему джентльменским кулаком и прокричал фразу, смысл которой часто можно слышать, хотя и в другой форме, от истых рысачников: „Мерзавец! Вздумал подвертываться под лошадей, чтоб сорвать награждение. Благодари судьбу, что не переломил руку или ногу!..“ ⟨...⟩ Что эти господа давят прохожих, это, конечно, не ново; но им этого кажется мало: давят да еще оскорбляют ничем не доказанным подозрением» («Голос», 1865, 6 (18) марта, № 65, Петербургские отметки; ср.: *Данилов*, стр. 254).

С т р. 89. *...пожилая купчиха, в головке...* Головка — женская головная повязка.

С т р. 93. *Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин...* — Впервые студент университета Разумихин появляется в романе (стр. 43—44) как человек,наделенный чертами,которые в той или иной мере не могли не напомнить читателю героя романа Чернышевского «Что делать?» Рахметова с его «спартанским образом жизни» и незаурядной силой (имя Рахметова упомянуто в черновых записях к роману рядом с именем Разумихина — стр. 71). Самая фамилия Разумихина также подчеркивает принадлежность друга Раскольникова к кругу демократического студенчества 1860-х годов с присущей последнему высокой оценкой разума, противопоставленного авторитету (см.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 19—21; *Гус*, стр. 291—294 (о возможном изменении идейного облика Разумихина в связи с выстрелом Каракозова); *Евнин*, стр. 160—161).

С т р. 93. *...в нашей конторе артельщиком, от купца Шелопаева-с...* — В 1866 г. Достоевскому при улаживании своих дел с кредиторами приходилось часто обращаться к артельщику издателя Стелловского: «...артельщик или что-то вроде его приказчика в магазине Стелловского. С этим артельщиком я потом говорил...» (письмо Достоевского к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г.). Именем Шелопаева Достоевский, возможно, и заклеймил здесь «безграмотного» петербургского второй гильдии купца Федора Тимофеевича Стелловского, с которым он вынужден был «при обстоятельствах ужасных» на крайне тяжелых для себя условиях заключить контракт на издание полного собрания своих сочинений, включая и роман «Преступление и наказание» (Условие за № 292, заключенное 2 июля 1865 г., см. в кн.: *Сб. Достоевский, I*, стр. 444). Подтверждением этого можно считать то обстоятельство, что впервые имя Шелопаева появляется на тех же страницах записной тетради,

где речь идет о Чебарове, т. е. Бочарове, поверенном Стелловского (см. примеч. к стр. 97).

Стр. 94. *...купца Вахрушина знает!* — Подразумевается, очевидно, купец Бахрушин, имя которого было широко известно в Москве (см.: *Бем, Личные имена,* стр. 426).

Стр. 94. *...он только так... опять вояжирует.* — В данном случае грезит, блуждает в царстве снов (от франц. voyager).

Стр. 96. *Харламова дом* ~ *вовсе и не Харламов дом, а Буха...* — Дом Харламова находился в Конном переулке близ Сенной, в доме Буха по Екатерининскому каналу находился судебный участок. См.: «Судебник». СПб., 1866, стр. 333; Н. Цылов. Описание улиц Санкт-Петербурга и фамилии домовладельцев в 1863 г. СПб., 1862, стр. 392. Дом Буха на 2-й линии Васильевского острова упоминается Достоевским в записной книжке среди записей адресов (*ЦГАЛИ,* ф. 212. 1, 3, с. 1).

Стр. 97. *Авенантненькая* — приятная, привлекательная (от франц. avenante).

Стр. 97. *...господин Чебаров, надворный советник и деловой человек.* — Как указал А. С. Долинин, за этим слегка измененным именем скрывается поверенный Стелловского Бочаров (см. о нем письмо Достоевского к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г., см. также: *Д, Письма,* т. II, стр. 509).

Первоначально Достоевский дал Бочарову фамилию Бочкаров. Это имя каллиграфически выписывается на стр. 57 первой записной тетради. Затем на стр. 96 появляется имя «Чебарóв».

Поверенный Стелловского, Иван Петрович Бочаров, был воспитанником императорского училища правоведения, выпуска 1840 г. В 1867 г. он вел дело Ф. Стелловского с сестрой М. И. Глинки, Л. И. Шестаковой, по поводу издания музыкальных сочинений Глинки. И. П. Бочарову принадлежит сборник стихотворений (СПб., 1841), где есть переводы из Гете.

Стр. 98. *...о графине ничего не было сказано.* — В этих словах можно видеть скрытый намек на «Пиковую даму» А. С. Пушкина (или на его же стихотворение «Паж, или Пятнадцатый год»).

Стр. 101. *...сей пальмерстон...* — Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865) — английский государственный деятель, глава партии тори, в 1855—1865 гг. — премьер-министр. Называя шутливо его именем шляпу Раскольникова, Разумихин намекает на ее ветхость и устарелость.

Стр. 102. *...что значит у Шармера-то заказывать!...* — И. Г. Шармер — известный в то время портной в Петербурге, у которого писатель заказывал свое платье (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 56; *Михневич,* стр. 497).

Стр. 103. *...в «Пале де Кристаль» зайдем...* — Ср. далее: *«Ба! „Хрустальный дворец"! Давеча Разумихин говорил про „Хрустальный дворец"* (стр. 123). Под названием «Пале де Кристаль» («Хрустальный дворец») в 1862 г. в Петербурге была открыта гостиница с рестораном, помещавшаяся на углу Большой Садовой улицы и Вознесенского проспекта (ныне д. № 45/60 на углу пр. Майорова и Садовой; см.: *СПб Вед,* 1862, №№ 97—100, 6—11 мая). Однако адрес не соответствует указанию: «шагах в тридцати или в сорока от Сенной» (т. VI, стр. 355). В позднейшей памятной книжке говорится: «К особого рода собраниям, подходящим к разряду кафешантанов, относятся: „Пале де Кристаль", по Обуховскому проспекту, вблизи Сенной» (Памятная книжка. Описание и адресные сведения о Петербурге. СПб., 1880, стр. 160—161, Клубы). А. Г. Достоевская в своих примечаниях к роману также указывает, что под именем «Пале де Кристаль» в романе подразумевается «трактир (под другим названием) во втором доме по Забалканскому проспекту, в доме Вяземской лавры» (*Гроссман, Семинарий,* стр. 57)

Здание Хрустального дворца Достоевский видел в июле 1862 г., во время первого своего заграничного путешествия (см. наст. изд., т. V, стр. 69). Этот дворец послужил для Чернышевского в романе «Что делать?» прообразом архитектуры будущего социалистического общества: на свой вопрос «Но это здание, что же это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой» — Вера Павловна получает здесь ответ: «нет, уж есть один намек на нее, — дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло — только» («Что

делать?», гл. IV, XVI). В связи с этим название «Хрустальный дворец» для современников Достоевского и Чернышевского имело значение символа новых экономических и нравственных отношений, о которых мечтали утопические социалисты 1840—1860 гг. Достоевский полемизировал с утопическим представлением о будущем как о некоем неподвижном, застывшем «хрустальном дворце» уже в 1863 г. («Кристальный дворец... уж не это ли в самом деле достигнутый идеал?» — «Зимние заметки о летних впечатлениях»). Эта полемика обостряется в «Записках из подполья». «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» (наст. изд., т. V, стр. 120). В период работы над романом «Преступление и наказание» проблемы будущего продолжали волновать Достоевского. «Фурье ведь был же уверен, — писал он Каткову 25 апреля 1866 г., — что стоит построить одну фаланстеру, и весь мир тотчас же покроется фаланстерами: это его слова. А наш Чернышевский говаривал, что стоит ему четверть часа с народом поговорить, и он тотчас же убедит его обратиться в социализм».

В «Преступлении и наказании» Достоевский продолжает вести с Чернышевским по поводу идеала социалистов-утопистов скрытую полемику: с грустной и в то же время едкой иронией писатель указывает на то, что сама действительность окрестила именем «Palais de Cristal» не идеал будущей Гармонии, а трактир «особого рода», находящийся среди других питейных заведений и ночлежных домов Вяземской лавры (см. примеч. к стр. 224), и именно здесь несчастный, бунтующий нигилист Раскольников в порыве злобного отчаяния раскрывает Заметову свою тайну («А что, если это я старуху и Лизавету убил?») — т. е. как бы «выставляет язык» логическому, вычисленному с математической точностью, «разумному» миропорядку (см.: *Шкловский,* стр. 195).

Стр. 106. *Некто крестьянин Душкин...* — Среди кредиторов Достоевского был крестьянин С. М. Пушкин, который, вероятно, и подразумевается здесь (см. о нем примеч. на стр. 403).

Стр. 106. *...нашей губернии и уезда, Зарайского, потому-де мы сами рязанские.* — Места, знакомые Достоевскому с детства. В Каширском уезде Тульской губернии находилось имение его родителей, состоявшее из сельца Дарового и деревни Черемошни (см.: *Достоевский, А. М.,* стр. 50—54; *Волоцкой,* стр. 48; *Гроссман, Жизнь и труды,* стр. 25—26), а смежная с их имением земля относилась к Рязанской губернии Зарайского уезда (см.: В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). Соцэкгиз, М., 1939, стр. 132. «Описание смежных земель»).

Стр. 107. *Оне́ры* (франц. honneur) — почести.

Стр. 113. *Жувеневские перчатки* — от имени французского перчаточника Ксавье Жувена из Гренобля, совершившего в 1834 г. переворот в производстве перчаток изобретением специальной колодки, придающей перчаткам форму.

Стр. 114. *Это на Вознесенском ∽ там два этажа под нумерами; купец Юшин содержит...* — По указанию А. Г. Достоевской, эти номера были на углу Вознесенского проспекта и Казанской (ныне ул. Плеханова), д. № 43/22 (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 56).

Стр. 115. *...мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...* — Эти слова Разумихина перекликаются с утверждением Достоевского периода «Времени» и «Эпохи», что петровская реформа разъединила образованное общество с народом. (Объявление об издании журнала «Время» (1860); ср.: Н. Н. Страхов. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. В кн.: *Биография,* стр. 277, 278). См. также в записных тетрадях набросок «Пьяненькие» (наст. том, стр. 5). В наброске же статьи для «Эпохи» Достоевский писал: «С петровской реформой, с жизнью европейской мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе. Оттого развилось сознание и самоанализирование, но нет материалу для познавания (непосредственно народной жизни) ⟨...⟩ И вот всё поколение оказалось несостоятельным. И это плоды трудов Петра» (*ЛН,* т. 83, стр. 258, 273).

Стр. 116. *Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо всё на свете на личном интересе основано.* — В этих словах Лужина содержатся

отзвуки идей утилитарной этики английского буржуазного экономиста и философа Иеремии Бентама (1748—1832). С ними Достоевский познакомился уже в молодости. «...в Петербурге процветает более, чем где-нибудь, коммерция, покровительствуемая Бентамом», — писал он П. А. Карепину 19 сентября 1844 г. В «Библиотеке для чтения» в статье о Бентаме, где давалось изложение главных доводов его учения «об утилитарности или полезности», высказывалось следующее опасение: «...очень, очень заметна уже в настоящем положении эта ненасытная страсть к выгоде и ее наслаждениям, которая всегда сопряжена с материальной идеей — *полезность*. Чтобы достигнуть богатства, все средства хороши, и то, что полезно, всегда покажется обыкновенным умам довольно нравственным...» (*БдЧт*, 1845, № 1—2, стр. 33—34). В 1860-е годы в связи с публикацией в России сочинений последователя Бентама — Д. С. Милля (1806—1873) — споры об утилитарной этике вспыхнули в печати с новой силой (см.: *РСл*, 1865, № 5, Библиографический листок, стр. 1—36; *С*, 1865, № 11—12, стр. 333 и др.). Вокруг нее шел спор и в связи с полемикой относительно романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (см., например: Д. И. Писарев. Нерешенный вопрос. *РСл*, 1864, №№ 9—11; Н. Соловьев. Бесплодная плодовитость. *Э*, 1864, № 12).

В то же время в словах Лужина содержится полемический отклик на рассуждения Лопухова и Кирсанова в романе «Что делать?» и на известные слова Чернышевского в его статье «Антропологический принцип в философии»: «...каждый человек думает всё только о себе самом, заботится о своих выгодах больше, нежели о чужих...» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 282). Теория «разумного эгоизма» Чернышевского неоднократно подвергалась критике на страницах «Эпохи» («...непростительно ни в каком случае быть эгоистом по принципу и вводить этот принцип в жизнь» — Н. Соловьев. Разлад. *Э*, 1865, № 2, стр. 13).

Возможно, что рассуждение Лужина о «кафтане», которого не следует делить с ближним, пародирует объяснение принципа личной выгоды в статье Д. И. Писарева «Исторические идеи Огюста Конта»: «Если *каждый* будет постоянно стремиться к своей собственной выгоде и если *каждый* будет правильно понимать свою собственную выгоду, то, конечно, никто не будет снимать рубашку с самого себя, но зато это добродетельное снимание окажется излишним, потому что каждый будет отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вследствие этого каждая рубашка будет украшать и согревать именно то тело, которое ее выработало. Таким образом, если принцип личной выгоды будет с неуклонною последовательностью проведен во все отправления общественной жизни, то каждый будет пользоваться всем тем, и только тем, что принадлежит ему по самой строгой справедливости» (*РСл*, 1865, № 11, стр. 206).

Стр. 118. *...в Москве, ловят целую компанию подделывателей билетов последнего займа с лотереей, — и в главных участниках один лектор всемирной истории...* — Подобная «компания» была в 1865 г. действительно раскрыта в Москве. Материалы судебного разбирательства «Дела о превращении свидетельств внутреннего 5%-го с выигрышами займа из настоящего их достоинства в высшие» печатались в «Московских ведомостях» (см.: *М Вед*, 1865, 10 сентября и 5 октября, №№ 197, 216).

Среди «главных участников» этой шайки оказался и «лектор всемирной истории»: «...арестованный объяснил, что его зовут Александром Тимофеевичем Неофитовым, что он в чине коллежского советника, служит в практической академии коммерческих наук профессором всеобщей истории 〈...〉 в квартире Неофитова был произведен обыск и найдено 13 переделанных свидетельств лотерейного займа...» (*М Вед*, 1865, 10 сентября, № 197). Это имя, а также сообщение о том, что «из частных лиц более всего пострадала купчиха Куманина, у которой г-н Неофитов занял 15 000 р. под залог трех переделанных свидетельств в 5000 р. каждое», не могли не привлечь внимание Достоевского, так как А. Ф. Куманина и Неофитов были родственниками Достоевского с материнской стороны. Фамилия Неофитовых была знакома ему с детства. Младший брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, рассказывая в своих воспоминаниях о родственниках, окружавших их в дет-

стве, указывает, что двоюродная племянница дяди А. Ф. Куманина — Е. Е. Куманина — была выдана замуж за Тимофея Ивановича Неофитова. Он часто бывал в квартире Достоевских на Божедомке, особенно в те дни, когда тяжело заболела их мать Мария Федоровна Достоевская (*Достоевский, А. М.*, стр. 41, 77).

Обвиненный по делу «подделывателей билетов» А. Т. Неофитов был сыном Т. И. и Е. Е. Неофитовых. Как и Достоевский, Неофитов был одним из наследников А. Ф. Куманиной, богатой московской купчихи (ее муж А. А. Куманин был почетным членом Совета Московского коммерческого училища — см.: *Волоцкой*, стр. 74). Вопрос о куманинском наследстве долгие годы беспокоил братьев Достоевских. Несколько лет спустя А. М. Достоевский рассказывал писателю о Неофитове: «О существовании завещания, сделанного тетушкою А. Ф., я впервые узнал в декабре 1864 г. ⟨...⟩ В проезд мой через Москву летом 1865 г. я ничего не мог узнать за выездом тетки и бабушки в Киев. В конце 1865 г., когда я был в Петербурге по делам службы и виделся с тобою, я во время пребывания в Москве узнал, что вследствие арестования Неофитова по случаю подделки им свидетельства на 5%-е билеты и вследствие того, что он обманул и тетушку на 15 тыс. руб., — завещание переписано, что Неофитов вовсе исключен из числа наследников и что душеприказчиком назначен Александр Павлович Иванов» (письмо А. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому, 30 сентября 1869 г. В кн.: *Достоевский, А. М.*, стр. 338, 339; см. также: Н. Ильин. Достоевский в споре за куманинское наследство. «Звенья», т. IX, стр. 548—559).

Стр. 118. ... *там убивают нашего секретаря за границей, по причине денежной и загадочной...* — Имеется в виду, очевидно, процесс А. Никитенко. В записной книжке Достоевский упоминает его имя: «В Записную книгу. Процесс Никитченко» (*ЛН*, т. 83, стр. 273). Отставной поручик русской армии, получив отказ в денежной помощи для возвращения на родину, совершил покушение на секретарей русского посольства в Париже («Голос», 1865, 24 августа, № 233; см. также: *ЛП*, стр. 747).

Стр. 118. *А что отвечал в Москве вот лектор-то ваш на вопрос, зачем он билеты подделывал: «Все богатеют разными способами, так и мне поскорей захотелось разбогатеть».* — Ср. ответы Неофитова в материалах следствия: «Видя затруднительное положение своих дел и дел своей матери, желая по возможности упрочить свое состояние и смотря в то же время на людей, легко обогащающихся недозволенными средствами без всякой ответственности, он, — рассказывает обозреватель процесса, — пришел к мысли воспользоваться легкостью незаконного приобретения и обеспечить себя и семейство матери своей ⟨...⟩ Таковым представилась переделка свидетельств 5%-го ⟨...⟩ займа из 100-рублевых в 5000-е» (*М Вед*, 1866, 1 января, № 1).

Эта мотивировка преступления близко напоминает мотивировку, даваемую Раскольниковым в черновых записях к роману: «Я хо́тел обеспечить себя и мать...» (ср. стр. 166). Ср. письмо Достоевского к М. Н. Каткову о замысле, «Преступления и наказания», где говорится, что герой убивает ростовщицу «чтобы сделать счастливою свою мать, живущую в уезде...» (см. стр. 310).

Для творческой истории романа существен рассказ о признаниях Неофитова в изложении его защитника: «Неофитов признался не перед следователем, он признался перед своей совестью ⟨...⟩ как преступник он имел всю возможность дальнейшим запирательством снять с себя обвинение ⟨...⟩ момент признания Неофитова был священным моментом пробуждения честной, не развращенной души его, увлекшейся соблазном ⟨...⟩ он принес свое чистосердечное раскаяние чрез все следствия и теперь представляет его на суд, как очистительную жертву» (*М Вед*, 1866, 5 января, № 3).

Стр. 121. ... *вид фланера.* — Т. е. праздношатающегося (от франц. flaneur). См. также т. I наст. изд., стр. 266 и 511.

Стр. 121—122. ... *зевавшему у входа в мучной лабаз* ∽ *и прынцессы найдутся...* — В так называемом «Малиннике» на Сенной площади, неподалеку от Конного переулка (ныне д. № 3 на пл. Мира), размещались: мучной лабаз купца Гусарского, питейное заведение Константиновой, трактир Петровой, а

также заведения с «прынцессами» (см.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1867/1868, отд. III, стр. 139, 242 и 367).

Стр. 122. *Миновав площадь, он попал в переулок...* — Таиров — ныне пер. Бринько (М. Михайлов. Петербургский календарь на 1867 год. СПб., 1867, стр. 126; ср.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57; *Анциферов,* стр. 88). Здесь в доме де Роберти (ныне д. № 4) в 1844 г. в типографии К. II. Жернакова печатался журнал «Репертуар и Пантеон русских и всех европейских театров», в №№ 6—7 которого был помещен роман Бальзака «Евгения Гранде» в переводе Достоевского.

Стр. 122. *В двух, трех местах ꟹ увеселительные заведения.* — Ср.: «Около Сенной, в Таировом переулке, помещаются три дома терпимости в подвальном этаже дома с дверьми прямо по улицу» (см.: Петербург. Календарь на 1870 г. СПб., 1870, отд. II, стр. 103).

Стр. 123. *Кажись, и генеральские дочки, а носы всё курносые!* — Выражение, восходящее к «Сибирской тетради» Достоевского (см. наст. изд., т. IV, запись № 81).

Стр. 123. *...где это я читал ꟹ если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке...* — Имеется в виду роман В. Гюго «Собор Парижской богоматери» (кн. XI, гл. 2), перевод которого был помещен в журнале «Время» в 1862 г. Здесь мы читаем: «По временам он взглядывал на род узкой площадки, случайно устроившейся из скульптурных украшений футах в десяти ниже его, и молил бога, чтобы он допустил его провести весь остаток жизни на этом крошечном пространстве, если бы даже довелось ему жить еще двести лет» (*Вр,* 1862, № 12, стр. 230).

Стр. 124. *Излер,* Иван Иванович, — владелец петербургского загородного сада «Минеральные воды». В петербургских газетах постоянно печатались сообщения о его заведении, весьма популярном в 1860-е годы. Например: «...забавник и любимец петербургской публики И. И. Излер широко отворил на всё лето двери помещения искусственных минеральных вод в Новой деревне...» (*ПЛ,* 1865, 1 июня, № 79, Городской дневник; ср.: «Голос», 1865, 15 (27) мая, № 133). Излер упоминается и в записной книжке Ф. М. Достоевского 1862—1864 гг.

Стр. 124. *Бартола — Массимо — Ацтеки...* — В 1865 г. петербургские газеты были полны сообщений о приезде в Петербург лилипутов — юноши по имени Массимо (или Максимо), 26 лет, и девушки Бартоло, 21 года, которые будто бы были потомками древних обитателей Мексики — ацтеков. «Ацтеки эти были открыты в Центральной Америке в 1849 г. и с этого времени путешествовали по Америке и Европе, представляя собою любопытнейший образчик человеческой природы», — сообщали «Санктпетербургские ведомости» 11 июля 1865 г. 29 июня 1865 г. ацтеки были приняты в России императором и императрицею в Петергофе. В Петербурге их демонстрировал антрепренер Морис на Малой Морской, № 16, о чем извещалось в газетах (см.: *ПЛ,* 1865, 4 июля и 3 августа, №№ 98, 115; *СПб Вед,* 1865, 11 (23) июля, 18 (30) июля, 31 июля (12 августа), №№ 175, 182, 195; см. также: *Данилов,* стр. 262).

Стр. 124—125. *...пожар на Песках — пожар на Петербургской — еще пожар на Петербургской ꟹ Много про пожары пишут...* — Пески — название одного из отдаленных районов тогдашнего Петербурга, расположенного за Суворовским проспектом. Петербургская (ныне — Петроградская) сторона — также район Петербурга, отделенный от центральной части города Невой. О пожарах, начавшихся в Петербурге еще в мае 1862 г., журнал «Время» писал: «Пожары, начавшиеся с Петербурга, перекинулись потом и в разные углы России; сколько их было всего — мы, извините, не сосчитали; может быть, и не больше или немногим больше предыдущих годов, но — у страха глаза велики: теперь каждое пожарное известие напечатлевается сильнее, и потому число пожаров кажется очень большим» (*Вр,* 1862, № 7, стр. 36).

Две статьи о пожарах, подготовленные братьями Достоевскими для «Времени», в которых они стремились дать отпор реакционной печати, возлагавшей ответственность за возникновение пожаров на революционное студенчество,

не были пропущены цензурой (см. об этих статьях: *ЛН*, т. 83, стр. 37; *ЛН*, т. 86, стр. 16—54; *Нечаева*, *«Время»*, стр. 299—301). Статьи о пожарах в журнале навлекли на него угрозу приостановки на 8 месяцев. О том, как Достоевский был взволнован начавшимися в Петербурге пожарами, вспоминает Н. Н. Страхов: «Пожары наводили ужас, который трудно описать. Помню, мы с Федором Михайловичем отправились для развлечения куда-то на загородное гулянье. Издали, с парохода, видны были клубы дыма, в трех или четырех местах подымавшиеся над городом. Мы приехали в какой-то сад, где играла музыка и пели цыгане. Но, как мы ни старались позабавиться, тяжелое настроение не проходило...» (*Биография*, стр. 239).

После пожара Толкучего рынка Достоевский, по позднейшему рассказу Чернышевского, приезжал к нему, чтобы просить его повлиять на молодое поколение, так как полиция распространяла провокационные слухи, что пожары вызваны «зажигателями» из среды революционной молодежи (см.: *Чернышевский*, т. I, стр. 777).

Известиями о пожарах петербургские газеты были полны и в 1865 г. (см.: «Голос», *СПб Вед*, *ПЛ* за июль 1865 г.).

Стр. 126. *Вот недавно еще я читал в «Московских ведомостях», что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили* ∽ *Подделывали билеты.* — См. примеч. к стр. 118.

Стр. 126. *Бланбеки* (франц. blanc-bec) — молокососы, желторотые.

Стр. 126. *Нанимают ненадежных людей разменивать билеты в конторах* ∽ *Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на веру, чтобы только в карман да убежать поскорее. Ну, и возбудил подозрение.* — В одной из тогдашних газет читаем: «19 мая в контору для размена разных кредитных бумаг г-на Марецкого явился молодой человек, назвавший себя Виноградовым, не окончившим студенческого курса в здешнем университете. Виноградов предложил конторе купить у него свидетельство государственного с выигрышами займа в 5000 р., и когда занимающийся в конторе г-н Сырейщиков выдал ему следующие деньги, то Виноградов, при счете денег, смутился, положил их поспешно в карман и ушел из конторы. Обстоятельство это возбудило подозрение». Виноградов был представлен в Сретенскую часть. Была назначена следственная комиссия (*М Вед*, 1865, 10 сентября, № 197. Московские новости).

Стр. 129. *Assez causé* — одно из любимых выражений Достоевского; слова Вотрена в романах Бальзака.

Стр. 133. *«И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь?»* — Ср. запись в Сибирской тетради: «Да что ты со мной лимонничаешь, чего ты со мной апельсинничаешь?» (наст. изд., т. IV, запись № 60).

Стр. 133. *А уж как разодета: журнал, просто журнал!* ∽ *окромя отца-матери, всё есть!* — Ср. в «Сибирской тетради»: «Уж как разодета: журнал, просто журнал! А чего тут нет, в Питере! Отца-матери нет» (наст. изд., т. IV, запись № 468).

Стр. 133. *Суфлеры.* — Так называли на тюремном жаргоне женщин «легкого поведения». Ср. в «Сибирской тетради»: «Смотрим, идут две суфлеры» (наст. изд., т. IV, запись № 205).

Стр. 135. ... *а живу в доме Шиля...* — В Петербурге было несколько домов Шиля (см.: Адрес-календарь петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом, т. III. Календарь частных лиц. СПб., 1844). В одном из них, на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, Достоевский жил в 1847—1849 гг. Здесь 23 апреля 1849 г. он был арестован по делу петрашевцев (см.: *Анциферов*, стр. 93). В 1820—1830-х годах Шилю принадлежал также дом в Столярном переулке, позже перешедший к Скурндину (ныне д. № 9 по ул. Пржевальского) (см.: *ГИАЛО*, ф. 513, оп. 102, № 3460, и ф. 515, оп. 4, № 5363). Дом этот расположен почти напротив дома Алонкина, в котором жил Достоевский в пору создания «Преступления и наказания».

Стр. 143. *Омбрелька* — зонтик (от франц. ombrelle).

Стр. 146. *Это ощущение могло походить на ощущение приговоренного*

к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение. — В этих словах отражены переживания самого Достоевского: «... 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головами шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Вызывали по трое, след., я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты ⟨...⟩ Наконец, ударили отбой...» (письмо Достоевского к М. М. Достоевскому, 22 декабря 1849 г.). В романе «Идиот» Достоевский вновь вспоминает об этих переживаниях: «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: „Ступай, тебя прощают“» (ч. 1, гл. II — наст. изд., т. VIII, стр. 21) (ср.: Примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58; *Биография,* стр. 117—120).

Стр. 160. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — русский композитор и пианист. В 1859 г. в Петербурге по его инициативе было создано Русское музыкальное общество. Достоевский слышал игру Рубинштейна. В марте 1862 г. они оба выступали в зале Руадзе на литературно-музыкальном вечере в пользу «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», в котором участвовали также Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, П. В. Павлов, В. С. Курочкин, Г. Венявский. Достоевский читал отрывок из «Записок из Мертвого дома», Рубинштейн исполнил «Турецкий марш» из «Афинских развалин» Бетховена (см.: *СО,* 1862, 2 февраля, № 49).

Стр. 161. *Прусская палата господ* — верхняя палата законодательного собрания в тогдашней Пруссии.

Стр. 164. *Он рассчитал без хозяина...* — т. е. ошибся в своих предположениях. Восходит к французскому выражению: compter sans son hôte (рассчитывать без своего хозяина, обмануться в своих расчетах).

Стр. 169. *«Та королева, — думал он про себя, — которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов».* — Имеется в виду жена Людовика XVI Мария Антуанетта (1755—1793), имя которой упоминается также в черновых записях к роману (стр. 77). Ф. Шатобриан рассказывает о ней: «...дщерь Кесарей покрыта была рубищем, доведена до крайности собственными руками чинить свою одежду, принуждена в сырой темнице прикрывать оледенелые ноги ветхим одеялом...» («Речь, произнесенная виконтом де Шатобрианом в Палате пэров, при сообщении завещания Марии Антонии» — *СО,* 1816, т. 28, № X, стр. 150). Ср.: «...время утра препровождаемо было в шитье, вязанье или вышиванье» (Г. Клери. Дневная записка случившимся в башне Тампля происшествиям во время заключения в оной Людовика XVI короля французского. Перевел с французского Н. О. СПб., 1806, стр. 29). Достоевский мог знать также труд Ш. Мазада о м-м Роллан и Марии Антуанетте, напечатанный в «Revue de deux Mondes» (1865, № 1) и затем вышедший отдельным изданием: Charles de Masade. Deux Femmes de la Révolution. Paris, 1866. Последний день Марии Антуанетты, ее поведение при допросе и в последние минуты перед казнью интересовали Достоевского. Знаменательна запись в черновиках к роману «Братья Карамазовы»: «чепчик... Марию Антуанетту везли...» (см. наст. изд., т. XVII).

Стр. 176. *Да что вы все такие скучные!* — «Собственные слова Федора Михайловича, когда, бывало, соберутся у нас родные (пасынок, брат Николай Михайлович, невестка и племянники), сидят и молчат» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57).

Стр. 177. *Да что вы опять замолчали? Всё только я да я говорю!..* — Ср.: «Говорит один Федор Михайлович, а они не поддерживают разговора. Это всегда сердило Федора Михайловича» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57).

Стр. 182. *...на Митрофаниевском...* — Митрофаниевское кладбище в Петербурге было основано в 1831 г., во время эпидемии холеры. Это было кладбище бедных чиновников, солдат, ремесленного и цехового люда (см.: *Михневич,* стр. 175).

Стр. 184. *Прощай, Родя, то есть до свиданья; не люблю говорить «прощай».* — «Федор Михайлович всегда был недоволен, когда люди, которых он любил, говорили ему „прощайте", и всегда отвечал: „зачем «прощайте», лучше — «до свиданья»"» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57).

Стр. 189. *...Лазаря петь...* — В евангельской притче Лазарь — бедняк, лежавший у ворот бессердечного богача и просивший о помощи (см.: Евангелие от Луки, гл. 16, стр. 19—31). Переносный смысл: петь Лазаря — жаловаться на свою судьбу. Духовный стих о нем обычно пели слепые, прося милостыню (ср.: М. С. Альтман. Использование многозначности слов и выражений в произведениях Достоевского. «Ученые записки Тульского педагогического института», 1958, т. XI, стр. 30—32).

Стр. 190. *Ромео десяти вершков росту!* — См. примеч. к стр. 53.

Стр. 196. *...всё у них потому, что «среда заела»...* — Формула «среда заела» получила в конце 1850—начале 1860-х годов широкое хождение в либеральной и демократической критике и беллетристике как объяснение социальных причин, способствующих трагическому прозябанию «лишних людей» и гибели одаренных представителей демократических слоев общества в условиях крепостнического уклада жизни. О традиционности этой формулы для И. С. Тургенева и «тургеневской» школы беллетристов писал в 1860 г. Н. А. Добролюбов в статье «Благонамеренность и деятельность», разбирая повести друга Достоевского А. Н. Плещеева (*Добролюбов,* т. VI, стр. 193; ср.: Г. А. Бялый. Тургенев и русский реализм. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1962, стр. 129—132). Добролюбов утверждал, в противовес формуле «среда заела», мысль об активности натуры человека и о его способности противиться влиянию среды. О страстной полемике журнала «Время» и самого Достоевского против формулы «среда заела», которой писатель противопоставлял идею нравственной ответственности личности за свое поведение и за общий уровень окружающей жизни, см.: *Фридлендер,* стр. 205—206.

Стр. 197. *...всё на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели!* — Ср.: «Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастье» (стр. 211). Фаланстеры — дворцы-общежития, о которых мечтал Шарль Фурье (1772—1837), для людей будущего социалистического общества. Ср. примеч. к стр. 211.

Стр. 198. *...одна ваша статейка: «О преступлении»... или как там у вас, забыл название...* — О сходстве ряда положений статьи Раскольникова о преступлении с некоторыми тезисами трактата де Квинси «Убийство как одно из изящных искусств» см.: М. П. Алексеев. Ф. М. Достоевский и книга де Квинси. «Ученые записки Высшей школы г. Одессы», 1922, т. 2, стр. 102.

Стр. 198. *Да ведь «Еженедельная речь» перестала существовать...* — В 1861 г. «перестала существовать» на № 39 и соединилась с «Московским вестником» газета «Русская речь». Может быть, имеется в виду и журнал «Юридический вестник», издававшийся Н. В. Калачовым. В 1862—1864 гг. он ежемесячно издавался самостоятельно, а в 1864 г. после шестого номера перестал выходить. Многие из авторов, сотрудничавших в этом журнале, помещали свои статьи по юридическим вопросам и в журнале «Время».

Стр. 201. *Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?* — Выражение «Новый Иерусалим» восходит к Апокалипсису (ср.: «И увидел я новое небо и новую землю ⟨...⟩ ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой град, Иерусалим Новый, сходящий от бога с неба» (Откровение святого Иоанна, гл. 21, ст. 1—3)). В книге Нового завета, принадлежавшей Достоевскому, это место отмечено карандашом.

По учению сен-симонистов, вера в Новый Иерусалим означала веру в наступление нового земного рая — «золотого века». Это переосмысление христианского идеала в духе учений утопических социалистов 30—40-х годов было хорошо известно Достоевскому и другим петрашевцам (см.: Л. Комарович. 1) Юность Достоевского. «Былое», 1924, № 23, стр. 7—9; 2) Мировая гармония Достоевского. *Атеней,* стр. 112—142). «...Зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианст-

вом и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации» («Дневник писателя за 1873 г.», XVI. Одна из современных фальшей). В редактировавшемся Петрашевским втором выпуске «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кириллова (СПб., 1846) сенсимонизм определялся как «неохристианизм» (стр. 239).

Идеи, близкие к «новому христианству» сен-симонистов, звучали и в стихах поэтов-петрашевцев А. Н. Плещеева и Д. Д. Ахшарумова.

Стр. 203. *Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца.* — Эти строки близки к высказываниям Достоевского о «беспокойном и тоскующем Базарове (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» («Зимние заметки о летних впечатлениях», наст. изд., т. V, стр. 59). Базаров с его тоской, вечным беспокойством и неудовлетворенностью не был безразличен Достоевскому в период раздумий над образом Раскольникова — другом варианте «несчастного нигилиста», изображенного «не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием» (Н. Страхов. Наша изящная словесность: «Преступление и наказание». *ОЗ,* 1867, т. 17, № 3, стр. 331). О соотношении образов Базарова и Раскольникова см.: Г. А. Бялый. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский). *РЛ,* 1968, № 4, стр. 34—50.

Стр. 203. *Истинно великие люди* ∽ *должны ощущать на свете великую грусть...* — «Цезарь, достигнув престола мира, был поражен тем, что в таком высоком положении нашел лишь пустоту и тоску» (Ш. Фурье. Избранные сочинения, т. I. Соцэкгиз, М., 1947, стр. 196). О близости комментируемых слов Раскольникова этому замечанию Фурье см.: *Гус,* стр. 312.

Стр. 204. *...кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?* — См. примеч. на стр. 342—343 наст. тома.

Стр. 211. *...настоящий властелин, кому всё разрешается, громит Тулон...* — Тулон — город на юге Франции, где произошло первое сражение, выигранное еще безвестным в то время Наполеоном Бонапартом 17 декабря 1793 г. За взятие Тулона и разгром роялистов Наполеон получил чин бригадного генерала. Раскольников перечисляет мысленно здесь и далее основные этапы карьеры Наполеона.

Стр. 211. *...делает резню в Париже...* — 13 октября 1795 г. Наполеон разгромил в Париже восстание роялистов, пустив для этого в ход артиллерию. По описанию историков, паперть церкви Св. Роха, где произошла битва, была залита кровью и усеяна сотнями трупов.

Стр. 211. *...забывает армию в Египте...* — В 1799 г. Наполеон оставил в Египте армию, которой он командовал, и тайно уехал во Францию с намерением низвергнуть Директорию и овладеть верховной властью. «Армия осталась в чужой земле, когда столь потребна была ее помощь ея отечеству, — писал об этом в статье, которую мог читать молодой Достоевский, Н. А. Полевой, — флот был уничтожен; главнокомандующий возвращался украдкою — почти один...» (Н. Полевой. Поход Наполеона в Египет. — *БдЧт,* 1844, т. 67, № 11, стр. 66).

Стр. 211. *...тратит полмиллиона людей в московском походе...* — «Из пятисот тысяч человек и бесчисленной артиллерии, переходивших в августе через реку, — писал Шатобриан, — воротилось в Ковно не больше как тысяча человек регулярной пехоты, несколько пушек, да тысячи три несчастных, покрытых ранами. Теперь уже не было ни музыки, ни победных песен ⟨...⟩ Франция могла сказать Бонапарту: „Куда девал ты, в один поход, пятьсот тысяч солдат, моих детей и союзников? Они погибли"» (Замогильные записки Шатобриана. 1768—1813. Т. VI. СПб., 1851, стр. 35—36. — Французский оригинал этой книги имелся в библиотеке Достоевского — см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 32).

Стр. 211. *...и отделывается каламбуром в Вильне...* — Имеются в виду известные слова Наполеона: «От великого до смешного один шаг» (Арман де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943, стр. 344; Стендаль. Жизнь Наполеона. — В кн.: Стендаль. Собрание сочинений, т. 11. Изд. «Правда», М., 1959, стр. 137).

Стр. 211. *«Наполеон, пирамиды...»* — В Египте, возле Александрии, между селением Эмбабе и пирамидами произошло в 1798 г. сражение французской армии с мамелюками. В начале битвы Наполеоном были произнесены известные слова, обращенные к его солдатам и ставшие крылатой фразой: «С высоты этих пирамид сорок веков взирают на вас!» (Экспедиция французов в Египет. Из записок Наполеона, изданных после его смерти французскими генералами, участвовавшими в сей экспедиции. М., 1832, стр. 105).

Стр. 211. *Ватерлоо.* — При местечке Ватерлоо в Бельгии 18 июня 1815 г. произошло последнее сражение Наполеона с союзниками, в котором он потерпел поражение, после чего был сослан англичанами на остров Св. Елены.

Стр. 211. *«Несу, дескать, кирпичик на всеобщее счастие...* — Это выражение («Apportez sa pierre á l'édifice nouveau» — «Несу свой камешек для здания будущего общества») часто встречается в книгах ученика и пропагандиста учения Фурье французского социалиста-утописта В. Консидерана (1808—1893) (см.: «Destinée sociale» — 1834, «Description du Phalanstère et considérations sociales sur l'Architectonique» — 1848).

Идеи Консидерана были хорошо знакомы молодому Достоевскому (см.: В. Комарович. 1) Юность Достоевского. «Былое», 1924, № 23, стр. 5; 2) «Мировая гармония» Достоевского. *Атеней,* стр. 112—142). Имя Консидерана как «представителя фурьеристов» писатель назвал в своих показаниях следственной комиссии по делу петрашевцев (см.: *Бельчиков,* стр. 111). Учение Консидерана о свободных трудовых объединениях как основе будущего социалистического общества было близко кругу революционеров 1860-х годов: его читают герои романа Чернышевского «Что делать?». Достоевский, увлекавшийся идеалами Фурье в юности, в 1860-е годы относился к ним скептически (см. в «Записках из подполья»: «...отсохни у меня рука, коль я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу» — наст. изд., т. V, стр. 120).

Стр. 212. *...О, как я понимаю „пророка“ ∾ Велит Аллах, и повинуйся „дрожащая“ тварь!* — Ср. стр. 322 — *Тварь ли я дрожащая...* Выражение «дрожащая тварь» восходит к Корану и стихам Пушкина из цикла «Подражания Корану» (1824):

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй...

К этим пушкинским строкам Достоевский обращается и в романе «Подросток» (ч. 2, гл. 1, IV — наст. изд., т. XIII).

В Библиотеке Достоевского был экземпляр Корана на французском языке (Le Koran. Traduction nouvelle ⟨...⟩ par M. Kasimirski. Paris, 1847. — *Гроссман, Семинарий,* стр. 44). С этого французского перевода сделан был русский перевод К. Николаева, дважды выходивший в 1864—1865 гг. (Коран Магомета. Переведенный с арабского па французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским. С примечаниями и жизнеописанием Магомета). — См. извещение о продаже этой книги рядом с аналогичным извещением о продаже «Записок из Мертвого дома» в *СПб Вед,* 1865, 8 мая, № 113. О характере восприятия Достоевским образа Магомета см.: наст. изд., т. I, стр. 494—495.

Стр. 212—213. *...Он забылся ∾ а старушонка так вся и колыхалась от хохота.* — Образ смеющейся старухи в сне Раскольникова созвучен пушкинским образам подмигивающей Германну в гробу старухи графини, а также карточной пиковой дамы (об отношении Достоевского к «Пиковой даме» см.: А. Л. Бем. 1) «Пиковая дама» в творчестве Достоевского. Прага, 1936; 2) Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. Отражения «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского. «Slavia», 1929, т. VIII, кн. 1, стр. 82—100; М. Альтман. Видение Германна. Пушкин и Достоевский. «Slavia», 1930, т. IX, стр. 792—800; *Евнин,* стр. 132; *Бахтин,* стр. 227—228; ср. запись

М. А. Поливановой о посещении Достоевского 9 июня 1880 г. в кн.: *Достоевский в воспоминаниях,* т. 2, стр. 361, 363.)

Достоевский высоко ценил повесть Пушкина. Он писал Ю. Ф. Абаза 15 июня 1880 г.: «Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал „Пиковую даму" — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, т. е. прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов».

Сон Раскольникова в известной мере близок и сну героя «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго, произведения, любимого Достоевским и волновавшего его в период работы над «Преступлением и наказанием» (см. предисловие «От автора» к рассказу «Кроткая» — наст. изд., т. XXI, а также: В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 127—152). Достоевскому была знакома и поэма английского поэта Т. Гуда «Сон Евгения Арама» (перевод В. Костомарова — *РВ,* 1862, № 6, стр. 826—833), где рисуется сон убийцы и непреодолимая сила, влекущая его к месту совершенного им преступления.

Стр. 215. *...и я человек есмь et nihil humanum...* — перефразировка известных слов из комедии римского драматурга Теренция (II в. до н. э.) «Самоистязатель»: «Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto» («Я человек и ничто человеческое мне не чуждо»).

Стр. 216. *История* ∾ *истощилась до ижицы.* — Т. е. почти иссякла. Ижица (ѵ) — последняя буква церковнославянской и старой русской азбуки.

Стр. 216. *...несколько лет тому назад, еще во времена благодетельной гласности, осрамили у нас всенародно и вселитературно одного дворянина — забыл фамилию! — вот еще немку-то отхлестал в вагоне...* — в 1860 г. в газетах сообщалось о вышневолоцком помещике А. П. Козляинове, избившем в вагоне поезда пассажирку — рижанку. Поступок Козляинова возбудил в печати острую полемику, в которой принял участие и журнал Достоевского «Время»: «Безобразия же на свете немало. Вот вы знаете историю г-на Козляинова с немкой; но проследили ли вы эту историю до конца? Читали ли, например, московского корреспондента в № 271 „Северной пчелы" (за 1860 г., — *ред.*), где излагается дело в защиту и пользу г-на Козляинова, и потом опровержение этой защиты, помещенное Львом Камбеком в № 280 той же „Северной пчелы"?» (*Вр,* 1861, № 1, отд. IV, стр. 10). Когда вскоре в Ярославской губернии другой помещик Н. Козляинов избил крестьянку А. Лукьянову, «Время», сообщая о безобразиях, творимых помещиками, и, в частности, о «геройском подвиге» Козляинова, вновь напоминало: «г-н Козляинов ... (странное сближение звуков!.. Помните, читатель: железная дорога... вагон... немка)» (*Вр,* 1861, № 3, отд. IV, стр. 38).

В словах Свидригайлова о «временах благодетельной гласности» звучит ирония по адресу либеральной прессы начала 1860-х годов. Сотрудник журнала Достоевских писал за пять лет до написания романа о времени «незнакомой нам гостьи, прозванной „благодетельной" гласностью» (*Вр,* 1861, № 1, отд. III, стр. 8). Именно в это время «...стало возможным осмеивать некоторые лица или всем надоевшие, или злоупотребившие закон и власть, им предоставленную, или, наконец, такие, как, например, г-н Козляинов, которые нет-нет да и отдуют немку...» (Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г-на Панаева и «Нового поэта». *Вр,* 1861, № 1, отд. II, стр. 53; ср. об эпизоде с Козляиновым: Д. Минаев. Како-Вышневолоцкий рыцарь (современное предание). В кн.: Думы и песни Д. Д. Минаева и юмористические стихотворения обличительного поэта (Темного человека). СПб., 1864, стр. 266—268 (ср. здесь же на стр. 343—345: «Не тревожили гласность наш девственный слух И статейки в карательном тоне, И Козляинов рыцарь могучей рукой Бил проезжую немку в вагоне»).

Стр. 216. *Тогда еще* ∾ *«Безобразный поступок „Века"» случился (ну, «Египетские-то ночи», чтение-то публичное, помните?* — «Безобразный поступок „Века"» — так озаглавил свою нашумевшую статью горячий сторонник

и проповедник женской эмансипации М. Л. Михайлов (*СПб Вед,* 1861, 3 марта, № 51). В ней он с негодованием осудил реакционный фельетон Камня Виногорова (псевдоним поэта и переводчика П. И. Вейнберга) «Русские диковинки», появившийся в еженедельном журнале «Век» (1861, № 8). Вейнберг обрушился здесь с нападками на жену провинциального чиновника Е. Э. Толмачеву, выступившую на литературно-музыкальном вечере в Перми с чтением стихов импровизатора из «Египетских ночей» Пушкина («Чертог сиял...»). Публичное чтение эпизода о любовном вызове Клеопатры из «Египетских ночей» было оценено Вейнбергом как безнравственный поступок, свидетельствующий об истинных целях поборниц женской эмансипации. Статья Михайлова встретила поддержку всей прогрессивной журналистики того времени. Достоевский также принял участие в полемике с Вейнбергом.

Кроме статьи «Один поступок и несколько мнений г-на Камня Виногорова...» (*Вр,* 1861, № 3) в журнале «Время» были напечатаны две статьи самого Достоевского — «Образцы чистосердечия» и «Ответ „Русскому вестнику"» (*Вр,* 1861, №№ 3 и 5), где писатель заступился за жестоко обиженную женщину, желая, по его словам, «показать, что не вся литература разделяет мнение обидчика». В своих статьях Достоевский дал восторженную оценку «Египетских ночей» и выразил свой общий принципиальный взгляд на соотношение искусства и нравственности. «Читать такое художественное произведение, как „Египетские ночи" Пушкина, вслух, в обществе ⟨...⟩ — писал он, — нисколько не стыдно, так же точно, как не стыдно останавливаться в восторге перед Венерой Медицейской на выставке в зале ⟨...⟩ но на женщину за это чтение восстанут. Женщине у нас нет еще таких прав ⟨...⟩ и непременно найдется какой-нибудь Виногоров, чтоб пустить первый камень» (наст. изд., т. XVIII). Достоевский сам любил декламировать стихи импровизатора из «Египетских ночей», гениальное истолкование которых он дал в статье «Ответ „Русскому вестнику"». «Любимые его стихи были „Пир Клеопатры"» (*Врангель,* стр. 33). О выступлениях Достоевского в защиту г-жи Толмачевой и об его истолковании «Египетских ночей» см.: Л. П. Гроссман. Примечания к статье Ф. М. Достоевского «Образцы чистосердечия» (*1918,* т. 23, стр. 3—8); В. Л. Комарович. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. Пб., 1916; Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 417—418; В. Кирпотин. 1) Достоевский о «Египетских ночах» Пушкина («Вопросы литературы», 1962, № 11, стр. 111—121); 2) Достоевский в шестидесятые годы. Гослитиздат, М., 1966, стр. 97—103.

Стр. 216. *Черные-то глаза!* — В полемике о «Безобразном поступке „Века"» не раз цитировались строки пермского корреспондента, изображающие г-жу Толмачеву: «Большие глаза ее ⟨...⟩ то загорались, то меркли и погасали ⟨...⟩ всё лицо ее изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неуловимо суровое, то горделиво-вызывающее выражение...» Выписывая это место из фельетона Виногорова, Достоевский во «Времени» выражал свое возмущение оскорбительными намеками фельетона.

Стр. 217. *...нас ведь и крестьянская реформа обошла: леса да луга заливные, доход-то и не теряется...* — Межевание земель после реформы 1861 г. было произведено в пользу помещиков; они получили лучшие угодия (леса, луга), а худшие земли были отведены крестьянам.

Стр. 217. *...этих клубов, Дюссотов...* — Дюссо (Dussot) — владелец известного в Петербурге ресторана на Большой Морской (ныне ул. Герцена), посещавшегося великосветской публикой (см.: *Михневич,* стр. 486).

Стр. 217. *...пуантов этих ваших...* — От франц. pointe, одно из значений которого — оконечность мыса, «стрелка» — место гуляний на Елагином острове. «Петербургский листок» постоянно печатал объявления о гуляниях в заведениях «Château de fleurs», «Русский семейный сад», «Элизиум», «Минеральные воды» Излера (см., например: *ПЛ,* 1865, 29 июля, № 112 и др.).

Стр. 218. *Я бы, может, теперь в экспедицию на Северный полюс поехал...* — По сообщениям газет, в 1865 г. готовилась экспедиция «для дости-

жения и исследования Северного полюса земного шара» (*СПб Вед*, 1865, 24 января (9 февраля), № 21).

Стр. 218. *...говорят, Берг в воскресенье в Юсуповом саду на огромном шаре полетит...* — Берг — владелец петербургских аттракционов, «известный Петербургу воздухоплаватель» («Голос», 1865, 15 (27) апреля, № 103). Имя его в середине 1860-х годов не сходило со страниц петербургских газет (см., например: «Голос», 1865, 29 апреля (11 мая), № 117; *СПб Вед*, 1865, 8 (20) августа, № 203 (о намерении его устроить зоологический сад в Юсуповом саду); *ПЛ*, 1865, 13 июля, № 103 и 8 августа, № 117; *РИ*, 1865, 20 мая, № 158).

Стр. 218. *...верите вы в привидения?* — «Сколько 〈...〉 рассказывают о явлениях мертвецов, привидений... — писал в 1861 г. один из сотрудников журнала «Время». — Всему этому не может не верить человек, незнакомый с наукой. Между тем для образованного человека подобного рода вещи не более как субъективные иллюзии, галлюцинации». «Людское суеверие ни в каком случае не может доказывать действительности мира сверхчувственного. Нельзя отрицать и того, что могут быть и теперь неразгаданные явления, которые, по-видимому, указывают на существа другого, чем мы, рода. Но эти явления — неразгаданные, непонятные, следовательно, не могут быть основанием для заключения pro или contra мира сверхчувственного 〈...〉 настанет время, когда наука объяснит если не все, то весьма многие из фактов ныне непонятных» («Время», 1861, № 8, стр. 62, 63; рецензия на книгу: Рассказы о темных предметах: о волшебстве, натуральной магии, обманах чувств, суевериях, фокусничестве, колдунах, ведьмах и т. п., изданные М. С. Хотинским. СПб., 1861).

Стр. 224. *...и в доме Вяземского на Сенной в старину ночевывал...* — Дом Вяземского близ Сенной (в просторечии — «Вяземская лавра»), выходивший двумя большими флигелями на Забалканский (прежде Обуховский, ныне Московский) проспект и одним — на Фонтанку (см.: Памятная книжка. Описание и адресные сведения Петербурга, СПб., 1880), был ночлежкой обитателей петербургского «дна», средоточием трактирных заведений, кабаков и притонов. Вяземская лавра описана В. Крестовским в романе «Петербургские трущобы» (главы этого романа печатались в журнале Достоевского «Эпоха», 1864, № 1); ср.: Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели. Оригинальный очерк с натуры. СПб., 1900. Слова «в доме Вяземского ночевывал» повторятся буквально в рассказе «Кроткая» (см.: наст. изд., т. XXI).

Стр. 228. *...некоторая Ресслих ∾ мелкая процентщица...* — В черновых записях она фигурирует под своим действительным именем — Рейслер. Выплачивая долги покойного брата, Достоевский должен был по векселям уплатить «капитал и проценты» этой Рейслер. Имя ее упоминается в его письмах: «...эта шельма Рейслер —которой я заплатил более 400 р. чистых денег 〈...〉 Теперь я должен ей 100 р., кажется ... Так ведь она готова на меня всю подноготную поднять» (письмо Достоевского к П. А. Исаеву, 22 октября (10 октября) 1867 г.). В «Подробном счете всем долгам» в деловой тетради «Эпохи» имя Рейслер указано среди тех, кому Достоевский должен был по срочным векселям в период с июля 1864 г. по июнь 1865 г.

Стр. 238. *...будем трудиться ∾ иные издания дают теперь славный процент ∾ Будем и переводить, и издавать...* — Издательские планы Разумихина напоминают издательские планы самого Достоевского в 1840-е годы, когда он с братом Михаилом задумывал издание сочинений Шиллера (см. письма Достоевского к М. М. Достоевскому, апрель 1844 г., 30 сентября 1844 г., 16 ноября 1845 г.; см. также: Г. Коган. Цензурная история «Дона Карлоса» в переводе М. М. Достоевского. В кн.: Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 320—327).

Стр. 241. *...Раскольников пошел прямо к дому на канаве, где жила Соня.* — О «доме Сони Мармеладовой» см.: *Анциферов*, стр. 97. Ныне это угловой дом по каналу Грибоедова (б. Екатерининскому) № 63 и по Казначейской улице (б. Малой Мещанской) № 2 (см.: Описание материалов Пушкинского дома. И. А. Гончаров. Ф. М. Достоевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 154).

Стр. 243. *Она справедливости ищет ... Она чистая. Она так верит, что во всём справедливость должна быть ∾ как ребенок!* — Ср. с этой характеристикой Катерины Ивановны высказывания Достоевского о М. Д. Исаевой в записи 1870-х годов: «...была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова, — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок» (В. В. Тимофеева (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем. *ИВ*, 1904, № 2, стр. 510).

Стр. 248. *Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете.* — Достоевский описывает экземпляр Евангелия, который был подарен ему в 1850 г. в Тобольске, на пересыльном дворе, женами декабристов А. Г. Муравьевой, П. Е. Анненковой и Н. Д. Фонвизиной. «Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим», — писал об этом сам Достоевский в 1873 г. в «Дневнике писателя» (1873 год, II. «Старые люди»). Экземпляр этот в настоящее время хранится: *ГБЛ*, ф. 93, I, 5 в., 1 (см.: *Описание*, стр. 271).

Стр. 249. *...на седьмую версту, милости просим!* — На седьмой версте от Петербурга, в Удельной, находилась известная больница для умалишенных. На седьмую версту — в сумасшедший дом.

Стр. 250. *«Был же болен некто Лазарь, из Вифании...»* — Начало гл. 11 Евангелия от Иоанна (до стиха 46). В Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, текст этой главы размечен его рукой, цитируемые отрывки помечены римскими цифрами: II, III, IV, V. Текст Евангелия здесь и далее Достоевский цитирует неточно.

Стр. 250. *«И многие из иудеев пришли к Марфе и Марии ∾ даст тебе бог».* — Евангелие от Иоанна, гл. 11, ст. 19—22. В принадлежавшем Достоевскому экземпляре Евангелия этот текст отчеркнут им черными чернилами.

Стр. 250. *«Иисус говорит ей ∾ сын божий, грядущий в мир».* — Евангелие от Иоанна, гл. 11, ст. 23—28. Стих «Я есмь воскресение и жизнь» подчеркнут Достоевским в его экземпляре Евангелия карандашом и выделен особо в тексте романа. Стих «Веришь ли сему?» отчеркнут Достоевским черными чернилами, стихи 25—27 отмечены знаком N3.

Стр. 250. *Дочли до 32-го стиха.* — Т. е. до следующего текста Евангелия: «Мария же пришедши...». Весь отрывок от 32-го до 38-го стиха помечен Достоевским в его экземпляре Евангелия цифрой III.

Стр. 251. *«Иисус же, опять скорбя ∾ ибо четыре дни, как он во гробе».* — Стихи 38—40. В Евангелии, принадлежавшем писателю, подчеркнуты слова: «как он во гробе». Весь текст от стиха 38 до 41-го отмечен римской цифрой IV; дальнейший текст, от слов «Иисус же возвел очи...» (ст. 42—44), — римской цифрой V и на полях отмечен знаком N3.

Слова «четыре дни» в рассказе о мертвом Лазаре, подчеркнутые Достоевским, символизируют также и состояние Раскольникова: чтение Евангелия происходит на четвертый день после убийства ростовщицы. Но надо отметить еще и другое: Достоевский, вспоминая о годах каторги, писал: «Те четыре года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» (письмо Достоевского к М. М. Достоевскому, 6 ноября 1854 г.). «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых...» — так заканчиваются автобиографические «Записки из Мертвого дома». Нравственное воскресение, подобное воскресению Лазаря из мертвых, должно совершиться и с Раскольниковым. Чтение Евангелия в окончательном тексте романа появилось, возможно, вместо задуманного первоначально «Видения Христа» (стр. 135); тема «воскресения Лазаря» не раз повторяется в черновиках, но большие отрывки из Евангелия могли быть введены автором в текст романа в связи с той переделкой IX главы, которую Достоевский вынужден был предпринять по требованию редакции «Русского вестника» (см. стр. 326).

Стр. 251. *Огарок уже давно погасал...* — О присущем Достоевскому «рембрандтовском» освещении, символизирующем борьбу светлого и темного

и усиливающем трагизм описываемых событий, см.: Л. П. Гроссман. Достоевский-художник. В кн.: *Творчество Достоевского,* стр. 411; А. Л. Рубанович. Пейзаж в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». «Тр. Иркутского унив.», 1959, т. XXVIII, серия литературоведения и критики, вып. I, стр. 91—105.

Стр. 252. *...за чтением вечной книги.* — Это определение перекликается с эпитетом «вечное Евангелие», встречающимся в тексте Нового завета (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 14, ст. 6). В книге, принадлежавшей Достоевскому, указанные слова отмечены знаком NB и подчеркнуты.

Стр. 252. *«Сих есть царствие божие».* — Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 19, ст. 14.

Стр. 253. *Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!..* — Определением «муравейник» как символом неприемлемой для него концепции будущего общества Достоевский уже пользовался в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Записках из подполья» (см. наст. изд., т. V, стр. 81, 371). Это определение встречается и в статьях А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, цитировавшего «Микромегас» Вольтера в своей нашумевшей в 1860-е годы статье «Жители планет» (*Вр,* 1861, № 1, стр. 24 — «путешествие в наш маленький муравейник»).

С муравейником, следуя за Лессингом и Вольтером, сравнивал жизнь народов мира и французский романтик Ш. Нодье в романе «Жан Сбогар» (1818). Имя героя этого романа Достоевский дважды упоминает в черновых записях к «Преступлению и наказанию» (см. стр. 86 и 135). «Есть от чего умереть от стыда, — пишет герой Нодье, — когда видишь, как народы бьются вокруг какой-нибудь идеи, словно *муравьи* из-за соломинки...» «Покажите мне город, улей или *муравейник* (курсив наш, — *ред.*), и я покажу вам рабство, только лев и орел короли, ибо они одиноки» (Ш. Нодье. Жан Сбогар. Изд. «Academia», Л., 1934, стр. 189). См.: *Фридлендер,* стр. 145, а также стр. 406—407 наст. тома.

Как символ для обозначения общественного идеала социалистов-утопистов, которому Достоевский в 1860-е годы приписывал рационалистический и механический характер, образ «муравейника» постоянно встречается в его статьях, в частности в полемике с Чернышевским и Салтыковым-Щедриным.

Стр. 258. *Вон реформа идет...* — Имеется в виду судебная реформа, проведенная в России после 1864 г. В связи с ее осуществлением газеты были полны сообщений о предстоящих преобразованиях в суде (см., например: «Первая публичная лекция профессора Михайлова» о значении судебной реформы в России. *ПЛ,* 1865, 30 марта, № 47; Толки о новых судебных реформах в провинциях и юридические понятия крестьян. *СПб Вед,* 1865, 17 февраля (1 марта), № 41; сообщение об осмотре судебных помещений за границей в ожидании предстоящей судебной реформы. *СПб Вед,* 20 февраля (4 марта), № 44; объявления об открытии бесплатных и срочных курсов стенографии ввиду предстоящих судебных и земских реформ. *ПЛ,* 1865, 7 февраля, № 20, Петербургское обозрение). Новые судебные уставы были утверждены в России 20 ноября 1864 г. (см. о них: *СПб Вед,* 1865, 29 марта (10 апреля), 30 июля (11 августа), 31 июля (12 августа), №№ 79, 194, 195). Два издания их 1870-х годов имелись в библиотеке Достоевского, проявлявшего в течение всей жизни глубокий интерес к деятельности суда (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 41).

Статьи о предстоящей судебной реформе печатались и на страницах журнала «Эпоха» (см., например: П. Ткачев. Быть или не быть сословию адвокатов. *Э,* 1864, № 3).

По реформе 1864 г. следственная часть изымалась из ведения полиции. Вместо «приставов следственных дел» вводились судебные следователи. Таким образом, полицейское полновластие было ограничено. В печати широко обсуждалась деятельность будущих адвокатов и принципы судебного разбирательства — судить ли преступника на основании чувства человечности или на основании буквы закона (см.: Наши будущие адвокаты перед «Московскими ведомостями». «Колокол», 1865, 1 августа, № 201 — ответ на статью, напечатанную в *МВед* 22 июня 1865 г.). Судебные дела должны были отныне

слушаться при открытых дверях, с участием присяжных и адвокатов. В газетах начали печататься отчеты о судебных разбирательствах и постоянная «юридическая летопись».

Стр. 260. *Формой нельзя на всяком шагу стеснять следователя.* — Порфирий Петрович, по замыслу автора, принадлежит к числу новых деятелей суда 1865—1866 гг.

Стр. 261. *Говорят вон, в Севастополе, сейчас после Альмы...* — Во время Крымской войны 1853—1856 гг. после неблагоприятной для русской армии битвы на реке Альме 8 сентября 1854 г. англо-французские войска начали осаду Севастополя, продолжавшуюся 11 месяцев.

Стр. 261. *...первую параллель открывает...* — Т. е. начинает рыть первый ряд траншей.

Стр. 263. *Буффон* (франц. bouffon) — шут.

Стр. 263. *...как прежний австрийский гофкригсрат ∾ на бумаге-то они и Наполеона разбили и в полон взяли ∾ а смотришь, генерал-то Мак и сдается со всей своей армией...* — Гофкригсрат — придворный военный совет, высшее военное учреждение в Австрии. Австрийский фельдмаршал Мак (Mack) Карл (1752—1828) в 1805 г. был окружен французскими войсками под Ульмом (австрийский город и крепость на Дунае), и его армия сдалась в плен Наполеону. Эпизод появления Мака после поражения его армии в штабе Кутузова описан Толстым в романе «Война и мир» (т. I, ч. 2, гл. III), начало которого («1805 год») появилось в печати в 1865—1866 г.; указанная глава романа Толстого была опубликована в «Русском вестнике» (1866, № 2) в промежутке между появлением в том же журнале первой и последующих частей «Преступления и наказания».

В словах Порфирия Петровича слышится непосредственное отражение описания событий под Ульмом в романе Толстого: насмешка Порфирия Петровича над «отвлеченными доводами рассудка» разительно перекликается с ироническим отношением Кутузова к расчетам австрийского гофкригсрата (беседа Порфирия Петровича с Раскольниковым печаталась в седьмом номере «Русского вестника»).

Стр. 263. *...люблю я читать все эти военные реляции...* — В 1860-е годы широко рекламировалась в газетах книга «Политическая и военная жизнь Наполеона, сочинение генерал-адъютанта барона Жомини, переведенное с французского Н. Линдфорсом. Описание сражений» (СПб., 1844). Здесь излагались подробности сражений, описания расположения войск противников, по ней можно было «судить о военных событиях». В книге Жомини есть и карта военных действий близ Ульма с 10-го по 14 октября 1805 г. (стр. 12—14).

Стр. 267. *...фамилия теперь приехала...* — Здесь слово «фамилия» употреблено в значении: семья (франц. famille).

Стр. 269. *Полишинель* (франц. polichinelle) — шут, паяц, персонаж французского кукольного театра, имя которого стало нарицательным. См. также примеч. в т. III наст. изд., стр. 537.

Стр. 277. *...на всю эту дрянь от Кнопа да из английского магазина...* — Кноп — владелец галантерейного магазина на Невском проспекте в Петербурге. Английский магазин помещался на Малой Миллионной улице. Он торговал также заграничными галантерейными изделиями всякого рода. Ср.: Справочный указатель по С.-Петербургу, СПб., 1865, стр. 43, 44.

Стр. 279. *...до всех этих учений, мыслей, систем ∾ ему никакого не было дела. У него была своя собственная цель ∾ нельзя ли как-нибудь к ним подделаться...* — Вспоминая о людях типа Лужина, один из деятелей народнического движения впоследствии писал: «...пришлые люди, подобрав наши краткие и ясные формулы ⟨...⟩ навесили на них всевозможные грязные поползновения, всяческую низость, всякое совсем не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднем дворе практической жизни» (Н. К. Михайловский. Идеализм, идолопоклонство и реализм. В кн.: Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. 4, СПб., 1909, стр. 41).

«Мошенников и пакостников между ними бездна», — отмечал Достоевский в письме к М. Н. Каткову от 25 апреля 1866 г., имея в виду «попутчиков» нигилистов 1860-х годов. Основную же массу молодого поколения писатель в том же письме определял как людей честных, «беззаветно обратившихся в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы».

С т р. 280. *...способствовать будущему и скорому устройству новой «коммуны»...* — Под влиянием учения Фурье и романа «Что делать?» в Петербурге появились коммуны, основанные передовой молодежью. Самой известной была Знаменская коммуна, устроенная В. А. Слепцовым на Знаменской улице, в доме Бекмана. По словам мемуаристки, Слепцов «задумал осуществить фаланстер Фурье ⟨...⟩ решил начать с простого городского общежития и потом постепенно превращать его в настоящий фаланстер» (Е. Ж у к о в с к а я. Записки. Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 156). Ср.: К. И. Ч у к о в с к и й. Люди и книги шестидесятых годов. Изд. писателей, Л., 1934, стр. 172.

С т р. 280. *...где-нибудь в Мещанской...* — В Средней Мещанской (ныне Гражданской) улице в Петербурге находилась коммуна, помещавшаяся до этого в Эртелевом переулке № 4, в доме Хрущова. Впоследствии члены коммуны сняли комнаты на Седьмой линии Васильевского острова. Среди членов коммуны были люди, отбывшие срок заключения в крепости в связи с делом Каракозова (см.: Н. И. С в е ш н и к о в. Воспоминания пропащего человека. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 159—160). Достоевский в период создания романа мог слышать об этой коммуне. По делу Каракозова было арестовано много «нигилистов» и «нигилисток» — участниц женской швейной мастерской. «Из последних некоторые выпущены и вместе с тем награждены *желтыми билетами, которые выдают публичным женщинам*», — писал «Колокол» (1866, 1 июня, № 221).

С т р. 284. *Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук, то есть что мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку.* — Лебезятников намекает на рассуждение Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?» («не надобно мужчинам целовать рук у женщин. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщин; это значит, что их не считают такими же людьми...» — гл. вторая, XVIII).

С т р. 284. *Об ассоциациях рабочих во Франции она тоже слушала внимательно.* — В 1864 г. в «Современнике» печаталась статья Ю. Г. Жуковского «Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции» (*С*, 1864, № 4, стр. 379—406; № 6, стр. 382—420). «Ни одна из рабочих ассоциаций, основанная ⟨французскими социалистами⟩ в Париже ⟨...⟩ — писал ее автор, — не походила на обыкновенное торговое общество. В своих статутах они руководились такими правилами, целью которых было не только материальное освобождение, но и нравственное улучшение рабочего сословия ⟨...⟩ Одна из них проводила принцип братства», другие «обязывались ⟨...⟩ оказывать взаимное уважение к слабостям других ⟨...⟩ поддерживать больных ⟨...⟩ помогать вдовам и сиротам...» (*С*, 1864, № 6, стр. 407). Аналогичными принципами руководствовалась Вера Павловна в романе Чернышевского «Что делать?».

В 1865 г. вышел также русский перевод книги Э. Пфейфера «Об ассоциации. Настоящее положение рабочего сословия и чем оно должно быть» (на обложке книги: 1866 г., издание О. Бакста). Здесь находим специальную главу «Ассоциация рабочих во Франции». «Современник» приветствовал появление этой книги, популяризировавшей идею «кооперативного труда и ассоциаций» (*С*, 1866, № 1, стр. 65—69).

В 1868 г., вспоминая о «Современнике» «всё с теми же Салтыковыми и Елисеевыми», Достоевский замечает в письме: «всё те же ассоциации рабочих во Франции...» (письмо Достоевского к А. Н. Майкову, 18 февраля (1 марта) 1868 г.).

С т р. 284. *Теперь я толкую ей вопрос свободного входа в комнаты в будущем обществе.* — Лебезятников излагает одну из идей Чернышевского, низводя ее до своего уровня: «У нас будут две комнаты, твоя и моя, и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей ⟨...⟩ Я в твою комнату не смею входить, чтоб не надоедать тебе ⟨...⟩ Ты в мою также...» («Что

делать?», гл. вторая, раздел XVIII; см. об этом: *Гроссман, Город и люди*, стр. 19; Л. Погожева. Образы в романе «Преступление и наказание». «Литературная учеба», 1940, № 8—9, стр. 76—89).

Стр. 285. *...деятельность, которая ∾ выше ∾ какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!* — Лебезятников пересказывает здесь в нарочито окарикатуренном автором виде полемические высказывания критиков журнала «Русское слово» — В. А. Зайцева и Д. И. Писарева, боровшихся с идеями «чистой» науки и «чистого» искусства и требовавших от науки и искусства практической пользы для общества. Против Писарева, как «самого даровитого представителя подобных учений», была направлена статья Н. Соловьева «Теория безобразия», помещенная в журнале «Эпоха» (*Э*, 1864, № 7). «Основная идея его ⟨Соловьева⟩ совершенно разделяется нами», — отмечал Достоевский в редакционном примечании к ней. См. также статьи Н. Соловьева «Бесплодная плодовитость» и «Разлад» (*Э*, 1864, № 12; 1865, № 2). Во второй статье автор высмеивал тех, кто считает, что сапоги даже лучше Пушкина. В записной тетради начала 1860-х годов Достоевский писал иронически: «Я, знаете, люблю этих реалистов новейшего поколения, нет этих романтизирований, сапожник и Пушкин».

Стр. 285. *Всё, что полезно человечеству, то и благородно! Я понимаю только одно слово: полезное!* — Эти слова представляют собой также намек на высказывания Писарева, а отчасти и Чернышевского, заявлявшего в своей работе «Антропологический принцип в философии» (1860): «Только то, что полезно для человека вообще, признается за истинное добро» (*Чернышевский*, т. VII, стр. 288).

О подлинном смысле понятия «пользы» в устах революционных демократов 1860-х годов Д. И. Писарев писал в статье «Реалисты» (1864): «Реалисты, построившие всю свою жизнь на идее общей пользы и разумного труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяет человеческие интересы, и ко всему, что отвлекает человека от общеполезной деятельности ⟨...⟩ Последовательный реализм безусловно презирает всё, что не приносит существенной пользы, но слово „польза“ мы принимаем совсем не в том узком смысле, в каком его навязывают нам наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говорим поэту: „шей сапоги“, или историку: „пеки кулебяки“. Но мы требуем непременно, чтобы поэт, как поэт, и историк, как историк, приносили каждый в своей специальности *действительную* пользу» (*Писарев*, т. 3, стр. 82, 92).

Стр. 289. *...займемся рогами! ∾ Это скверное, гусарское, пушкинское выражение...* — Имеются в виду строки из «Евгения Онегина»:

И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

(гл. 1, XII)

Стр. 289. *«Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь же я тебя уважаю, потому что ты сумела протестовать!»* — Рассуждения эти представляют пародийный отклик на суждения о любви и ревности в романе Чернышевского «Что делать?». В частности, слова Лебезятникова: «Жена ваша докажет вам только, как она уважает вас, считая вас неспособным воспротивиться ее счастью ⟨...⟩» являются пародийной парафразой заявления Лопухова, узнавшего, что Вера Павловна полюбила Кирсанова: «Разве ты перестанешь уважать меня? ⟨...⟩ Не жалей меня: моя судьба нисколько не будет жалка оттого, что ты не лишишься через меня счастья» («Что делать?», гл. третья, раздел XXV). Пародию на ту же ситуацию из романа «Что делать?» мы позднее встретим и в романе «Бесы» в устах Виргинского (ч. I, гл. 1, VIII — см. т. X наст. изд.).

Стр. 290. *...Катерина Ивановна была ∾ не из забитых ∾ забить ее нравственно, то есть запугать и подчинить себе ее волю, нельзя было.* — В этих словах романа можно видеть отражение одной из мыслей Добролюбова, высказанных им в связи с оценкой героев Достоевского: «бо́льшая часть этих забитых, которых ⟨...⟩ считали, может быть, пропавшими и умер-

шими нравственно, — все-таки крепко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самих, хранит в себе живую душу и вечное неисторжимое никакими муками сознание своего человеческого права на жизнь и счастье» (*Добролюбов*, т. 7, стр. 275).

Стр. 303. *Гот дер бармгерциге!* (нем. Gott der barmherzige) — Боже милосердный!

Стр. 303. *...подлая ты прусская куриная нога в кринолине!* — По воспоминаниям племянницы писателя М. А. Ивановой, Достоевский звал «куриной ногой в кринолине» немку-гувернантку, одну из соседей Ивановых в Люблине под Москвой, где летом 1866 г. он работал над пятой частью «Преступления и наказания» (см.: В. Нечаева. Поездка в Даровое. «Новый мир», 1926, № 3, стр. 139).

Стр. 307. *...чтоб занести им «Общий вывод положительного метода» и особенно рекомендовать статью Пидерита (а впрочем, тоже и Вагнера)...* — Имеется в виду сборник «Общий вывод положительного метода» (перевод под ред. Н. Н. Неклюдова. СПб., 1866), в который входили статьи: «Мозг и дух. Очерк физиологической психологии для всех мыслящих читателей» д-ра М. Пидерита (стр. 234—293), «Законосообразность в, по-видимому, произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики» А. Вагнера (стр. 297—383) и др. Та же статья («Мозг и его деятельность, популярный очерк физиологической психологии, сочинение д-ра М. Пидерита») иногда печаталась вместе со статьей И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (СПб., 1866). О статье Вагнера и ее возможном отражении в романе см. выше, стр. 368.

Стр. 309. *Ла́йдак* (польск. — łajdak) — мерзавец, прохвост.

Стр. 320. *...низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!* — Ср. в романе «Униженные и оскорбленные»: «в тесной квартире даже и мыслить тесно» (наст. изд., т. III, стр. 169).

Стр. 321. *Это их закон ∽ кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав.* — Ср. в черновых записях к роману: «...никогда никто власть имеющий не повиновался этим законам. Наполеоны попирали и изменяли их ⟨...⟩ Есть один закон — закон нравственный» (стр. 142).

Стр. 322. *Разве я старушонку убил? Я себя убил...* — «Наказание за преступление гораздо меньше устрашает преступника ⟨...⟩ потому что он сам его (нравственно) требует», — писал Достоевский в письме к М. Н. Каткову, излагая замысел романа (см. стр. 311). Вопрос о юридических наказаниях, налагаемых на преступников, широко обсуждался в 1860-е годы. Особое внимание обратила на себя в 1865 г. книга «О смертной казни. Сочинение А. Бернера» (СПб., 1865), где приводилось следующее положение известного немецкого криминалиста А. Фейербаха: «Человек, однажды обагривший свои руки кровью такого же индивидуума и помирившийся со своею совестью, всегда останется для общества таким же ужасным и страшным, как и опасным явлением. Человек осваивается с кровью, и отвращение, осиленное в первый раз, во второй раз не требует преодоления. Кто совершил такое кровавое дело, тот должен или сойти с ума, или в одной смерти искать спокойствия; или же — если ни одно из двух, — то кровавая смерть, нанесенная им ближнему, нравственно убивает его самого. Такое преступление походит на образ Медузы: здесь окаменевает не тело, но нравственная часть души» (ук. соч., стр. 33).

Стр. 323. *Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают.* — Ср. следующие слова тогдашней газетной хроники: «Виктор Гюго замечает, что Наполеон издерживал ежедневно по две тысячи солдат. Те страны, которые долго были театром войны, потерпели уменьшение в народонаселении ⟨...⟩ В Испании до войны было 12 млн жителей; после войны — 8 млн, в Португалии до войны $2^1/_2$ млн, после войны всего миллион. Вот какой громадный капитал жизней и довольства пожирал Наполеон...» (Леон Поль. Заграничная хроника. «Голос», 1865, 7 (19) апреля, № 95).

Стр. 325. *Это, говорят, такие бугорки, в чахотке, на мозгу вскакивают...* — Достоевский, по свидетельству доктора С. Д. Яновского, в молодые годы питал интерес к болезням мозга и нервной системы и изучал науч-

ную литературу по этим вопросам, в частности сочинения Франца Иосифа Галля (1758—1828) — австрийского врача и анатома, известного своим учением о связи психических свойств человека со строением поверхности его черепа (см.: С. Я н о в с к и й. Воспоминания о Достоевском. *РВ,* 1885, № 4, стр. 805—806). В 1860-е годы учением Галля — френологией увлекались многие в России. Но Галль принимал во внимание только ту часть мозговых извилин, возвышения и углубления которой ощупываются и узнаются по черепу. Возможно, в данном случае, говоря о бугорках, Достоевский имел в виду учение не Галля, а французского физиолога Клода Бернара (1813—1878), объяснявшего психические явления в живых организмах движением нервных частиц. Имя Бернара упоминается в романе «Братья Карамазовы», где Дмитрий (также насмешливо и презрительно) говорит о каких-то «хвостиках» в мозгу. Но исследования Бернара были, вероятно, известны Достоевскому уже в период работы над «Преступлением и наказанием», так как в сборнике «Общий вывод положительного метода», упоминаемом в романе (см. т. VI наст. изд., стр. 307 и примеч. к ней) наряду с сочинениями Фохта, Пидерита, Вирхова и Молешотта, была опубликована статья К. Бернара «Прогресс в физиологических науках» (стр. 29—72). О К. Бернаре Достоевский мог слышать и от Н. Н. Страхова, с предисловием и в переводе которого в 1866 г. вышло «Введение к изучению опытной медицины» К. Бернара. В том же 1866 г. начали печататься в русском переводе и «Лекции физиологии и патологии нервной системы» К. Бернара (перевод Н. Макарова, ч. 1—2, СПб., 1866—1867) и исследования о заразности чахотки-бугорчатки Ж. Вильмена и русского врача М. Руднева (см.: *ЛП*, стр. 767, 797—798).

С т р. 327. *Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему...* — Как отмечено исследователями, «длинные косые лучи заходящего солнца» — образ, часто встречающийся в произведениях Достоевского. Этот образ-символ появляется уже в ранних его произведениях. Час заката в романах Достоевского — глубокий психологический символ. Час этот обостряет душевное состояние его персонажей. В «Преступлении и наказании» золото заката побеждает пыль и зной петербургского лета, а вызванная им тоска героя способствует нравственному очищению Раскольникова (см.: С. Д у р ы л и н. Об одном символе у Достоевского. — В кн.: Достоевский. Сборник статей. М., 1928, стр. 197).

С т р. 330. *Не «Гусара же на саблю опираясь» петь...* — «Гусар, на саблю опираясь», — широко известная песня на слова стихотворения К. Н. Батюшкова «Разлука». Музыка приписывается М. Ю. Виельгорскому. Упоминание этой песенки встречается у Достоевского в рассказе «Ползунков» (1848; см.: наст. изд., т. II, стр. 11).

С т р. 330. *...Ах, споемте по-французски «Cinq sous»!*— «Cinq sous» — известная петербургским жителям песенка нищих из французской пьесы Деннерн и Лемуана «Божья милость, или Новая Фаншон», поставленной еще в 1841 г. французской труппой на Михайловском театре в Петербурге. В 1842 г. пьеса была переделана Н. А. Некрасовым в мелодраму «Материнское благословение» и до 1855 г. не сходила с петербургской сцены (см. о ней: *Белинский,* т. XIII, стр. 158). В пьесе Некрасова слова «cinq sous» переведены по созвучию «семь су» (см.: *Некрасов,* т. IV, стр. 465; см. также: Л. П о г о ж е в а. Образы в романе «Преступление и наказание». «Литературная учеба», 1940, № 8—9, стр. 88).

С т р. 330. *Можно бы даже: «Malborough s'en va-t-en guerre», так как это совершенно детская песенка и употребляется во всех аристократических домах, когда убаюкивают детей.* — Указанная популярная французская шуточная песня («Мальбруг в поход собрался...») действительно исполнялась часто как колыбельная: спустя шестьдесят лет после смерти ее героя, английского герцога Мальборо, кормилица сына Людовика XVI напевала ее дофину. Песенка кормилицы стала модной в Париже; несколько позднее ее любил, по воспоминаниям современников, распевать Наполеон перед отправлением в поход (см. об этом: Chansons nationales et populairs de France accompagnée de Notes historiques et littéraires par Dumersan et Noël Ségur, t. I. Paris, 1846, p. 141—142).

С т р. 333. *Беспокойный бред охватывал ее более и более.* — «Сцену смерти чахоточной Федор Михайлович мог наблюдать у одра болезни его первой жены Марии Дмитриевны», облик которой, по мнению А. Г. Достоевской, повлиял на создание образа Катерины Ивановны (см. примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 30).

С т р. 333. *...глиссе-глиссе, па-де-баск!* — Названия танцевальных фигур.

С т р. 333. *Du hast Diamanten und Perlen...* — Из стихотворения Г. Гейне, входящего в цикл «Опять на родине» («Книга песен»). Романс Ф. Шуберта; в позднейшем переводе А. Фета (1874; напеч.: 1883):

Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя благодать,
И очи твои так прелестны, —
Чего ж тебе, друг мой, желать?

Достоевский, по свидетельству Н. Фон-Фохта, услышал этот романс в Люблине, летом 1866 г., во время работы над пятой частью романа и позднее часто его напевал (см.: Н. Н. Ф о н - Ф о х т. К биографии Достоевского. *ИВ*, 1901, № 12, стр. 1029).

С т р. 333. *В полдневный жар, в долине Дагестана...* — Романс на слова М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841), музыка К. Н. Пауфлера (1854) или А. В. Толстой (1864).

С т р. 341. *...это политический заговорщик...* — Это предположение могло быть навеяно делом Д. Каракозова (см. выше, стр. 323—324).

С т р. 343. *...поехал намедни к Б—ну...* — Подразумевается, очевидно, доктор С. П. Боткин, у которого лечился и сам Достоевский (см. письмо А. Е. Разина к Достоевскому, 11 марта 1862 г. *ГБЛ*, ф. 93, II, 8.6). См. также «Путеводитель по С.-Петербургу», СПб., 1865, стр. 301 («Адресы врачей, пользующихся наибольшей известностью в столице: ...Боткин у Пяти углов»).

С т р. 345. *Дым, туман, струна звенит в тумане.* — Неточная цитата из «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя (у Гоголя: «...сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане...»). Достоевский упоминает эти строки в письме к И. С. Тургеневу от 23 декабря 1863 г., характеризуя основной тон его новести «Призраки» и определяя роль фантастического в искусстве: «...в „Призраках“ слишком много реального. Это реальное есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время,* уловленная тоска. Этой тоской наполнены все „Призраки“. Это „струна звенит в тумане“» (ср.: В. Е. Х о л ш е в н и к о в. О литературных цитатах у Достоевского. «Вестник Ленинградского университета», 1960, № 8, серия истории, языка и литературы, стр. 135).

С т р. 347. *Морген фри.* — Здесь: вот-те и на! (от нем. morgen früh).

С т р. 347. *Адамант* — алмаз.

С т р. 347—348. *А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роде бегуны бывали* ∾ *Знаете ли* ∾ *что значит у иных из них «пострадать»?* — Бегуны — одна из сект русского раскола, возникшая в конце XVIII в. и распространенная среди крестьян, мещан, беглых солдат; была известна в народе под именем strannической, или сопелковской — от села Сопелок близ Ярославля. Основателем секты бегунов считался беглый солдат Евфимий. «Странники смотрят на церковь русскую как на отступническую, еретическую и веруют, будто антихрист уже пришел и царствует на земле ⟨...⟩ Печатью антихриста признают повиновение предержащей власти. Посему единственным путем ко спасению эти сектанты почитают не только совершенное отчуждение от русской церкви, но вместе совершенное непризнание над собою царской и всякой земной власти и при невозможности бороться с нею — бегство от антихристова владычества, удаление от семейства, общества, от подчинения каким бы то ни было гражданским законам и *странствование* в лесах и пустынях, почему и называются *странниками»* (История русского раскола, известного под именем старообрядства, Макария, епископа Винницкого, ректора С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1855, стр. 280—281).

В годы писания романа журналы и газеты были в России полны материалов о раскольниках (см., например: *МВед*, 1866, 18 января, № 13; там же, 6 октября, № 208; «Биржевые ведомости», 1864, 22 декабря, № 341 (о притонах бегунов); «Голос», 1864, 13 (25) сентября, № 253, Петербургские отметки (сведения о числе раскольников в Петербурге из книги Е. Карповича «С.-Петербург в статистическом отношении», СПб., 1864); «День», 1864, 14 ноября, № 46 (передовая статья о расколе)). В «Северной пчеле» (1865, №№ 5, 9, 10, 14, 15) печатались «Письма о расколе» П. И. Мельникова-Печерского, в «Библиотеке для чтения» (1863, № 11; 1864, № 9) — заметки М. Стебницкого (Н. Лескова), в «Русском архиве» (1866, № 4) — «Краткая записка о странниках, или бегунах» И. С. Аксакова и статья Л. Трефолева «Странники» (из истории раскола) с примечаниями Аксакова.

Достоевский рекомендует в 1866 г. «Русскому вестнику» поэму А. Майкова «Странник»: «Три лица, все трое раскольники, бегуны, — писал он в связи с этим. — Еще в первый раз в нашей поэзии берется тема из раскольничьего быта. Как это ново и как эффектно!» (письмо Достоевского к Н. А. Любимову 16 ноября 1866 г.; см. об этом: *ЛН*, т. 86, стр. 130). Существуют свидетельства, что еще в 1840-х годах, будучи петрашевцем, Достоевский искал сближения с раскольниками (см.: *Биография*, стр. 87). Интерес к расколу сохранился у писателя и позднее. По свидетельству А. Г. Достоевской, в библиотеке Достоевского в 1860-х годах «много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 207). В счете Достоевскому из книжного магазина А. Ф. Базунова 29 августа 1862 г. значатся следующие книги по расколу: «Рассказы из истории старообрядцев» С. В. Максимова, «Раскольничьи дела» Г. Есипова, «История Выговской старообрядческой пустыни», «Раскол» А. П. Щапова, «В пользу раскола» (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 116).

Вопрос о том, «что произвело наш русский раскол?», глубоко волновал Достоевского. «Ни славянофилы, ни западники не могут как должно оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни, — писал Достоевский в 1862 г. о расколе в статье «Два лагеря теоретиков», — ⟨...⟩ Они не поняли в этом странном отрицании страстного стремления к истине, глубокого недовольства действительностию». В расколе, «самом крупном явлении русской жизни», по его определению, Достоевский видел «самый лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» (см. наст. изд., т. XIX).

На страницах журнала «Время» печаталось исследование о бегунах А. П. Щапова «Земство и раскол. Бегуны». «Основной мотив всех этих движений и физических, и нравственных сил податного, крепостного и служилого народа составляла месть за угнетенье и жажда воли, — писал здесь Щапов, объясняя, чтó побуждало народ к бегунству и страничеству. — В бегунах преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великорусской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой» (*Вр*, 1862, № 10, стр. 320—321).

О характерном для бегунов добровольном принятии мучений рассказывают И. Аксаков и Л. Трефолев: «Ложь и обман, особенно во время следствия и суда, — писал последний, — всех сектаторов беспоповщины — как бы непременная обязанность, освященная ⟨...⟩ примером из жития великомученицы Варвары, где говорится, что „некто сказал правду и погиб; другой солгал — и свят сделался“. У странников ложь тем обязательнее, что она есть выражение брани, которую каждый должен вести с антихристом и слугами его» (Л. Трефолев. Странники. *РА*, 1866, № 4, стр. 615).

А. Ф. Кони, которому приходилось в своей судебной практике сталкиваться с обвиняемыми, родственными по убеждениям Миколке, рассказывает в статье «Обвиняемые и свидетели»: «Есть, наконец, между последователями крайних и мрачных сектантских учений, вроде морельщиков, самосожигателей, бегунов, люди, считающие, что царствие небесное может быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаниями, и потому ищущие „принять страдание“, возводя на себя небывалые преступления или обвиняя

себя в совершении преступления, несомненно содеянного другими. Я помню одного такого старика, принадлежавшего к секте бегунов, или странников, так называемого сопелковского согласия, который, будучи задержан в Казани, возводил на себя разные преступления, с угрюмым упорством отвергая твердо установленные данные, указывавшие на его невиновность» (А. Ф. К о н и. На жизненном пути. СПб., 1912, т. I, стр. 314).

Миколка родом из Зарайского уезда. Уезд этот был знаком Достоевскому с детства и известен среди старообрядцев. Уезды Зарайский и Егорьевский один из авторов 1870-х годов называет как «преимущественно зараженные религиозным вольнодумством» (Ф. В. Л и в а н о в. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы, т. II. Изд. 2. СПб., 1872, стр. 414).

Достоевского интересовали не только бегуны, но и другие секты старообрядцев. На каторге он встречал стародубовцев (см. «Записки из Мертвого дома», ч. 1, гл. III — наст. изд., т. IV, стр. 33), в «Эпохе» печатались статьи о скопцах и монтанах (см.: В. К а л а т у з о в. 1) Очерк быта и верований скопцов. *Э*, 1864, № 12; 2) Монтаны, *Э*, 1864, № 7). Одно из главных убеждений бегунов — требование добровольного принятия страдания — Достоевский считал выражением черты, присущей искони русскому народу: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков» («Дневник писателя за 1873 г.», гл. V, «Влас»).

С т р. 348. *Вот что-то новые суды скажут.* — См. примеч. к стр. 258.

С т р. 348. *Сидел в мое время один смиреннейший арестант целый год в остроге, на печи по ночам всё Библию читал...* — Этот арестант описан Достоевским в «Записках из Мертвого дома»: «Был в остроге один арестант. Он жил у нас уже несколько лет и отличался своим кротким поведением ⟨...⟩ Он был грамотный и весь последний год постоянно читал Библию, читал и днем и ночью» (наст. изд., т. IV, стр. 392).

С т р. 348. *...когда цитуется фраза, что кровь «освежает»...* — В этих словах Порфирия можно видеть намек на следующее место из библиографической хроники газеты «Голос»: «Основываясь на недавно вышедшем в свет 16-м томе корреспонденции Наполеона и на показаниях врача его, Корвизара, г-н Кёнигсберг объясняет, что Наполеону нужно было не завоевание, а собственно война, как средство возбуждения, как опьянение ⟨...⟩ Кровообращение у Наполеона было неправильно и крайне медленно ⟨...⟩ Только среди войны он чувствовал себя хорошо, пульс его начинал биться ровно и с нормальною скоростью ⟨...⟩ Автор находит в этом отношении сходство между Наполеоном и Цезарем; он видит в Цезаре ту же потребность в постоянном самовозбуждении войною...» (Леон П о л ь. Заграничная хроника. «Голос», 1865, 7 (19) апреля, № 95).

С т р. 352. *...модный сектант убежит...* — Достоевский, вероятно, имел в виду В. И. Кельсиева. В 1862 г. он объявил себя эмигрантом и начал издавать в Лондоне материалы, относящиеся к расколу. «Известным авантюристом и литератором, русским эмигрантом, мечтавшим произвести агитацию между русскими раскольниками в России и за границей» назван он в некрологе «Гражданина» (1873, № 3, стр. 81). Имя Кельсиева, личность которого глубоко интересовала Достоевского, встречается в его записных книжках 1870-х годов.

С т р. 352. *... как мичману Дырке...* — Мичман Дырка упоминается в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (действие I, явл. XVI). Достоевский, по-видимому, спутал его с другим персонажем той же комедии — смешливым мичманом Петуховым (действие II, явл. VIII).

С т р. 355—356. *Он находился на —ском проспекте, шагах в тридцати или в сорока от Сенной, которую прошел.* ∾ *Трактир был грязный, дрянной и даже не средней руки.* — См. на стр. 373 примеч. к стр. 103.

С т р. 357. *Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния!* — Мысль о влиянии климатических условий на душевное состояние преступника нередко высказывалась в 1860-е годы, в частности, в тех сочинениях, которые Достоевский упоминает в «Преступлении и наказании»: «Пре-

ступления соопределяются также и влиянием природы, например погодою», — писал А. Вагнер в статье «Законосообразность в, по-видимому, произвольных человеческих действиях с точки зрения статистики», помещенной в уже известном нам сборнике «Общий вывод положительного метода» (СПб., 1866, стр. 343; ср. выше, примеч. к стр. 43, 307).

С т р. 362. *Вы — Шиллер, вы — идеалист!* — Ср. в черновых записях к роману «Братья Карамазовы» слова Мити: «Я Шиллера любитель, я идеалист. Кто решил, что я пакостник, тот меня еще не знает» (наст. изд., т. XVII). Шиллер у Достоевского всегда символ духовной чистоты и высокого благородства. О точках, сближающих этическую проблематику «Преступления и наказания» с этическим учением Канта и Шиллера, см.: Н. В и л ь м о н т. Великие спутники. Изд. «Советский писатель», М., 1966, стр. 207.

С т р. 362. ... *существует одно обстоятельство, которое меня очень монтировало...* — Т. е. взволновало (франц. monter).

С т р. 365. ... *ушла бы в Египетскую пустыню...* — Здесь имеется в виду подвиг Марии Египетской, христианской святой, прожившей 47 лет в пустыне Иорданской, «победившей кровь свою и род свой страданием неслыханным». Образ ее интересовал Достоевского до конца жизни (см. его письмо к Ю. Ф. Абаза, 15 июня 1880 г.). О ее жажде «за кого-нибудь муку поскорее принять» говорится и в романе «Подросток» (ч. III, гл. 3, раздел II).

С т р. 365. ... *Параша, черноокая Параша...* — Перефразировка первых строк стихотворения Г. Р. Державина «Параша»: «Белокурая Параша, Сребророзова лицом...»

С т р. 369. *Ведь у Сикстинской Мадонны лицо фантастическое, лицо скорбной юродивой...* — Эта характеристика Сикстинской Мадонны отражает один из устойчивых аспектов восприятия ее Достоевским. «Федя находит скорбь в улыбке Мадонны», — записала А. Г. Достоевская в дневнике 18 апреля 1867 г. (*Достоевский в воспоминаниях,* т. 2, стр. 96). Об этом же она писала в 1867 г. из Дрездена С. А. Кашиной («Сикстинская Мадонна — что это за милое, доброе, кроткое, ясное, именно скорбное (как говорит Ф. М.) лицо. Мадонна Гольбейна, по-моему (с чем Ф. М. почти согласен), совсем не то» (*Сб. Достоевский, II*, стр. 310).

С т р. 370. ... *канкан* ∞ *девочка, лет тринадцати...* — О канканах, трактирных сценах, пьянстве как характерных явлениях петербургской жизни писала «Эпоха» (см.: Н. С о л о в ь е в. Разлад. *Э*, 1865, № 2, стр. 39). Случай, подобный тому, о котором рассказывает Свидригайлов, описан А. М. Скабичевским (см.: А. М. С к а б и ч е в с к и й. Литературные воспоминания. Изд. «Земля и фабрика», М.—Л., 1928, стр. 242).

С т р. 371. *Où va-t-elle la vertu se nicher?* — восклицание, приписываемое Мольеру, в ответ на обращение к нему нищего, решившего, что поэт ошибся, подав ему золотой. Об этом эпизоде упоминает Вольтер в «Жизни Мольера» (1739) — см.: O. G u e r l a c. Les citations françaises. Paris, 1961, p. 323—324.

С т р. 373. ... *уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!* — В учебнике уголовного права, изданном в 1863 г. В. Д. Спасовичем, в разделе V «Ссылка английская в Америку» говорилось, что отправкой в Америку «государство избавлялось разом от всех мазуриков, бродяг, отъявленных злодеев и людей подозрительных» (В. С п а с о в и ч. Учебник уголовного права, т. I, вып. 1. СПб., 1863, стр. 211). «Колонисты состояли из испорченных и негодных классов населения больших английских городов», — замечал другой автор (К. Н е й м а н н. История Американских Соединенных Штатов. СПб., 1864, стр. 3). «... Весьма остроумно заключает г. Шелгунов: „Не открой Колумб Америки, ирландская система была бы невозможна“», — отмечал библиограф «Петербургского листка», цитируя строки из статьи Н. В. Шелгунова «Келейная тюрьма» («Луч». Учено-литературный сборник. СПб., 1866, стр. 51). В третьем номере журнала «Время» за 1863 год в статье В. Попова «Преступления и наказания (эскизы из истории уголовного права)» в историческом обзоре теорий уголовного права различных стран называлось исследование: «Пенитенциарная система» (Système Pénitentiare, par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville). Имена авторов этой книги — Бомона и Токвиля, выезжавших специально в 1831 г. в Америку по заданию правительства Франции

для изучения пенитенциарной системы, были хорошо знакомы Достоевскому. Среди книг, которые он брал из библиотеки Петрашевского, было сочинение Бомона «Мария, или Рабство» («Marie, ou L'Esclavage aux Etats-Unis. Tableau de moeurs américains par Gustave de Beaumont, t. 1—2, Paris, 1835). Сочинение Токвиля «De la Démocratie en Amérique», в котором дается критический анализ американской демократии и «объясняется весь состав общества, как оно должно быть», обсуждалось на пятницах Петрашевского и также было известно писателю (см.: «Дело петрашевцев», т. III. М., 1951, стр. 387, 402). В 1860-е годы в России появились новые переводы сочинений Токвиля на русский язык.

О бегстве в Америку с целью «изведать „свободный труд в свободном государстве"» Достоевский упоминал в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. XI, «Мечты и грезы»). Тема эта будет звучать и в романе «Бесы», где жизнь героев в Америке заканчивается разочарованием, и в последнем романе Достоевского. Здесь проект бегства в Америку предлагает Дмитрию Карамазову черт.

С т р. 383. ... *выстроен был «вакзал»...* — Вокзал в старинном словоупотреблении — место общественных увеселений (от англ. Vauxhall — названия лондонского пригорода, обращенного в парк для гулянья). Здесь — ресторан.

С т р. 385. ... *по Владимирке.* — Владимирка — тракт через город Владимир, по которому отправляли в Сибирь ссыльно-каторжных.

С т р. 388. ... *переходил через —ков мост...* — Имеется в виду Тучков мост через Малую Неву с Васильевского острова на Петроградскую сторону.

С т р. 388. ... *и пошел на —ой проспект. Он шагал по бесконечному —ому проспекту...* — «По Большому проспекту Петербургской стороны. Эта местность была хорошо известна Федору Михайловичу, так как сестра его Александра Михайловна Голеновская (по второму мужу Шевякова) владела домом на Большом проспекте, близ Каменноостровского, и Федор Михайлович, приезжая к ней, всегда тяготился „бесконечностью" Большого проспекта, тогда еще довольно пустынного и застроенного мелкими деревянными домишками» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57—58).

С т р. 391. *Гроденапль* — род плотной шелковой ткани (франц. gros de Naples).

С т р. 391. *Эта девочка была самоубийца — утопленница. Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце...* — Тема эта получила развитие позднее в «Исповеди Ставрогина» (см. т. XI наст. изд.); о девочке-самоубийце рассказывалось в журнале «Время» (1861, № 5, Внутренние новости, стр. 17).

С т р. 392. *А, сигнал! Вода прибывает...* — В ночь с 29 на 30 июня 1865 г. в Петербурге действительно была буря, от которой в особенности пострадала Петербургская сторона (см.: *РИ*, 1865, 2 июля, № 143).

С т р. 394. *Высокая каланча мелькнула ему влево.* — «Полицейский дом Петербургской стороны (Пожарный отдел) на углу Съезжинской и Большого проспекта» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 58).

С т р. 394. ... *в медной ахиллесовской каске.* — Ахиллеса обычно изображали в шлеме, увенчанном нависшим вперед гребнем.

С т р. 400. ... *кровь* ∞ *которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии...* — Юлий Цезарь был удостоен званий верховного жреца и военного трибуна по возвращении в Рим из Пергама, где он жестоко расправился с морскими пиратами (см.: Н а п о л е о н III. История Юлия Цезаря, т. I. СПб., 1865, стр. 299—300). Ср. в «Записках из подполья»: «Кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское ⟨...⟩ Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний» (наст. изд., т. V, стр. 112).

С т р. 408. ... *записки Ливингстона изволили читать?* — Дэвид Ливингстон (1813—1873) — известный английский путешественник, совершил ряд путешествий в глубь Африки в 1840—1860-х годах, описания которых приобрели общеевропейскую известность. В 1865 г. в Лондоне была опубликована его книга «Путешествие по Замбези», вышедшая в русском переводе через два года. Еще в 1861 г. А. П. Милюков сравнивал «Записки из Мертвого дома» с сочинениями Ливингстона об Африке: «Это одно из таких сочинений, которые

приковывают ваше внимание поразительной свежестью впечатления, точно книга какого-нибудь Ливингстона, сообщающего открытия в незнакомом и любопытном мире» («Светоч», 1861, № 5, Критическое обозрение, стр. 28). Редактором русского перевода «Записок» Ливингстона был Н. Н. Страхов.

Стр. 408. *...этих стриженых девок ∾ Лезут в академию, учатся анатомии...* — В этих словах поручика-пороха отражены традиционные нападки тогдашней реакции на сторонниц женского образования. В России 1860-х годов оно было для женщин ограничено возможностью получения только двух профессий: акушерки и учительницы. Подготовка к первой из них осуществлялась в Петербурге на курсах при Медико-хирургической (ныне Военно-медицинской) академии.

Среди курсисток, посещавших лекции Медико-хирургической академии, была Н. П. Суслова, сестра А. П. Сусловой, ставшая первой в России женщиной — доктором медицины (см.: Донесение о коммуне Слепцова петербургского обер-полицмейстера И. В. Анненкова генерал-губернатору Петербурга кн. А. А. Суворову. *ЛН,* т. 71, стр. 452). Достоевский был дружен с Н. П. Сусловой. Сохранилось его письмо к ней от 19 апреля 1865 г.: «Я вас высоко ценю, вы редкое существо из встреченных мною в жизни», — писал здесь Достоевский. За успехами Н. П. Сусловой он внимательно продолжал следить и позднее. «На днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Суслова 〈...〉, — писал он своей племяннице С. А. Ивановой из Женевы в январе 1868 г., — выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка, ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая!»

В 1866 г., в связи с выстрелом Каракозова, слушательницы медицинских курсов подвергались особенно жестоким гонениям и нападкам (см., например: «Колокол», 1866, 1 июня, № 221).

Стр. 408. *... я вот заболею, ну позову ли я девицу лечить себя?* — в 1861 г. Д. И. Писарев возражал фельетонисту киевской газеты «Современная медицина», заявившему, что женщины-медики «будут поставлены в щекотливое положение, если им придется лечить специально мужские болезни» (*Писарев,* т. 1, стр. 236). Комическое заявление этого фельетониста Достоевский здесь вкладывает в уста поручика-пороха.

Стр. 410. *Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки ∾ крепость, в крепости острог.* — Достоевский рисует здесь картину Омского острога, расположенного на берегу Иртыша, где он провел четыре года (ср. описание той же крепости и реки в «Записках из Мертвого дома», наст. изд., т. IV, стр. 9 и 178).

Стр. 416. ... *у острожных ворот или в кордегардии ∾ на кирпичных заводах...* — Эти строки автобиографичны. Достоевский дважды ходил с партией арестантов за несколько верст от крепости работать на кирпичный завод (см.: *Биография,* стр. 131). Из мемуаров мы знаем также, что «Ф. М. Достоевский и С. Ф. Дуров часто оставлялись для работ при остроге и, по смене старого караула, требовались новым начальником в кордегардию и находились некоторое время в комнате караульного офицера» (П. К. Мартьянов. В переломе века. *ИВ*, 1895, № 11, стр. 450).

Стр. 418. ... *были тоже ссыльные поляки...* — О ссыльных поляках, отбывавших каторгу в Омском остроге одновременно с Достоевским, см. также в т. IV наст. изд., стр. 208—218, 288.

Стр. 418—419. ... *Его даже стали ∾ ненавидеть ∾ смеялись над его преступлением ∾ Один каторжный бросился было на него...* — Эти строки автобиографичны. Ср. письмо Достоевского к брату М. М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г., где писатель вспоминает: «...нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью в нашем горе 〈...〉 „Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего наш брат стал“» (см. также «Записки из Мертвого дома» и примеч. к ним в т. IV наст. изд.).

Стр. 419. *Он пролежал в больнице...* — Эти строки автобиографичны (см. также: наст. изд., т, IV, стр. 130—141),

С т р. 419—420. *Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве ∾ Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные...* — Символический сон Раскольникова — предупреждение человечеству, философский итог романа: герой сознает гибельные последствия, которые имели бы для судеб культуры торжество индивидуализма, забвение нравственных связей между людьми. Стилистически строки навеяны Апокалипсисом, образы которого Достоевский наполняет более широким содержанием (см.: Откровение св. Иоанна Богослова, гл. 8—17). Ряд стихов Апокалипсиса подчеркнут или отмечен Достоевским в принадлежащем ему экземпляре Нового завета, по возможно, эти пометы относятся к 1870-м годам. Здесь же на полях чернилами написано, против ст. 11, гл. 13 («И видел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон»): «социал⟨изм⟩». Далее, в ст. 9, гл. 17 («Семь голов *суть* семь гор, на которых сидит жена»), слово «гор» отмечено крестиком и на полях с той же пометой добавлено: «цивилизации». Здесь же, против ст. 11 («И зверь, который был и *которого* нет, есть восьмый, и из *числа* семи, и пойдет в погибель»), приписано: «общечеловек». С интересом относился писатель и к работе своего друга А. Н. Майкова над переводом Апокалипсиса, как мы знаем из письма его к поэту от 20 марта (2 апреля) 1868 г.

С т р. 419. *Появились какие-то новые трихины...* — В конце 1865—начале 1866 г. в русских газетах печатались тревожные сообщения о неизвестных в то время медицине микроскопических существах — трихинах и о повальной болезни, причиняемой ими (*ПЛ*, 1866, 13 января, № 7). Срочно была издана брошюра: М. Руднев. О трихинах в России. Нерешенные вопросы трихинной болезни. СПб., 1866.

С т р. 422. *Под подушкой его лежало Евангелие.* — Эти строки носят автобиографический характер (см. примеч. к стр. 248).

Рукописные редакции

«Преступление и наказание» — первый роман Достоевского, к которому сохранился довольно большой рукописный фонд. Это три рабочих тетради 1865—1866 гг., где 250 страниц, полностью или частично, заняты черновиками, планами, конспектами романа и заметками к нему. Сохранились также черновые наброски, фрагменты чернового и белового автографов на отдельных листах (73 листа разного формата, заполненные большею частью с обеих сторон) и небольшие отрывки наборной рукописи.

В своих воспоминаниях о первых годах жизни в Петербурге, после четырехлетнего пребывания за границей, А. Г. Достоевская рассказывала, что тетради нашлись случайно зимой 1871 г., в корзине с другими рукописями и бумагами, на чердаке. Их поставил туда на время племянник Достоевского, Федор Михайлович «младший». Позднее А. Г. Достоевская подарила тетради внуку (А. Г. Достоевская. Ф. М. Достоевский в 1871—1872 гг. *Сб. Достоевский, I*, стр. 483—484).

Выдержки из этих тетрадей были напечатаны впервые с предисловием И. Гливенко в журнале «Красный архив» (1924, № 7, стр. 146—200). Полная публикация появилась в 1931 г. (см.: *Гливенко*). Это издание механически воспроизводило страницу за страницей (с рядом пропусков и множеством неразобранных мест) материалы, относящиеся к «Преступлению и наказанию».

Такой способ подачи черновиков Достоевского вызвал справедливые возражения В. Л. Комаровича, который заметил, что записные тетради «недопустимо издавать просто в механической последовательности страниц» и что в публикации И. И. Гливенко «смысловая (не говоря уж о хронологической) последовательность отдельных записей и даже просто отдельных фраз Достоевского оказалась нарушенной, искаженной». В. Л. Комарович предлагал систематизировать черновики «в приурочении к тому или иному хронологически определенному моменту генезиса романа, к тому или иному первоначальному его плану» (*ЛН*, т. 15, стр. 262),

В настоящем томе помещены все сохранившиеся рукописные материалы, относящиеся к истории создания романа «Преступление и наказание». Они расположены в порядке следования редакций романа, а внутри каждой редакции — в соответствии с хронологией работы писателя и по характеру рукописных источников.

Еще И. И. Гливенко заметил, что тетрадь, пронумерованная А. Г. Достоевской № 2, содержит первые дошедшие до нас записи «Преступления и наказания». В. Комарович подтвердил эту догадку. Материалы из этой записной тетради (август—октябрь 1865 г.) относятся к первой редакции романа. Они открывают нашу публикацию (см. $ЧА_1$ и $ПМ_1$).

Вторая тетрадь — по нумерации А. Г. Достоевской № 1 — заполнялась Достоевским позже (октябрь—декабрь 1865 г.). Почти все содержащиеся в ней материалы относятся ко второй редакции романа (см. $ЧА_2$ и $ПМ_2$).

Третья тетрадь велась в течение всего 1866 г., когда роман уже публиковался в «Русском вестнике» и одновременно дописывался.

Определить хронологию и смысловые связи текста удалось благодаря датам, хотя редким, но всё же имеющимся в тетрадях; по различным авторским значкам, указывающим на продолжение записи; путем сопоставления рукописей с тем, что рассказывал об истории романа сам Достоевский в письмах к разным лицам.

По характеру своему и содержанию тексты рабочих тетрадей можно разделить на две категории. Преимущественно это отдельные заметки, от двух-трех слов до нескольких страниц: планы, конспекты, характеристики персонажей, перечни их, формулировки главных и частных идей, записи диалогов, сцен. Лишь в двух случаях выделяются связные повествовательные куски. В хронологически первой тетради — это почти полный текст первой (краткой) редакции романа («повести»), предложенной в сентябре 1865 г. издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову. Во второй тетради содержится начало второй, более пространной редакции. Оно озаглавлено «Под судом» и ведется в форме исповеди преступника. В том и другом случае — это черновые рукописи; на полях — многочисленные заметки автора для себя, между строк — варианты взамен зачеркнутых, а иногда незачеркнутых слов и фраз. Оба повествовательных фрагмента ($ЧА_1$ и $ЧА_2$) печатаются полностью. Вверху дан последний слой этих автографов, под строкой помещены все предшествующие ему варианты, а также заметки и пометы Достоевского. Позднейшие варианты и наброски, относящиеся к третьей (окончательной) редакции романа, приводятся под строкой с соответствующей аннотацией.

Повествовательные фрагменты ($ЧА_1$ и $ЧА_2$) обозначают главные вехи творческой истории «Преступления и наказания»: сначала повесть — «исповедь», затем роман от лица героя. Они своего рода центры, вокруг которых группируются отдельные заметки, наброски данного периода ($ПМ_1$, $ПМ_2$). Подготовительные материалы к окончательной редакции романа ($ПМ_3$) находятся среди последних записей второй и продолжаются в третьей тетради.

Дошедшие до нас рукописи романа на отдельных листах также относятся к различным редакциям. В отличие от быстрой скорописи тетрадей большинство этих автографов написано разборчивым, каллиграфическим почерком — явный признак, что они предназначались для набора. О том же свидетельствует авторская пагинация. На уцелевших кусочках главы II первой части рукой Достоевского пронумеровано: 19, 20; на тексте, соответствующем главе II второй части: 79—88.

В трех фрагментах ($ЧА_3$), как и в первой и второй тетрадях, повествование ведется от первого лица, лишь позднейшие авторские поправки заменяют первое лицо на третье; таким образом, перед нами — переделанные фрагменты ранней, а именно второй, редакции. При переработке ее сделаны многочисленные вставки, зачеркивания (иногда настолько густо и старательно, что зачеркнутый текст с трудом удалось разобрать). Эти фрагменты помещены среди материалов второй редакции романа. Приведен первый слой автографа с вариантами этой редакции, а в подстрочных примечаниях даны варианты, возникшие при создании третьей редакции романа.

Среди рукописей «Преступления и наказания» на отдельных листах находятся также планы и конспекты ($ЧН_1$, $ЧН_3$), по типу сходные с материалами в записных тетрадях. Они относятся к третьей редакции — главам VI—VII второй части и главам II—III третьей части.

Остальные рукописи ($ЧА_4$, *БА*) — это черновые и беловые автографы третьей редакции романа, соответствующие, полностью или частично, главе VII второй части и главам II—IV третьей части. В итоге рукописи сохранились лишь к четырем листам романа, который в печати составил тридцать листов. Наборная рукопись утрачена, за исключением двух фрагментов из четвертой части (*НР*), вклеенных Н. А. Любимовым (помощником М. Н. Каткова по редактированию «Русского вестника») в принадлежавший ему альбом с автографами разных писателей. Рукописи остальных, названных выше глав уцелели потому, что для набора они были автором переписаны (иногда по нескольку раз).

Один из фрагментов черновой рукописи ($ЧА_4$) помечен: «XIII глава». Текст начинается словами: «Посреди улицы стояла коляска...» Это будущая VII глава второй части (смерть Мармеладова), которая первоначально, в «Русском вестнике», где весь роман был поделен не на шесть, а на три части, представляла собою именно XIII главу первой части («Русский вестник», 1866, № 2, стр. 556—574). Хотя повествование ведется от третьего лица, т. е. соответствует периоду, когда писался роман в окончательной его редакции, в тексте много зачеркнутых слов, на полях — заметок, имеющих характер планов и набросков для дальнейшей переработки. Для набора рукопись перебелялась; от этой приготовленной к набору главы сохранилась часть (посещение Раскольниковым Разумихина и разговор с ним), где рукой автора проставлена нумерация страниц: «236—238», текст снова выправлен и, стало быть, переписывался еще раз (см. варианты *БА*). Над этим эпизодом (Раскольников на вечере у Разумихина, спор о преступлении и наказании) Достоевский работал чрезвычайно много. Сохранился вариант этой сцены (см. $ЧН_2$), сильно отличающийся и от рукописи XIII главы, и от напечатанного текста.

По черновым и беловым автографам ($ЧА_4$ и *БА*), близким к основному тексту романа, а также по наборной рукописи дается исчерпывающий свод вариантов.

Стр. 22.* *...тебя самое на цугундер, как в высоком слоге говорится.* — На цугундер взять, тянуть и т. п.; в переносном смысле — привлечь для расправы, к ответственности. От нем. zu Hundert — к сотне (ударов); по-видимому, из старого военного арго, где употреблялось для обозначения приговора к телесному наказанию (см.: Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стлб. 1228).

Стр. 32. *Марьинская площадь* — часть Исаакиевской между бывшим дворцом вел. княгини Марии Николаевны (ныне — здание Леноблисполкома) и Исаакиевским сквером; посредине нее — памятник Николаю I (см.: *Михневич,* стр. 104).

Стр. 34. *Я пошел потом по Сенатской площади. Тут всегда бывает ветер, особенно около памятника. Грустное и тяжелое место.* — Сенатская площадь тесно связана с воспоминаниями о декабристах. И эта площадь и памятник Петру I работы Э. Фальконе («Медный всадник») не могли не ассоциироваться у Достоевского с темой пушкинского «Медного всадника» — столкновением маленького человека и самодержавной государственности, страданием его в жестоком, казенном Петербурге (о значении образов поэмы «Медный всадник» для замысла романа «Преступление и наказание» см.: В. Брюсов. Пушкин-мастер. В кн.: Пушкин. Сборник I. Ред. Н. К. Пиксанова. ГИЗ, М., 1924, стр. 114).

Стр. 36. *...вершков 12 росту.* — См. выше примеч. к стр. 53.

Стр. 40. *...не видал ни Венеции, ни Золотого Рога...* — Золотой Рог — бухта Босфора. Описание его «несравненной панорамы» есть в книге друга писателя А. П. Милюкова «Афины и Константинополь» (СПб., 1859), пода-

* Здесь и ниже указаны страницы VII тома наст. изд.

ренной им Достоевскому (*ГБЛ*, ф. 93. II.6). О том, что Петербург по красоте не уступает Босфору, писатель в 1870-е годы говорил корректору М. А. Александрову (*ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 256).

Стр. 40. ... *камни всё еще говорят, всё еще «вопиют»*... — Ср.: «Венеция» (отрывок из Байрона). Перевод А. Григорьева. *Вр*, 1861, № 2, стр. 408.

Стр. 45. *...от купца Шерстобитова-с*... — Купцы Шерстобитовы значатся в петербургских адрес-календарях 1860-х годов. Имя Шерстобитова упоминается Достоевским и позднее в черновых записях к роману «Подросток»: «О Шерстобитове (Путилин). Вид суровый, в доме у него канарейки поют, сам на гитаре играет. Каменный дом имеет» (см. наст. изд., т. XIV).

Стр. 45. *Молодец Бакавин, знатно полечивает*... — Возможно, измененная фамилия А. И. Бакашна, сотрудника журнала «Время». Бакашн был близок к кругу демократического студенчества 1860-х годов. Достоевский бывал с ним у К. Сунгурова (см:. «Дело о Капитоне Сунгурове». *ЦГАОР*, ф. 95, оп. 2, д. № 105, л. 102). Упоминается Достоевским и в записной книжке № 1 за 1861—1862 гг. (наст. изд., т. XIX). Ср. о Бакашне как о прототипе Бакавина, а также о возможном отражении в образе Раскольникова некоторых психологических черт К. Сунгурова сообщение Г. Ф. Коган «Журнал „Время" и революционное студенчество 1860-х годов» (*ЛН*, т. 86, стр. 582). Более отдаленно фамилия Бакавин напоминает о докторе П. И. Боково (1835—1914), известном среди шестидесятников как «близкий человек» Чернышевскому и «друг Добролюбова» (см. о нем: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. Гослитиздат, М., 1958, стр. 310). Достоевский, вероятно, знал Бокова. 21 марта 1862 г. его «как врача честного и добросовестного» рекомендовала Достоевскому Е. И. Корсини (в замужестве Висковатова), одна из видных участниц студенческого движения 1860 г. (см. ее письмо к Достоевскому — *ГБЛ*, ф. 93,5, 125). В окончательном тексте Достоевский дает врачу, принадлежащему по своим убеждениям к кругу «семинаристов», другую фамилию — Зосимов.

Стр. 52. *Сатирические стишки тоже пишет, общественные пороки преследует*... — Тирада Разумихина направлена против мелкотравчатой обличительной литературы начала 1860-х годов, которую высмеивал также Добролюбов в «Свистке». «Явились такие поэты и прозаики, — писал о ней Достоевский еще в 1861 г., — которые никогда бы не явились на свет, если б не было обличительной литературы» («Ряд статей о русской литературе» — наст. изд., т. XVIII). Карикатурная фигура писателя-обличителя выведена Достоевским и в рассказе «Скверный анекдот» (1862; см.: наст. изд., т. V, стр. 22).

Стр. 52. ... *корнетов, играющих на пистоне, сатирически обличает.* — В статье «Опять „Молодое перо"» (1863) Достоевский уже вспомнил однажды «корнета, играющего на пистоне», о котором упоминалось как-то раз в «Головешке» (так Достоевский иронически называл сатирический журнал «Искра»); ср. рассказ «Скверный анекдот», а также «Искру» (1862, № 38, стр. 505; 1863, № 14, стр. 222).

Стр. 53. *Дом Тарасова* — известное в Петербурге долговое отделение. Оно помещалось близ Измайловского моста. Кредиторы, которым Достоевский остался должен после прекращения «Эпохи», угрожали ему Тарасовым домом (ср. письмо Достоевского к И. Л. Янышеву от 29 апреля 1866 г. и к А. Н. Майкову от 28/16 августа 1867 г.).

Стр. 53. *...к Чебарову* ∾ *во все часы дня я к нему раз по 5 заходил*... — Ср. стр. 372, а также следующую фразу из позднейшего письма Достоевского: «Я толкался везде, чтоб достать денег для уплаты векселей ⟨...⟩ Был и у Бочарова раз 8 и никогда не заставал его дома» (письмо Достоевского к В. И. Губину, 8 (20) мая 1871 г.).

Стр. 54. *Клопштока ведь он выпустил лет 20 назад.* — Бочаров — Чебаров (см. о нем стр. 372—373) выпустил в молодости сборник стихотворений, где были переводы из Гете и других немецких поэтов (Стихотворения И. Бочарова. СПб., 1841).

Стр. 59. *...птичье гнездо из Зангвебара*... — Зангвебаром называлась в XIX в. часть берегов Восточной Африки против острова Занзибар.

С т р. 60. ...*как натуралист восстановлял по одной косточке* ∾ [*Кювье*]. — Главнейшие теории естествознания XIX в. могли быть известны Достоевскому по статьям М. Владиславлева в «Эпохе» и от Н. Н. Страхова, защитившего диссертацию на тему «О костях запястья млекопитающих» (напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения», 1857, № 9, стр. 274—332). Здесь говорится, в частности, па стр. 283: «...изучение формы костей и постепенного ее изменения есть единственный, вполне надежный руководитель к открытию гомологии». Внимание Достоевского могла привлечь также брошюра «Гете как естествоиспытатель и особенное отношение его к Шиллеру. Речь с пояснениями Рудольфа Вирхова, профессора Берлинского университета» (СПб., 1862). Здесь о Гете читаем: «Строение костей у человека долго возбуждало всё его художническое участие ⟨...⟩ Мысль, руководившая им при исследовании метаморфоза растений, и тут не покидала его: познать целое посредством отчетливейшего изучения отдельных частей и уловить общий закон, тип из отношений и форм частей во время образования целого. Таким образом, он был если не основателем, то во всяком случае лицом, самостоятельно способствовавшим основанию так называемого *генетического* метода, метода, который ⟨...⟩ благодаря Гете сильно распространился и был признан всеми» (стр. 24—25).

С т р. 63. ...*в этой истории. Офицер один, естественнонаучник один, учитель один*... — В материалах суда над «подделывателями лотерейных билетов» (см. выше, стр. 375) среди «главных участников», кроме «лектора всемирной истории» Неофитова, упоминаются лекарь Одаховский, вдова офицера Миклашевская, студенты Московского университета, купцы, офицеры.

С т р. 66. *Теперь при реформе нам таких людей надо*... — А. Ф. Кони рассказывал, что первый министр юстиции пореформенного времени Д. Н. Замятнин старался призвать на новое поприще не чиновников, а деятелей; для него «личность будущего судебного деятеля со всеми своими нравственными и духовными особенностями стояла при этом выборе на первом плане», новый судебный деятель должен был не только знать дело, но и уметь дерзать (А. Ф. К о н и. Отцы и дети судебной реформы. К пятидесятилетию судебных уставов. 1864—1914. М., 1914, стр. 119, 123). Журнал Достоевских принимал участие в обсуждении вопроса о том, каким должен быть судебный следователь. См.: «Назидание молодым судебным следователям». *Вр*, 1861, № 5, Внутренние новости, стр. 9—11.

С т р. 68. *Крестьянин Пушкин, содержатель распивочно и на вынос*... — В записной книжке Достоевского за 1864—1865 гг. дважды записан адрес: «дом № 80 по Невскому проспекту 3-го квартала Литейной части, крестьянин Семен Матвеев Пушкин»; «дом № 80 по Невскому 3-го кварт⟨ала⟩ Литейной части. Семен Матвеев Пушкин. Крестьянин» (*ГБЛ*, ф. 93, I, 2, 8, с. 24 и 29). 5 июня 1865 г. Достоевский получил повестку от квартального надзирателя 3-го квартала Казанской части о назначенной на 6 июня 1865 г. описи имущества Достоевского за неплатеж крестьянину С. М. Пушкину и присяжному поверенному П. Лыжину по векселям 249 и 450 руб. (см.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 149). В окончательном тексте фамилия Пушкин изменена на Душкин.

С т р. 71. *Рахметов*. — См. выше, стр. 372.

С т р. 74. *На углу Садовой и Вознесенского я набрел на одну гостиницу*... — См. стр. 373, примеч. к стр. 103. На углу Большой Садовой и Вознесенского проспекта находилась и «ресторация без всякой вывески» (см.: *СПб Вед*, 1865, 6 июня, № 170).

С т р. 74—76. ...*чтобы прочесть в газете, под рубрикой ежедневных событий*... — В газете «Голос» в разделе «Вседневная жизнь» часто печатались сообщения об убийствах. Так, в июньских номерах «Голоса» 1865 г. сообщалось о процессе над крестьянами, совершившими убийство (см.: «Голос», 1865. 23 июня (5 июля), № 171 и след.). Достоевский мог иметь в виду именно эти статьи, так как выше (стр. 160) имеется запись: «мужик режет и не раскаивается». Ср. также выше, стр. 332.

С т р. 77. *Гас* — Гааз Федор Петрович (1780—1853), старший врач московских тюремных больниц, широко известный по всей России своей беско-

рыстной филантропической деятельностью среди ссыльных, участь которых Гааз старался смягчить, помогая каждому чем мог — деньгами и необходимыми вещами. Про него была сложена поговорка «У Гааза нет отказа». «О нем, — говорилось в журнале братьев Достоевских, — можно сказать ⟨...⟩ что он был в полном смысле человек божий!» (см.: Е. Т у р. Воспоминания и размышления. *Вр*, 1862, № 6, стр. 64—65; А. Ф. К о н и. Доктор Ф. П. Гааз. «Вестник Европы», 1887, № 1; И. Т. Т а р а с о в. Друг несчастного человечества. М., 1909). В романе «Идиот» и набросках к «Житию великого грешника» Достоевский также называет имя доктора Гааза, которое он многократно слышал, вероятно, на каторге. С именем Гааза в черновиках «Преступления и наказания» связывается проблема нравственного идеала, к которому стремится герой, прошедший через многочисленные искушения и преступление.

С т р. 77. *Вдова Капет. Христос, баррикада.* — Veuve Capet — Мария-Антуанетта (1755—1793), вдова французского короля Людовика XVI, казненная во время Великой французской революции (см. выше, стр. 379).

История французской революции 1789—1793 гг. была злободневной в 1860-х годах. О ней постоянно писали журналы того времени. Журнал братьев Достоевских в 1862 г. поместил на своих страницах специальный обзор В. Фукса «Состояние исторической науки и новейшие исторические труды во Франции» (*Вр*, 1862, № 7), где так объяснялась причина современного интереса к событиям во Франции в 1789—1793 гг.: «Стремление к изучению французской революции продолжает неуклонно занимать умы французов с каждым годом. Этот величайший переворот нашего времени есть постоянно поддерживаемый пылающий очаг, на котором сталкиваются идеи, страсти и полемики нынешнего общества; одних он стращает, других утешает, но занимает решительно всех...». И далее об интересе современников к событиям французской революции журнал писал: «...первая (его) причина та, что, несмотря на много трудов, история революции остается все-таки неразрешенной загадкой... Вторая причина заключается в том, что история революции есть в полном смысле история настоящего времени ⟨...⟩ Исторические отношения и идеи стали теперь краеугольным камнем в науке, и только на основании их решаются вопросы, относящиеся к настоящему порядку вещей». В обзоре анализировались сочинения Тьери, Гизо, Мишле, Карлейля, Мартена, Минье, Рене, Капфига, Токвиля, Луи Блана — историков, хорошо известных Достоевскому (см.: *Библиотека,* стр. 146—148). В тетради с записями к «Преступлению и наказанию» имеется запись: «Статья о Тьере» (см. наст. изд., т. XIX).

Проблемы, волнующие Раскольникова (Христос, баррикады, процесс Людовика XVI и Марии-Антуанетты), также остро поставлены В. Гюго в его романе «Отверженные». По свидетельству Н. Страхова, Достоевский в 1862 г., в дни путешествия за границей, покупал этот роман «том за томом», по мере его появления в печати и «тома три или четыре было прочитано за неделю» (*Биография,* стр. 244). Этот роман В. Гюго Достоевский называл «великой вещью». «„Les Misérables“ я очень люблю... — писал он в 1877 г., — они вышли в то время, когда вышло мое „Преступление и наказание“ (т. е. они появились 2 года раньше...)» (письмо Достоевского к С. Е. Лурье, 17 апреля 1877 г.). В романе Гюго в беседе епископа Мириэля с членом Конвента, обсуждающих вопросы истории, подлежащие суду человеческой совести, говорится о правосудии бога и правосудии баррикад, упоминаются допросы Луи Капета, казнь его и его вдовы: «Он видел всё ⟨...⟩ слепое ясновидение революции, которая сокрушила монархию в лице монарха и монарха вместе с монархией, почти не заметив человека во время этого яростного уничтожения Идеи, он видел могучую бурю народного гнева в революционном трибунале, допрос Капета, не знающего, что ответить, ужасающее, бессмысленное покачивание этой царственной головы под мрачным дыханием этой бури, относительную невиновность всех участников катастрофы, — как тех, кто осуждал, так и тех, кто был осужден, — он видел века, представшие перед судом Конвента; он видел, как за спиной Людовика XVI, этого злополучного прохожего, на которого пало всё бремя ответственности, вырисовывался во

мраке главный обвиняемый — Монархия, и его душа исполнилась почтительного страха перед необъятным правосудием народа, почти столь же безличным, как правосудие бога!» (В. Гюго. Отверженные, т. II, кн. 1, гл. III). Эти именно страницы романа Гюго относились к числу наиболее «опасных», из-за которых перевод «Отверженных» не смог появиться в России в 1866 г. По свидетельству министра народного просвещения А. В. Головнина, «внимание его величества было обращено на сцену епископа и члена Конвента» (см.: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. *ЛН*, т. 31—32, стр. 841, 858). Достоевского же эти страницы волновали до конца его дней; он вспоминал о епископе Мириэле из романа В. Гюго при создании образа старца Зосимы (см. примеч. В. Комаровича в кн.: Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. München, 1928, S. 506, 513). Беседой епископа с членом Конвента в «Отверженных» могли быть в той или иной мере навеяны и записи о «Veuve Capet» в черновиках к «Преступлению и наказанию».

Критика не раз отмечала близость Гюго и Достоевского в изображении «униженных и всеми отринутых парией» парижского и петербургского общественного дна, сопоставляла образы Фантины и Сони Мармеладовой, Жавера и Порфирия Петровича (см., например: А. Г. Цейтлин. «Преступление и наказание» и «Les Misérables», социологические параллели. «Литература и марксизм», 1928, № 5, стр. 20—58).

Стр. 77. *...лошадь ∾ фельдъегерь...* — См. примеч. на стр. 368—369.

Стр. 79. *...эта газета известна ∾ человек не литературный.* — Имеется в виду «Голос», ежедневная политическая и литературная газета умеренно-либерального направления, выходившая в Петербурге под редакцией А. А. Краевского с 1863 по 1884 г. Здесь в 1865 г. в «Парижском обозрении» Евгении Тур (Е. В. Салиас де Турнемир) сообщались толки о соборном послании папы Пия IX: «...соборное послание Пия IX уже произвело столкновение между тем, что католические французы называют *цесаризмом* и епископами: министр внутренних дел запретил читать папское послание в церквах, основываясь на законе Наполеона I, по которому ограничена власть и права епископов». Внимание Достоевского могли привлечь в этом обзоре следующие газетные строки: «Папа и с ним все истинные католики ясно видят, что теория такого либерализма и такой демократии, приложенная на практике, последовательно и неуклонно привела к материализму, атеизму, эгоизму и распадению всех общественных основ, к шаткости всяких принципов и всякой веры (веры не в одном только религиозном смысле) ⟨...⟩ к владычеству материальной силы и понижению умственного и нравственного уровня в обществе» («Голос», 1865, 21 января (2 февраля, № 21)). В «Голосе» печатались также «Дипломатические документы из французской „Желтой книги“. Документы по вопросу о папском послании» («Голос», 1865, 10 (22) февраля, № 41).

Журнал братьев Достоевских «Эпоха» еще в 1864 г. писал о борьбе вокруг власти папы как об одном из самых «модных политических вопросов современности». Журнал давал обзор сочинений, появлявшихся во Франции в связи с нею, и старался объяснить, «что такое папизм в настоящее мгновение» (см.: Рим, папа и Антонелли. *Э*, 1864, № 3, стр. 98—119). В записной тетради Достоевского, с черновыми заготовками к роману «Преступление и наказание», находится набросок статьи Достоевского о будущем падении власти папства («Папская власть падет...», стр. 5; там же, на стр. 21—24 находится набросок статьи «Социализм и христианство» — наст. изд., т. XIX). Эти вопросы будут волновать Достоевского и в 1870-х годах, в период издания «Дневника писателя» и создания «Братьев Карамазовых».

О вольтеровском «Кандиде» Достоевский вспоминал в 1861 г. в полемике с Добролюбовым в статье «Г. —бов и вопрос об искусстве» (см.: наст. изд., т. XVIII). Этот роман Вольтера остро интересовал писателя всю жизнь в связи с его основной темой, близкой Достоевскому, — протестом против религиозно-философского оптимизма, оправдывающего человеческие страдания. В последние годы жизни Достоевский собирался написать «Русского Кандида», — замысел, частично осуществленный в «Карамазовых», где о «Кандиде» упоминает Коля Красоткин в разговоре с Алексеем (ч. IV, гл. VI).

О Фонтенеле в связи с его учением о множественности миров упоминает Н. Н. Страхов в статье «Жители планет» (*Вр*, 1861, № 1), вызвавшей в 1860-х годах острую полемику и отразившейся в «Сне смешного человека» (1877) — наст. изд., т. XXII.

Стр. 86. *Для полноты лица его пленяет роль затаенного существа, тайны, Унгерна, Sbogar, Ускока и проч.* — Имя рыцарей Унгерн-Штернберг упоминается в Ливонской хронике (см. Летописи Рюссона, Вартберга, Германа Латышского, Ниештедта) в связи с историей Северной войны. Особенно был известен Унгерн-Штернберг Отто Рейнгольд Людвиг (1744—1811), барон, «хиумский пират». Он родился в Лифляндии, учился на юридическом факультете Лейпцигского университета. В это время, по некоторым свидетельствам, сблизился со Станиславом Понятовским. Последний, став польским королем, удостоил Унгерн-Штернберга звания камергера. В Лейпциге Унгерн-Штернберг стал масоном. Служа в голландской армии, получил чин капитана, бывал в Англии и других странах. С 1772 г. поселился на острове Хиума (или Даго; здесь было его имение), с 1781 по 1796 г. купил и другие земли у гр. Стенбока. В одном из его поместий (Киргесаара) с XVI века находился маяк, предупреждавший корабли об опасности. Унгерн-Штернберг вместе со своими людьми помогал потерпевшим крушение. Вероятно, за это Унгерн-Штернберг забирал с кораблей часть имущества (это, впрочем, было распространенным явлением). Отличавшийся крайне вспыльчивым нравом и долго враждовавший с шведским капитаном, Унгерн-Штернберг в октябре 1802 г. убил своего врага и попал под суд (акты этого процесса хранятся в архиве в Тарту). Суд происходил в Ревеле в 1803 г., затем дело слушалось в Петербурге, в Сенате в 1804—1805 гг. Ему было предъявлено два обвинения: 1) убийство шведского капитана и 2) сокрытие товаров с проходящих кораблей от таможенников. Унгерн был приговорен к лишению дворянства и ссылке на вечное поселение в Сибирь, умер в Тобольске 2 августа 1811 г. Еще при жизни Унгерн-Штернберга имя его обросло легендами. Рассказывали о бегстве его из Сибири в дальние страны, о том, что, находясь на о. Хиума, он нарочно топил корабли, зажигая ложные огни и сознательно наводя корабли на скалы и рифы.

Первые книги об Унгерн-Штернберге вышли в Ревеле в 1804 г., затем в 1807 г. появились апокрифические мемуары о нем (анонимные). Весь тираж их был куплен семейством Унгерн-Штернберга и уничтожен. Единственный экземпляр книги находится в отделе редкой книги Библиотеки АН ЭССР в Таллине. Унгерн стал героем многих авантюрных повестей, исторических романов и даже музыкальных произведений (например, опера Эрнесакса «Берег бурь») (Eesti biograafilne leksikon Tartus, 1926—1929. Т. I, стр. 548—549). Достоевскому Унгерн-Штернберг мог быть известен по книге маркиза де Кюстина «La Russie en 1839», где автор приводит о нем рассказ со слов князя П. Б. Козловского: «Один из просвещеннейших людей своего времени барон Унгерн фон Штернберг, объездивший всю Европу, вернулся при Павле обратно в Россию. Вскоре 〈...〉 он впал в немилость и должен был удалиться в изгнание. Он заперся на принадлежащем ему острове Даго». Поклявшись отомстить императору и «всему роду людскому», Унгерн соорудил башню, где устроил ложный маяк. Убивая терпящих кораблекрушение, он грабил корабли и тем составил себе несметное богатство. «Всё это он делал не столько из корысти, сколько из любви ко злу, из неутомимой страсти к разрушению» (Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. Изд. Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1930, стр. 40—41). Достоевский упоминает Унгерна и в черновиках «Подростка» (см. наст. изд., т. XIV). Достоевский мог слышать об Унгерн-Штернберге также гостя в 1840-х годах в Ревеле у М. М. Достоевского, в то время военного инженера Ревельской полевой команды.

Ускок — герой одноименной повести Ж. Санд, предводитель морских разбойников, пират-флибустьер (см.: Ускок, повесть г-жи Дюдеван. *БдЧт*, 1838, т. 29). Эта повесть Ж. Санд взволновала Достоевского еще в юности. «Мне было, я думаю, лет шестнадцать, когда я прочел в первый раз ея повесть “Ускок“ 〈...〉 Я помню, я был потом в лихорадке всю ночь», — писал он

позднее в «Дневнике писателя за 1876 г.» (июнь, «Несколько слов о Жорж Занд»). Герой повести Ж. Санд, венецианец Орио Соранцо, становится пиратом и ценой преступлений приобретает несметные богатства ради славы и удовлетворения своей страсти.

Жан Сбогар — герой одноименного романа (1818) французского романтика Шарля Нодье (1780—1844) — благородный разбойник, атаман «братьев общего блага», поставивших себя вне всех обычаев и преступивших все законы, «вечный бунтарь». Этот роман наряду с поэмами Байрона сыграл большую роль в истории литературы и общественной мысли XIX в. В 1860-е годы в связи с обсуждением проблемы роли личности в истории к роману Ш. Нодье обращался Л. Блан, сочинение которого анализировалось на страницах журнала «Время». В письме, адресованном Луи Бланом 22 февраля 1866 г. в газету «Temps», он писал, цитируя «Жана Сбогара»: «О, Шарль Нодье был прав, когда писал: „Я понял впоследствии, что события гораздо сильнее, чем характеры, и что если некоторые люди на своем пути сломили народы, то это потому, что они были возбуждаемы силой, не менее непреодолимой, чем та сила, которая разрывает вулканы и низвергает водопады!“» (Л. Б л а н. История Великой французской революции. Перевод М. А. Антоновича. Т. I, СПб., 1871, стр. 12). Некоторые размышления Сбогара близки «идее» Раскольникова (например: «Как тяжко преступнику жить на свете, если он ненавистен душам ⟨...⟩ и у него нет даже предлога, чтобы оправдаться или смягчить жестокость их приговора! Они видят в нем только чудовище, по безжалостной прихоти судьбы поставленное вне природы и лишенное всякого человеческого подобия ⟨...⟩ Вы верите в провидение — и смеете осуждать пути его! ⟨...⟩ Вспомните, кто были основатели каждого нового общества, и вы увидите, что всё это — разбойники, подобные тем, кого вы осуждаете!).

Кто были, спрашиваю я, все эти Тезеи, Перифои, эти Ромулы, которыми отмечен переход от века варваров к веку героев, возглавленному ими? ⟨...⟩

Кто был Геркулес, чье имя до сих пор почитается всеми слабыми людьми ⟨...⟩ Жрецы освятили память о его подвигах и причислили его к сонму богов, хоть он и был незаконнорожденным, вором, убийцей и отцеубийцей» (Шарль Н о д ь е. Избранные произведения. Гослитиздат, М.—Л., 1960, стр. 214, 216; ср.: *Фридлендер*, стр. 145).

С т р. 89. *«Что, бегают, что, ищут преступника?* ∾ *Андрей Александрович.* (ср. далее: *...али я Краевского убил...* — стр. 92) — Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — журналист, издатель-редактор «Отечественных записок», где печатались произведения Достоевского до каторги, неразборчивый литературный делец и эксплуататор. Письма Достоевского к Краевскому от начала 1849 г. свидетельствуют об унижениях, которые не раз испытывал Достоевский при обращении к Краевскому с просьбами о гонораре. В конце 1840-х годов Н. Степановым была создана карикатура на Краевского и молчаливо склонившегося перед ним Достоевского (предназначалась для литературного сборника журнала «Современник» на 1848 г. — см.: Фельетоны сороковых годов. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 111). В 1860-е годы Краевский, как издатель, предприниматель и эксплуататор, постоянно презрительно высмеивался Достоевским на страницах журналов «Время» и «Эпоха». О взаимоотношениях Достоевского и Краевского см. статью: В. В. В и н о г р а д о в. Об авторе сатиры на А. А. Краевского и его газету «Голос». *РЛ*, 1969, № 3, стр. 79—88; ср.: *Достоевский и его время*, стр. 17—32.

С т р. 91. *Все пакости. (Воспоминания о лошади, о Демяненском и проч.).* — Демяненское — по-видимому, название той почтовой станции в Тверской губернии, где Достоевский был потрясен «отвратительной картиной» избиения фельдъегерем ямщика, описанной им в «Дневнике писателя» (см.: «Дневник писателя за 1876 год», гл. III, разд. I; ср. примеч. к стр. 60 текста романа).

В Адрес-календарях Тверской губернии станция Демяненское не упоминается. Уездный город Демянск входил в состав соседней Новгородской губернии. В указателях почтовых станций и населенных пунктов встречается название Демьянской ям — в Тобольском уезде, на правом берегу Иртыша, при устье реки Демьянки, «от которой и название сие получил, в 1735 верстах от Тобольска (по зимней дороге), в 260 — по реке» (см.: Словарь геогра-

фический Российского государства..., ч. II. М., 1804, стр. 182). Если здесь подразумевается Демьянской ям, следует предположить, что с ним связаны какие-то неприятные воспоминания Достоевского периода его сибирской ссылки (во время переезда из Тобольской пересыльной тюрьмы в Омский крепостной острог).

Стр. 91. *«О, зачем не все в счастьи?» Картина золотого века.* — Идеал будущего «золотого века» — юношеский идеал самого Достоевского, воспринятый им в 1840-е годы из учения Сен-Симона и других французских социалистов-утопистов. Мечтой о возвращении «золотого века», «самой невероятной из всех, какие были, но ⟨...⟩ без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть» (слова Версилова в романе «Подросток»), наделены вслед за Раскольниковым также и другие позднейшие герои романов Достоевского (см.: В. Л. Комарович. «Мировая гармония» Достоевского. *Атеней*, стр. 112—142; Н. А. Хмелевская. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 8, стр. 137—140; *Фридлендер*, стр. 33—43; Н. И. Пруцков. Утопия или антиутопия? В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 88—107; Н. И. Пруцков. Социально-этическая утопия Достоевского. В кн.: Идеи социализма в русской литературе. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 334—373).

Стр. 91. *Воспоминания мерещатся: Отчего, когда мать читала Евангелье: Талифа куми...* — Строки имеют автобиографический характер. Первою наставницею Достоевского была его мать М. Ф. Достоевская. Талифа куми — восклицание Христа из евангельского рассказа о воскрешении дочери Иаира («И, взяв девицу за руку, говорит ей: „Талифа куми!“, что значит: „Девица! тебе говорю, встань“. Тотчас девица встала и пошла...» — Евангелие от Марка, гл. V, ст. 41—42). Достоевский вновь обращается к тому же евангельскому эпизоду в романе «Братья Карамазовы» (гл. «Великий инквизитор») и упоминает его в романе «Идиот» (ч. III, гл. VI).

Стр. 92. *Примечание к «Исповеди».* — К исповеди Раскольникова. Высказывалось предположение, что «Исповедь» — первоначальное название романа «Преступление и наказание» и что, говоря еще в 1859 г. в своих письмах о задуманном романе «Исповедь», Достоевский имел в виду этот будущий свой роман (см.: *Гроссман, Биография*, гл. XII, «Роман-исповедь»). Однако гипотеза эта не находит документального подтверждения, и ее нельзя признать обоснованной (см. примеч. в т. V наст. изд., стр. 374).

Стр. 92. *...грязную и пьяную с рыбой.* — Ср. «Записки из подполья» (наст. изд., т. V, стр. 160).

Стр. 93. *Аристов и его история.* — Об омском каторжнике Павле Аристове как прообразе Свидригайлова см.: В. Л. Комарович. Литературное наследство Достоевского за годы революции. *ЛН*, т. 15, стр. 264; ср.: *Евнин*, стр. 145. См. также выше стр. 315.

Стр. 93. *Шатов.* — Имя это в черновиках Достоевского связано с той «шатостью понятий», о которой, как характерной черте времени, Достоевский говорил в письме М. Н. Каткову в сентябре 1865 г., рассказывая ему о замысле романа (см. стр. 310). Н. Н. Страхов писал позднее, что именно в «Преступлении и наказании» начинается анализ того «нравственного и умственного шатания», в котором Достоевский видел корень нигилизма (ср.: *Биография*, стр. 237). Мысль о колебаниях и «шатости» убеждений молодого поколения повторяется Достоевским в черновиках романа «Бесы», где имя Шатова дано одному из наиболее значительных лиц романа, глашатаю близких автору идей (см. наст. изд., тт. X—XI). Вновь имя Шатова появляется в черновых записях к роману «Подросток» (см.: М. С. Альтман. Имена и прототипы литературных героев Достоевского «Уч. зап. Тульского пед. инст.», 1958, вып. 8, стр. 139—141).

Стр. 94. *...рассказывает и о Лыжине.* — Имя Павла Петровича Лыжина встречается в петербургских адрес-календарях 1860-х годов в списках присяжных поверенных. Сохранилась повестка квартального надзирателя 3-го квартала Казанской части о назначенной на 6 июня 1865 г. описи имущества Достоевского за неплатежи крестьянину С. М. Пушкину и присяжному стряпчему П. Лыжину по векселям 249 и 450 руб. (см.: *Гроссман, Жизнь и*

труды, стр. 149). О Лыжине как прототипе Петра Петровича Лужина см.: *Гроссман, Город и люди*, стр. 7, 36—37. Фамилия Лыжина встречалась Достоевскому и в литературных кругах. Среди тех, кто посещал дом Милюкова и оставил свои записи в альбоме его дочери, есть запись Н. М. Лыжина, окончившего в 1852 г. курс философского факультета по разряду общей словесности (см.: Б. Л. Модзалевский. Альбом О. А. Милюковой. Известия ОРЯС Академии наук, 1912, т. 17, кн. 4, стр. 81).

Стр. 101. *...сострадание даже наукой запрещено.* — Достоевский излагает здесь в пародийном виде высказывания революционных демократов и утопических социалистов, направленные против буржуазной филантропии и обличающие ее лицемерие. Так, у Р. Оуэна мы читаем: «...ближайшей мерой к улучшению нравственного и физического благосостояния британского населения должен быть просмотр законов о бедных. Как бы чисты и бескорыстны ни были побуждения лиц, составляющих эти законы, но они прямо и несомненно служат ко вреду бедного, а следовательно, и ко вреду всего государства. По виду они приносят вспомоществование, тогда как в действительности развивают в бедных самые порочные склонности, побуждают их к совершению всех родов преступлений и, таким образом, увеличивают число бедных и их несчастия». Система устранения этих законов может быть названа, по мнению Оуэна, «системою предотвращения преступлений и образования человеческого характера» (Р. Оуэн. Образование человеческого характера. СПб., 1865, стр. 133—135).

Стр. 109. *...нанимая квартиру у портного Ухватова...* — Первоначальная фамилия хозяина квартиры, где живет Соня Мармеладова, возможно, символична так же, как и фамилия его в окончательном тексте — Капернаумов (см. стр. 365). В повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859; наст. изд., т. III, стр.514) и в статье «Г. —бов и вопрос об искусстве» (1861) Достоевский иронизировал над статьей известного исследователя и собирателя русского фольклора А. Н. Афанасьева, где автор писал: «Изба была первым языческим храмом... Первые жертвоприношения, первая мольба и первые религиозные очищения совершались в избе, перед очагом ⟨...⟩ Атрибуты кухни и очага — кочерга, помело, голик, ухват, лопата, сковорода и проч. имели значение орудий жертвенных и удержали это значение даже до позднейшей эпохи языческого развития» (А. Афанасьев. Религиозно-языческое значение избы славянина. ОЗ, 1851, № 6, стр. 57).

Припоминая о символическом значении ухвата в древней народной мифологии по толкованию Афанасьева, Достоевский мог назвать Ухватовым хозяина дома, где совершалось «жертвоприношение» Сони и происходит нравственно-религиозное возрождение Раскольникова. Такой прием связывания символа с именем хозяина дома или квартиры, в которых живут герои, был применен Достоевским в повести «Хозяйка» (1846; наст. изд., т. I, стр. 264).

Стр. 112. *...в Стремянном переулке...* — Стремянная улица (а не переулок) в Петербурге соединяла Владимирский проспект с Грязной улицей (ныне ул. Марата) (см.: Алфавитный указатель проспектов, улиц, линий и переулков, находящихся ныне в С.-Петербурге. В кн.: Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестности его. Ивана Пушкарева. СПб., 1843, стр. 14).

Стр. 134. *Я не могу принять байроновские мучения».* — Герои Байрона с их богоборчеством, непреклонной гордостью, тоской и нравственными терзаниями, требующие отчета за жертвы мирового исторического процесса, искупления всех страданий, были близки не только Раскольникову, но и другим, позднейшим центральным героям Достоевского, который не раз вспоминал имя английского поэта в своих романах. «Байронизм, — писал он в 1877 г., — хотя и был моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества» («Дневник писателя за 1877 г.», декабрь, гл. II).

Стр. 138. *Мое первое личное оскорбление, лошадь, фельдъегерь.* См. выше стр. 368—369.

Стр. 139. *Видение. Христос.* — Тема, к которой Достоевский не раз будет обращаться в своих романах (см. «Подросток», ч. II, гл. 7, раздел III). Видение Христа заменено в окончательном тексте романа чтением Евангелия.

Стр. 141. *У ней завещание: всё в монастырь в Новгородской губернии на поминание ее души.* — Эти строки, вероятно, подсказаны обстоятельствами личной биографии писателя. В 1865 г. сестра его матери А. Ф. Куманина составила завещание, по которому большую долю своего громадного имущества она завещала монастырю на поминовение своей души (см.: *Достоевский, А. М.*, стр. 338; Н. Ильин. Достоевский в споре за Куманинское наследство. «Звенья», т. IX, Гос. лит. музей, М., 1951, стр. 550—551).

Стр. 143. *Homboor.* — По-видимому, имеется в виду Homburg (Гомбург) — курорт в Германии, где Достоевский в 1863 г. играл в рулетку. Ср. примеч. к стр. 164.

Стр. 143. *Разбирает все пункты Veuve Capet.* — Речь идет, по-видимому, о пунктах обвинительного заключения против Марии-Антуанетты, которая обвинялась в расточении государственной казны, в сношениях с австрийским двором, в переписке с иностранными правительствами, в потворстве внутренним мятежам и интригам и, наконец, в безнравственности (см.: А. Тьер. История французской революции 1788—1799 гг., гл. XXIV. СПб., 1874, стр. 558—560; Л. Блан. История французской революции 1789 г. СПб., 1909, стр. 147, 148, 322, 326; Г. Вебер. Курс всеобщей истории. Т. IV. Эпоха революции. Изд. 7. М., 1861, стр. 87).

Стр. 150. *...Севрюгина дом.* — В «Петербургском некрополе» встречается несколько лиц с этой фамилией, среди них купец-старообрядец Я. М. Севрюгин, умерший в 1831 г. (см.: В. Саитов. Петербургский некрополь, т. IV. СПб., 1913, стр. 45). «Купцы-раскольники, — писал о таких домах тогдашний историк, — 〈...〉 особенно строят свои дома 〈...〉 Сохраняя во всей наружности домов общий и старинный архитектурный тип русских построек, пристанодержатели бегунов обыкновенно устраивают в подизбицах, в подпольях, в подклетях или подгорницах, под сенями, иногда на чердаке особые кельи и клети, в которых и проживают беглые раскольники, странствующие бегуны» (А. Щапов. Земство и раскол. Бегуны. *Вр*, 1862, № 11, стр. 275).

Стр. 150. *...бог, кого очень любит и на кого много надеется, посылает тому много несчастий...* — Намек на библейскую легенду об Иове, которую с детства горячо любил Достоевский. Иов со смирением и кротостью перенес испытания, ниспосланные ему богом (потерю детей, разорение, нищету и проказу), но остался непоколебимым в своей вере, и бог исцелил и наградил его. В библиотеке Достоевского была «Книга Иова», в русском переводе с кратким объяснением (см.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 44). «Читаю Книгу Иова, — писал Достоевский жене 10 (22) июня 1875 г., — и она приводит меня в болезненный восторг; бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача 〈...〉 Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!»

Стр. 152. *...про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч.* — О Неофитове см. выше стр. 375; Гаврилов — служащий в типографии Э. Праца. С Гавриловым «делывал уже неоднократно, удачно и счастливо большие и тысячные дела», «Гаврилов занимается изданиями», — читаем мы в письмах Достоевского 1860-х годов. Упоминается Гаврилов в это время и в записных книжках Достоевского. После закрытия «Эпохи», летом 1865 г., Гаврилов предъявил к уплате вексель в 1000 рублей, выданный ему писателем в 1864 г. Этот вексель был приобретен Стелловским. В доме Коха в Москве на Моховой помещалась контора московского нотариуса Н. Я. Павлова, где оформлялись документы по наследству А. А. и А. Ф. Куманиных.

Стр. 153. *Я сам делать хочу. (Голландец Петр).* — См. ниже примеч. к стр. 189—190.

Стр. 155. *...pro et contra...* — Так Достоевский назвал впоследствии пятую книгу второй части «Братьев Карамазовых». О значении термина «pro et contra» («за и против»), восходящего к теории и практике античной (а затем схоластической) риторики и логики, см.: Л. М. Лотман. Достоевский и Н. Г. Помяловский. В кн.: *Достоевский и его время,* стр. 126—129; ср. также выше примеч. к стр. 218.

Стр. 155. *...сыскать и выпустить в роман русского купца (Бабушкина) Алонкина...* — Купцы Бабушкины упоминаются в петербургских адрес-

календарях (ср. также: В. Саитов. Петербургский некрополь, т. I. СПб., 1913, стр. 117). Алонкин (или Олонкин) Иван Михайлович — хозяин дома на углу Малой Мещанской и Столярного переулка в Петербурге, где писатель жил с августа 1864 г. по январь 1867 г. «...хозяин дома, богатый купец Алонкин, — вспоминала А. Г. Достоевская, — очень почитал Федора Михайловича как „великого трудолюбца“, как он про него выражался, и никогда не беспокоил напоминаниями о квартирной плате, зная, что, когда будут деньги, Федор Михайлович сам их принесет. И Федор Михайлович любил беседовать с почтенным стариком» (*Достоевская, А. Г. Воспоминания*, стр. 106).

Стр. 156. *Бамбошёр* (франц. bambocheur) — гуляка, кутила, пропойца.

Стр. 159. *В его скупости нечто из пушкинского Скупого барона.* — Пушкинский Скупой рыцарь, «лицо колоссальное», по мнению Достоевского, упоминается им в 1861 г. в статье «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (см. наст. изд., т. XVIII). Высокая оценка этого пушкинского образа получила отражение также в письмах писателя и в романе «Подросток» (гл. 5, III). Ср. наст. изд., т. I, стр. 511.

Стр. 164. *Говорит об игре; об рулетках.* — В начале 1860-х годов за границей и в период работы над романом Достоевский увлекался рулеткой. В 1863 г. им был задуман роман «Игрок» (см. наст. изд., т. V) — «как *наглядное* и подробнейшее изображение рулеточной игры» (письмо Достоевского к Н. Н. Страхову 18 сентября 1863 г.). В 1866 г. Достоевский обдумывал план этого романа, писавшегося параллельно с окончанием «Преступления и наказания».

Стр. 165. *Суждение его о явлении призраков.* — В 1860-е годы в России наряду с интересом к вопросам криминалистики заметно оживился интерес и к проблемам психиатрии. В очерках теорий уголовного права, на страницах созданного в 1865 г. журнала «Архив судебной медицины», при анализе различных степеней вменяемости, извиняющей или оправдывающей преступника, рассматривались и вопросы о связи явлений жизни физической с явлениями жизни психической, анализируются случаи галлюцинаций (см.: Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. I, вып. 1. СПб., 1863, стр. 116—128), мономании (см.: Уголовное право Англии в кратком очертании. Соч. Д. Стиффена. СПб., 1866, стр. 119). Ср. выше стр. 385.

Стр. 166. *«Я хотел обеспечить себя и мать. Немецким путем было некогда.* — О «немецком способе» накопления богатства, кроме пушкинской «Пиковой дамы», см. роман «Игрок», гл. IV: «Лет эдак чрез пятьдесят или чрез семьдесят внук первого фатера ⟨...⟩ уже осуществляет свой капитал и передает своему сыну, тот своему, и поколений чрез пять или шесть выходит сам барон Ротшильд или Гоппе и Комп., или там черт знает кто... Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрез пять поколений» (наст. изд., т. V, стр. 226).

Стр. 166. *Глава «Христос» (как «Сон Обломова») кончается пожаром.* — По свидетельству доктора С. Д. Яновского, Достоевский с увлечением читал и цитировал еще в 1849 г. только что вышедший «Сон Обломова» Гончарова (см.: С. Д. Яновский. Воспоминания о Достоевском. *РВ*, 1885, № 4, стр. 805), талант которого он ценил высоко и позднее (см. его письмо к А. Н. Майкову от 12 февраля 1870 г.). Сходная с настоящей запись имеется в одном из набросков 1870 г.: «поэтическое представление вроде Сна Обломова о Христе» (наст. изд., т. XII). Задумывая еще раньше в «Преступлении и наказании» создание главы о видении Христа, Достоевский, по-видимому, вспоминал тот же образец.

Стр. 166. *...я еще не готов, я полон гордости и фальши; я только что начинаю весь процесс переделки»...* — Ср. позднейшие слова Достоевского: «По-моему, одно: осмыслить и прочувствовать можно даже и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. Вот эту-то неустанную дисциплину над собой и отвергают иные наши современные мыслители... Мало того. Мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг соделаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если бы этот идеал и возможен был, то с *недоделанными* людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные» («Дневник писателя», 1877, май — июнь, гл. I).

С т р. 172. *Не спрашивайте об здоровье. Ничего нет неприятнее, как вопросы об виде и об здоровье.* — «Черта Федора Михайловича: он чрезвычайно не любил вопросов о здоровье не только от чужих, но даже и от близких» (примеч. А. Г. Достоевской в кн.: *Гроссман, Семинарий,* стр. 57).

С т р. 177. *Ne touchez pas à la hache* — перефразировка названия популярной оперы «Ne touchez pas à la reine» — «Не прикасайтесь к королеве» (либретто Э. Скриба и Г. Ваэза, музыка Б. Бусло, 1847).

С т р. 183—184. *...натура не выдерживает ∾ сам побледнеет али денег не досчитается.* — Имеется в виду случай из материалов процесса о фальшивомонетчиках, известный Достоевскому из газет: студент, получавший в банке деньги по фальшивым билетам, смутился, не стал считать денег и ушел. Такая небрежность и смущение его заставили конторщика усомниться в личности студента. Ср. выше стр. 79.

С т р. 187. *...говорит о двух разрядах людей: об предназначенных и об материале и воспламеняет и ее этим учением.* — В русской газете в связи с обсуждением книги Наполеона III о Юлии Цезаре (см. стр. 338) приводились слова о ней иностранного критика: «На свете есть, к несчастью человечества, великий преступник, на памяти которого сосредоточились порицания всех мудрецов в продолжение 20 веков, и вот его-то теперь пытаются оправдать и восхвалить!.. Люди попирают ногами человечество, отнимают у него священнейшие права его, и за этими-то людьми хотят, чтоб мы признали, что они *предназначены провидением* исполнить миссию, что они *существа высшие, являющиеся время от времени в истории, как яркие маяки, рассеивающие мрак эпохи и освещающие будущее»* (см.: Е. Т у р. Нескончаемые толки об «Истории Цезаря», ограничивающиеся пока предисловием. «Голос», 6 (13) марта 1865 г., № 65).

С т р. 189—190. *Голландец. ∾ он ей рассказывает про голландский метод...* — Под «голландцем» здесь, как и выше (см. стр. 153), подразумевается Петр I, а под «голландским методом» — насаждение им «сверху» цивилизации и идеи полезного труда, ведущего к обогащению (о «немецком способе обогащения» ср. выше, стр. 411). «Нужно было быть слишком оригинальным, чтоб, быв московским царем, вздумать — не только полюбить, но даже поехать в Голландию ⟨...⟩ — писал о Петре I Достоевский в 1861 г. — Во всяком случае в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы» («Ряд статей о русской литературе» — наст. изд., т. XVIII).

С т р. 231. *Мечтать ∾ что обладаешь Бразильской империей...* — Очерками о богатствах и красоте Бразилии писатель зачитывался еще в юности (см.: *Достоевский, А. М.,* стр. 49, 57). В 1865 г. император Бразилии Педро II, действуя в союзе с Аргентиной и Уругваем, начал оборонительную войну против парагвайского диктатора Франсиско Солено Лопеса, захватившего бразильское судно и вторгшегося в провинцию Матто Грассо (война эта закончилась лишь после смерти Лопеса, в 1870 г.). В связи с этим события в Бразилии в 1865 г. регулярно освещались русской и западноевропейской печатью. Широко освещались в 1864—1865 гг. в печати также события в Мексике, где в 1864 г. была провозглашена империя, а императором, по настоянию Наполеона III, — австрийский эрцгерцог Максимилиан. Возможно, что интерес Достоевского к Латинской Америке в 1860-х годах стимулирован в первую очередь мексиканскими событиями.

С т р. 246. ... *грустно и тяжело помогать единично...* — Отклик на журнальную полемику 1860-х годов о нищенстве и разных видах благотворительности. Ср. в журнале «Время»: «...страшное унижение как подать, так и взять несколько копеек ⟨...⟩ если я не дам ничего ⟨...⟩ то не только не увеличу его унижение, но и для меня самого ведь будет гораздо больнее и тяжелее, если бы я дал ему хоть несколько копеек...» (*Вр,* 1862, № 12, стр. 101).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ[1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области (Ленинград).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Анциферов — Н. П. Анциферов. Петербург Достоевского. Пгр., 1923.
Атеней — Атеней. Труды Пушкинского дома, кн. 1—2. Пгр., 1924.
Бахтин — М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. Изд. «Художественная литература», М., 1972.
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Бем, Личные имена — А. Бем. Личные имена у Достоевского. В кн.: Сборник в честь на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863—1933). София, 1933.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С прилож. каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Волоцкой — М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского. 1506—1933. Изд. «Север», М., 1933.
Вр — «Время» (журнал).
Врангель — А. Е. Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
Гливенко — Из архива Достоевского. «Преступление и наказание». Неизданные материалы. Предисл. И. Гливенко. ГИХЛ, М.—Л., 1931.

[1] В список не включены сокращения (сиглы), указанные в разделе «Источники текста».

Гроссман, Биография — Л. П. Гроссман. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. Изд. «Молодая гвардия», М., 1965.
Гроссман, Город и люди — Л. П. Гроссман. Город и люди «Преступления и наказания». В кн.: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Гослитиздат, М., 1935, стр. 5—52.
Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пгр., 1922.
Гус — М. Гус. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Данилов — В. В. Данилов. К вопросу о композиционных приемах в «Преступлении и наказании» Достоевского. «Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1933, № 3, стр. 249—263.
Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.
Достоевская, А. Г. Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М., 1971.
Достоевский, А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. «Изд. писателей в Ленинграде», 1930.
Достоевский, Библиография — Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. Изд. «Книга», М., 1968 (Гос. лит. музей — Музей-квартира Ф. М. Достоевского).
Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. 1—2. Изд. «Художественная литература», М., 1964.
Достоевский и его время — Достоевский и его время. Изд. «Наука», Л., 1971 (Институт русской литературы АН СССР).
Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.
Евнин — Ф. И. Евнин. Роман «Преступление и наказание». В кн.: *Творчество Достоевского.*
И — «Искра» (журнал).
ИВ — «Исторический вестник» (журнал).
Кирпотин, Разочарование Раскольникова — В. Я. Кирпотин. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. Изд. «Советский писатель», М., 1970.
ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—86. Изд. АН СССР — «Наука», М., 1931—1973. Издание продолжается.
ЛП — Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Изд. «Наука», М., 1970 («Литературные памятники»).
МВед — «Московские ведомости» (газета).
Милюков — А. П. Милюков. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890.
Михневич — Вл. Михневич. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.
НВр — «Новое время» (газета).
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863. Изд. «Наука», М., 1972.
О Достоевском — О Достоевском. Сб. статей, вып. I—III. Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929, 1933, 1936.
ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).
Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР — Институт русской литературы).
Писарев — Д. И. Писарев. Сочинения, тт. 1—4. Гослитиздат, М., 1955—1956.
ПЛ — «Петербургский листок» (газета).

РА — «Русский архив» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РИ — «Русский инвалид» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РСл — «Русское слово» (журнал).
С — «Современник» (журнал).
Сб. Достоевский, I — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник I. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Пб., 1922.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.
СО — «Сын Отечества» (газета).
СПбВед — «Санктпетербургские ведомости» (газета).
Творчество Достоевского — Творчество Ф. М. Достоевского. Изд. АН СССР, М., 1959.
Тургенев, Письма—И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах. Изд. АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.
Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.
Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Гослитиздат, М., 1939—1953.
Шкловский — В. Шкловский. За и против. Заметки о Достоевском. Изд. «Советский писатель», М., 1957.
Э — «Эпоха» (журнал).
Этов — В. И. Этов. Достоевский. Изд. «Просвещение», М., 1968.
Pascal — Dostoïevski. Crime et Châtiment. Traduction par P. Pascal. Paris, 1961 (Classiques Garnier).
PMLA — Publication of the Modern Language Association of America.
1918 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XXIII. Изд. «Просвещение», Пб., 1911—1918.
1929 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, тт. I—XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Госиздат, М.—Л., 1926—1930.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том VII

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*

Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*

Технический редактор *М. Н. Кондратьева*. Корректор *Э. В. Косаленко*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 22/XI 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 26=26 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 33,79. Изд. № 4557. Тип. зак. № 628. Тираж 200 000. *Цена 2 р. 30 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, Гатчинская ул., 26